К. Военский

Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году

**Государственная публичная историческая
библиотека России**

*К 200-летию Отечественной
войны 1812 года*

К. ВОЕНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И СТАТЬИ,

относящиеся к 1812 году

Москва
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
В 63

Печатается по изданию: Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году/К. Военский.—СПб.: Сел. вестн., 1912.—364 с.: ил.

Военский К.

В 63 Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году/К. Военский; послесл., примеч., указ. В. М. Безотосного; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2011.— 576 с.: ил.— (К 200-летию Отечественной войны 1812 года).

ISBN 978-5-85209-236-6

Сборник, составленный петербургским историком К. А. Военским (1860—1928) и посвященный событиям Отечественной войны 1812 г., был издан к 100-летнему юбилею этой памятной даты в 1912 г.

В сборнике собраны статьи, напечатанные в разное время в журналах и газетах в конце XIX — начале XX в.: оригинальные статьи и работы автора, статьи, переведенные им с французского и польского языков и снабженные вступительными очерками, примечаниями и предисловиями, материалы, извлеченные из архивов. Издание снабжено большим количеством иллюстраций, часть которых заменена новыми в связи с плохой сохранностью оригинала.

Настоящее переиздание подготовлено Исторической библиотекой к предстоящему юбилею Отечественной войны в 2012 г., дополнено современным послесловием, примечаниями и аннотированным указателем имен.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-85209-236-6

От автора

В настоящем сборнике, посвященном событиям Отечественной войны и отдельным эпизодам, стоящим в непосредственной связи с ними, нами собраны статьи, напечатанные в разное время в газетах, журналах и других изданиях за последние 15—20 лет.

Выпуская в свет настоящую книгу, автор руководился желанием облегчить труд всех интересующихся славной годиной Отечественной войны, собрав воедино разбросанные по разным повременным изданиям статьи, большинство которых разошлись и только случайно могут быть разысканы.

Сборник заключает в себе не только оригинальные статьи и работы автора, но и статьи, переведенные им с французского и польского языков и снабженные небольшими вступительными очерками, примечаниями и предисловиями, а также материалы, извлеченные из архивов.

В дни переживаемых нами воспоминаний о войне 1812 года особенно желательно дать читателю, интересующемуся всем, что так или иначе относится к эпохе Отечественной войны, настоящую книгу как отголосок всего передуманного и пережитого над живыми когда-то страницами этой величайшей эпохи в летописях нашего народного самосознания.

К. В.

Последний из ветеранов Великой армии

(Из личных воспоминаний и бесед с офицером армии Наполеона I, участником войны 1812 года)[1]

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое...

Гейне

Сам Гуфеланд, знаменитый автор «Макробиотики», был бы немало удивлен, если бы ему сказали, что в наш хилый, физически расслабленный век, в суровом и переменчивом климате нашего Поволжья, нашел себе приют и в совершенной памяти доживал свои дни человек, родившийся под небом Франции *в царствование Людовика XV* и умерший в поразительном для нас, современников, возрасте *ста двадцати семи лет*.

А между тем такой удивительный человек существовал, и пишущему эти строки довелось в течение двух лет про-

MÉDAILLE DE SAINTE-HÉLÈNE,
INSTITUÉE PAR S. M. NAPOLÉON III

NAPOLÉON Ier
A ses Compagnons de gloire. Sa dernière pensée!
Sainte-Hélène 5 Mai 1821

Le Grand Chancelier de l'Ordre National de la Légion d'Honneur, certifie que M. Savin (Jean Baptiste dit Nicolas) Ancien Lieutenant au 2me Hussards ayant servi durant la période de 1792 à 1815, a reçu la Médaille de St. Hélène

Inscrit à la Grande Chancellerie N.

Грамота на медаль Св. Елены

жить с ним в одном городе, подолгу с ним беседовать и записать с его слов его удивительную одиссею.

Прибыв в Саратов в начале 1893 г.[2] и беседуя с одним из местных старожилов, я совершенно случайно узнал, что здесь, *с 1812 г.*, проживает престарелый француз, прибывший в Россию с Великой армией Наполеона, участвовавший во многих сражениях времен Первой империи и получивший орден Почетного легиона из рук самого императора французов. Столь феноменальная личность не могла не возбудить моего любопытства, и я решил во что бы то ни стало посмотреть на этого необыкновенного старца, живого свидетеля наполеоновской эпохи. Я говорю «посмотреть», так как о разговоре с человеком столь преклонных лет я даже не помышлял и был почти уверен, что увижу столетнего дряхлого старика, впавшего в детство, утерявшего память и, быть может, умственные способности, от которого едва ли придется чего-нибудь добиться. Последствия, однако, доказали мне совершенно противное.

В тот же день я отправился по указанному адресу. Старик жил в первой части города, на Грошовой улице, в небольшом деревянном домике, на воротах которого я прочел следующую надпись с переделанным на русский лад именем владельца: «*Дом поручика Николая Андреевича Савина*».[3] Крошечный флигелек, в три окна на улицу, один из тех домиков, которыми до сих пор изобилуют наши города средней руки, скромно ютился среди более крупных деревянных и каменных построек, постепенно вытесняющих своих мелких соседей. Я отпер калитку и очутился во дворе, где глазам моим представилась следующая картина: среди миниатюрного цветника, окруженного низеньким палисадником, сидел на скамейке небольшого роста старичок, сильно согбенный, в картузе и старинного покроя длиннополом сюртуке, с красной ленточкой в петлице; он только что окончил поливку цветов и, погруженный в любимое занятие, по-видимому, не заметил моего прихода. Я остановился и молча стал рассматривать старца, на морщинистом лице которого весело играли яркие лучи полуденного солнца.

По красной ленточке я догадался, что нашел того, кого искал: передо мной был ветеран Великой армии, живой свидетель полулегендарной наполеоновской эпопеи с ее кровавым, но все же блестящим ореолом славы и военного гения. Вглядываясь в морщинистое лицо старца, в эти как бы застывшие под

влиянием времени черты, я невольно провел параллель между прошедшим и настоящим: я перенесся мыслями в ту достопамятную эпоху «войны и мира», когда, 82 года тому назад, этот удрученный годами ветеран — в то время бравый офицер — вступал в числе «дванадесяти язык», как враг, в пределы той самой России, которая теперь стала вторым его отечеством и которую он любит не менее Франции.

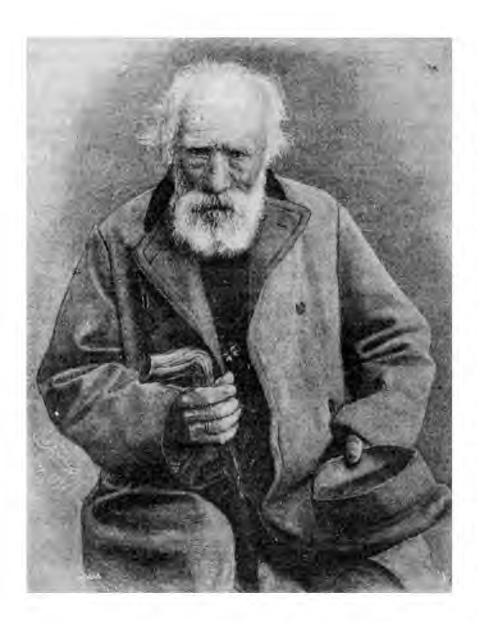
Я подошел к старику и назвал его по имени, извиняясь за непрошеное посещение, вызванное глубоким удивлением и желанием увидеть и побеседовать с представителем знаменитой эпохи, служившим под начальством величайшего из полководцев.

Старик ласково протянул мне руку и сказал:

— Вы заговорили со мной о человеке, которому я посвятил лучшие годы моей жизни и память которого для меня священна,— будьте же дорогим гостем и войдите в мой дом.

В доме встретила нас дочь ветерана, почтенных уже лет старушка, заботливая рука которой наложила видимый отпечаток опрятной домовитости на скромную обстановку этого жилища. На окнах всюду цветы, которые так любил старец и которым, ввиду совсем слабого зрения, он за последние годы посвящал все свое время. Еще лет за шесть до своей кончины, будучи уже в преклонном 120-летнем возрасте, он не только мог читать при помощи очков, но даже иногда предавался любимому своему занятию — рисованию. В последние годы, однако, зрение стало окончательно изменять старцу, и он уже с большим трудом, дрожащей рукою, едва мог подписывать свою фамилию*. Комнатка Николая Андреевича (старик особенно любил, чтобы его называли «по-русски» по имени и отчеству) представляла миниатюрный, но в высшей степени своеобразный уголок, где все говорило о временах давно минувших. Здесь жил он воспоминаниями о славном и величественном прошлом, о своем императоре, глядевшем на

* В 1894 г., незадолго до своей кончины, Савен подписал свою фамилию под письмом к редактору «Figaro» и на прошении, поданном им на имя министра народного просвещения, графа Делянова. Один из последних автографов Савена сохраняется у автора этих воспоминаний на подаренной ему старцем книге «Histoire de Napoléon et de la grande Armée», графа Сегюра.

Н. А. Савен.
Ветеран Великой армии Наполеона I на 120-м году жизни (1768—1894).
Фотография с натуры С. М. Ушакова в Саратове

него из рамки большого акварельного портрета и с небольшой бронзовой статуэтки, стоявшей на столике у окна. Это был культ Наполеона, восторженный, трогательный, преданность глубокая, в буквальном смысле «до гроба». История этого портрета также заслуживает внимания: он написан самим Савеном в 1837 г., через 25 лет по прибытии в Россию, и рисован «на память» — до такой степени знакомые черты императора врезались в воспоминания старого ветерана. Наполеон изображен на нем во весь рост, в традиционном походном сюртуке, в шляпе, с рукой, заложенной за борт мундира. Он стоит на берегу скалистого утеса и задумчиво смотрит вдаль. Тут же, неподалеку, другой портрет, изображающий бравого кавалерийского офицера в мундире наполеоновских войск — это сам Николай Андреевич в форме французского конно-егерского полка, писанный, как видно из пометки, в 1812 г. Рассматривая с глубоким волнением каждую вещицу в этой убогой и вместе с тем богатой воспоминаниями обстановке, я особенно заинтересовался небольшой гравюрой в старинной, с выцветшею позолотой, рамке, висевшей в дальнем углу; гравюра изображала эпизод из Египетского похода 1798 г. и отличалась замечательной отчетливостью фигур, сгруппированных вокруг Бонапарта. Главнокомандующий и его штаб изображены сидящими на верблюдах; вдали виднеются пирамида Хеопса и знаменитый сфинкс, у подножия которого расположены французские войска. Заметив, что я особенно рассматриваю эту гравюру, старец стал с удивительной подробностью называть мне по-

очередно имена всех генералов, изображенных в свите Бонапарта. «Картину эту,— говорил Николай Андреевич,— я совсем плохо вижу, но зато прекрасно помню всех лиц, на ней изображенных... Ведь это был мой первый поход с императором. Вот здесь направо, лицом к Наполеону,— это Бертье, а рядом с ним Ланн, впоследствии герцог Монтебелло, с которым в 1809 г. я был под Сарагосой».

С удивлением внимал я словам феноменального старца, пораженный невероятной в столь преклонные годы памятью... Оказалось, что теперь ему шел 126-й год: он родился в апреле 1768 г.; на 29-м году от роду совершил он Египетский поход, а Отечественная война 1812 г. застала Савена уже в зрелом 43-летнем возрасте.[4] Необычайная память не покидала старца до последних дней его жизни. Старушка, дочь его, неоднократно рассказывала мне, что часто, забывая имена и фамилии некоторых лиц, давно умерших, она обращалась с вопросами к отцу, и он почти всегда называл их и нередко помнил даже, где кто жил и в каком доме.

С тех пор я стал очень часто навещать почтенного Николая Андреевича и постепенно узнал его необыкновенную одиссею, полную захватывающего интереса и подчас глубокого трагизма. Живыми образами промелькнули в рассказах старца главнейшие эпизоды его боевой жизни: Египет, Сарагоса, плен в тюрьме испанской инквизиции, поход 1812 г. и Березинская переправа. В ярких красках и с особенным волнением рассказывал старец о кровавой эпохе террора в Париже, во время которого погиб отец его при защите Тюильри. Результатом этих в высшей степени интересных, но, к сожалению, отрывочных рассказов Николая Андреевича и была первая статья о нем, напечатанная в «Новом времени»*, после которой о Савене скоро узнали у нас и за границей. Но пусть говорит сам старец и расскажет нам свою одиссею, которую я передаю здесь дословно, в тех самых выражениях, которые довелось мне услышать из уст маститого ветерана.

«Я родился в Руане 17 апреля 1768 г. Отец мой André Savin, еще при Людовике XV служил в военной службе, в

* 1894. № 6553. 28 мая.

королевской гвардии (Gardes Françaises). Родителей своих я совсем не помню, так как почти ребенком был отправлен в Тур, где в то время жил дядя мой, брат моей матери. Сначала я учился дома под присмотром дяди, а затем отдан был в Турскую иезуитскую коллегию (college académique), в которой воспитывались дети местных дворян и более достаточных лиц других сословий. Кроме предметов общего образования и богословских наук, нас обучали музыке и рисованию, а воспитанники, не избравшие духовной карьеры, по желанию могли обучаться танцам, фехтованию и верховой езде. В начале 1790-х гг. я отправился Париж, чтобы повидать отца, мать и младшего брата, живших в это время в Версале, где отец мой, вышедший уже в отставку, занимал должность в придворном ведомстве. Насколько помню, это было в конце 1792 г., в самую эпоху сентябрьских убийств. В Париже кровь лилась уже ручьями. Это было то ужасное время, когда благодаря развившимся доносам никто не мог быть уверен в своей безопасности, в том, что доживешь до завтрашнего дня. Шайка головорезов, прикрываясь громкими именами свободы и равенства, среди бела дня совершала ужаснейшие преступления, во имя отечества и нации, во главе которой они тогда стояли, к стыду и ужасу всех благомыслящих людей. Вот уже более ста лет прошло с тех пор, многое я пережил и испытал на своем веку: я видел чуму в Египте, я испытал ужасы войны в Испании, я был живым свидетелем и участником той драмы, которая в истории известна под именем отступления Великой армии,— но все это ничто в сравнении с кровавой эпохой террора. Подробности отдельных событий, правда, ускользают из моей памяти, но общее впечатление ужасов того времени до сих пор стоит кровавым облаком перед моими глазами. Первым горем, постигшим меня в Париже, было известие о смерти отца, который погиб, как полагают, в день 10 августа. Мать исчезла неизвестно куда. Найдя приют у друзей отца, пробыл я в Париже до 1794 г. 21 января 1793 г., в день казни Людовика XVI, хотел я вместе с несколькими друзьями взглянуть в последний раз на несчастного короля, но вследствие распоряжения парижского муниципалитета никого, кроме войск, на улицу не выпускали: все двери и окна домов, находившихся на пути шествия, должны были быть заперты еще с вечера

20-го числа. Так как я не был национальным гвардейцем и не имел знакомств в Комитете общественной безопасности, с другой стороны — не был постоянным жителем Парижа, приписанным к известному участку, то положение мое в городе с каждым днем становилось опаснее. Единственным выходом из этого положения могло быть поступление в армию. В это время я получил письмо от брата, жившего в Руане, который приглашал меня к себе. Добыв себе необходимый вид, я выехал из Парижа в конце 1794 г. и приехал в Руан, где пробыл до 1798 г. В это время узнал я, что в Гавре генерал Бонапарт формирует полки и принимает волонтеров для экспедиции против Англии. Я тотчас решил вступить в ряды армии и с этой целью отправился в Гавр. Прибыв туда и изъявив желание служить в экспедиционном корпусе, я немедленно был зачислен волонтером в корпус генерала Бонапарта.

Вскоре всех нас, волонтеров, отправили в Тулон, где уже находился наш полк. В Тулоне стояла наша эскадра, конвоировавшая экспедицию, и мы пересели на суда. Цель экспедиции держалась в тайне, и только после взятия Мальты, по выходе в море, нам объявили, что мы идем в Египет. Через две недели мы были под стенами Александрии, которую взяли приступом вскоре после высадки. По дороге к Каиру нам пришлось впервые увидеть и иметь дело с мамелюками, отборнейшей конницей, бесстрашно атаковавшей наши каре и под конец совершенно уничтоженной нами. Кавалерия наша, однако, сильно от них пострадала, а отсталые и больные беспощадно ими истреблялись. В сражении при пирамидах я состоял в конвое при главнокомандующем. Здесь в числе трофеев, доставшихся нам при взятии египетского лагеря, была великолепная сабля Мурад-бея, которую Бонапарт с тех пор постоянно носил, как почетное оружие, до провозглашения своего императором французов*. После занятия нами Каира я оставался в нем в числе войск, составлявших французский гарнизон этого города. Из генералов, участвовавших в этой экспедиции, я особенно хорошо помню Бертье и Ланна, впоследствии герцога Монтебелло, под начальством которого я служил в Испании в 1809 г. В конце 1801 г. мы вернулись во

* Тьер упоминает об этой сабле как о трофее Абукирского сражения, которую в 1814 г. император подарил Макдональду, герцогу Тарентскому.

Францию. Несмотря на блестящие победы, одержанные Египетской армией,— исход экспедиции был неудачный: мы принуждены были покинуть страну, кратковременное обладание которой стоило нам стольких жертв и денежных затрат. Мы все сознавали это — от генерала до последнего солдата,— и не совсем-то радостно возвращались на родину. Здесь, однако, ожидал нас триумф. В Лионе Первый консул оказал Египетской армии такой блестящий прием, что все мы сделались героями в глазах Франции. Тут впервые выказал Наполеон те качества полководца, которые привязывали к нему все сердца до такой степени, что каждый солдат готов был идти за него в огонь и воду. Снисходительная фамильярность в обращении с последним рядовым, которого Наполеон подчас называл по имени, вспоминал о его походах и т. п.,— все это делало знаменитого полководца кумиром его войск. В течение двадцати лет его войн и походов войска эти с криками «Vive l'Empereur!» шли на верную смерть, чтобы только угодить своему императору, которого они в шутку называли «Le petit Caporal»[5].

В 1805 г. был я под Аустерлицем, а в следующем году участвовал в Йенском сражении, решившем участь Пруссии. По пути к Берлину пришлось мне быть в числе почетного конвоя, сопровождавшего императора. В Потсдаме, при посещении гробницы Фридриха Великого, император взял шпагу короля и, положив на ее место свою собственную, как говорят, сказал: «Je prends l'épée de Frédéric et laisse à la Prusse la mienne: l'une vaut bien l'autre»*. Не знаю, насколько это верно, так как лично я этого не слыхал, но в армии фраза эта повторялась тогда многими.

В 1809 г., как я уже упоминал, я находился в числе войск, действовавших в Испании под начальством маршала Ланна. Из всех войн времен империи испанская война 1809 г. отличалась особенной жестокостью и кровопролитием. Весь народ, подстрекаемый духовенством, восстал поголовно. Подобное сопротивление нам пришлось только встретить в России, после отступления из Москвы. Осада Сарагосы, при взятии которой я был ранен, мне особенно памятна. Ожесточенное мужество испанцев достигло здесь

* Я беру шпагу Фридриха и оставляю Пруссии — мою: одна сто́ит другой.

крайнего предела: в защите города участвовали не только войска, но и все население, не исключая даже женщин. Каждая улица, каждый дом представляли грозную цитадель, которую приходилось брать с огромными потерями. За участие в этом сражении я был награжден орденом Почетного легиона. Вскоре затем произошло событие, которое особенно сохранилось в моей памяти,— это мой плен в испанской инквизиционной тюрьме. Захваченный испанцами, я вместе с десятью другими товарищами был заключен в тюрьму Севильского инквизиционного трибунала, в которой содержались военнопленные, в ожидании военной экзекуции. Нас всех заперли вместе в довольно большом каземате, служившем, вероятно, до этого времени местом пыток, так как в нем мы нашли несколько железных орудий, которыми и воспользовались для совершения побега. Сделав подкоп, мы все спаслись, воспользовавшись темнотой ночи. Около месяца блуждали мы в горах, питаясь почти исключительно апельсинами и кресс-салатом, пока, наконец, добрались до наших войск. Из 11 человек, однако, лишь трое вернулись на родину, остальные восемь погибли от лишений и усталости.

В русскую кампанию 1812 г. полк наш входил в состав 3-го корпуса Великой армии, находившегося под командой маршала Нея. С ним совершил я весь поход от Немана до Москвы и обратно. В сражении под Красным, где подо мною убито было несколько лошадей, корпус наш совершенно был уничтожен. К Березине нас пришло всего несколько сот человек, без артиллерии, без лошадей, изнуренных, измученных голодом, морозами и утомительными переходами. Не могу при этом не упомянуть с сердечной признательностью о человеке, заботам и уходу которого я и многие товарищи мои обязаны спасением от грозившей нам ужасной смерти — замерзнуть заживо. Это был главный хирург Великой армии Ларре (Larrey)*, человеколюбивая самоотверженность которого в кампанию 1812 г. доставила ему столь заслуженную известность.

---

* Барон Доминик Ларре (1766—1842), известный хирург, постоянный спутник Наполеона во всех его походах, начиная с Египетской экспедиции 1798 г. и до Ватерлоо, где он взят в плен. В духовном завещании своем Наполеон называет его «la vertueux Larrey». Известен учеными трудами и мемуарами. *К. В.*

Подойдя к Березине, все корпуса стали собираться у небольшого селения Студянки, где в ожидании переправы уже находился император с остатками гвардии. С лихорадочной быстротой приступили к постройке двух мостов, один из которых предназначался для войск, другой — для артиллерии и обоза. За неимением понтонов мосты строились на козлах, которые наши храбрые понтонеры ставили, находясь по пояс в воде, среди плавающих льдин. Надо было торопиться, так как неприятель следовал за нами по пятам. Перед переездом на другой берег, занятый вскоре нашими войсками, маршал Ней поручил мне охрану повозок с казначейством Главного штаба, в которых находилось около 4 млн франков золотом, причем приказал везти повозки через мост, предназначенный для тяжестей и орудий. Несмотря на доводы мои об опасности такой переправы, маршал не изменил своего приказания, и я должен был повиноваться. Мне пришлось вступить на мост в числе последних с арьергардом маршала Виктора. Главное начальство и маршалы находились уже на другой стороне, порядок окончательно исчез; приказаний никто не слушал, и артиллерия с тяжелыми орудиями стала переправляться вместе с нами. В это время вдали стали уже показываться казачьи пики; давка сделалась ужасная. Повозки наши не доехали до середины моста, как последний проломился под тяжестью орудий и ящиков, и вместе с ним стали падать в воду люди, лошади, повозки и орудия. Сбитый с коня, едва удержавшись от падения, увлекаемый напором толпы, я должен был вернуться на этот берег, где нас вскоре окружила толпа казаков. Недолго пришлось бы мне защищаться, если бы человек в генеральской форме не остановил казаков, предложив нам сдаться. Это был сам Платов[6], которому, таким образом, многие из нас обязаны были спасением жизни. Вот все, что я могу сообщить вам,— закончил свой рассказ старец.— Дневник мой, который я вел с 1798 г., к сожалению, погиб вместе с другими моими вещами во время злополучной Березинской переправы».

И вот в продолжение 82 лет безвыездно прожил в Саратове этот феноменальный старец, воочию доказавший, что долголетие древних — не сказка, не вымысел. В скромном домике, на одной из небольших улиц города*, под охраной и

* Грошовая улица.

Николай Савен, последний из ветеранов Великой армии. Родился в Париже в 1768 г. Скончался в Саратове в 1884 г., имея от роду 126 лет, 7 месяцев и 12 дней

попечением своей дочери, старушки преклонных уже лет, доживал свои дни этот живой свидетель великих исторических событий, сподвижник славы величайшего из полководцев новых времен, участник всех его походов.

И всякий раз, когда я подходил к скромному жилищу маститого старца, меня охватывало необъяснимое чувство волнения, тот благоговейный трепет, который испытывает путешественник, вступающий под своды Пантеона, Колизея и подобных им великих памятников старины. Но только здесь чувство это было еще сильнее: передо мной была не безмолвная могила, не мертвый памятник, а стоял живой человек, воплощавший собой историю целого столетия, столь богатого великими делами и событиями, человек XVIII в., как бы по волшебству перенесенный в наши дни.

Первая статья моя о Савене (в «Новом времени»), вместе с его портретом, вызвала, как я уже сказал раньше, огром-

ный интерес к личности феноменального старца, и вскоре на столбцах почти всех русских и иностранных газет и журналов стали появляться сочувственные статьи, посвященные ветерану Великой армии, а по инициативе парижского журнала «Figaro» организована была подписка. Масса писем, глубоко прочувствованных, присылались Николаю Андреевичу со всех концов Европы, не только от соотечественников, но даже из Германии, Австрии, Швеции, Дании, Англии и Америки. В числе этих посланий особенно выделялось письмо молодого немецкого ученого, профессора Гольцгаузена из Бонна, признавшего в Савене одного из боевых товарищей своего деда, служившего в рядах Великой армии в эпоху Наполеоновских войн. Но венцом всех чествований была присланная вскоре французским правительством медаль Святой Елены, давшая Савену самое драгоценное для престарелого воина звание «сподвижника славы» его императора и официально удостоверявшая личность и боевое прошлое маститого ветерана. В грамоте, присланной ветерану за подписью военного министра Мерсье, между прочим, говорилось: «Канцлер национального ордена Почетного легиона сим удостоверяет, что помянутая медаль Святой Елены выдана Жану-Баптисту-Николаю Савену, бывшему офицеру гусарского полка, прослужившему во французской армии с 1792 по 1812 г.».

Со слезами на глазах принял глубоко растроганный Николай Андреевич драгоценную медаль из рук губернатора, князя Мещерского, и с восторгом показывал ее друзьям и знакомым, пришедшим поздравить старца. Этот интересный и в настоящее время крайне редкий во Франции знак отличия состоит из темно-бронзовой медали (на зеленой ленте), на лицевой стороне которой изображен профиль Наполеона I с надписью вокруг: «Napoléon I a ses compagnons de gloire. Sa dernière pensée!» На другой стороне — императорский орел и надпись: «Sainte-Hélène, 5 Mai 1821»[7] (день смерти Наполеона)*.

В Саратовской губернии Николай Андреевич Савен прожил безвыездно 82 года. Взятый в плен при Березинской переправе казаками Платова, он в числе других пленных от-

---

* В 1894 г. во Франции кавалерами медали Святой Елены состояли четыре ветерана: I. Sabatier (на службе с 1809 г. 104 года); Victor Baillot (103 года), Pierre Rousset и Joseph Rose (102 года). Все они, впрочем, вышли в отставку нижними чинами.

правлен был сначала в Ярославль, а затем в Саратов, где первое время нашел себе заработок, давая уроки фехтования офицерам местного гарнизона. Вскоре затем, при содействии тогдашнего саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева, Савен получил должность в Благородном пансионе при Саратовской гимназии, выдержал экзамен при дирекции училищ и получил диплом на право преподавания французского языка. С этого времени он всецело посвятил себя воспитанию и обучению юношества, в качестве домашнего наставника детей местных дворян, три поколения которых были его учениками. О плодотворности этой деятельности, всеобщей любви и уважении, которые сумел внушить почтенный Николай Андреевич, свидетельствуют многочисленные аттестаты, выданные ему различными учреждениями и лицами Саратовской губернии за долголетний период времени с 1814 по 1874 гг. В этом году, достигнув преклонного 106-летнего возраста, он решил, наконец, проститься со своими учениками и удалиться на покой. Годы брали свое, трудовая и нелегкая обязанность наставника и воспитателя становилась не под силу старику: на ничтожные сбережения, которые ему удалось сделать в течение своей 60-летней педагогической деятельности, он приобрел тот самый домик, в котором дожил на покое последние 20 лет своей жизни. Необычайная в такие преклонные годы телесная бодрость только сравнительно недавно покинула необыкновенного старца. Еще несколько лет тому назад многим саратовцам памятна небольшая фигурка старика, почти согбенного, рано утром спешившего на базар с корзинкой в руке или идущего по воскресным дням по направлению к Римско-католической церкви, в праздничном сюртуке, с ленточкой Почетного легиона в петлице. Судя по словам самого Николая Андреевича и по отзывам местных старожилов, он всегда отличался чрезвычайной умеренностью в пище, питье и образе жизни. Пищу всегда ел самую простую, неприхотливую, и особенно любил чай, который до последних дней всегда пил с большой охотой; весной и летом проводил большую часть дня на воздухе, копаясь в грядках своего садика, и до последних дней жизни всегда был на ногах. Если среди разговора старца иногда спрашивали о причинах его необыкновенного долголетия, он отвечал, что главной причиной сохранения своих дней он считает умеренный

образ жизни, лишенной еще с ранней молодости всяких излишеств:

> Multa tulit fecitque puer sudavit et alsit
> Abstinuit Venere et vino...*

Смерть пришла к нему тихо, неслышно, без всяких страданий. Прохворав несколько дней, он во вторник, 29 ноября 1894 г., почувствовал особенную слабость и, пригласив священника, приобщился Святых Тайн. Напутствовавший его настоятель Римско-католической церкви, саратовский декан, граф Шембек**, свидетельствует о глубокой религиозности старца, всю жизнь свою бывшего искренним и добрым христианином. Через несколько часов после ухода священника он тихо заснул вечным сном. От роду ему было 126 лет, 7 месяцев и 12 дней.

2 декабря тихая и малолюдная Грошовая улица приняла необычный вид. С раннего утра у ворот небольшого, скромной наружности домика, на которых виднеется надпись: «Дом поручика Николая Андреевича Савина» — стояла густая толпа народу. Ровно в 10 часов утра в дом покойного прибыло римско-католическое духовенство, с настоятелем графом Шембеком во главе. Небольшая комнатка, в которой стоял гроб, была наполнена родственниками, друзьями и знакомыми покойного, пришедшими к выносу тела. Среди посетителей было немало офицеров разных родов оружия, а вскоре затем прибыли: саратовский губернатор князь Б. Б. Мещерский и начальник Саратовского гарнизона, генерал-лейтенант Мрочкевич. Взоры всех приходящих невольно обращались к стене этого скромного жилища, на которой виднелись два портрета — Наполеона I и самого Николая Андреевича в форме офицера французского гусарского полка — работы покойного, а также патент на присланную недавно медаль Святой Елены за подписью президента. После краткой литии гроб был вынесен на руках родственниками, и шествие тронулось по направлению к католической церкви, при пении стройного хора воспитанников местной Римско-католической семинарии. По прибытии в церковь гроб уста-

---

* Еще мальчиком многое перенес и трудился, потел и мерз, воздерживался от страстей и вина (Гораций. Ars poët).

** Впоследствии архиепископ Могилевский, митрополит Римско-католических церквей в России, скончавшийся в Петербурге.

новлен на катафалке и началось богослужение. У изголовья поставлена была подушка с орденамн покойного: небольшой крест на красной ленточке — Почетный легион, орден Св. Людовика и медаль Святой Елены. У подножия катафалка возложены были венки: лавровый *«от русских офицеров г. Саратова лейтенанту Н. А. Савэну 1768—1894»*; от французской колонии и «от русских друзей».— Церковь была полна молящимися, в числе которых было немало офицеров. После литургии началось отпевание, которое совершал епископ Тираспольский в сослужении с канониками. По окончании богослужения гроб был вынесен на руках офицерами и друзьями покойного, которые несли тело от церкви вплоть до Ильинской улицы.

Желая почтить память доблестного ветерана, как заслуженного и старейшего офицера дружественной нам Франции, саратовский губернатор возбудил ходатайство перед военным министром о разрешении, не в пример прочим, воздать покойному воинские почести, с назначением военного хора музыки. Хотя на ходатайство это, как и следовало ожидать, последовал утвердительный ответ, но так как в день похорон стоял значительный мороз, то, в силу военного устава, ни хора, ни воинской команды нельзя было назначить. Тем не менее г-да офицеры Саратовского гарнизона отдали последний долг престарелому герою: они несли ордена покойного.

Вскоре после похорон Николая Андреевича, принятых на счет города Саратова, пожелавшего почтить память старейшего своего гражданина, С.-Петербургская французская колония* собрала подписку на памятник, который сооружен на местном римско-католическом кладбище, где и покоится теперь прах «последнего ветерана Великой армии»[8].

---

* Последняя также издала в свет, в 1895 г., брошюру на французском языке под следующим заглавием: Nicolas Savin, le dernier des vétérans de la Grande Armée. Sa vie, Sa mort St. Pétersbourg 1896, in 16.

Приезд генерал-адъютанта Наполеона I, графа Нарбонна, в Вильно, в мае 1812 года[1]

«La vraie mission de M. de Narbonne est toute confidentielle: c'est la continuation de celle de M. de Czernicheff» (Fain. Manuscrit de 1812)*.

Приезд генерал-адъютанта Наполеона I, графа Нарбонна, в начале мая 1812 г. в Вильно и трехдневное пребывание его в этом городе, где в то время находился император Александр I, является одной из любопытных и до сих пор малоисследованных страниц в истории сношений обоих монархов перед Отечественной войной, положившей предел могуществу великого корсиканца. Какова была истинная цель миссии графа Нарбонна, посланного из Дрездена Наполеоном к русскому императору, немедленно принявшему французского генерала, по прибытии его в Вильно, и трижды беседовавшему с ним во время его краткого приезда, остается покрытым тайной и по настоящее время. Можно только предположить, что поездка французского генерал-адъютанта, являясь официально якобы последней попыткой со стороны Наполеона добиться миролюбивого соглашения с императором Александром, имела иную цель — собрать на месте сведения о расположении русских войск, а также разузнать настроение местного польского общества и степень его симпатий к русскому правительству. Последнее предположение находит себе подтверждение при чтении печатаемых ниже документов**, касающихся пребывания Нарбонна в Вильно. Из них видно, что к графу Нарбонну приходили тайно некоторые знатные поляки (Коссаковский, граф Тышкевич и др.) и что его посещали французские эмигранты, имевшие несомненные связи в высшем виленском обществе

* Истинная миссия Нарбонна носила конфиденциальный характер: она являлась продолжением миссии Чернышева[2] (барон Фэн. Летопись 1812 г.).

** Из дел Военно-ученого архива.

(граф Шуазель, аббат Лотрек); бывшие в свите Нарбонна офицеры, Себастиани и Роган-Шабо, по-видимому, владели польским языком; наконец, из Вильно Нарбонн проехал через Белосток по направлению к Варшаве, где он должен был свидеться с командовавшим польскими войсками князем Иосифом Понятовским. Все эти данные, малозначащие в отдельности, в совокупности дают основание отнестись с доверием к заключению агента, наблюдавшего за Нарбонном во время пребывания его в Вильно, по словам которого: «он (т. е. Нарбонн) к предлогу привезть письмо к Императору Российскому имел и комиссию осведомиться и о духе здешних поляков армии нашей, о числе войск вообще и для учреждения связей в будущем»[3].

Все эти документы представляют интерес и в другом отношении. Они наглядно рисуют картину существовавшей в то время организации русской военной полиции, находившейся под ведением известного Я. И. де Санглена*; эту организацию нельзя не признать искусной. Как видно из печатаемого ниже «Дневника», учрежденное за Нарбонном и его свитой «наблюдение» действовало неусыпно, и усердные агенты директора военной полиции, час за часом, следили за времяпрепровождением именитых французских путешественников, отмечая даже такие подробности, как menu завтрака Себастиани и Роган-Шабо. Для вящего «присмотра», к Нарбонну нанимается камердинером некий Станкевич, очевидно — тайный агент, а квартальный надзиратель Шуленберг, «переодетый во фрак», входит в дружбу с прислугой графа и беседует с ней по-немецки. Словом — ничто, по-видимому, не было упущено, дабы собрать возможно подробные сведения о каждом шаге французского посла и его свиты, с самого вступления его на русскую территорию.

В заключение нелишним считаем сообщить краткие биографические данные о «держателе» таинственной миссии Наполеона — графе Нарбонне, бывшем конституционном министре Людовика XVI, затем генерал-адъютанте императора французов.

---

* Высочайшим приказом, данным в апреле 1812 г. на имя военного министра, военный советник де Санглен назначен директором военной полиции 1-й Западной армии, а затем и всей действующей армии с подчинением ему всей полиции в губерниях, находящихся в районе военных действий.

Граф Луи де Нарбонн (comte Louis de Narbonne Lara), потомок одного из знатнейших испанских родов, владевших с XIII в. графством Нарбонн в Южной Франции и носивший гордый фамильный девиз: «Nous ne descendons pas des rois, mais les rois descendent de nous»* — родился в 1755 г. и воспитывался при версальском дворе, где отец и мать его занимали важные придворные должности. Получив блестящее образование, Нарбонн, благодаря обширным связям и личным дарованиям, скоро сделал военную карьеру, начав службу сначала в артиллерии, а затем был назначен командиром Пьемонтского полка, в каковой должности его застала революция 1789 г. Человек широкообразованный, владевший многими иностранными языками, слушавший лекции истории и международного права у знаменитого страсбургского профессора *Коха*, вращавшийся в Париже среди ученых и литераторов, Нарбонн, несмотря на аристократическое происхождение и близость ко двору, явно высказывал свои симпатии тому конституционному течению, которое охватило Францию в эпоху созвания Генеральных штатов. Прибыв в 1790 г. в Безансон, где квартировал его полк, он вскоре избран был начальником всей национальной гвардии Дубского департамента (Dèpartament du Doubs) и благодаря своему влиянию на местное население быстро умиротворил беспорядки, вспыхнувшие в провинции Franche Comté. В 1791 г. он прибыл в Париж и, узнав, что тетки короля (незамужние дочери Людовика XV) находятся в опасности, он (в качестве бывшего камер-юнкера Madame Adélaide) берет их под свою защиту, выхлопатывает декрет Конституционного собрания, разрешавший им выезд из Франции, и провожает их до Рима. 6 декабря 1791 г. Нарбонн, в числе других конституционных министров, был призван в Совет короля, который поручает ему портфель военного министра. В этой должности Нарбонн организует три армии, под начальством *Люкнера*, *Рошамбо* и *Лафайета*, для борьбы с коалицией. Скоро отставленный от этой должности благодаря проискам придворной партии, ненавидевшей его как человека «новых веяний», Нарбонн, однако, вторично был назначен военным министром в марте 1792 г., по требованию Собрания, и

* «Не мы от королей, а короли от нас происходят».

оставался в этой должности до августовских дней, решивших судьбу злополучного Людовика XVI. Вызванный королем из армии, действовавшей против австрийцев, Нарбонн прибыл в Париж за 3 дня до 10 августа и в это время выказал себя тем, чем он всегда являлся — самоотверженным защитником своего монарха, которого, однако, он уже не в силах был спасти. Несмотря на свою популярность в армии и безупречную репутацию, Нарбонн был уволен от должности, и революционная Парижская коммуна потребовала объявления его вне закона. При содействии своего друга, известной г-жи *Сталь*, и благодаря преданности молодого иностранца, доктора *Больмана*, Нарбонну удалось бежать в Англию, откуда, однако, он должен был выехать по требованию Питта, а затем скитался по Швейцарии и Германии. Находясь в Англии во время процесса короля, Нарбонн проявил свое благородство, обратившись к Конвенту с просьбой дозволить ему предстать перед трибуналом, для защиты короля в качестве бывшего его министра. Когда Конвент отказал ему в этом, он написал оправдательную записку в защиту Людовика XVI, который велел горячо благодарить Нарбонна через своего защитника Мальзерба. Записка эта вошла в число документов, напечатанных в процессе Людовика XVI.

Генерал граф Нарбонн.
С гравюры начала XIX ст.

Вернувшись во Францию уже в эпоху консульства Бонапарта, Нарбонн, забытый всеми, проживал в Париже частным человеком, когда одно случайное обстоятельство сблизило его с Наполеоном.

Когда Первый консул учредил орден Почетного легиона, в числе первых кавалеров его оказался лакей Нарбонна, получивший орденский знак из рук Наполеона, за участие в

Египетской кампании. Узнав об этом, Нарбонн объявил своему слуге, что он не считает себя вправе поручать лакейские обязанности человеку отныне ему равному; при этом он тут же усадил нового кавалера с собой за стол, угостил вином и тотчас же предложил ему должность лесничего в одном из своих имений, которая не унизит его достоинства как кавалера ордена Почетного легиона.

Об этом случае узнал Наполеон. Он пришел в восторг от поступка Нарбонна и пожелал немедленно с ним познакомиться, а вскоре затем назначил его своим адъютантом.

В 1809 г. Нарбонн произведен в дивизионные генералы, и на него возлагались поочередно военные и дипломатические поручения. После Ваграмской победы он назначен военным губернатором Раабской крепости; по заключении мира в Шёнбрунне — посланником при баварском короле, а вскоре после этого Наполеон вызвал его в Париж и, к немалому удивлению всего двора, назначил генерал-адъютантом, состоящим при его особе.

С тех пор Нарбонн пользовался неизменным доверием и уважением Наполеона, которого сопровождал и во время его похода в Россию в 1812 г. Он умер в ноябре 1813 г., в должности коменданта крепости Торгау, которую мужественно защищал во время осады ее союзными войсками.

Приведем теперь несколько документов, имеющих, правда, случайный, отрывочный характер, но все же не лишенных интереса для исследователей и историков Отечественной войны*.

1. Его Высокопревосходительству Господину Главнокомандующему Первой Западной Армии, Министру Военных Сухопутных сил, Генералу-от-Инфантерии и разных Орденов Кавалеру Барклаю-де-Толли.

Ковенского Полицеймейстера
Маіора Бистрома

РАПОРТ.

Сей час появился в городе Ковно французской службы Адъютант Его Императорского Величества Императора Французского Генерал Граф Нарбонн, которой послан с пис-

* Сохранено правописание подлинников.

мом к Его Императорскому Величеству Императору Российскому и, будучи уже пропущен чрез границу в пределы Российския, в таковом случае видя я при нем несколько офицеров, зделал ему в Ковне в даче лошадей надлежащее вспомоществование, а дабы таковое и впути было чинимо, долгом почел препоручить прибывшему сюда посланному от Вашего Высокопревосходительства Виленскому Квартальному офицеру Шулимберху проводить до Вильно и по тракту делать все возможное вспомоществование и вежливости, причем иметь за ним скрытой надзор. О чем сим Вашему Высокопревосходительству донести честь имею.

Полицеймейстер Маіор Бистром.

№ 295.
Маія 5 дня 1812 года
по полуночи в 12-м часу.

2. Господину Военному Министру, Главнокомандующему 1-ю Западною Армиею и Кавалеру Барклаю де-Толли.

Командира 1-го Отделенного Корпуса Генерал-Лейтенанта графа Витгенштейна.

РАПОРТ.

Начальник пограничной стражи 23-го егерского полка маіор Каташев от 4-го числа сего месяца, по учрежденной мною летучей почте мне донес, что того числа, по полудни в 9-м часу, французского двора дивизионный генерал *граф Нарбон* и при нем ротмистр *Себастіяни*, адъютант поручик *Шабо*, куръир юган *Хара*, камердинер Батист *Гранго,* деньщики Юстин *Эмерель* и Франц *Перве*, прибыв с пашпортом французского двора, объявили, что он едит в г. Вильно к Его Императорскому Величеству, почему он, Каташев, считая его за окредитованную особу и приказал чрез Посвентскую рогатку со всею свитою пропустить. О чем долгом поставляю Вашему Высокопревосходительству предварительно донести

Генерал-Лейтенант граф Витгенштейн.

№ 32.
Маія 6 дня 1812 г. г. Шавли.

3. Господину Военному Министру Главнокомандующему 1-й Западною Армией.

Вашему Высокопревосходительству имею честь почтительнейше донести, что сего числа по полудни, в первом часу, прибыл в Белосток французской службы дивизионный генерал *граф Нарбон* и, по перемене на станции лошадей, отправился далее в Кнышин, чрез Хорощинскую пограничную таможню за границу.

Правитель Белостокской Области,
Семен Щербинин.

4. Военное Министерство по части военной полиции 10 Маія 1812 г. № 2716.

Граф *Нарбон*, бывши в Тильзите, осматривал тамошнюю сторону, осведомлялся о ценах съестных припасов, даже был в мясных лавках и купил телятины. Прибывши в Юрбург и потребовавши почтовых лошадей, он пошел в трактир к жиду *Арону* и там ужинали, после чего прошли к нему цолнер *Соколовскій*, таможенный чиновник *Симаченскій*, но как из них ни который не говорил по-французски, то он не много разговаривал с бухгалтером *Пастзербским*, между прочим он сказал ему: «Бог знает мир ли я везу или войну». Ни Нарбон, ни его люди не были осмотрены. Он должен быть очень горд и скуп, заплатя за 10 лошадей, он взял 14. Уезжая из Юрбурга, он неоднократно говорил: «мой великий Император отправил меня с письмом к своему любезному брату Императору Российскому». На станции Рауда он разговаривал с одним старым фельдшером, перешедшим тайно из Герцогства Варшавского, и сказал ему, что скоро будет мир. В Ковно он разговаривал час по-французски с тамошним жидом, часовщиком *Мозесом* и с Левином *Хацкелем*. Он сказывал, что уже две части мира зделаны, остается только третья, но и та скоро будет зделана. Потом был у него Полицеймейстер, который, поговорив с ним, отправил его в Вильну, куда сопровождал его так же и заказал для него лошадей Виленской полиции офицер *Шулимберг*. Не слышно, чтобы он от Ковно до Вильны с кем либо разговаривал. В Герцогстве Варшавском на границе почти нет совсем войск. Драгуны, стоящие напротив Юрбурга,— отправляются к своему штабу и скоро крестьяне будут составлять пограничную стражу.— С прусской сторо-

ны так же ничего нет на границе, только велено выступить в Тильзит одному Гусарскому полку.

8-го Мая загорелась Юрбургская таможя, но прежде нежели успело что сгореть — потушено.

5. ДНЕВНИК

Маія 6 дня.

9	час.	Прибыл из Берлина Французского Императора Адъютант Дивизионной Генерал, *Граф Луи Нарбон.* При нем: капитан *Себастиани*, поручик Роган *Шабот*, Курьер *Гара*, камердинер Батист *Гранто*, лакеи: Кристиан *Мере* и Франсуа *Пери*.
10	«	Поехал генерал Нарбон к Е. В. во дворец и был у Канцлера Кочубея.
11	«	Возвратился в квартиру.
12	«	Были все дома.
1	«	Ходили капитан и порутчик по городу, по парадному месту, под Замковые ворота и чрез Свенто-Янскую улицу домой пошли.
2	«	Обедали.
3	«	Спать положился Генерал. В оное время прибыл к ним Г. Шоазеля камердинер.
5	«	Дома и никто у них не был.
$6^{1}/_{2}$	«	Выехал Генерал с двумя адъютантами за Трокские ворота, вышли из кареты, походя перед воротами спросили у лон лакея, где-то место, где публика збирается, на что отвечал лакей, что сад городской лутчее место, куда и
7	«	поехали, где забавились пол часа, поехали чрез Остробраму* за город. С ворот как вышли из кареты и пошли чрез парадное место Замковой улицы и замковые
8	«	ворота к Катедральному костелу и осмотрев оной, между тем взглянули на арсенал указав рукой на оной, от туда возвратились чрез Свенто-

* Остробрама (Острые ворота) — ворота древней городской стены в Вильно, над которыми находится часовня с изображением Чудотворной Божией Матери Остробрамской, или Островоротной, одинаково почитаемой православными и католиками.

Янской улицы. У Доминиканской улицы* встретились с графами *Шоазелем* и

9 час. *Лотреком*, остановились и более $^1/_4$ часа с ними говорили.

9 « В 9 часов пришли домой.

$9^1/_2$ « Пришел к ним *граф Шоазель* и побыл у них до 11 час. Тогда и карету отпустили и приказали завтра в 11 час. ей опять быть.

11 « Послал Генерал к *графу Толстому* во дворец с письмом *фактора Беньямина*, которой токмо росписку в приеме принял.

$11^3/_4$ « Легли спать. Между 9 и 10 час.: приходил к ним *Косаковской*, но визит его не приняли, сказали, что генерала дома нет.

Маія 7-го.

$7^3/_4$ « Вышли.

8 « Взяли из трактира две порцыи кофеи.

9 « Пришел кним бывший службы французской *де-Местр* и пробыл до 10 $^1/_2$ часов.

$9^1/_2$ « Курьер Гадо говорил с здешним купцом почти $^1/_2$ час. по французки.

$11^1/_2$ « Оба офицеры капитан *Себастиани* и порутчик Роган *Шабо* ели фрыштык, два кушаня, котлеты и куропатки и выпили бутылку французского вина, взяли у трактирщика.

12 « Оба офицера поехали во дворец, а Генерал остался на квартиры, от куда воротился чрез Доминиканскую и Немецкую, остановился подле своей квартиры. Порутчик вышел из кореты и остался на квартире, а капитан поехал в карете по городу, затем вышел с кареты и пошол до Гобвахты, остановился от тудова воротился назад и зашел на квартиру.

$1^3/_4$ « Поехал Генерал с офицерами чрез Немецкую улицу до квартиры принца Олденбурского с визитою, но не был принят, откуда, отдав билет, возвратился на квартиру.

* Ныне Благовещенская.

$2^1/_2$ час. Поехали Генерал с двумя офицерами на обед, первый во дворец к Государю Императору, а последние двое к Главно-Командующему;

$4^1/_2$ « офицеры возвратилися чрез Вискупскую и Доминканскую улицы пешком.

$5^1/_2$ « возвратился Генерал в кареты.

7 « был Генерал чрез фелдьегерского офицера зван к Его Императорскому Величеству, куда приехав бы в инде $^1/_2$ часа от туда паки возвратился домой.

$7^1/^2$ « были офицеры в саду за Острой брамой более $^1/_2$ часа. Офицеры оба пошли в театер и были в оном более часа, заметно было что оны должны польской язык знать, ибо при смешных разговорах актеров улыбалися оны между собою, но с половины пьесы вышли из театра и пошли прямо домой.

6 « Послано письмо через Станкевича к Шоазелу. Под вечер, в сумерках, приходил какой то француз росту ниского в синем фраке к генералу и

7 « $^1/_4$ часа пробыв, пошол со двора, как Надзиратель Шуленберх утверждает, что оной француз‌ из дома графа Румянцова, но сие остается еще в совершенной не известности, а старатся буду се-

8 « годня в ясность привести.

10 « Был у Генерала Граф Несельрод и Шуазель, но не более как $^1/_4$ часа и вышли оба в месте Шуазель к себе на квартиру а другой по Доменикаиской улицы.

12 « Отпустили лон лакеев и кареты, в скоре после сего приходил через вычайно скоро молодой Тишкевич и пробыв не много минут побежал со двора по Трокской улицы так что Шуленберх не всостоянии был его догнать. Когда приходил выше означенный француз, то сказал лакею: доложи, что я принес бумаги для Г-на Генерала.

$12^1/_2$ « Легли спать.

Маія 8-го дня.

$7^{1}/_{2}$	час.	Встали, сам Генерал выходил в халате и осматривал свои экипажи.
8	«	Послал лакея за 2 порциями кофеи.
$8^{1}/_{2}$	«	Одевался.
$8^{3}/_{4}$	«	Прибыл флигель-адъютант Князь Лопухин с тремя верховыми лошадьми на которых сели Генерал и два офицера поехали на Снепишки, где смотр Гренадерским полкам был.
10	«	Возвратился в квартиру со своими офицерами, где тотчас по прибытии их и Граф Шоазель к ним пришел и пробыл более часа.
12	«	Сам один Генерал пошел пешком по Трокской улицы где встретив простого еврея которому дал 10 копеек дабы показал квартиру Графа Кочубея, где пробыл более пол часа, оттуда пошел по немецкой улицы, по заулку, около квартиры здешнаго Коменданта и, не заходя ни куда возвратился домой.
$2^{3}/_{4}$	«	Пришел к нему Граф Шуазель и в месте обедали.
$3^{1}/_{4}$	«	Кушанья было шесть блюд, но вина не брали из трактира но пили свое.
$4^{1}/_{2}$	«	был Граф Неселрод но вскоре вышел.
5	«	Пили кофий.
$5^{1}/_{4}$	«	Пришли почтовыи лошади.
6	«	Послано через лакея Станкевича к Графу Неселроду писмо.
$6^{1}/_{4}$	«	От Генерала Уварова принес лакей писмо и отдал оное писмо самому Генералу Нарбону в руки.
6 ч. 33 м.		Сел в карету и выехал из города. При выезде заметил я что в том же дворе на балконе стояли Граф Тизенгауз, Граф Косаковскій и Граф Пржесдецкій и множество дам, которых я не мог узнать.

6. ЗАПИСКА о проезде французского Генерала Графа Нарбона от Вильны чрез Гродно, Белосток до Тыкочинской пограничной рогатки

Граф Нарбон выехал из Вильны 8 Мая вечером в 6 час., четыре станции не выходил из кареты и ни с кем не разгова-

ривал кроме фельд-егеря — за Лидою, на станции Радзивилишки, вышедши из кареты, велел подать для четырех персон кофе и пил оной вместе с фельд-егерем, пока лошадей запрягли и ни с кем не говорил.

На станции, в местечке Щучине, осматривая вокруг карету, разговаривал только с своими адъютантами и фельд-егерем.

На станции Милковщизна вошед в комнату к писарю, где никого не было, приказал себе дать холодного жаркого, ужинал и пил вино Бургонское вместе с своими адъютантами и фельд-егерем, после чего сел в карету и поехал.

9-го числа ночью часу в 1-м проехал через Гродно, не выходя из кареты. Миновав Гродно, на станции Кузнице выходил из кареты, торговался с почт-мейстером и заплатил только за 8 лошадей, бравши 14. Фелдьегерь приказал в комнате писаря, в которую Нарбон вошел, развести на камине огонь, и он пробыв здесь не много, отправился в дальнейший путь, не разговаривая ни с кем. В Белостоке остановился возле С.-Петербургского трактира и тотчас явился к нему Полициймейстер (у которого он спросил только кто он), и приказал скорее дать ему лошадей.

Между тем Нарбон приказал дать обед на четыре персоны, обедал вместе с своими адъютантами и фелдегерем, пил вино Бургонское. После чего сел в карету и поехал — на станции в местечке Книшине последней к рогаткам — вышед из кареты Нарбон приказал подать бумагу и чернил, написал письмо к графу Несельроду на французском языке и не запечатав отдал фелдегерю для доставления, сел в карету и поехал к рогатке татарскою называемой. Так приказал фелдегерю прописать паспорт генерала, который тот же час был выпущен за рогатку, чрез мост реки Нарвы к рогатке Тыкочинской,— тут остановилась карета, генерал вышел и стал у рогатки, тот же час фелдегерь послал его паспорт к тамошнему Коменданту, Капитану Серебряных гусаров Оборскому. Генерал дожидался возле рогатки 12 минут, после чего пришел к рогатке помянутый комендант, разговаривал с ним по французски, прося извинения, что так долго заставил его дожидаться, генерал отвечал: «ничего, видно что вы исполняете свою должность хорошо». После спрашивал генерал у коменданта, может ли он быть завтрашняго дня

т. е. 11 мая на обеде в Варшаве у князя Иосифа Понятовского? Комендант отвечал, что легко может, потом отворил рогатку и обоз его отправился к станции в город Тыкочин, а сам Генерал с Комендантом и своею свитою пошел на станцию пешком впрочем в целой дороге ничего замечания достойного не случилось. Г. Нарбон выехал заграницу 10 Мая в 7 часов вечера.

7. Из записной книжки неизвестного лица*

6 Маiя 1812.

В 9 часу утра приехал из Ковно французский Генерал, граф Нарбонн.

С ним: Капитан де-Фебюр Себастиани.
Адъютант, Роган Шабо.
Курьер, Франсуа Гара.
Камердинер, Батист Гренго.

В 10 часов утра прибыл еще экипаж графа Нарбонна с двумя людьми: Жюстин Морет и Пирьё.

Они остановились в доме Мюллера № 143. По показанию людей графской Секретарь Мане выехал из Берлина, чрез Лион, в Париж.

Меры, предпринятые к присмотру за оными.

Каммердинер, живший у Шуазёля и бывший с ним в Париже, некто Станкевич, пошел к графу Нарбонну и нанялся быть у него тоже каммердинером.

Фактором у них — Мошка.

Наемная карета — от кузнеца Бартошевича. Квартальный Надзиратель Шуленберх, во фраке, знакомится с лакеями, из коих один говорит по немецки.

Барон Розен засел супротив жилища Графа Нарбонна, где квартирует у приятеля.

Саван пошел предъявлять документы, что был употреблен Резидентом в Варшаве, Биньоном, для разведывания здесь и тем самым побудить и их к откровенности[4].

Нарбонн, приехав, осведомился тотчас, здесь ли Канцлер и отправил потом к нему записку, чрез фактора.

Был у Государя Императора, потом у Канцлера и будто у Графа Кочубея.

---

* По-видимому, автор этих заметок был сам Я. И. де Санглен. *К. В.*

Возвратясь домой они часа 2, стоя, разговаривали втроем между собой с большим афектом, но тихо.

Обедали из трактира, где остановились; после обеда Нарбон лег спать, а капитан Себастиани и адъютант Роган пошли мимо парадного места к Остробрамским воротам; от туда к Замковым воротам и чрез Свенто-Янскую улицу возвратились домой.

Курьер Гара замечателен физиономией; он совсем на квартире не живет, бегает по всем улицам, но никуда не заходил еще.

В шесть часов после обеда поехали было все трое к стороне погулять; но капитан и адъютант вскоре возвратились пешком, а потом и Нарбон приехал. Поссорились с 1-м своим кучером, который с своей стороны тоже рад был с ними расстаться, ибо они много торговались и тут отрекомендован им был нынешний их кучер.

Все трое пошли гулять. В 8-му часу были около Катедральной Церкви, обошли вокруг оной, разговаривая и Нарбон указал им на арсенал. Возвращаясь встретились с Лотреком и Шуазелем, поговоря с полчаса возвратились домой.

В 9 часов был граф Нессельрод и пробыл с час.

В четверть 11 часу прибыл граф Шуазель — покуда он у него сидел, писал Нарбон записку к графу Толстому, не получив ответа, а фактор принес росписку, что вручил письмо.

В четверть 12 часу Шуазель ушел домой.

Приезжал к Нарбону Каммергер Коссаковский, около 9 часов, вечера; Нарбон велел сказать, что его дома нет.

В 12 часов все успокоилось. Лонлакей отпущен и кучеру велено быть в 10 часов утра.

Саван был и Полиция его не усмотрела. Курьер, увидя его, спросил: Vous êtes francais, Monsieur?[5] На ответ, что он из Варшавы, посадил его, препоручил об нем доложить камердинеру, но Нарбон велел отозваться, что ныне ему некогда. Странно, что каммердинер сказал, будто у Нарбона сидит Кикин, дежурный Генерал.

7 Маія 1812.

Саван, по приказанию моему, явился к Нарбону в $^1/_2$ 9 часу; был тотчас впущен. Он представил прилагаемые при сем документы, доказывающие связь его с Беллефруа и те известия, кои он ему доставлял. Нарбон поверил список Савaнов с своей таблицей; у него список по полкам, сперьва

стоит Гренадерский, и проч: — Разспрашивал сколь возможно подробнее обо всем, о числе армии, радовался узнав что Молдавская армия против них действовать не может.— Спрашивал о духе Поляков — предполагает, что облагодетельствованные ныне Императором Российским,— ему на время привержены, но уповает, что прочие на стороне Наполеона, который желает единственно их щастия.— Просил Савана отдать ему рапорт к Биньону*, равно и письмо к Императору Наполеону, дабы испросить за его приверженность ему награждение. Вдруг кто то *запиской* об себе велел доложить и Нарбон, проводя Савана по задней лестнице, велем ему быть с известиями и рапортами ныне вечером, в 11 часов. Полиция Савана не усмотрела, а сменил его запиской у Нарбона бывший французской службы полковник Шавалье де Местер и пробыл с час.

Курьер Гара был в италианской лавке и говорил с хозяином несколько времени по французски.

В 11 часов утра прислал граф Шаузель 4 бутылки вина генералу Нарбонну.— В исходе 12-го часу оба адъютанта поехали во дворец, а генерал сидел дома и писал. К 1-му часу возвратились они назад, Роган пошел к генералу, а Себастиани прохаживаться.

В исходе 2-го часу поехал Нарбон в дом Тышкевича для зделания визита Принцу Олденбургскому: ему было отказано и он оставил билет.

В половине 3-го часу поехал Нарбон и адъютанты его во дворец: он пошел к столу Государя Императора, а адъютанты к г. Военному Министру. В исходе 5 часа адъютанты пришли домой, а Нарбон из дворца пошел к Военному Министру, а от туда домой в 6 часов и отправил письмо к Шаузелю.

В исходе 7-го часа Нарбон, по позыву, явился опять к Государю и возвратился в $^1/_2$ 8 часу.

Адъютанты прогуливались около ратуши**, по Остробрамской улице, поговоря с встретившимися офицерами,

* Бинион (baron Edouard Bignon), в то время французский резидент в Варшаве. По занятии Наполеоном Вильно был назначен французским комиссаром при временном правительстве Великого княжества Литовского. Дипломат, государственный деятель и историк французской дипломатии эпохи Консульства и Империи.

** Ныне городской театр. Это здание, сохранившееся до настоящего времени, и изображено на известной картине Дамеля. *К. В.*

между прочим, князем, Волконским, пошли в Театр. Замечательно, что по жестам их заключить должно, будто знают они по-польски. В половине пиесы ушли и возвратились домой.

Приходил к генералу француз, имя его теперь узнано: Жан Луи Вуатен, живет 4 года у Древицкого, управителя кн. Огинского, не велик ростом, во фраке и шляпе, пробыл с полчаса и ушел. Квартальный Надзиратель Шуленберх утверждает, что сей француз из дому графа Румянцова. Означенный француз велел о себе доложить, что он имеет к генералу бумаги.

В 10 часов были у Нарбона граф Несельрод и Шуазель, потом вышли оба вместе. В 11 часов отпустили лон лакея и карету. После 12 часов приходил молодой Тышкевич и, пробыв недолго, торопился сбежать с лесницы и потом на улице пустился изо всей мочи.

Саван по приглашению Нарбона явился в 11 часов вечера таким потаенным образом как и вышел по утру от него. Нарбон уже не был так весел, как по утру. Принял его ласково, радовался что он пришел, объявил что он ныне, после смотра войск, ехать должен. Разсмотрел бумагу написанную к Биньону, сумневался в некоторых его показаниях о разставлении войск, *утверждая что у него это подробнее и кажется вернее*. Саван защищал свое. Нарбон разговорился о будущем. Саван уверил его, что русские весьма желают войны и готовы все жертвы принести, лишь бы только иметь свободную торговлю, ибо без оной вся страна стеснена. Нарбон разпрашивал о истинне сих слухов и вправду ли, что Россия без торговли существовать не может? Получа удостоверение и разпрося о наборах — здесь ему Саван говорил о патриотизме Русских, ненадежности Поляков и проч.— Он изъявил Савану свою благодарность и уверил, что чрез несколько дней получит от него известия, коими он верно доволен будет. Впрочем, ни денег не дал, ни людей не назвал, чрез коих писать будет.

8 Маія.

В 6 часов утра Нарбон встал и в шлафроке ходил по двору осматривать свои экипажи. В начале 9-го часа Нарбон поехал с своими адъютантами, в сопровождении флигель-адъютанта Князя Лопухина, во дворец, а от туда для осмотра полков. От туда возвратился сперьва во Дворец, а потом домой

в 11-м часу. Тотчас по возвращении его пришел граф Шуазель и пробыл более часу. В 12 часов Нарбон пошел пешком по Троцкой улице, встретив жида, дал ему 10 копек, чтобы показал ему квартеру Кочубея. Был у него с пол часа. После того, прошедши по немецкой улице, пошел около дому Огинского и в час возвратился домой. В три четверти третьяго часа пришел граф Шаузель и говорят Сенатской Секретарь Осип Васильевич Попов, которой с ними отобедал и ушел лишь 10 минут до их отъезда.

За четверть часа перед обедом был граф Нессельрод.

Обед начался в $^1/_4$ четвертого часа и кончился в $^3/_4$ пятого.

В 20-ть минут 6 часа явились лошади.

В 6 часов лакей Шаузеля отнес письмо к графу Нессельроду.

В $^1/_4$ 7-го часа проходил каммердинер генерала Уварова и отдал запечатанное письмо Генералу и возвратился домой.

В 33-и минуты 7-го часа французы уехали!

В ознаменование французской щедрости фактору своему пожаловали 2 талера прусских!..

Господа бывшие у Нарбона, заслуживающие замечания:

граф Шаузель.

аббат Лотрек.

шевалье Деместер.

учитель Вуатен.

Тышкевич.

Из сего неполного трех дневного жития графа Нарбона в Вильне, а особливо из обращения с Саваном, ясно видеть можно, что он к предлогу привезть письмо к Императору Российскому имел и коммиссию осведомиться о духе здешних Поляков, армии нашей, о числе войск вообще и для учреждения связей для времен будущих. Это не подвержено сомнению. Старинная дружба фамилии Шуазель была единственно честной предлог, что доказывает довольно неискусное показание Шаузелева каммердинера, утверждающаго что барин его не отпускал, а что он сам, без позволения, из усердия, по старому знакомству, служил Нарбону.— Чтобы уничтожить засеянные здесь семена, всех вышеозначенных особ нужно бы было отправить в Российския Губернии на жительство, ибо как сметь людям, облагодетельствованным

нашим Правительством, без дозволения Его, так явно против совести посещать французского эммиссара с пышным титлом дивизионного Генерала и Адъютанта Французского Императора и в какие времена? Самый лучший предлог для отправления сих господ, коих неминуемо, кажется, нужно сделать безвредными — ибо еще довольно останется графов Тизенгаузеных, Платеров и проч.— был бы, что природным французам не ловко здесь оставаться в такое время, где все походит на войну с сей нацией. Да и самому Наполеону не может быть приятно, что таковые французы, коих он всех требовал к себе, неявкой своей, доказывают приверженность их к России.

Бонапарт и русские пленные

(Эпизод из истории франко-русских отношений в конце XVIII и начале XIX века)

Почти за столетие до заключения франко-русского союза императором Александром III история отмечает момент, когда благодаря чисто случайным обстоятельствам едва не осуществилось тесное сближение этих двух народов. Факт этот, сравнительно малоизвестный русской читающей публике, представляет тем больший интерес, что на политической арене Европы того времени соприкоснулись такие противо-

Наполеон Бонапарт — Первый консул.
С портрета, писанного Ж. Б. Изабе и находящегося в Версальском музее

положные по духу личности, как будущий император французов, в то время еще Первый консул — Бонапарт и русский император Павел I[1]. До 1800 г. в России все французское подвергалось не только запрещению, но, при горячем темпераменте императора Павла, достаточно было какого-нибудь незначительного намека, чтобы подвергнуться тяжелой каре за якобинство. Революцию — эту гидру, угрожающую смутой миру,— пыталась подавить вся Европа, и Россия, в лице Суворова, приняла участие в походе против Франции.

Император Павел I приказал своим послам в Вене и Берлине совсем не иметь никаких сношений с французским правительством и, в случае письменных обращений, не отвечать вовсе. Понятно при этом, как относились в Петербурге к «генералу от революции» — Бонапарту. Это имя произносилось с оглядкой и шепотом, и далеко не всякий царедворец решился бы его помянуть в присутствии императора. Казалось бы, при этих условиях о возможности сближения не могло быть и речи, и, однако, оно произошло при обстоятельствах, заставивших Павла I резко переменить свой взгляд на Бонапарта. Не случись рокового 11 марта 1801 г., проживи император еще несколько лет — трудно сказать, в какую форму вылились бы франко-русские сношения, но возможно, что они повлекли бы за собой полную перемену внешней политики России и соотношение сил европейских держав было бы совсем иным. Кто знает, раздались ли бы тогда громы бородинских пушек или орлы победоносных французских легионов соединились с двуглавыми русскими орлами, владычествуя над всей Европой...

Внимательное изучение личности Павла I и Наполеона значительно уничтожает ту противоположность целей и намерений, которая, по-видимому, существовала между императором-рыцарем, мечтавшим о восстановлении славы древнего Мальтийского ордена, и гениальным сыном революции, игравшим ее символами для приобретения популярности, которая должна была привести его к престолу.

Конечно, между ними было коренное различие, заключавшееся прежде всего в том, что Павел I был глубоко искренен в своих увлечениях рыцарством, а Бонапарт, восстановляя на развалинах старой монархии новую, пользовался внешним блеском слов и дел и обаянием рыцарских чувств,

как ловкий дипломат, в душе презирающий людей и не верящий ни во что, кроме личного счастья и умения играть на инстинктах толпы и на чувствах ближнего.

Но именно с внешней стороны Первый консул уже перешел тогда к старым символам власти, и из-под его республиканской маски уже проглядывали суровые и горделивые черты самовластного владыки. И весьма возможно, что сближение его с Павлом I — дело далеко не случайное, как нам кажется теперь, а указывающее на провидение русским императором дальнейших событий. Пока Европа воевала с революционной Францией, это была идейная борьба за монархический принцип. Священный союз против Французской империи уже не имел принципиального оправдания, а являлся лишь актом самосохранения старых монархий, опасавшихся мощного соседа и дальнейшего усиления его власти. России в этой борьбе, затрагивавшей по преимуществу интересы германского мира, быть может, и не было основания принимать участия.

Лучшим доказательством справедливости такой точки зрения служит участие в европейском походе против Наполеона Англии, которая, конечно, вовсе не была заинтересована в поддержании старых континентальных монархий, а, почуяв огромную грядущую силу новой империи, всячески старалась ее ослабить из чисто личных интересов. Совместная деятельность России и Англии против французов едва ли являлась актом политической мудрости. Вот почему кажущийся характер случайности в поступках Павла I и крутой поворот его в сторону симпатий к Бонапарту, при внимательном обсуждении, свидетельствует, быть может, о плане, строго обдуманном и имевшем полное оправдание в действительном соотношении сил Европы и в том положении, которое занимали среди них, с одной стороны, Франция, с другой — Россия.

По окончании Итальянского похода 1799 г. Павел I и слышать не хотел о каких-либо сношениях с Францией. Она была объявлена в Петербурге, как теперь принято выражаться, под полным бойкотом. Но несомненно, что император в то же время уже значительно охладел к своим союзникам, а угроза занятия Мальты англичанами задевала его, как грос-

смейстера, и болезненно отзывалась на тех чувствах, которые он питал к этому древнейшему рыцарскому ордену.

После поражения корпуса Римского-Корсакова под Цюрихом в руки французов досталось около 7000 русских пленных, преимущественно раненых и больных, которые отправлены были во Францию. Их теперь, казалось, забыли, и они сами не знали, какая участь их ожидает. Мы не имеем до сих пор подробных сведений об их образе жизни, но, по-видимому, плен этот не был тягостен, и на русских не отразилась враждебно политика их родины по отношению к Франции, в которую волею судьбы заброшены были наши солдаты и офицеры. Напротив, все заставляет думать, что Первый консул оказывал им должное уважение и даже особенно подчеркивал признание доблести русского оружия. Воюя с Европой, Бонапарт, по-видимому, не желал ссориться с Россией, даже искал случая сблизиться с ней. Пленные наши пользовались значительной свободой, хорошим содержанием, и к просьбам их генерал Бонапарт относился с полным вниманием. По этому поводу сохранился* даже крайне любопытный документ — письмо двух русских пленных офицеров на имя Первого консула с просьбой разрешить им право ношения оружия. Письмо это, помеченное 1799 г., является несомненным доказательством забот французского правительства о русских пленных.

Вот этот интересный документ в русском переводе**:

«Генерал, Первый консул! Нижеподписавшиеся военнопленные русские офицеры, тронутые тем обращением, которое они испытывают в плену, берут смелость выразить Вам

---

* Письмо это и ответ на него (в копиях) находятся в числе некоторых бумаг графа Беннигсена, хранящихся в Военно-ученом архиве Главного штаба, в особой связке, носящей заглавие «Differens papiers touchant la campagne de 1799 en Suisse et en Italie.» *К. В.*

** Приводим и ***французский*** оригинал этого письма, написанного ***русскими*** офицерами: Général Consul! Les soussignés officiers russes, prisonniers de guèrre, sensibles á la manière dont ils sont tiaités, prennent la liberté de vous en témoigner leur gratitude. Il vous appartenait, général, d'adoucir leur sort et d'attacher au char de votre gloire le triomphe de l'humanité. Daignez recevoir l'expression de leur sincère recannaissance d'autant plus jastifiée qu'ils osent solliciter et attendre de votre bienveillance le port d'armes qui doit toujours distinguer des officiers qui n'ont jamais dévié des principes de l'honneur dont ils font profession. Salut et respect. (Signé) Zalessky, Capitaine. Kourdumoff. Lieutenant.

свои чувства признательности. Вы, генерал, облегчили их участь и этим присоединили к победоносной колеснице Вашей славы торжество человеколюбия. Примите выражение самой искренней их признательности, тем более справедливой, что они решаются прибегнуть к Вашей благосклонности и ожидать благоприятного разрешения на право ношения оружия, каковое всегда являлось отличием звания офицеров, никогда не нарушавших правил чести, служителями коей они являются. (Подписали) Капитан Залесский. Поручик Курдюмов».

Первый консул сочувственно отнесся к просьбе русских офицеров и поручил генералу Мортье* дать им следующий ответ:

«Господа, Первый консул всегда почитал отвагу и доблесть воинов вашего народа, а также поощрял эти добродетели и у французов. Убежденный в чувствах, в коих вы его заверяете, он разрешает вам, просимое вами, право ношения оружия. Привет и почтение. (Подпись) Эдуард Мортье».

Внимание Бонапарта к русским не ограничилось этим частным случаем. Отсутствие всяких сношений с Французской республикой создало весьма странное положение для русских пленных, и судьба их оказалась в руках случая, так как для обмена их у России не было пленных французов, которых во время войны мы передавали австрийцам. Между тем, при тогдашнем положении французских финансов, содержание около 7000 русских пленных ложилось значительной тяжестью на бюджет республики. Войнам с Европой не предвиделось конца, а постоянные походы поглощали огромные денежные средства. Правительственная касса, несмотря на колоссальные реквизиции, практиковавшиеся во время Итальянского похода, была далеко не в блестящем положении. При этих условиях первой мыслью Бонапарта было предложить Австрии и Англии, у которых имелось известное количество пленных французов,— обменять их на русских, находившихся во Франции. Предложение это было вполне естественно, так как обе названные державы, находясь в союзе с Россией, могли, казалось бы, оказать эту услугу своей союзнице, войска которой служили интересам английской и

* Впоследствии маршал и герцог Тревизский. *К. В.*

австрийской политики. Но здесь повторилось то, что мы наблюдаем и впоследствии, в течение всей борьбы Священного союза с Наполеоном: Россия оказывает совершенно бескорыстно помощь Европе, часто терпит большие уроны и взамен — встречает весьма двусмысленную политику и холодный эгоистический расчет.

Англия и Австрия наотрез отказались от обмена русских пленных на французов.

Тогда у Первого консула явилась удачная мысль *возвратить русских пленных императору Павлу*, без всяких условий, использовав этот инцидент в интересах сближения Франции с Россией. Притом же этот, по выражению Тьера, акт мудрого великодушия (acte de générosité habile), немного стоивший Франции, мог доставить ей огромные выгоды: поведение в этом деле союзниц России должно вызвать неудовольствие в Петербурге, а возвращение пленных еще сильнее подчеркнет в глазах русского императора политику Австрии и Англии и обратит его симпатии в сторону Франции.

Задавшись этой целью, Первый консул начал действовать со своей обычной решительностью и энергией. Возвращение русских пленных облечено было в такую форму, которая, несомненно, должна была произвести впечатление на рыцарскую натуру Павла. Все пленные, по распоряжению Первого консула, были одеты, за счет французского правительства, в новые мундиры русского образца: офицерам и даже солдатам возвращено оружие и, в довершение всего, русским войскам возвращены взятые у них знамена.

Вместе с тем Бонапарт поручил Талейрану написать письмо русскому министру иностранных дел, графу Н. П. Панину*, в котором французский министр сообщал, что так как Англия и Австрия не захотели доставить свободу солдатам русского царя, которые сделались пленниками, защищая интересы этих держав, то Первый консул, не желая лишать этих храбрецов их родины, возвращает их русскому императору, без всяких условий, *как дань его уважения к русской армии, которую французы научились почитать на поле битвы.*

Вот что Талейран писал Панину:

---

* Письмо Талейрана Панину от I термидора IX года (9 (20) июля 1800 г.).

«Милостивый государь! Первый консул Французской республики был вполне осведомлен об обстоятельствах кампании, предшествовавшей его возвращению в Европу. Ему известно, что англичане и австрийцы обязаны успехом своего оружия содействию русских войск, и так как он всегда высоко почитал храбрость и искренно желал выказать свое уважение доблестным войскам, он поспешил предложить английским и австрийским комиссарам по обмену военнопленных — включить в этот обмен русских, находящихся во Франции, с тем чтобы эти пленные могли даже воспользоваться некоторыми преимуществами ввиду того, что, будучи менее акклиматизированы во Франции, пребывание в этой стране могло оказаться для них вредным.

Между тем это предположение, по-видимому, вполне естественное и возобновленное несколько раз, осталось без всяких последствий. *Англичане, которым хорошо известно, что только русским они обязаны своими первыми успехами в голландской экспедиции, ее плодами** и обеспечением своего отступления (ибо *без содействия русских войск ни один англичанин не вернулся бы на свои суда*),— те же англичане, имеющие в настоящее время в своем распоряжении 20 000 французских пленных, не выразили желания произвести обмен на русских.

Возмущенный такой несправедливостью и не желая долее удерживать в плену столь храбрые войска, *покинутые и скомпрометированные недостойными союзниками*, Первый консул сделал распоряжение, *чтобы все русские*, которые находятся в плену во Франции, в числе около 7000 человек, *возвращены были в Россию, без обмена и со всеми военными почестями*. С этою целью они будут заново обмундированы, вооружены и *получат обратно свои знамена*.

Его Величество император всероссийский потребует от Англии, если он признает это нужным, возвращения на родину соответствующего числа французских пленных, находящихся в Англии,— но намерение Первого консула заключается лишь в том, чтобы выказать свое особенное уважение к

---

* Здесь, очевидно, упоминается об англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г., из которой существенную пользу извлекла только Англия, захватившая весь голландский флот, который остался окончательно в ее руках, так как условия конвенции его не коснулись.

русской армии и свое желание сделать что-нибудь приятное Его Величеству императору всероссийскому.

Необходимо будет только, чтобы ваше сиятельство поставили меня в известность о пути, который Его Величеству угодно будет избрать при возвращении русских войск в его империю, и я прошу Вас, милостивый государь, доставить мне этот ответ своевременно, с тем чтобы войска Его Императорского Величества могли выступить в путь до наступления осеннего времени.

Примите и проч. (подписал) Карл Маврикий Талейран. Париж, 1 термидора IX года республики».

Письмо это было отправлено французскому посланнику в Гамбурге, Бургоэну, для передачи нашему представителю в этом городе — Муравьеву. Последний был в большом смущении и не знал, что делать. Строгий приказ государя не входить ни в какие переговоры с французским правительством — лишал его возможности принять письмо; но, ознакомившись с его содержанием, он понял его важное значение и решил донести обо всем происшедшем в Петербург. Между тем Первый консул, придавая важное значение вопросу о сближении с Россией, отправил второе письмо русскому императору.

В этом новом послании чувствуется гениальный ум дипломата, строго взвесившего все шансы и изучившего психологию императора Павла I. В письме этом Бонапарт обращается к Павлу как к гроссмейстеру Мальтийского ордена. Он предлагает уступить России безвозмездно Мальту и перевезти освобожденных русских пленных для оккупации и защиты этого острова, который в течение продолжительного времени Англия держала в блокаде. Французский гарнизон крепости, истощив почти все запасы, не был бы в состоянии долго продержаться; занятие же Мальты русскими обострило бы отношения Англии к России, что, конечно, входило в расчеты Бонапарта.

На этот раз, не желая передавать письма дипломатическим путем, Первый консул поручил Талейрану доверить обе ноты (о военнопленных и об острове Мальта) русскому майору Сергееву, находившемуся в числе пленных, который и должен был доставить их графу Панину.

Предложение Первого консула произвело в Петербурге чрезвычайно сильное впечатление. Павел I как будто сразу забыл свое враждебное отношение к Франции и резко переменил его на симпатии к Бонапарту, который в глазах гроссмейстера Мальтийского ордена являлся истинным рыцарем. Сразу последовали крупные перемены в политике, выразившиеся прежде всего в явном охлаждении к союзным державам и особенно к Англии.

Занятие Мальты русскими войсками, по многим причинам, не могло осуществиться, но для принятия пленных немедленно же отправлен в Париж генерал Спренгтпортен[2]. Последний заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее. Спренгтпортен был типичный авантюрист того времени, один из тех иностранцев, которые ловким предложением услуг умели получить благоволение и даже влияние при русском дворе. Шведский выходец, служивший ранее королю Густаву, но затем озлобленный тем, что его заслуги недостаточно оценены, он начинает интриговать против Швеции и, поселившись в Финляндии, проповедует идеи финского сепаратизма. В то же время он входит в сношения с русским правительством, которое сначала не обращает внимания на его искательства, но затем пользуется его услугами. Впоследствии «финский патриот» — Спренгтпортен, командуя уже отрядом русских войск, спокойно отдает приказ стрелять в финских стрелков Саволакской бригады, которые ранее находились под его начальством и носили его на руках как своего популярного генерала.

Мнения о Спренгтпортене вообще значительно расходятся. Некоторые финские писатели возносят его до небес как деятеля, способствовавшего укреплению финляндской автономии. Иные из русских писателей считают его службу русскому правительству крайне полезной, другие, напротив, усматривают в ней один вред, так как Спренгтпортен, по их мнению, препятствовал своими проектами и интригами прямому завоеванию Россией Финляндии, занявшей с того времени исключительное положение, не соответствующее идее целостности империи.

Не входя в рассмотрение этих мнений, зависящих от взглядов авторов на цели и задачи того или другого государственного строя, мы должны признать, что личность барона

Император Павел I.
С гравюры Дункортона, сделанной с портрета Щукина

Спренгтпортена рисуется вообще в очень непривлекательном свете. Его вечные домогательства денежных субсидий у того или другого правительства, его постоянные интриги и назойливое вмешательство в дела, не имевшие к нему ни малейшего отношения,— значительно обесценивают его положительные качества.

Мы позволили себе здесь эту вводную характеристику лишь потому, что недостатки Спренгтпортена ярко обнаружились при его поездке в Париж по делу о выдаче русских пленных.

Спренгтпортен приехал в столицу Франции ранее Колычева (назначенного для возобновления дипломатических переговоров с Первым консулом), и вместо того, чтобы ограничиться порученным ему делом о военнопленных, он с изумительным легкомыслием и настойчивостью стал вмешиваться в дела политики[3]. Французы приняли его, по-видимому, за настоящего русского посла, называли «ambassadeur de Russie»[4], и генерал, не стесняясь, принимал не принадлежащий ему титул. Он начал играть роль, задавал балы, приглашая на них цвет французского общества[5]. Рапорты его к импера-

тору Павлу, сначала деловые и строго почтительные, делались со временем все легкомысленнее, игривее, указывая вместе с тем на явное желание руководить взглядами императора на политику. Отчет об одном бале снабжен газетной вырезкой с описанием торжества и лирическим изображением прелестнейших женщин и блестящих нарядов.

Такая фамильярность была не в духе Павла I, но Спренгтпортен пошел еще далее. Он стал посылать в Петербург шифрованные депеши политического содержания, например, о том беспокойном ожидании, которое наблюдается в Париже по поводу предполагаемого ультиматума императора Павла на ноту Талейрана, касающуюся мира Франции с Австрией. В конце этой депеши Спренгтпортен опять впадает в игривый тон, бранит англичан, заверяет императора в симпатиях к нему французов и прилагает куплеты, петые в парижской итальянской опере во время представления пьесы «Петр Великий» и вызвавшие шумные рукоплескания*.

Надо вспомнить характер императора Павла, чтобы понять, как отнесся он к таким донесениям, носящим оттенок бестактной фамильярности. Павел I вышел из терпения и перестал, как ранее, лично отвечать Спренгтпортену. Зато генерал получил, уже через министра иностранных дел, категорическое выражение высочайшей воли: «Его Императорское Величество, по прочтении письма вашего высокопревосходительства от 24 января 1801 года, повелел отвечать вам, чтобы вы ничем другим, кроме выдачи пленных, не занимались и затем немедленно возвратились, как только поручение будет исполнено».

---

* Couplet chauté par M-me Cretu dans «Prierre le Grande», Opera:

Des bords glacés de la Néva
Jusqu'aux rives de la Seine
Si la discorde s'élève
Et des traités rompt la chaine,
L'avenir promet d'être heureux
Et les destins vont a la Françe
Avec un peuple généreux
Prendre son antique alliance.
Ciell entend la prière
Qu'ici je fais!
Daigne á l'Europe entière
Donner la paix!

Спренгтпортен понял, что дальнейшие его попытки вмешиваться в политику вызовут уже настоящие громы в Петербурге, и тогда только занялся своим прежним делом.

30 вентоза IX года (9 марта 1801 г.) между Спренгтпортеном и генералом Кларком* заключена конвенция, в которой говорилось, что французское правительство возвращает русскому императору его войска, без всяких условий, как знак уважения Первого консула к его особе (dans le dessin de donner à sa Majésté un gage de l'estime et de la considération du Premier Gonsul pour Sa personne)[6]. Все русские офицеры и солдаты, находившиеся до того времени в городах: Lille, Cambray, Bouchain, Awesne, Landecy, Le Quesnoy, Nordlibre,— были сосредоточены в Намюре, откуда отдельными эшелонами направлены в Кельн, причем расходы по передвижению этих войск до названного города французское правительство приняло за свой счет. Согласно этой конвенции русские войска должны были выступить из Кельна после их сосредоточения в этом городе, в течение трех дней. Всего возвращено русских войск 6732 человека, из коих 154 штаб- и обер-офицера, в том числе раненых 2076. Из этого числа тяжелобольных оставалось в госпиталях — 196 человек (187 нижних чинов и 9 офицеров)[7].

Произведя собранным в Намюре русским войскам инспекторский смотр и поручив общее над ними начальство генерал-майору Маркову, Спренгтпортен отправил вступившему уже на престол императору Александру подробный отчет о своих действиях через князя Долгорукого**, игравшего впоследствии столь значительную роль в первые годы царствования Александра. Это был ловкий маневр опытного царедворца, желавшего заслужить благоволение Александра, поручив свое первое донесение любимцу нового императора.

Так закончился первый акт франко-русского сближения при императоре Павле. Взгляды нового императора на политику были уже не те, и отношения к Франции вскоре приняли то направление, которое последовательно привело к эпической борьбе двух народов и политическому единоборству их вождей.

---

* Впоследствии военный министр и герцог Фельтрский.

** Князь Михаил Петрович Долгорукий, впоследствии генерал-адъютант. Род. 1780 †1808. Убит в сражении при Индесальми.

Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 года

Генерал Дезидерий Хлаповский родился в 1788 г., в Познани, в родовом имении Турви. Воспитанный первоначально в доме отца аббатом-эмигрантом, а затем отданный в школу пиаров, Хлаповский с юных лет стал выказывать способности к математическим наукам и влечение к военному делу. Уступая желанию юноши, отец определил его на 15-м году от роду юнкером в драгунский полк генерала *Брусевича*, квартировавший неподалеку от его имения, а вскоре затем разрешил отправиться для дальнейшего обучения в Берлинскую артиллерийскую школу, в которой Хлаповский оставался до самого вступления в Берлин французов в 1806 г. В этот день он сел на лошадь и прискакал в Познань, где еще ничего не знали о йенском погроме. Когда известие, привезенное Хлаповским, распространилось по городу, прусский комендант Познани вызвал его к себе и сделал строгий выговор за распространение «нелепого слуха о занятии Берлина французами».

— Как нелепого? — воскликнул Хлаповский.— Но ведь я видел их собственными глазами!

— Was, wlrkliche Eranzosen?* — пробормотал пораженный комендант и тотчас выехал из города, оставив гарнизон на произвол судьбы.

Находясь в артиллерийской школе, Хлаповский в то же время числился в 9-м пехотном линейном полку князя Сулковского. В конце января 1807 г. пришел приказ о мобилизации войск вновь учрежденного Наполеоном герцогства Варшавского. Этим делом усердно занялся известный организатор польских легионов в Италии генерал Домбровский. Хлаповский получил в командование роту и в половине марта вместе с полком отправился к Данцигу, в котором находились русские и пруссаки под начальством фельдмаршала

* Как, настоящие французы?

Генерал Д. Хлаповский

Калькрейта. Во время осады этой крепости Хлаповский при одной из вылазок гарнизона был ранен, взят в плен казаками и на шведском пароходе отправлен в Ригу. Когда после Фридландского сражения произошел обмен пленными, Хлаповский получил свободу и в августе 1807 г. прибыл в Варшаву. Здесь он был представлен князю Понятовскому и награжден орденом Virtuti militari[1]. В это время Хлаповскому шел 19-й год.

В ноябре 1807 г., принимая в Берлине на торжественной аудиенции польскую депутацию герцогства Варшавского, Наполеон дал понять полякам, что он готов провозгласить независимость Польши, под условием, однако, чтобы поляки мобилизовали армию от 30 000 до 40 000. Слово это, как электрическая искра, воспламенило надежды поляков, и всякий, кто только мог, садился на коня; помещики обязались выставить по одному вооруженному солдату на 20 хозяйских домов.

В Познань прибыл генерал Домбровский и приступил к формированию шести польских полков (двух конных и четырех пехотных) и в скором времени, ввиду ожидаемого прибытия Наполеона в Познань, сформировал почетный конвой

для императора из ста человек молодых дворян. Начальство над этим отрядом поручено *Уминскому**. В этот конвой зачислен был и *Хлаповский*, которому, в качестве хорошего кавалериста, поручено строевое обучение молодых людей.

Наполеон пробыл в Познани три дня и ежедневно объезжал окрестности для ознакомления с местностью и характером края. Император всегда ездил верхом, причем его постоянно сопровождал взвод этого почетного конвоя. Осень была особенно дождливая, реки разлились, и лошади буквально вязли в грязи. Однажды, во время одной из поездок императора, случилось, что сопровождавшие его французские офицеры завязли в болоте и не знали, как выбраться из оврага. Хлаповский, однако, вскоре отыскал удобное место и, переправившись на другую сторону болота, закричал французам: «Un Polonais passe partout!» (поляк всюду проходит) и тотчас провел всех на сухое место. Наполеон, всегда ценивший находчивость и отвагу, обратил внимание на молодого поляка и, задав ему несколько вопросов, остался чрезвычайно доволен краткостью и толковостью его ответов. Этот день был знаменательным в жизни Хлаповского и имел влияние на всю его дальнейшую судьбу. Через полгода после заключения Тильзитского мира Наполеон вспомнил о Хлаповском и велел прислать ему в Париж «ce petit Polonais qui passe partout»[2].

Жизнь Хлаповского в Париже проходила среди великих европейских событий того времени. Согласно желанию императора, он поступил в знаменитую *парижскую Политехническую школу*, основанную в эпоху революции в 1793 г. и преобразованную Наполеоном в 1805 г. Это была, бесспорно, лучшая во всей Европе высшая военная школа, давшая целый ряд блестящих генералов, прославивших французское оружие. Преподавателями в этой школе были в большинстве люди с громкой ученой репутацией и высоким положением. Таковы были *Фуркруа*, главный организатор ее, бывший морской министр и творец начертательной геометрии *Монж*, спутник Наполеона в Египетском походе; знаменитый ботаник *Жюссиё;* геолог *Фужа де Сен-Фон;* химик *Тенар* и др. В своих воспоминаниях Хлаповский с особенной

* В 1812 г. командовал 10-м гусарским полком.

любовью говорит о времени, проведенном в Политехнической школе, воспитанники которой, по его словам, настолько были заняты науками, что даже воскресные дни добровольно посвящали занятиям. В отпуск ходили редко; посещать театры дозволялось им не более раза в месяц, и то лишь тогда, когда давались трагедии, которые особенно поощрялись императором, как вид драматического искусства, наиболее способствовавший, по его мнению, возбуждению геройского духа. Самому Хлаповскому, однако, недолго суждено было пробыть в школе, и не прошло и года со времени его поступления, как ему пришлось отправиться в Байонну, куда он вызван был императором для исполнения при нем обязанностей *ординарца*. Эти ординарцы (Officiers d'Ordonnance) *были настоящими адъютантами Наполеона*, тогда как официальные его адъютанты (Aides-de-Camp de l'Empereur) как, например, Жюно, Мармон, Лористон, Друо, Лебрен, Бертран и др., были генералы, командовавшие уже корпусами, для которых дальнейшим служебным шагом являлся только пост маршала. В мирное время ординарцы, находившиеся при императоре, не имели почти никаких занятий, несли дворцовую службу и исполняли обязанности докладчиков. Впрочем, когда император посылал их с депешами, то приходилось днем скакать, а ночью со строгим приказом являться в назначенные пункты в точно определенный срок. В военное время служба ординарцев была значительно труднее, особенно во время боя, когда, выслушав отрывистые приказания императора, им приходилось скакать под неприятельскими выстрелами к начальнику той или другой части и в точности передавать распоряжения Наполеона. Если ординарец императора командировался в военное время в действующую армию, он должен был по возвращении представить Наполеону самый подробный рапорт о состоянии данной части, тщательно осмотреть походные госпитали, перевязочные пункты и доставить подлинные рапорты врачей. Если на вопросы императора ординарец отвечал сбивчиво и неуверенно, его ожидал строгий выговор за нерадение, а иногда и наказание. Естественно, что офицер, пробывший в такой школе несколько лет, являлся уже вполне подготовленным боевым деятелем, способным к самостоятельному командованию. *Императорские ординарцы* получали годовое

жалованье в 12 000 франков и за каждую кампанию по 10 000 франков единовременно. Каждый из них имел в своем распоряжении 12 лошадей и конюхов, содержимых за счет императора.

Прибыв в Байонну, Хлаповский сдал экзамен Политехнической школы у начальника инженеров генерала *Бертрана* и, в ожидании войны с Испанией, стал заниматься испанским языком. Между тем 3 июня 1808 г. император вызвал Хлаповского и приказал ему ехать с депешами в Испанию к находившимся там маршалам. По расписанию он должен был поспеть на другой день, в 4 часа утра, в *Витторию*, передать депеши генералу *Вердье* и, не останавливаясь, ехать в *Бургос*, где находился маршал *Бессьер* и, наконец, в *Мадрид* к *Мюрату*. Согласно полученному приказанию, он немедленно выехал из Байонны и, меняя лошадей на каждой станции, гнал со скоростью $2^1/_2$ миль в час. В течение ночи он сделал 24 мили. Перед ним, по местному обычаю, ехал верховой почтальон с бубенчиком на лбу у лошади, знавшей хорошо дорогу, и Хлаповский ехал ночью по звуку бубенчика. Рано утром, еще до назначенного времени, Хлаповский прибыл в *Витторию*, в полдень был в *Бургосе*, а на другой день в *Мадриде*. Но здесь он уже не мог сойти с лошади и едва держался на ногах, так что его пришлось вести под руки к *Мюрату*. Ноги у него до того распухли, что надо было разрезать сапоги; три дня пролежал он почти без движения, затем принял ванну и постепенно стал поправляться. Мюрат задержал Хлаповского еще на несколько недель в Мадриде, после чего он вернулся в Байонну, представив императору подробный рапорт о своей поездке. В Байонне сделан был императором смотр уланскому полку генерала *Конопки* и *легко-конному* полку Красинского, в котором впоследствии служил Хлаповский.

В течение 1808 г. Хлаповский ездил с императором в *Эрфурт*, где происходило знаменитое свидание Александра с Наполеоном, и затем вместе с императором вернулся в *Байонну*. В это время испанская война была в полном разгаре, и хотя *Ланн, Ней* и *Сульт* одержали целый ряд блестящих побед, Наполеон решил лично прибыть в армию и 8 ноября 1808 г. со штабом перешел границу Испании. Во время этого похода с императором произошел случай, которого Хлапов-

ский был очевидцем. Дорога шла между горами, среди глубоких пропастей. Свита императора задержалась в ожидании пригона мулов для спуска с крутой горы. Император не захотел ждать и велел подать себе небольшие саночки, чтобы спуститься с горы. Так как подобный спуск был сопряжен с большой опасностью, то свита умоляла императора не рисковать жизнью. «Как,— воскликнул Наполеон,— неужели вы думаете, что я могу погибнуть столь ничтожным образом? Меня могут погубить только мои собственные ошибки!» При этих словах он сел в санки и благополучно спустился вниз.

Во время пребывания Наполеона в Испании Хлаповского постоянно посылали с поручениями к тем или другим командирам отдельных корпусов. 15 января 1809 г. он получил большую командировку от императора, находившегося в это время в *Вальядолиде*. Хлаповский должен был ехать в *Майнц* к князю-епископу примасу, оттуда в *Кассель* к королю Вестфальскому, затем в *Дрезден* к саксонскому королю и, наконец, в Варшаву, доставить сведения о настроении умов в герцогстве Варшавском и о действиях Австрии в Галиции. Все это было исполнено молодым поляком в совершенстве, за что он удостоился особенной благодарности Наполеона.

Во время австрийской кампании 1809 г. Хлаповский принимал участие в Ваграмском сражении, где с ним произошел следующий эпизод. В самый разгар боя Наполеон послал его с приказанием двинуть кавалерию на помощь Макдональду, который врезался в центр австрийской армии и гнал ее перед собой. Выслушивая приказание императора, Хлаповский, по обычаю, держал над головой приподнятую шляпу. В это время пуля выбила ее из рук молодого ординарца, который, не моргнув глазом, продолжал выслушивать приказ. Император сказал ему с улыбкой: «Хорошо, что вы не выше ростом на $^1/_2$ вершка, а то бы несдобровать вам». Хлаповский выслушал приказ и молча поскакал на позицию. Хладнокровие молодого человека понравилось Наполеону, который сказал присутствовавшим, указывая на удалявшегося Хлаповского: «Ce jeune homme la ira loin» (этот молодой человек далеко пойдет).

После заключения мирного договора в Шенбрунне Хлаповский, утомленный физически после перенесенных им тру-

дов, заболел. По приказанию Наполеона он был отдан на попечение лейб-медика императора, знаменитого д-ра Ywan[3], который в 1 $^1/_2$ месяца поставил на ноги юного воина.

Следующие два года, 1810 и 1811, несмотря на продолжавшуюся войну в Испании, прошли сравнительно спокойно. Хлаповский успел, однако, получить командировку в Мадрид, к королю Иосифу, для передачи ему инструкций.

В это время произошел развод Наполеона с императрицей Жозефиной, и, через месяц после свадьбы императора, Хлаповский в числе других ординарцев был произведен в подполковники и зачислен в гвардейский легко-конный полк (Chevaux-Legers Polonais de la vieille garde)[4]. Полк этот, с которым Хлаповский, в качестве эскадронного командира, совершил весь поход 1812 г., был сформирован в 1807 г. и вскоре за выдающиеся боевые заслуги зачислен в старую гвардию. В Испанскую кампанию 1808 г. он особенно отличился при взятии ущелья Сомо-Сьерра — эпизод, прославивший польскую кавалерию в военных летописях XIX в. Командование этим полком было поручено *графу Викентию Красинскому*, единственному командиру за все время существования полка. В кампанию 1812 г. польские шеволежеры составляли частью конвой при императорской квартире, частью разбросаны были по разным корпусам Великой армии, с успехом неся разведочную службу, в качестве людей, знавших Литовский край и знакомых с русским языком. Во время отступления из Москвы они оказали значительные услуги Великой армии, но Наполеон, как мы увидим из воспоминаний самого Хлаповского, не жалел преданных ему до самоотвержения поляков, посылая их зачастую в самые опасные места. Дезидерий Хлаповский был женат на Антуанетте Грудзинской, младшей сестре княгини Лович, супруги цесаревича Константина Павловича. По отзыву известного партизана Д. В. Давыдова, Хлаповский был человек замечательного ума и беззаветной храбрости, который сумел внушать к себе всеобщее уважение и удивление.

Воспоминания Хлаповского* представляют, наряду с мемуарами Колачковского, Зайончека, Шимановского, Плач-

---

* Jeneral Dezydery Chłâpowski. Pamietniki. Poznan, 1900. Не следует смешивать его с генералом ***Хлопицким***, тоже ветераном Наполеоновских войн и диктатором во время восстания 1831 г.

ковского и др. деятелей наполеоновской эпохи, несомненный интерес для изучения славной эпохи 1812 г. Настоящие воспоминания, в сущности, краткий дневник автора, в который он вносил все, что привлекало его внимание; имена и события иногда переданы не совсем точно, большинство фактов освещены с точки зрения польского офицера, естественно несколько склонного к восхвалению своих соотечественников, но тем не менее в этом кратком дневнике историк, несомненно, найдет немало фактов, ярко иллюстрирующих военную и бытовую сторону Отечественной войны.

Глава I

От Парижа до Вильно

Париж в 1811 году.— Русское посольство.— Князь Куракин.— Нессельроде.— Чернышев.— Выступление в поход.— Прибытие в Познань.— Наполеон не рассчитывал на войну.— Я расставляю для императора пикеты от Торна до Данцига.— Эпизод с вюртембержцами.— Крепость Грауденц.— О езде гвардейской кавалерии.— Прибытие императора в Кенигсберг.— Переправа через Неман.— Козетульский

Зиму с 1811 на 1812 г. мы провели особенно весело в Париже. Император, по возвращении из Голландии, хотел, по-видимому, доставить удовольствие своей молодой супруге, вследствие чего почти ежедневно давались балы или в Тюильри, или у сестер императора, или у королевы Гортензии*, которая еще продолжала носить титул королевы голландской, несмотря на то, что Голландия уже была присоединена к Франции, и это королевство, в силу каких-то странных соображений императора, было уничтожено. Говорю «странных», ибо не мог же Наполеон рассчитывать на верность и преданность людей, которых он сегодня возвышал, а завтра низвергал,— словом, третировал, как своих чиновников.

Кроме этих балов у родственников императора, бывали еще балы у всех французских министров и у послов иностранных держав. Между прочим, давались балы и у русского посла *князя Куракина*, несмотря на то, что за последнее

* Гортензия Богарне, дочь Жозефины, вышла за Людовика Бонапарта, короля Голландии, и была мать Наполеона III. Род. 1783 г. † 1837 г.

время сильно поговаривали о возможности войны с Россией, так как император Александр не хотел или не мог выполнить требования Эрфуртского договора, главным условием которого было закрытие русских портов для английской торговли. Я познакомился с некоторыми членами этого посольства. Сам князь Куракин*, богатый и знатный вельможа, находился на этом посту, по-видимому, только ради представительности, а настоящим руководителем посольства был *Нессельроде***, с которым я почти ежедневно встречался в небольшом интимном кружке. Он очень правильно смотрел на вещи и доказывал, что Россия не может обойтись без торговли с Англией и что совершенное ее прекращение не в силах даже императора Александра. Был также при посольстве младший секретарь Будякин[5], который очень сошелся со мной и постоянно говорил, что он происходит от старого литовского рода и что его родственники имеют земли в Украйне. С молодым *Крюднером*, из того же посольства, я близко сошелся. Это был сын знаменитой г-жи Крюднер, протестантки-пиэтистки, имевшей впоследствии столь сильное влияние на императора Александра. Не могу не упомянуть здесь и о полковнике *Чернышеве****, который в это время наделал много шуму, подкупив двух чиновников Военного министерства****, выдавших ему секретные сведения о состоянии всех корпусов французской армии[6]. Получив эти сведения, Чернышев так быстро уехал, что приказ о его аресте пришел на границу, когда он уже выехал из пределов Франции. Крайне ловкий в делах подобного рода, Чернышев оставил по себе среди нас, знавших его мельком, во время боя под Асперном, довольно смутное воспоминание.

Чтобы закончить перечень всех русских, которых я знал в то время, мне надо упомянуть о *русском священнике* здешнего посольства, который давал мне уроки русского языка и заходил ко мне раза по три в день. Вероятно, при от-

---

* *Князь Александр Борисович Куракин* (род. 1752 † 1818) накануне разрыва России с Францией был послом нашим в Париже.

** Карл Федорович, впоследствии министр иностранных дел, граф и канцлер империи.

*** Александр Ив., впоследствии военный министр, граф и светлейший князь.

**** Чиновники Военного министерства Мишель и Мозес. По приговору военного суда первый из них был казнен.

правлении за границу русское правительство выбирало лучших людей духовного звания, и хотя упомянутый священник не был из особенно ученых, но в общем это был человек, не лишенный природного ума и способностей*.

В апреле 1812 г. война с Россией казалась уже несомненной, и в первых числах мая мы выступили из нашей штаб-квартиры в *Шантильи*, направляясь на *Реймс* и *Верден*. Проживавшие в Вердене англичане до того сдружились с нашими офицерами, что громко высказывали свои пожелания победы французам, а не русским, и радовались при мысли о восстановлении нашего отечества. Здесь я познакомился с лордом Blanczy, лордом Begle и с некоторыми другими англичанами. Из Вердена мы пошли на *Лонгви* до *Люксембурга*. Это очень сильная крепость, требующая много войска. Здесь к нам присоединился генерал *Конопка*. Местность тут чрезвычайно красивая, особенно близ *Трира*, отличающегося живописным местоположением. Из *Майнца* я на почтовых отправился в Дрезден, захватил там свою сестру и приехал с ней в *Турви*, к отцу, у которого пробыл десять дней, и выехал затем в *Глогау* навстречу своему полку. Отсюда весь полковой штаб и все офицеры отправились к моему отцу в *Турви*, где мы протанцевали всю ночь напролет.

В начале июня мы прибыли в *Познань*. По-видимому, было уже поздно начинать войну с Россией в этом году, тем более что корпуса еще только стягивались отовсюду. Прусский корпус, составлявший левое крыло Великой армии, направлялся к Балтийскому побережью; правое крыло составляли австрийцы. Столь позднее выступление в поход и все расположение войск ясно доказывали, что Наполеон хотел только запугать императора Александра и русских, сосредоточив 400-тысячную армию против 200 000 русских. Вероятно, что только на этом основании он решился поставить на крылах своей армии австрийцев и пруссаков, на искренность которых он, конечно, рассчитывать не мог. Если бы Наполеон действительно желал войны и был бы в ней уверен, то несомненно, что он поставил бы эти корпуса в центре, окружив их французскими и польскими войсками.

* Священником русского посольства в Париже в 1812 г. был протоиерей о. Ермолай Бедринский. *К. В.*

Как только мы пришли в Вильно, то стало еще более очевидным, *что император не хочет войны*, так как он до последнего момента не переставал вести переговоры с Александром. В Вильно мы без всякой цели простояли две недели. Наконец, когда Наполеон убедился, что русский император не подпишет мира на предложенных ему условиях, он был вынужден начать войну и дать себя увлечь в глубь России в столь позднее время года.

Вся гвардия расположилась на квартирах близ *Познани*. Конные егеря нашей бригады стояли в *Овинсках*, мы же в *Мурованном Гозлине*. В окрестностях, у помещиков, давались балы и, между прочим, был бал и у моей тетки в *Лопухове*. Будучи у тетки, получил я приказание расставить пикеты, от *Торна* до *Данцига*, из 150 конных егерей и 150 человек нашего легко-конного полка (Chevaux-Legers). Я немедленно выступил и в первый день остановился под *Гнезном*, на второй — за *Могильным* и на третий в двух милях от *Иноврацлава*. Здесь почти весь мой отряд был расквартирован по деревням, близ большой дороги. Мне, с капитаном, двумя офицерами и одним взводом улан, пришлось остановиться в *Качкове*, где имелись помещичья усадьба и небольшая деревня.

Подъехав к воротам сарая, я увидел нашего фуражира, который сообщил мне, что в помещичьем доме квартирует вюртембергский майор с двумя офицерами, что солдаты их заняли конюшни и что майор категорически заявил ему, что не пустит нас на квартиры. Тем временем я въехал во двор, где у ворот стояли на часах два вооруженных вюртембержца и, по-видимому, собирались не пропускать нас. Тем не менее я слез с коня, приказал своему взводу спешиться и прямо прошел в дом, где в нижнем этаже расположились господа *вюртембергские офицеры*. Все они носили эполеты и нашивки высшего чина, чем тот, который имели в действительности, так что, например, майорские эполеты носили у них капитаны. Зная хорошо все это, я обратился к тому, которого подчиненные величали майором ради пущей важности, и, назвав его капитаном, довольно вежливо объяснил ему, что мы идем форсированными маршами для размещения пикетов по случаю проезда императора, что завтра на рассвете мы должны выступить и что в силу этого нашим лошадям необ-

ходим отдых. Поэтому я прошу его любезно уступить нам на эту ночь конюшни, в которых стоят его лошади; при этом я прибавил, что это все, что нам нужно, и что в остальном мы им ни в чем мешать не будем. В ответ на мою вполне миролюбивую речь вюртембержец даже не потрудился встать и довольно развязно заявил мне, что он этого не сделает.

— А если так,— перебил я его,— то советую вам, капитан, выслать людей за вашими лошадьми, так как я немедленно велю их вывести из конюшен и пустить на волю.

Сказав это, я повернулся и тут же передал это приказание моим солдатам, а сам поднялся во второй этаж, так как узнал, что там живет сама помещица, кастелянша Домбская. Хозяйка, которую я застал с дочерью в последней комнате, встретила меня очень радушно, как соотечественника, и сказала:

— Чем же, господа, мне угощать вас, когда вюртембержцы завладели всей кладовой? Солдаты внизу готовят офицерам, а нам наши люди тайком приносят хлеб! Вот уже в течение пяти суток мы питаемся чаем и кофе, которого у нас остался небольшой запас, а в довершение всего мы находимся в постоянном страхе пожара, так как солдаты их внизу разводят огонь прямо на полу и тут же, в комнатах, готовят себе пищу.

Я успокоил, насколько мог, г-жу Домбскую и обещал защитить ее от непрошеных гостей. В поход со мной взят был поваренок, который исполнял обязанности конюха и вел за собой лошадь, нагруженную мешками со съестными припасами. В *Иновраცлаве* мы сделали запас мяса, хлеба и овощей и ввиду этого я позволил себе пригласить хозяйку отужинать с нами в ее собственном доме. В это время вошел наш поручик *Любаньский* и отрапортовал мне, что приказание мое исполнено, лошади вюртембержцев выведены из конюшен и на их место впущены наши. При этом оказалось, что несколько вюртембержцев забрались на соломенную крышу этой конюшни и начали сдирать солому; тогда один из наших солдат, поднявшись вслед за ними по лестнице, сбросил одного немца с крыши. Немец упал на мостовую и стал вопить так громко, что на крик его выбежал капитан и с обнаженной саблей кинулся на одного из наших. На шум прибежал наш вахмистр *Смольский*, который распределял в конюшне фураж, и, увидев вюртембергского капитана с об-

наженной саблей, вырвал ее у него из рук, сломал о колено и сказал ему по-немецки:

— Научитесь, сударь, употреблять оружие на что-нибудь другое!

Капитан, очевидно, пораженный неожиданностью и внушительным видом атлета-вахмистра, молча удалился в свою комнату и больше уже не показывался.

После этого происшествия я стал, однако, опасаться, как бы вюртембержцы после нашего ухода не старались выместить свою досаду на двух оставшихся дамах — хозяйке усадьбы и ее дочери — и не подожгли дома. Проходя через Иноврацлав, где стояли французские кирасиры, я узнал, что ими командует знакомый мне генерал *Себастиани**. Вспомнив теперь о нем, я тотчас написал генералу об этом происшествии и просил его прислать сюда один эскадрон кирасир к трем часам утра, чтобы защитить жителей от мести вюртембержцев.

Г-жа Домбская, в течение пяти дней не выходившая с дочерью из комнаты, позволила дочери пройтись с нами по саду. Оказалось, что вюртембержцы по всему саду настроили множество будок и шалашей под деревьями, разводили огонь и готовили себе пищу, от которой распространялся сильный запах по всему саду. Не лучше было и в комнатах, в которых находились их офицеры: оттуда шел также сильный смрад, свидетельствовавший о том, что там жарят что-то жирное.

Вскоре отыскался и повар г-жи Домбской, который вместе с моим поваренком изготовил нам ужин. В девятом часу вечера, когда мы сидели за столом, вошел в комнату адъютант генерала Себастиани — *Лавоэстин* (Lawoestine), чрезвычайно любезный молодой человек, которого я знал еще в бытность мою в Париже. Со времени посылки моего письма к генералу не прошло и четырех часов, а ответ уже был получен. Лавоэстин так спешил сюда, что в час сделал почти две мили от Иноврацлава. Он сообщил мне, от имени генерала Себастиани, что к трем часам утра сюда прибудет эскадрон кирасир, чтобы не допустить каких-либо насилий со стороны вюртембержцев, и что по этому поводу уже отправлен

* Тут, очевидно, ошибка: генерал Себастиани, в кампанию 1812 г., командовал 2-й легкой кавалерийской дивизией, входившей в состав 2-го резервного кавалерийского корпуса графа Монбрена.

рапорт маршалу Нею, в корпусе которого находились вюртембержцы.

Так как лошадь Лавоэстина была сильно измучена, то он остался ночевать в Качкове. Мы просидели за столом до полуночи, весело болтая, и благодаря веселости Лавоэстина г-жа Домбская и ее дочь совсем забыли про свой страх.

Убедившись в том, что кирасиры действительно прибудут, я приказал созвать всех окрестных крестьян, которых в Качкове собралось несколько десятков. Все они имели повод негодовать на вюртембержцев: одни ожидали обратной выдачи взятых у них повозок и лошадей, другие были задержаны вюртембержцами и должны были рубить для них дрова, носить воду и исполнять всевозможные работы и т. д. Последних я созвал и велел всем им разойтись по домам; что касается тех, у которых были отобраны лошади, повозки и скот, то я приказал им прийти в Качково к 3 часам утра, сказав им, что все взятое у них будет возвращено им обратно.

Вскоре после полуночи, простившись с хозяйкой, мы отправились заснуть на два часа, но еще задолго до рассвета отдаленные звуки трубы известили нас о приближении кирасир. Тем временем окрестные крестьяне собрались еще ночью. Каждый их них стоял близ своей лошади, и когда я скомандовал им и приказал трубить сигнал: «На коней!», все они разбежались на все четыре стороны, увозя свои повозки, лошадей и скот. Капитан кирасир приехал ко мне и, отрекомендовавшись, сказал: «Будьте уверены, полковник, что я ничего дурного здесь не допущу». При этих словах он пустил по адресу вюртембержцев такое словцо, которое я воздержусь повторять.

Из Качкова мы направились к *Торну*. В *Хелмже* мы покормили коней, а вечером стали на ночлег в *Грауденце*. Местность здесь совсем ровная, плоская, так что почти все время мы ехали рысью. *Гвардейская кавалерия* по большей части всегда шла рысью, когда дорога была ровная; если же дорога поднималась в гору или круто спускалась, мы обыкновенно шли шагом и часто спешивались, и вели лошадей под уздцы. Выступая в путь, мы обыкновенно около часу ехали шагом, затем останавливались минут на десять, слезали с коней, давали им несколько передохнуть и подтягивали затем

седельные подпруги, так как после часовой езды у лошадей живот стягивается и подпруги слабеют. Сев затем на лошадей, мы делали еще несколько сот шагов шагом, а затем пускали их рысью, и, если дорога была ровная, мы два часа шли этим аллюром. Благодаря этому способу езды мы были в состоянии делать двойные переходы. Когда несколько эскадронов идут вместе рысью, то между ними необходимо соблюдать интервалы, по крайней мере шагов на сто, с тем чтобы каждый эскадрон отдельно мог идти свободной рысью и не отставал. При езде рысью не только выгадывается время, но имеется еще и то преимущество, что солдат во время похода не засыпает, как это случается при езде шагом, когда всадник дремлет на ходу и качается, а лошадь утомляется и портится от постоянного трения седла.

Перед тем местом, где по расписанию была назначаема остановка, квартирьеры наши выходили нам навстречу и еще по дороге раздавали нам квартирные билеты, так что люди могли прямо вести лошадей на квартиры и никому не надо было возвращаться назад. То же самое делалось и при выступлении: все люди постоянно собирались на дороге, перед местом нашего расположения, лицом в ту сторону, куда надлежало ехать, так что и здесь солдатам не приходилось возвращаться назад. С молодыми солдатами этого делать нельзя: с ними надо выйти на какой-нибудь плац или на площадь, раздать им там квартирные билеты и на другой день, перед выступлением, собрать их на том же самом месте. В гвардии все были опытные солдаты, которых всегда можно было пускать поодиночке, без надзора, и все они всегда находились там, где следовало. При описанном мною способе езды во время похода как люди, так и лошади почти не утомлялись, ибо каждый всадник находился лишь столько времени в пути, сколько должен был бы употребить, если бы ехал один.

В *Грауденц* мы прибыли за час до заката солнца. Я снял мундир, надел сюртук и фуражку и направился к крепости. По дороге встретил я капитана французских конных егерей, который квартировал рядом со мной, и мы вместе пошли осматривать крепость, которая расположена тотчас за городскими воротами, влево, у самого берега *Вислы*.

Дойдя до глассиса, мы увидели двух часовых, которые не хотели нас пропустить, причем один из них вызвал унтер-офицера; последний явился и сообщил нам по-немецки, что для входа в крепость необходимо разрешение коменданта. Я сказал ему, кто мы такие, и просил доложить о нас коменданту, дабы тот разрешил нам войти в крепость. Минут через пять мы услышали барабанный бой и увидели самого коменданта (полковника), который шел с другим офицером. Он видимо удивился, увидев нас в сюртуках и фуражках (на нем был мундир с фалдочками, кивер и шпага с шарфом), но очень любезно просил нас зайти, обещая показать нам все, что нам будет угодно. Когда мы проходили через крепостные ворота, караул стал в ружье, затем мы увидели, что на плацу собирается весь гарнизон. На мой вопрос, почему караул стал в ружье, комендант ответил, что у них раз навсегда отдан приказ выходить вон караулу, когда приходит штаб-офицер какой бы то ни было части. Я извинился, что мы в сюртуках и не при оружии, так как мы предполагали сделать ему визит лишь на следующий день и не рассчитывали, что придется его беспокоить сегодня, ибо думали, что в мирное время в крепость впускают без особого разрешения.

На другой день, рано утром, я оделся в полную парадную форму и в сопровождении субалтерн-офицера отправился с визитом к коменданту. По всему видно было, что он был чрезвычайно доволен этим посещением и рассыпался в любезностях.

Крепость Грауденц расположена над Вислой. В ней три бастиона и два полубастиона образуют *форт системы Монталамбера*. Со стороны города крепость также снабжена валом и рвом. Все эти сооружения очень внушительны и казематы превосходны, что делает из Грауденца чрезвычайно сильную крепость, которая совершенно господствует над Вислой. В Квидзин я прибыл 3-го, где застал несколько знакомых прусских офицеров. 6-го я сопровождал императора до *Штума*. Отряд наш мы догнали в *Квидзине*, где оставался только один взвод; остальные четыре, бывшие под моим начальством, выступили на *Мальборт, Тшеву* и *Данциг*.

Полк наш из Торна пошел прямо на *Гейльсберг* до *Гумбинена*. Мы нагнали его за несколько миль от Ковно. Лишь

только император прибыл сюда из *Кенигсберга*, он тотчас отправился к мостам через Неман. На следующий день он переправился через мост, а за ним и мы. В этот день дежурным при императоре был полковник *Козетульский*. Император приказал ему переправиться с одним эскадроном через реку, так как на другом берегу показались казаки. Наши пустились вплавь, причем несколько человек утонуло, а казаки поспешно отступили.

Глава II

От Вильно до Москвы

Пребывание в Вильно.— Польская депутация.— Бал у Паца.— Движение на Витебск.— Казаки и их способ ведения войны.— Польский корпус под Смоленском.— Бой при Валутиной горе.— Дорогобуж.— Вязьма.— Бородинское сражение.— Казаки и голландская кавалерия генерала Кольбера.— Плен графа Гурьева.— Вступление в Москву.— Дом князя Лобанова на Тверской.— Жизнь в Москве.— Напрасные надежды на мир

Вечером мы вернулись обратно в Ковно. Император уже выехал к авангарду к *Вильно*, мы же пошли за ним на другой день и в два перехода дошли до *Вильно*. Там я был дежурным при императоре в течение целой недели. Наполеон ежедневно совершал поездки верхом в город, любуясь живописными окрестностями древней столицы Литвы. Между тем проходившие корпуса направлялись к Двине. Говорили, что часть русской армии, отступив за Двину, укрепилась под *Дриссой* и что император Александр решил здесь защищать древнюю границу государства. Другая часть русской армии, под начальством Багратиона, отступила на Минск, к Днепру. За ним следом шел король Вестфальский, который, вопреки распоряжению императора, остановился в дороге, за что Наполеон отнял у него командование, передав начальство маршалу Даву.

В Вильно известный Пац дал в честь императора бал, в своем дворце, в котором жил граф Тизенгаузен.

Хотя время здесь проходило довольно весело, но в армии уже носились зловещие слухи о том, что война затевается

кровопролитная и что весь наш край будет сильно разорен. Эти слухи сильно смущали меня и наполняли сердце тайной скорбью. Во время пребывания нашего в Вильно я часто бывал у *княгини Гедройц*, у которой встретил старую знакомую *графиню Тизенгаузен* и г-жу *Коссаковскую*, рожденную *графиню Потоцкую*.

Во время пребывания Наполеона в Вильно из Варшавы прибыла депутация от сейма, чтобы просить императора о присоединении Литвы к герцогству Варшавскому. Как известно, Наполеон дал довольно двусмысленный ответ, никого не удовлетворивший и опечаливший людей более дальновидных. Для более легковерных оставалась надежда, что будущие военные действия, в которых польские войска должны играть не второстепенную роль, вынудят, наконец, Наполеона сделать что-нибудь для поляков. На самом же деле вопрос сводился к тому, что императору необходимо было во что бы то ни стало принудить Россию просить мира, чтобы затем совместно с ней действовать против главного своего врага — Англии. Это была, без сомнения, основная задача всей его политики. Наполеон понимал, что Россия не может примириться с мыслью о восстановлении Польши и будет вести борьбу до последней крайности. Таким образом, ему пришлось бы вести войну в Испании и в Польше, и он никогда бы не достиг заветной своей цели — уничтожения могущества Англии. В действительности поляки в глазах Наполеона были лишь удобным вспомогательным орудием для его завоевательных планов. В Вильно вспомнил я мнение старого Костюшко о Наполеоне и его совет: учиться под руководством величайшего полководца нашего времени — на пользу собственной родины.

Из Вильно мы выступили вслед за императором в *Глубокое* по направлению к Витебску. За несколько миль от Витебска, под *Островной*, произошла кровопролитная стычка между нашим авангардом, под начальством *Мюрата*, и русским арьергардом. Один из наших эскадронов, находившийся при Мюрате, понес значительные потери, так как неаполитанский король в бою не щадил ни себя, ни других. Император прибыл на поле сражения по окончании пушечной пальбы, которую мы слышали в течение нескольких часов.

Кавалерия Мюрата, вероятно, была сильно утомлена, потому что император тотчас приказал нашей бригаде двинуться вперед. Надо думать, что русские тоже понесли сильные потери, ибо, подходя к *Витебску*, мы встретили русских гвардейских гусар и казаков, которые не оказали нам никакого сопротивления и, отступая, рассыпали фланкеров. Несколько казаков, в красных мундирах, лежали убитыми на дороге: это были все рослые, крепкого телосложения люди.

Когда мы вступили в *Витебск*, русская армия отступала через Двину по направлению к *Великим Лукам*, т. е. на Петербургскую дорогу. Мост через Двину не был уничтожен, хотя можно было перейти ее и вброд. В первой же деревне после Витебска мы узнали, что русские двинулись не к Петербургу, но повернули вправо, к *Смоленску*. *Багратион*, отступая перед войсками *Даву*, переправился через *Днепр* под *Рогачевым**. Тут русский арьергард храбро дрался с Даву**, удерживая его авангард до тех пор, пока вся армия не перешла через *Днепр*. Император быстрым движением из Ковно на Вильно и из Вильно на Витебск разъединил русскую армию на две части: одна, под начальством *Барклая* (при которой находился император Александр), отступила к Двине на Дриссу; другая, под командой Багратиона, отступала на *Минск*, к Днепру.

Наша армия расположилась по селам близ Витебска и отдыхала. Получив извещение о соединении Багратиона с главной русской армией, император направил нас из Витебска к Днепру, на соединение с Даву, в корпусе которого также были и польские войска. Мы перешли Днепр под *Дубровной*. Здесь, приближаясь к Смоленску, Днепр делал несколько заворотов, из которых самый большой близ *Катани*. В *Дубровне*, где находилась главная квартира, получено было известие, что у *Катани*, на нашем левом фланге, стоит русский корпус, по этой стороне реки. Император выслал четыре эскадрона под начальством *Козетульского**** на ре-

---

* Под Новым Быховым.

** Известный бой у деревни Салтановки, ознаменованный геройским подвигом Раевского во главе Смоленского пехотного полка.

*** Ян Козетульский (1781 г. † 1820 г.) один из героев Сомо-Сьерры в 1808 г.

когносцировку по этому направлению. Мы выступили в полночь, имея проводниками двух старых крестьян, говоривших по-польски. Не доезжая полмили до Катани, мы увидели казаков, которые вскоре отступили налево, к Днепру. Солнце взошло, и было уже совсем светло. На возвышении мы заметили неприятельскую кавалерию и впереди ее несколько сотен казаков. Козетульский отвел назад первый эскадрон, который уже завязал было дело с казаками, и мы все стали на позицию. Вероятно, русские заметили с горы наши 4 эскадрона и стояли спокойно, но казаки, рассыпавшись в поле перед ними, начали стрелять из винтовок. Увидев, что мы не отвечаем на их выстрелы, они надвигались все ближе, и мы явственно могли различить их крики: «Ляхи! Ляхи!», ибо они узнали нас по нашей форме. Один казачий офицер, на серой лошади, подъехал к нам менее чем на сто шагов и на хорошем польском языке стал вызывать охотников с ним сразиться. Несмотря на это, Козетульский не позволил никому двигаться с места. Тогда казачий офицер слез с коня и стал кричать: «Теперь можете меня взять!» В заключение он стал распускать подпругу у седла, но, заметив, что нас ему не удалось раздразнить, он вскочил на коня и отъехал к своим. Казаки сделали около ста выстрелов, но ни один не причинил нам вреда.

Казаки вообще не нападают на регулярные войска, когда они находятся в боевом строю, хотя бы даже на один эскадрон. Они стараются иметь дело с рассыпанными людьми, которых умеют задевать, завлекать в засаду и затем берут в плен.

Когда сделалось совершенно светло, мы увидели на другом берегу Днепра целую колонну кавалерии, двигавшуюся по направлению к Смоленску. Казаки и гусары, которые были на этой стороне, переправились через реку и присоединились к колонне.

Мы вернулись в *Дубровну*. Император, который полагал, что здесь произойдет соединение двух русских армий и что русские дадут ему сражение в окрестностях *Дубровны*, *Ляд* или *Красного*, теперь убедился, что *Барклай* соединится с *Багратионом* под Смоленском.

Это было *3 (15) августа 1812 г.*, в день рождения императора, которой хотел дать сражемие именно в этот день.

Мы тронулись далее на *Ляды* и *Красное* и остановились перед *Смоленском.* В десяти верстах от города, со стороны *Мстиславля,* к нам присоединился польский корпус князя *Понятовского*, составлявший как бы авангард *Даву.* Кавалерийская дивизия князя *Сулковского*, которую я здесь увидел, произвела на меня прекрасное впечатление: отборные люди имели воинственный вид и сидели на превосходных лошадях. В этот день я увидел только первую ее бригаду, состоявшую из *гусар Тулинского и конных егерей*, у которых лошади были еще лучше.

Смоленск лежит на левом берегу Днепра. С этой стороны и расположилась наша армия. Правое крыло ее составлял 5-й (польский) корпус Понятовского. Гвардия расположилась за палатками императора, откуда можно было видеть весь Смоленск, с его стенами и старинными башнями, на которых мы видели солдат и пушки, стоявшие в амбразурах. Перед стенами гарцевало множество казаков. Между линией французских войск и стенами города находился глубокий овраг, в который спускались казаки.

Будучи в этот день дежурным, я получил от императора приказание взять один эскадрон и выгнать из оврага казаков, так как Наполеон хотел ближе подъехать к стенам и лучше рассмотреть их. Он вскоре сел верхом и поехал вслед за нами. Едва мы спустились к оврагу, как казаки, сделав несколько выстрелов, поспешно отступили. Выехав на другую сторону оврага, я развернул эскадрон в линию, так как предвидел, что русские откроют по нам огонь со стен. Действительно, в нас было пущено несколько гранат, из которых одна разорвалась среди наших рядов, ранила несколько человек и убила две лошади. Воспользовавшись небольшим замешательством, казаки решили атаковать нас и сделали это с такой быстротой, что я не успел оглянуться, как пика одного из них уже была направлена мне в грудь. Мне удалось, однако, отпарировать удар саблей, и пика слегка оцарапала мою лошадь, оставив у животного кровавый след от уха до ноздрей. Наш капитан *Скаржинский*, ловко владевший саблей, зарубил нескольких казаков. Пики у казаков слиш-

ком длинны, и потому, несмотря на их природную ловкость, они не могут владеть ими так быстро, как наши уланы. Встретив энергичный отпор со стороны эскадрона, казаки отступили под самые городские стены. Император, ехавший за нами, успел тем временем рассмотреть все, что ему было нужно, отъехал назад и затем дал приказ к общей атаке.

Польская пехота, несмотря на сильный неприятельский огонь, отважно подошла под самые стены, но за отсутствием бреши не могла проникнуть в город и отступила с большим уроном. Генерал *Хлопицкий* был ранен в ногу. На левом фланге французская пехота несколько раз ходила в атаку и также не могла войти в город. Не понимаю, почему император не употребил в дело крепостных орудий, которыми легко мог бы сделать бреши перед атакой. Последняя продолжалась до самого вечера.

На другой день, перед рассветом, артиллерия должна была начать действия против городских стен, но вскоре получено известие, что наша пехота уже в городе. В Смоленске русских уже не было: они ночью отступили через мосты.

Наша польская бригада, состоявшая из 15-го и 16-го линейных полков, ночью вошла в город, найдя часть стены разрушенною и заложенною только бревнами. Через эту брешь они вошли в город, куда ввезены были два орудия под командой поручика *Хршановского*. В дневном приказе по войскам было сказано, что первыми вошли в город французские войска 3-го корпуса Нея. Это неверное сведение можно объяснить только тем, что император хотел этим польстить национальному самолюбию французов.

Корпус Даву прошел через город, тотчас переправился на другую сторону Днепра и пошел вслед за русской армией по Московской дороге. Гвардия с императором вошла в Смоленск, где мы простояли два дня. На следующую ночь получено известие, что множество казаков, шедших в голове целого корпуса русской кавалерии, появилось в *Мстиславле* и намереваются напасть на часть нашей армии, оставшейся на левом берегу Днепра. Все корпуса, исключая гвардию, бывшую в городе, находились на правом берегу Днепра; одна только польская армия, потерпевшая сильный урон, осталась на месте. Получив упомянутое известие, император прика-

зал мне двинуться с одним нашим эскадроном на рекогносцировку по направлению к *Мстиславлю*, чтобы убедиться, действительно ли туда приближается русский корпус.

Я выступил из Смоленска, где мы на улице кормили лошадей скошенной рожью, лежавшей в снопах. Люди лежали на мостовой, на голых камнях, ввиду недостатка соломы. Пройдя около полумили от города, мы увидели обоз князя *Понятовского*. Оказалось, что князь спал в крытой походной коляске, и пришлось просить его адъютанта разбудить князя: во-первых, чтобы от имени императора узнать от него, нет ли каких сведений о неприятеле; а во-вторых, чтобы просить разрешения пройти через его аванпосты. Князь вскоре вышел ко мне, так как спал одетым, и дал мне в проводники офицера, который должен был сопровождать меня до аванпостов. Ночь была довольно светлая, и мы вскоре пришли к расположению кавалерийской дивизии князя *Сулковского*, который также отдыхал в коляске и также скоро вышел ко мне, узнав о данном мне императором поручении. Он сообщил мне, что один из его офицеров недавно вернулся с Мстиславльской дороги, где разговаривал с местными крестьянами, которые все говорят на ломаном русско-польском наречии. Крестьяне доставили им фураж для лошадей и провиант и сообщили, что о русских войсках в их стороне ничего не слышно.

Поблагодарив генерала и положившись на рапорт офицера, я покормил коней и перед рассветом вернулся в Смоленск. Около 8 часов утра я сдал рапорт императору, сообщив, что все опасения напрасны, так как на Мстиславльской дороге о русских ничего не слыхать. Несомненно, что доставленные ему накануне сведения были неверны.

Из Смоленска мы выступили в полдень. В это время император получил известие от маршала Даву, что в десяти верстах, по Московской дороге, русские стали на позицию и что авангард Даву — дивизия *Гюдена* — уже завязал с ними дело. Когда, в 4-м часу пополудни, мы прибыли на место битвы, неприятель уже отступил. Множество трупов покрывали поле. Среди убитых было особенно много русских офицеров. В этом деле генерал *Гюден** потерял обе ноги и вскоре умер.

* Начальник 3-й пехотной дивизии в корпусе Даву.

Местность здесь покрыта кустами молодого сосняка, среди которых русские храбро дрались, защищая каждую пядь земли. Эту битву французы называют «днем под десятой верстой», так как она произошла на расстоянии десяти верст от Смоленска. Впоследствии ее стали называть сражением под *Валутиной горой*.

На третий день после этого дела мы стали под *Дорогобужем*. Местность здесь, начиная от Смоленска, малонаселенная, покрытая редким кустарником, и заметно отличается от Литовского края, где природа более живописна, дома жителей более опрятны и где всюду видны следы трудов рук человеческих и более высокой культуры. Здесь же вообще жилье встречается редко, и одна деревня отстоит от другой верст на пятнадцать. Во время отступления от Смоленска сами русские жгли села и приказывали жителям, забрав имущество, лошадей и скот, уходить далее к Москве. До *Можайска* крестьяне еще немного понимали по-польски. Ту же картину опустошения видели мы и до *Вязьмы*, в окрестностях которой, однако, земля несколько лучше и близ самого города видна кое-какая зелень и устроены небольшие садики при домах. На городском базаре и на улицах видны были несколько десятков каменных одноэтажных домов.

5 сентября (24 августа) прибыли мы, наконец, к позиции, которую русские укрепили окопами, и по всему можно было заключить, что здесь они собираются дать сражение. В этот же день 5-й корпус взял штурмом большой редут, выстроенный впереди всей позиции в виде большого укрепления*. Польская пехота особенно отличалась при этом штурме, но зато понесла и сильные потери.

Палатки императора были поставлены на этом редуте. Влево, за оврагом, стала лагерем гвардейская кавалерия, пехота же и артиллерия — тотчас за императорской ставкой.

Уже смеркалось, когда наши солдаты стали вбивать коновязи. От Смоленска лошадей кормили только свежескошенной рожью. В Литве и Белоруссии мы еще находили овес, который нам охотно давали крестьяне. От Смоленска же не только русские все забирали и заставляли жителей уходить,

* Шевардинский редут.

но и сама местность была безлюдная и бедная. Только за несколько миль не доходя до Москвы, край несколько меняет свой характер, представляя кое-где следы некоторого достатка жителей. Я решительно не понимаю, откуда некоторые писатели взяли, будто местность близ Москвы представляет край населенный, в котором жители богаты. Это совершенно неверно. Русский крестьянин здесь ходит в грубой, грязной рубахе, опоясанной соломой или веревкой; иногда он имеет соломенную шляпу, иногда ходит с непокрытой головой, благодаря обильной растительности на голове и бороде; все без исключения летом ходят босиком и не знают нижнего белья. Вообще по всему видно, что это незажиточный народ. Говорю это как очевидец, ибо, когда мы делали рекогносцировки на несколько миль в сторону, то в деревнях находили жителей лишь в нескольких милях от большой дороги: по главному тракту русские угоняли всех жителей перед нашим приходом.

Расположившись на биваке, мы с Козетульским легли на наши чепраки, накрылись плащами и заснули. Ночью пошел сильный дождь, а так как мы лежали у пригорка, то вскоре нас разбудила струя холодной воды, которая нашла себе дорогу между нами и замочила мне весь левый бок. Пришлось встать, и вплоть до утра мы не спали и только грелись, сидя у костра, где наши люди варили себе пищу. Здесь простояли мы весь день 6 сентября (25 августа). Император сел на коня и объезжал позицию, осматривая расположение неприятельской армии.

На рассвете 7 сентября (26 августа) на нашем правом фланге раздались звуки марша: музыка пехотных полков играла, выбирая лучшие пьесы для возбуждения бодрости и духа войск перед битвой. Теперь уже никто не сомневался, что дело дошло до генерального сражения.

Когда совсем рассвело, перед каждым батальоном было прочитано краткое воззвание императора к войскам, и вскоре после этого на нашем левом фланге загремели орудия: то была атака вице-короля*.

* Вице-король Италии — принц Евгений Богарне, командир 4-го пехотного корпуса Великой армии.

Не буду описывать это кровопролитное сражение, которое французы называют *Московским*, по имени реки Москвы, здесь протекающей, а русские *Бородинским*: оно не раз было описано — *Сегюром* в несколько романическом духе; известным *Шамбре* — в строго военном, и *Бутурлиным* — достаточно правдиво для офицера противной стороны. Притом же я лично не имел возможности видеть всю битву, как это бывало в других сражениях, в которых я находился при императоре, стоявшем всегда на видном месте. Во время Бородинского сражения мы все время простояли в лощине и видели только дым от пушечных выстрелов, гудевших по всей линии. Только однажды на час времени мы выдвинулись на возвышение, в тот момент, когда наши кирасиры пошли в атаку на пехоту, защищавшую русский центральный редут. Император велел нашему полку выдвинуться вперед и приготовиться к атаке, на тот случай, если кирасиры будут отбиты. Редут был до такой степени изрыт ядрами, что император рассудил, что кавалерия будет в состоянии взять его. В это время нам пришлось быть очевидцами блестящей атаки кирасир, произведенной четырьмя французскими полками, одним полком польских кирасир Малаховского и саксонскими кирасирами Лейсера.

Кирасиры стремительно ворвались в редут и, рубя пехоту, пронеслись дальше. Малаховский и Лейсер, раненые несколько раз, упали с лошадей. После взятия редута нам приказано вернуться на прежнюю позицию, куда не долетали пули. В течение целого часа мы видели императора, расхаживавшего с подзорною трубой на возвышении перед своей палаткой; но с этого места он не мог видеть всю линию боя, ибо правое крыло (корпуса Даву и Понятовского) скрыто было в лесу и за лесом, на старой Смоленской дороге, а левое (корпус вице-короля) стояло за холмами. Вот почему Наполеон мог только видеть корпус Нея и почти всю кавалерию Мюрата.

Каждую минуту к императору то и дело подъезжали генералы с места боя и, как нам говорили, заклинали его послать часть гвардии, чтобы нанести неприятелю решительный удар и воспользоваться плодами победы; но император постоянно

им отказывал в этом, и, кроме 60 орудий артиллерии, гвардия в бою участия не принимала.

Есть основание предполагать, что, находясь на расстоянии более 400 миль от Франции, Наполеон хотел сохранить свою гвардию нетронутой, тем более что конечной его целью было лишь желание устрашить императора Александра и добиться выгодного мира. Он хотел показать русскому императору, что он выиграл сражение даже без участия гвардии, каковое обстоятельство и поспешил обнародовать в бюллетене.

В четвертом часу пополудни к Наполеону явился ординарец и донес, что русские отступают в совершенном порядке за Можайск, удержав за собой этот город в течение ночи. Против обыкновения император не велел преследовать неприятеля. По всем его движениям, за которыми мы издали наблюдали, видно было, что он не совсем здоров. Он то прохаживался взад и вперед, то опускался на походный стул и в течение целого дня не садился на лошадь*.

На следующее утро после сражения наш полк и полк голландской гвардии, под общим начальством бригадного генерала *Кольбера*, выступили вправо, по дороге к Москве, получив приказание преградить путь от *Москвы в Калугу*. Пройдя около мили от нашего лагеря, мы стали встречать деревенских жителей. В полку нашем было несколько офицеров и солдат — уроженцев Волыни, Подолии и Украйны,— которые хорошо говорили по-русски. В авангарде у нас всегда находился один из таких офицеров и несколько солдат, так что крестьяне принимали нас за русских, тем более что в русской армии также были уланские полки, форма которых была похожа на нашу. С течением времени, слыша, что мы разговариваем между собой по-польски, а с голландскими офицерами по-французски, они догадывались, кто мы такие, чего, впрочем, мы и сами не скрывали.

Пока провианта у нас было в достаточном количестве, дисциплина среди солдат была хороша, и жители не только

---

* Автор, вероятно, не знал, что Наполеон и вице-король в начале 3-го часа поскакали к р. Войне, завидя кавалерию Платова и Уварова на своем левом крыле.

не убегали от нас, но даже встречали нас весьма дружелюбно.

Во время расстановки часовых на аванпостах впереди всегда ставили наших (поляков), голландцев же держали в тылу, причем к ним всегда прикомандировывали одного или двух из наших солдат, хорошо знавших по-русски. Однажды, близ большого села Фоминского, где мы простояли два дня, казаки, подкравшись незаметно, захватили в плен голландцев, стоявших на аванпостах, и только один из наших улан успел прискакать в лагерь с этим известием. Генерал *Кольбер* тотчас сел на лошадь и, взяв два эскадрона, погнался за казаками; но последние так быстро увезли голландцев на своих конях, что в лесу и на поле остались лишь одни следы лошадиных подков.

Генерал преследовал их полторы мили, но не мог догнать и вернулся в лагерь. С этого времени он отдал приказ наряжать на аванпосты голландцев вместе с нашими и часовых всюду ставить парных: одного голландца и одного поляка.

Для ночлегов генерал *Кольбер* имел свою собственную походную палатку, которую за ним возили на лошадях. Она была так велика, что в ней могли свободно помещаться, стоя, 12 человек. При нем было два адъютанта: Bro и Bragues, которые прекрасно пели и знали наизусть многие партии, исполнявшиеся в театре «Vaudeville»[7]. Каждый вечер несколько человек наших офицеров собирались у него в палатке. На марше от *Фоминского* до *Вереи* мы увидели среди других построек свеклосахарный завод, где нашли большое количество сахара в головах. Все наши солдаты запаслись большим количеством сахара и ели его в течение нескольких дней. От дурной пищи и дурной воды среди войск свирепствовала сильная дизентерия; в полку нашем почти с начала кампании многие солдаты страдали этой болезнью; но после двух-трех дней «сахарного лечения» большинство совершенно поправилось.

Около этого времени наш патруль захватил в плен почтовый экипаж, ехавший из Киева в Москву, в котором находился русский министр финансов, *Гурьев*, со своим секретарем[8]. Генерал *Кольбер* отправил их, под конвоем, к императору.

Прибыв в *Подольск*, лежащий на Калужской дороге, я был командирован в Москву с эскадроном, для дежурства при императоре, на смену подполковника *Иержмановского*, который был дежурным от Можайска. Приближаясь к самой Москве, мы встретили уже много хороших крестьянских домов и крашеных построек. Эти дома были выстроены богатыми помещиками, жившими в усадьбах, похожих на дворцы. И действительно, по дороге встречали множество дворцов с обширными садами и парками. Здания эти были чрезвычайно красивы, самых разнообразных архитектурных стилей и все прекрасно содержаны.

Мы находились в семи милях от Москвы, когда этот великолепный город горел. Несмотря на столь значительное расстояние от этого города, ночью ясно видно было громадное зарево, и это продолжалось в течение нескольких ночей. Крестьяне, которые были вместе с нами, сразу сказали, что это горит Москва.

Прибыв в Москву, я сменил дежурный эскадрон и, получив приказание оставить в Кремле, при императоре, всего 25 человек с одним офицером, сам, с остальными людьми, отправился через Белый город и Китай-город на Тверскую улицу. Я получил квартиру в доме князя *Лобанова*. Напротив меня, в доме купца *Барышникова*, стоял генерал *Красинский*. Оба дома были прекрасно устроены, и все в них было в полном порядке. Как в верхнем, так и в нижнем этаже мы нашли удобные широкие кровати, с сафьяновыми матрацами, превосходную мебель и полную обстановку. При доме имелись флигеля, обширные службы, оранжереи и большой сад. Лицевая сторона дома, выходившая на улицу, имела вид дворца, внутренняя же сторона, обращенная к двору и саду, представляла громадную барскую усадьбу, имевшую вполне деревенский вид. В двух боковых флигелях этого обширного дома находилось еще около 100 человек дворовых ремесленников и мастеров, которые впоследствии оказали нам большие услуги. Тут были сапожники и портные, ткачи, столяры, слесаря и всякого рода мастера, которым наши солдаты давали всю необходимую работу. Все эти люди были чрезвычайно услужливы. В амбарах мы нашли

множество зерна, весьма пригодившегося нам для наших лошадей.

Уверяли, что сгорело три четверти Москвы и уцелела лишь одна четверть. Мне кажется, однако, что это преувеличено, ибо весь *Кремль* с *Белым городом* и *Китай-городом*, почти вся *Тверская*, значительная часть предместья со стороны Можайска и почти все *Калужское предместье* остались нетронутыми.

Здесь посетил нас полковник *Моравский*, который пробыл у нас несколько дней, так как был нездоров. *Граф Караман*, который в это время командовал конной батареей в корпусе Даву, бывал у меня часто, хотя батарея его стояла в самом конце Калужского предместья, отстоявшего от нас на расстоянии около мили. У меня был вестовым солдат Мартин, который хорошо говорил по-русски и за деньги доставал все, что угодно.

Когда я прибыл в Москву, пожар уже кончился. Войска стояли в домах и нигде не было бивуаков. Мне рассказывали потом про все, что происходило во время пожара, *который длился целых шесть дней*. Всюду царил такой беспорядок, что, *по мнению многих офицеров, если бы русские в это время на нас напали, даже с небольшими силами, то легко бы одержали победу*. Теперь все было в порядке. В домах и подвалах сгоревших магазинов найдено было столько зерна и всяких съестных припасов, что всей армии хватило бы провианта и лошадям корма на целую зиму. Неприятно было то, что солдаты распродавали все вещи, которые находили в подвалах. Овощей было достаточно в огородах, как в городе, так и в предместьях. Шуб и тулупов найдены огромные склады, так что перед выступлением мы снабдили весь наш полк полушубками. За сеном и соломой отряды наши посылались в окрестности, сначала ближайшие к столице, а затем и в более отдаленные. Для гвардейской кавалерии запасы фуража были сделаны на всю зиму. Резервная кавалерия под начальством *Мюрата* расположилась лагерем под *Вороновым**, в четырех милях от Москвы; там же находился и 5-й корпус *Понятовского*.

* Имение графа Ф. В. Ростопчина.

По прошествии нескольких недель после вступления нашего в Москву казаки стали нападать на наших фуражиров. Меня несколько раз посылали на рекогносцировку с двумя или тремя эскадронами. При появлении нашей конницы казаки не показывались.

В Москве французские офицеры разыскали своих соотечественников-актеров, которые почти ежедневно давали представления, причем публика, конечно, была исключительно военная.

Великая армия вступила в Москву 2 (14) сентября 1812 г. и пробыла в ней до 8 (20) октября. В этот день началось движение на *Калугу* и затем от *Малоярославца* обратно на *Можайск*. Война началась в первых числах июня: если бы мы начали кампанию двумя месяцами раньше, то могли бы свободно отступить в Литву. Если бы, наконец, отдохнув две недели в Москве, мы вышли бы из этого города 1 октября, то успели бы еще достигнуть Днепра до наступления зимы. Но император дался в обман, в надежде заключения мира, которого сильно желал. Между *Кутузовым* и *Мюратом* было заключено перемирие, так как Наполеон отправил генерала *Лористона* для ведения мирных переговоров*.

Во время пятинедельного нашего пребывания в Москве Кутузов отовсюду стягивал резервы и обучал рекрутов, прибывших из внутренних губерний. До нас также дошли слухи, что 12 000 казаков, выслуживших уже срок службы, прибыли в русскую армию, которая увеличилась до 120 000 человек. Между тем французская армия после сильных потерь под Можайском и во время походов едва насчитывала 86 000.

Октября 18-го император получил уведомление, что *Мюрат*, раздосадованный тем, что, несмотря на перемирие, казаки нападают на французских фуражиров, нарушил перемирие и что спустя три часа после этого Кутузов так стремительно напал на него, что Мюрат был бы совершенно разбит, если бы его не выручил *Понятовский* с польскими войсками. 5-й корпус при этом покрыл себя новой славою.

---

* Перемирие заключено не было: Кутузов обещал только Лористону отправить письмо императору Александру.

Глава III

От Москвы до Магдебурга

Выступление из Москвы.— Малоярославец.— Нападение казаков на главную квартиру.— Разгром бригады Кольбера.— Отступление к Смоленску.— Красный.— Опрометчивый приказ Мюрата.— От Дубровны до Орши.— Встреча с маршалом Неем.— Борисов.— Переправа через Березину. Польские легко-коннцы в 1812 г.— Картины отступления

На другой день, 19 октября 1812 г., отдан был приказ о выступлении, а 20-го Великая армия покинула Москву, исключая молодую гвардию, оставшуюся здесь с маршалом *Мортье*, которому приказано взорвать Кремль и Арсенал, где русские оставили около 60 000 ружей.

Спустя четыре дня маршал Мортъе выступил из Москвы, прикрывая обоз наших раненых, отправлявшихся на Можайск, но не прямым путем, а через *Верею*.

От Москвы до *Малоярославца* наша бригада шла в арьергарде, и в течение первых трех дней мы не встречали неприятеля. Когда же итальянская армия начала бой под *Малоярославцем*, то казаки напали на главную квартиру императора с правого фланга, между Боровском и *Малоярославцем**. В это время при императоре находился всего один наш эскадрон под начальством подполковника *Козетульского*, который, в присутствии императора, бросился на целое полчище казаков. Говорят, что тут было несколько тысяч старых казаков, вновь прибывших с Дона, и что ими командовал сам *Платов*[9]. *Козетульский* был ранен пикой, *которая проколола его плечо до самой груди*: впоследствии он принужден был все время ехать за нами в повозке, а потом в санях. В это время показались гвардейские конно-гренадеры, которые неслись развернутым фронтом. Их черная

---

* Автор здесь описывает эпизод во время ночного нападения Платова с 12 на 13 октября, близ Городни, во время которого Козетульский действительно оказал чудеса храбрости. Когда казаки бросились на тыл неприятельского бивака, самому Наполеону угрожала серьезная опасность, и только благодаря блистательным действиям гвардейской кавалерии он, быть может, спасся от плена. Козетульский двукратно был ранен, ружейной пулей и пикой в грудь, за что, на самом поле сражения, был произведен Наполеоном в полковники (Пузыревский. Биография Козетульского).

линия в высоких медвежьих шапках была настолько внушительна, что казаки повернули и скрылись в лесу, но вскоре затем снова появились и напали на нашу бригаду. Генерал *Кольбер* выслал меня против них с двумя эскадронами. Я выехал вперед шагов на 500 и, собрав около сотни рассеянных пехотинцев, поставил их на левом фланге, под прикрытием нескольких изб. Наши фланкеры заманили казаков под огонь этой пехоты настолько ловко, что казаки смешались и поспешно отступили к лесу. Генерал Кольбер велел мне отойти к бригаде, оставив на месте один эскадрон голландцев под начальством капитана. Казаки тотчас заметили голландцев и смело бросились на них в атаку, окружив их с трех сторон. Увидев это, генерал Кольбер двинул против них всю бригаду. Казаки отступили к опушке леса, откуда вдруг появилась их несметная толпа, превышавшая численностью первую раз в десять. Лошади наши были утомлены, а казаки теснили нас со всех сторон. Мы потеряли в этом деле около 20 человек, а голландцы более 100. Виновником этой неудачи был генерал *Кольбер*, который, желая избавить эскадрон от опасности, атаковал неприятеля всей бригадой, не оставив резервов. За всю кампанию 1812 г. бригада наша не испытала большего несчастья. Мы понесли бы даже еще большие потери, если бы не ловкость наших легко-коннцев, умевших отбиваться от казаков; что касается голландцев, то казаки постоянно нападали на них в арьергарде и брали их в плен. После этого генерал *Кольбер* приказал одному польскому эскадрону перемениться плащами с голландцами. Наши отдали свои *белые плащи* голландцам, надели взамен их голубые и стали в арьергарде. Начинало едва рассветать.

Вскоре казаки действительно показались и смело напали на арьергард, принимая их за голландцев, но лишь только наши двинулись на них, они тотчас их узнали и с криками: «Ляхи, ляхи!» повернули назад.

Узнав, что за время перемирия армия Кутузова увеличилась почти вдвое, император, после Малоярославца, решил отступать, но вместо того, чтобы идти по неистощенной дороге, через *Медынь* и *Мстиславль* на *Оршу*, он пошел на *Боровск, Верею* и *Можайск*, по большой дороге, по которой Великая армия шла в Москву и которая совсем была разорена. Я не могу объяснить себе этого, так как дорога на *Ме-*

дынь не только не была разорена, но и значительно короче. Поэтому *Кутузов* и избрал этот путь, и остановился под *Вязьмой*, когда император с главными силами и с гвардией уже прошел. Оставшиеся в тылу корпуса *вице-короля, Нея и Даву* должны были пробиваться через *Вязьму* и понесли большие потери. Однако они соединились с нами под *Смоленском*, где император оставался два дня, и снова в том же порядке мы тронулись к *Орше*.

Маршал *Ней* шел в арьергарде на расстоянии дневного перехода. Через два дня мы пришли к *Красному*. Тут со стороны *Смоленска* русские атаковали молодую гвардию и отрезали от нас *вице-короля, Даву и Нея.*

Император приказал своему адъютанту, генералу *Дюронелю* (Durosnel), с батальоном старой гвардии и моими двумя эскадронами, проложить дорогу к Даву. Ночь была ясная. Казаки отступили перед нами, а мы, пройдя около мили, заметили горящие костры русского лагеря. Считая неприятеля слишком сильным, чтобы атаковать его обоз, генерал *Дюронель* приказал мне выбрать унтер-офицера и двух надежных солдат и поручить им пробраться к нашим отрезанным корпусам и уведомить их, что император не двинется из *Красного* до их прибытия.

Около третьего часа дня мы вернулись в *Красный*, а на следующее утро чуть свет император выступил к *Смоленску* с гвардией, но, пройдя около полумили, остановился близ оврага, наполненного глубоким снегом, где мы услышали сильную пушечную и ружейную пальбу, приближавшуюся, по-видимому, к нам.

Император справедливо рассудил, что это наши корпуса отбиваются от русских, и вскоре мы действительно увидели отряд кавалерии, а за ним и самого *маршала Даву* со своим корпусом, сильно пострадавшим.

Около полудня прибыл *итальянский корпус* вице-короля Евгения, потерявший всю свою артиллерию. Император приказал *польскому корпусу*, который не потерял ни одной пушки, передать итальянцам 30 орудий, т. е. половину всей своей артиллерии. *Понятовскому*, потерявшему множество людей под *Вороновым*, было вполне достаточно 30 оставшихся орудий, которые он благополучно довел до конца и храбро дрался с ними под *Березиной*, как мы увидим ниже.

Император прождал еще день маршала *Нея* и затем вышел к тому самому оврагу, но здесь вместо маршала Нея мы увидели со стороны Смоленска густые колонны русских, которые начали обходить нас с юга, и их кавалерия уже появилась на наших флангах и в тылу. Сильная стрелковая цепь рассыпалась перед оврагом, отделявшим нас от неприятеля, который занял деревню на правом фланге.

Я построился с четырьмя эскадронами также справа, тотчас за императором. Между тем Мюрат приказал мне с одним эскадроном следовать за ним на рысях, что было очень трудно, так как всюду лежал глубокий снег. Мюрат остановился перед деревней, занятой русскими стрелками, велел мне двигаться вперед и, указывая на деревню, сказал: «Entrez dedans» (входите туда!). Это был довольно странный приказ для кавалерии, но тем не менее надо было его исполнить.

Подобными выходками, кстати сказать, объясняется и тот факт, что в войну 1812 г. неаполитанский король потерял всю кавалерию, находившуюся под его начальством.

Исполняя приказание, я бросился в середину деревни, занятой стрелками, которые из дворов стреляли в нас почти в упор. Четыре всадника упали с лошадей, и шесть человек были ранены. Русские не отступили, но, скрываясь за домами и заборами, продолжали стрелять, а я проскакал через деревню во всю прыть, хоть снег доходил лошадям почти по брюхо, что, конечно, сильно мешало нашему движению. Мы выехали на другую сторону прямо к оврагу, и я построил эскадрон между армией и императором, который стоял на расстоянии около 600 шагов. В это время мы увидели роту гренадер старой гвардии, которых император двинул в деревню, заметив безумное распоряжение Мюрата. Гренадеры без выстрела заняли деревню, так как русские, сделав еще несколько залпов, отступили через овраг, причем несколько стрелков взяты были в плен нашими гренадерами, которые вместе с тем освободили и тех из наших всадников, которые во время атаки потеряли своих лошадей.

Император сошел с коня и стоял перед гвардией, когда я вернулся на свою позицию. Он был чрезвычайно рассержен на Мюрата и сказал мне резко:«Как могли вы слушаться этого сумасброда!» Между тем гранаты свистали все сильнее и стали вырывать людей из строя. Гвардия стояла подобно ка-

менной стене. Наши орудия не отвечали на выстрелы, так как император запретил это ввиду того, что русские стреляли на очень большом расстоянии, издалека. До нас, однако, долетали некоторые снаряды из их единорогов, и одна граната даже упала близ самого императора. Он пренебрежительно оттолкнул ее ногой и сказал: «Давно уже не видел я их у своих ног». Гранату разорвало, причем императора слегка осыпало снегом, но никто не был ранен.

Заметив, что неприятель все усиливается новыми войсками, император, полагая, что маршал Ней или попал в плен, или сам теснит русских, дал приказ к отступлению. Мы шли густыми колоннами, имея в авангарде дежурные эскадроны (szwadrony slúzbowe). Пехота старой гвардии шла в двух колоннах, затем артиллерия и в хвосте гвардейская кавалерия, тотчас за пехотой и артиллерией.

К сумеркам мы подошли к местечку *Ляды*, причем от полудня нас провожали казаки, которые беспрестанно стреляли в нас из своих небольших пушек. Ядра их долетали до императора, *который все время шел пешком среди гренадер старой гвардии*. Наши эскадроны несколько раз отгоняли казаков.

На следующий день, в том же порядке, мы дошли до *Дубровны*. Всю ночь казаки продолжали нас тревожить, нападая на наши пикеты, стоявшие близ деревень, население которых уже было совсем польское. Большинство жителей находились в домах и давали нам все, что имели.

От *Дубровны* до *Орши* мы шли более спокойно, так как неприятель совсем нас не тревожил. По прибытии в Оршу император послал меня вечером с одним эскадроном на рекогносцировку по Витебской дороге, как бы предугадывая, что с этой стороны должен будет показаться маршал *Ней*. Я поехал по указанному направлению, и вскоре, при свете луны, мы заметили группу всадников. Оказалось, что это были казаки, которые, увидев нас, отступили. Пройдя около двух миль, мы услышали ружейные выстрелы. Наконец, перед самым рассветом, увидели мы нескольких кавалеристов, а затем и пехоту и тотчас узнали наших. Не будучи в состоянии пробиться на большую дорогу, маршал *Ней* бросился на север, взяв с собой проводника-белоруса, понимавшего по-польски. Он перешел *Днепр*, бросил артиллерию и лошадей,

которых нельзя было перевести на ту сторону по причине слабого льда, и, идя все время правым берегом реки, наконец, встретился с нами. Сам маршал сидел на плохой крестьянской лошаденке, а вся его армия состояла из нескольких сот вооруженных и стольких же безоружных людей. Последние бросили оружие, изнемогая от усталости.

Маршал чрезвычайно обрадовался, узнав, что император ожидает его в трех милях от Орши. Офицеры рассказали нам про все невзгоды, перенесенные ими в эти дни. В числе этих было и несколько польских офицеров, которым маршал (по его собственным словам) был обязан спасением жизни.

Вернувшись в Оршу, узнал я следующее. Один из моих солдат, находившийся в ночном патруле на противоположном конце города, увидел и узнал моего приятеля графа *Карамана,* который вместе с несколькими артиллеристами грелся у костра. Вид его был очень плачевный. Все мои солдаты знали его в лицо, так как во время похода и затем в Москве он часто навещал меня.

Как только солдат сообщил мне об этом, я тотчас отправился к нему и действительно нашел его очень ослабевшим. Поговорив с ним наскоро, ибо я должен был немедленно вернуться в Оршу, я простился с ним и затем прислал ему немедленно со своим ординарцем одну из своих лошадей, что дало ему возможность приехать к нам в самый момент нашего выступления из Орши. С этого времени мы не разлучались с ним вплоть до самой Познани. Граф *Караман* командовал конной батареей в корпусе маршала Даву, которую потерял уже под *Вязьмой.* Лошадь под ним была убита, денщик его с другими лошадьми был взят в плен, так что от *Вязьмы* до *Орши* ему пришлось все время идти пешком. Тут же в Орше встретил я и другого своего старого товарища Таше де ла Пажери (родственника императрицы Жозефины), который также потерял лошадь и шел пешком. Я подарил ему лошадь со всем снаряжением, ту самую, которая под Смоленском ранена была казацкой пикой. У меня было всего 9 лошадей, из которых сохранилось 7. Все они были в хорошем теле, как и вообще большинство наших полковых лошадей. Дело в том, что наши солдаты ночью всегда ездили на крестьянских лошадях, захваченных по дороге, которые всегда шли с нами, чтобы беречь наших коней. Во время похода

фуражиры наши всегда возвращались с какой-нибудь добычей: забирали лошадей, скот или съестные припасы, смотря по тому, что находили. Однажды они привезли даже несколько повозок, нагруженных овсом и всякой провизией.

Как-то раз кавалеристы наши попали в деревню, где стояла русская кавалерия. Солдаты, оставив обоз и лошадей, спокойно спали в избах; лошади же стояли, запряженные в повозки. Часовых нигде не было, ибо русские не могли допустить, чтобы армия, находившаяся в полном отступлении, могла тревожить их нападением. Таким образом наши кавалеристы захватили весь обоз.

Из *Орши* мы отправились на *Борисов* по дороге, шедшей среди больших лесов. Местные жители Полесья были чрезвычайно к нам доброжелательны. Сначала император хотел идти через Борисов большой дорогой на Минск, где имелись значительные магазины и хлебные склады. Но в первый же день по выступлении из Орши он получил целый ряд печальных известий. Мы узнали, что генерал *Домбровский* должен был оставить окрестности Бобруйска, будучи тесним армией *Чичагова*, и отступить к *Борисову*, храбро отбиваясь, чтобы сохранить мост через *Березину*: подавленный превосходными силами, он должен был перейти мост и сжечь его*; что сформированная генералом *Коссецким* литовская бригада была разбита и что *Минск* занят русскими войсками; что *Шварценберг* и *Ренье* отступили перед *Тормасовым* к Варшаве; что под *Слонимом* генерал *Конопка* неосторожно вступил в бой с кавалерийской дивизией *Чаплица*, имея всего один полк литовской конной гвардии, и что сам он, с половиной полка, взят в плен; наконец, в довершение неудач, маршалы *Виктор* и *Удино*, разбитые корпусом *Витгенштейна*, отступали от *Полоцка*, а баварский генерал *Вреде* отступал перед *Штейнгелем*, теснимый финляндским корпусом.

Таким образом выяснилось, что отступление через *Березину* будет невозможно, ибо план русских заключался в соединении их корпусов с севера и с юга с тем, чтобы преградить нам путь. И это бы, несомненно, удалось, если бы *Кутузов* со своей армией, которая следовала за нами по пятам, напал на нас и если бы *польскому корпусу*, соединившемуся

* Это неверно: Борисовский мост был сожжен Чичаговым, при отступлении 11 ноября 1812 г. *К. В.*

с *Домбровским*, не удалось, благодаря чудесам храбрости, разбить *Чичагова*.

Прибыв в *Борисов*, император увидел, что переход здесь неудобен, и потому отправил инженерных офицеров за две мили выше для наводки моста*. Полк польских уланов, под начальством Томаша *Любеньского*, первый переправился вброд и рассеял казачьи разъезды Чичагова. За ним переправились: *Домбровский*, дивизии *Княжевича* и *Заиончека*, *легион Вислы* и бригада кирасир *Беркема*; они перешли через только что наведенный мост и атаковали с левого фланга *Чичагова*, который, узнав, что наводится мост, поспешно тронулся туда, но, не дойдя полумили до моста, был отброшен нашими войсками с таким уроном, что это дало возможность остальной части армии и гвардии спокойно перейти, уже через другой, вновь наведенный мост. Здесь к нашему полку присоединился генерал *Турно*.

Это последнее выигранное сражение в этой кампании было делом польских войск. При них находилась только одна бригада французских кирасир. Генералы *Домбровский, Княжевич* и *Заиончек* были ранены, причем последнему пришлось отнять ногу. Так как князь *Понятовский* вывихнул себе ногу, то император передал начальство над польскими войсками маршалу *Нею*. Остатки армии, с множеством раненых и больных, переходили реку. Маршал *Виктор*, отступая перед *Витгенштейном*, дошел до мостов, где русские ядра уже разрывались в обозе и среди раненых.

Перейдя реку, император с гвардией пошел узкой проселочной дорогой, по слабо замерзшим болотам, через которые было переброшено несколько десятков мостов, до *Молодечно*. За гвардией шли *польские корпуса*, разбившие *Чичагова*, а в арьергарде маршал *Виктор*. На третий день мы спокойно прибыли в Молодечно. Здесь император решил лично поспешить во Францию для сформирования новой армии. В Сморгони, поручив на другой день командование всей армии *Мюрату*, он выехал в двух повозках: в первой ехал он сам с *Коленкуром***, во второй поместились *Дюрок* с адъютан-

---

* У д. Студянки.

** *Коленкур* (Арман-Август) известный *герцог* Виченцский (1772 †1827), брат *графа Августа Коленкура*, убитого в 1812 г. во время атаки батареи Раевского, во главе 5-го кирасирского полка.

том *Мутоном*, а впереди всех, на маленьких крестьянских санях, ехали *Вонсович* и мамелюк *Рустам*.

Мы тронулись дальше к Вильно, где остались всего два дня, и через три дня были уже в Ковно.

Отправляясь в поход, полк наш перешел Неман в числе 915 всадников. При этом мы дали кадры для литовской армии, для эскадрона охотников, который формировали в Данциге, и, кроме того, из Москвы от нашего полка отправлены три капитана для формирования трех новых кавалерийских полков (на что, впрочем, не хватило времени). Не считая всей этой убыли, полк наш при обратном переходе через Неман имел, однако, 482 всадника и превосходил своей численностью все остальные три полка гвардейской кавалерии, вместе взятые. При этом я не считаю голландцев, так как, исключая *капитана Кольkхуна* и его брата, унтер-офицера, которые пристали к нам от Смоленска, я уже никого не видел из этого полка. Между тем в этом походе наш полк не щадили, ибо, как только получалось известие, что где-либо показались казаки, тотчас из главной квартиры следовал приказ императора: «Polonais, allez voir!»[10] Поэтому провести спокойную ночь для нас было большой редкостью.

Насколько велика была *дезорганизация среди немецких войск Великой армии*, лучше всего можно заключить из моей встречи с начальником *баварского корпуса* генералом *Вреде*. Это было на другой день после вступления нашего в Вильно. Мороз доходил до 20°. Рано утром шел я к замку, где находилась главная квартира короля *Мюрата*. В это время внимание мое было привлечено человеком в шинели не военного покроя, на голове которого был повязан большой платок и который быстро бежал по улице с обнаженной шпагой в руке. За ним бежало несколько солдат, с ружьями наперевес, как бы устремлявшихся в атаку. Увидев меня и узнав во мне, по мундиру и киверу, польского офицера, человек этот громко спросил: «Где главная квартира? В городе казаки! Они ловят наших по улицам, а гвардия не трогается из своих квартир!»

Всмотревшись хорошенько в закутанное платком лицо говорившего и прислушавшись к его голосу, я узнал в этом странном человеке баварского генерала Вреде, которого знавал еще в 1809 г. Я подошел к нему и сказал:

— Я иду в главную квартиру короля Мюрата, и если вашему превосходительству угодно, то я провожу вас туда. Мы можем идти совершенно спокойно, так как городские ворота заняты нашей пехотой и вокруг расставлены пикеты кавалерии. Казаков в городе нет. Не откажите поэтому, генерал, вложить шпагу в ножны, дабы не испугать короля Мюрата.

Вообще высшие французские офицеры гораздо лучше переносили холод и все лишения в походе, чем союзные войска немецких государств. Во время битв, сопровождавших отступление Великой армии, французские войска всюду дрались мужественно, несмотря на то, что были в малом числе. Наш полк во время отступления держался хорошо; в пище недостатка у нас не было, так как, находясь при главной квартире, мы всегда встречали транспорты быков, предназначенных для армии. Придя на ночлег, наши уланы тотчас занимали ближайшие дома и оберегали их от отсталых французской армии, которые жгли их на дрова для согревания. Офицеры наши постоянно спали у костров среди солдат. Приготовлением пищи обыкновенно занимался мой поваренок, Гаролинский, который жарил на огне мясо, а из муки делал большие лепешки, выпекая их на огне. Недостаток соли сильно давал себя чувствовать. Перед выступлением в поход каждый получал такую теплую лепешку и кусок мяса, чем должен был питаться в течение целого дня. Поваренка моего Гаролинского солдаты берегли, как зеницу ока, боясь, чтобы он не попал в руки казаков.

Припоминаю еще один из эпизодов в эту достопамятную кампанию. Однажды, во время дневки, несколько человек наших офицеров сидели в избе, желая согреться в ожидании обычной порции жареного мяса. Небольшая комната, в которую собралось довольно много народу, нагрелась, и вслед за этим вдруг распространилось страшное зловоние. Оказалось, что под кучей соломы в углу лежал труп замерзшего голландского генерала, который оттаял и начал разлагаться.

Еще перед Вильно в течение одной ночи *замерзла целая бригада неаполитанцев*. Несчастные звали *на помощь короля Иоахима*, показывали свои отмороженные руки и ноги, но среди ночи никто о них не позаботился.

Во время выступления из Вильно, видя страшный беспорядок и путаницу среди повозок и фургонов, которые (вслед-

ствие гололедицы) не могли въехать на Понарские высоты, мы, как знавшие хорошо окрестности, повернули направо и по льду, через Вилию, обошли опасное место. Вслед за нами, ввиду ручательства с моей стороны, что мы благополучно пройдем этим путем, последовал и кавалерийский *полк* под начальством *князя Кариньяна*.

Перейдя обратно Неман, под *Ковно*, мы уже нигде не останавливались в открытом поле, а стояли в деревнях. Отдохнув несколько дней *в Эльбинге*, мы, наконец, через *Торн*, прибыли в *Познань*. Здесь король Неаполитанский сдал командование армией *принцу Евгению Богарне*, который вскоре привел, по возможности, все в порядок, неспособных к бою отослав в тыл. Годных оказалось всего 10 000 солдат, по большей части старой гвардии, несколько рот итальянцев и 60 конных баварцев, которых присоединили ко мне и которые, благодаря своей невыносливости, причинили мне немало хлопот.

Узнав, что русская армия из *Плоцка* двинулась на *Калиш*, вице-король Евгений оставил Познань. Тяжело мне было покидать родной город с мыслью, что уже не скоро придется вернуться на родину. Рано утром, в 4 часа, наши пикеты отступили перед неприятелем и вошли в город, из которого вице-король выходил с армией. Еще далеко до рассвета я отправил наши эскадроны за вице-королем, а сам, с несколькими людьми и трубачом, остался на городской площади, близ рынка, а 12 баварцев оставил за мостом, чтобы казаки смелее на них напали. Когда я вскоре затем увидел, что баварцы отступают через мост, а за ними уже показались казаки и регулярная русская кавалерия, тогда только с тяжелым сердцем я решил выехать с 12 баварцами и с 6 уланами нашего полка. Это было в 8 часов утра 12 февраля 1813 г.

Неприятеля мы не видели до самого *Магдебурга*, где и закончилось наше достопамятное отступление из Москвы.

Библиотека и собрание И. Х. Колодеева по 1812 году, в Новоборисове Минской губернии

Самым богатым хранилищем по эпохе Отечественной войны является *Новоборисовское собрание* книг, рукописей, гравюр, планов и карт помещика Минской губернии *Ивана Хрисанфовича Колодеева.* Владелец обширной местности, на которой расположен посад Новоборисов, лежащий близ самой р. Березины, крупный помещик и первый пионер русской культуры в этом крае, И. Х. Колодеев является вместе с тем страстным любителем и знатоком славной эпохи 1812 г. Поселившись более 20 лет тому назад на берегах реки Березины, он глубоко заинтересовался историей этой достопамятной местности, в которую забросила его судьба, стал изучать ее, собрал, не жалея средств, громадную литературу по этому вопросу и вскоре затем от Березинской операции перешел к изучению 1812 г. вообще, а затем и к эпохе борьбы императора Александра с Наполеоном, обнимающей период времени от 1805 г. до 1815 г.* В настояшее время библиотека И. Х. Колодеева, как хранилище, посвященное исключительно одной эпохе, по своей полноте является, несомненно, первым собранием не только в России, но и в Европе**. В этом собрании, не считая значительной коллекции гравюр, карт, планов, чертежей и рисунков, одних книг на русском и иностранных языках — более 5000 названий,

* В 1901 г. И. Х. Колодеевым, по проекту корнета 50-го драгунского Иркутского полка Н. В. Зарецкого, в д. Студянке, на месте переправы французской армии, сооружены два памятника, на расстоянии 80 сажен один от другого, на том самом месте, где генералами Эбле и Шаслу построены были два моста, через которые 14, 15 и 16 ноября 1812 г. Наполеон перевел свою армию. На каждом из памятников имеются 2 медальона с горельефными изображениями бюстов императора Александра н Наполеона. Место переправы с точностью впервые определено И. Х. Колодеевым.

** Известная коллекция принца Роланда Бонапарта в Брюсселе особенно богата предметами из наполеоновской эпохи и реликвиями самого Наполеона, но, как коллекция *книг* и *рукописей* на *всех языках*, она значительно уступает Новоборисовскому собранию.

составляющих в общей сложности около 15 000 томов. Участвуя нынешним летом* во 2-й военно-исторической поездке на р. Березину, вместе с членами Общества ревнителей военных знаний, нам пришлось посетить Новоборисовское собрание И. Х. Колодеева, кратким описанием которого мы хотим поделиться с читателями, в уверенности, что ознакомление с этим единственным в своем роде хранилищем принесет несомненную пользу всем лицам, даже и не специалистам, интересующимся эпохой 1812 г.

Иван Хрисанфович Колодеев

В русском отделе около 2000 названий, не считая газет, журналов, листов, брошюр и газетных вырезок. В этот отдел вошла известная библиотека бывшего московского генерал-губернатора Закревского, причем все, что было в ней относящегося до 1812 г., приобретено И. Х. Колодеевым. В этом отделе собрано почти все, что до последнего времени было напечатано на русском языке по 1812 г. Начиная от классических сочинений по истории Отечественной войны, в нем имеется множество журналов, летучих листков и отдельных оттисков статей по этой эпохе, все, что напечатано на русском языке о Наполеоне. Весьма ценным материалом является *целая серия военных историй полков нашей армии*, заключающая в себе около 100 названий, среди которых зачастую встречаются драгоценные сведения о войне 1812 г., без которых нельзя обойтись ни одному исследователю этой эпохи. Весьма богата и ценна коллекция русских газет и журналов, выходивших в 1812 г. и последующих, приобретенная из собраний Закревского и Неустроева. Из таких журналов назовем: 1) «Московские ведомости», 2) «СПб. ве-

* 1903 г.

домости», 3) «Северная почта» (нынешний «Правительственный вестник»); 4)«Сын отечества» (1812—1835), 5) «Вестник Европы» (1806—1830), 6) «Русский вестник» (1808—1820), 7) «Отечественные записки» (1818—1830), 8) «Московский вестник», 9) «Московский телеграф», 10) «Северный архив», 11) «Славянин» и др. Собрание военных журналов: 1) «Русский инвалид» (1813—1822), 2) «Военный сборник», 3) «Военный журнал», издаваемый при гвардейском штабе под редакцией генерала Сипягина, 4) «Военный журнал», издаваемый майором Рахмановым, 5) «Финский вестник» и др.

В числе этих повременных изданий имеется весьма редкий экземпляр: «Nouvelles officielles de l'armée»[1],— *журнал на французском языке*, издававшийся, в течение 1812 г., *в Петербурге*, отдельными листами, с самого начала кампании и рассылавшийся высочайшим особам и иностранным послам с известиями о ходе военных действий. Журнал этот составлялся *Теодором Фабером*, основателем газеты «Conservateur Impartial»[2] — органа нашего Министерства иностранных дел, получившего с 1825 г. название «Journal de St-Petersbourg». «Nouvelles Officielles» печатались в весьма ограниченном количестве экземпляров, и полного собрания их нет даже в Императорской Публичной библиотеке. В собрании И. X. Колодеева имеется один экземляр под заглавием: «Nouvelles officielles de l'armée en date du 27 Août 1812», относящийся к периоду военных действий от Царева Займища до Бородинского сражения включительно. Библиографическую редкость представляют и отдельные номера (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 12) издававшегося в Минске, во время занятия этого города французами, под редакцией *инспектора Минской гимназии Бродовского*, повременного издания на польском языке под заглавием «Tymczasowa Gazela Minska»[3], в котором печатались все приказы Наполеона и сведения о действиях Великой армии до отступления ее из Москвы. Газета выходила 2 раза в неделю, форматом в лист писчей бумаги, от 2 до 6 страниц в номере. Первый номер вышел 6 (18) июля 1812 г. и был посвящен восхвалению «Великого Наполеона» и его сподвижника князя Экмюльского (маршала Даву). Особенно ценным, в качестве материала для истории Отечественной войны, в этом отделе является

громадное собрание мелких брошюр, отдельных оттисков и вырезок из всевозможных журналов и альманахов этой эпохи, среди которых имеются чрезвычайно редкие экземпляры. В этом же отделе имеется и полная коллекция альбомов, издававшихся в России по Отечественной войне. Все *издания П. И. Щукина* по 1812 г. Богатая коллекция библиографических и справочных изданий (Сопиков, Геннади, Губерти, Плавильщиков, Ламбины, Межов и др.). Редкий (безусловно unica) экземпляр *«Русской исторической библиографии»* Межова (3 тома), в котором, кроме отпечатанных 34 994 номеров статей, поступивших в продажу и не продолженных за смертью автора, имеется продолжение от № 34995 до № 37678, с корректурными отметками покойного В. И. Межова, причем №№ 37201—37667 посвящены именно истории 1812 г. Полная коллекция исторических журналов: «Русский архив» (1863—1903), «Русская старина» (1870—1903), «Древняя и новая Россия» (1875—1881), «Исторический вестник» (1880—1903), «Киевская старина». Довольно значительное собрание «Ростопчинских афиш» и «Теребеневских карикатур»: прекрасный экземпляр «Азбуки» Теребенева с надписью: «Подарок детям в память 1812 года. Продается в книжном магазине Плавильщикова под № 28.

Усадьба И. Х. Колодеева в посаде Новоборисове (Минск. губ., Борисовск. уезд), где помещается его собрание книг и гравюр по 1812 г.

СПб., 1814»,— в прекрасно сохранившемся футляре-обложке. Кроме того, имеется еще экземпляр этой «Азбуки», известной лишь в одном экземпляре, напечатанном, по мнению Ровинского, в 1860-х годах, со старых досок.

Иностранный отдел библиотеки распадается на несколько рубрик или подотделов, а именно: I отдел *французский*, II отдел *немецкий*, III отдел *польский*, IV отдел *английский*, V отдел: сочинения, касающиеся 1812 г., написанные на *голландском, шведском, испанском, итальянском* и других языках. Отдел VI — рукописи, карты, планы, гравюры, портреты и т. п.

I. *Французский отдел* отличается богатством роскошных изданий, посвященных наполеоновской эпохе. Здесь имеются сочинения, в настоящее время почти распроданные, как, например: Masson. «Cavaliers de Napoléon»[4] — роскошное издание in 4; «Joséphine Impératrice et Reine»; «Marie Louise»; Borchot: «Luxe Erançais»; «L'Empire»; Peire: «Napoléon et son temps»[5]; полная коллекция иллюстрированных французских изданий с рисунками Horace Vernet, Raffe и Charlet, преимущественно по жизнеописанию Наполеона; Paul Lacroix. «Directoire, Consulat ei Empire»; Dayot. «Napoléon raconté par l'image»[6] (1-е издание 1895 г. на веленевой бумаге). Особенное внимание в этом отделе обращает на себя коллекция *историй полков французской армии, бывших в России в 1812 г.*— драгоценнейшее пособие при изучении Отечественной войны. Отдельные, зачастую незначительные подробности, встречающиеся в полковой истории, нередко проливают свет на крупное историческое событие. Такое собрание является редким не только для русского собирателя, но и в самой Франции, так как оно случайно приобретено И. X. после распродажи в Париже единственного в своем роде собрания Jules Richard, автора известного издания «L'armée Française»[7], который, благодаря содействию французского правительства, собрал все, что только было напечатано во Франции по истории полков французской армии. Среди этих историй есть экземпляры *литографированные* и даже *рукописные*.

Не считая классических, общеизвестных трудов Тьера и др., в этом отделе имеется целая серия мемуаров, начиная от мемуаров маршалов Наполеона и кончая воспоминаниями самых скромных участников кампании 1812 г. В числе этих

книг есть сочинения, которые, судя по заглавию, вовсе и не подходят к 1812 г., а между тем в их тексте попадаются случайно целые главы, посвященные «русской кампании». Например, книга «Vie de Richard Nerville»[8]. Paris, 1839, в которой целая глава (XVII) посвящена подробному описанию московского пожара 1812 г. Весьма тщательная коллекция французских газет и журналов этой эпохи, например: «Journal de l'Empire» (за 1812—1813); «Moniteur» (1812—1813), в котором, между прочим, печатались известные наполеоновские «Бюллетени»; тут же имеется и несколько отдельных изданий этих бюллетеней; капитальное издание «Correspondance de Napoléon publicée par ordre de l'Empereur Napoléon III». Paris, 1868 (32 тома) (1812 год — в XXIV томе); «Commentaires de Napoléon I, 6 vls. Paris, 1867. in 4»[9]; «Revue Napoléonienne» и т. п.

Из редких и ценных книг этого отдела следует упомянуть:

1) Baron de Berthezène: «Souvenirs militaires de la République et de l'Empire publiés par son fils et dédies a S. M. Napoléon III». Paris, 1855[10] (редкое, распроданное издание). 2) Bourgogne. «Mémoires sur la campagne de Russie en 1812. Valencienes, 1826»[11]. (Чрезвычайно редкое издание, коего до сих пор известны всего 2 экземпляра: 1) в Bibliothèque Nationale, и 2) в библиотеке барона de Vatteville, что указано в предисловии к изданию 1898 г. (Paul Cottin). 3) Journal d'un officier Français de 1782 a 1815, par le Capitaine François. Nantes 1823—1824»[12]. До сих пор известен всего один экземпляр этой редкой книги, приобретенной И. Х. на аукционе после смерти известного французского военного писателя генерала Melline за 170 франков, в 1894 г. 4) Crossard. «Memoires militaires et historiques pour servir a l'histoire de la guerre depuis 1792 jusqu'en 1815 inclusivement. Par le baron de Crossard. Paris, 1829. 2 vls»[13]. Автор книги в 1812 г. состоял при штабе Кутузова. Книга весьма редка: на аукционах доходила до 300 франков. Она представляет собой серьезный и малоизвестный материал и принадлежит к числу лучших записок иностранцев, находившихся в 1812 г. при русской армии. 5) Sauvage. «Relation de la campagne de Russie. Dinan, 1828»[14]. Автор — участник похода 1812 г. В каталоге Rossica Императорской библиотеки книга эта не указана. 6) La campagne de

Russie. Extrait des mémoires inedits du général Baron Van Eerens. Avec une preface patr Fred. Masson. Illustrations de Maurice Orange»[15]. Отдельный оттиск из «Figaro» (inf.), отпечатанный в шести экземплярах. 7) Prosper Mérimée. «L'enlevement de la redoute». Compositions de Maurice Orange gravees en couleurs par Décisy en 4 tons. Paris. Librairie A. Ronquette 68. Passage Choiseul. 1902. Tirage a 125 exemplaires numerotés et paraphés par l'éditeur. № 98 Texte buriné par A. Lecliere[16]. Весь текст гравирован. 8) Breton: «Proces iustruil par la Cour d'assises de Paris contre Michel Michel, Louis Saget, Louis — François-Alexandre Salmon employés dans les bureaux de la guerre et Jean Nicolas-Marie Mozés, dit Mirabeau, garcon de buraeau, accusés d'avoir entretenu des intelligences criminelles avec les agents d'une Puisance étrangère etc. Recueilli par M. Breton, sténographe. Paris. F. Didot l'ainé, 1812, in 8»[17]. Это *редчайшее издание* представляет современный (1812 г.) стенографический отчет по делу о продаже чиновниками французского Военного министерства полковнику А. И. Чернышеву *мобилизационных планов и других секретных сведений о состоянии французской армии в конце 1811 г.* Отчет этот был напечатан *в самом ограниченном количестве экземпляров*, из коих один хранится ныне при делах французского Национального архива, а другой недавно приобретен И. Х. Колодеевым. Книга эта представляет подробный стенографический отчет о заседании парижского суда ассизов 13 и 14 апреля (н. ст.) 1812 г. На титульном листе этого экземпляра, рукою самого Бретона, написано: «on a fait de ce procés, en 1842, un drame pour «la Gaité», intitulé «La pleine de Grenelle»; Je m'apperçois aujourd'hui, 15 Septembre 1842, que la censure a supprimé de l'acte d'accusation et des débats la récit de la maniére dont la police a découvert la correspondance de Michel sous le parquet de l'appartement occupé a l'hôtel Thelusson par Mr. de Tchernicheff»[18]. Несколько далее, рукою автора же, другая надпись: «Le gamin de bureau Mozés, dit Mirabeau, avait été condamné par le jury, mais absous par la Cour»[19]. Книга эта настолько редка, что ни покойному историку нашему Н. К. Шильдеру, ни даже французскому писателю и знатоку наполеоновской эпохи Альберту Вандалю — она не была известна. Последний по крайней мере и не упоминает об этом важном источнике в своей статье «Une trahison en 1812»[20], напе-

чатанной в январской книжке «Revue de Paris» 1895 г. и посвященной именно этому событию.

II. *Отдел немецких сочинений в 1812 г.* столь же многочислен, как и предыдущий, и обнимает собою как сочинения, посвященные истории войны 1812 г. вообще, так и отдельные эпизоды ее, мемуары, истории полков и т. п. Что касается полковых историй, то в отделе этом имеются, за весьма ничтожными исключениями, *истории почти всех полков Пруссии, Австрии и германских государств, принимавших участие в кампании 1812 г.*

В отличие от французских полковых историй, роскошно издаваемых и богато иллюстрированных, немецкие истории полков отличаются сравнительной простотой издания, но являются, в большинстве случаев, чрезвычайно серьезными и обработанными историческими исследованиями, дающими множество ценного материала для освещения данной эпохи. Особенным богатством материалов отличаются труды офицеров *Баварского корпуса* Великой армии, например, сочинение «Geschichte des Königlich-Bairischen 5-ten Infanterie Regiments von Gernet und Kiesling. Berlin, 1893»[21], где одной войне 1812 г. посвящено более ста страниц (с. 343—460), причем большинство данных основано на первоисточниках, находящихся главным образом в королевском Баварском военном архиве, в Мюнхене*.

Насколько собрание И. Х. Колодеева, как специальное по 1812 г., полно и может выдержать сравнение с известнейшими нашими книгохранилищами, видно по сравнению его, например, с отделом «Rossica» Императорской Публичной библиотеки. Так, известная в начале XIX в. книга *Фуля* (Pfuell) под заглавием: «Der Rückzug der Franzosen»[22], отпечатанная в 1813 г. на разных языках,— в отделе «Rossica» имеется в 23 изданиях (см. католог «Rossica», т. II, с. 94—95), а в собрании И. Х. Колодеева — в 36 изданиях. Кстати сообщим несколько слов об этом любопытном сочинении, наделавшем в свое время немало шуму в Европе. Книга эта, впервые оповестившая Европу о катастрофе, постигшей Великую армию в России, была отпечатана на всех главнейших европейских языках и покупалась и читалась нарасхват. Но страх перед

* См. в конце рукописный отдел.

Наполеоном зачастую заставлял издателей скрывать настоящее место печатания книги, вследствие чего появился целый ряд немецких изданий этой книги с явно вымышленными названиями места печатания, например: «Smolensk», «Stockolm» и т. п. или просто писалось: «Germannia», или наконец, вовсе без указания места издания. Этот страх перед Наполеоном вполне понятен, если припомнить его жестокую расправу с немецким книгопродавцем-издателем *Пальмом*, которого он велел расстрелять в 1806 г. за нежелание назвать имя автора сочинения, напечатавшего памфлет против императора французов. Об этом Пальме, кстати сказать, имеется целая литература в Германии, которая считает его героем, павшим за отечество. В 1806 г. Пальм тайно напечатал в Аугсбурге книгу под заглавием: «Deutschland in seiner tiefen Erniederung»[23], в которой помещены чрезвычайно резкие отзывы о Наполеоне. Пальм был схвачен агентами Наполеона в Нюрнберге и 25 августа 1806 г. расстрелян в г. Браунау, где 60 лет спустя ему был воздвигнут памятник его соотечественниками.

III. *Польский отдел* заключает в себе ряд записок и воспоминаний польских генералов — сподвижников Наполеона в рядах Великой армии, в состав которой в 1812 г., как известно, входил 5-й польский корпус, под начальством князя Иосифа Понятовского. Назовем некоторые из них: 1) Jeneral Dezydery Chlapowski. Pamietniki. Woiny Napoleonskie. 1806—1813. Poznan, 1899»[24]. В 1812 г. Хлаповский (которого не следует смешивать с *Хлопицким*, тоже наполеоновским сподвижником, впоследствии диктатором в 1830 г.), в чине полковника командовавший эскадроном в знаменитом полку польских гвардейских улан (Chevaux-Legers-Lanciers de la garde de Napoléon 1), оставил небольшие, но не лишенные интереса воспоминания о русском походе*, 2) Wspomnienie jenerala Klemensa Kolaczkowskiego od roku 1793 do 1813. W Krakowie, 1896»[25]. Записки генерала *Колачковского* интересны для нас, русских, уже тем, что автор с *полной правдивостью* и беспристрастием отдает должную дань *русским военачальникам* (особенно высоко ставит он Багратиона) и

* Русский перевод «Воспоминания Хлаповского о войне 1812 года» напечатан мной в октябрьской книжке журнала «Вестник иностранной литературы» за 1902 г.

русскому солдату, считая его образцовым. 3) «Generala Dziewanowskiego Poczatek kampanji w roku 1812[26]. 4) Dziennikczynnosci wojennych jenerala Dabrowskiego to jers: od czasu odlaczenia sie corynnosci generala Latour-Maubourg, cjyli dnia 24 Sierpnia az do slaczenia sie iprzejscia Berezyne r Wielka Armia to jest dnia 26 Novembra 1812». Drezno, 1871[27]. 5) Dziennik kampanji w roku 1812 jenerala Bronikcvskiego[28]. 6) Pamietniki Weterana Napoleonskiego Wincentego. Placzkowskiego. Warszawa, 1899[29]. 7) Воспоминания *Дембинского,* 8) *Малаховского.* 9) *Прондзинского.* 10) *Хлопицкого* и других польских генералов, участников кампании 1812 г. 11) Роскошное издание Рембовского: «Sources documentaires concernant l'histoire du règiment des Chevau Legers-Lanciers Polonais de la garde be Napoleon I». Varsovie, 1899, in 4»[30], с параллельным французско-польским текстом, превосходными иллюстрациями, снимками с грамот Наполеона и акварельными рисунками *Гембаржевского.* 12) Обширное собрание летучих листков, афиш и объявлений на польском языке, напечатанных в 1812 г., во время занятия французскими войсками литовских губерний. Среди объявлений обращает внимание билет на французском языке, напечатанный на изящной бумаге, от имени тогдашнего французского генерал-губернатора Литвы графа Гогендорпа (Dirk van Hogendorp), на имя польского бригадного генерала Копеца, с приглашением на бал 2 декабря 1812 г., по случаю празднования годовщины коронования Наполеона. Это был тот самый бал, во время которого в Вильно пришло известие о березинской катастрофе и с которого присутствовавшие на нем иностранные представители при дворе Наполеона, охваченные паническим страхом, бежали в Варшаву, не захватив даже с собой теплой одежды, невзирая на сильный мороз. Большинство из них при этом поспешном бегстве отморозили себе носы и уши.

IV. *Английский отдел* — заключает в себе, кроме целого ряда роскошных иллюстрированных изданий, как например: «The triumphs of Europe in the compaignt of the years 1812, 1813 and 1814»[31] и американского издания известного Sloane[32],— целый ряд описаний войны 1812 г. в записках современников-англичан, в каждой строке которых видно сильное озлобление против Наполеона. Эта ненависть англичан к

императору французов ярче всего высказалась в издании еженедельной английской газеты под заглавием «The Antigallican Monitor and anticorsican Chronicle»[33], *совершенно полные* экземпляры которой, за 1811 и 1812 гг., имеются в собрании И. Х. Колодеева и в настоящее время представляют чрезвычайную редкость.

Из числа записок англичан, участников войны 1812 г., первое место принадлежит известному *сэру Роберту Вильсону*, состоявшему при главной квартире Кутузова и пользовавшемуся особым доверием императора Александра, с которым он находился в деятельной переписке. Записки его о походе 1812 г., о русской армии и личные воспоминания о главнейших русских деятелях этой эпохи представляют чрезвычайно драгоценный историко-бытовой материал, до сих пор еще, кстати сказать, мало использованный. Сочинения его, касающиеся России, следующие: 1) «Brief remarks on the character and composition of the Russian army and a sketch of the campaigns in Poland in the years 1806 and 1807. With 7 colored maps of datiles and one large color map of the theater of war between the Niemen and the Vistula. London, 1810»[34]. 2) Sketch of the military and politikal power of Russia in the year 1807. London, 1817[35]. (Сочинение это вышло в 4 изданиях). 3) Narration of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonoparte and the retrait of the French army in 1812. London[36] (2 издания) и 4) Life of general Sir Robert Wilson from autobiographical memoirs. London, 1862[37].

В *V отделе* сгруппированы сочинения на *голландском, шведском, датском, итальянском* и *испанском* языках, касающиеся эпохи 1812—1815 гг. *Шведские сочинения* относятся почти исключительно к 1813—1814 г., когда шведские войска принимали участие в борьбе против Наполеона под начальством наследника принца шведского — Бернадота. *Итальянская литература* по 1812 г., несмотря на видное участие, которое принимали итальянцы в рядах Великой армии (4-й корпус вице-короля), очень бедна воспоминаниями очевидцев о русской кампании. В собрании имеется несколько позднейших исследований об эпохе Наполеоновских войн на итальянском языке, но серьезного значения они не имеют, представляя по большей части компилятивные труды. Несмотря на это, в Италии существует *целое повременное*

издание, посвященное исключительно наполеоновской эпохе, издаваемое с 1891 г. на французском языке, в Риме, *бароном Лумброзо* под названием «Revue Napoléonienne». Барон Лумброзо (Alberto Lumbroso), знаток и страстный любитель наполеоновской эпохи: несколько лет тому назад, кроме ежемесячного журнала «Revue Napoléonienne», им начата весьма ценная *библиография* этой эпохи, которая за последнее время, к сожалению, почему-то прекратилась, так как после двух первых букв «А» и«В» — уже несколько лет в печати ничего не появлялось. В собрании И. X. Колодеева «Revue Napoléonienne» имеется за все годы издания. Из книг на *голландском языке* в собрании имеется весьма интересная коллекция *историй отдельных полков голландской армии*, входивших в состав французских корпусов Великой армии 1812 г. Так, в состав 9-го корпуса (Виктора) входили 125-й и 126-й пехотные линейные полки, контингент которых состоял из голландцев (12-я дивизия Партуно), а в гвардейском корпусе состоял голландский легко-конный полк, находившийся в одной бригаде со знаменитыми польскими «шеволежерами» графа Красинского.

Из этих сочинений назовем: 1) «Geschiedenis van het 125-ste Regiment Infanterie van Linie onder Kaiser Napoleon I, door F. H. A. Sabron Mejoor van den generalen Staf. Te Breda, 1898, in 8°»[38] и 2) Het 126 Regiment Hallandche Infanterie in Rusland in 1812 door C. D. H. Schneider, Luit.-Generaal. Amsterdam, 1898—8°[39], в которых описаны действия дивизии Партуно, взятой, как известно, в плен под Борисовом, во время отступления французской армии через Березину.

В *VI отделе* весьма богата и не лишена значительного интереса *коллекция карт и планов*, относящихся к эпохе 1812 г. В каталоге все карты занесены на отдельные карточки и распределены по так называемой *Мюнхенской системе* (как это впервые применено в Королевской военной библиотеке в Мюнхене). Благодаря этой системе можно легко и быстро ориентироваться во всех картах, имеющихся в собрании, не исключая и тех, которые не находятся в отдельных папках, а переплетены в книгах как приложение к данному сочинению. В числе редкостей этого отдела имеются: 1) Carte d'une partie de la Russie d'Europe et des états vaisins dressée par ordre du Duc de Feltre, Ministre de la Guèrre, au

Dépot général de la guerre d'aprés les cartes axécutées au Dépot Général des cartes de S. M. I. á St. Petersbourg[40]. Карта состоит из 6 частей. Это великолепная, *ручной работы*, карта представляет увеличенную в три раза копию с русской так называемой столистной карты. Все русские названия переведены на французский язык, причем почтовые дороги нанесены, согласно русским картам Почтового департамента, с указанием всех расстояний между станциями. Карта обнимает пограничные и только те из внутренних русских губерний, которые интересовали Наполеона, в ожидании его похода в Россию. Этот *единственный* экземпляр (в масштабе 6 вер. в дюйме или в диаметре 10 $^1/_2$ ар., в шир. 9 аршин) сделан *специально для Наполеона*, для его личного употребления, и находился при нем во все время русского похода. В числе некоторых других вещей наполеоновской главной квартиры эта карта была захвачена нашими войсками в 1812 г. 2) *Две гравированные карты России, изданные в Париже французским Военным министерством в начале 1812 г.* и розданные по корпусам Великой армии для руководства в русскую кампанию. Обе в разных масштабах. Интересна история этого издания. Основанием этих карт послужили *первые оттиски* так называемой *столистной карты*, изданной *нашим картографическим депо* (под редакцией генералов Сухтелена и Оппермана), каковые оттиски, как оказалось, еще в 1808 г. попали в руки тогдашнего французского посла *Коленкура*. Известно, что эта *французская* карта была не только издана *раньше*, чем сам оригинал *русской* карты, но и была гораздо *точнее* русской, так как она была тщательно исправлена и дополнена рекогносцировками польских офицеров Генерального штаба, секретно командированных Наполеоном в Россию в конце 1811 г. 3) *Планы окрестностей Борисова*, снятые в 1810 г. с натуры, на основании которых можно судить об облесении местности в эпоху военных действий близ Березины в 1812 г. 4) *Собрание печатных приказов по армиям от 11 мая по 27 октября 1812 г.*, отпечатанных в военно-полевой канцелярии. 5) Довольно значительное собрание так называемых *Ростопчинских афиш* и летучих листков за эпоху Отечественной войны.

В *отделе альбомов, гравюр, литографий и картин* обращают внимание по своей редкости: 1) Faber-du-Faur:

Blätter aus meinem Porte-feuille im Laufe des Feldzuges 1812 in Russland an Ort und Stelle gezeichnet. Stuttgart in f-o [41]— превосходный экземпляр с текстом, *считающийся величайшею редкостью*. О ценности его можно судить уже по тому, что в каталоге известного парижского книгопродавца Моргана (каталог № 57, май 1903 г.) издание это, *не полное и без текста, оценено в 1250 франков*. 2) Albert Adam. Voyage pittoresque et militaire de Willenburg en Prusse jusqu a Moscou fait en 1812, pris sur le terrain ets. Munich, 1828[42]. Альбом состоит из немецкого и французского текста и заключает в себе 100 рисунков известного баварского художника *Альбрехта Адама*, писавшего для галереи принца Евгения Богарне. В Новоборисовском собрании имеются два экземпляра этого альбома: один издания 1827 г., в обложке и с подписным листом; другой — 1828 г., в переплете. Цена этого альбома доходила до 1500 франков. 3) Значительное собрание *гравированных портретов деятелей 1812 г.*, в числе которых особенно тщательно подобрана коллекция портретов: *Кутузова, Ростопчина, Барклая, Витгенштейна* и *Платова*. 4) Собрание современных *портретов*, писанных *масляными красками*, русских военачальников, принимавших участие в Березинской операции, а именно: адмирала *П. В. Чичагова, генерала Сабанеева, графа Ламберта, Витгенштейна, Ермолова, Платова*, французских генералов *Эбле* (начальник понтонеров) и *Партуно*.

Не лишены интереса любопытные сведения, имеющиеся в собрании И. X. Колодеева, по поводу целой серии так называемых *апокрифических портретов* наших генералов эпохи 1805—1815 гг. Таковы портреты, 1) Кутузова, изображенного в русском фельдмаршальском мундире, но с чертами лица *Наполеона*, 2) *Витгенштейна* — с чертами лица *Барклая*, 3) портрет неизвестного лица, в фантастической гусарской форме и с бородой, под которым в иллюстрированной истории *Тьера* стоит подпись: «Sauwaraff»[43], а в издании альбома Фабер-дю-Фора (1899) подпись: «Rostoptshine». 4) *Чернышева* и *Вальмодена*, изображаемых на немецких литографиях 1813 г. с одинаковыми чертами лица и, наконец, 5) адмиралов *П. В. Чичагова* и *И. Ф. Крузенштерна*, причем не только в германских литографиях и гравюрах 1812 и 1813 гг., но даже и в большинстве русских изданий,

до самого последнего времени, адмирал П. В. Чичагов изображался с чертами лица И. Ф. Крузенштерна. Известный лейпцигский собиратель, покойный *Майер*, специально коллекционировавший такие апокрифические портреты, говорит по этому поводу следующее. Когда в конце 1812 г. Дунайская армия вступила в пределы России и *Чичагов* стал одерживать ряд успехов над *Шварценбергом*, в Германии потребовались портреты адмирала. Так как таковых, однако, не нашли, а под рукой имелись заготовленные еще в 1806 г. портреты И. Ф. Крузенштерна (первого русского моряка, совершившего кругосветное плавание в 1803—1805 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева»), притом же лица обоих имели некоторое сходство, морская форма была у них одинакова, оба имели Георгиевские кресты — то спекуляторы на готовой уже доске *Крузенштерна* изменили только подпись и выпустили портрет *Чичагова*. С легкой руки немецкого издателя эти soi-disant[44] Чичаговские портреты стали распространяться и в России, перепечатываться и до самого последнего времени сходили за настоящие. Насколько известно, *настоящий* портрет П. В. Чичагова впервые напечатан в вышедшей недавно «Истории Морского министерства», с портрета, хранящегося в Морском музее.

В этом же Новоборисовском собрании портретов имеется прекрасный портрет графа *М. И. Платова*, работы английского художника *Филипса*, обращающий на себя внимание по *белому галстуку* на шее донского героя 1812 г. Галстук этот, оказывается, имел свою любопытную историю, характеризующую одну из причуд знаменитого атамана донских казаков. Однажды, в 1815 г., граф вздумал носить, вопреки установленной форме, белый галстук[45], *о чем и подал всеподданнейшее прошение императору Александру*. Знакомые его удивлялись и говорили: «Охота вам, Матвей Иванович, утруждать государя такою пустою просьбою?» — «Ну, нет! — серьезно отвечал Платов,— просьба моя совсем не пустая: я хочу иметь *особую привилегию* на ношение *белого галстука*!» Упрямый старик так и настоял на своем и добился разрешения императора.

VII. *Отдел рукописный*. В отделе этом, помимо нескольких неизданных его рукописей на русском языке, касающихся Отечественной войны, имеется довольно обширное *собра-*

Памятник в д. Студянке, на месте переправы французской армии через р. Березину, сооруженный на средства И. Х. Колодеева, по рисунку Н. В. Зарецкого

ние копий, снятых с неизданных рукописей, хранящихся в разных иностранных архивах, участников кампании 1812 г. Многие из этих рукописей, не опубликованных до сих пор иностранцами в силу разных соображений, для нас, русских, имеют чрезвычайно важное значение, как историко-бытовые материалы, особенно же записки офицеров *немецких* войск, входивших в состав Великой армии, как источники более беспристрастные, нежели французские, писанные в большинстве случаев под одним углом зрения. Во время ежегодных поездок, предпринимаемых владельцем Новоборисовского собрания за границу, он обогащает свой архив каким-нибудь ценным приобретением в этой области. Еще недавно, во время последней поездки в Баварию, им получен целый ряд копий и выписок *со всех записок баварских офицеров, бывших в России в 1812 г.*, хранящихся *в Королевском военном архиве в Мюнхене*. Вот названия некоторых из этих рукописей, до сих пор еще не появлявшихся в печати:

1) «Tagebuch aus dem Russischen Feldzuge 1812 geführt von Graf Seiboltsdorff, Major im Königlich-Bayrischen 1-ten Linien-Infanterie-Regiment König»[46].

2) «Erjnnerung vom Kriege 1812 von Freiherrn von Widemann. Hauptmann der Kön. Bayrischen Artillerie[47]. Записки эти представляют тетрадку из 108 страниц писчей бумаги большого формата и, кроме указанного заглавия, имеют еще второе: «Die Bayrische Chevauxlegers-Division unter dem General Grafen Preyssing im Kriege gegen Rûssland im Jahre 1812»[48].

3) «Tagebuch von Freidrich von Furtenbach, Kön. Bayrischen Hauptmann im 5-ten Linien-Infanterie-Regiment»[49].

4) «Berichte des Oberstabs-Medicus Dr. Köchler an die General-Lazaret-Inspection in München. 27 April — 1 September 1812»[50]. Это весьма любопытные записки военно-полевого врача Баварского корпуса, посылавшего целый ряд рапортов в Мюнхен о состоянии баварских войск в кампанию 1812 г.

5) «Tagebuch von Friedrich Winter, Oberlieutenant und Adjutant im Kön. Bayrischen 1-ten Infanterie Regiment König»[51].

Таково в кратких чертах содержание *Новоборисовского* собрания, знакомство с которым полезно и необходимо для всякого, интересующегося знаменательной эпохой борьбы Александра с Наполеоном (1805—1815), и, с этой стороны, предлагаемая читателю небольшая заметка может принести свою долю пользы для лиц, посвятивших себе изучению Отечественной войны.

Русский памфлет на Наполеона

В начале 1813 г. появилась в Москве книжка неизвестного автора под заглавием: *«Поход Наполеона в Россию и бегство его из оной». Собрано из достоверных источников. Москва, 1813 г. В типографии К. С. Всеволожского. Две части. 31, 71 с. 8 д. л.* Это патриотический памфлет, имевший цель агитационную, в смысле укрепления в русском читателе ненависти к «дерзкому корсиканцу» и «звероподобным галлам». Такой взгляд неизвестного автора подтверждается почти на каждом шагу, ибо он, по-видимому, не может удержаться от полемических выпадов, полных самого ядовитого сарказма. Приведя, например, известное «письмо императора французов к прусскому королю», в котором Наполеон пишет: «краткость времени не позволяла мне известить Вас о последовавшем занятии Ваших областей» — автор ставит подстрочное примечание! — «Много на сие надобно времени!» Из «речи» Наполеона «к князьям Рейнского союза» — под фразой: «Я поражу древних тиранов Европы» — примечание: «Увидим! Но каких тиранов Европы? Русские никогда оными не бывали!»

Но шедевром в смысле памфлета является приложение в конце книги под заглавием: «*Наполеон, его родственники и исполнители его воли*». Это приложение мы приводим целиком, с сохранением орфографии и оригинального слога подлинника, тем более что книга эта представляет в настоящее время библиографическую редкость. Здесь патриотическое негодование по адресу Наполеона и близких ему лиц не знает меры: все мужчины — убийцы, грабители, воры и мошенники; все женщины — особы «дурного поведения». Выражения: «неистовой человек», «величайший злодей», «вор», «женщина, какой во всем свете нет» и т. п. являются эпитетами, неразрывно связанными с главнейшими деятелями Первой империи. Эти краткие, но сильные характеристики следуют непосредственно за биографией каждого наполеонского родственника, министра, маршала или генерала.

Несмотря, однако, на свою пристрастность и наивный тон, книга эта служит хорошим показателем настроения, ца-

рившего в тогдашнем русском обществе, тем более что издана она по частному почину и, вероятно, на собственные средства автора или издателя, у которого, как это видно из приложенного к книге каталога, был целый склад подобных патриотических произведений.

В неизвестном авторе нас подкупает горячность чувств и несомненная их искренность,— явления крайне важные в моменты народных бедствий и больших войн; явления, к несчастью, не часто повторявшиеся в последующие эпохи. В 1812 г. патриотический пульс горячо бился во всех слоях русского общества, и каждый, по силе своего разумения и положения, старался поделиться с другими порывом своих гражданских чувств. Великий, незабвенный год, когда царь и подданный, господин и раб, объединились одной любовью к родине, одной ненавистью к врагу!

Наполеон, его родственники и исполнители воли его*

Наполеон Бонапарте — похититель Престола, называемой Император Французов, Король Италианской, примиритель Швейцарии и Протектор Рейнского союза — вторый сын Карла Бонапарта, публичного нотариуса города Аяччио. Настоящим его отцом, по достоверным известиям, был Граф Марбеф, Губернатор Корсики[1].

Наивеличайший убийца: в неистовстве, в злодействе, в хитрой ядовитости, в адском мщении, в непочитании священнейших прав, сей всемирный бичь превосходит всех известных извергов Древней и Новой истории. По справедливому удостоверению Генерала Дюпона, первое смертоубийство сделал он на шестьнадцатом году, отравив ядом в городе Бриенне одну молодую девицу, им обольщенную.

Иосиф Бонапарте, Король Гишпанский, произведенный Наполеоном, как и многие другие, в сие достоинство, старший сын Карла Бонапарта, был писарем у публичного нотариуса в Марсели, женат на девице Клари, дочери Марсельскаго купца, торгующаго сукнами. Человек застенчивой и нерешительного нрава.

* Орфография подлинника.

Императрица Жозефина

Иосиф Бонапарт

Луциан[2] *Бонапарте*, третий сын Карла Бонапарта, рожден также от Марбефа, совершенное имеет сходство с Наполеоном, как по наружному виду, так и по душевным свойствам. Был учительским помощником в одной небольшой школе в Марсели: жена его была дочь одного трактирщика в Марсели, которую, думают, что он отравил ядом. Потом женился на г-же ле-Бертен[3], вдове биржевого маклера; сия женидьба была причиною ссоры его с Наполеоном, почему и должен был он прибегнуть под покровительство Англии.

Людвиг Бонапарте, бывший Король Голландский*, четвертый сын Карла Бонапарта, почему то пришел в немилость у Наполеона и — оставлен. Женат на Гортензии Богарне, дочери Иозефины[4], имеет от нее двух сыновей, из коих один — как говорят — прижит до брака, с Наполеоном.

Иероним Бонапарте, Король Вестфальский, пятый сын Карла Бонапарта, *человек молодой, но с худым поведением*. Женат был на девице Петерсон, из города Балтимора; но Наполеоном разведен с нею для политических видов.

*Летиция Раниоли***, мать Бонапартовой фамилии, *женщина, каких мало*. На пятнадцатом году имела непозволенную связь с одним католическим монахом. Будучи замужем

* Отец Наполеона III.

** Летиция Ранолино, род. 1750 † 1836.

Людовик Бонапарт

Люсьен Бонапарт

за Карлом Бонапартом, жила — для компании — у Графа Марбефа, с коим прижила Наполеона и Луциана, а напоследок им брошена и содержала публичной... дом в Марсели.

Элиза Бонапарте, Великая Герцогиня Флорентинская, старшая сестра Наполеона, прежде была в Марсели в ученьи у Госпожи Рамбо, модной торговки, потом поступила в публичной... дом, после того, по милости своего брата, вышла замуж за Генерала Бочиокки — который был маркелом в одном трактире, а ныне — Генерал-Губернатором Великого Герцогства Флорентинского.

Паулина Банaпарте, Принцесса Боргезе, вторая из сестер Наполеона и одна из его любовниц. На четырнатцатом году бежала с одним капралом, по имени Червони, из дому матери своей; а в 1796 году жила в публичном... доме в Париже. В первом замужестве была за Генералом Леклерком, который умер в Сен-Доминге, потом выдана замуж за Римского Князя Боргезе.

Каролина Бонапарте, Королева Неаполитанская, младшая сестра Наполеона, также одна из его любовниц, как и сестра ее Паулина, и сверх того жившая с братом своим Луцианом, от коего имела дитя. *Подобной женщины верно во всем свете нет.* Она была в школе у Госпожи Рамбо, в Марсели.

Феш, Кардинал и Архиепископ Лионский, дядя[5] Бонапарта, воспитывался быть священником, *но совратился и сде-*

лался якобинцем и мошенником, за что выгнан из города Базеля. Потом был в армии фурьером, после военным комиссаром, жил в Париже игрою и всякого рода непристойностями, до того времени, как благочестивый племянник его принудил сего нещастного паки обратиться к Церкви и произвел Архиепископом Лионским и Кардиналом.

Евгений Богарне, Вице-Король Италианский, сын Иозефины, *человек довольно сносного нрава*.

Гортензия Богарне, бывшая Королева Голландская, дочь Иозефины, *женщина порядочная*, замужем за Людвигом Бонапарте; *впрочем* до замужества имела связь с Наполеоном.

Иоахим Мюрат, Король Неаполитанский, *величайший и кровожаднейший злодей*, сын трактирщика в городе Кагор, в Провансе. Да и чего хорошаго можно ожидать от трактирщика — Короля? Первоначально он жил у извощиков погоньщиком, потом был при кухне у Принца Конде, в Шантильи, поваренком; женат на Каролине Бонапарте.

Государственные сановники

Камбассерес, Герцог Пармской, Архиканцлер Империи, отличившейся республиканец, и тот самый, которой после нещастной кончины Людовика XVI, первой предложил присягу в вечной ненависти к Королевской власти. Человек с посредственным умом и черною душою.

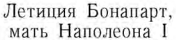
Лебрюн, Герцог Пиаченский, Архиказначей Империи, отличившийся республиканец и самой злой человек.

Тайлеран-Перигор, Принц Беневентский, Вице-Архиканцлер Государственный, прежде был Епископ Отенский; происходит от старой дворянской фамилии человек с довольным умом, но без души; приобретя чрезмерное богатство беззаконными путями, сделался чрезвычайно скуп.

Фуше, Герцог Отрантский, Губернатор Римской, бывший Министр Полиции, человек с способностями, но с развращенным сердцем, недавно пришел в немилость у Наполеона, за неисполнение некоторых безрассудных и неистовых его приказаний, особливо в разсуждении арестования генерала Саразена[6].

Шанпаньи, Герцог Кадорский, Министр внутренних дел, прежде был Лейтенантом во флоте, человек с малыми познаниями.

Летиция Бонапарт,
мать Наполеона I

Элиза Бонапарт

Марет, Герцог Бассанский, Государственный Секретарь, *аптекарской сын, самобеднейшей аптеки,* человек посредственных дарований и знаний.

Коленкур, Герцог Виченцский, Обер-Шталмейстер. Происходит от старинной дворянской фамилии. Достойный исполнитель воли своего Властелина с рабским поведением.

Дюрок, Герцог Фриульский, Обер-Гоф-Маршал, человек сносной, хотя никаких дарований не имеет; собою довольно красив и в великой милости был у Иозефины...

Савари, Герцог де-Ровиго... Министр Полиции, *величайший злодей и известный буян*; он захватил и насильственным образом увез Гишпанскую Королевскую фамилию. Бонапарте употреблял его во всех тайных смертоубийствах, как-то: в лишении жизни герцога Энгиенского, Генерала Пишегрю, Капитана Райта и проч.

Маршал Бессьер, Герцог Истрийский, начальник Наполеоновой Гвардии, происходит от французской старинной фамилии, и до Гишпанской войны был человеком хороших свойств, а теперь соображается с характером Бонапарте.

Маршал Виктор, Герцог Беллунский, прежде был барабанщиком в старой французской службе, и для злодея Корсиканца *готов на всякия злодеяния*.

Маршал ле-Февр, Герцог Данцигский, прежде был солдат старой французской службы, потом — известным разбойником; *человек весьма подлого и самого грубого обхождения*.

Королева Гортензия

Полина Бонапарт

Герцогиня до сего была прачкою в солдатских казармах в Стразбурге, *где ее за благосклонность многие хвалили.*

Маршал Келлерман, Герцог де-Вольней* прежде был офицер старой французской службы, почитается за посредственного воина и человек обыкновенной.

Маршал Мармонт, Герцог Рагузский, дворянин весьма старой фамилии, женат на дочери Господина Пориго[7], знаменитого Парижского Банкира.

Маршал Удино, Герцог Реджио, первоначально был у отца своего арлекином при площадном театре, на бульваре в Париже; *человек неистовый* и самый жестокосердый.

*Маршал Макдональд***, родом Шотландец, до революции служил Офицером в Ирландском Легионе.

Маршал Периньон, дворянин старинной фамилии, был Генералом в старой Французской службе.

Брюн, бывший Министр Французский, первоначально был поденщиком в типографии; *неистовой человек*, тот самый, которой в 1792 году в Париже носил по улицам и показывал голову и сердце Герцогини Ламбальской; у Корсиканца пришел в немилость и заключен в темницу; по всем вероятностям полагать можно, что он давно умерщвлен***.

---

* Герцог Вальми.

** Герцог Тарентский.

*** Предположение автора книги действительно сбылось, хотя и позже, так как 2 августа 1815 г. маршал Брюн был действительно умерщвлен чернью в Авиньоне и тело его брошено в Рону. *К. В.*

Жюно, герцог Абрантес

Журдан, бывший французский Маршал, недавно пришел в немилость у Бонапарта и выключен из списка Маршалов французских.

Генерал Жюно, Герцог Абрантесский, первоначально был лакей, потом гренадер Французской Гвардии; *самый кровожаждущий, жестокосердный и неистовый человек.*

Генерал Себастиани, Граф Империи, родом Корсиканец, родня Наполеоновой Фамилии, один из вернейших любимцев Бонапарта, *человек кровожаждущий и злой.* Обыкновенно употребляем бывает в тайных смертоубийствах.

Генерал Гулен (Hulin)[8], Граф Империи, Губернатор в Париже во время революции; во всех убийствах в оном городе был он начальником; *не однократно бывал уличен в мошенничестве*, в делании фальшивой монеты и разных злоупотреблениях.

Генерал Барагай д'Илиер (Baraguai-d'Hillier), Граф Империи, родом из дворян, но *человек негодный*; Роберспьером и Бонапартом употребляем был шпионом и потому в великой милости у Корсиканца.

Генерал Луазон, Граф Империи, Губернатор в Бонапартовом дворце, *сын подлого, маловажного человека*, до революции уличен был в смертоубийствах и разбоях; *нрава самого гнусного.*

Генерал Рапп, Граф Империи, первый адъютант Наполеона, первоначально *был лакей, а потом солдат*; человек посредственного ума.

Генерал Андреоси, Граф Империи, происходит от старинной фамилии, человек с обыкновенными дарованиями.

Военные сановники

Маршал Бертье, Принц Нефшательский и Ваграмский, Вице-Конетабль Франции, Генерал прежней Французской службы, родом дворянин, человек с порядочными воинскими

дарованиями; всегда был главною опорою Бонапарта, коему все победы и грабительства Корсиканца приписаны быть могут.

Даву, герцог Ауерштедтский, князь Экмюльский

Маршал Массена, Принц Эслингенский, Герцог Ривольский, первоначально был сержант в армии Короля Сардинского, от которого бежал, за что и был наказан; нрава и расположения не доброго, *великой скряга и чрезвычайной грабитель*.

Маршал д'Аву, Принц Екмюльский и Герцог Ауерштедский, *человек свойств самых дурных; величайший варвар, кровожаден, сребролюбив и чрезвычайно неистов*, словом сказать: походит на своего повелителя.

Маршал Ожеро, Герцог Кастилионе, *человек свойств самых гнуснейших*, был два раза публично сечен, заклеймен на спине от Французской Полиции в роде атестата — и сослан на галеры, *как известный вор и разбойник*; бегал почти из всех армий в Европе, где ни служил; чрезвычайно богат и почитается из всех Маршалов Французских — хотя они и все таковы — грабителем величайшим.

Маршал Монсей, Герцог Коннелиано, прежде был лакеем, *за многие шалости наказан*; человек обыкновенный и никаких воинских талантов не имеет.

Маршал Сульт, Герцог Далматский, почитается в числе посредственных офицеров французской службы. Прежде был *известный вор*, потом простой солдат; *неистовый и жестокосердый человек*. Герцогиня Далматская была женщиною дурного поведения. Родилась в Вестфалии.

Маршал Мортье, Герцог Тревизский, был прикащиком у купца в Дюнкерке, во время революции, произведен сержантом Национальной Гвардии, военных способностей никаких не имеет, но *по удивительной своей злости чрезвычайно раззорил Ганновер*. Жена его, Герцогиня Тревизская, была трактирщикова дочь.

Маршал Ней, Герцог Эльхингенский, первоначально был конюх в публичной конюшне в Париже, из коей бежал, украв двух лошадей, и теперь *ни что иное, как совершенный разбойник*. Жена его, Герцогиня Эльхингенская, была любовницею Луциана Бонапарта, и ныне ведет жизнь непорядочную.

Генерал Вандам, Граф Империи, Комендант в Булони, *неистовой, кровожаждущий злодей*... За разбойничество в Касселе (место его рождения), сослан был на галеры, но бежал с оных. Выключен из службы Генералом Моро за дурные поступки, но принят в оную Корсиканцем.

Генерал Дюпон, в Бриенне учился в школе вместе с Бонапартом, но ныне разжалован и заключен в темницу, за то, что отдался Гишпанцам при городе Байлене в 1809 году, в Майе месяце.

В том же 1813 г., в Германии, в ряду бесчисленных памфлетов на Бонапарта, ходил по рукам следующий акростих имени Наполеона:

Nemo fuit
Augustus evenit
Populos spoliavit
Orbem turbavit
Libertatem oppressit
Ecclesiam destruxit
Omnis esse voluit
Nemo erit*.

* Был никто. Стал августейшим (императором). Народ разорил. Мир смутил. Свободу подавил. Церковь разрушил. Хотел быть всем. Будет никто. *К. В.*

Записки современников, участников Отечественной войны

Предисловие

Среди вопросов, вызывающих наибольшее разногласие в истории Отечественной войны, самое спорное место занимает толкование Березинской переправы и тех ошибок, которые допустили при этом командующие отдельными армиями. Император и вся Россия ожидали пленения Наполеона как справедливого возмездия за дерзкое нашествие и унижение великого народа. Надежда эта не оправдалась. Затравленный русскими ловчими, хищный матерый зверь ускользнул, употребив все силы ума, чтобы обмануть бдительность русских отрядов. Пленение Наполеона у Березины, несомненно, оказало бы огромное влияние на всю дальнейшую историю Европы, и Александр I имел бы, вероятно, возможность диктовать Европе свою волю, не выводя войск за пределы России.

Современники совершенно ясно сознавали всю важность этого момента, упущенного по чьей-то вине, и общественное мнение старалось найти лицо, на которое можно было бы возложить всю ответственность за неудачу. Виновным чаще всего признавали и признают адмирала Чичагова, который и сам, потрясенный нравственными страданиями, навсегда покинул Россию в 1815 г., потом даже натурализовался английским гражданином, отказавшись вернуться на родину, как то требовал от всех русских, проживающих за границей, высочайший указ 1834 г. Это добровольное изгнание еще более укрепило за Чичаговым обвинение в неправильных действиях при Березине.

Задача, которая была возложена на Дунайскую армию, являлась крайне ответственной и трудноосуществимой. Она требовала полного соглашения между всеми тремя главнокомандующими, чего, по-видимому, в действительности не было. Гонимые страхом и отчаянием французы неслись, как ла-

вина, и для полного преграждения им пути требовались, быть может, силы втрое большие тех, которыми располагал Чичагов. Кроме того, Наполеон прибегал к всевозможным средствам, чтобы обмануть неприятеля, производил ложные диверсии, обнаруживал желания переправиться то в этом, то в другом месте. Пущена была в ход даже сложная игра на суетливой пронырливости борисовских евреев. Им сообщили о месте переправы, конечно, не действительной, и взяли с них клятву в молчании в надежде, что они ее тотчас же нарушат и все расскажут русским. Так оно и случилось, и евреи, думавшие заслужить доносом у русских, были повешены впоследствии по приказанию Чичагова*.

Таким образом, Дунайской армии приходилось следить за действиями неприятеля на расстоянии не менее 20 верст и сильно растянуть линию своих войск. Между тем армии Кутузова и Витгенштейна действовали с тылу недостаточно энергично и беспрерывно упускали неприятеля из виду. Но самым крупным недостатком, которым страдали распоряжения главнокомандующих, была крайне слабо поставленная разведочная служба и несогласованность ее во всех отдельных частях войск, которые не имели возможности обмениваться сведениями в то время, когда была дорога́ каждая минута и события нарастали с необычайной быстротой. Наполеон знал о русских, русские почти ничего не знали о движении французских отрядов.

Несомненно, однако, что обвинять в неудаче исключительно одних главнокомандующих было бы далеко несправедливым. Значительная вина падает и на подчиненных им начальников отрядов, не всегда стоявших на высоте великой задачи, которую они должны были выполнить во имя блага родины и чести ее армии. В записках, печатаемых в настоящем сборнике, немало данных для суждения о некоторых лицах, образ действия которых не свидетельствует о сознании высокого патриотического долга.

Эпизоды Березинской переправы составляют значительную часть собранных в этой книге материалов, извлеченных из Военно-ученого архива и впервые появляющихся в свет. Авторы этих воспоминаний, по большей части второстепен-

* См. ниже статью: Наполеон и борисовские евреи.

ные деятели, в военных летописях Отечественной войны сравнительно малоизвестные, которые ограничивались описанием отдельных событий, не делая попыток писать историю войны. Подобный материал представляет несомненную ценность уже ввиду того, что авторы записок не разбрасываются, а, напротив, сосредоточиваются в своих описаниях, стараясь не упустить ни одной мелочи, что особенно важно для новых исследователей эпохи 1812 г., которым не раз придется идти по уже проторенному пути и отыскивать новое в том, что, быть может, проглядели или не знали историки прежние.

Нарисовать правдивую картину прошлого, отдаленного от нас почти на целое столетие, — дело далеко не легкое. Современники не могут быть беспристрастными; люди ближайших эпох еще полны кровной связи с недавним прошлым, и только более отдаленные потомки, не задетые интересами той или другой стороны, той или другой личности, могут спокойно выполнить великий акт, который называется *судом истории.*

К сожалению, беспристрастные толкователи прошлого наталкиваются на особое затруднение: материалы, с которыми приходится иметь дело, страдают зачастую слишком субъективным освещением, а воспоминания лиц, от которых нередко зависел исход событий, и подавно мало достойны доверия, так как часто представляют лишь средства для оправдания собственных ошибок перед потомством. Вот почему особенно ценны записки второстепенных и третьестепенных участников войны, не боявшихся, в качестве простых исполнителей, написать бесхитростную правду.

Предлагаемый в настоящем сборнике материал касается преимущественно Березинской переправы и событий, с ней связанных. К этому отделу относятся записки Малиновского, Арнольди, Храповицкого, графа Орурка, Изюмова и отчасти записки князя Голицына. Отдельно стоят записки генерал-лейтенанта Эмме о блокаде Риги и записки неизвестного о сдаче Москвы.

Все эти записки являются впервые в печати, исключая воспоминаний князя Голицына, напечатанных в «Военном журнале» 1859 г., но мы считаем уместным их помещение ввиду того, что они увидели свет лишь с некоторыми сокра-

щениями и сам «Военный журнал» составляет в настоящее время библиографическую редкость.

Рукописи напечатаны с подлинников с сохранением орфографии оригиналов, причем каждому документу предпослан краткий биографический очерк автора воспоминаний.

Записки генерал-лейтенанта С. С. Малиновского о действиях при Березине в 1812 году

Автор небольшой записки о Березинской переправе, деятельный участник Отечественной войны, генерал-лейтенант Сильвестр Сигизмундович Малиновский, родился в 1788 г. в Могилевской губернии. Как большинство дворян того времени, он рано вступил на военную службу, в 1808 г. был зачислен прапорщиком в Олонецкий пехотный полк и тотчас отправился в Дунайскую армию в Валахию, где, участвуя в нескольких сражениях, отличился храбростью и находчивостью, получил три почетных раны, был произведен сначала подпоручиком, затем в поручики и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1811 г. Малиновский был переведен в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

В 1812 г. Малиновский был назначен в авангард Дунайской армии адмирала Чичагова, в отряд генерала графа Орурка 1-го, и участвовал в бою 11 сентября у м. Локачей с союзными войсками, которыми командовал князь Шварценберг; 12 сентября, будучи в рекогносцировке у м. Киселен, он захватил неприятельские пикеты; через два дня (14 сентября) Малиновский был послан с полуротой пионеров и сотней казаков для устройства речной переправы при д. Ягодно; вытеснив неприятеля, он удачно навел мосты и удержал их до прихода всего авангарда. 23 сентября с двумя сотнями казаков он овладел г. Кобриным и спас магазины, зажженные отступавшим неприятелем. С этими же казаками, подкрепленными 3-м Уральским полком, Малиновский 26 сентября напал на французскую заставу при д. Городечной, рассеял и взял в плен 12 человек и, несмотря на сильное сопротивление, овладел дефиле Козий брод и мостами, где отбивался от наседавшего врага до прибытия авангарда

армии. 14 ноября Малиновский был послан графом Орурком с 10 казаками на рекогносцировку Березины, по дороге к м. Белыничи. Узнав от встречных жителей, что неподалеку в м. Погост эскадрон польских улан спокойно кормит лошадей, Малиновский бросился в это местечко и взял в плен трех офицеров и 38 нижних чинов, везших диспозицию генералу Домбровскому. Эти крайне важные бумаги были доставлены Малиновским главнокомандующему адмиралу Чичагову.

В ноябре 1812 г. Малиновский был прикомандирован к отряду генерала Чаплица и участвовал в сражении при д. Стахове, 16 ноября, когда Чаплиц и Чичагов атаковали корпуса Удино и Нея, в числе 10 000 человек, подкрепленных резервом из гвардии под личным начальством Наполеона. Урон русских простирался до 2000 человек, неприятелей же — до 5000, и все-таки Наполеон, отразив наши многочисленные и беспорядочные атаки, прорвался на дорогу к Зембину.

18 ноября Малиновский делает с казачьим Исаева полком лихой набег на неприятеля, проходит сквозь горящую деревню Нестановичи, берет в плен 200 человек и овладевает небольшим мостом вместе с защищавшим его единственным орудием. Затем в 1813 и 1814 гг. Малиновский участвовал в генеральных сражениях под Бауценом, Лейпцигом и Майнцом и во взятии высот Монмартра. Особенно же отличился он при осаде крепости Торн (с 16 февраля по 4 апреля 1813 г.), где был тяжело ранен (25 марта) картечью в голову и, несмотря на трудную операцию, продолжал деятельно руководить осадными работами.

За эту кампанию Малиновский получил чины капитана и подполковника, ордена: Анны 4-й степени, Анны 2-й степени, золотую шпагу за «храбрость», алмазные знаки к ордену Анны 2-й степени, третное не в зачет жалованье и серебряную медаль.

В 1815 г. Малиновский назначается обер-квартирмейстером 4-го пехотного корпуса; в 1817 г. за отличие по службе производится в полковники; в 1818 г. назначается обер-квартирмейстером отдельного Литовского корпуса; в 1826 г. производится в генерал-майоры и зачисляется в свиту Его Императорского Величества; в следующем году он получает командование сначала 3-й бригадой 16-й пехотной дивизии, а

потом 2-й бригадой той же дивизии, и с открытием военных действий против турок в 1828 г. назначается состоять при главнокомандующем. Здесь Малиновский участвует при осаде и взятии крепости Браилов (3—6 июня), за что получает украшенное алмазами оружие. 13 января Малиновский руководит и берет штурмом крепость Редут-Кале, затем переходит в отряд графа Ланжерона и участвует в продолжительной блокаде и бомбардировке (с 13 по 30 января) крепости Турно, окончившихся сдачей всего гарнизона крепости на милость победителей. Участие в этих делах дало ему орден Анны 1-й степени и Георгия 3-й степени. В феврале того же года Малиновский сжигает турецкую флотилию из 30 судов при впадении р. Осьмы в Дунай. После взятия Адрианополя и заключения мира Сильвестр Сигизмундович делает обратный поход в Россию, куда и прибывает в декабре 1829 г.

В польскую кампанию 1831 г. Малиновский, назначенный командиром 2-й бригады 5-й пехотной дивизии, участвует с нею в усмирении мятежников, закончившемся штурмом и взятием Варшавы (26 августа 1831 г.), и за свою ревностную службу получает орден Св. Владимира 2-й степени и чин генерал-лейтенанта.

В 1832 г. генерал-лейтенант Малиновский назначается командиром пехотной дивизии в Черноморской кордонной линии. 1834 и 1835 гг. Малиновский проводит на Кавказе, где участвует, под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова, в походах против горцев и в 1836 г., в отсутствие генерал-лейтенанта Вельяминова, в продолжение пяти месяцев исполнял должность командующего войсками. В это время он получает орден Белого орла.

В начале 1839 г. Малиновский назначается командиром 4-й пехотной дивизии; в этой должности он остается до мая 1845 г., когда назначается присутствующим в Варшавских департаментах Сената. 62 лет Малиновский подает прошение (по болезни) об отставке, которую и получает 15 декабря 1850 г. О семейной жизни С. С. Малиновского известно, что он был два раза женат, но имел только одного сына, Николая, от первого брака.

Малиновский оставил после себя записки о достопамятной Березинской переправе. Наши неудачи в этом деле он приписывает исключительно адмиралу Чичагову и отмечает

следующие, по его мнению, ошибки главнокомандующего Дунайской армией: 1) Чичагов перешел на левую сторону реки Березины и, не подкрепляя авангарда, предоставил его самому себе, благодаря чему произошло беспорядочное отступление наших войск, дурно повлиявшее на дух армии; 2) Адмирал Чичагов оставил без защиты дорогу на Зембин и мосты через реку Гайну, чем умело воспользовался неприятель; 3) Главнокомандующий недоверчиво отнесся к донесению генерала Чаплица и не подал последнему своевременную помощь, и 4) Чичагов не занял выгодных позиций: Зембинскую и при д. Стахове, тогда как эти позиции могли сильно помешать отступлению армии Наполеона и дали бы возможность корпусу Витгенштейна сблизиться с большой армией.

По 10 ноября всякий шаг 3-й Западной армии[1] действительно был блистателен, да и ожидать важнейших последствий можно было: войска были самые надежные, испытанные шестилетней турецкой войны победами; в Отечественной же войне всяк жадничал только, как бы встретить неприятеля и доказать оному, что может умереть, но не быть побежденному.

9 ноября, после взятия Борисовского укрепления с городом, вся армия сконцентрирована была к сему пункту. В оной состояло, по точному исчислению, пехоты — 59 батальонов, кавалерии — 88 эскадронов, артиллерии — 180 орудий, казачьих полков 13; считая же всякий батальон на худой конец по 350 человек, всего было пехоты 19 750 человек.

Кавалерии эскадрон по 100 человек, всего было 8800 человек.

Артиллерии при 180 орудиях всего 1100 человек. Казачий полк считался по 280 человек, всего 3250 человек. Итого во всей армии, верно, не менее было 32 800 человек. Оставалось только употребить с пользой сии войска, за успех же наверное отвечать можно было.

Войска сказанные в сей день расположены были: авангард — впереди Борисова по дороге к Орше; корпуса и резерв — при тет-де-поне*; отряды: генерала Чаплица — в Зембине; полковника Луковкина — при д. Уше.

---

* Т. е. Борисовском предмостном укреплении.

10 ноября, по-видимому, желал главнокомандующий адмирал Чичагов идти к Орше, для действия противу войск маршала *Виктора*, но, не зная еще о прибытии всей армии Наполеона, и для того приказал всем войскам, бывшим в Борисове, перейти реку Березину, расположиться при Борисове, куда и сказанным отрядам повелено прибыть. Итак, вся пехота, перейдя упомянутую реку, расположилась .... (см. приложенный при сем план)*. А кавалерия оставалась единственно для того на правой стороне реки, что не имелось места к расположению, где и отряд генерал-майора Чаплица расположился, а полковник *Луковкин* ночевал при Шебашевичах.

Трудно заключить, почему в сей день все были усыплены, что ничего для предназначенного пути по дороге к Орше не послано легких кавалерийских отрядов к открытию, а вместе и для преследования бежавших остатков войск генерала *Домбровского*.

11 ноября, довольно ныне видно, что адмирал *Чичагов* не имел никаких известий о движении войск неприятельских и о месте их нахождения**, ибо отдал в приказе сего числа, что авангард выступает в 6 часов утра, а прочие войска в 10 и следуют по дороге к Бобру,— вследствие чего авангард с рассветом послал квартирьеров с малым прикрытием к д. Лошнице для занятия лагерных мест и сам вслед выступил. Сказанные квартирьеры при упомянутой деревне сыскали неприятельские аванпосты, ограждающие их лагерь, на которых напав, схватили двух в плен, кои открыли, что вся Наполеонова армия в расстоянии на один марш от оной деревни находится. Таковое известие с оными пленными штабс-капитаном *Малиновским* сейчас сообщено авангардному командиру генерал-майору графу *Палену*, который приказал ускорить марш его войскам, а сам не преминул донести адмиралу *Чичагову* и просил подкрепления, как дорога дефилейная, пехоты имел мало, а кавалерии действовать было невозможно. Получа такое донесение, адмирал никак не мог верить показанию пленных, полагая оное их выдумкой, и приказал авангарду непременно занять назначенный ему

* В бумагах не найден.

** Которые легко мог иметь, если бы употребил легкие отряды, как выше сказано.

пункт, пехоте всей армии варить кашу, а кавалерии послать фуражировать. Последствия сего дела ясно описаны в журнале 11 ноября, по коим можно заключить, отчего произошло такое ошибочное мнение адмирала, и что не только не подкрепил авангарда, но и с прочими войсками ничего в предосторожность не предпринял и допустил сей день кончить с ужасной потерей обозов, всего дежурства и полковых, всех раненых в городе, и были отрезаны три егерских полка и до 3000 кавалерии; последние сии войска обязаны спасением благоразумным своим начальникам, которые в том же самом месте переправились вброд через реку, где воспоследовал прорыв войск Наполеона, и, примкнув к армии, *не преминули донести адмиралу, что для переправы самое удобное место.*

12 ноября, по несчастном отступлении войск из Борисова, армия была расположена при тет-де-поне, и *адмирал* сделал следующее распоряжение. Отряду генерал-майора *Чаплица* к д. Брили и аванпостам занять пространство по реке Березине от оной деревни до Зембина, а генерал-майора *графа Орурка* послал в д. Юшкевичи, дабы, прибыв туда, принять отряд полковника *Луковкина* под свое начальство и там бы находился, прикомандировав еще *Волынский уланский полк,* артиллерии конную роту № 12 и полроты понтонной, дабы при оной деревне маскировать, что желает учредить на левом берегу Березины переправу.

Едва лишь граф Орурк занялся сим препоручением, как вдруг адмирал Чичагов приказал с вверенным ему отрядом следовать к местечку Березино и наблюдать за неприятельским движением. Куда я и был командирован.

Прочие войска оставались сей день расположенными при Борисовском укреплении.

В течение сего дня приметно было, что неприятель сосредоточивает все свои войска к городу Борисову, посылая частью колонны к Старому Борисову и вниз по реке к деревне Ухолоде; никаких покушений и приготовлений к переправе нигде не было.

13 ноября адмирал *Чичагов* на рассвете сего дня приказал всей армии следовать к д. Шебашевичам, оставя авангард генерал-майора графа *Палена*, подкрепив оный из ре-

зерва 12-м егерским полком противу Борисова, полагая, что неприятель сделает прорыв при м. Березино.

Генерал-майор *граф Орурк*, в 2 часа пополудни, с данным ему отрядом, выступя из д. Юшкевичи, достиг до д. Уша, где усталой пехоте приказал несколько часов отдохнуть, сам же с кавалерией и артиллерией к полуночи поспешил прибыть к м. Березино. Авангард графа Палена и отряд генерал-майора Чаплица оставались сей день в прежних своих расположениях, а к вечеру и вся армия адмирала Чичагова была расположена при д. Шебашевичах.

В этот день неприятель начал делать приготовления к переправам. 1-е при Ухолоде, а 2-е при Брилове, как донесли аванпосты, расположенные по реке.

Трудно заключить, почему адмирал Чичагов, получа такое донесение, не сделал движения вспять от Шебашевичей к укр. Борисовскому, дабы быть в центре у предназначенных неприятелем для переправы пунктов, но вдобавок приказал генерал-майору Чаплицу с его отрядом от Брилова следовать к г. Борисову на соединение с авангардом генерал-майора графа Палена, оставя без уважения пункт, на котором неприятель делал приготовления к переправе.

14 ноября, на рассвете, генерал-майор Чаплиц сконцентрировал свой отряд к д. Стахову, и во исполнение повеления главнокомандующего пошел, оставя казачьи посты по реке, и уже был почти у самого Борисовского укрепления, как из форпостов донесли, что неприятель переправляется между Стаховым и Бриловым, то генерал-майор Чаплиц, о сем дав знать главнокомандующему, сам с отрядом поспешно следовал назад. Но переход 12 верст все же доставил времени неприятелю; по прибытии сейчас же атаковал, но уже сбить был не в состоянии; поставленная батарея из 30 или 40 орудий большого калибра* прикрывала переправу вброд и постройку мостов.

Наши же конные орудия долго не могли устоять; только егеря, пользуясь лесом, удерживали и не впускали в оный, и так держался весь день и ночь, не позволяя неприятелю занять высот, быв подкреплен частью авангарда генерал-майора графа Палена. Генерал-майор граф Орурк прибыл в м. Бе-

---

* На высотах левого берега реки, при которых она имеет свое течение.

резино с кавалерией ночью, а к рассвету прибыла и пехота. Не видя вовсе неприятеля за рекой, послал меня с 10 казаками, переправив за реку, дабы следовать по дороге к местечку Белыничи и настояще узнать о неприятельских движениях. Следуя по назначенному направлению, через м. Погост, я дошел до деревни Приборка, в коей жители показали единогласно, что неприятель сосредоточивает свои войска к Борисову и что там имеет сделать переправу.

Не видя нигде неприятеля и дабы не терять понапрасну времени, от д. Приборка пошел я на возврат и, не доходя м. Погост, встречен приверженными жителями, что сейчас прибыл из Бобруйска эскадрон польских уланов и следует к Борисову и что кормят лошадей.

Пользуясь сей беспечностью, бросился я в местечко и сказанный эскадрон взял в плен, в числе 3 офицеров и 38 рядовых, с которыми к вечеру и возвратился в м. Березину.

При командире сего эскадрона, капитане *Сулятыцком*, сыскано повеление, дабы поспешно следовал бы к Борисову, где имеет быть прорыв, что и удостоверяло показание жителей.

Генерал-майор *Орурк*, получа таковое удостоверительное показание, сейчас сообщил главнокомандующему, ожидая от оного дальнейшего приказания. Адмирал Чичагов, сей день остававшийся при Шебашевичах, получа же донесение от генерал-майора *Чаплица* о переправе неприятеля, приказал авангарду генерал-майора *Палена* секурсировать Чаплица, оставляя, однако, часть войск и для наблюдения Борисова.

15 ноября, на рассвете, адмирал Чичагов, получа от графа Орурка донесение, что точно имеет быть переправа неприятеля при Борисове или окрестностях, приказал всем войскам, как наипоспешнее, сосредоточиваться к Стахову и сам выступил со всей армией туда же.

Но, дошед до укреплений Борисовских, расположился ночевать, а авангард подкрепил генерал-майор *Чаплица*, который, уже сражаясь другой день, никак неприятелю не позволял занять высоты и выйти на дорогу, идущую в Зембин. Неприятель же, переправляясь через реку, располагался на лугах низменных оной реки.

Генерал-майор Орурк, получа повеление как можно поспешнее прибыть к Стахову, выступая сейчас, к полуночи прибыл к д. Юшкевичи, где усталым совершенно людям нужно было дать отдых.

К вечеру сего дня неприятель очистил г. Старый Борисов, а в 11 часов ночи прибыли войска авангарда большой действующей армии под командой атамана *Платова* и генерал-майора *Ермолова,* и к рассвету понтонные мосты от армии адмирала были наведены при г. Борисове.

16 ноября, с рассветом дня, как авангард большой действующей армии, переправясь по сказанным понтонам, так и вся армия Чичагова, равно и отряд графа *Орурка*, прибыли к д. Стахову и при оной в боевом порядке расположились.

Отряд генерал-майора Чаплица, подкрепленный на рассвете остальною частью авангарда графа *Палена*, дрался без утомительно, и *егерские полки* — 12, 22, 27, 7, 14, 28 и 32-й — покрыли себя бессмертной славой, порядком и храбростью отличавшихся, которые были рассыпаны в стрелках с должными резервами, а *Павлоградский* гусарский полк в местах выгодных располагался поэскадронно в тылу егерей, неприятель же, переправясь через реку и не имея успеха в прорыве, решился, наконец, во что бы ни стало оный совершить; итак, в 10 часов утра сформировал колонну кавалерии, вмещая в оную все чины, начав от генерала и до солдата, кого только способным нашли к сему предприятию; вслед же за сей кавалерийской колонной построилась колонна пехоты с артиллерией.

Адмирал Чичагов прибыл с армией в 9 часов к Стахову, терял напрасно время устройством в боевой порядок своей армии; напоследок, на ежеминутные требования генерал-майора *Чаплица* помощи пехоты и артиллерии, послал две дивизии, 9-ю и 18-ю, подчинив оные начальнику своего штаба, генерал-лейтенанту *Сабанееву*, который должен только был в колоннах следовать к месту сражения, занять высоты, которые еще были в руках наших егерей, и поставленными батареями уничтожить покушение неприятеля к прорыву. Но потерянный час времени доставил неприятелю время построиться, как прежде сказал, в колонны и сделать сильную ата-

ку на один пункт. Пробившись сквозь линию егерей, бросился на оных с кавалерией и наносил жестокие удары.

В эту минуту генерал-лейтенант Сабанеев, приближаясь со своими дивизиями к месту сражения, слишком заблаговременно рассыпал в стрелки более половины числа сих дивизий. Неприятель же, поражая упорствующих и отлично храбрых, но слабых егерей, когда увидел сближающиеся массы, бросился на оные с отчаянной яростью, но сказанные дивизии, вместо чтобы дать отпор, были объяты каким-то ужасом и поворотились бежать.

Неустрашимость и присутствие генералов удержали и устроили сии войска в должный порядок, а более способствовал к сему генерал-майор Чаплиц, бросившись лично с 2 эскадронами *павлоградских* гусар и опрокинув неприятельскую кавалерийскую колонну, почти истребил всю, но Наполеон жертвой сей открыл путь к Зембину. Маршал *Удино*, пользуясь сим временем, вступил в бой, который сделался кровопролитнейшим; огонь жестокий продолжался до 11 часов ночи. Артиллерия, как неприятельская, так и наша, действовала только на большой дороге, и неприятель, прикрывшись корпусом маршала Удино, с остальными поспешно отступал на Зембин. При прорыве же неприятеля до 600 человек егерей, бывших на левом фланге и полков 9-й и 18-й дивизий, отрезано и взято в плен.

Войска армии *Чичагова* только пехоты часть половинной была в деле и по 4 орудия артиллерийских на дороге действовали. Кавалерия же, кроме *Павлоградского* гусарского полка, была в бездействии, равно и авангард большой действующей армии с войсками атамана *Платова*. А как лес такой редкий между Стаховым и Зембином, что можно было с выгодой двигать колонны пехоты и даже кавалерии и во всяком месте действовать артиллерией и хотя генералы, граф *Ланжерон, Воинов* и *Чаплиц*, требовали у адмирала войск для сделания сильного натиска, но на сие не последовало его согласия и даже место сражения не удостоил своим посещением, оставаясь в д. Стахове.

Примечания. Непростительны адмиралу Чичагову сделанные столь важные ошибки в военных соображениях:

1) Что по взятии г. Борисова перешел на левую сторону р. Березины, оставя за собой и имея впереди дефилеи и что 11 ноября почти сам способствовал своему поражению, не подкрепляя авангард, который не мог противустать сильному неприятелю; последствием сего было беспорядочное отступление пехоты, потери обозов, всех раненых и отрезанными были три полка егерских и до 3000 кавалерийских фуражиров, которые, однако же, случайно спаслись. А более всего сие несчастное событие навлекло на войско какое-то уныние, которого прежде никогда не ощущали, приобыкши только побеждать.

2) Что адмирал Чичагов 13-го числа пошел к д. Шебашевичи, уже зная, что неприятель при Ухолоде и Брилове делает приготовления к переправе, а потому он и должен был остаться при Борисове, дабы быть в центре обоих сих пунктов; уповательно он сие движение предпринял, дабы поставить себя на фланге неприятельской армии, полагая, что ежели неприятель сделает прорыв при Ухолоде или Брилеве, то наверное пойдет через Минск к Несвижу для соединения с армией князя *Шварценберга*, ибо того же числа сам, тронувшись к Шебашевичам, приказал генерал-майору *Чаплицу* с отрядом от д. Стахова прибыть к Борисову, а тем самым *Зембинскую дорогу оставил без малейшего внимания и мосты трехсотсаженные на речке Гайне осталися неистребленными в пользу неприятеля.*

3) Ежели бы адмирал 14-го числа, получа донесение от генерал-майора *Чаплица* о точной переправе неприятеля при Брилове, сейчас бы решился идти со всей армией ему на помощь, то бы довольно имел времени 15-го числа атаковать утром слабого неприятеля, подавить оного и, истребя Зембинские мосты, поставить сильный отряд в Зембине, а более, чтобы иметь вольное сообщение с крепостью Бобруйскою и корпусом генерала *Эртеля.*

4) Препятствовать построению новых мостов. Ежели бы неприятель обратился бы к Минску, то должен был преодолеть от натуры крепкую позицию при

д. Стахове, перед которой более ста саженей широты болото, и протекающая речка служила бы оплотом важнейшим для армии, защищавшей переход. И таким бы образом переправясь неприятель через реку Березину, еще должен бы был предпринять другой прорыв, который наверно, полагать можно, был бы сопряжен с гораздо важнейшими невыгодами, как переправа реки Березины, ибо обе позиции, Зембинская и Стаховская, были самые для нас выгодные. Ежели бы он взял направление между речек Гайной и Болотистой, текущей при Стахове к д. Антонополь, то бы вошел в непроходимые болота и леса, а сим самым ископал бы себе гроб, ибо с избытком была армия его расстроена, дух потерян, морозы сделались довольно чувствительны и совершенный голод поглощал его армию. Ежели б *Чичагов* занимал сии две позиции, от натуры крепчайшие, как впредь сказал, при Зембине и Стахове, то задержанием выиграл бы несколько дней. Сближалась бы большая действующая армия и корпус генерала *Витгенштейна* и неминуемо дерзкий *Наполеон*, с остатками своей армии, остался бы в наших руках или погиб бы от голода и морозов, которые доходили до 15°.

Из записок И. К. Арнольди о 1812 годе

Автор описания набега на Слоним и Березинской переправы сенатор, генерал от артиллерии, Иван Карлович Арнольди, один из выдающихся боевых артиллерийских генералов прошлого века, родился в 1782 г. в семье курляндских дворян. Получив образование в Кадетском корпусе, он в 1799 г., на 17-м году от роду, выпущен подпоручиком в СПб. полевой артиллерийский батальон, откуда в следующем году переведен в 1-й артиллерийский полк, а в 1803 г. во 2-й конно-артиллерийский батальон в Шклове. В начале 1806 г. он зачислен в 5-ю артиллерийскую бригаду с назначением в роту генерал-майора Богдановича, а вскоре затем назначен адъютантом к будущему герою Бородина, генерал-майору графу Кутайсову. Замеченный начальством молодой Арнольди уже в то время выполняет различные возлагаемые на него

И. К. Арнольди

хозяйственные поручения, неоднократно сберегая казне значительные суммы.

Свое боевое поприще И. К. Арнольди начал в кампанию 1805 г. и в следующем году обратил на себя внимание выдающеюся храбростью, в кровопролитном Прейсиш-Эйлауском сражении, за которое награжден золотым знаком на Георгиевской ленте. В 1809 г. он назначен в распоряжение тогдашнего инспектора всей артиллерии, барона Меллер-Закомельского, по поручению которого неоднократно занимался формированием новых артиллерийских частей, преимущественно конных рот при артиллерийских бригадах, проявив в этой деятельности выдающиеся организаторские способности.

Одной из таких вновь сформированных рот, а именно 13-ю конную, Арнольди, в чине капитана, командовал в достопамятную Отечественную войну и с ней же совершил походы 1813 и 1814 гг.— В октябре 1812 г., находясь в авангардном отряде генерала Чаплица, Арнольди участвует в смелом набеге этого генерала на Слоним, во время которого уничтожен был только что сформированный польско-литовский гвардейский уланский полк и взят в плен командовавший им польский генерал Конопка... Здесь, в 25 верстах от Слонима, во главе небольшого кавалерийского отряда из 100 павлоградских гусар и полусотни казаков, конно-артиллерист Арнольди, с лихостью истого кавалериста, нагоняет отделившийся от полка Конопки отряд улан, захватывает в плен 200 нижних чинов, 2 офицеров и отбивает полковую кассу в 200 000 франков золотом.

В ноябре 1812 г., на берегах Березины, Арнольди является одним из деятельных участников финального акта великой драмы 1812 г. Для наблюдения Березинского побережья от Стахова до Зембина из войск авангарда Чаплица составляется особый отряд под начальством генерал-майора Корни-

лова. В отряд этот, состоявший из 2 егерских полков, Павлоградского гусарского, эскадрона волынских улан и 2 казачьих полков, вошла и 13-я военная рота Арнольди. Остатки расстроенной, но все еще грозной обаянием Наполеона Великой армии сосредоточились у Студянки и с храбростью отчаяния решили проложить себе дорогу через полузамерзшую реку. На слабый отряд Корнилова обрушился первый удар французов. В местечке Брили, на болотистом поросшем лесом правом берегу Березины, против деревни Студянки, по обеим сторонам небольшой площадки, Арнольди с трудом разместил четыре конных орудия, снаряды которых, однако, не достигали левого берега. Между тем на высотах левого берега французы выставили батарею из 40 орудий большого калибра, и огонь их стал осыпать ядрами роту Арнольди. Молодой капитан трое суток дрался на берегах Березины, потеряв убитыми и ранеными людей и лошадей более чем наполовину, причем, по выражению автора, 13-я рота «отбыла эту адскую пытку в шесть смен, т. е. каждые два орудия действовали не долее получаса, оканчивая обыкновенно полным истреблением себя». В стаховском бою 16 ноября рота Арнольди и прибывшие к нему на помощь три другие роты были совершенно уничтожены.

Наградою за эту выдающуюся храбрость был орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Продолжая командовать той же конной ротой в походе 1813 г., Арнольди особенно отличился в деле под крепостью Торгау, за что награжден Георгиевским крестом 4-й степени и прусским орденом «За заслуги». В Лейпцигском сражении он тяжело ранен в левую ногу, что, однако же, не помешало ему еще в течение 6 часов руководить действиями своих подчиненных, и только после того, как он вторично был ранен в ту же ногу ниже колена,— он передал командование ротой другому. Чин полковника и шведский орден

Ген.-лейт. И. К. Арнольди. (С портрета, находящегося в московском Музее 1812 года)

Меча, возложенный на него на поле сражения самим наследным принцем Шведским, были наградой за его мужество. В 1814 г., в чине полковника, он принимает участие в походе, и после Ватерлооского сражения, известие о котором приостановило действия русских войск, он вернулся в Россию. Произведенный в генерал-майоры и занимая последовательно должности командира гвардейской конной артиллерии, начальника артиллерии 4-го резервного корпуса и начальника артиллерии военных поселений Херсонской и Екатеринославской губерний, Иван Карлович снова выступает на боевом поприще в турецкую войну в 1828 и 1829 гг. и за сражение под Кулевчею, близ Шумлы, в котором отбивает у неприятеля 43 орудия, 11 000 ружей, 2000 пленных и многочисленный обоз,— награждается орденом Св. Анны 1-й степени.

После заключения Адрианопольского мира И. К. Арнольди назначен состоять при генерал-фельдцейхмейстере Великом князе Михаиле Павловиче; в 1834 г. — начальником конно-артиллерийского резерва; в 1835 г. производится в генерал-лейтенанты и в 1841 г. назначается начальником артиллерии по части инспектора резервной кавалерии. Высоко ценя боевые заслуги Арнольди, император Николай Павлович пожаловал его чином генерала от артиллерии и в 1852 г. назначил сенатором, с зачислением по полевой конной артиллерии. И. К. Арнольди скончался в 1860 г. в преклонном 78-летнем возрасте.

В своих записках Арнольди является безусловным защитником адмирала Чичагова. По его мнению, удержать переправу французской армии, при наличных силах адмирала, было делом совершенно невозможным, притом же, по мнению И. К., Чичагов действовал по указанию фельдмаршала и на основании сведений, полученных им от Витгенштейна, действия которого он подвергает жестокой критике.

К. В.

Письмо И. К. Арнольди к А. И. Михайловскому-Данилевскому

Вот Вам, любезный друг, Александр Иванович, описание Березинской переправы и наезда на Слоним. Не взыщите, если не вполне удовлетворяю Вас как историка этой эпохи.

Все мои записки о 1812 г., вместе с книгами, за неимением всегда помещения в кочевой жизни моей, простояв по этой причине в Воронеже более года, в ящиках, в амбаре, отправлены в прошлом году в деревушку мою под Одесс (?) и потому все, что написал теперь, извлек большей частью из памяти, а как мне уже стукнуло пятьдесят, то быть может, что она в чем-либо изменила на этот раз.

Подробности, которые встретите в этом описании, собственно меня касающиеся, сообщаю не для историка, а другу, уверен будучи, что и самые малости, в общем, таких исполинских происшествий, как 1812 г., прочтет он на досуге не без удовольствия. Выберите из рассказа моего все, что стоит и должно войти в историю, сохраните остальное у себя на память в знак дружбы; мне приятно будет думать иногда, что и Вам известно о той лепте, которая положена мною на алтарь отечества, в годину его бедствия и вместе торжества. Вы желаете, чтобы я сообщил Вам описание 2 или 3 дней до переправы. В тетради моей найдете это гораздо далее назад, и именно от взятия Борисовского предмостного укрепления; о том, что я делал во время переправы и сражения при Стахове,— написал, кажется, и более даже, чем скромность дозволяла, наконец, о преследовании найдете не только до Вильно,— как Вы хотели,— но и до Немана; в этих трех вопросах заключалось Ваше требование.

Служение мое в 1812 г. было так чисто, с таким усердием, с таким безотчетным самоотвержением, что вряд ли кто тогда, из всех вообще русских, действовал с большим против меня самопожертвованием. Следственно, Вы поймете, отчего с такою жаждою силился передать Вам в записках моих все, что собственно до меня касалось, а поняв это чувство — Вам легко будет извинить мою словоохотливость.

О получении Вами моей рукописи подарите меня, любезнейший друг, несколькими строками, пометив между ними откровенное Ваше суждение об ней, и можете ли успеть некоторым образом в исполнении моей просьбы. Прощайте.

С душевною преданностью неизменный И. Арнольди

Саратов, 23 августа 1837 г.

Наезд на Слоним в 1812 году и пленение польского генерала Конопки

После соединения в 1812 г. Чичагова с 3-ю Западною армиею, по приходе его в Брест-Литовск, когда корпуса Шварценберга и Ренье разделены были движениями его армии (отбросив первого за Буг и пошедшего на селения Яново и Константинов к Венгрову; и другого по левому берегу реки, на селения: Волчин, Немиров и Мельники к Дрогочину), отправили два отряда для истребления неприятельских провиантских запасов, депо и формирующихся как в герцогстве Варшавском, так и в Литве, разных частей войск: один под начальством графа *Ламберта* пустился по дороге к Варшаве и не дошел только двух переходов до нее, а другой под командою генерал-майора *Чаплица* — в Слоним. Последний состоял из полков: 28-го и 32-го Егерских, Павлоградского гусарского, двух казачьих (Дячкина и Поздеева) и конной № 13 капитана *Арнольди* роты. От Бреста до Слонима, самым прямым и кратчайшим трактом на Кобрин и Картуз-Березу 160 верст, а ежели из Картуз-Березы повернуть через Ружаны, то будет 170 верст, куда и направился отряд Чаплица, пройдя до Картуз-Березы 91 версту в 3 дня, а от Картуз-Березы до Слонима остальные 79 верст в течение одних суток с небольшим роздыхом, приноровив приход свой туда на рассвете 8 октября. В Слониме формировался в это время *гвардейский уланский полк* под начальством генерала *Конопки.* Он был совсем уже готов и состоял из 2000 отличных нижних чинов, при 40, кажется, обер- и около 10 штаб-офицерах; в числе штаб-офицеров было много самых отличных, служивших в Гишпании и приобретших у развалин Сарагосы и в других местах громкую известность по своей храбрости. Квартировав в 1808, 1809 и 1810 гг. в звании адъютанта при графе *Кутайсове* в Слониме и Несвиже, я имел совершенные понятия как об окружных местностях этих обоих городов, так и о их собственном расположении внутри; почему *от Ружан и поручил мне генерал-майор Чаплиц вести колонну войск его, а по приходе пред рассветом под Слоним, отделив часть их под особенное мое начальство, предоставил мне подойти чрез поля и огороды, сколь можно тихо к дому, занимаемому генералом Конопкой, и схватить его вместе с семейством.* Зная даже имена хозя-

ев огородов, чрез кои мне надо было идти, я пробрался без малейшего затруднения до самого дома, и как уже стала заниматься заря, то крайне удивился, не видя ни движения в доме, ни караула около его, или по крайности часового у крыльца. Бросившись, однако, с несколькими бывшими у меня гусарами к самым дверям, я тут только узнал, что никого уже не было, и по расспросе пойманного дворника, удостоверился, что *Конопка*, быв извещен за несколько времени до нас о нашем приходе, вероятно, жидом каким,— выпроводил за час, не долее, пред нами свою жену, жену *Домбровского*, тут же бывшую, и Заиончека тож, по дороге в Гродно на Дерегин; сам собрав полк, потянулся недавно только чрез Дзенциолы по дороге к Вильно, и что по той дороге, где поехали дамы в каретах, отправлена также касса, и как при ней, так и в конвое у генеральш до 250 улан при 4 офицерах.

Послав обо всем этом сказать генералу *Чаплицу* и зная, что за ушедшим полком пошлют казаков, с коими не угоняешься и наверное отстанешь, я уведомил его тогда же, что *отправляюсь с 150 человеками по дороге, куда пошла касса, и, взяв из своей части войска 100 человек павлоградских гусар и 50 казаков, поскакал по дороге в Дерегин*, верстах 15 от Слонима. Не доезжая верст восьми селения Галынка, *нагнал я улан в лесу с кассою*: уланы, выстроившись, сколько широта дороги позволяла, ожидали меня, отправив, однако ж, кассу вперед с прикрытием около 25 человек. Я также остановился, чтоб оправиться и дать поравняться отставшим сзади, и потом тронулся с места шагом, дабы подойти на небольшое расстояние и ударить фронтом. Марш, марш! Только что скомандовал я это, как уланы, заехав по три налево кругом, пустились во все лопатки, у кого куда глаза глядят. Догоняя их на этом побеге, *забрал я 200 человек нижних чинов, двух офицеров и кассу, застигнутую мною за 23 версты под селением Галынка, около самой уже речки,* вытекающей из реки Щары и чрез кою у этого селения ходит паром и который только что пристал на ту сторону и с коего свезли два экипажа. В них были: г-жи *Домбровская* и *Конопкина*, а Заиончекова переехала несколько прежде. Делать было нечего. Счастье и ночной 65-верстный переход спасли дам, а то вряд ли бы уйти им. Между тем как я был в этой экспедиции, *Чаплиц* со всеми

казаками и павлоградскими гусарами нагнал полк и по незначительной стычке обратил его в бегство; догонял потом таким же образом, как и я, своих; самого Конопку догнал казачий урядник *Дячкин* и, ранив его пикою, взял в плен. Ушло весьма немного, кажется, человек с 100 нижних чинов и два офицера, остальные все взяты, и между ними довольно раненых. Кассу и пленных представил я генерал-майору Чаплицу; в ней оказалось до 200 000 франков; со мною был в это время и разделял все труды корнет *Алферьев*, теперь генерал-лейтенант, бывший тогда адъютантом у Чаплица; с ним мы были нераздельны почти в 1812 г. В Слониме дожидались армии Чичагова, когда она двинулась к Березине.

Березинская переправа

В Отечественную 1812 г. войну, после соединения 2-й армии с Молдавскою, под Луцком, за рекою Стырь,— из оборонительного положения перешла она в наступательное, и неприятель, в свою очередь, стал ретироваться; главная квартира, дойдя в этом виде до Брест-Литовска, остановилась там, и отряды ее, пользуясь разделением корпусов Шварценберга и Ренье — проникли с одной стороны почти до стен Варшавы, а с другой по дороге на Минск до Слонима, чем и очищен был путь армии подойти ближе к центру действия всех наших сил.

От Слонима, по приходе туда авангарда под начальством графа Ламберта, отдельный отряд генерал-майора Чаплица, занявший напред сего Слоним с бою и остававшийся там до прихода из-под Бреста графа Ламберта, отошел влево от большой дороги, идущей в Минск, и следовал от оной в расстоянии доброго перехода на одной высоте с авангардом, до самого Несвижа, где и выждал прихода по Минской дороге всей 2-й армии, оставив отсель уже арьергард ее; идя, однако ж, все по левой стороне большого тракта, для прикрытия от стороны Вильно тяжестей армии и малых команд по оному идущих к своим частям войск; в таком положении отряд прибыл к Борисову в то самое время, когда после взятия предмостного Борисовского укрепления с 8 в нем орудиями командование над авангардом 2-й армии, по случаю полученной в этом деле графом Ламбертом раны, отдано было под

казаками и павлоградскими гусарами нагнал полк и по незначительной стычке обратил его в бегство; догонял потом таким же образом, как и я, своих; самого Конопку догнал казачий урядник *Дячкин* и, ранив его пикою, взял в плен. Ушло весьма немного, кажется, человек с 100 нижних чинов и два офицера, остальные все взяты, и между ними довольно раненых. Кассу и пленных представил я генерал-майору Чаплицу; в ней оказалось до 200 000 франков; со мною был в это время и разделял все труды корнет *Алферьев*, теперь генерал-лейтенант, бывший тогда адъютантом у Чаплица; с ним мы были нераздельны почти в 1812 г. В Слониме дожидались армии Чичагова, когда она двинулась к Березине.

Березинская переправа

В Отечественную 1812 г. войну, после соединения 2-й армии с Молдавскою, под Луцком, за рекою Стырь,— из оборонительного положения перешла она в наступательное, и неприятель, в свою очередь, стал ретироваться; главная квартира, дойдя в этом виде до Брест-Литовска, остановилась там, и отряды ее, пользуясь разделением корпусов Шварценберга и Ренье — проникли с одной стороны почти до стен Варшавы, а с другой по дороге на Минск до Слонима, чем и очищен был путь армии подойти ближе к центру действия всех наших сил.

От Слонима, по приходе туда авангарда под начальством графа Ламберта, отдельный отряд генерал-майора Чаплица, занявший напред сего Слоним с бою и остававшийся там до прихода из-под Бреста графа Ламберта, отошел влево от большой дороги, идущей в Минск, и следовал от оной в расстоянии доброго перехода на одной высоте с авангардом, до самого Несвижа, где и выждал прихода по Минской дороге всей 2-й армии, оставив отсель уже арьергард ее; идя, однако ж, все по левой стороне большого тракта, для прикрытия от стороны Вильно тяжестей армии и малых команд по оному идущих к своим частям войск; в таком положении отряд прибыл к Борисову в то самое время, когда после взятия предмостного Борисовского укрепления с 8 в нем орудиями командование над авангардом 2-й армии, по случаю полученной в этом деле графом Ламбертом раны, отдано было под

начальство графа Павла Палена и коего в сию минуту теснили встретившиеся с ним на левой стороне Березины, на переход от Борисова, передовые войска корпуса маршала Виктора, отступавшие сами чрез Лепель к Борисову, после поражения их графом Витгенштейном при Полоцке; нечаянное появление неприятеля во фланге и в тылу даже авангарда,— обратило его со всею поспешностью назад к Борисову, при чем и сделалась суматоха, превратившаяся потом в величайший беспорядок. Войска спасались, кто как мог, в Борисове была главная квартира армии, суета сделалась там ужасная при появлении там авангарда и с ним вместе на плечах почти неприятеля. Главнокомандующий тотчас обратно переехал за реку на правый ее берег, и мост был сожжен; от этого некоторые части войска из авангарда не успели перейти реку и очутились отрезанными; они должны были идти наудачу в разные стороны, держась ближе к берегу, для отыскания возможности переправиться; наступившая темнота способствовала к этому многим из них и тем спасла от неминуемого плена; по появлении, таким образом, неприятельских войск на Березине у Борисова не было уже никакого сомнения о намерении их искать переправы около этих мест, но где именно, предоставлялось угадать опытности; вследствие чего составлен был отряд из авангарда генерал-майора Чаплица, собранный из полков: 28-го и 32-го егерских, Павлоградского гусарского, 200 улан волынских, 2 казачьих полков (один Мельникова. а другого не упомню) и конно-артиллерийской № 13 капитана Арнольди роты; отряд сей поручен был генерал-майору Корнилову, и ему назначили наблюдать влево от Борисова, вверх Березины, по дороге через селение Стахово к Зембину, дабы на этом пространстве, ежели неприятель вздумает переправиться, не допустить его к тому, сколько возможность позволит, или по крайней мере затруднить переправу всеми средствами. В ту же ночь, т. е. с 9 на 10 ноября, отряд выступил из-под Борисова и пошел густым лесом по дороге к Зембину, пройдя селение Стахово версты с 4 и не дойдя до Зембина верст с семь, остановился он почти против селения Брили, *находящегося на другой стороне реки**, будучи заслоняем и отдаляем в том месте от

* Гайны, отделяющей Брили от Зембина.

нее большим пространством значительной густоты леса; на другой день, пред рассветом, казаки были посланы в Зембин, оттудова небольшая партия должна была переправиться на ту сторону и занять Брили; другим велено наблюдать против Зембина и по берегу влево от него; в ночь с 11-го на 12-е число пост с той стороны из Брили дал знать, что невдалеке от селения показалась значительная партия неприятелей и опять скрылась, а 12-го с рассветом снова тот же пост уведомлял о приходе уже туда значительного числа пехоты, кавалерии и артиллерии, как равно и о том, что вследствие сего партия очистила Брили и перешла на эту сторону; из Зембина получены были такие же вести, что напротив их появились на той стороне отряды неприятельской кавалерии и части пехоты, почему обо всем этом послано немедленно донесение к главнокомандующему, с уведомлением при том, что сколько можно видеть с этой стороны, то войска неприятельские прибывают все к Брили, следственно, надо предполагать в том какое-либо намерение.

13-го опять увидели приход новых войск и необыкновенное между ними движение, даже явственно стал слышен стук как будто чего-то срубливаемого, о нем и в этот день послано также генерал-майором Корниловым донесение к главнокомандующему, бывшему тогда, кажется, в 2 переходах за Борисовым вдоль Березины, и ежели не ошибаюсь, то именно в местечке Березине. 14-го, поутру, рано всматриваясь в трубу, я первый увидел сносимые и свозимые на берег против нас: леса, хворост и солому, и множество стоящих около того места чиновников, потом далее, на значительной высоте от этого пункта, по левой стороне селения Брили (Студянки), на всей горе и почти над самым тем местом, где складывались леса и хворост, насчитал я 40 стоящих орудий, после этого нельзя уже было иметь и малейшего сомнения, что переправа приуготовляется именно здесь, а не в другом месте; и потому в ту же почти минуту был опять отправлен нарочный к адмиралу Чичагову с извещением обо всех этих подробностях, но не успел он отъехать и 2 верст, как поскакал другой вслед за ним, что неприятель приступил к формальной уже постройке моста, ибо он действительно тогда же и начал это.

Местоположение нашей стороны было низменное, и от берега реки до дороги, думаю, более полуверсты расстояния — все болото, к тому же вплоть к реке, по обеим сторонам небольшой площадки, на которой с трудом можно было поставить 4 орудия, примыкал густой лес. Я поспешил, как только увидел несомненные приготовления к переправе, поставить немедленно туда 4 орудия, думая вредить по крайней мере по мосту, когда доведут его до середины реки, и бить на нем работников, ежели уж нельзя было действовать из легких орудий за отдаленностью на тот берег, с моста, где они стояли. Подвинуть же их ближе к берегу для сокращения расстояния,— еще менее можно было о том думать, по причине болота. Когда постройка моста началась уже со всею деятельностью и все ясно стало быть видимо, хотел я испробовать, не долетят ли, может быть, каким-нибудь образом ядра до того берега? А ежели не долетят, то где именно лягут они, чтоб знать наверное, когда можно начать стрельбу с существенным вредом для неприятеля. Для этого, наведя сам орудия, начал действие, но едва был сделан первый выстрел, как нас приветствовала с горы 40-орудийная батарея, засыпавшая всех с ног до головы ядрами и землею. Люди и лошади повалились, *мне осталось полное убеждение, что нет никакой возможности помешать переправе, а тем менее действовать с этого пункта артиллериею, выстрелы коей ложатся только что посередине реки, тогда как неприятельские, быв большего гораздо калибра и брошены с значительной высоты, могли бить нас поодиночке на выбор, как из ружья.* Только что поменялся я этою мыслию с генерал-майором Корниловым, как вдруг, с левой стороны дороги из Зембина, прискакал казачий офицер с донесением, что неприятельская кавалерия в значительном весьма числе переправляется вброд прямо против Зембина, и потому оба полка (казачьи) отступают к отряду, и, действительно, вслед за этим известием явственны стали ружейные выстрелы и крики французов. Как все пространство от Борисова до Зембина, и далеко еще за оным, покрыто по обеим сторонам дороги густым лесом, то и послана была немедленно наша пехота для задержания натиска неприятельской кавалерии, а артиллерия моя, вместо бесполезного действия за реку, приуготовилась на том же месте встретить неприятеля вдоль по дороге с левой ее стороны. Казаки

примкнули к нам, *и с этой минуты должно считать переправу французов через Березину вполне утвердившеюся.* Вольтижеры французские и перевезенная кавалериею пехота рассыпались во множестве по лесу и теснили уже нашу пехоту, между тем как такая же колонна подвигалась по дороге. В этом только месте, где я стоял в лесу, можно было поместить 4 орудия в линию, а, впрочем, дорога так узка, что с трудом устанавливались два орудия в ряд. Неприятель увеличивался все более и более, работы около моста шли быстро вперед, удержать переправы и прежде, до перехода французов у Зембина, не было никакой возможности, а с той минуты, как там переправилась кавалерия и перевезла с собой пехоту, продолжая это, как видно и теперь все еще, было бы безрассудно со стороны генерал-майора Корнилова оставаться долее на этом месте, подвергаясь к тому еще губительным выстрелам сбоку из 40-орудийной батареи, не имея между тем возможности платить ей той же монетою. *В таком крайнем положении решился этот храбрый генерал отступать шаг за шагом, удерживая неприятеля на каждом, сколько силы дозволят.*

Когда показались первые переправившиеся у Зембина французы, то было с небольшим за полдень, и с той минуты до ночи отступил отряд от занимаемой им утром позиции не более 1 $^{3}/_{4}$ версты, продавая всякую пядень земли дорогою ценою; дойдя же в этом отступлении до новой площадки в густом лесу, я тотчас воспользовался ею и поставил уже столь часто, как только возможно было, *все 12 орудий, и начал действовать из них во все стороны с быстротою, какая только могла быть произведена, что и продолжалось около 3 часов;* такими лишь усилиями действий артиллерии и необычайною храбростью пехоты, вместе со спешившимися казаками и частью кавалерии, удержан был неприятель, и долее не сделал ни шагу, несмотря на превосходство его сил и то, что лез с отчаянною дерзостию, отодвинув отряд сколь можно далее к Борисову, и даже за Борисов, чтобы иметь две дороги к отступлению. К успешному удержанию в этом месте скопившегося к вечеру в значительном числе неприятеля способствовало весьма много *неимение у него артиллерии*, которая за неготовностью моста не могла быть перевезена ранее, *как перед рассветом только на 15-е число*; а

у нас, напротив, действовавшие 12 орудий причиняли ему значительный вред и были главною причиною, что войска отстояли со славою до глубокой ночи то место, до которого дошли они; были, однако же, минуты, что наша пехота отодвигалась далеко назад в лес за линию, на которой стояла артиллерия, и стрелки французские в кучах выступали вперед к опушке оного, производя со всех сторон сильную стрельбу по артиллерии; одни лишь вспышки на полках ружей их указывали место, куда стрелять картечью, которая одна только давала пехоте нашей возможность вытеснять их снова за нашу линию. Один раз высыпали стрелки в большом весьма числе и с криком бросились на батарею, к счастью, в прикрытии были у меня тогда два эскадрона *кинбурнских драгун,* только что пришедших из Борисова, и я закричал им спешиться, они исполнили это в минуту и открыли батальный огонь, я стрелял тоже картечью из орудий, и тем удержали неприятеля, решившегося в эту минуту завладеть орудиями во что бы то ни стало. Ночь прекратила бой, а утро осветило оба войска в виду одно другого, и в расстоянии ближе чем на ружейный выстрел. Так прошел и весь день 15-го числа, никто не имел охоты начинать дела: мы были слишком слабы для этого, хотя ночью подошли кой-какие полки из Борисова, а французы спешили переправой и потому довольны были, что их не беспокоят. *К вечеру 15-го числа прибыли главнокомандующий и бывшие с ним войска, почему в ту же ночь и собрались к нему на совет все генералы.* На этом совещании условились атаковать неприятеля на рассвете 16-го числа по всей линии, почему правый фланг в лесу отдали под начальство генерал-майора *Корнилова*, левый также в лесу — генерал-майора *Мещеринова*, а центр, то самое место на дороге, где кончился бой 14-го числа и где стояли и теперь мои орудия — генерал-майора *Рудзевича*; первый мой выстрел должен быть сигналом наступательного действия всей линии. 16-го, рано очень, чуть стала заниматься заря, навел я средние два орудия на стрелковые резервы, стоявшие в отдалении под лесом в небольших колоннах, и с полетом этих двух ядер — бой закипел на всем пространстве: колонки рассыпались, а стрелки и стоявшие на дороге против меня, в расстоянии пистолетного выстрела, снятые с передков два орудия, повернулись тихо назад и пошли ско-

рым, но не беглым шагом также к лесу на присоединение к своим резервам; я пустил во второй раз несколько картечи уже вместо ядер и, зарядивши снова орудия, взял на передки и скомандовал вперед.

Дорога от того места, где у опушки леса стояли французские стрелковые резервы, образует тупой угол и поворачивает вправо, идя отсель в прямом уже направлении до самой той позиции, где с 4 орудиями стоял я утром 14-го числа, когда началась переправа и где прямо против этой переправы выходит небольшая площадка с весьма незначительною песчаною возвышенностью, образовавшеюся от наноса песку; до сказанного поворота дороги вся наша линия не встретила ни выстрела и, следственно, прошла это пространство весьма скоро; но только лишь повернули мои орудия за угол направо, как были осыпаны ядрами из стоявших на помянутой возвышенности в три ряда 9 орудий, т. е. по три в каждом ряду, и стрелявших одно через другое, имея к тому возможность по вышеупомянутой песчаной возвышенности. Легкими моими 6-фунтовыми орудиями я не мог с этого места отвечать тем же и потому подвигался вперед на дистанцию, с которой бы была польза открыть огонь; но не так-то легко было пройти полверсты расстояния под градом ядер. *Пока дошел я или, лучше сказать, пробежал эту тяжкую пытку — у меня не стало трети людей и лошадей, одного офицера и одного зарядного ящика*, взлетевшего на воздух; за всем тем, однако ж, я поставил орудия там, где хотел, и настойчивостью этою повлек за собою и пехоту нашу, которая, видя, что по дороге артиллерия идет вперед, бросилась к лесу и сама в ту же минуту с криком, попятив тем и всю неприятельскую линию; это переполошило французов, ибо могло лишить их переправы и предать на той стороне в руки графа Витгенштейна, вероятно, не менее половины не успевших еще переправиться. Поняв всю важность нашего натиска, послали они в ту же секунду в обе стороны леса сильные подкрепления и, в свою очередь, осадили нас; мы также получили помощь свежими войсками и опять взяли верх, но и опять не дошли далее прежнего места — таким образом в *продолжение целого дня дрались обе армии в лесу, рассыпав в нем с обеих сторон, конечно, не менее 75 000* человек. Французы лезли с ожесточением и полные

отчаяния, ибо дело шло не о месте сражения и отрезания у нас какой-либо части войска, а о участи значительного числа людей, погибающих на той стороне без всякой возможности спастись, ежели только переправа на правом берегу реки останется за нами. При таком многократном напоре французов, когда наши подавались в лесу назад, я оставлял тогда стрельбу по неприятельским орудиям на дороге, поворачивая свои в то время в обе стороны, направлял их в неприятельские кучки по опушке и губил картечью; несколько раз собирались они в большем гораздо числе к канавам дороги и платили мне за это убийственным огнем, но я обрек уже себя в этот день, и несмотря, что часто весьма был почти окружаем ими, продолжал с одинаким хладнокровием накладывать их в кучи один на другого; думаю, что решимость моя в эти минуты сохранить свое место, когда неприятельские стрелки были на одной уже линии с моими орудиями, послужила сильною причиною удержаться нашей пехоте и иметь возможность всегда опять скоро оправляться ей. Чтоб дать понятие, каково было мое положение в этот день и что стоило в *продолжение 12-часового боя сохранение занятой мною с утра позиции*, скажу только, что *я один из всех артиллерийских командиров русской армии* (ибо граф Витгенштейн стал действовать на левом берегу после уже полудня и по сложении там французами оружия, продолжалось это не так долго) *дрался на обоих берегах Березины трое суток*, истребил в это время 4 артиллерийские роты, в том числе свою первую, и до такой степени, что через три часа по начатии дела не могла уже более действовать, потеряв убитыми и ранеными людей и лошадей больше чем наполовину, взлетевших на воздух ящиков зарядных девять и два передка, да офицеров раненых трех, из коих один потерял выше колена ногу; подо мной убиты 3 лошади, и теплая моя шинель походила на решето от ружейных пуль. Как дорога, где я стоял, была несколько у́же той, на которой помещалась французская артиллерия, то моя рота и отбыла эту адскую пытку в 6 смен, т. е. каждые два орудия действовали не долее $^1/_2$ часа, оканчивая обыкновенно совершенным истреблением себя.

По уничтожении таким образом всей роты, послал я просить о присылке мне свежей, в таком же порядке: по два ору-

дия на позицию в каждый раз, вызвавшись при этом оставаться и с чужими орудиями до конца дела, не желая уступать этой чести по той причине никому другому, что *я первый из русских заметил и встретил переправу французских войск и первый же начал с ними дело как ныне, так и 14-го числа, не отходя в течение этих 3 дней от колеса своих орудий на аванпосте* до сей минуты ни на пядень. Первые пришедшие на смену моим два орудия были пешей батарейной *подполковника Пащенки* роты, под командою штабс-капитана *Чарторижского*[2]*;* эти не стояли и четверти часа, быв также уничтожены, как и мои, и тем же порядком приходили по два, одни за другими свежие, пока, наконец, вся рота была доведена до такого же состояния, как и моя; я послал опять просить другой роты, и мне снова прислали пешую подполковника *де Барбиша*[3], таким же образом вступила и эта в дело, и часа через 2 $^{1}/_{2}$ пришла в такую же невозможность действовать, как и первые две; за нею к вечеру поступила ко мне последняя уже легкая *капитана Пребстинга*; в бытность на позиции этой оттеснен был, наконец, неприятель до самой уже переправы, и в то же почти время, гораздо, однако ж, за полдень, услышали мы на той стороне реки канонаду, что и было сигналом прихода туда графа *Витгенштейна* (кажется, это был тот момент, когда сдалась колонна Партуно). В ту же минуту объявили об оном войску, и весть эта воспламенила их — все как бы с новыми силами бросились вперед, не давая нигде остановиться неприятелю, и оттолкнули его, так сказать, одним натиском до самой переправы. Все, что не успело убраться до этого по дороге к Зембину — все было тут взято нами, но за всем тем наступившие сумерки спасли многих; орудий стояло на берегу у переправы и по дороге в лесу также много; последние были совсем заряжены. Так кончилась к 8 часам вечера знаменитая Березинская переправа. Потеря наша значительна, но неприятеля, думаю, ежели не вдвое, то наверное в полтора раза более, ибо силы его превышали, конечно, в три раза наши силы.

Рота моя, пока я весь день в деле, исправилась, как могла; лошадей пополнил я из взятых у французов в самом сражении и после оного; вместо взорванных ящиков взял французские и чрез ночь укомплектовались таким образом. *Утром 17-го числа*, за час до рассвета, *выступил опять с*

авангардом Чаплица на преследование неприятеля, которого арьергард и догнали мы пополудни уже в Плещеницах, в переход за Зембином по дороге к Вилейке; на всем этом пространстве дорога идет в лесу гатью, и неприятель завалил всю ее деревьями и попортил мосты, коих там поделано множество, и два из них чрез речки; это задержало несколько следование авангарда и дало неприятелю возможность увести благополучно артиллерию, обозы и все свои тяжести, чего не мог он сделать впоследствии уже и именно начиная с последующего перехода; зато *до Плещениц взято у него много отсталых и мародеров; настоящее же бедствие французской армии*, известное целому свету по отступлении их от Березины до Немана, *начинается от Плещениц. Я был личный этому свидетель и до самого Немана лежал, так сказать, у них на плечах*; вот скоро минет этой эпохе 25 лет, но если б я прожил еще столько, не забыл бы и тогда картины всех возможных ужасов остервенения, какие встречал на каждом шагу. Вот один из нескольких тысяч примеров: в то время, как я разил картечью по дороге колонны французские, в 20 шагах от меня сбоку сидела кучка их у огня и вырезала у умирающего товарища своего мягкие части тела для пищи себе, за которые тут же двое, поссорившись, закололи один другого, не обратив на это ни малейшего внимания остальных товарищей. В течение 15 дней преследования французов от Березины до Немана подобная этой сцене и даже еще ужаснейшие не оставляли являться нам на каждой версте почти. Из Плещениц повернул авангард влево к Молодечно, на большую почтовую дорогу, идущую из Минска в Вильно; на этом переходе взято нами 64 орудия и пленных 4000, кажется, большая половина того и другого с боя, остальная при пробеге неприятеля под самым Молодечно. Не переходя еще реки Уши, завязался довольно жаркий бой, неприятелю хотелось удержать нас, сколь можно долее, дабы увесть орудия и тяжести, съехавшиеся во множестве в местечко. Сильный натиск наш обратил, однако ж, его в бегство, дав все-таки время испортить мост чрез реку Ушу; за неимением в авангарде пионеров, артиллеристы мои были во всю дорогу до Немана вместе с ними, а потому мост тут же был и исправлен; в деле под Молодечно сошелся с авангардом нашим и передовой отряд *графа Платова*. Наказный

атаман генерал-лейтенант *Мартынов*, бывший в это время у меня на батарее, ранен тут двумя пулями в плечо; отсюда, до самого Вильно, гнали мы неприятеля все тем же порядком, вытесняя его из каждой позиции, где только задумывал он останавливаться, исключая лишь за два перехода от Ошмян до Вильно, откудова уже преследование было сопряжено с большею несколько трудностью, ибо в Ошмяны пришло к нему 10 000, если не более свежего войска, прибывшего из резервов, в Германии оставшихся; с этими нужно было драться несколько посерьезнее.

Между Ошмянами и Медниками, последней станцией к Вильно, заметил я, в боку несколько от дороги, 5 фур с запряженными лошадьми, кои при сильной пальбе моей из орудий, не успев быть ввезены на небольшой пригорок, остались брошены, и как бывших в запряжке фурах по тройке тощих лошадей никто не понукал везть на скользкий пригорок, то они и стояли преспокойно на одном месте; между тем из колонн, стоявших впереди этих фур на небольшой возвышенности, где выстроился неприятель, бегали беспрестанно к этим открытым фурам по несколько человек и, становясь на колеса их, вынимали что-то; сначала подумал я, что это патроны, и имея того более надобность стеречь движение неприятельское впереди меня, оставил их пока без внимания, но когда поверхность сражения уже была значительно на нашей стороне, я снова стал всматриваться в эту нескончаемую беготню, и тогда не усомнился, что это патронные фуры. Взяв орудия на передки, разделил я батарею пополам и велел старшему офицеру подскакать с первою половиною к колоннам, на дороге стоящим, на картечный выстрел, сам с другой частью сделал тоже влево к самым фурам, и сняв около их с передков, не дал опомниться колонне, стоявшей напротив, заехал ей почти во фланг; этим быстрым движением моим, о котором уговорился я еще прежде с командиром *Павлоградского* гусарского полка *князем Жеваховым*, ударившим вместе со мною, французы были сбиты, и фуры и возвышенность впереди их с несколькими орудиями достались нам. Скомандовав вперед на передки, чтоб догонять неприятеля, я заглянул в фуры и увидел все бочонки с золотом, и в 3 фурах по одному такому разбитому, из которых, вероятно, бегавшие французы и набивали себе карманы.

Приставив тут же караул, одного из своих унтер-офицеров и 4 рядовых и столько же гусар, сказал гусарскому штабс-ротмистру *Штенгеру*, чтоб он распорядился немедленно отвозом этих фур в Медники к авангардному командиру генерал-майору *Чаплицу*, сам поскакал подстреливать врага. К ночи прогнав французов чрез Медники, авангард остановился там поздно уже ночевать, и как несколько изб только в целом местечке оставались несгоревшими, и те были без крыш, следственно, корму никакого не было, то и *послал я офицера отыскать Чаплица и спросить у него*, не могу ли я надеяться получить откуда-либо сена или соломы для корма лошадей, которые весьма истощали, имея на большом таком переходе во весь день дело с неприятелем. Посланный мой чрез час почти ходьбы между развалинами выгоревшего местечка насилу мог отыскать генерала, и то только по моим стоящим золотым фурам. *В каком-то подземелье находился генерал-майор Чаплиц, часовой не хотел впустить его, но он тронул уже дверь, которая, однако ж, была заперта внутри и не отворялась; он постоял немного и услышал стук золота, какой обыкновенно бывает, когда считают его и голосов 6 разговаривающих между собою людей; с этим вернулся он ко мне вместо сена и соломы.*

Итак, подумал я, вот куда достались плоды моих усилий и верноподданнического долга, по которому стремился я, с такою пламенною храбростью, завладеть сокровищем неприятельским для польз моего государя и общей всем нам чести. Та ли эта минута, чтоб заниматься *алчбою*. Пока хоть один враг еще находился на земле нашей, не должны ли мы были все от младенца до старца только и помышлять о его изгнании и о его истреблении, и все равно достигать этой цели с полным самоотвержением? Но мороз был огромный, у лошадей ни крошки корма и мне, право, не до философии. Пододвинувшись вместе с офицерами моими к одной догоравшей избе, мы согрелись немного около последних тлевших ее бревен, а несколько стаканов чаю,— только что и имели мы в течение трех уже дней,— довершили свое благодетельное действие на 26-градусном холоде. Наутро перед зарею всполошились мы: несколько людей лежало с отмороженными ногами, а лошади, все без изъятия, без хвостов, точно как англизированные. С холода и голода отъели

они их одна у другой. От Медников до Вильно 30 с лишком верст, на этом переходе мы почти не дрались, потому что французы поднялись с полночи в величайшей тишине и убрались подобру-поздорову в Вильно. Мы щли скоро и забирали по дороге все; у самой Остробрамы* завязалось жаркое дело; но не для удержания, кажется, города дрались французы, а лишь дабы выиграть время вывести из него войска и вещи. Защита не помогла, а мы на холоду тряхнули стариной: ядра мои очистили Остробраму, а там и улицу, от нее идущую, пехота пошла довершать начатое. С занятием Вильно досталось нам до 30 000, кажется, пленных вместе с ранеными, множество пушек с фурами зарядными, несколько генералов и офицеров и огромные запасы провианта и водки, вин, рому, кож, седел, сукон и всевозможного для прихотливой армии; я поспешно проехал город и подгонял французов ядрами сзади к *Понарской горе***, где навстречу им, с противоположной стороны, ожидал их граф *Платов* со своими наездниками. Тут ничего уже не ушло, ни люди, ни лошади, ни пушки или кареты, ни коляски, словом, не было увезено ни одного колеса, а людей спаслось весьма мало. Подошва горы походила на Коренную ярмарку по столпившимся на ней экипажам, людям и прочим обозам. До Немана была та же самая история, как и до Вильно, и, признаюсь, я едва сам уже добрел туда. Людей оставалось у меня очень немного, а лошадей и того менее, некоторые орудия давно везлись парою, а ящики — по одной; французских лошадей и подумать нельзя было запрягать или седлать — они так были тощи и обессилены, что, право, казались не евшими от самой Москвы. К тому же и не кованы. На Немане, помолившись усердно Господу Богу за освобождение отечества и изгнание врагов из земли нашей и поблагодарив Его от глубины души за спасение в эту годину испытания тех из нас, кого Ему было угодно пощадить,— повернул я оглобли назад и с расстановкою уже прибыл обратно в Вильно, для пополнения и сформирования всего недостающего в роте. Чрез две недели был опять

* Остробрама — ворота в старой Виленской стене, некогда окружавшей город, известны часовней, в которой сохраняется местная святыня — чудотворная икона Остробрамской, или Островоротной, Божией Матери, одинаково почитаемая православными и католиками.

** Понары, или Понарские высоты, в 7 верстах от Вильно.

молодцом, как ни в чем не бывало. Людей, лошадей, артиллерию и заряды дали мне из других двух конных рот, и по приеме всего этого отправился я вслед за армиею на Вислу, в отряд *графа Воронцова*, в город Бромберг.

На всей ретираде от Березины до Немана взято одним авангардом до 350 пушек и более 1500 фур с зарядами и патронами, исключая множества сожженных. *Переход к Сморгони* был самый обильный и где еще, кроме пушек и оружия, досталась нам бездна экипажей; *я сам взял тут две коляски Бертье с картами и шкатулкой с машиною для делания наших сторублевых ассигнаций*, с большим запасом в ней бумаги для этой работы, что и представил авангардному начальнику, оставив у себя экипажи и карты, кои и теперь сохраняю.

Если бы кто вздумал упрекать *Чичагова* в допущении французов переправляться через Березину, то, полагаю, упрек этот несправедлив, ибо, как личный свидетель, могу удостоверить, что это было дело невозможное, а тем паче ежели взять в соображение, что он *имел у себя под ружьем на Березине едва ли 22 000 человек, с коими он должен был оберегать реку на пространстве более 100 верст*, и столько же тысяч людей против себя неприятельской армии, стремящихся с оружием в руках перейти ее. Да и есть ли пример в истории, чтоб какую-нибудь армию мог кто-либо остановить на переправе и не дал бы ей возможности перейти? А тем менее можно было это сделать с Наполеоном.

К тому же у нас известно было, что *Чичагов* в этом случае действовал более по указаниям самого светлейшего князя *Кутузова* и полученным им от графа *Витгенштейна* сведениям, в коих оба обращали все свое внимание на переправу гораздо ниже Борисова и оба советовали стеречь ее, сколько можно к стороне Бобруйска, в предположении, что вся цель *Наполеона* быть как можно ближе к дороге, идущей чрез Мозырь на Житомир, куда, как и все тогда полагали, имел он непременное намерение проникнуть.

Нет сомнения, что средство было удесятерить потерю французов на Березине, но не остановить ее, и это средство не зависело от Чичагова, а от самого князя Кутузова и с ним вместе и графа Витгенштейна, коим Чичагов пособлял бы только при этом в 3-м лице. Средство сие следующее. *Армии*

Кутузова и Витгенштейна должны были лежать у французов на плечах, а не идти за 100 верст от них, и что преследовать не отрядами в 4000 и 5000 человек, а авангардом, составленным из половинного числа армии, идя с другою половиною не далее как за переход только от него; тогда натиск этот не только расстроил бы совершенно французскую армию до прихода ее на Березину, но и спасшихся до этого места каким-либо чудом, вместе и с пришедшим от Полоцка корпусом маршала *Виктора*, придавил бы к Березине окончательно, не давая им и полдня времени на постановку моста, который они строили 4 дня и потом переправлялись через него 2 $^1/_2$ суток, не быв обеспокоиваемы в течение всего этого времени с левой стороны Березины ни одним даже выстрелом из ружья. Самый натиск графа Витгенштейна, хотя и поздний, доказывает, что то же самое было бы со всею армиею Наполеона, что и случилось через 6 суток после, по приходе французов на Березину, с остатком ее, который, не успев перейти на правый берег, положил оружие беспрекословно*, лишь только показался граф Витгенштейн.

В том, что результат при таких условиях был бы точно этот, можно поспорить с целым миром, ибо где неприятелю думать перейти реку, когда около 100 000 (в авангарде, какой я предполагаю, вместе с войсками графа Витгенштейна, такое число могло быть) сидят у него на шее и толкают его в воду. Да и до драки ли ему, когда армия его стоит задом к реке, на самой оконечности ее берега, имея вдобавок еще и на той стороне, за спиною у себя, неприятельскую же армию в 20 000.

Не выдаю этих мыслей за беспрекословное правило, но и не могу об эпохе Березинской переправы думать иначе.

Воспоминания Я. С. Храповицкого о Березинской переправе

Ясон Семенович Храповицкий, сын предводителя дворянства Юхновского уезда Смоленской губернии, родился в 1785 г. и шестнадцати лет поступил на военную службу унтер-офицером конной гвардии (1801). В 1802 г. он был про-

* Дивизия Партуно.

изведен в корнеты и переведен в Павлоградский гусарский полк, в составе которого участвовал в кампании 1805 — 1806 гг. в Саксонии, Баварии, Австрии и Пруссии и в боях при Энсе, Гроссе и Шенграбене и за эти дела был награжден орденом Св. Анны за храбрость.

В 1807 г. Храповицкий перечисляется в Волынский уланский полк, где одно время служит в одних чинах (майором) со своим родным братом Степаном Семеновичем, производится в штаб-ротмистры и участвует в сражении при Прейсиш-Эйлау, за которое жалуется золотым крестом; в том же году, при Альтенбурге, он с командой охотников врубается в неприятельское каре. В 1808 г., будучи произведен в ротмистры, он в отряде графа Орурка отбывает турецкую кампанию, находясь с 1 по 28 ноября в Молдавии и Бессарабии. В 1810 г. отличается при штурме крепости Бани и при поражении турок при укреплении Ясики (26 августа) войсками графа Орурка и Георгия Черного, где он командует двумя эскадронами волынских улан при одном орудии донской конной артиллерии и за это дело получает орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Проявив особенное мужество при Прагове (6 сентября), где под ним была убита лошадь, Храповицкий награждается золотой саблей. При взятии Гургосовец (7 ноября) был ранен саблей в голову. В 1811 г. за бой при Калафате он получает орден Св. Анны 2-й степени и 9 октября под Видиным, командуя казаками и уланами, Храповицкий с большой опасностью для жизни спасает двух казаков, причем получает рану пулей в плечо. За этот подвиг он был произведен в майоры.

В 1812 г. Храповицкий, назначенный командиром 2-го *Украинского казачьего полка*, принимает участие в преследовании французской армии от Борисова до Немана. По занятии нами г. Вильно он был назначен комендантом города и, как таковой, присутствовал при первой и последней встрече князя Кутузова с адмиралом Чичаговым. При свидании между ними произошел очень короткий разговор, приобретающий особое значение, если принять во внимание недавние неудачи Чичагова и то, что оба были далеки от взаимного расположения. Вот как передает их беседу Храповицкий: «...когда все утихло и воцарилась тишина, князь Кутузов, наклонив немного голову, сказал адмиралу: «Поздравляю вас,

ваше высокопревосходительство, с одержанными победами над врагом и вместе с сим благодарю вас за все ваши распоряжения»... Адмирал, «не останавливаясь ни мало», голосом громким и твердым, отвечал: «Честь и слава принадлежит вам одному, ваше сиятельство, ибо все, что ни делалось, все, что ни исполнялось — исполнялось буквально во всей силе слова согласно повелений ваших, а следовательно, победы и все распоряжения есть ваше достояние». Отпустив друг другу такового рода приветствия, оба приумолкли.

В 1813 г. Храповицкий, принимая участие в двухдневной битве при Бауцене (8-го и 9-го) между союзными войсками, под общим начальством графа Витгенштейна, и французскими войсками, под личным руководством Наполеона, и в преследовании неприятеля до м. Левенберга, когда был взят в плен французский генерал Пюто с дивизией и 16 орудиями; был в делах при Гохкирхе (22 августа), при Рейхенбахе (23 августа), при Бишофсверде (10 сентября) и в генеральном сражении под Лейпцигом (6 октября); за отличие в последнем он награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В 1814 г. Храповицкий, произведенный в полковники, участвовал в осаде крепости Кассель, после переправы через Рейн в битвах при крепости Мец (16 и 17 февраля), преследуя корпус маршала Мармона, доходит до Суасона и отличается при взятии Монмартрских высот, близ Парижа.

В 1818 г. Храповицкий назначается командиром 2-й бригады 3-й уланской дивизии; в 1820 г. производится за отличие по службе в генерал-майоры и в следующем 1821 г. переходит на гражданскую службу с переименованием в действительные статские советники, назначается смоленским гражданским губернатором и занимает этот пост до 1829 г. В 1827 г. Храповицкий получил орден Св. Анны 1-й степени.

Кроме государственной службы, Храповицкий служил по выборам от дворян. Так, в 1835 г. он был выбран краснинским уездным предводителем дворянства, а в 1838 г. смоленским губернским предводителем.

В 1839 г. Храповицкий был назначен членом Совета министра внутренних дел. В 1840 г. он получил орден Св. Анны 1-й степени с императорской короной. В 1842 г. он назначается членом высочайше утвержденного Комитета по составлению проекта положения о правах и обязанностях попечи-

тельного комитета о ремесленниках и рабочих г. С.-Петербурга.

Умер Ясон Семенович Храповицкий в 1851 г., 66 лет от роду.

Подробно описывая в своих записках расположение войск русских и наполеоновских и действия тех и других отрядов, он приходит к выводу, что наша неудача при Березине не может быть поставлена в вину исключительно Чичагову, так как последний руководствовался распоряжениями светлейшего князя Кутузова, но в то же время признает за Чичаговым недостаток инициативы.

Главной же причиной неудачи Храповицкий считает плохую постановку разведочной службы, в чем сходится с мнением большинства военных историков.

Письмо Я. С. Храповицкого к А. И. Михайловскому-Данилевскому

Милостивый государь Александр Иванович.

Исполняя желание вашего превосходительства, честь имею препроводить при сем описание перехода через Березину. Я не искал ни возвысить, ни унизить никаких событий и прикрасить действия, как обыкновенно то бывает при описании реляции, и Вам, как опытному военному человеку, сие известно. Вы желали, чтобы мой рассказ был рассказ истины.— Я сие выполнил, и почту нелицемерным себе удовольствием всегда и во всяком делать Вам угодное. Многому описанному мною я был личный свидетель, а о действиях неприятеля я имел случай много слышать от лиц, бывших в то время в рядах неприятельских, и кои, не останавливаясь, рассказывали мне откровенно о всех тогдашних горестных и несчастных своих положениях.

Примите уверение истинного моего почитания и преданности, с каковою пребыть навсегда честь имею, ваше превосходительство, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга.

Храповицкий.

Удостойте меня уведомить о получении сего пакета.

29 октября 1836 года.
г. Смоленск.

Описание перехода через Березину

После битвы при Луцке на Стыре, как *Шварценберг*, отступив за Буг, прикрыл сим движением Галицию и Варшаву, но открыл совершенно Минск, где хранились большие запасы всякого рода, но более всего он поставил Наполеона в самое гибельное положение, ибо дал возможность и средство адмиралу *Чичагову* к совокупным действиям с главною нашею армиею, вследствие чего граф *Сакен* был оставлен с 18-тысячным корпусом против князя Шварценберга, а с остальными адмирал последовал чрез Слоним к Минску, который и взял. По взятии Минска армия последовала к Борисову. Граф *Ламберт* 9-го числа ноября атаковал неприятельский редут, устроенный пред Борисовским мостом, и овладел городом. Редуты сии были защищаемы войсками корпуса генерала *Домбровского*. Сопротивление было сильное. Граф Ламберт, ко всеобщему сожалению, в сем деле был ранен и принужденным нашелся оставить авангард. *Но пока продолжалось назначение командира на его место, прошло больше суток времени*: никто из генералов, неизвестно почему, не хотел принять командование оным; наконец, жребий пал на графа *Палена* (Павла Петровича*). В продолжение всего времени, в коем не было настоящего начальника в авангарде, все действия авангардной службы прекратились, никаких разъездов на рекогносцировки не делалось, одним словом, никто не знал наверное, где именно и что делал неприятель. В сие время адмирал *Чичагов* перешел мост и остановился с главною своею квартирою в Борисове. Здесь он получил повеление от князя *Кутузова*, в котором он его извещал, что, по полученным известиям, неприятель будет все меры употреблять перейти Березину между Борисовым и Нижнею Березиною, почему предписывает ему, под собственною его ответственностью, наблюдать, как можно, переправу неприятеля. Вслед за сим и граф *Витгенштейн* уведомил его, что, по всем вероятиям, неприятель берет свое направление к Нижней Березине; что и могло быть весьма достоверно, ибо граф Витгенштейн, быв с сильным корпусом на правом фланге не-

---

* Граф Павел Петрович фон дер Пален (род. 1775 † 1834), впоследствии генерал от кавалерии и генерал-адъютант. Старший брат известного кавалерийского генерала графа Петра Петровича фон дер Палена. *К. В.*

приятеля, конечно, примет все меры и не допустит его податься вверх, а тем более начать делать мосты для переправы, и, сверх сего, имея все способы и всю возможность быть в беспрерывных сношениях с главною нашею армиею, которая, конечно, также следует по пятам неприятеля,— принудит его непременно обратиться к сему пункту как к единственному месту своего спасения. Между тем генерал *Эртель*, несмотря на неоднократные предложения адмирала, дабы присоединиться к нему и совокупно вместе действовать и защищать переправу, под разными предлогами отказался выполнить требование его. После сего и всех полученных уведомлений адмирал Чичагов поставлен был в самое затруднительное положение, ибо переправа неприятеля, где бы она ни последовала, несмотря на все извещения, им полученные, оставалась на собственной его личной ответственности. Хотя пространство на всей отступательной линии, начиная даже от Брилова до местечка Н. Березайки, и не было так велико, но зато и силы его, за откомандированием графа *Сакена* и разными другими обстоятельствами, тоже значительно уменьшились. По поводу чего адмирал решился остаться в Борисове, а генерала *Чаплица* послал к Зембину; генерал граф Орурк следил направление на Нижнюю Березину, генералу *Ланскому* предписано идти с отрядом по направлению к Молодечно и открыть, что в оных местах делается,— авангарду же велел следовать по большой дороге. Но, дабы иметь лучший обзор совокупных действий, обратился к неприятельской армии. Я имел случай много говорить о сем с разными генералами и офицерами французской армии, бывши во время 1813 г., вместе с графом Шуваловым, для сделания перемирия в замке Паршевиц, и они мне пересказывали следующее.

Не доходя трех переходов от Борисова, на другой день по взятии нами оного, Наполеон получил с нарочно присланным офицером от генерала *Домбровского* о сем извещение. Несчастное для него сие событие поразило его подобно громовому удару, и он не мог удержаться в первом порыве горя, не воскликнуть, взглянув на небо: «Видно там — там свыше нам определено на каждом шагу делать пагубные ошибки». После сего тотчас собрал главных своих генералов и обьявил им: Минск и Борисов взяты, князь *Шварценберг* отступил

на Буг и потому следовать к оному нет возможности, но что намерение его есть, со всеми силами, какие только имеет, сосредоточить их вместе — ударить на графа *Витгенштейна*, разбить его, если возможно будет, или откинуть его вправо и перейти Березину при самой ее вершине и потом уже идти на Вильно или выше, смотря по обстоятельствам.

На сие некоторые из призванных генералов сделали возражение, представив, что граф Витгенштейн, стоя со свежим войском и имея все выгоды позиции на своей стороне, не вступит, конечно, в генеральную битву; но, защищая упорно каждую позицию и удерживая оную, по возможности задержит их и окончит поражение, ибо даст время главной российской армии настигнуть их, между тем как они уже выиграли два марша (перехода), но что, в теперешнем положении дел их, всякая перемена дороги умножит потерю армии, а сверх сего войско и все обозы в боковых дорогах, идущих чрез леса и бесплодные болота, могут заплутаться и растеряться; но что, следуя по большой дороге, еще можно сохранить совокупность и, таким образом, Борисов есть один пункт, к которому должны стремиться и стараться всеми силами непременно им овладеть. А вправо от сего города есть дорога, идущая чрез Зембин, Молодечно, в Вильно. Дорога сия, хотя проходит и по болотам, но на оных устроены деревянные мосты, и, таким образом, следуя по оной, Минск останется далеко влево, а с тем вместе и *Чичагов*, а граф Витгенштейн вправо. Император *Наполеон* на сие согласился и дал повеление генералу Эбле с саперами и пионерами и частью войск следовать к Студянке и отыскать вправо или влево удобное место для переправы, донося ему каждые шесть часов о своих действиях, нарочных же с сими донесениями посылать к нему по направлению к Борисову, куда он поспешит последовать. Между тем, по данному повелению, маршал *Удино* следовал прямо в Борисов; он присоединил к себе остатки разбитого корпуса генерала *Домбровского* и, не доходя верст 12 от оного*, встретился с нашим авангардом. Дело завязалось сильное и продолжалось до самого вечера, но, несмотря на упорное сопротивление графа *Палена* и отличную храбрость нашей пехоты, мы были опрокинуты на-

* Дело при д. Лошнице, 11 ноября 1812 г.

зад, егерские полки отрезаны от кавалерии и отброшены в леса, потеряв ранеными и убитыми значительное число, и не прежде как на другой день присоединились к армии, и сие обязаны были хладнокровию и расторопности полковника *Красовского* (что ныне генерал от инфантерии). Граф *Пален* отретировался в Борисов, оставил его и перешел мост (мне помнится). Князь *Щербатов* прикрыл с частью своей пехоты отступление кавалерии и удержал неприятеля у самого предместья города, пока главная квартира, орудия, снаряды и обозы, бывшие в Борисове, переправились через реку — после чего и он перешел мост и в трех местах разорил его. В Борисове маршал *Удино* узнал, что направо, в 15 верстах между Борисовым и Веселовым, у Студянки есть брод. Сведение ему было сообщено одним из его генералов*, который сам проезжал в сем месте через сей брод. Тотчас им было сие донесено Наполеону, и дано им повеление с 11-го на 12-е число занять Студянку. Между тем, дабы, если можно, обмануть адмирала *Чичагова* и всех, начал он ложными демонстрациями показывать, как будто намерение его есть искать переправы по направлению к Минску, и 12-го числа послал несколько войска в Ухолоду и прочие близкие селения, с повелением, как наискорее, собирать, где только можно было, все нужные материалы к строению переправы. Собрал жидов, расспрашивал их о всех бродах, о удобной переправе и о дорогах, ведущих именно чрез какие селения к Минску, и, притворясь совершенно довольным полученными от них сведениями, наградя их, отпустил, оставив некоторых как бы для показания дорог, а отпущенных заставил поклясться, что они никому не скажут, о чем он у них расспрашивал**.

Сия военная, хотя и ничтожная, хитрость вполне ему удалась, ибо отпущенные жиды тотчас же всюду разгласили обо всем, а сильное собрание, в окрестностях Ухолоды и ниже, всех нужных материалов для устроения переправы еще более удостоверили в точном намерении их переправиться через Березину по направлению к Минску. Адмирал, быв сими ложными демонстрациями совершенно обманут и соображаясь пред сим полученными отовсюду известиями, решился

---

* Генерал Корбино.

** См.: Военский К. Наполеон и борисовские евреи: эпизод из истории Отеч. войны. СПб., 1906.

с 13-го на 14-е число идти вниз Березины к Шебашевичам, дав повеление всем войскам, находившимся выше Борисова, немедленно примкнуть к нему, оставя на всякий случай одни извещательные посты.

В самое же сие время маршал *Удино*, по повелению Наполеона, следовал в Студянку с корпусом своим, где уже находился с отрядом генерал *Эбле* и строил в самой глубокой тишине переправу. В 11 часов ночи Наполеон тоже выступил со своей гвардией из Борисова и провел несколько часов в замке Радзивилла, лежащем недалеко от Старого Борисова*, и на рассвете присоединился к Удино. Французы работали целую ночь, и в 12 часов утра мост уже был наведен, но, при всей тишине, с каковою производилась работа, посты наши, оставленные для извещения, усмотрели оную и в ту же минуту донесли генералу *Чаплицу*, который, несмотря на повеление, им полученное, приостановился в Стахове. Тотчас он довел все сие до сведения адмирала, а сам повернулся назад, стал впереди Стахова на позиции и ожидал дальнейшего приказания. Адмирал, получа сие донесение от Чаплица, все колебался, не зная наверное, не ложными ли сими демонстрациями неприятель хотел отвлечь нас от настоящего пункта своей переправы и, сверх того, получа тоже извещения, что и ниже Борисова, в разных местах, собираются материалы самым поспешным образом для устроения мостов и что слышен стук производящейся работы, и соображаясь с прежде полученными отовсюду извещениями, оставался в совершенном недоумении, на что решиться. Но не менее того, послал несколько батальонов на помощь генералу *Чаплицу*, а графу *Орурку* предписал тотчас отправить надежного офицера чрез Березину, велеть ему непременно, где бы то ни было, отыскать какой-либо отряд, принадлежащий нашей главной армии, и объявить начальнику того отряда извещение генерала Чаплица с повелением от имени его, дабы все сие тотчас было бы доведено до сведения самого князя *Кутузова*. Самому же графу Орурку сделать по той стороне рекогносцировку по направлению к Ухолоде и большой дороге и, буде ничего не откроет заслуживающего внимания, тотчас бы поспешил со всем своим отрядом присоединиться к нему, оста-

* Ныне имение Великого князя Николая Николаевича. Дом этот сохранился до настоящего времени.

вя достаточный казацкий отряд по усмотрению его для извещений. Но граф Орурк, еще прежде сего повеления, тотчас по приходе своем в местечко Нижняя Березина, сделал по всем направлениям по той стороне реки сильный поиск и взял несколько польских улан с одним эскадронным командиром в плен.— Сей военнопленный объявил, что он с небольшим своим отрядом был откомандирован для фуражирования, что он принадлежит к корпусу маршала *Виктора*, который, оставив до 3500 человек войска в Борисове для удержания его и замаскирования дальнейших своих движений, с остальным целым своим корпусом последовал тоже в Студянку, где уже устраивается переправа через Березину и он наверное полагает, что мосты должны уже быть наведены. Показание сего офицера ясно нам открыло, что мы были обмануты и введены в заблуждение сделанными ими ложными демонстрациями, и между тем как всех наших начальников внимание обращено было на Нижнюю Березину, неприятель устраивал свое спасение выше Борисова. Немедленно граф *Орурк* послал подробное донесение обо всем адмиралу *Чичагову* и вместе с оным самого пленного эскадронного командира, прося его снабдить дальнейшими приказаниями. В сие самое время пришло прежде посланное повеление адмирала, почему граф Орурк, не дожидаясь уже дальнейших, тотчас со всем своим отрядом выступил для присоединения к армии, а меня послал открыть сношение с главною нашею армиею и выполнить вышепрописанное повеление адмирала и, сверх сего, объявить, что неприятель переправляется уже по сделанным им мостам в Студянке.

Я, переправясь чрез реку, по расспросам у обывателей, отыскал по направлению к м. Погосту так называемый летучий корпус, принадлежащий главной нашей армии, находившейся под командою графа *Ожаровского*. Генерал *Курута* тоже был в сем отряде; он стоял (не помню названия) в какой-то деревне, и после сделанного мною ему подробного обо всем донесения граф Ожаровский никак не хотел поверить истине оного. Но когда я ему объявил, что во всяком случае, если ваше сиятельство не доведете тотчас всего мною вам объявленного до сведения самого князя *Кутузова*, то вся ответственность неминуемо падет на вас, присовокупив к тому, что штаб-офицер, посланный с такими важными словесными

препоручениями от главнокомандующего, конечно, заслуживает доверия, а тем более когда он объявляет оные именем его — и вместе с сим просил его записать мое имя. После сего немедленно был им отправлен к князю Кутузову с сими донесениями конно-гвардейский офицер *Палицын* (что ныне генерал-лейтенант).

14-го числа французы, под начальством маршала Удино, перешли по сделанному мосту чрез Березину и стали на дороге, ведущей от Борисова к Зембину, заслонив сим образом переправу. Завязалось дело — генерал *Чаплиц* делал все, что мог, но не был достаточно силен, дабы нанести решительный удар; неприятель действовал единственно, дабы только выиграть время и удержать позицию; перестрелка продолжалась до самой глубокой ночи, и каждая враждующая сторона осталась на своих местах, и, таким образом, 14-е число прошло без всякого решительного действия и ограничилось одною перестрелкою. Адмиралу, по получении донесения о переправе неприятеля, оставалось только тотчас сосредоточить всю свою силу в одну массу, двинуться, даже не стреляя, вперед, ибо число войск наших было гораздо значительнее тогда, нежели у неприятеля, и все, что только перешло 14-го числа и поутру рано 15-го, все было бы, во всей силе слова, уничтожено. Но мы подвигались медленно и, проходя мимо Борисова, даже было повеление открыть, что в оном делается. Егеря наши, переправляясь через разобранный мост по перекладинам, атаковали неприятеля, но были отбиты, и иначе это не могло и быть; а между тем как все сие происходило, Наполеон, оставив маршала *Виктора* для прикрытия переправы и собрания остальных к себе войск, находившихся еще в Борисове и в других местах, с гвардиею своею перешел реку и стал позади маршала *Удино* между Бриловым и д. Занивки и, утвердясь на берегу Березины, обеспечил переправу мостов, имея уже возможность и средство служить резервом, в случае надобности, маршалу Удино и маршалу Виктору.— 14-го и 15-го числа обозы, орудия и все, что только могло переправляться, переходило реку и следовало к Вильно.

Оставленный неприятельский отряд в Борисове, конечно, на жертву, получа повеление, выступил в ночь 15-го числа из оного для присоединения к корпусу Виктора; но сим не-

счастным не было суждено исполнить своего преднамерения. На рассвете 16-го числа они были открыты, атакованы корпусом графа *Витгенштейна* и совершенно уничтожены — весь сей отряд с командующим генералом* был им взят в плен, и в сей же самый день французы были атакованы на обоих берегах Березины. Они устроили сильные батареи на всех высотах по дороге, идущей из Борисова в Зембин, и окрестностях. Битва началась жестокая и упорная,— но в наших действиях не было той совокупности, которая решает участь битв. Много было оказываемо частной, личной храбрости, но она терялась в общих нерешительных действиях.

16 ноября, на пространной долине и в лесу, в котором полными отделениями кавалерия могла проезжать, мы дрались, как в тесной нагорной битве — все действовалось орудиями и стрелками; если уменьшались и редели цепи оных, тотчас были посылаемы другие на подкрепление; теряли народ, разили неприятеля, но не подавались вперед; правый наш фланг в одно время, протиснув неприятеля, подался было вперед, но посланный самим *Наполеоном* на помощь резерв приостановил успех наш. Я сам был свидетелем, что целые полки таким образом были разбросаны в стрелках и перемешаны между собою. Судите, почтеннейший Александр Иванович, как могли быть исполняемы разнородные приказания — одним словом, вред, нанесенный нами неприятелю, был весьма велик, но не решителен. Между тем граф *Витгенштейн*, по взятии им вышеупомянутого отряда, делал также сильный натиск на маршала Виктора: битва и у него кипела, как говорится, ключом, но *Виктор*, хотя терял много, но все держался упорно позиции и прикрывал мосты, по которым все переходило, что было в состоянии переправиться. Наступившая глубокая ночь прекратила или, лучше сказать, остановила сию кровавую сечь. В ночь под 17-е число маршал Виктор, оставив место битвы, перешел на другой берег реки и последовал с остатками своего корпуса в Зембин. Пред рассветом французы взорвали мосты, покинув на той стороне 12 орудий, великое множество как казенного, так и партикулярного обоза и всех тех, кои замедлили перепра-

* Это была 27-я дивизия Партуно[4].

виться. Вслед за ним выступил Наполеон со своею гвардиею, а потом остальные части его армии.

Маршалу *Нею* предоставлено было прикрывать ретираду.— Сей маршал, следуя к Зембину и перейдя мосты, лежащие по непроходимым почти болотам, пожег их. *Конечно, если бы мы оные уничтожили прежде отступления неприятеля, тогда все пожертвования его, все военные соображения Наполеона, все потери, сделанные им, дабы только перейти Березину, были бы тщетны*, ибо, быв, так сказать, захваченным между Березиною и болотами, еще не совсем замерзшими, без всякого продовольствия, с изнеможденными войсками, без покрова при сильном морозе, при жестоких вьюгах, ему оставалось — или пасть до последнего под выстрелами нашими, или отдаться в плен.

Многие военные люди, описывая преследования главной нашей армии, упрекали князя *Кутузова* в непростительной медленности в отношении правил военных; в особенности английский генерал *Вильсон*. Но, при тогдашнем положении дел, политические отношения закрыты были для нас завесою тайны: легко может быть, что князь Кутузов при дальновидном своем соображении, при великой своей опытности, а может быть, и в силу инструкции, им полученной, но нам неизвестной, не хотел приносить напрасно в жертву людей. Видя изнурение, видя бедствия, постигнувшие врагов, он видел ясно, что морозы, бури, долговременные марши довершат уничтожение остатков полчищ нового Тамерлана,— следовательно, всякие сильные натиски стоили бы нам много лишней крови и не принесли бы более пользы, каковую мы впоследствии приобрели. В дополнение всему, конечно, и характер Наполеона входил в расчет его, ибо когда, не видя уже для себя никакого спасения, ему предстояло или сдаться в плен, или пасть на месте битвы, он бы наверное избрал последнее; но прежде, нежели бы сие воспоследовало, сколько бы пало людей наших — сколько бы пролить надлежало крови!

В сие время и передовые наши войска главной армии перешли Березину, и мы все пустились преследовать неприятеля по всем направлениям. *Дивизия* генерала *Луазона** находившаяся в Вильно, вышла для прикрытия отступления

---

* 31-я дивизия 11-го корпуса Ожеро[5].

своей армии к Ошмянам, но в *четыре дня потеряла три четверти дивизии*, а остальные все были почти взяты в плен при занятии нами Вильно. Вся дорога была усеяна жертвами или умирающими и означала путь армии. Каждый пригорок был загроможден обозами, пушками, полковыми и артиллерийскими ящиками, каждый их бивак походил на поле кровопролитной битвы, или вернее уподобить,— это была долина Иосафатова, долина плача и скорби.

Почерневшие от дыму и нечистоты, подобно привидениям, в безумии, полунагие, без обуви, они тянулись по дороге или теснились около костров огня, ими разведенного, и, желая обогреть отмороженные члены свои, они бросались к огню и, не имея силы отодвинуться, тут же, сгорая, умирали в жестоких муках. Никто из них ни о ком не имел попечения, ни сожаления, все чувства, все связи дружбы, родства,— все исчезло. И это был остаток 500 000 людей, за пять месяцев тому назад шедших во всем блеске, во всей красе в пределы наши!

Перст Божий видимо поразил их... Но оставим суду и милосердию Всевышнего произнесть приговор над виновником таких бед и страданий, не нам судить деяния венценосных владык земли: они нам даются свыше. Цари добрые — есть награда, ниспосылаемая Провидением за благие дела наши. Цари злые — есть бич небесный для народов за ихние же грехи, и нам остается благоговеть и покорствовать пред неисповедимыми Его судьбами. В сию достопамятную эпоху Отечественной войны нашей, проходя мимо сих жертв честолюбия, я, с сокрушенным сердцем, с думою, преисполненною истинного умиления, не раз воссылал теплые мольбы к престолу Царя Царей за Александра. В величии его я видел величие России, ибо слава царя — есть слава его народа. В милосердии его — я видел благоденствие и счастие края родного... Прошло уже десять лет, пройдут века, но память его будет для сердца русского священна.

28 ноября мы вступили в Вильно. Я не буду Вам описывать ни битв, ни всего, что мы отобрали у неприятеля после перехода его через Березину до Вильно и далее до самого Немана. Это было бы не что иное, как повторение, о чем много было и говорено, и написано, но считаю вещью, довольно любопытною, окончить Вам рассказ мой *описанием встречи и первого свидания князя Кутузова с адмиралом*

Чичаговым, воспоследовавших в Вильно. Я сам был лично свидетель, самый близкий всему, следовательно, могу Вам в точности передать. Вам известно, что оба сии вельможи — люди умные, оба с большим познанием, оба с большими достоинствами, но в отношении их взаимной дружбы,— ни Кастор, ни Поллукс не были им образцами. По занятии нами города Вильно я был назначен комендантом, до прибытия главной армии. Князя Кутузова ожидали на другой день. Адмирал Чичагов поутру дал мне повеление встретить, с конвоем и всеми конными ординарцами, князя за городом и, проводив до назначенного под квартирование дома, поспешить возвратиться с докладом о прибытии князя. К вечеру, в 8 часов, князь Кутузов въехал в город и, по принятии от меня рапорта, спросил об адмирале. Я ему отвечал, что будет иметь честь сейчас явиться. Не медля ни минуты, я поскакал к адмиралу и доложил о приезде. Я нашел его совсем готовым, но не в парадном мундире, а в морском вицмундире. Подали карету, и он велел мне с ним ехать. Лишь только мы взошли в переднюю, как услышали шаги многих. Входим в залу и видим самого князя, к нам навстречу идущего, сопровождаемого по крайней мере 30 или более генералами и штаб-офицерами. Здесь они обнялись и, взявшись рука об руку, пошли в дальние комнаты: я, как чиновник, приехавший с адмиралом и принадлежащий ему, последовал с протчими за ними. Они, пройдя две комнаты, взошли в каминную. Светлейший посадил адмирала возле себя. Когда мы все заняли места (стоя) и когда все утихло и воцарилась тишина, князь Кутузов, наклонив немного голову, сказал адмиралу: «*Поздравляю вас, ваше высокопревосходительство, с одержанными победами над врагом и вместе с сим благодарю вас за все ваши распоряжения*». Мне самому показалось, что при сем последнем слове он повысил голос. Адмирал, не останавливаясь нимало, голосом твердым и громким отвечал: «*Честь и слава принадлежит вам одному, ваше сиятельство, ибо все, что ни делалось, все, что ни исполнялось — исполнялось буквально со всей силе слова повелений ваших, следовательно, победы и все распоряжения есть ваше достояние*». Отпустив друг другу такого рода приветствия, оба приумолкли. В сию минуту подали чай и разговор начался обыкновенный. Адмирал, пробыв около получаса,

встал, простился, и князь Кутузов опять его проводил до залы.

Замечания графа Орурка по поводу взятия Борисова и сражения при Березине в 1812 году

Граф Иосиф Корнилович Орурк, по происхождению ирландец, был одним из боевых деятелей наших в эпоху Наполеоновских войн. Военную службу начал в лейб-гвардии Измайловском полку. Принимал участие в войнах со Швецией и Польшей, а в 1798 гг. был командирован в корпус принца Конде. По возвращении в Россию участвовал в кампаниях 1805, 1806 и 1807 гг. и затем в турецкой войне, в которой особенно отличился, командуя сформированным им Волынским уланским полком. В эту кампанию он произведен в генерал-майоры и награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. В Отечественную войну 1812 г. командовал отдельным отрядом в армии Чичагова, участвуя в главнейших боях при Березине. Затем участвовал в кампаниях 1813 и 1814 гг. В царствование императора Николая I он командовал 1-м пехотным корпусом. Скончался в 1849 г. в чине генерала от кавалерии, на 86-м году от роду.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому

Милостивый государь Александр Иванович.

Вам угодно было получить от меня выписку о сражении под Березиной, но я заезжал к отставному генералу Степану Семеновичу *Храповицкому** и застал там четыре книжки, выданные Вами о войне 1812 года. В четвертом томе есть описание о сражении под Березиной и взятии штурмом, через генерал-лейтенанта *Ламберта*, укрепления или батареи под Борисовым. Оно точно так было — но 28-й и 32-й егер-

---

* Степан Семенович Храповицкий, брат Ясона Семеновича, автора «Воспоминаний», в 1812 г. был сподвижником в партизанских действиях Давыдова и также служил в Волынском уланском полку. Отец их, юхновский уездный предводитель дворянства, в 1812 г. формировал партизанские отряды из крестьян. В октябре 1812 г. оба Храповицкие удостоены, по представлению Кутузова, высочайших наград, причем отец награжден орденом, а сын произведен в подполковники. (См.: Сухомлинов В. На большой Смоленской дороге: из партизанских действий 1812 г. СПб., 1893). *К. В.*

ские, *Павлоградский гусарский*, два казачие и 200 человек *Волынского уланского полка не находились* под командою полковника Корнилова, а были под начальством генерал-лейтенанта *Чаплица*; — корпус *Воинова* и корпус *Булатова* были отряжены главнокомандующим генерал-адмиралом Чичаговым, которые шли через Дивин на Кобрин. Я был в тех двух корпусах авангардным командиром. Узнавши, что австрийские генералы, граф *Моро* и *Зигенталь*, находятся в Пружанах, просил позволения от корпусного командира идти вперед и атаковать неприятеля. Мост был сожжен, а я велел построить другой мост и перешел.

Неприятель уже отступил в Беловежскую пущу, оставив в Пружанах лазарет и большое количество фуража и провианта.— О занятии г. Пружан донес я корпусному командиру, оставя в Пружанах егерский полк под командою полковника *Белокопытова*, имел намерение атаковать арьергард оных генералов, состоящий из *гусарского Гессен-Гомбургского* полка. В то самое время прибыл ко мне генерал-майор Павел *Пален** со своим драгунским полком, а так как он был старшим генералом от меня, то я предлагал ему, дабы он атаковал гусар с фронта, и дал ему один егерский полк с орудиями, а сам хотел обойти от Беловежской пущи и во время атаки Палена взять их в спину. И точно — полк весь был бы взят в плен. Но прибывший генерал Воинов приказал мне с тремя казачьими полками их атаковать, я их сбил и взял в плен 60 человек и одного офицера и прогнал полк до Беловежской пущи. При преследовании оного полка много было убитых и раненых, в том числе командир оного полка принц *Гессен-Гомбургский*.

Отряд генерала *Лидерса* был моим в Сербии, а возвратившись, под Хотиным, по повелению адмирала, оный сдал ему, а сам отправился для командования авангардом в армию. Из Бухареста получил я повеление от адмирала идти в авангард к реке Дрину и, переправясь чрез Дунай, приготовить на целую армию фуража, ибо он имел намерение идти чрез Черные Горы в Италию. Не довольно, что успел приготовить фуража для целой армии, но начальник сербов *Кара-Георгий* дал мне 20 000 отличных сербских воинов с оруди-

* Граф Павел Петрович фон дер Пален. Впоследствии генерал-адъютант. Род. 1775, ум. в 1834.

ями, дабы они находились под моею командою в авангарде и шли со мною в Италию, о чем я донес главнокомандующему.

По взятии батареи главная квартира перешла в Борисов. *Ламберта* авангард впереди оного, а вся армия Дунайская осталась за рекою. Ошибка состояла в том, что Ламберт, будучи ранен, не имея назначенного сейчас на место свое авангардного начальника, который бы наверно казаков, состоящих под командою полковника или генерала *Грекова*, отправил вперед по дороге к Орше, по движению неприятеля; но оное было упущено. В Борисове начальник штаба генерал-лейтенант *Сабанеев* послал за мною и объявил повеление адмирала, чтобы я принял авангард и шел по дороге, Вам уже известной. Я просил уволить меня от командования авангардом, и на место мое послали графа *Палена* до прибытия генерала *Чаплица*. Узнавши, что наш авангард встретился с неприятелем, генерал *Воинов* взял меня с собою, и поехали мы к авангарду. На дороге попалась нам навстречу конная артиллерия, идучи на рысях,— я велел идти им шагом, дабы не испугать наши войска. Воинов возвратился назад, а я поехал вперед и нашел кавалерийские регулярные полки, выстроенные по дороге, на полянке в лесу. Спрашивал их, где авангардный начальник, они мне говорили, что впереди с казаками; я полковнику *Аргамакову* советовал, ежели они получат от авангардного начальника повеление к отступлению — отступить в порядке и не бегать, а *гусарского Александрийского полка* полковнику *Ефимовичу* приказал с полком прикрывать ретираду, уверяя его, что четыре егерские полка, которые были в авангарде, прикроют в лесу их фланги при отступлении, на что он мне отвечал, что егерей уже нет, что они взяты в плен. Не хотел я ему верить, пока не удостоверился из выстрелов неприятельских егерей. Лошадь моя была ранена; я поехал назад. Не доходя до первого моста, увидел, что вся кавалерия регулярная в беспорядке бежит назад — я им приказал остановиться, они говорили, что нет начальника, на что я им отвечал, что я ими командую. *Аргамаков* собрал до 200 драгун, а подполковник Александрийского гусарского полка, *князь Мадатов*, до 60 гусар. Стоял я с ними до самого вечера, а город Борисов занимал генерал-майор *князь Щербатов*, но он, не дождавшись вечера, отправился со своими гренадерами чрез мост.

Послал я генералу Воинову дежурного своего штаб-офицера, Ясона Семеновича *Храповицкого*, просить, чтобы прислал один пехотный полк, с которым и удержу Борисов до невозможности. Полк не дошел половины моста и *шарахнулся назад*. Храбрый мой дежурный штаб-офицер остановил их и пошел с ними вперед, но они вторично повернулись и ушли. Это был *Апшеронский пехотный полк*. Неприятель не преследовал сильно и не вступал в Борисов, но беспорядок, удерживаемый в авангарде, привел полки к расстройству. Довольно бы было времени, если бы поставили на мосту команду, чтобы обоз в порядке перешел и ничего в Борисове не осталось бы. На другой день адмирал Чичагов приказал мне с *Волынским уланским* полком и 2 казачьими идти к м. Березино, уничтожить там переправу, удержать неприятеля до его прибытия, а попадающий мне навстречу отряд генерала Эртеля взять под свою команду. Эртеля я не застал нигде, и шел я с своими полками на рысях, и каждые десять верст,— оставлял по два казака на летучей почте. Один казачий полк откомандировал я по реке, но неприятеля нигде не видно было, а уже Дунайская армия выступила за мною вслед. Чаплицу приказано оставить Студянку и идти к Борисову. Отойдя три мили, донес я главнокомандующему, что неприятеля нигде не видать и не слыхать, что они направление взяли к Березино, а наверно в Борисове или ниже по реке: таковых рапортов я ему посылал несколько.

Сделавши десять миль, послал я вновь рапорт, что неприятеля не видать и что, вероятно, будет делать переправу ниже Борисова. Получив мои рапорты, отойдя от Борисова 7 верст, собрал всех генералов и советовался с ними, показав им мои донесения и повеления к нему от фельдмаршала. *Все генералы, кроме Ланжерона, отвечали: «как вам угодно». Но Ланжерон ему сказал, что Орурку надо верить, не в первый раз он против французов воюет и надобно рекогносцировать вниз за Борисовым, не переправляется ли там где-нибудь неприятель?* Адмирал остался на ночь на том самом месте, а поутру удостоверился, что я прав и что неприятель переправляется в Студянке. Там было оставлено Чаплицем два егерских полка под командою полковника Корнилова, а я получил повеление возвратиться назад. Прибыв в м. Березино, отправил я сейчас храброго сво-

его дежурного штаб-офицера, *Ясона Храповицкого*, через реку Березину отыскать непременно неприятеля — но вместо него нашел он партизана Давыдова и авангард под командою генерала Ожаровского, которые ему объявили, что они идут вслед за неприятелем и что оный переправляется через реку Березину при местечке того же названия. Прибыв назад, застал я главнокомандующего в деревне, в миле за Борисовым. Дунайская наша армия была в деле с неприятельскою под командою генерала графа Ланжерона. Ночью послал меня адмирал с Волынским уланским полком, двумя казачьими и двумя резервными батальонами гренадеров за полторы мили, где он, по известии полученном, узнал, что находится французский генерал с большим отрядом. Наместо того нашел я там не что другое, как большое число французских мародеров. Оттоль отправился я с своим отрядом и догнал авангард под командою генерала Чаплица; оставил ему своих гренадер и Волынский уланский полк, а от него взял два полка казачие и с сими четырьмя полками шел я за неприятелем от Молодечно до Ковно и, не сражавшись с ним, забрал пропасть пленных и множество орудий, которые и передал Чаплицу. Они устали с голоду и морозу, и не было уже никакой надобности с ними драться. Я три полка распустил по деревням на ночь, а с одним находился в биваках под самым неприятелем. Эти казаки мешали им фуражировать по бокам дороги, а при рассвете начинали их фланги обходить, а потому они, бедные, всегда были в походе. Вы можете обо всем узнать наивернее от Ясона Семеновича Храповицкого, ныне отставного генерал-майора и члена Министерства внутренних дел, проживающего на Италианской ул., д. де Лакини, под № 64. При чем честь имею пребыть с истинным почтением и преданностью вашего превосходительства покорнейший слуга граф П. Орурк.

6 октября 1839 г.
г. Новогрудок

Записки генерала Изюмова о действиях Чугуевского уланского полка в 1812 году

Боевой генерал Николай Григорьевич *Изюмов*, начальник кавалерии всех округов киевских и подольских военных поселений, участник Отечественной войны и других кампа-

ний, происходил из дворян Белорусско-Могилевской губернии. Он родился в 1779 г. и восемнадцати лет от роду, в 1797 г., был зачислен рядовым в Чугуевский уланский полк, которым впоследствии командовал.

Проходя последовательно службу, Изюмов в 1803 г. был произведен в корнеты и в этом чине получил боевое крещение в Турецкой кампании 1806 г. в бою при д. Фламунде; в 1808 г. был произведен в поручики и назначен шефским адъютантом, а через два года за штурм болгарского города Базарджика был награжден золотым знаком. В кампании против турок в Валахии, Молдавии и Болгарии Изюмов почти все время находился в передовых отрядах и участвовал в 26 крупных сражениях, не считая мелких авангардных стычек.

С неменьшим отличием действовал он в кампаниях 1812, 1813 и 1814 гг. 15 сентября 1812 г. он участвует в бою близ д. Ставки, 3 и 4 ноября под г. Волковыском, при атаке генерала Сакена на саксонский корпус Ренье; с 1 января 1813 г. до заключения Рейхенбахского договора против Наполеона в блокаде крепости Глогау (1 — 21 марта) в бою между м. Геренгевальдом и Вальтенгеймом (23 апреля) и, кроме того, во всех арьергардных стычках; в одной из них (2 мая) он получает тяжелую контузию, которая на месяц укладывает его в госпиталь. Едва оправившись, Изюмов возвращается в свой полк и 11 августа, соединив свой эскадрон с дивизионом венгерских лихтенштейнских гусар, разбивает под м. Бемишлейн сильную неприятельскую партию и берет в плен 25 человек. 3 сентября, в лихой кавалерийской атаке при д. Петерсвальде, Изюмов рассеивает пехотную неприятельскую колонну и на другой день повторяет с успехом при д. Шенвальде и Нолендорфе тот же маневр. За эти дела он награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В Лейпцигском сражении (4 октября 1813 г.) он с 3 эскадронами чугуевских улан атакует несколько пехотных колонн неприятеля и, остановив их, спасает два брошенных австрийцами орудия, а затем (6 октября), после нескольких стремительных атак на неприятельскую кавалерию, берет в плен много офицеров и солдат. 11 октября при м. Бутельштейне Изюмов, командуя Чугуевским уланским полком, опрокинул пять полков французских драгун и, преследуя их более 5 верст, взял в плен

свыше 200 солдат и офицеров. В январе 1814 г. он участвует при переправе через Рейн на французскую сторону и после столь трудного дела, на другой же день, удерживает в течение полусуток наступление неприятеля, подвергаясь все время пушечному огню и имея в своем распоряжении всего 4 эскадрона. За эти два дела он жалуется кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом. Участвуя затем в боях: при Мери-на-Сене (26 января), при д. Рошели (28 января), при г. Ножан-на-Сене (29 и 30 января), при м. Мармоне (5 февраля), при г. Бернард (15 февраля), при д. Лиоберсель (19 февраля), при г. Труа (20 февраля) и в генеральном сражении при г. Арси (9 марта). 13 марта при Фершампенуазе Изюмов, командуя полком, с успехом несколько раз атакует неприятельскую пехоту и кавалерию, преследует врага до наступления ночи и берет в плен до 300 человек и 3 орудия. За эти отличия он вторично награждается орденом Св. Владимира 4-й степени.

При генеральной атаке Парижа, наблюдая за замком Венсен, Изюмов замечает, что из Парижа в Венсен двигается отряд неприятельских войск; он его атакует и, несмотря на жестокий перекрестный огонь, под самыми стенами Парижа заклепывает 18 орудий, а 10 орудий со снарядами, 12 офицеров и много нижних чинов берет в плен (18 марта). На другой день, пройдя Париж, при преследовании остатков французского корпуса, по дороге к Фонтенбло, Изюмов был ранен пулей в ногу. За бои при Арси и под Парижем ему жалуется орден Св. Георгия 4-го класса.

По заключении мира Изюмов в марте 1815 г. был на смотру при г. Вертю, а затем участвовал в обратном походе в Россию, куда вернулся в сентябре 1815 г.

В 1818 г., в чине подполковника, он назначается командиром Чугуевского уланского полка и в 1826 г. производится за отличие в полковники.

С 1826 г. по 1828 г. Изюмов участвует в Персидских кампаниях, завершившихся Туркменчайским миром, служа под начальством генерала Панкратьева, графа Паскевича-Эриванского, графа Сухтелена и генерала Розена 6-го.

В 1831 г. Изюмов принимает участие в усмирении мятежников в Царстве Польском и литовских губерниях, чем и заканчивается его многолетняя боевая деятельность.

Будучи произведен за отличие в генерал-майоры (6 декабря 1834 г.), Изюмов назначен командиром 1-й бригады 6-й легкой кавалерийской дивизии, а затем начальником округов военных поселений 2-й уланской дивизии (30 сентября 1835 г.).

В 1840 г. он высочайше командирован для производства следствия о злоупотреблениях в округах военных поселений Киевской и Подольской губерний, в сентябре 1844 г. назначается начальником 5 округов военных поселений в тех же губерниях и в декабре 1844 г. производится за отличие в генерал-лейтенанты. В 1845 г. Изюмов награжден орденом Св. Анны 1-й степени и в 1847 г. Св. Владимира 2-й степени.

Умер Н. Г. Изюмов в преклонном возрасте, 70 лет от роду, не оставив после себя наследников.

В своей записке «О действиях Чугуевского уланского полка в 1812 г.» Н. Г. Изюмов описывает шестимесячный поход своего полка из Малой Валахии на Слоним и Белосток в Варшаву под начальством генерала Булатова. Так как полку пришлось проходить по местам, отдаленным от неприятеля, то в записке описывается почти исключительно трудное движение полка, без обоза, при ноябрьской стуже и дождях. Изюмов вспоминает о прибытии в Варшаву как о вступлении в обетованную землю.

Записки похода Чугуевского уланского полка в 1812 году

По заключении с турками мира Чугуевский уланский полк поступил в отряд, состоящий под командой генерал-майора Булатова в Малой Валахии. По полученному повелению в июне месяце 1812 г. полк выступил оттоль 12-го числа и следовал на Слатину, Челонешти, Бухарест, Урзычени, Бузео, до г. Фокшан, имея обыкновенные роздыхи; но от Фокшан все войска, состоявшие в отряде, следовали по правому берегу реки Серета, форсированным маршем, со всей воинскою предосторожностью, в одной общей колонне.

Неизвестно, какие причины заставили генерал-майора Булатова не позволять кавалерии отделяться от пехоты. Кажется, со стороны Австрии не предвиделось опасности; и хотя мы проходили недалеко от границы Трансильвании, но, по

достоверным сведениям, войск там не было. Между тем через утомительный марш кавалерия много потерпела; тащась вместе с пехотой и беспрерывно останавливаясь, не было времени выкормить лошадей; приходили поздно и выступали до рассвета; только в городе Романе, где переправа через Серет, имели мы дневку, и то потому, что за проливными дождями отстали обозы. Вследствие такого распоряжения в кавалерии и артиллерии лошади совершенно изнурились, между людьми оказалось много больных и слабых, так что по прибытии к крепости Хотин принуждены были отправить весь вагенбург и лазареты в Могилев на Днестре; а войска, переправясь через Днестр у Хотина, прошли к Каменец-Подольскому. Отряд генерал-майора Булатова шел столь поспешно, что опередил графа Палена, стоявшего со своими войсками около Берлата. Зато у него кавалерия была сохранена и в полном числе, а у нас, кроме изнурения лошадей, за отделением больных, оставалось только по 9 рядов во взводе. Это было весьма невыгодно, готовясь к великой Отечественной войне.

При г. Каменец-Подольском простояли мы несколько дней, пока все отряды войск стянулись. В это время главнокомандующий армиею, адмирал Чичагов, приезжал в наш отряд, изъявить генералу Булатову благодарность за быстрое прибытие к сборному месту и поручил ему на другой день выступить, следуя вдоль границ Галиции к стороне Кобрина, где должны были соединиться с армиею генерала Тормасова. После нескольких переходов встретили мы 15 сентября в лесу, не доходя деревни ставки, неприятеля, с которым и завязалась перестрелка, продолжавшаяся до вечера и кончившаяся его отступлением.

Вся армия соединилась 16 сентября. Мы прошли Кобрин и, переправясь через Мухавец, при селении Булкове, обратились к Брест-Литовску.

Полученное известие о занятии Наполеоном Москвы посеяло в войске уныние. Подробностей о действиях главной армии нам не было известно; многие считали все уже потерянным, но большая часть с верою в Бога надеялась восторжествовать над общим врагом.

Неприятель ретировался, и наша армия, пославши казачьи полки для наблюдения его, остановилась. Главная

квартира заняла Брест-Литовск, а отряд генерала Булатова, переправясь через Буг и пробыв два дня в окрестностях Тирасполя, расположился по селениям к стороне Влодавы, где простояли около двух недель, посылая разъезды к реке Цне.

Главнокомандующий адмирал Чичагов с большею частью своей армии отправился к Березине, оставив генерала барона Остен-Сакена в Брест-Литовске, в корпус которого поступил и наш отряд.

С отбытием главнокомандующего неприятельские войска, под начальством князя Шварценберга, перейдя на левый берег Буга, заняли местечко Бялу. Генерал Булатов послал ротмистра Изюмова с партиею разведать о неприятеле, приказав между тем отряду своему соединиться и быть в готовности. Только что ротмистр отправился, как узнал от посланных разъездов, что отряд войск, под командой генерала Эссена 3-го, идет на неприятеля. Немедленно донес он о том генералу Булатову, а сам пошел далее к стороне Медзержии; но с прибытием на одну высоту местечка Бялы, услыша пушечные выстрелы и удостоверившись, что генерал Эссен вступил в дело, послал о том с донесением к своему генералу. *Ротмистр Изюмов* с партиею своею, будучи отделен от места сражения топкой и болотистой речкой, имел всю удобность наблюдать за неприятелем, который сперва не решался вывести из местечка свой резерв в дело; но после двухчасового боя опрокинулся всеми силами на генерала Эссена. Как бы кстати в это время генералу Булатову принять участие в сражении, но вместо того чтобы поспешить к бою, находясь уже на походе, он вдруг непонятно по какой причине остановил свой отряд и дал знать партии возвратиться к нему. Битва кипела, день склонялся к вечеру, и генерал Эссен, хотя с отличною храбростью отражал все неприятельские нападения, но теснимый превосходными силами, потеряв одно орудие, принужден отступить. С прибытием ротмистра Изюмова, привезшего о том известие, генерал *Булатов* приказал своим войскам поспешно идти назад к Тирасполю. Неприятель, удовольствовавшись своим успехом, возвратился в местечко Бялу и в ту же ночь выступил и потянулся к Немирову гораздо покойнее, нежели ожидал.

Корпусный командир, генерал барон Остен-Сакен, известясь, что князь Шварценберг оставил генерала Ренье с сак-

сонскими войсками в Волковыске, а сам с австрийцами занял Слоним, вознамерился воспользоваться этим разделением и, собрав корпус свой, двинулся к Волковыску, чтобы нечаянным нападением ежели не разбить, то отбросить далее саксонские войска. В ночь с 2-го на 3-е число ноября мы находились в пяти верстах от города, как вдруг прискакавшие 4-го Украинского полка несколько казаков объявили, что на полк их, посланный для наблюдения Слонимской дороги, неожиданно напала неприятельская кавалерия и весь рассеяла. Тот же час корпусу велено было поспешить атаковать Волковыск. Пользуясь темнотою ночи, мы напали врасплох на неприятеля; говорят, что генерал Ренье едва успел выскочить из занимаемого им дома; однако же последствия этой экспедиции не имели того, как предполагали, успеха; с рассветом мы увидели саксонские войска выстроенными и занимающими крепкую позицию, которую и удержали за собой, отразив все наши нападения. 4-е число прошло в перестрелке и разных маневрах без особенной выгоды, а с наступлением ночи мы снялись со своей позиции и пошли по направлению к Беловежской пуще.

Двум эскадронам чугуевских улан назначено было идти в арьергарде и подбирать всех отсталых. Это поручение было самое трудное из всего похода; мы шли всю ночь и на другой день увидели, что и неприятельский авангард следует за нами; много было хлопот выгонять пехотных солдат из деревень: по счастью, неприятель слабо нас преследовал. К вечеру остановились у местечка Свислочь, и чугуевские эскадроны, бывшие в арьергарде, присоединились к полку. До рассвета войска наши поднялись; но, приближаясь к Беловежской пуще, встретили австрийцев, спешивших от Слонима, чтобы отрезать единственный нам путь. Пехота наша успела, однако же, занять теснины и мост через речку Наревку. *Чугуевские карабинеры* отбили нападение венгерских гусар и, дождавшись присоединения последнего казачьего полка, вошли вместе в пущу и укрылись от неприятеля под защитою пехоты. Утомленные лошади требовали отдыха, и мы, пройдя верст 15, остановились их кормить лесной травой: другого корма негде было достать. После 4-часового отдыха, когда приблизилась к нам пехота, мы пошли к местечку Беловеж, где и пробыли до рассвета другого дня. Пасмур-

ная погода превратилась в дождливую и разгрязнила дорогу через лес. С большим трудом тащились обозы, артиллерию едва везли истощенные лошади, а под батарейные орудия роты *полковника Поля* употреблены были строевые лошади *Смоленского драгунского полка.* Пройдя пущу, мы встретили за местечком Шерешовым лучшую дорогу. В ночь 12-го числа ноября подул северный ветер и дождь превратился в снег, а к утру сильный мороз заковал грязь и движение войск сделалось свободнее. Часа за два до рассвета поднялись с места ночлега; резкий и холодный ветер пронизывал до костей; платье, намокшее в дождливые дни, сделалось, как лубок; верхом ехать было слишком холодно, и люди, по переменкам, бежали пешком. *Шеф Смоленского драгунского полка,* генерал-майор *Гампер*, состарившийся на службе, едва не заплатил за встречу с зимой своею жизнью: он так перезяб, что почти говорить не мог. По счастью, скоро встретилась жидовская, с топившеюся печкою, корчма. С трудом сняли его с лошади и ввели в избу, где успели отогреть; но с приближением находившихся в арьергарде казаков надобно было поспешнее удалиться, и мы, посадя почтеннейшего старца на лошадь, догнали на рысях колонну. Три дня мы не были обеспокоиваемы неприятелем; но, подойдя к реке Мухавцу, показались его войска, однако же мы успели перейти реку и уничтожить мост. Весь день продолжалась с обеих сторон пушечная пальба; ночь проведена довольно покойно, и со стороны неприятеля не было тревоги, но с рассветом возобновилась артиллерийская перестрелка, продолжавшаяся более половины дня. Выждав, пока главные наши войска отошли на значительное расстояние к стороне Кобрина, велено и нам следовать за ними, предоставя неприятелю устраивать переправу. Отойдя верст шесть, встретили несколько повозок с бочками: это была винная порция, которую возили за отрядом генерала Булатова, но неизвестно, по какому расчету ее отпускали нижним чинам, а теперь принуждены были бросить, и, чтобы не досталось неприятелю, велено разбить бочки. Пехотные солдаты, как рой к ульям, кинулись набирать в манерки; но разрубили обручи, вино полилось, и с прибытием нашего арьергарда заставили солдат удалиться. Они, отходя, роптали, для чего им прежде не отпускали порции и, кажется, имели на то полную справедливость.

Город Кобрин прошли мы ночью, по дороге к местечку Ратно и остановились на ночлег. С рассветом узнали, что неприятель далее не преследует; отряд наш, отойдя два перехода, встретил свой обоз и заводных лошадей, отправленных сюда еще прежде от Брест-Литовска. Эта встреча была для нас праздником, потому что бывшие с нами белье и обувь слишком обносились и мы здесь могли переменить их свежими. Кто не был в подобных обстоятельствах, тот не может судить о том удовольствии, которое мы чувствовали, когда после продолжительной бивачной жизни под дождем и снегом, в грязи и на сильном холоде, могли мы в теплой избе умыться и переодеться. Дней десять простояли в окрестностях Ратно; здесь пронесся слух, что Наполеон оставил Москву и войско его бежит по дороге к Смоленску, сильно преследуемое большою армиею под личною командою фельдмаршала Кутузова. Восторг наш был неизъяснимым: мы обнимали друг друга и поздравляли взаимно со столь счастливым событием; но боялись еще увлекаться радостью, не имея достоверных о том сведений.

Шеф Чугуевского уланского полка, генерал-майор *Лисаневич*, получил предписание, с *Чугуевским уланским* и с первым *Калмыцким* полками, отправиться для поисков за неприятелем к Пинску и оттоль к Слониму. Отделившись от отряда, мы пошли прямейшею зимнею дорогою к Пинску, оттоль на Логишин и далее по направлению Огинского канала. 10 декабря, пройдя местечко Полонки, встретили неприятельскую партию, которая, только что завидела нас, бросилась бежать. Калмыки погнались за нею, несколько человек изрубили и одного тяжелораненого поляка привели к генералу. От этого пленного узнали, что князь Шварценберг со всеми войсками поспешно ретируется к Белостоку, куда и мы взяли свое направление. По дороге набрали много пленных, большею частью австрийцев. Белосток нашли очищенным уже от неприятеля, и за сутки перед нами были там российские войска из корпуса генерала *Милорадовича.* Мы обратились к Бельску и остановились в окрестностях Граева. Здесь генерал Лисаневич получил повеление присоединиться к корпусу генерала Милорадовича. 24 декабря перешли реку Буг и расположились около Соколова, ожидая дальнейших распоряжений. В первый раз, в декабре ме-

сяце, досталось ночевать в квартирах, и бедные лошади наши получили хороший корм под защитою от непогоды. После 6-дневного отдыха выступили к Варшаве и Новый 1813 г. встретили с неизъяснимою радостью в пределах Варшавского герцогства, торжествуя ниспосланную небом на врагов России победу.

Николай Изюмов

Записка рижского коменданта, генерал-лейтенанта И. Ф. Эмме, о блокаде Риги в 1812 году

Насколько я могу припомнить, наиболее замечательные события, происходившие в 1812 г. во время блокады города Риги французами, были следующие.

Вместо князя Лобанова военным генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии и командующим всеми войсками этого округа был назначен генерал-лейтенант *Эссен**.

Что касается до нравственных качеств генерала Эссена, его верности, прямодушия и честности, руководивших всегда им, то с этой стороны он являлся безупречным. Но, к сожалению, при всех своих достоинствах, благодаря своему резкому и чересчур вспыльчивому характеру, он иногда ставил себя в неловкое положение в затруднительных случаях, касавшихся как его лично, так и администрации, вверенной ему, так как придавал слишком много значения и легко поддавался советам лиц, окружавших его. Кроме присущей ему нерешительности в распоряжениях, им часто и очень некстати овладевала боязнь, иногда даже какой-то панический ужас, происходивший, впрочем, не из трусости, что он имел случай неоднократно доказать, но единственно из страха тяготевшей на нем ответственности; это обстоятельство при всех его добрых намерениях вредило его чести. Это и заставляло его часто терять голову и отменять данные час тому назад распоряжения; он почти никогда не был уверен в том, насколько они соответствуют данному моменту. Таковым вы-

* Н. И. Эссен 1-й.

казал себя генерал Эссен, вступив во вверенное ему командование.

В первые дни не случилось ничего особенного, достойного упоминания, исключая разве того, что генерал нашел нужным перевести все местные власти, даже губернатора*, в Пернов, оставив при себе для ведения дел только одного советника правления.

Затем он решил осуществить данную им инструкцию об уничтожении предместий, как только враг подойдет к городу на расстояние двух переходов, что и случилось с занятием французами Митавы; с этих-то предместий он и начал.

К несчастью, при исполненин этого приказания порядок совершенно отсутствовал: все делалось наспех, вследствие чего дома разорялись, не соображаясь с местоположением, не разбирая того, могут они представлять собою помеху или нет, притом же все приводилось в исполнение с большими злоупотреблениями и ущербом для владельцев.

Уже при *князе Лобанове*** были предприняты некоторые работы в укреплениях для защиты города со стороны Митавы; число укреплений, отчасти уже существовавших, увеличивалось, поправлялось укрепление, защищавшее мост, и иные, менее значительные. На всем протяжении этих укреплений, лишенных между собой сообщений, необходимые для них работы велись в широком размере. Но следовало также увеличить и число войск, составлявших гарнизон Риги, чтобы защищать только одни эти укрепления, так как сам город был в весьма малом количестве снабжен войсками какого бы то ни было оружия. Нести службу на валах, около пушек было некому, так что пришлось привлечь из цехового общества всех, кто сколько-нибудь годился для этой службы. Их распределили около пушек, наиболее годных к употреблению в случае надобности, таким образом, что на орудие приходилось по два артиллериста и по три цеховых мастера, которых, сверх того, надо было еще обучить совершенно незнакомому им делу. Неудивительно, что в таком критическом положении, в каком находился генерал Эссен, не имевший ни

---

* Лифляндским гражданским губернатором в 1812 г. был действ. стат. сов. Ос. Осип. Дюгамель. *К. В.*

** Князь Дм. Ив. Лобанов-Ростовский, ген. от инфантерии, был рижским военным губернатором до 27 апреля 1812 г.

средств, ни поддержки, при его нерешительном характере, последний часто затруднялся в выборе мероприятия, наиболее подходящего к обстоятельствам. Даже места для возведения укреплений были отчасти неудачно выбраны, так как некоторые из них были доступны обстрелу с близлежащих высот, что делало защиту их ненадежной. Местоположение Риги со стороны реки Двины делает доступ к городу почти невозможным, и неприятелю пришлось бы преодолеть немало препятствий, прежде чем предпринять правильную атаку этого пункта или штурм его, несмотря на то, что линия защиты со стороны реки, сама по себе, очень слаба. Она не имеет изгибов, помогающих укреплениям поддерживать друг друга, и два крайне слабых пункта прилегают с двух противоположных сторон к этому береговому укреплению: с одной стороны Московское предместье, а с другой Императорский сад старой крепости, т. е. то, что на языке фортификации называется мертвым пространством. Вследствие чего, для предупреждения высадки неприятеля, я предложил построить на двух вышеуказанных пунктах береговые батареи; они могли бы быть полезны при защите прохода по реке, если бы неприятель попытался использовать его, что и было, так как сама ширина реки представляет труднопреодолимое препятствие для наведения понтонных мостов. Эта работа требовала много времени и много хлопот и была нелегка для выполнения.

Теперь я перейду к тому, что вызвало сожжение Московского и Петербургского предместий.

Вот общее предположение о том, что привело к этой катастрофе. Довольно продолжительное время все обстояло благополучно и генерал Эссен продолжал делать распоряжения, которые он находил необходимыми. Несмотря на это кажущееся спокойствие, обитатели вышеупомянутых предместий не переставали обращаться к генералу с заявлениями опасения за свое имущество в предместьях и с расспросами. Генерал, искренно желая в тот момент положить конец их беспокойству, приказал однажды *объявить на бирже, что предместья совсем не будут преданы огню и что каждый может спокойно жить в своем доме.*

Уверяют, что объявление об этом распоряжении было вывешено на бирже; впрочем, я не могу ни утверждать, ни

отрицать это, так как, по моему служебному положению, моим занятиям и обязанностям, я следил и наблюдал в ином направлении и старался не осложнять дела. Но так как рижский магистрат должен был быть более осведомлен о всем происходившем, то за получением более полных сведений и следовало обратиться к нему.

К величайшему, однако, удивлению всей Риги, в тот же самый день, как было обнародовано это объявление, после полудня, к генералу Эссену прибыл главный лесничий Курляндии, *Ренне*, чтобы известить его, что неприятель делает попытки перейти реку против Московского предместья, в окрестностях Юнгфернгофа. Генерал Эссен приказал позвать к себе генерала Левиза* и подполковника *Тидемана*, перешедшего с прусской службы на русскую и по квартирмейстерской части и состоявшего адъютантом при генерале *Эссене*.

Они составили совет, на который я, хотя и был комендантом, приглашен не был. Сам я никоим образом не мог бы поверить известию г-на *Ренне*, сделав лично несколько рекогносцировок в разных направлениях вдоль всей реки. С указанной им стороны я никогда не замечал ни малейших признаков враждебных нам приготовлений, о чем, конечно, я и доносил генералу Эссену, и даже в день, предшествовавший ночи сожжения предместий, я сделал утром рекогносцировку со стороны Московского предместья, а ночью проехал по всей цепи наших караулов со стороны Митавы и нигде не заметил ни малейшего движения, заставившего бы меня заподозрить какие-либо намерения неприятеля. С обеих сторон было отдано распоряжение спокойно пропускать патрули, не беспокоя их, не только не стреляя в них; так что я во время разведки не подвергался никакой опасности, и прусские войска, несшие службу на аванпостах, имели вид, точно более склонны стоять за нас, а не против нас. Генерал Эссен, тогда уже нерасположенный ко мне, не допустил меня на это совещание, так как я не разделял его намерения сжечь предместья; мое присутствие на этом совете было ему нежелательно. Всякая попытка со стороны неприятеля повела бы его к слишком чувствительным и значительным потерям, чтобы решиться на такое движение. Канонерские же лодки, постав-

* Ген.-лейт. Фед. Фед. Левиз (1767—1824).

ленные в различных местах, делали его выполнение невозможным. Остров Газен-Хольм (Заячий остров) был укреплен артиллерией и, по своему положению и внушительному виду, господствовал над всей шириной реки во всех направлениях, не давая возможности врагу удержаться на ней. Канонерские лодки затрудняли доступ к острову Газен-Хольм.

По сим соображениям единственное преимущество, которое приобрел бы неприятель с занятием Митавского предместья, заключалось бы в уцелевших от разгрома домах, из которых он мог бы сделать так называемые кессель-батареи и с этой позиции бомбардировать город, сколько угодно, на что наша крепостная артиллерия никоим образом не могла бы отвечать с таким же успехом. Вот каково было положение Риги со стороны Курляндии.

Что касается до другой стороны, от Московского и Петербургского предместий, то Рига могла выдержать довольно продолжительное время правильную осаду и отбить не один штурм, если бы неприятель решился на него. Ширина и глубина рвов представляла крупное препятствие, в особенности когда они с помощью плотины наполнялись водою. Так уже нелегко было преодолеть передовые укрепления; так что, по моему мнению, момент предания предместий огню был положительно неудачно выбран. Пожар должен был состояться лишь тогда, когда неприятель завладел бы предместьями; нам он принес бы пользу, а неприятелю ущерб и вред, так как с ближайших городских укреплений мы могли бы метать бомбы, гранаты и брандскугели, которые осыпали бы врага, завлеченного в узкие пространства улиц предместий. В таком положении он не только не мог бы там удержаться, но рисковал, при хорошей и быстрой вылазке с нашей стороны, быть окончательно разбитым и потерять свою осадную артиллерию, которую он, вероятно, имел при себе. Вот что предложил я, узнав о намерении генерала Эссена уничтожить Петербургское и Московское предместья, и не сомневался в успехе моего плана. Но мое мнение или, вернее, мой совет был целиком отвергнут генералом Эссеном с его обычной горячностью и резкостью, так что я, в качестве коменданта, находясь непосредственно в распоряжении его и обязанный повиноваться ему беспрекословно, более не возвращался к этому предмету.

Вот каков был результат совещания этого триумвирата. Решили отправить подполковника *Тидемана* в Юнгфернгоф, в 7 верстах от Риги, и даже далее, если он найдет это необходимым. С этой целью ему вручили две карточки, с оттиском двух разных печатей — красной и черной; красная обозначала, что известие было ложно, а черная подтверждала его. При этом Тидеману приказано, в случае, если он действительно убедится в делаемых неприятелем приготовлениях, перейти реку, сию же минуту послать обратно карточку с черной печатью, в знак сигнала к немедленному сожжению предместий. (Не должно забывать, что это происходило в тот самый день, когда уверение не предавать предместья пламени было помещено на бирже). Подполковник Тидеман не успел еще проехать и четверти назначенного ему пути, как второй посланец от Ренне (его крестьянин) опять прибыл к генералу Эссену и повторил, что нет больше никакого сомнения в намерении неприятеля переправиться через реку. Генерал *Эссен*, взволнованный при этом известии, окончательно растерялся. Он не дал себе труда здраво рассудить, что если враг предпринял переход через реку, то следует предположить, что он раздобыл лодки для перевозки, спрятать которые так, чтобы наши патрули, наблюдающие за берегом реки, их совершенно не заметили,— было положительно невозможно. Приготовление этих лодок или даже понтонов также не могло бы ускользнуть от наблюдательности наших передовых линий. Кроме того, спуск понтонов на воду требовал известного времени, которого было бы вполне достаточно, чтобы принять соответствующие меры и отдать распоряжение о недопущении переправы через реку. Но об этом никто не подумал, ни генерал Эссен, ни генерал Левиз, и, не дожидая известия, которое должно было прийти от подполковника Тидемана, посланного на разведку, генерал Эссен, на клочке бумаги, ни к кому лично не обращаясь, написал следующие немногие слова: *«с получением сего зажечь форштадты»*. Начальник полиции Крюднер, увидав меня, подошел ко мне, держа в руках эту бумагу, переданную ему без обозначения адреса, и сообщил мне ее содержание. Я сказал, что написанное может относиться только к его особе, потому что я, как комендант, не имею ничего общего с предместьями и служу в крепости. Затем я хотел отправиться к

генералу, чтобы узнать его распоряжения и получить приказы, касающиеся города. Но, к моему величайшему удивлению, когда я пришел к генералу, он уже лег спать, строжайше запретив докладывать ему о чем бы то ни было и не пропускать к нему никого. Я не знаю даже, был ли принят им подполковник Тидеман по возвращении его из поездки на рекогносцировку. Не смея противиться такому приказанию, я тотчас же отправился в магистрат, уведомил членов его о распоряжении, отданном генералом Эссеном сжечь предместья, и просил членов оного собраться и изыскать наиболее верное средство поддержать спокойствие в городе. Чтобы никакой беспорядок не нарушал жизни города, я предложил магистрату, не теряя времени, поставить на ноги городскую милицию, приказать ей собраться в гауптвахтах и поручить ей ночной обход всех улиц города, в особенности же проявить самое внимательное наблюдение за тем, чтобы не появились злоумышленники, которые, желая воспользоваться общим смятением по случаю пожара в предместьях, могли бы зажечь и город и устроить грабеж.

Но благодаря патриотическим чувствам и примерной преданности своему государю жителей славного города Риги, старавшихся всегда исполнять его высочайшую волю и делать все, что может доказать их рвение,— все было выполнено буквально с беспримерной быстротой и порядком. Всю ночь благодаря принятым мерам в городе царило полное спокойствие и ничем покой не был нарушен. Я приказал закрыть все ворота в городе и запретил совершенно вход в него, старательнейшим образом исследуя все улицы, не прячется ли в них злоумышленник, снабженный брандером. Но за все время пожара не случилось ничего неприятного. Городская конная стража была послана, в качестве патрулей, в предместья, чтобы поддерживать там порядок и помогать тем, кто будет призывать их на помощь для спасения своего имущества. Вызвав из города сотню запряженных телег, явившихся тотчас же, я, не теряя времени, отправился на эспланаду, чтобы как можно скорее перевезти значительное количество соломы (не менее 120 скирд сложенных, по приказанию генерала Эссена на откосе), так как я имел полное право опасаться, что эта солома, вследствие близости предместий, может загореться от какой-нибудь занесенной вет-

ром головешки, упавшей на одну из этих скирд. Остальная солома не замедлила бы вспыхнуть и, раздуваемая ветром, перенесла бы огонь в город. Если бы огонь показался в городе, беспорядок и смятение разыгрались бы во всей силе и зло было бы непоправимо. Теперь же, общими деятельными усилиями, вся эта масса соломы, собранная, как я думал, для употребления под раненых и больных, была перенесена в течение каких-нибудь двух часов, вся без остатка, за город. Я оставался здесь до четырех часов утра, до самого приезда генерала Эссена, прибывшего верхом на лошади. Как только генерал появился, он видимо почувствовал себя весьма неловко, слыша довольно откровенные насмешки со стороны обитателей предместий. Вот как кончилась эта несчастная катастрофа, давшая повод всевозможным слухам, в которых гораздо больше преувеличений, чем действительных фактов. Спустя приблизительно недели две генерал Эссен получил через графа *Аракчеева* повеление императора Александра донести о том, справедливо ли, что по слухам, дошедшим до его сведения, во время пожара имели место несчастные случаи, т. е. погибли в огне и сгорели люди. Получив от генерала приказание представить ему рапорт по этому поводу, я ответил, что так как приказание сжечь предместья нисколько меня не касалось и отдано было не мне, а начальнику полиции Крюднеру, то я нахожу положительно невозможным удовлетворить его просьбу, тем более что только начальник полиции Крюднер один знает все, что тогда произошло.

Теперь перехожу ко времени прибытия графа Штейнгеля с его корпусом, насчитывавшим от 18 000 до 20 000 человек.

К тому времени, когда граф Штейнгель прибыл в Ригу, была произведена большая вылазка, и неприятель, при появлении такой массы войск, окончательно отступил и покинул Митаву. Генерал *Эссен* занял ее и после бесполезных разглагольствований и упреков *графу Медему** за управление Курляндией в то время, когда страна была занята неприятелем, вместо того чтобы выразить ему свое удовлетворение за то, что он взял на себя такую неприятную обязанность един-

* Граф Карл Медем, курляндский дворянин, в 1812 г. назначенный французским правительством председателем областного правления в Митаве во время занятия Курляндии неприятелем.

ственно только с целью облегчить населению тяжесть военной контрибуции, генерал Эссен публично выразил ему, с обычной горячностью, свое недовольство и грозил даже отдать его под суд. К счастью, эта сцена длилась недолго, а господа генералы, граф Штейнгель и Эссен, вместо того чтобы остановиться в Митаве и составлять новую диспозицию, должны были бы послать сильный отряд в Руэнталь, лежавший невдалеке, где находилась вся осадная артиллерия французов и другие орудия под весьма слабой охраной,— схватить их, и если нельзя будет увезти, то уничтожить все до последнего, заклепав пушки и сломав все лафеты. Вследствие этого такое наше движение не только не было бы бесполезно, но, наоборот, оно доставило бы нашей позиции перевес, а неприятелю нанесло бы чувствительный урон. Но ничего этого не было сделано. Кого надо было в том винить? Этого я не могу выяснить, так как все наше движение, предпринятое с широкими намерениями, не имело никаких последствий.

Спустя несколько времени подполковник Тидеман, намереваясь произвести рекогносцировку, должен был проезжать около церкви Дален*, но едва он сделал несколько шагов к прусскому пикету, как был узнан одним из часовых, который, крикнув ему «Ты изменник отечеству, вот твоя награда», прицелился в него и убил на месте. Его отвезли в Ригу.

Вот приблизительно все разъяснения, которые я могу дать, поскольку память моя, по прошествии 24 лет, их сохранила. Более точных указаний следует искать в Риге, где в канцелярии военного губернатора и в магистрате, вероятно, найдутся журналы с описанием вышеупомянутых событий и дел.

Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына

Князь Александр Борисович Голицын родился в 1792 г. Начав в ранней молодости службу по гражданской части (в Главном архиве Коллегии иностранных дел), он, подчиняясь духу того времени, перешел на службу военную, в лейб-гвар-

* Dalen-Kirchen, близ местечка того же имени, по дороге из Риги в Фридрихштат. Бой 10 августа 1812 г.: между войсками Левиза и пруссаками под начальством полковника Горна. *К. В.*

дии конный полк, и 6 июля 1808 г., 16 лет от роду, уже был произведен в корнеты. В расцвете сил участвовал он в кампаниях 1812, 1813 и 1814 гг. и был свидетелем многих славных дел Отечественной войны. В незабвенный день Бородина князь А. Б. Голицын состоял ординарцем при князе Кутузове и оставался на этом посту до конца 1812 г. Ревностная служба его по исполнению поручений главнокомандующего была награждена пожалованием ему ордена Св. Анны 2-й степени и Владимира 4-й степени с бантом. Отличился князь А. Б. и по переходе наших войск через границу, в дни расплаты русских с Наполеоном за дерзкое вторжение и сожженную Москву. За Кульмское сражение пожалованы ему алмазные знаки на орден Св. Анны 2-й степени, а за сражение под Фершампенуазом — золотая шпага с надписью «за храбрость».

В 1814 г. князь А. Б. был прикомандирован в распоряжение Великого князя Константина Павловича, адъютантом Его Высочества. В 1816 г. за отличие произведен в ротмистры, а 4 октября 1819 г. в полковники. В 1820 г. князь А. Б. вышел в отставку по прошению, с мундиром.

В конце 1830-х годов князь А. Б. был назначен саратовским губернатором, а затем избран владимирским дворянством в губернские предводители.

Близость князя А. Б. к главнокомандующему дала ему возможность сделать множество наблюдений, касающихся деятельности и жизни в главной квартире Кутузова, что придает его запискам особый интерес. Они служат превосходным дополнением к запискам других лиц о Березинской переправе, помещенным в предыдуших воспоминаниях, так как князь А. Б. точно передает мнение князя Кутузова об ошибках адмирала Чичагова и других полководцев.

Известно всем, сколько явление Кутузова в армию ободрило всех. Он прибыл в Царево Займище и в этот же день уже распоряжался всем так, как будто бы все от него проистекало с начала кампании. Ничто для него не было ново. Он все предугадывал и был главнокомандующим в полном смысле этого слова. Когда в первый раз обозревал Кутузов позицию под Бородиным — это было после обеда,— исполинский орел парил над ним. Куда он, туда и орел, Анштет

первый заметил это, и толкам не было конца. (Орел этот предвещал все хорошее.)

После выбора позиции рассуждаемо было, в случае отступления куда идти.

Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны в том предположении, что и Наполеон оставит Московскую дорогу и не пойдет более на Москву, а следить будет за армиею через Верею; но Кутузов отвечал: «Пусть идет на Москву». Во время сражения и после оного Кутузов часто повторял, что со смертью Кутайсова армия много потеряла. Хотя граф Кутайсов был во всем отличный человек и, конечно, на поприще военном отличный генерал, но слова Кутузова не относились к лицу его: ибо он его мало знал еще, а к тому, что на этот день не имел он при себе начальника артиллерии.

Неизвестность распоряжений, сделанных Кутайсовым, произвела то, что на всех пунктах у нас стояло менее орудий, нежели у французов, и часто против неприятельских батарейных орудий действовали с нашей стороны полевые орудия. Здесь упоминается о сем, ибо Кутузов неоднократно приписывал этому событию неполный успех, как бы ему быть должно, по его соображению.

Когда генерал Уваров, имевший столь важное назначение сделать диверсию на левый фланг французской армии, возвратился и стал опять в линию без всякого на то приказания, то Кутузов, выслушав от него рапорт, сказал ему: «Я все знаю — Бог тебя простит». *Кутузов никогда не полагал дать сражение на другой день, но говорил это из одной политики.* Ночью я объезжал с Толем позицию, на которой усталые воины наши спали мертвым сном, и он донес, что невозможно думать идти вперед, еще менее защищать с 45 000 те места, которые заняты были 96 000, особенно когда у Наполеона целый гвардейский корпус не участвовал в сражении. Кутузов все это знал, но ждал этого донесения и, выслушав его, приказал немедленно отступать, поручив арьергард Платову. Он так быстро отходил, что в 2 $^1/_2$ часа навел почти всю армию французскую на позицию к Можайску, где предположено было защищаться и не уступать ее французам до другого дня — но дело обошлось без сего. Кутузов,

посылая в арьергард, приказывал всякому смотреть, в каком положении армия французская, и доносить ему со всею подробностью, кто что видел, но когда он узнал, что неприятельские кавалерийские колонны составлены из сборных войск, т. е. что в том же фронте улан стоит подле гусара, гусар подле кирасира, кирасир подле конно-егеря и т. д., то он говорил: «Каково их потрясли?»

Et voilà la preuve. Leur cavalerie est tellement désorganisée que pour former des petites masses d'escadrons on a du faire un mélange de toutes les armes*.

Без особых происшествий отступление было до Москвы. Платова сменил Раевский, который командовал арьергардом один только день; на место его назначен был Милорадович, который уже, как передовой страж армии, нес звание сие до открытия кампании в 1813 г.

Кутузов, всегда довольный им, звал его «ma maîtresse».

Первое свидание графа Ростопчина было в 25 верстах от Москвы, в деревне Малсоновой; после разных обоюдных комплиментов говорено о защите Москвы и решено драться под стенами ее; резерв должен был состоять из дружины московских жителей с крестами и хоругвями. Ростопчин уехал с восхищением и в восторге своем, как ни был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл. Теперь ясно, что Кутузову нельзя было обнаружить прежде времени, под стенами Москвы, что ее оставят, хотя он намекал в разговоре Ростопчину: Au reste, la perte de Smolensk entraine celle de Moscou**.

Наступила роковая минута: совет в Филях. Известно, чем он окончился. Но когда Толь подал мысль стать на Воробьевых горах параллельно дороге Калужской, чтобы избегнуть отступления городом, предполагая в том более трудностей, нежели их быть могло, Кутузов, опровергая его, сказал достопамятные слова: «Vous craignez la retraite par Moscou et moi je la considére comme une Providence car cela sauve l'armée. Napoléon est comme un torrent que nous ne pouvons pas encore arrêter. Moscou sera l'éponge qui le re-

* И вот вам доказательство. Их кавалерия настолько расстроена, что для формирования нескольких эскадронов пришлось составить смесь из разных кавалерийских полков.

** Потеря Смоленска повлечет за собой потерю Москвы.

cevra»*. (Эту губку трудно будет ему выжать.) После Совета был призван военный полицмейстер армии, Шульгин, и дано ему повеление всех гнать на Рязань. Другое еще лицо было вытребовано: генерал-интендант Ланской (В. С.). «Распорядись продовольствием»,— были слова Кутузова.— «Но куда мы пойдем?» «На Рязань трудно, ибо все запасы наши — по другому направлению, около Калуги, которая по всему есть центральный пункт». «А разве тут на Рязань ничего нет»? — «Быть — будет, если прикажете, но жалко и опасно, как бы что не пропало и долго до нас не дойдет».— «Подумаю, ты приди ко мне завтра, когда мы придем на место».— *К этому краткому разговору и к мысли, изъявленной еще на Бородинской позиции, нужно отнести весь концепт флангового марша на Подольск и дальнейшие действия.*

Это одно поставляет Кутузова наряду первейших полководцев: ибо соображения и исполнение оных превосходны. Армия потянулась по Москве, Кутузов, въехав в город, обратясь к свите своей, сказал: «Кто из вас знает Москву»? — Я,— один явился.— «Проводи меня так, чтоб сколько можно, ни с кем не встретились».— Он ехал верхом от Арбатских ворот вдоль по бульварам до Яузского моста. Итак, во все время его проезда до моста никто его не видал и он ни от кого не получил ни одного донесения.

Приехавши к Яузскому мосту, суматоха была невероятна. Мы застали тут графа Ростопчина, который в мундирном сюртуке, в эполетах, с нагайкой в руках, прогонял всех и старался очистить мост: ибо и жители, и часть армии, все должно было переходить этим дефилеем. Свидание было сухое. Ростопчин начинал говорить, но Кутузов не отвечал, а приказывал скорее очищать мост для прохода войск. От Яузского моста до Коломенской заставы движение народа, смешанного с войском, произвело некоторые беспорядки: ломали кабаки и лавки. Народ русский пьет и от горя, и от радости одинаково.Но все было тут же приведено в порядок и город очищался понемногу. Народ и армия походили на мор-

---

* Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на Провидение, ибо оно спасает армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва — это губка, которая всосет его в себя.

скую волну, ибо все теснилось за нами. Въехав за заставу, некоторые корпуса уже были расположены на привале по обеим сторонам большой дороги, около старообрядческого кладбища. На самой же большой дороге избрал себе место Кутузов. Сел на скамейку в ожидании донесения от Милорадовича. Прискакивает от него адъютант с известием, что он должен будет драться в городе, если сделанные им предложения Мюрату не будут приняты; в случае таком он просил подкрепления. Это встревожило старика, но в продолжение не более $^1/_4$ часа прислан полковник Потемкин (Яков Алексеевич) с донесением о выговоренных условиях. Тут же Кутузов велел армии продолжать ретироваться, и в этот день она дошла до Панков.

Длинный переход от Кулакова до Подольска продолжался в течение целого дня. Будучи отправлен к Милорадовичу, я догнал главную квартиру на привале, под вечер, уже в деревне Ломе. Первый раз зарево Москвы было нам так видно; Кутузов сидел и пил чай, окруженный мужиками, с которыми говорил. Он давал им наставления, и когда с ужасом говорили они о пылающей Москве, то, ударив себя по шапке, сказал: «Жалко, это правда, но подождите, я ему голову проломаю». Кутузов на другой день старался собрать усталых и, не дожидаясь более одних суток, перешел в Красную Пахру, на среднюю Калужскую дорогу, где начинается целый ряд достопамятнейших событий кампании сей. В Пахре главная квартира была несколько дней; тут расстался с армией Барклай де Толли, на место которого назначен был Тормасов.

Всякий день, просыпаясь, Кутузов спрашивал: «А что? неприятель где? не видать еще его?» На третий день, после свидания с корпусными командирами, он был весьма весел, ибо они донесли, что собраны все усталые, что все в полках в порядке. Ему подана за обедом прекрасная уха из стерлядей.— «Откуда рыба эта?» — спросил он. «Калужские купцы прислали — был ответ,— и обещались доставлять каждый день».— «Ну, спасибо им. Видно, что мы теперь дома, у себя».

Кутузов часто обвинялся за то, что он избегал дать сражение для разбития авангарда французской армии в такое время, когда это было плодом самых глубоких размышлений и соображений его. Когда армия ретировалась от Красной Пахры по старой Калужской дороге, то существовала еще во всех дви-

жениях обеих армий большая неопределенность. Наполеоново движение ничего решительно не обнаруживало; русская же армия, имея целью защищать южные провинции и получать продовольствие и подкрепления свои, также держала Кутузова в неведении о будущих действиях ее; все соображения сей небывалой кампании развивались с каждым днем. Достигнута была одна цель: настоящая безошибочная центральная операционная линия, которая преимуществом своим ободряла всех и давала Кутузову вернейшие надежды в будущих успехах. В таком положении сие заставило решиться последовать совету Беннигсена, чтобы атаковать авангард французской армии, как вдруг донес Толю подполковник Гартинг, что под Тарутиным есть позиция, на которой можно будет дать сражение и твердо ожидать неприятеля.

Простое извещение сие заставило Кутузова велеть продолжать ретироваться, чем огорчил чрезвычайно Беннигсена. Понимать надобно (из слов Беннигсена), что он некоторым образом вынудил Кутузова дать ему слово на наступательное действие. Выиграть время и усыпить, елико можно долее, Наполеона, не тревожа его из Москвы,— вот чего добивался Кутузов. Все, что содействовало к цели сей, было им предпочитаемо пустой славе иметь некоторый верх над авангардом.

В день осмотра позиции, которая вполне удовлетворяла плану кампании Кутузова, старик был очень весел и в первый раз расчел важность предстоящей зимней кампании: он позвал Толя и Коновницына и тут же отдал приказ, чтобы губернаторам велеть снабдить полушубками всю армию.

Он сидел на скамейке, пил чай и диктовал подробности сего распоряжения и много говорил о будущей зимней кампании, каким образом надобно беречь людей. Вдруг приезжает Беннигсен с левого фланга сей позиции и начал доказывать невозможность принять на этом месте сражение, возражая, впрочем, очень справедливо, как левый фланг слаб; что все сражение, если оно будет, сосредоточится перед ним и что французская армия легко проберется на Малоярославец и будет иметь свободную операционную линию к отступлению, куда пожелает. Разговор продолжался долго, сперва рассуждали хладнокровно, потом Кутузов, разгорячившись и не имея что возразить на представление Беннигсена, сказал

ему: Votre position de Friedland était bonne pour vous; eh bien, pour moi je me contente de celle-ci et nous y resterons, parceque c'est moi qui commande et qui répond de tout»*.

Опыт оправдал торжественно Кутузова, но в Плоцке мне случилось слышать его рассуждение, почему он решился остановиться на Тарутинской позиции. У него были в комнате Паулуччи, Толь и я:

«Outre le calcul du temps que je devais chercher a gagner de quelque manière qu'il ne fut, je ne devais pas songer a dépasser Kalouga: où cela nous aurait-il mené? Puis il y aurait eu toujours du temps si l'ennemi aurait marché sur nous. J'avais besoin de rester sur place pour réorganiser l'armée et pour ne pas trop inquieter Napoléon. Cette position en vallait bien une autre»**.

«D'ailleurs j'étais presque sûr qu'il ne voudrait pas se casser le nez contre elle, car il etoit plus intéressé a maneuvrer qu'a livrer bataille. Personne n'a pû prévoir qu'il s'entêterait a rester si longtemps à Moscou et qu'il choisirait pour se retirer la grande route de Smolensk. Tous les jours, que nous sommes restés sur cette possition étaient des jours d'or pour moi et pour l'armée, et nous en avons profité»***.

Размолвка на Тарутинской позиции с Беннигсеном была причиною той непримиримой вражды между ними, которая не прекратилась до конца дней Кутузова.

В числе обвинений, взводимых на Кутузова, еще есть нерешительность его преследовать короля Неаполитанского при разбитии его авангарда под Чернишнею. Кутузов был расстроен от того, что не удалось ему привести в исполнение

* Вам нравилась ваша позиция под Фридландом, а я доволен этой, и мы на ней останемся, потому что я здесь командую и отвечаю за все.

** Помимо расчета во времени, которое я должен был так или иначе выиграть, мне нельзя было и думать миновать Калугу. Куда это привело бы нас? Затем у нас всегда было бы время, в случае если бы неприятель нас атаковал. Мне необходимо было оставаться на месте, чтобы укомплектовать армию и не беспокоить особенно Наполеона. Эта позиция во всяком случае была не хуже всякой другой.

*** При том же я был почти уверен, что он не захочет наткнуться на эту позицию, ибо в его расчетах было маневрировать, а не давать сражения. Никто не мог предвидеть, что он из упрямства так долго пробудет в Москве и что для отступления он изберет большую Смоленскую дорогу. Каждый день, проведенный нами на этой позиции, был драгоценен для меня и для армии, и мы этим воспользовались.

намерения своего накануне сего дня. Атака была назначена одним днем прежде. В диспозиции назначено было Дорохову выйти на дорогу у Спас-Купли и, соединясь с отрядом Орлова-Денисова, действовать неприятелю в тыл. Перемена дня для атаки не дозволила Дорохову участвовать в деле, и это обстоятельство сердило старика.

Предположенную атаку сохраняли в такой тайне, что даже никто из корпусных командиров не был о том предварен.— Когда Кутузов сел в дрожки в сопровождении всей свиты своей, никто не знал, куда он поедет и зачем. Распоряжение послано было к генералу Ермолову, который был в то время начальником Главного штаба 1-й армии и квартировал вблизи Леташевки. Ермолова не было дома, а правивший делами у него полковник Эйхен не решился распечатать конверта. Ермолов был на обеде у генерала Шепелева, который с 1-й бригадой гвардейских кирасир стоял на правом фланге позиции в с. Спасском. Возвратившись домой, немедленно было им сделано распоряжение, и не токмо время не было упущено, но атака еще лучше могла бы удасться: ибо никаких приготовлений для нее не делали и делать не следовало.

Все было на мази. Но как часто случается, от бездельных причин бывают важнейшие последствия. Кутузов отправился в Тарутино перед вечером, чтобы ночевать там и самому распоряжаться всеми войсками. Подъезжая к лагерю, его встретили солдатские песни, музыка и совершенное спокойствие. Узнав причину, что о походе для занятия мест перед атакою не было еще приказания — он был в таком исступлении, в котором еще его никогда не видали. Все оборвалось на бедном Эйхене, который безвинно сделался виновником; он его разругал, велел выгнать из армии, и атака была отменена. В то же самое время корпусные командиры явились к нему с докладом, что, получив в ту же минуту приказание, они готовы выступить немедленно, и объявили, что так как распоряжение предшествовало несколькими часами назначению, то выступлению армии никакой остановки или перемены в распоряжениях быть не может, и умоляли его дозволить им идти. Но сколько убеждения таковые ни казались основательными, однако же ничто не могло заставить Кутузова переменить данного приказания отложить поход до дру-

гого дня, и тут же отправил он повеление Дорохову не действовать, дабы не возбудить внимания неприятеля.

Такому упорству Кутузова можно предположить одну только причину. Он боялся возбудить деятельность Наполеона и придерживался своей мысли выиграть время, чтобы не тревожить его из Москвы. Решившись дать сражение сие, он как бы проявил согласие свое вопреки внутреннему убеждению своему: что время поражать Наполеона не стало еще. Этим взрывом на Эйхене он выиграл целые сутки и этим случаем прикрыл невнимание свое к справедливым настояниям корпусных командиров.

В день сражения неудача всеми обходными корпусами прибыть вовремя на те пункты, где предполагалось каждому, раздражила Кутузова до чрезвычайности. Началась атака, неприятель побежал; все его преследуют, и при Кутузове не осталось никого, кроме его адъютантов. Вдруг приезжает урядник Жирова казачьего полка, находящегося в партизанском отряде у князя Кудашева под Подольском. Он привез перехваченное предписание Бертье к г. д'Аржану, чтобы не медля все тяжести шли к Можайску. Вот обстоятельство, которое укрепило Кутузова в истине, что Наполеон решительно ретироваться будет, но куда и в какое время, было ему еще неизвестно. Опасение, не обходит ли он нас по дороге к Калуге,— вот что занимало старика,— и в этом тайном совещании собственно с собою (ибо ни одного лица из генералов его штаба не было тут) он решился не преследовать. Упорство его было непонятно, негодование всех чрезвычайно. Кутузов молчал. И здесь оправдалась его предусмотрительность. Вскоре потом Беннигсен, Милорадович, Толь, Коновницын, Ермолов, все явились с одною просьбою, чтобы дозволил преследовать. Вот его слова: «Коль скоро не умели мы его вчера живым схватить и сегодня прийти вовремя на те места, где было назначено, преследование сие пользы не принесет и потому не нужно,— что нас отдалит от позиции и от операционной линии нашей». Тут же на месте сам приказал движение всем корпусам, а Дохтурову велел идти к Боровску, но не прежде, как сваривши кашу солдатам. Дохтуров вышел поздно и дошел только на 4-й день до Аристова, откуда поворотил на Малоярославец, узнавши о занятии Боровска корпусом вице-короля. Сеславин первый подтвердил, что

неприятель тянется по дороге на Боровск; он следил корпус вице-короля, вскарабкался на дерево и видел, как он проходил мимо него. После того, схватив несколько мародеров итальянской гвардии и узнав от них движение армии, поспешил о том дать знать. Вслед за этим пришли донесения от Дорохова и Дохтурова, подтверждающие одно и то же, а от Милорадовича, что неприятеля перед ним нет.

Надобно одному только удивляться, что Кутузов, имея в самый день сражения в руках своих глухое предписание сосредоточить тяжести к Можайску и вследствие сего остановивши преследование неприятеля, не принял никаких мер к занятию Малоярославца и не приготовил армии к походу. Казалось бы, что корпус короля Неаполитанского можно было продолжать поражать во весь день — он много бы потерял еще, а на другой день велеть войску воротиться на старую позицию.— После сражения под Малоярославцем взята позиция в 4 верстах. Позиция сия выбрана была ночью подполковником Гартингом, когда генерал Бороздин приезжал с испуганным лицом на бивак, где ночевал Кутузов, разбудил Коновницына и донес, что французы опять заняли город*. Таким образом, они как бы находились на одной линии с нашей позицией и для того положено было до рассвета оставить ее. В случае атаки со стороны французов дано было повеление отступать с арьергардом на армию и занять свои места. Диспозиция же была идти 3 колоннами навстречу ему, начать сражение где бы ни встретился неприятель: Кутузов хотел целою армиею опрокинуть головы колонн французской армии, когда они выходить будут из Малоярославца, разбив их, вступить в город и тогда уже держаться в этой позиции. Но когда граф Милорадович дал знать, что неприятель покоен, и летучие отряды донесли о направлениях его к Верее, Кутузов решился отступить в Гончарово.

---

* Бутурлин несправедливо пишет, что город не был очищен перед вечером. Кутузов понимал важность иметь его в руках наших и, решившись оставаться на биваках на ружейный выстрел от города, обратился с просьбою к Коновницыну, чтобы он сам ехал в город и занял бы его вновь так, чтоб более к неприятелю не переходил. Коновницын исполнил сие с 3-ю дивизиею и, возвратившись поздно, донес о том Кутузову. В город введен был 8-й корпус. *Примеч. автора.*

Переход этот, дознанный всеми ненужным и заставивший нас потерять трое суток, был после единственным обвинением, которое возводимо было на него. Суждение о событии сем и после времени не оправдало Кутузова в глазах императора Александра, даже когда он пожал лавры победы и изгнал французов из России, несмотря на совершенное уничтожение армии. Первая встреча их, когда они увиделись в Вильно была, что государь с негодованием потребовал от старика отчета в так называемом им бездействии армии. Оправдание Кутузова коротко, ясно и удовлетворительно.

Образ войны был новый, еще не вполне решенный им самим. Неизвестность, какое направление возьмет Наполеон, хотя положительно знали, что он ретируется; но никогда Кутузов не полагал, что он изберет путь к отступлению изнуренным трактом на Смоленск. Он его выжидал на Юхнов и тогда мог его одинаково поразить. Таким образом, неопределенность того направления, какое возьмет французская армия и по которому пойдет наша, невозможность оставаться на позиции, которую выбрали ночью в той крайности, в которой находились,— были поводом, что в этом промежутке была некоторая неопределенность. Обстоятельство, решившее еще отступить на несколько верст, из чего тогда не предвидели неудачи (которая обнаружилась впоследствии в отношении к стратегии), было, что от быстрого перехода к старой Калужской дороге на новую не было ни продовольствия, ни запасных снарядов, ибо все шло обходом на эту дорогу; этот недостаток заставил нас идти к Вязьме немедленно. Подойдя к ней, Кутузов остановился для поджидания воловьих фур с провиантом. Это его столько заботило, что в нетерпении своем он посылал каждый час ординарцев на встречу подвод и сам рассчитывал часы прихода их к армии.

Одна эта заботливость его достаточно доказывает, сколько он сам старался не потерять нигде времени. Теперь судить неудачи легко после событий, а в то время, когда надобно было действовать безошибочно и осторожно, едва ли всякий другой на месте Кутузова не сотворил бы ту же самую ошибку.

Во время Малоярославского сражения князь Кудашев, шедший по пятам за французской армией, атаковал в тылу неприятельский конвой, с эскадроном вновь сформированно-

го Татарского уланского полка, под командою ротмистра Гельмерсена. Атака была уже под вечер, а потому и разглядеть было невозможно; но после узнали, что это был конвой самого Наполеона, который едва не был схвачен. Итальянская гвардейская кавалерия опрокинула татарский эскадрон — и таким образом спасся Наполеон.

Известие о переправе Наполеона через Березину достигло до главной квартиры на последнем переходе к Березине, утром, в 6 часов. Его привез адъютант Великого князя Константина Павловича Палицын, который был в летучем отряде графа Ожаровского. Вскоре после приехал М. Орлов. Досада Кутузова была чрезвычайна, но, не зная еще подробностей, он давал только приказания, как преследовать неприятеля до Немана, определяя направление всякому корпусу. Но когда впоследствии обнаружились действия всех главных начальников наших, он менее всех винил Чичагова: против него было то, что он потерял время добраться до Борисова, когда шел от Бреста на Минск. По всем расчислениям Кутузова, Чичагов мог быть на месте 5 днями ранее, и этого времени было бы достаточно, чтобы обозреть все пункты, на которых могла совершиться переправа французской армии, сделать некоторые укрепления и рекогносцировать дорогу от Борисова на Бобр и далее.

Чичагову не должно бы переходить за Березину, а оставаясь в тет-де-поне и укрепив позицию сию, ожидать неприятеля. За реку же следовало ему пустить перейти по всем направлениям летучим отрядам. Такими действиями мог бы он знать с определенностью, где находится неприятель; следовать за его движениями и тогда не потерял бы авангарда и всех экипажей своих. Партиям, от него посланным, надобно было сделать связь с главной армией и с Витгенштейном. Одним словом, летучие отряды Чичагова должны бы были извещать его о малейшем направлении французской армии. Вообще непонятно, а потому и непростительно, как мало знали русские генералы о направлениях неприятельской армии в собственной земле своей. Этой причине надобно приписать большую часть неудач в преследовании французов.

Кутузов оправдывал Чичагова, что он стерег переход через Березину в направлениях к Игумену: ибо прямая опера-

ционная линия Наполеона была к Варшаве, на корпус князя Шварценберга. К тому же все направления, даваемые ему из главной квартиры, имели целью возбудить внимание его более на этот пункт. Но для приведения в исполнение сего предположения, как и того, чтобы быть стражем всей Березинской линии, нужно ему было оставаться на центральном Березинском пункте и быть только извещенным вовремя о действиях французской армии лучше, нежели он был. Тогда Чичагов мог поспеть везде, где бы Наполеон ни решился совершить переправу свою. Кутузов не одобрял Чичагова за то, что после взятия Борисовского укрепления вздумал расположиться сам в Борисове и в медленном потом движении от Борисова через Стахово, что не дозволило ему воспользоваться невыгодностью положения неприятеля и дать сражение в загибе рукава, составленном заворотом Березины.

Он, впрочем, говорил с насмешкою, что простить даже можно Чичагову по той причине, что моряку нельзя уметь ходить на суше и что он не виноват, если государю было угодно подчинить такие важные действия в тылу неприятеля человеку, хотя и умному, не ведающему военного искусства и который, испытав на себе первую неудачу, не имел достаточно сведений, чтобы быть главным распорядителем в таком деле, где искусство, опытность и знание стратегии заменить должны бы были недостаток войск. Кутузов жалел, что не отрядил Толя к нему после сражения под Красным, чтобы придать Чичагову помощника в важном предназначении своем. Чаплица же называл он «коровою и дураком» и не оправдывал его ни в чем. Главное обвинение состояло в том, что сначала не дошел до Студянки, не разглядел, что делают французы, не донес о настоящих приготовлениях Наполеона к переправе и, когда она уже совершилась головами колонн его, почему сам не предпринял направления своего на Зембин, уничтожая за собою мосты, которые, как дефилей, простирались до 2 верст. Чаплицу следовало держаться донельзя; в случае беды ретироваться на Докшицы и присоединиться к Витгенштейну, оставив на тракте к Борисову один летучий отряд, который бы дал знать Чичагову о его положении. Но Кутузов обвинял во всем Витгенштейна, который из самолюбия и нежелания подчиниться Чичагову изобрел множество предлогов не исполнить высочайшего назначения пе-

рейти за Березину*. Левый фланг его должен бы был занять и укрепиться в Лепеле, а ему самому следовало избрать среднюю линию, перед Докшицею, и иметь сильный отряд по Зембинской дороге. Таким образом, соединение с Чичаговым было бы совершено и все пункты, возможные для переправы Наполеона, были бы обеспечены, и армию его можно было остановить на несколько дней; куда бы он ни сунулся, везде действовать было возможно с соединенными силами.

За рекою достаточно было оставить корпус от 10 000 до 12 000 с приказанием следить армию французскую и, избегая сражения, действовать только при переправе. Сражение же при Студянке делает мало чести графу Витгенштейну. Имея перед собою один корпус Виктора, расстроенное войско и переправу трудную, ему следовало в этот день действовать решительнее.

Кутузов говорил, что отдельные действия Витгенштейна оправдать нельзя, а могут они только прощаться ради тогдашней славы его, ради изгнания неприятельской армии из России и совершенного поражения ее на других пунктах; что Бог довершит то, чего не умели сделать отдельные русские генералы. Кутузов после сражения под Красным рассчитал, сколько маршей Наполеон имеет впереди и, не полагая более настичь его вовремя до Березины, решился не изнурять войско свое усиленными маршами. К тому же он избегал дать сражение с главною армиею, ибо она ежедневно сокращалась от переходов. Он почитал необходимым дойти с нею на Неман так, чтобы головы колонн его были целы. Зная, что в короткое время хвосты полков подойдут, он говорил: «Je veux que l’existence de notre grande armée soit une réalité pour l’Europe et non un prestige ou une ombre; quoiqu’elle se fonde en marchant, mais un mois de repos avec de bons quartiers la referont. Il n’y a que cela qui mettra du poids dans la balance et décidera l’Allemagne en notre faveur»**.

* Г-н Бутурлин довольно искусно оправдывал графа Витгенштейна, потому, вероятно, что он еще в живых и фельдмаршал российский. *Примеч. автора.*

** Я желаю, чтобы существование большой нашей армии стало для Европы действительностью, а не химерою: хотя она и уменьшается во время похода, но месяц отдыха и хорошие квартиры снова ее поставят на ноги. Только это решит вопрос и привлечет Германию на нашу сторону.

О свидании Кутузова в Вильно с Чичаговым есть записки в Москве у одного знакомого, который, для любопытства, писал все, что слышал. Первое свидание было так.

Чичагов ожидал Кутузова во дворце. Он был в морском вицмундире, с кортиком, фуражка под мышкою, руки в штанах. Он приветствовал главнокомандующего, отдав ему строевую записку и у адъютанта из рук взяв ключи города. Тут Кутузов не нашел другого ему сказать, как то, что взятые у него в Борисове экипажи с посудою его и проч. отобраны и что велено их ему доставить. На это Чичагов с хитрой улыбкою отвечал: «Est-ce pour un dir que je n'ai pas de quoi manger — je puis au contraire vous offrir et vous fournir de tout, dans le cas même où vous voudrez donner des diners»*.

Записки неизвестного о сдаче Москвы

Всякое происшествие лишается от времени политической важности, которую оно имело в продолжение своего существования: тогда оно входит в состав истории, начинают его исследовать и подвергают суждению, а сие бывает тем справедливее, когда оно основано на описаниях самовидцев. В сем положении находится Отечественная война: освободив Европу, она принадлежит ныне к истории почти во всех своих отношениях. Поэтому ничто не должно препятствовать обнаруживать того, что в нашем присутствии случалось, тем более что многие из генералов, принимавших в сей войне участие, прекратили уже жизнь. Обратим внимание на 2 сентября 1812 г.— самый горестный день похода.

От границы избегали генерального дела сперва по причине, что армии не соединились, а после по недостатку выгодного места, на котором с меньшим числом, но можно бы было противиться неприятелям, превосходным в силах. Смоленск, Дорогобуж, Вязьма, Гжатск оставлены под сим предлогом: Бородино избрано для окончательного сражения. В течение восемнадцати часов усилия почти всех держав Европы и искуснейших полководцев нашего времени были тщетны; они были отбиты, и мы полагали, что 27 августа,

---

* Если это намек на то, что мне есть нечего — то я, наоборот, могу сам угостить вас и даже предоставить все необходимое на случай, если бы вы даже пожелали давать обеды.

возобновив дело, решит нашу участь. В ночь приказания готовиться на другое утро к сражению были разосланы, но вскоре велено отступить. Неприятель едва сему поверил; с рассветом он не появлялся на поле битвы и показался в самом малом числе поутру около 10 часов, чтобы удостовериться, действительно ли мы удалились и позволено ли им будет подвинуться вперед. Наши войска заглянули с сокрушенным сердцем на поле, на котором чаяли искупить отечество, и впервые в них поселилась мысль, что, может быть, до самой Москвы не дадут неприятелю отпору.

Мы шли пять дней сряду по большой Московской дороге; нас оставалось немного более 50 000: на сей-то горсти людей опочила безопасность империи. Сверх того, потеря в начальниках была приметна. Более тысячи офицеров пали с оружием в руках; иными полками командовали поручики; полковники — бригадами и дивизиями. Неприятель сильно наступал; близость Москвы удваивала их стремление, для нас пагубное, потому что не позволяло нам устроиться. Опытный начальник арьергарда мог один, удерживая неприятеля далеко от армии, подать нам к сему средство; а посему арьергард, два дня после Бородинского сражения, поручили Милорадовичу. Он на каждом шагу останавливал короля Неаполитанского и 29 августа принудил его даже отступить после кровопролитного дела, продолжавшегося во весь день. Он вообще столь искусно действовал, что однажды находился от главной квартиры в сорока верстах. Наконец мы приблизились к Москве. Неизъяснимые чувства волновали души, потому что сердца русских не могли постигнуть, чтобы враги могли быть вблизи матери городов наших. 1 сентября рано поутру светлейший князь прибыл на Поклонную гору, откуда столица представилась со всеми своими прелестными окрестностями и бесчисленными колокольнями. Он сел, по своему обыкновению, на небольшую скамью; пехота, конница, артиллерия и ополчения медленно и в безмолвии тянулись по дороге, покрывали поля и выходили из лесов. Почетнейшие из генералов окружили главнокомандующего. Это была торжественная минута. Мы увидели здесь графа Ростопчина, который в первый раз приехал в армию. Многие из офицеров отыскивали позиции для сражения, потому что были еще в уверениях в скором времени встретиться с неприятелем, и на некоторых возвышениях вдоль Поклонной горы

начали рыть укрепления*. Но по обозрении местного положения оказалось, что оно пересекаемо глубокими и крутыми рвами, которые во время дела воспрепятствовали бы переводить войска с одного места на другое, подкреплять резервами ослабевшие отряды и употреблять конницу. Позиция простиралась на четыре версты; пространство сие было слишком велико для армии, обессиленной Бородинским днем; позади оной находилась столица и Москва-река, имеющая крутые берега. Таким образом, в случае неудачи армия была бы уничтожена и в невыгодном месте своего расположения, и во время переправы через Москву-реку, и при отступлении по пространнейшему городу в Европе. Однако же мысль пережить отдачу Москвы еще более была ужасна, хотя с отступлением от оной предвиделись великие выгоды, потому что приспевало время, в которое ежедневно должны были присоединиться к нам свежие войска. От разных соображений, колебавших генералов, начертывалась нерешимость на лицах их; они постигали важность последствий, которые должны были произойти от всякого предприятия, на каковое бы они ни покусились. Иногда столетия не переменяют порядка существующих вещей, а в другое время час решает участь отечества.

В сем положении светлейший князь пригласил первенствующих генералов, из коих некоторые находились еще при войсках, ими предводимых, на совещание в главную его квартиру, в деревню Фили, в 4-м часу пополудни. Кажется, что намерение его отступить от Москвы было уже твердо принято; он не обязан был, по власти своей, спрашивать чьего-либо совета, но грядущие времена налагали на него долг узнать мнения генералов в таком случае, которого последствия долженствовали распространиться и на поздних потомков. Может быть, способствовала к сему и мысль о превратности счастья и о возможности неудачного продолжения войны.

В совете находились, кроме главнокомандующего, генералы: Беннигсен, Барклай де Толли, Платов, Дохтуров, Уваров, Раевский, Остерман, Коновницын, Ермолов, полковник Толь и генерал-интендант Ланской**. Милорадович не присутствовал, потому что был в арьергарде. Светлейший князь,

---

* Следы этих укреплений сохранились до сих пор. *Примеч. изд-ва.*

** Платова и Ланского на совете не было, также не упомянут полковник Кайсаров, который на совете присутствовал[6]. *К. В.*

открыв заседание вопросом: «Принять ли сражение перед Москвою или отступить за оную», изложил мнение свое о неудобствах позиции и о выгодах, кои могут произойти от отступления; он присовокупил, что «доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну; но когда уничтожится армия,— погибнет Москва и Россия». Беннигсен сказал: «Мы спасем армию и Москву, когда сами пойдем атаковать неприятеля. Нам сие потому можно исполнить, что Наполеон отрядил корпус вице-короля Итальянского обойти нас справа и другой корпус, чтобы обойти нас слева — от сего силы его гораздо уменьшились; сверх того, многие тысячи мародеров расстраивают его армию; а посему если мы пойдем прямо на него, то он будет неминуемо разбит, а оба корпуса, посланные, чтобы нас обойти, будут сами отрезаны. Если вы сего мнения не примите, то я предлагаю стянуть все наши силы к левому крылу, стать к стороне дорог Смоленской и Калужской, имея позади нас Воробьевы горы и тут ожидать, что неприятель предпримет». Барклай де Толли: «Если бы мы были намерены атаковать, то сие надлежало бы прежде; не надобно подходить близко к Москве, потому что гибель наша неизбежна в случае несчастья, т. е. отступления чрез оную». Приняв потом в уважение невыгоду позиции, он предложил идти назад. С ним согласились все, за исключением Беннигсена, Дохтурова, Уварова и Коновницына, которые говорили, чтобы перед Москвою сражаться. «Теперь надобно решиться,— сказал главнокомандующий,— в которую сторону нам направиться». Барклай де Толли предложил идти к Волге, куда в течение лета посланы были офицеры для осматривания мест. Сверх того,— присовокупил он — «Волга, протекая по плодоноснейшим губерниям, кормит Россию». «Но мы должны помышлять теперь,— отвечал фельдмаршал,— не о краях, продовольствующих Россию, но о тех, которые снабжают армию, а посему нам следует взять и направление на полуденные губернии». В заключение положено идти по Рязанской дороге. Совещание продолжалось с небольшим час. Светлейший князь закрыл оное словами: «Что бы ни случилось, я принимаю на себя ответственность пред государем, отечеством и армиею».

Протокола или журнала сего заседания не существует*. Имея честь беседовать неоднократно со многими генералами, бывшими в оном, как то: Беннигсеном, Дохтуровым, Коновницыным и Толем, я вменил себе в обязанность записывать то, что каждый из них мне сказывал; но здесь сообщаю не подробности прений, а только ход их и сущность, предоставляя себе, до дальнейшего времени, издать полное описание мнений, изложенных в военном совете.

Можно себе представить, с каким нетерпением ожидали в лагере определения совета. Генералы, заседавшие в лагере, прибыли в сумерках к войскам своим. Уныние было повсеместно, когда узнали о сдаче Москвы, хотя сего ожидали и были уверены в необходимости сей меры. Немедленно сообщено о сем Милорадовичу, с тем, чтобы он на другой день старался, сколь можно более, удерживать неприятеля своим арьергардом, дабы дать время армии, казенным и частным обозам пройти через Москву и буде нужно, *«почтил бы сражением древние стены столицы»*. В то же время известили о сем графа *Ростопчина, который не был в совете*. Военным запретили без особенного позволения отлучаться из лагеря в город, где ночью было все спокойно; но тишина сия уподоблялась безветрию, предшествующему буре.

На другой день, 2 сентября, армия выступила из лагеря, когда первые лучи солнца возвестили прекраснейшую погоду и осветили необыкновенным блеском вершины столицы, в коей родились герои наши и монархи; классическую страну, увековеченную важнейшими происшествиями и воспетую бессмертными певцами. Армия проходила в порядке, поутру, по разным улицам города, а за нею следовали толпы жителей всех состояний и лет, спрашивая, куда им спасаться. Многие не верили, что неприятель идет за нами; надлежало их убеждать в сем честным словом. Иные из офицеров оставляли на некоторе время ряды свои, чтобы навестить дома родных своих, ныне опустелые, другие спешили к церкви, чтобы в молитвах почерпнуть новые силы. В сие время

---

* В Военно-ученом архиве имеется донесение Беннигсена императору Александру о военном совете в Филях, на французском языке, под заглавием: *«Extrait du contenu de Conseil de guèrre qui a eu lieu le 1 Septembre 1812»*[7]. Оно напечатано покойным В. И. Харкевичем в январской книжке «Военного сборника» 1903 г.

возобновились явления, описываемые греками, когда афиняне бежали из отчизны при нашествии варваров; настоящая война по опустошениям была подобна войнам древних, с той разницею, что ныне вели ее в несравненно большем размере.

По выезде из Москвы светлейший князь велел оборотить лицом к городу дрожки свои и, облокотя на руку голову, поседевшую в боях, смотрел с хладнокровием на столицу и на войска, проходившие мимо него с потупленным взором: они в первый раз, видя его, не кричали «ура». Посвятив пятьдесят лет на служение отечеству в поле, в советах и в посольствах, он ценил, конечно, более всех потерю Москвы, потому что кто лучше его мог знать, сколь она необходима для славы России, для красы ее и благоденствия. Оттуда, где он остановился, видны были многие из любопытных мест, но село Коломенское обращало преимущественно внимание некоторых из нас. Вот возвышение, думали мы, где Петр Великий играл в детстве, где он учил первые войска; на этих полях чувствовал он вдохновение и преобразование империи: мебель, ему служившая, разные произведения рук его, и сама колыбель его — должны сделаться добычею неприятеля.

Пройдя несколько верст, армия сделала привал; ожидали с нетерпением известий из арьергарда, вслушивались, раздаются ли пушечные выстрелы, спрашивали у прибывавших из Москвы — далеко ли неприятель и не вступил ли уже в оную? Милорадович получил поутру письмо на французском языке от фельдмаршала, для доставления оного к начальствующему неприятельскою армиею, в котором, по обыкновению, принятому на войне, русские больные и раненые, находящиеся в Москве, поручались его покровительству. Он письма сего вдруг не отправил, а расположил войска в боевой порядок, чтобы дать упорнейшее сражение, выслав небольшой отряд на Воробьевы горы, дабы показать, что он намерен их защищать. Но в непродолжительном времени неприятельские колонны появились во множестве и обходили со всех сторон и даже с Воробьевых гор арьергард, который в сие время находился в шести верстах от столицы и движениями сими был от нее отрезан. В сем затруднительном положении иные думали атаковать, другие на позиции

принять сражение, а третьи — идти назад, сколь можно поспешнее. Сими средствами не достигнута была бы главная цель и тем временем как арьергард сражался или отступал, обошедшие его неприятели ворвались бы в Москву, завладели бы обозами, стесненными в улицах, и воспрепятствовали бы некоторой части армии выйти за город, а сам арьергард сделался бы неминуемо жертвою превосходного числом неприятеля. Милорадович не принял предложенных ему мнений, но потребовал офицера, знающего хорошо французский язык, и когда сей прибыл, то он сказал ему, с торжественным видом отдавая ему помянутое письмо фельдмаршала к неприятельскому генералу о пощаде раненых и больных: «Отправьтесь к королю Неаполитанскому, командующему неприятельскими войсками против меня, вручите ему сие письмо и скажите моим именем, что я уговорил жителей Москвы не зажигать города, если неприятель не войдет в оный, доколе все обозы из оного отправлены не будут и не пройдет мой арьергард. Если король на сие согласен, то чтобы он остановил сейчас следование колонн, которые обошли меня с Воробьевых гор и которые из других застав должны сию минуту вступить в Москву. Но когда он откажет, то объявите ему, что я сам зажгу Москву, буду сражаться перед нею и в стенах ее и погребу себя под ее развалинами».— Слова сии изумили предстоящих, и один из них сказал ему: «Général, on ne brave pas ainsi l'armée française».— «C'est a moi a la braver et a vous a mourir»[8],— отвечал Милорадович*.

Посланный в скором времени возвратился с известием, что не токмо король Неаполитанский принимает сделанное ему предложение и приказал войскам своим не входить в Москву, доколе тяжести и арьергард наш чрез оную не пройдут, но что он склонит жителей не зажигать столицу. Милорадович отрядил двух генералов для учреждения порядка на улицах Москвы, а сам, пробыв несколько времени на позиции, начал мало-помалу отступать, прошел через город часу в пятом пополудни, способствуя жителям спасать себя и имущество свое. Едва он расположился за городом, в ближайшей деревне, как поспешил к нему генерал Панчу-

* Для исторической точности я помещаю слова сии на французском языке, на котором они были произнесены. *Примеч. автора.*

лидзев* с донесением, что не успев выйти за заставу с двумя командуемыми им драгунскими полками, как неприятель их окружил, и что сии полки находятся теперь в цепи их. Послав к французскому генералу требовать освобождения их, Милорадович сел верхом, опередил своего посланного, проскакал без трубача и без всякого сопровождения через неприятельские посты, к великому их удивлению, и требовал громко начальствующего генерала. Явился Себастиани и начал говорить, что Россия и Франция, не имея причины к ссоре, должны жить в согласии. «Можно ли нам думать о мире,— сказал Милорадович,— видя Москву в ваших руках» и, окончив сии слова, скомандовал упомянутым двум драгунским полкам: «По три направо», вывел их из неприятельской цепи, уговорив Себастиани освободить множество казенных и частных обозов, которые тут были задержаны. Арьергард расположился в самой близи от столицы, а армия при д. Панках.

Таким образом кончился сей для России незабвенный день сдачи Москвы.

---

* Генерал-майор Иван Давидович Панчулидзев 1-й, командовавший бригадою из Харьковского и Черниговского драгунских полков в 4-м кавалерийском корпусе графа Сиверса. Брат его, Семен Давидович Панчулидзев 2-й, командовал бригадой из Каргопольского и Ингерманландского драгунских полков во 2-м кавалерийском корпусе барона Корфа. *К. В.*

Актриса Жорж в России*

Вступление на престол императора Александра I внесло новую жизнь в русский театр, и сцена получила небывалый расцвет. Сам государь, обладавший живым воображением и чувствительным сердцем, особенно покровительствовал русскому сценическому искусству, выполняя завет своей державной бабки быть «старшим учеником в этой школе» (т. е. в театре).

Министерства двора тогда еще не существовало, и непосредственная близость монарха к артистическому миру придавала театру особое значение. В жизни русского образованного общества театр играл в то время особенно крупную роль и возбуждал в современниках самый горячий интерес. Театром увлекались, появление нового таланта или новой пьесы составляло целое событие, волновавшее все общество. Печать посвятила не один десяток страниц разбору игры талантливого исполнителя или исполнительницы, артисты имели целые партии, враждовавшие друг с другом из-за первенства своих любимцев. Чисто русской школы тогда, конечно, еще не существовало, и русские таланты расцветали под влиянием иноземных артистов. Драма, опера и балет пользовались, кажется, одинаковой симпатией. Иноземные артисты были желанными гостями во всех областях сценического искусства, и дирекция Императорских театров не скупилась на огромные, особенно по тому

Актриса Жорж

* Статья эта была напечатана в октябрьской книжке «Ист. вестника» 1901 г.

времени, расходы, чтобы только дать возможность русской публике насладиться игрою лучших заграничных корифеев.

Конечно, французы были на первом плане, особенно в драме и балете. Однако же и тогда уже можно было подметить в русском обществе патриотическую жилку и стремление поддержать свои русские, родные таланты.

В начале достопамятного 1812 г. Москва сделалась свидетельницей соревнования знаменитой Семеновой и французской трагической актрисы Жорж, сыгравшей этим самым немалую роль в истории *русского* театра. Ее влияние на развитие таланта Семеновой не подлежит никакому сомнению.

Русская публика была уже знакома с m-lle Жорж, приехавшей в Россию четыре года тому назад (в 1808 г.) и имевшей неслыханный успех. Семенова тогда еще не достигла своей будущей славы, и на сцене царила Вальберхова, любимица самого управляющего театрами, князя Шаховского. Но Гнедич, старавшийся выдвинуть Семенову, употреблял все усилия, чтобы развить и отшлифовать ее огромный природный талант. Он воспользовался приездом Жорж, чтобы познакомить свою ученицу с приемами французской драматической школы, и не пропускал ни одной роли, игранной приезжей актрисой, чтобы не поделиться своим впечатлением с Семеновой и не разъяснить ей всех тонкостей дикции и мимики знаменитой француженки. Это было тем труднее, что Семенова совсем не знала французского языка; восприимчивая русская актриса, однако, быстро усвоила себе манеру m-lle Жорж и в ее присутствии выступила в роли Аменаиды в трагедии «Танкред», нарочно для этого случая переведенной Гнедичем. Успех был неожиданный, и слава Семеновой с этого момента твердо установилась. Ее талант заблистал, как яркая звезда, в лучах которой совершенно померкла раздутая слава первой трагической актрисы Вальберховой. Таким образом, в Москве, накануне Отечественной войны, Семенова вступает в артистическое состязание с Жорж уже не робкой подражательницей, а в полном расцвете своего самобытного таланта. Игра двух артисток разделила Москву на два враждующих лагеря, и в этой борьбе поклонников французской и русской актрис уже чувствовался

подъем патриотического духа накануне великих событий 1812 г.

Но прежде чем остановиться подробнее на пребывании Жорж в Москве, считаем нелишним передать в нескольких штрихах биографию французской актрисы, игра которой сводила с ума наших прабабушек и прадедушек.

Французы, любители эффектных положений, уверяют, что сами обстоятельства рождения Жорж как бы предсказывали ее блестящую будущность. Отец ее, директор театра в маленьком провинциальном городке Lisieux[1], был человек бедный и по недостатку средств исполнял вместе с тем обязанность дирижера в своем оркестре. Однажды, при исполнении одной пьесы, бедный директор казался очень взволнованным и внезапно удалился из театра, передав свою дирижерскую палочку «первой скрипке»; он сообщил шепотом своему соседу, что в настоящую минуту он стал уже, вероятно, отцом. После спектакля музыканты отправились под окна квартиры своего хозяина и сыграли серенаду в честь новорожденной. Это было в 1786 г. Будущая великая трагическая актриса, любимица двух императоров, явилась на свет среди волн гармонических звуков...

Будучи пяти лет от роду, Жорж (полная ее фамилия Жорж Веймер) уже выступала на сцене в Амьенском театре, арендованном ее отцом. Публика неистовствовала при появлении малютки-актрисы и кричала ей «Браво, браво, Мими!» В пятнадцать лет она уже выступала в серьезных ролях и обращала на себя внимание своей красотой и грацией. Однако маленькая провинциальная актриса, быть может, никогда не достигла бы европейской славы, если бы ей не помог случай: в Амьен приехала знаменитая в то время артистка французской комедии — Рокур.

Как-то раз перед этим Рокур играла в Аррасе, где в театре произошел скандал благодаря глупости местного актера: исполняя роль Иоаса, в расиновской «Аталии», на вопрос, как его имя, он вместо торжественной реплики «J'ai nom Eliacin», отвечал: «Je m'apelle Nicolas Bronchu»[2]. Вместо обычных аплодисментов артистка принуждена была слышать хохот публики, свистки и неистовый шум. К Веймеру, отцу юной актрисы, Рокур явилась крайне возбужденной и первым вопросом ее было: кто будет играть с ней Элизу

в «Дидоне». Веймер предложил свою дочь. Рокур долго не соглашалась, но директор театра уверил ее, что у Мими есть талант, и артистка, наконец, согласилась.

Уже на первой репетиции знаменитая актриса пришла в восторг от игры молоденькой Мими. Уезжая из Амьена, Рокур предложила Веймеру взять его дочь с собой в Париж, обещая провести ее на сцену «Французской комедии», а до этого времени обязалась платить ей 1200 франков в год.

В течение 18 месяцев Жорж брала уроки у Рокур и пользовалась ее советами. Жизнь молодой девушки была в то время более чем скромна; жила она в гостинице под громким именем «Hôtel du Pérou»[3], что несомненно звучало насмешкой: жалкие комнаты, убогая обстановка, жесткая постель и скудный обед в виде неизменной чечевичной похлебки — все это мало напоминало о царстве инков, где некогда в золоте купались испанские завоеватели.

Но вот наступил, наконец, торжественный день,— 29 ноября 1802 г.— день первого дебюта Жорж в «Мольеровском доме». Молодая актриса выступила в роли «Ифигении». Это был невероятный, чудовищный успех. Весь театр трепетал от восторга и — случай беспримерный — сам Первый консул просидел в своей ложе до самого конца спектакля. Известно, что генерал Бонапарт считал своим долгом являться в театр ради большей популярности среди французских граждан; но для него самого обаяния сцены не существовало: он появлялся в своей ложе и просиживал самое большое один акт. Но если Наполеона, этого великого актера, не трогала правдивая ложь театра и он не позволял богине искусства увлечь себя в мир фантазии, то богиня красоты имела над ним, по-видимому, сильную власть[4]. Что победило сердце Первого консула: артистка или женщина? — неизвестно. Но он был побежден, и орлиный взор, взиравший на вековые высоты пирамид, пылавший сознанием своей силы на полях Аустерлица, когда ангел смерти смотрел ему в лицо, и, наконец, сумрачный, исподлобья сверкающий, когда императором стоял он на Поклонной горе и смотрел на распростертую у ног его Москву,— этот гордый взгляд теперь был побежден благодаря пленительной игре женщины, соединявшей в себе обаяние молодости, красоты и таланта. Правда, это еще был взор Первого консула, не императора,

и в то время слава и честолюбие еще не совсем поглотили остальные чувства.

Если верить одной из новейших французских биографий* знаменитой актрисы, день этот решил судьбу m-lle Жорж. На следующее утро в дверь ее постучался польский вельможа Сапега и почтительно представился артистке. Он был бескорыстен и предлагал свои средства, блестящий отель и роскошную обстановку и — не требовал ничего. «Вот ключ,— сказал восторженный ее поклонник,— он единственный. Я никогда не позволю себе проникнуть в эти двери, пока вы сами не пожелаете открыть их вашему пылкому обожателю и почтительному и преданному поклоннику».

Великодушный дар был принят. Молодой артистке казалось, что она во сне, или действительно существуют на свете волшебники, добрые духи и Аладдиновы лампы: то был переход от нищеты к роскоши дворца, убранного прихотливой фантазией Шахерезады!

Не успела оглядеться молодая девушка, не успело еще умолкнуть на ее устах восклицание наивного восторга, как уже новый посол явился в ее переднюю. В форме полупросьбы, полуприказа Первый консул приглашал m-lle Жорж разделить с ним ужин в Сен-Клу.

Артистка поспешила на зов, и ужин, как уверяет ее французский биограф Бриссон, продлился до рассвета и еще дальше. Карьера m-lle Жорж была обеспечена. Спутник Марса стал спутником Венеры, и дочь бедного провинциального антрепренера, Мими, увидела себя окруженной блестящей плеядой поклонников, во главе которых стоял будуший император французов. Она сразу стала центром всеобщего внимания и даже попала на арену политической борьбы партий. Друзья молодого Бонапарта избрали ее своим знаменем, тогда как противники его стали на сторону актрисы Дюшенуа. Страсти разгорались, образовалось два лагеря: поклонников Жорж и поклонников Дюшенуа. В театре происходили настоящие сражения между этими двумя партиями, заканчивавшиеся нередко кровопролитием и арестами. Можно думать, что ревнивая жена Наполеона, Жозефина, участвовала, до известной степени, в этой войне и поддерживала

* Brisson A. Le roman de m-lle Georges.

верных сторонников Дюшенуа. Говорят, что Люсьен Бонапарт, в свою очередь, руководил партией m-lle Жорж.

В Париже дело дошло до того, что вместо вопроса о политических убеждениях в салонах задавали друг другу вопросы о том, которую из двух артисток признавали царицей театра. Существует анекдот, что актер Тальма спросил однажды Жорж, к какой, по ее мнению, партии принадлежит Камбасерес. «Он сохраняет нейтралитет»,— отвечала остроумная артистка. Ответ этот облетел весь Париж и упрочил за Жорж репутацию умной женщины.

Первый консул, сделавшись императором, не переставал благоволить к талантливой артистке, и она бесспорно заняла первое место во французском театре.

В апреле 1808 г. Жорж внезапно исчезла из Парижа. Отъезд ее был настолько неожидан, что во французском театре, где в то время шло представление «Артаксеркса», публика ждала с нетерпением ее выхода, тогда как она уже была по дороге в Петербург.

Первая французская драматическая артистка Жорж Веймер получила настоятельное приглашение русского императора, выразившего желание видеть ее игру на русской сцене, несмотря на то, что сезон был летний и все петербуржцы уже разъехались по дачам.

Событие это вызвало многочисленные толки, и есть основание думать, что действительно произошло нечто таинственное, почему этот отъезд артистки можно было назвать настоящим похищением. По крайней мере, в записках русского современника этих событий, князя Вяземского, прямо говорится, что Жорж была похищена у парижского театра и привезена в Россию молодым в то время гвардейским офицером Бенкендорфом. Действовал ли последний самостоятельно или по поручению, остается неизвестным, хотя едва ли гвардейский офицер решился бы в те времена, на свой страх, действовать столь смело.

Более подробных сведений в мемуарах того времени об этом происшествии не имеется. Князь Вяземский передает лишь, как слух, повторявшийся современниками, что во время знаменитого тильзитского свидания двух императоров, после решения судеб Европы, произошла беседа и более интимного характера, во время которой имя Жорж не раз по-

вторялось. Быть может, Наполеон, зная любовь русского императора к театру, рекомендовал ему первую французскую драматическую актрису того времени для русской сцены; или же он просто заинтересовал юного монарха России восторженными отзывами о таланте и красоте m-lle Жорж.

Так или иначе, но 1 июля 1808 г. Жорж уже дебютировала в Петербурге, выступив в роли Федры. Вся знать, разъехавшаяся было уже по дачам, поспешила в столицу при известии о прибытии светила французской сцены. Русская публика, быть может, впервые услышала настоящую дикцию французской классической школы: гармоническую, протяжную, несколько певучую. Стихи Расина с их постоянной правильной цезурой, вызывающей неизменную модуляцию голоса, в игре Жорж теряли свою искусственность, и талантливая актриса умела вкладывать живое чувство в мертвые формы строгого, точно из мрамора высеченного, силлабического размера.

30 июля Жорж играла Аменаиду в «Танкреде», а 31 августа вольтеровскую Семирамиду. «Здесь,— говорит Арапов, в своей «*Летописи русского театра*»,— зрители видели не актрису, но настоящую царицу, особенно в ту минуту, когда Семирамида (Жорж) всходит на трон и говорит народу».

Жорж приехала в Россию не одна. Вместе с ней прибыла ее младшая сестра (танцовщица Бебель) и знаменитый, незабвенный в летописях балета *Дюпор* (Duport), прозванный «летучим».

Злые языки говорили, что Дюпор пользовался сердечным расположением Жорж. Перенесла ли артистка в холодную и мрачную столицу Московии свою страсть, родившуюся еще в Париже, или здесь именно встретила она своего соотечественника, променяла ли она любовь императора французов на ласки первого танцовщика в Европе,— мы не знаем. Балетмейстер Глушковский, оставивший свои записки, утверждает, что Жорж была с Дюпором в связи, «влюбившись в его высокий талант», и даже пользовалась его денежными средствами; впрочем, расчетливый француз, как говорят, ссуживал ее деньгами под залог ее же собственных бриллиантов.

Если Жорж блистала в трагедии, то неменьшим успехом пользовался Дюпор в балете. Глушковский уверяет, что французский танцовщик получал 1200 р. ассигнациями за

каждый спектакль, а затем с ним был заключен контракт, по которому ему уплачивали 60 000 р. ассигнациями в год. Однако Арапов упоминает о цифрах жалованья гораздо более скромных, хотя сведения о контракте с Дюпором выражаются им в весьма неясной форме: получал он 1200 р. по курсу и ежегодно бенефис на казенных расходах. Принимая, однако же, во внимание, что Дюпор пользовался европейской славой, доходившей до того, что, например, в Вене дамы носили на серьгах «башмаки а la Duport», можно думать, что в «Летопись» Арапова просто вкралась ошибка. Мы здесь упомянули о Дюпоре главным образом с тою целью, чтобы показать, насколько в то время французы завладели вниманием русских любителей театра, а также потому, что имя знаменитого танцора нераздельно связано с именем Жорж. По крайней мере, когда последняя отправилась играть в Москву, туда же уехал и Дюпор.

Только что приведенный контракт, заключенный с Дюпором, может служить мерилом жалованья, назначенного и Жорж, хотя точных цифр вознаграждения таланта этой актрисы мы не имеем. Думается, однако, что не скупо оплачивался ее труд, если она бросала для России и родную Францию, и «Французскую комедию», и покровительство самого императора французов.

Если правда, что знаменитую Жорж и Дюпора соединяли не только общая национальность в чужой стране, не одна только общая сценическая слава, но и более нежное чувство, то великая актриса должна была страдать от весьма серьезных уколов ревности. Дюпор мог быть назван «летучим» и в смысле той легкости, с которой побеждал сердца и перелетал от одного увлечения к другому. Вскоре после его приезда в Россию прелестная шестнадцатилетняя танцовщица М. Данилова,

«Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera»...

для многих, увлеклась Дюпором и получила ответ на свои страстные чувства, но не могла перенести легкомыслия и непостоянства своего любовника и умерла в 1810 г., сраженная злым недугом, являющимся как зловещий спутник несчастной любви, и с легкой руки Дюма, опоэтизированным в «La Dame aux Camélias».

Жорж прожила в России вплоть до 1812 г.

Восторженные отзывы об ее игре в Петербурге ничто в сравнении с замечательным художественным этюдом, посвященным ей Жуковским, во время посещения французской актрисой Москвы.

Князь Вяземский говорит: «*Жуковский*, в издаваемом им в то время «Вестнике Европы», напечатал мастерские и превосходные отчеты о представлениях «девицы Жорж», как он называл ее. В этих беглых статьях он является тонким и проницательным критиком; это просто живая передача сильных и глубоких впечатлений, проверенных образованным и опытным вкусом. Перечитывая их и читая новейшие оценки театрального искусства, нельзя не сказать, что наши современные журналы и газеты ушли далеко... но только не вперед».

Эти слова убеленного сединами старца — князя Вяземского, перед которым прошла целая блестящая плеяда русских писателей и которому вся русская литература, от Пушкина до 70-х годов, была известна не путем изучения, а в ряде живых впечатлений и путем близкого знакомства со всеми главными представителями русской мысли, русской поэзии, русского искусства,— эти слова, писанные в 1874 г., справедливы и до наших дней.

«Московские записки» Жуковского об игре Жорж — образец того, как нужно писать о театре, когда писатель действительно хочет передать все, что он чуткой душой сам пережил во время спектакля; когда он хочет нарисовать образ, созданный талантливой исполнительницей, увековечить мимолетное творчество актрисы и, следя за всеми изгибами голоса, за каждым движением, за всей гаммой чувства, он восторгается полным аккордом и указывает малейшие подробности дикции и жестов, малейшую фальшь в декламации. Так нынче уже не пишут. Теперь театральный критик либо в блестящем фельетоне хочет выставить на первый план свое собственное остроумие, собственную восприимчивость, либо хохочет, как шут, над промахами артиста или, как льстец, наделяет его лестными эпитетами.

О театральных газетных рецензиях, появляющихся еженедельно, лучше и не говорить: это в большинстве случаев ремесленный труд хроникера и часто просто макулатура.

Не можем удержаться, чтобы не остановиться подробнее на «отчете» Жуковского об игре Жорж, тем более что эта

актриса была учительницей нашей Семеновой, по крайней мере со стороны внешних приемов и дикции.

«Если,— говорит Жуковский,— мы выходим из театра с душою растроганною и если это впечатление столь сильно, что оно несколько времени не оставляет нас и посреди рассеяния или даже препятствует ему предаваться, то мы имеем право назвать автора превосходным, и, следовательно, имя актрисы превосходной принадлежит девице Жорж по праву»*.

Нельзя не согласиться, что Жуковский в данном случае совершенно прав, отводя главное место общему впечатлению, производимому игрой актера. Не раз случается и в настоящее время видеть игру искусную, обдуманную, обработанную, но не дающую именно этого целого, общего впечатления, которое свойственно одному таланту.

При детальном разборе критик, однако же, с удивительной верностью подмечает малейшие промахи, малейшее несоответствие выражения тексту. Читая «Московские записки» Жуковского, удивляешься его огромной памяти: он, кажется, прежде чем идти смотреть пьесу, изучил ее самым тщательным образом. Не в этом ли заключается главный недостаток современных театральных критиков, что они идут в театр, едва зная содержание пьесы и почти никогда не продумав ее предварительно.

Жуковский отмечает особенности таланта Жорж: она несравненна в тех ролях, где требуется выражение сильной страсти, она, кажется, самой природой предназначена играть величавых цариц, но там, где требуется нежное чувство, тихая скорбь, мягкая женственность, голос Жорж принимает оттенок неискренности, искусственности. Поэтому лучшими ее ролями должны считаться Федра, Дидона и Семирамида. Преступная страсть Федры к своему пасынку Ипполиту носит в себе поразительное выражение в игре Жорж.

«Мы увидели величественную женщину, в прекрасном белом платье, с маленькою золотою диадемою на голове, в богатой мантии, лицо греческое, стан царицы, руки прелестные. Ее походка, бледность ее лица, следствие внутренней скорби, глаза мутны, лишены последнего блеска, но полные

---

* Жуковский В. А. Собр. соч. Т. VI. Изд. 1869. С. 79.

выражения тайной страсти,— все изображало Федру, палимую внутренним, *неестественным* огнем».

Сцена с Эноной. Федра готовится к смерти, прощается с солнцем (Жуковский находит, что Жорж здесь недостаточно трогательна). Но она не может справиться со своею страстью и предается воспоминаниям.

> Dieux, que ne suis-je assise á l'ombre des foréts!
> Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussiére,
> Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carriére'?

«В этом месте девица Жорж была восхитительна».

Замечательно, что и князь Вяземский, спустя с лишком 60 лет, помнил, как знаменитая актриса «в сиянии восхитительной красоты передавала нам так верно и так впечатлительно великолепные стихи Расина, которые и теперь звучат в памяти: «Dieux, que ne suis-je assise»...

«Она произносила эти стихи, как будто в забытьи, протяжно, сильно, бессознательно. При первых двух стихах она сидела на креслах; при третьем она немного привставала и наклонялась с движением рук, чтобы выразить, что она следит за колесницей»*.

Энона умоляет Федру открыть ей свою тайну и падает на колени

> Madame, au nom des pleurs que pour vous j'ai versés.
> Par vos faibles genoux que je tiens embrassés.
> Délivrez mon ésprit de ce funeste doute.

«В продолжение этих стихов жестокая борьба изображена была на лице Федры, которого мускулы казались напряженными; но Энона замолчала, и Федра была уже спокойна: ибо отчаянная решимость заступила в ней место мучительного волнения; она приблизила свое лицо к лицу Эноны,— Tu le veux! — сказала она с глубоким чувством; казалось, что слова сии выражали: безумная! чего ты хочешь? и она приблизила свое лицо к Эноне, как будто для того, чтобы рассмотреть в глазах ее, точно ли желает она открыть такую страшную тайну:

> «Lève-toi»!

---

* Вяземский П. А. Из старой записной книжки//Рус. арх. 1879. №7.

«Самый звук ее голоса приготовлял уже зрителя к тому, что он услышит, а глаза ее говорили: какое признание должна я сделать, и для чего принуждена я его сделать»*.

> Tu vas ouir le comble des horreurs...
> J'aime....

«Энона догадывается. Робость, стыд овладевает Федрой:

> C'est toi qui l'as nommé!

Она произнесла это разительное слово робким, почти невнятным голосом, со стыдом и ужасом; она не смела обратить глаза на Энону и движением руки хотела как будто ее от себя удалить, ибо слова Эноны:

> Hippolyte? Grands dieux!

были и для нее какою-то ужасною новостью, которой она ожидала, но которую все еще слишком рано услышала.

Особенно хороша была Жорж в сцене ревности.

> Ils s'aiment! Par quel charme ont-ils trompé mes yeux?
> Comment se sont ils vus, depuis guand, dans quels lieux?
> Tu le savais: pourquoi me laissais-tu séduire?

Выражение tu le savais принадлежит к тем немногим высоким (sublime) выражениям чувства и мысли, которые изумляют нас в великих трагиках; его можно поставить наряду с «qu'il mourut» старого Горация, с «qui te l'a dit» Гермионы и с «he has no children» Макдуффа в шекспировском Макбете. Федра говорит Эноне: tu le savais, а она сама, за несколько часов, в первый раз сказала ей о любви своей; вот сумасшествие ревности, вот исступление страстной души, совершенно расстроенной и все обвиняющей в своем страдании. В этом месте игра Жорж была несравненна»**.

В Дидоне артистка произвела также большое впечатление, но сама пьеса Лефрана так плоха, что Жуковский справедливо подвергает ее самой резкой критике.

Но зато «Семирамида» Вольтера осталась в памяти всех, кто видел в этой роли Жорж. Величественная, несколько полная фигура актрисы как нельзя лучше подходила к царице Вавилона.

---

* Жуковский В. А. Моск. зап.//Собр. соч. Т. VI.

** То же.

«Вообще в «Семирамиде» игра девицы Жорж, от начала до конца, кроме некоторых, весьма немногих мест, отвечала тому великолепному характеру, который изобразил нам стихотворец. Невозможно было не удивляться ее прелестной наружности, когда она взошла на трон и оперлась, с величием царицы, на золотой скипетр, врученный ей Отаною; нельзя было не содрогнуться от ужаса, когда она показалась в дверях гроба, окруженная пламенем молнии, бледная, издыхающая»…

Большое внимание уделяет Жуковский способу чтения французских стихов. По-видимому, манера Жорж для русских зрителей была новой и не совсем понравилась. Говорили, что она поет стихи. Жуковский, вполне признавая искусственность этой манеры, считает ее, однако, вполне соответствующей французскому стихосложению в ложноклассической драме Расина. Тем выше ценит он талант Жорж, что она, стесненная условной декламацией, умела тем не менее вложить в свою игру глубокое чувство и сильную страсть. Любопытно замечание Жуковского относительно неуместности некоторых жестов Жорж: он искренно скорбит, что она в сильных сценах позволяет себе поправлять костюм или прическу, чего, по его мнению, не должно быть в актрисе, всецело отдающейся «своей роли». Он не смеется над этим недостатком француженки, которая и в действительной жизни, в самых драматических положениях, едва ли забудет поправить какой-нибудь отколовшийся бант. Так поступил бы современный рецензент. Нет, Жуковский жалеет, что и на солнце оказались маленькие пятна: критик хочет видеть совершенство.

Да, в то время любили театр, понимали его, сами переживали горячо и страстно все выдающиеся моменты русской сцены.

Отметим еще одно интересное место «Московских записок». Французские актеры и актрисы, до нашествия Наполеона, нахлынули толпой в Россию и знакомили русских со всевозможными жанрами сценического искусства. Впервые появилась тогда и пародия, этот прототип оперетки.

Пародия осмеивала все высокое. Расиновская трагедия обращалась в фарс, и вместо героев Древней Эллады выходили на сцену буффоны, вроде оффенбаховских персонажей. Забавной стороной пародии было главным образом изобра-

жение известных артистов и артисток, со всеми сценическими приемами их, но в карикатурном виде. Жорж не избегла общей участи, и московская публика, насладившись высокой трагедией, бежала смотреть, как г-жа Фрез в пародии «Ифигения в Тавриде» представляла удачную карикатуру девицы Жорж.

Другой современник отзывается не менее восторженно об игре Жорж.

«Трагедия французская в Петербурге высоко возвысилась в 1808 г. прибытием или, лучше сказать, бегством из Парижа, казалось, самой Мельпомены. Что бы ни говорили новые поколения, как бы ни брезгали французы старевшимся искусством девицы Жорж, подобного ей не скоро они увидят. Голова ее могла служить моделью еще более ваятелю, чем живописцу: в ней виден был тип прежней греческой женской красоты, которую находим мы только в сохранившихся бюстах, на древних медалях и барельефах и которой форма как будто разбита или потеряна. Самая толщина ее была приятна в настоящем, только страшишься за нее в будущем: заметно было, что ее развитие со временем много грации отымет у ее стана и движений. Более всего в ней очаровательным казался мне голос ее, нежный, чистый, внятный; она говорила стихи нараспев, и то, что восхищало в ней, в другой было бы противно. В игре ее было не столько нежности, сколько жара»*.

Приезжие французские артисты пользовались успехом не только на сцене, но и в обществе. Конечно, взгляд на актеров, а еще более на актрис, был свысока снисходительный, но иностранцы пользовались большей свободой, чем свои русские. Вместе с тем обаятельные французы и француженки причиняли немало хлопот в интимной жизни русских богатых семей. Как будто парижане принесли вместе с собой атмосферу легких нравов и адюльтера. Почва, конечно, была благодарная, Дюпор покорял сердца и пользовался успехом не на одной сцене: за его легкой фигурой, перелетающей в трико всю сцену Большого театра, следила не одна пара хорошеньких глазок.

---

* Записки Вигеля.

Свидание государя Александра Павловича с Наполеоном имело своим последствием не только бегство в Петербург Жорж. В Эрфурте, куда французский император выписал парижскую труппу, играла, между прочим, и веселая девица Бургоэнь. Игра ее понравилась, и, желая угодить своему другу, Наполеон приказал ей ехать в Петербург, «чего сама она внутренно желала»*. Публика встретила Бургоэнь прекрасно, но при дворе успехом она не пользовалась. Мальчишеские манеры, миловидная наружность и бесшабашная удаль привлекали к ней массу поклонников. Между тем Жорж была принята в лучших домах Петербурга. Бывала она и в доме Екатерины Ильинишны Голенищевой-Кутузовой, супруги будущего фельдмаршала и князя Смоленского, находившегося в это время в Молдавии во главе нашей армии. В доме Е. И. Кутузовой бывал и известный красавец и покоритель сердец, артист французской труппы Andrieux, к которому, как говорят, была неравнодушна хозяйка дома. В последнее время, однако,— говорит в своих воспоминаниях один из современников,— «посещения его сделались значительно реже и он, по-видимому, стал предпочитать общество своей соотечественницы Жорж. Между тем из Молдавии пришли в Петербург вести о блестящих победах Кутузова в Турции. Взятые им турецкие трофеи привезены в Петербург и торжественно выставлены на параде войск, при пушечной пальбе из крепостных орудий. Артистка Жорж сочла долгом поехать к генеральше и поздравить ее с победами мужа, но неожиданно встретила здесь холодный прием; мало того, в разговоре хозяйка позволила себе не совсем деликатный намек на отношения гостьи к артисту Andrieux. Вспыльчивая француженка ответила на них гадко-оскорбительными словами и, не простившись, вышла из комнаты и покинула дом. В тот же день Е. И. Кутузова, прогуливаясь на бульваре, встретила государя, который, подойдя к ней, поздравил ее графинею, а вечером объявлено было при дворе о возведении М. И. Кутузова в графское достоинство, со всем его семейством. Вскоре затем графиня приглашена была в Эрмитажный театр, где играла в тот вечер Жорж. На этом спектакле великая артистка превзошла сама себя и вызвала всеобщий невыразимый

* Записки Вигеля.

восторг. Не удержалась от пылкого восторга и графиня Екатерина Ильинишна, которая, забыв недавнюю ссору, горячо ей аплодировала. С тех пор первые аплодисменты артистке всегда раздавались из графининой ложи, абонированной в Малом театре»*.

Наступил 1811 г. Высшее общество и народ одинаково были встревожены слухами о войне с французами. Это не мешало, однако, обеим столицам веселиться, хотя сквозь веселье и проглядывала часто тревога.

В Москву было отправлено несколько артистов французских и петербургской сцены. Прибыли Жорж и ее младшая сестра, Бебель, Оскар Манивиель с женою, Ведель, танцор Глушковский, танцовщица Махаева. В то же время на московской сцене играла знаменитая Екатерина Семенова.

Москва утопала в развлечениях и удовольствиях, и зима 1811 — 1812 года прошла особенно весело.

Путешествие от Петербурга до Москвы было в своем роде триумфальным шествием для Жорж. Еще по дороге, а именно в Твери, она сумела пожинать лавры. В то время в Твери находилась герцогская чета Ольденбургских (герцог Георгий Ольденбургский и супруга его, Великая княгиня Екатерина Павловна).

Двором заведовал князь Ив. Ал. Гагарин, который и пригласил Жорж. Она два вечера, в присутствии Их Высочеств, читала сцены из трагедий и заслужила большие похвалы.

В Москве Жорж остановилась на Тверской, в доме Василия Петровича Салтыкова. Здесь мы должны отметить несоответствие показаний двух современников. Балетмейстер Глушковский, оставивший свои записки**, пишет, что Жорж занимает роскошное помещение и ее будуар был наполнен фарфором и бронзой; в изящной клетке помещался ученый попугай; все прочие комнаты поражали также роскошной обстановкой: всюду персидские ковры, дорогая мебель, штофные занавеси, картины, люстры и т. п. Все это было взято напрокат у купцов Лухманова и Шухова.

Напротив, князь Вяземский рисует нам иную совсем картину. «Жила она (Жорж) на Тверской улице у француженки

* Рус. арх. 1875.

** Воспоминания о пребывании в Москве девицы Жорж. Адама Павловича Глушковского//Литературная б-ка. 1867.

Актрисы Жорж и Бургоэнь

м-м Шеню, отдававшей комнаты, с обедом, в такое время, когда в Москве еще не имелось ни отелей, ни ресторанов... Вхожу в святилище и вижу перед собою высокую женщину, в зеленом, увядшем и несколько засаленном капоте; рукава ее высоко засучены; в руке ее не мельпоменовский кинжал, а простой кухонный нож, которым скоблит она деревянный стол. То была моя Федра, моя Семирамида!

Но она, ничуть не смущаясь, сказала мне: «Вот в каком порядке содержатся у вас в Москве помещения для проезжающих. Я сама должна заботиться о чистоте мебели своей!»

Впрочем, такое резкое противоречие можно примирить, если вспомним, что князь Вяземский писал 60 лет спустя и, быть может, говорил о первом посещении Жорж Москвы в 1809 г. Едва ли можно допустить, чтобы подобный недостаток хорошего помещения встретила Жорж в 1811 г., когда она была на вершине славы, окруженная толпой поклонников и сама располагала большими денежными средствами.

Жорж отличалась большой расточительностью и, несмотря на громадные деньги, получаемые ею, была всегда в дол-

гу, что, вероятно, и заставляло ее обращаться за помощью к бережливому Дюпору.

Роскоши помещения соответствовало и все прочее. Обед подавался не иначе, как на серебре или дорогом фарфоре. Экипаж и лошади всегда были к услугам артистки. Гардероб поражал своим богатством (одних турецких дорогих шалей Глушковский насчитывает 12).

Сама Жорж находилась в то время в полном расцвете красоты и таланта.

«В лице ее была невыразимая прелесть, которую трудно выразить словами и средоточием которой служили прекрасные черные глаза с длинными черными ресницами; та же прелесть была в ее улыбке, тонкой, открывавшей два ряда жемчужных зубов»*. Характер артистки был чрезвычайно милый, веселый, манеры отличались необыкновенным изяществом, хитроумные слова не сходили с ее губ, и она умела стать душой того общества, которое у нее собиралось.

Екатерина Семенова была в то время тоже на высоте своей славы. Москва, таким образом, сделалась свидетельницей настоящего артистического соревнования. Образовались две партии поклонников двух талантов. Обе актрисы имели своих верных паладинов. Одни посещали артистический салон Жорж, других можно было видеть постоянно у Семеновой.

Жорж умела с необыкновенным искусством развлекать своих гостей. Как прелестная женщина, она имела неотразимое обаяние, и многие из ее поклонников подчинялись ему одинаково с увлечением ее талантом. Постоянные посетители будуара Жорж были: отставной гусарский ротмистр князь А. П. Гагарин, известный своим остроумием и странной привычкой носить длинные волосы и постоянно подымать их руками кверху. Кроме того, к Жорж часто ездили граф П. И. Салтыков, граф Д. Н. Мамонов, граф К. И. Гудович и др. На этих блестящих вечерах Жорж, уступая иногда просьбе гостей, садилась за фортепиано и, аккомпанируя себе, пела с большим чувством романс, сочиненный королевой Гортензией, в честь Наполеона:

Vous me quittes pour aller a la gloire
Mon triste coeur suivra partout vos pas.

---

* Глушковский.

Allez voler au temple de memoire,
Suivez la gloire, mais ne m'oubliez pas...

Жорж не имела большого голоса, но умела чрезвычайно выразительно оттенять сильные места, особенно там, где слышались патриотические чувства.

Таким образом, цвет нашего общества восторгался пением французской актрисы в честь будущего врага России. Надвигающаяся гроза еще не пробудила национальных чувств, получивших затем такой удивительный подъем.

Однако же и в то время не один талант привлекал к Семеновой. Многие делали сопернице Жорж предпочтение лишь потому, что она была своя, русская артистка. В салоне Семеновой часто бывали: Нелединский, Ф. Ф. Кокошкин, С. Н. Глинка и др.

Начались спектакли. Семенова и Жорж, одна по-русски, другая по-французски, играли одни и те же роли. Трудно сказать, которая из соперниц имела больший успех. Съезд был огромный, театр был переполнен зрителями. Аплодисментам, овациям и подаркам не было конца. Казалось, Москва, накануне народного бедствия, хотела утопить свои тревоги в удовольствиях и спешила ими насладиться.

Билеты доставались с огромным трудом, и барышники брали иногда вчетверо против настоящей цены*.

Соперничество Семеновой и Жорж ограничивалось, конечно, борьбою талантов, и, несомненно, Москва никогда еще не видела своей любимицы, Семеновой, в таком расцвете таланта, возбужденного соревнованием.

Взаимные отношения двух артисток вне сцены отличались, конечно, изысканной вежливостью, скрывавшей, быть может, и несколько иные чувства, сдерживаемые и тщательно сохраняемые в душе. Впрочем, иногда сокровенные чувства и прорывались наружу и звучали нотки женской зависти, легкой иронии и насмешки. Первый бенефис получила Семенова. Жорж пожелала быть в числе зрительниц и послала своей сопернице 30 р. с просьбой прислать билет в ложу 3-го яруса.

Через неделю шел бенефис Жорж.

---

* Глушковский.

Семенова ответила ей столь же любезной просьбой о билете, но приложила к письму 200 р., хотя дело касалось той же ложи 3-го яруса.

Жорж обиделась и ответила запиской, в которой слышалось скрытое негодование:

«Милостивая государыня! Если Вы препроводили ко мне ваши 200 р., чтобы судить о моем таланте, то я не нахожу слов, как Вас благодарить, и прилагаю к Вашим деньгам еще 250 рублей для раздачи бедным. Но если Вы посылаете мне эти деньги как подарок, то извольте знать, что в Париже я имею у себя 200 тысяч франков*.

Жорж»

Но вот прошло судорожное веселье зимнего сезона 1811—1812 года. Наполеон, протягивавший руку «к своему другу», императору Александру, начал свое последнее военное предприятие, по поводу которого поэт сказал:

Ахнул дерзкий и упал!..

Прошли веселые дни Аранжуэца, и грозные тучи собрались над необъятными равнинами России. Все было забыто перед лицом ужасного, карающего бога войны, народной войны, перед которой ни случайный успех, ни слава полководца, ни дерзость узурпатора, ни твердая воля корсиканского карьериста не имели обаятельной силы; и когда на великую сцену народной борьбы встали два соперника: легионы, собранные властью и прихотью любимца фортуны, и славянский богатырь, неказистый с виду, в зипуне мужицком, в лаптях, с топором за поясом...

Ахнул дерзкий и упал!..

Жорж еще была в Петербурге. Она в чужой стране переживала все успехи и все несчастья Великой армии. Она помнила, кто первый пробудил в ней чувство женщины, и до конца жизни осталась верной памяти Наполеона. Теперь та гостеприимная страна, в которой ее возносили на вершину славы, «где золото, ласки и искренние слезы умиления встречали ее победы на арене высокого искусства, эта страна была теперь врагом ее далекой, милой Франции. Кумир ее

* Анекдоты из времен императора Александра Павловича.

и кумир французского народа падал, изнемогая в борьбе со снегами и губительным холодом России; Великая армия гибла в геройском отступлении».

Столица русских, Петербург, украсилась флагами, на улицах жгли иллюминацию, народ ликовал. Всякий спешил зажечь свечи на окнах своего дома. Только в одном месте, среди озаренных радостным светом жилищ, темным пятном, мертвецом среди восторженных живых выделялся один дом.

Тускло и мрачно смотрели темные окна, и невольно всякий задавал себе вопрос: кто живет здесь, кто среди народного веселья осмелился не зажечь радостных свечей, символа народной радости? Этот грустный, мрачный дом занимала французская актриса Жорж.

Когда все ликовало вокруг, когда Россия гордилась народной доблестью, славянской мощью и славой своих лучших людей, Жорж облеклась в траур, оплакивая того, кто первый затронул в ней нежные чувства, кого среди бурной, полной перемен жизни она не могла забыть, образ кого носила в сердце и унесла с собой в могилу.

О дерзком, хотя и молчаливом протесте донесли русскому императору, но великодушный вождь победоносного народа оценил высокие чувства француженки-патриотки и повелел не беспокоить Жорж, преклоняясь перед чувством национальной скорби, тем чувством, которое говорило и в нем самом, когда он поклялся, что не сложит оружия, пока хотя один враг останется на земле Русской; тем чувством, которым было переполнено в то время сердце каждого, пока не поборол народ иноплеменных пришельцев и не освободил родины от нашествия наполеоновских легионов.

Недолго потом жила Жорж в России. Во Францию, милую Францию, растерзанную смутами, она не хотела вернуться и приняла приглашение в Стокгольм.

Прошли года, и она вернулась на родину. Бурбоны были восстановлены на престоле. Белая лилия вновь с прежним блеском развевается на галльском знамени. Этот символ был ненавистен французской артистке. Желая чем-нибудь высказать свои чувства, она явилась во дворец с огромным букетом фиалок, этих цветов Бонапарта.

В то время фиалки были символом более ужасным, чем впоследствии трехцветная кокарда.

Карьера Жорж во французской комедии была кончена. Она смирилась и заняла скромное амплуа исполнительницы мелодрам.

Вот что пишет о своем свидании в это время с Жорж князь Вяземский:

«Лет тридцать спустя (вероятно, в 1839 г.), в Париже я снова увидел Жорж. Она уже не царствовала на первой французской сцене Корнеля, Расина и Вольтера, но спустилась на другую сцену — мещанскую, мелодраматическую. Увидев ее, я ахнул: передо мной стояла какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная белилами и румянами. Обезображенный памятник, изуродованный временем, обломок здания, некогда красивого и величественного! Грустно стало мне. Она уверяла, что хорошо помнит Москву и меня. Спасибо за добрую память! Но от того было не легче. Вот новый удар по голове поэзии моей.

Die schönen Tagen von Aranjuez
Sind nun vorbei».

Две беседы полковника Мишо с императором Александром в 1812 году

Один из сподвижников императора Александра, в эпоху знаменательной борьбы его с Наполеоном, был граф Александр Францевич Мишо де Боретур, принадлежавший к древнему дворянскому роду в Савойе[1]. Служебное свое поприще Мишо начал офицером сардинских войск, с которыми сражался против французов в 1792—1796 гг. Когда Пьемонт занят был французской армией, к которой присоединены были и сардинские войска, а король вынужден был удалиться на остров Сардинию, Мишо покинул отечество и перешел на русскую службу, куда принят был капитаном в инженерный корпус. В 1806 г., под начальством Сенявина, он участвует в Адриатической экспедиции против французов при осаде Бокка-ди-Каттаро и в том же году переводится в свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части. В 1810 г., в турецкую войну, отличается при взятии Туртукая и награждается орденом Св. Георгия 4-й степени, а в следующем 1811 г., за штурм Ловчи, производится в полковники. В Отечественную войну 1812 г., состоя в 1-й Западной армии, при Барклае, он доказал со всею очевидностью императору Александру невыгодность Дрисского укрепленного лагеря в стратегическом отношении и всю опасность этой позиции для русской армии, в случае принятия здесь сражения[2]. Вслед за этим государь поручил ему, совместно с флигель-адъютантом полковником Чернышевым, избрать место для укрепленных лагерей в окрестностях Москвы, а после своего приезда в древнюю столицу командировал его, вместе с флигель-адъютантом полковником Кикиным, для устройства укрепленных лагерей, на берега Волги, для прикрытия Нижнего и Казани.

Исполнив возложенное на него поручение, Мишо вернулся в Петербург и представил свой рапорт государю, который отправил его в распоряжение главнокомандующего. Кутузов вскоре оценил этого способного офицера, приблизил его к себе и стал давать ему разные поручения, требовавшие осо-

Генерал-адъютант граф
Александр Францевич
Мишо де Боретур

бенного такта. К числу последних следует отнести отныне историческую миссию, возложенную Кутузовым на Мишо,— сообщить императору Александру печальное известие об оставлении Москвы русской армией.

Свое свидание с государем и знаменательный разговор, происшедший 8 сентября 1812 г., во дворце на Каменном острове, где в то время находился император, Мишо подробно описал в приводимом ниже письме к Михайловскому-Данилевскому. В этой исторической беседе, в которой для нас драгоценно каждое слово, каждый жест государя, наглядно выступает вся духовная мощь Александра, вся глубокая вера его в своих подданных и в несокрушимость России как государства. При потрясающем известии о падении древней столицы Александр не только не теряет мужества, но принимает твердое решение бороться до последней крайности и дает торжественное обещание испытать все средства борьбы, но не подписать позорного для России мира[3].

Второе свидание Мишо с государем произошло 15 октября 1812 г. в Петербурге, куда он снова прислан был Кутузовым, на этот раз уже с радостным известием о Тарутинской победе и начатии нами наступательной войны. В этой второй беседе, на слова Мишо о том, что присутствие государя осчастливит войска, особенно если он лично примет начальствование над ними, Александр дал ответ, в котором высказалось все величие его души. Со скромностью, свойственной высоким натурам, он отклоняет это предложение, льстящее его честолюбию, сознается, что «мало опытен в военном искусстве», и предоставляет всю славу тому, кто более его достоин ее, т. е. Кутузову.

Достойно замечания, что выбор Мишо для принесения известия о победе был сделан самим государем, который 14 сентября писал Кутузову: «Известный ревностною службою полковник Мишо был прислан с печальным известием о впущении неприятеля в первопрестольный град Москву. Грусть сего достойного офицера быть вручителем подобного донесения была очевидна. Я нахожу справедливым, в утешение ему, предписать Вам прислать его с первым радостным известием, после его приезда последующим».

После Тарутинской победы Мишо принимает участие во всех главнейших сражениях победоносной русской армии, преследовавшей Наполеона до самой границы империи, а затем и в кампаниях 1813 и 1814 гг. За свои выдающиеся заслуги, незадолго до Лейпцигской битвы, он производится в генерал-майоры, а в следующем 1814 г.— получает звание генерал-адъютанта.

Вступив в Париж при победных кликах и восторженных приветствиях народа, Александр отправляет отсюда Мишо к сардинскому королю с радостным для последнего известием о присоединении Пьемонта к Сардинии и поручением сопровождать короля из Кальяри в Турин. Король Виктор Эммануил возвел Мишо в графское достоинство Сардинского королевства, а впоследствии, в 1839 г., король Карл Альберт присоединил к этому титулу наименование де Боретур (de Beauretour). После похода 1815 г. Мишо было отведено помещение в Зимнем дворце, где он продолжал пользоваться самыми лестными знаками монаршего внимания, которое продолжалось и при императоре Николае I. В 1826 г. он произведен в генерал-лейтенанты, а в 1841 г. в генерала от инфантерии. Последние годы жил он в Италии и в 1841 г. скончался в Палермо.

В бытность свою в Петербурге Мишо часто виделся и беседовал с будущим историком Отечественной войны — Михайловским-Данилевским, в то время еще полковником и флигель-адъютантом. Благодаря настойчивым просьбам последнего он изложил свои две беседы с Александром в письме к Данилевскому, которое мы и приводим здесь в русском переводе. После смерти Мишо, в 1844 г., использовав этот документ для своей «истории», Данилевский передал его тогдашнему военному министру, князю Чернышеву, и с разре-

шения императора Николая, просматривавшего его, напечатал его в сокращенном виде, в 1845 г., в литературном сборнике «Новоселье». Несколько подробнее, хотя тоже в извлечении, покойный историк Н. К. Шильдер поместил это письмо в октябрьской книжке «Русской старины» за 1893 г.

Считая это письмо историческим документом первостепенной важности, как показание самого лица, беседовавшего с императором Александром, мы приводим теперь полный текст французского подлинника, хранящегося в делах Военно-ученого архива, с русским его переводом, без всяких сокращений и пропусков, и как пояснение к нему, подлинный рапорт Михайловского-Данилевского к князю Чернышеву, от 20 марта 1844 г.

Рапорт генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского военному министру, генерал-адъютанту князю Чернышеву, от 20 марта 1844 г.

К числу бессмертных страниц истории императора Александра принадлежат те, на которых изображена великость души Его после падения Москвы.

Вашему сиятельству известно, что с донесением о сем событии был послан к покойному государю полковник Мишо. Часто пересказывал он мне разговор свой с императором. Замечая г-ну Мишо, что высокие чувства монарха погибнут для потомства или со временем будут искажены, если он не положит их на бумагу, я убеждал его записать слышанные им от государя слова. Вследствие того он прислал мне письмо с подробным описанием разговора, происходившего на Каменном Острову.

По великой важности сего документа он не может оставаться собственностью частного человека, но должен на вечные времена храниться в государственных архивах, или, положенный в ковчег, находиться под бюстом императора Александра. По сим причинам осмеливаюсь представить вашему сиятельству письмо ко мне генерал-адъютанта графа Мишо.

Генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский

Письмо генерал-адъютанта графа Мишо к флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому, 30 июля 1819 г.

Любезный полковник. После разговора, который я имел с Вами в прошлый вечер о событиях Отечественной войны, мне кажется, что Вам будет приятно узнать подробности относительно некоторых приказаний, которые я имел честь получить от нашего всемилостивейшего государя в начале кампании 1812 г., а также о некоторых небольших беседах, которыми Его Величеству угодно было почтить меня неделю спустя после оставления Москвы и по получении им затем известия о Тарутинской победе. Беседы эти должны принадлежать истории, ибо в них сказались характер, величие души и доброта сердца этого монарха, личность которого была так плохо оценена теми, кто считал его способным заключить мир после потери Москвы.

На другой день после оставления укрепленного лагеря при Дриссе Его Величество отправил меня, вместе с флигель-адъютантом полковником Чернышевым, для избрания позиций, имеющих целью прикрытие Москвы укрепленными лагерями с сильными профилями и могущими в то же время служить складочными пунктами для военных припасов, артиллерии, а также быть средоточием рекрут, которые, защищая их в случае надобности, могли бы в то же время найти в них центры для обучения и укрепленные позиции на случай сражения. В то же время государю угодно было заявить мне, что в случае недостаточности времени для возведения этих укреплений для защиты Москвы он отправит меня на Волгу и даже далее, если это будет необходимо, «ибо,— прибавил он,— если судьбе угодно будет испытать мою твердость,— у меня еще не исчерпаны все способы, и я владею еще достаточной территорией, чтобы далеко завлечь неприятеля».

Прибыв в Москву и полагая, что ввиду успехов неприятеля не хватит уже времени для окончания предположенных укреплений, на устройство которых потребовалось бы от 4 до 5 месяцев, Его Величество приказал мне отправиться на Волгу для устройства укрепленных лагерей в защиту Нижнего и Казани, где находился значительный арсенал и помещение для 100 тысяч рекрут, формировавшихся под начальст-

вом генерал-лейтенанта графа Толстого. Благодаря этому главная армия могла действовать по той операционной линии, которая наиболее подходила бы к обстоятельствам, не опасаясь вторжения неприятеля в область Волги. Флигель-адъютант полковник Чернышев, который получил повеление сопровождать государя в Финляндию, был заменен свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части полковником Кикиным, который, вручив мне высочайшие повеления, отправился вместе со мною. Совершив с ним рекогносцировку всей местности и посетив берега Волги и Оки, я отправился вслед затем в Петербург, для вручения моего рапорта государю, который в этот день возвратился из Або. Его Величество изволил приказать мне немедленно ехать в армию и сообщить о результатах рекогносцировки фельдмаршалу, через которого он обещал мне дать знать о дальнейших своих намерениях.

Таким образом, любезный полковник, из всего сказанного Вы можете заключить, что уже в то время намерения нашего августейшго монарха были направлены к тому, чтобы пожертвовать всем ради славы и счастья его подданных и были далеки от мысли о переговорах с неприятелем, который беспощадно разорял его владения (в качестве народа, цивилизованного на французский лад). Но я дам Вам еще более убедительные доказательства.

Вам, конечно, известно, что на третий день по прибытии моем в главную квартиру фельдмаршал Кутузов отправил меня в Петербург для сообщения государю известия об оставлении Москвы, пламя которой освещало мой путь до самого Владимира. Едва ли у какого-либо путешественника сердце было более удручено, чем мое в эти тяжелые минуты. Русский душою, хотя и иностранец по происхождению, я ехал с печальнейшею вестью к лучшему из государей, среди страны с населением более нежели в полмиллиона жителей всех сословий, которые бежали, захватив с собою только стариков, женщин и детей, с чувством любви к своему государю и надеждой отмстить за оскорбленное отечество. Под влиянием этих грустных впечатлений, при виде разорения края, но с радостным чувством, вызванным подъемом народного духа, я 8 сентября 1812 г. прибыл в столицу, удручен-

ный при мысли явиться вестником столь печальных известий.

Я был немедленно введен в кабинет государя. Увидев, вероятно, по грустному лицу моему, что я не приехал с утешительными известиями, государь сказал: «*Вы, вероятно, привезли печальные вести, полковник?*» — «К несчастью, государь, весьма печальные,— ответил я,— Москва нами оставлена...» — «*Как! Разве мы проиграли сражение или мою древнюю столицу отдали без боя?*» — «Государь,— возразил я,— окрестности Москвы не представляют, к сожалению, выгодной позиции для сражения с слабейшими против неприятеля силами, и потому фельдмаршал Кутузов был уверен, что избрал спасительную меру, сохранив Вашему Величеству армию, гибель которой не могла бы спасти Москвы, но имела бы самые пагубные последствия. Теперь же армия, получив все назначенные ей Вашим Величеством подкрепления, которые я всюду встречал по дороге, будет иметь возможность начать наступательные действия и заставит раскаяться неприятеля, дерзнувшего проникнуть в сердце Вашей империи».— «*Вступил ли неприятель в Москву?*» — «Да, государь, и в эту минуту она уже превращена в пепел. Я оставил ее объятую пламенем».

При этих словах слезы полились из глаз монарха и затмили их.— «*Боже мой, сколько несчастий!* — сказал он,— *какие печальные вести вы мне сообщаете, полковник!*»

— Не огорчайтесь слишком, государь,— отвечал я, смущенный горестным его видом,— армия Вашего Величества ежедневно умножается.

— *По всему вижу я,*— перебил меня государь,— *что Провидение ожидает от нас великих жертв, в особенности же от меня, и я готов покориться Его воле. Но скажите мне, Мишо, в каком настроении оставили Вы армию, когда она узнала, что моя древняя столица оставлена без выстрела? Не подействовало ли это на дух войск? Не заметили ли Вы в солдатах упадка мужества?*

— Государь,— отвечал я,— позвольте мне говорить с Вами откровенно, как честному солдату.

— *Я это всегда требовал, полковник,*— возразил государь,— *но теперь я особенно прошу Вас не скрывать от меня ничего и сказать мне всю правду...*

Император Александр I

— Государь, сердце мое обливается кровью, но я должен признаться, что оставил армию, начиная от главнокомандующего и до последнего солдата — в неописанном страхе...

— *Что вы говорите, Мишо! Отчего происходит этот страх? Неужели мои русские сокрушены несчастьем?*

— О, нет, государь, они только боятся, чтобы Ваше Величество, по доброте Вашего сердца, не заключили мира; сами они горят желанием сразиться и доказать Вам своею храбростью и пожертвованием жизни — сколь они Вам преданы.

— *Полковник, Вы облегчили мое сердце!* — Затем, ударив меня рукой по плечу, Александр продолжал.— *Вы успокоили меня. Возвращайтесь же в армию, скажите нашим храбрецам, скажите моим верным подданным всюду, где Вы будете проезжать, что если у меня не останется ни одного солдата, то я сам стану во главе любезного мне дворянства и добрых моих крестьян, буду сам предводительствовать ими и испытаю все средства моей импе-*

рии! Россия представляет мне более способов, чем полагает неприятель. Но если Божественным Промыслом предназначено роду моему не царствовать более на престоле моих предков, то, испытав все средства, которые будут в моей власти, я отращу себе бороду до сих пор (показывая рукою на грудь свою) *и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества и моих добрых подданных, пожертвования коих умею ценить! Провидение испытывает нас: будем надеяться, что оно нас не оставит.*

После этих слов государь пошел в глубь кабинета и, возвратясь назад, большими шагами стал ходить по комнате. Лицо его пламенело. Он крепко сжал мою руку и сказал: «*Полковник Мишо, запомните то, что я теперь скажу Вам; быть может, настанет время, когда мы вспомним об этом с удовольствием: Наполеон или Я, он или Я — но вместе мы царствовать не можем. Я узнал его: он более меня не обманет*».

Трудно мне выразить Вам, любезный Данилевский, каково было состояние моего духа при виде огня, блиставшего в глазах государя и при мысли о радостном известии, которое я принесу армии. Нет сомнения, что это было одно из самых могущественных подкреплений, которое государь посылал ей для поддержания ее мужества. Под этим впечатлением и в сердечном восхищении от всего слышанного я отвечал Александру: «Государь, в эту прекрасную минуту Ваше Величество подписываете славу Вашего народа и спасение Европы. Я уже вижу свое отечество освобожденным».— «*Да исполнится Ваше предсказание, дорогой полковник. Подите отдыхать и будьте готовы возвратиться в армию*».

Таковы, любезный Данилевский, черты, указывающие на величие души нашего августейшего повелителя; дальнейшие события доказали, что Александр сдержал свое слово. Вы, несомненно, согласитесь после всего вышеизложенного, что все, кто подражал Наполеону в оценке характера Александра,— страшно ошиблись; следуя примеру корсиканского героя, они, вероятно, заснули бы на пепелище Москвы, если бы находились на его месте и были бы, подобно Наполеону, уверены, что государь наш будет просить мира после потери своей древней столицы.

Зная, дорогой полковник, Вашу преданность нашему доброму государю, я хочу указать Вам еще несколько черт, которые свидетельствуют о доброте его великодушного сердца и доказывают, что если Александр пламенно любит славу своего отечества, то не менее того умеет он ценить чувствительным своим сердцем и жизнь своих подданных. Вы, вероятно, помните, что на меня же возложено было поручение известить государя о Тарутинской победе и о начатии нами наступательных действий против неприятеля. Отдав государю отчет о результатах сражения, я просил позволения доложить Его Величеству о желании армии.

— В чем дело, полковник? — сказал он.

— Государь,— отвечал я,— одержанная нами победа, прекрасное состояние Вашей армии, оживляющий ее дух, преданность ее к особе Вашей, прибывающие к ней отовсюду подкрепления, бедственное положение неприятеля, присланные Вашим Величеством на имя фельдмаршала повеления для затруднения ему отступления, наконец, принятые уже меры для истребления врага — все подает несомненную надежду, что он будет изгнан из России, став жертвой своей наглости. Все наше храброе войско видит в будущем одни лишь победные лавры; но все знают также, что всем этим мы обязаны заботам и трудам Вашим, государь; тем поездкам, которые Вы предприняли для подготовления этих успехов; они знают, государь, все то, что должно было испытать Ваше сердце, и потому войска желают и просят теперь Ваше Величество, как милости,— лично принять начальство над армией и сделаться свидетелем их преданности. Внемлите, государь, голосу армии, которая Вас обожает и которую Ваше присутствие сделает непобедимою.

Послушайте теперь, любезный Данилевский, ответ того Ангела, которому мы имеем счастье служить.

— *Полковник,— сказал он мне с видимым удовольствием,— все люди честолюбивы; признаюсь Вам откровенно, что и я не менее других,— и если бы в данную минуту я внимал только этому чувству, то я сел бы с Вами в коляску и отправился в армию. Я вижу и не сомневаюсь, что благодаря невыгодному положению, в которое мы вовлекли неприятеля, отличному духу армии, благодаря щедрым пожертвованиям моих добрых подданных, благо-*

даря приготовленным мною многочисленным запасным войскам и посланным в Молдавскую армию распоряжениям победа для нас несомненна и что остается только, как Вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если Я буду при армии, то вся слава отнесется ко мне и что Я займу место в истории. Но когда Я подумаю, как мало опытен я в военном искусстве, по сравнению с моим противником, и что, несмотря на всю добрую мою волю, Я могу сделать ошибку, благодаря которой прольется драгоценная кровь моих детей, то, невзирая на мое честолюбие, охотно жертвую этой славой для благополучия армии. Пусть пожинает лавры тот, кто более меня достоин их. Возвратитесь, полковник, к фельдмаршалу, поздравьте его с победой и скажите ему, чтобы он изгнал неприятеля из России, тогда я сам поеду ему навстречу, чтобы с триумфом привести его в мою столицу».

Вот, любезный Данилевский, что называется царствовать согласно велениям сердца. Будем же надеяться, что Небо, создавшее Александра для счастья человечества, сохранит нам его еще надолго.

Примите, любезный полковник, выражение чувств уважения, с которыми пребуду всю мою жизнь

Вашим покорным слугой
Граф Мишо

30 июля 1818 года. Петербург

Свидания французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года

(Историческая справка)

После Бородинского сражения обе армии, русская и французская, разошлись, и полководцы обеих сторон были вправе считать себя победителями. Оставление нашими войсками Москвы давало, по-видимому, основание Наполеону приписывать эту честь французам. На самом же деле, если мы проследим настроение французских генералов в период Тарутинского сидения, с 23 сентября по 6 октября, то сейчас же заметим у них какое-то подавленное настроение, выразившееся главным образом в частом упоминании о желательности мира, во время тех свиданий, которые русские имели с французскими генералами и офицерами.

Свидания эти начались в день оставления нашей армией Москвы 2 сентября 1812 г. В этот день арьергард наш, под командой Милорадовича, находился у Фарфоровых заводов, в 10 верстах от Москвы. Когда неприятель стал наступать, арьергард, медленно отходя, дошел к полудню до Поклонной горы. Из опасения быть отрезанным от Москвы (что могло произойти каждую минуту, так как в это время к Москве стягивались отовсюду французские корпуса), Милорадович решил во что бы то ни стало избежать потерь в своем слабом отряде, но, с другой стороны, все же хотел задержать неприятеля. Для этого он воспользовался запиской, за подписью полковника Кайсарова, присланной из главной квартиры. В записке этой говорилось, что 9000 наших раненых и больных поручаются великодушному попечению французских войск. Милорадович отправил эту записку Мюрату, королю Неаполитанскому, с штабс-ротмистром л.-гв. гусарского полка Акинфовым, которому на словах приказал передать следующее: если Мюрат хочет получить Москву в целости, то, не наступая сильно, должен дать возможность нашей артиллерии и обозам свободно выйти из нее, в противном случае он,

Милорадович, решился принять бой, драться до последнего человека и разрушить Москву; вместе с тем Акинфову приказано было как можно долее оставаться у французов.

Свидание свое с Мюратом Акинфов описал в записках, составленных им уже позднее и переданных в октябре 1837 г. Михайловскому-Данилевскому, в бумагах которого они и хранятся в Военно-ученом архиве. Эта записка напечатана в извлечении А. Н. Поповым* и помещена полностью у Харкевича**. Вот что пишет по поводу этой встречи с Мюратом Акинфов[1]:

«Взяв трубача Черниговского драгунского полка, поехал я к передовой цепи, состоящей из французских конных егерей, которая, по сигналу моего трубача, остановилась, и ко мне подъехал полковник 1-го конно-егерского полка. На вопрос его я отвечал, что имею поручение от начальника нашего авангарда, генерала Милорадовича, к королю Неаполитанскому. Меня проводили к командовавшему аванпостами генералу Себастиани, который спросил, чего я желаю. Услыша, что имею поручения к королю Неаполитанскому, отвечал, что все равно могу ему сообщить. На отзыв мой, что не имею приказания адресоваться к нему и не смею никому передавать моего поручения, кроме короля Неаполитанского, к которому послан,— генерал Себастиани приказал вести меня к Мюрату. Проехав мимо пяти кавалерийских полков, стоявших развернутым фронтом перед пехотными колоннами, увидел я Мюрата, блестяще одетого, с блестящею свитою. При приближении моем он приподнял свою шитую золотом с перьями шляпу, и когда я подьехал к нему, был окружен его свитою. Тут он закричал, чтобы нас оставили и, по удалении свиты, положа руку на шею моей лошади, сказал мне: «Господин капитан, что вы мне скажете?»

Подавши ему записку, присланную из главной квартиры, я сказал, что генерал Милорадович, будучи уверен, что ему приятно будет занять столицу своих неприятелей целою, требует, чтобы, не беспокоя наш арьергард, он дал нам ее

---

* Французы в Москве в 1812 году//Рус. арх. 1876. №№ 2—8. Также отдельное издание (М., 1876. Тип. Грачева), отпеч. в 100 экз.

** Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Вып. I. Вильна: Тип. Штаба Вилен. воен. округа, 1900. С. 205—212.

пройти, иначе генерал Милорадович решился драться в Москве и перед Москвой, до последнего человека, и вместо Москвы уступить развалины, не оставя камня на камне; для того бы король приказал остановиться французской колонне, готовой вступить в Москву, кажется, через Калужскую заставу. На первое Мюрат лишь отвечал, что напрасно поручать больных и раненых великодушию французских войск; французы в пленных неприятелях не видят уже врагов, а на второе сказал, что ничего не может решить без Наполеона, к которому и был я тотчас отправлен с адъютантом его; но, проехавши около 200 шагов, прискакал за мной офицер свиты Мюрата с приказанием воротиться к нему. А, увидя меня, сказал, что, желая сохранить Москву, решается сам согласиться на предложение генерала Милорадовича и пойдет так тихо, как нам угодно, но с тем только, чтобы Москва была занята французами в тот же день».

После этого решения неаполитанского короля Акинфов и Мюрат обменялись еще несколькими фразами, и парламентер наш вернулся обратно.

Относительно свидания, того же 2 сентября, самого Милорадовича с Себастиани имеются очень интересные указания у Клаузевица*, который после Бородинского сражения находился в штабе Милорадовича, а также и в записках Щербинина**, где мы находим следующие подробности.

1 сентября Милорадович был извещен Ермоловым, по приказанию Кутузова, о том, что Москва будет уступлена неприятелю. Вместе с этим Милорадовичу предписывалось «почтить древнюю столицу видом сражения под стенами ее»***. Это последнее предписание страшно взволновало Милорадовича, ибо он совершенно ясно представил себе результат его исполнения. Если бы, завязав с Наполеоном дело, он проиграл бы его, в чем, конечно, не приходилось сомневаться ввиду слабости отряда Милорадовича, то был бы обвинен в том, что вступил в сражение, тогда как следовало только маневрировать. С другой стороны, поспешное отступление

* Clausevitz. Hinterlassene Werke. VII. Berlin, 1835. S. 173—175.

** Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. I. С. 24—29.

*** В записках Ермолова (Т. I. С. 213—219) есть упоминание об этом предписании.

могло навести Наполеона на нашу армию, отступавшую шаг за шагом и обремененную громадными обозами, и опять-таки послужило бы поводом к обвинению, что он, Милорадович, отошел, не испытав сражения, как это было предписано. Вне себя от раздражения, Милорадович объявил, что благодаря такому странному отношению со стороны Ермолова, которому одному он приписывал это распоряжение, он завтра утром едет в главную квартиру и откажется от командования. Наутро наш арьергард стали сильно теснить французы, и он быстро приближался к Москве. Состоявшие при Милорадовиче полковники Сипягин и Потемкин подавали ему разные советы, как задержать противника, но Милорадович, молча, ехал. Вдруг он подозвал адъютанта и приказал ему отправиться в л.-гв. гусарский полк и потребовать офицера, свободно говорящего по-французски. Вскоре подскакал офицер на прекрасной лошади. Милорадович приказал ему отправиться к Мюрату, королю Неаполитанскому, начальнику французского авангарда, и доложить ему, что Москва целая и с жителями будет сдана только в том случае, если будет заключено перемирие до 7 часов следующего утра, иначе Мюрату придется взять Москву, перешагнув через труп Милорадовича. Затем Милорадович въехал в Москву и направился к Дорогомиловской заставе, от которой в 7 верстах назначил ночлег арьергарду. Проехав Кремль, Милорадович увидел два батальона Московского гарнизонного полка, оставлявших Москву с музыкою. Милорадович обратился к командовавшему гарнизоном, генерал-лейтенанту Брозину, со следующими словами: «*Какая каналья велела вам, чтобы играла музыка?*» Брозин отвечал, что когда гарнизон оставляет крепость по капитуляции, то играет музыка, «*так сказано в уставе Петра Великого*».— «*А где написано в уставе Петра Великого,*— возразил Милорадович,— *о сдаче Москвы? Извольте велеть замолчать музыке!*» В это время подскакал посланный к Мюрату офицер с известием, что король Неаполитанский принял предложение и остановил наступательное движение. Милорадович двинулся дальше. Вдруг, выехав за Дорогомиловскую заставу, Милорадович увидел вправо двух неприятельских улан. Он бросился к ним в галоп, вырвавшись от адъютанта своего, Юнгера, который хотел удержать его за полу мундира. Издали он крикнул ула-

нам: «Qui commande ici?» и, получив ответ: «Le général Sebastiuni»[2], помчался далее. Вскоре он повстречался с Себастиани. На приветствие французского генерала Милорадович сказал: «Ce ne sont plus les beaux jours de Bukarest! Vous avez agis en traitre: le roi de Naples a conclu avec moi une suspension d'armes jusqu'a 7 heures de matin, et vous voila, qui voulez me barrer le chemin!» Себастиани на это ответил: «Le roi ne m'en a point informé, meis je connais votre loyaute, cher Miloradovitch, et je vous crois sur parole»*

После этих слов Себастиани велел остановиться отряду параллельно Рязанской дороге, которую оставил свободною для прохода обозов и войск наших. Увидя наши обозы, которые в беспорядке кое-как плелись, Себастиани сказал: Avouez, qui nous sommes de bonnes gens, nous aurions pu prendre tout cela!»** Милорадович же, возвысив голос и с важным видом, указывая рукою вперед, ответил: «Vous vous trompez, cent millehommes sont la, gui m'auraient venge»***. При приближении темноты он расстался с Себастиани. На другое утро, в седьмом часу, он опять отправился на аванпосты и там согласился с Себастиани приостановить действия до 7 часов вечера. Так как в это время было уже темно, да к тому же и луны не было, то армия, в сущности говоря, от всех этих переговоров выиграла еще целые сутки, а в общем 36 часов. В продолжение этого времени армия наша отступала со всеми огромными обозами, прикрывая вместе с тем и спасавшихся московских жителей.

Всем этим Россия исключительно обязана бессмертной находчивости и героизму Милорадовича. То же самое говорит и другой современник, генерал Капцевич, который в течение 10 дней командовал арьергардом под начальством Милорадовича и «самый последний позади армии» удерживал

---

* «Да, это уже не прекрасные дни, когда мы виделись с Вами в Бухаресте. Вы изменнически поступили со мною, генерал! Неаполитанский король подписал со мною перемирие до 7 часов утра, а теперь Вы хотите преградить мне дорогу!». «Король ничего не сказал мне об этом — отвечал Себастиани — но я знаю Ваше благородство, любезный Милорадович, и верю Вам на слово».

** «Согласитесь, что мы добрые люди, ибо мы могли бы забрать все это!»

*** «Вы ошибаетесь: тут сто тысяч человек, которые отомстили бы за меня».

наступление неприятеля. Генерал Милорадович в тесных сих обстоятельствах выдумывает и одною игрою ума и хитростью выигрывает 4 часа времени... Спасение обозов и устройство в ретираде войск всегда будет обязано присутствию духа и разуму генерала Милорадовича*.

После свидания с Себастиани Милорадович имел несколько свиданий с самим *Мюратом*, королем Неаполитанским; первое из них было *3 сентября 1812 г.* Свидание это было первое в 1812 г., отмеченное исторической литературой; произошло оно на аванпостах, при деревне *Вязовке*, верстах в пяти от Москвы по Рязанской дороге. Во французских источниках имеются указания об этом свидании, но самые точные сведения как об этом свидании, так и об остальных, были получены Михайловским-Данилевским** во время разговора в 1818 г. в Бахчисарае с самим Милорадовичем. Во время этого разговора Милорадович упомянул о трех своих беседах и свиданиях с Мюратом, а именно: 1) *3 сентября*, на другой день после занятия французами Москвы (когда он впервые увидел Мюрата); 2) *4 сентября* и 3) *22 сентября* 1812 г., когда к нему явился французский генерал Пире, объявив, что его желает видеть Мюрат.

Вот что рассказал Милорадович Михайловскому-Данилевскому по поводу *свидания 3 сентября*.

«Мюрат *(после обмена приветствиями)*. Уступите мне Вашу позицию.

Милорадович. Ваше Величество...

Мюрат. Я здесь не король, а просто генерал!

Милорадович. Итак, генерал, извольте ее взять, я Вас встречу.

Полагая, что Вы меня атакуете, я приготовился к прекрасному кавалерийскому делу; у Вас конница славная, и сегодня пусть решится, которая лучше, Ваша или моя. Местоположение для кавалерийского сражения выгодное, только советую Вам с левой стороны не атаковать, потому что там болота.

---

* Письмо Капцевича к Аракчееву 10 сентября 1812 г.//Дубровин. Отеч. война в письмах современников. С. 125.

** Полн. собр. соч. Т. V. С. 5—6. Описание Отечественной войны. СПб., 1840. Изд. 2-е. Ч. III. С. 2—3. Также: Рус. старина. 1897. Т. XCI. Август. С. 333—336.

После сего я провел его на левое крыло, показал ему топкие болота, что его крайне удивило. Мы простились, и никакого дела не было, к вечеру я отошел далее назад.

На следующее утро, 4 сентября, Мюрат прислал известить меня, что через $1/4$ часа он намерен меня атаковать. Между тем мы с ним опять съехались в передовой цепи.

Мюрат. К чему проливать кровь? Ваша армия отступает. Вы с арьергардом должны соображаться с ее движениями, следовательно, уступите мне без боя Вашу позицию.

Милорадович. Этого я сделать не могу, и если Вам угодно поехать со мною, то Вы удостоверитесь в моих причинах.

Мы поехали через нашу цепь; король немного оробел и оглянулся на свою свиту, оставшуюся позади.

Милорадович. Не бойтесь ничего, Вы здесь безопасны! — потом, обратясь к стоявшим вдалеке адъютантам и ординарцам, закричал: «Messieurs de la suite du roi de Naples!»[3]

Я показал ему мою позицию, он просил меня уступить ему часть деревни, бывшей впереди оной, а потом всю деревню, на что я согласился. После сего он хотел было ехать со мною далее, но я, указав ему на наших гренадер, сказал, что этим храбрым солдатам неприятно будет, если они увидят нас долго разговаривающими вместе. Простясь с ним, провел его до аванпостов и на другой день скрылся от него боковым маршем на Калужскую дорогу, вслед за главной армией, оставя за собою по Рязанской дороге казачий разъезд полковника Ефремова»*.

Относительно же свидания *22 сентября* Милорадович рассказал следующее: «21 сентября принудил я неаполитанского короля, после жаркой сшибки, отступить за несколько верст назад и занял выгодное положение. На другой день сжалился я над неприятельскими ранеными солдатами, лежавшими на поле сражения подле моей передовой цепи, потому что я удержал поле битвы. Деревня, куда бы можно было провести их, была далеко, и я, содрогаясь над состоянием их, поскакал прямо на французскую передовую цепь, объявив о положении их раненых, и присовокупил, что позволю их перевезти и для того приехать за ними кому-нибудь из

* Рус. старина. 1897.

французских офицеров. Едва я возвратился к своим войскам, как прибыл ко мне французский генерал Пире, объявя мне, что неаполитанский король желает со мною говорить. Я поехал к нему и встретился с ним между моими аванпостами и французскими.

— Уступите мне Вашу позицию,— сказал он мне опять,— отойдите на 2 версты назад!

— Принудите меня отойти,— ответил я,— я Вас встречу, мы для того оба здесь. Но если Вашему Величеству угодно видеть, что мне добровольно нельзя уступить Вам этого места и что оно для меня важно, то я прошу Вас поехать со мною через мою передовую цепь, я Вам подробно все покажу. «Полагаюсь на вас,— сказал король,— я поеду с Вами». Свита его хотела за ним следовать, но я остановил ее, сказав, что обязуюсь охранять короля. Он в это время упомянул о мире, но я сказал ему, что ежели оный будет заключен теперь, то я первый сниму с себя мундир.

— Вот,— заключил граф Милорадович,— в чем состояли разговоры мои с неаполитанским королем, а что о них напечатано было в журнале, то это сущая ложь»*.

Затем, во время Тарутинского сидения, когда наша армия постепенно сосредоточивалась и набиралась сил, начиная с 23 сентября по 6 октября, на передовой линии между нашими и французскими аванпостами установились самые дружеские отношения. Мы имеем целый ряд указаний о бывших здесь свиданиях наших генералов и офицеров как с Мюратом, так и с другими генералами французской армии. Свидания эти вызвали впоследствии рескрипт императора Александра I, и потому мы считаем необходимым на них остановиться.

Несмотря на категорическое запрещение императора Александра вступать в сношения с неприятелем, Кутузов, 6 октября, принял французского генерал-адъютанта *Лористона,* предварительно продержав его у наших аванпостов почти день. Разговор продолжался около $^1/_2$ часа, и Лористон вышел от Кутузова очень недовольный. При разговоре Кутузова с Лористоном никто не присутствовал, а потому, о чем они говорили, мы можем узнать только из следующего

---

* Из воспоминаний Михайловского-Данилевского 1851 г. Гл. IV//Рус. старина. 1897. Август. С. 234—236.

донесения Кутузова государю*, посланного с князем Волконским:

«Всемилостивейший государь!

Я еще одни сутки должен был задержать генерал-адъютанта князя Волконского, сегодняшнего утра получив через парламентера письмо, которым означено, что император Наполеон желает с важными препоручениями отправить ко мне своего генерал-адъютанта. Князь Волконский доносит Вашему Императорскому Величеству обо всех переговорах, которые к сему случаю были, и, наконец, вечером прибыл ко мне Лористон, бывший в С.-Петербурге посол, который, распространяясь о пожарах, бывших в Москве, не виня французов, но малое число русских, оставшихся в Москве, предлагал размен пленных, в котором ему от меня отказано, а более всего распространялся об образе варварской войны, которую мы с ним ведем; сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов, поодиночке или в малом числе ходящих, поджигают сами домы свои и хлеб с полей собранный,— с предложением неслыханные такие поступки унять. Я уверял его, что если бы я желал переменить сей образ мыслей в народе, то не мог бы успеть; для того, что они войну сию почитают равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание. Наконец, дошел до истинного предмета его послания, т. е. говорить стал о мире; что дружба, существовавшая между Вашим Императорским Величеством и императором Наполеоном, разорвалась несчастным образом, по обстоятельствам совсем посторонним, и что теперь мог бы еще быть удобный случай оную восстановить. «Cette guèrre singulière, cette guérre innouie doit-elle donc durer éternellement? L'Empereur, mon maître, a un désir sincère de terminer ces différens entre deux nations grandes et genéreuses et a les terminer pour jamais»**.

Я ответствовал ему, что я никакого постановления на сие не имею и что при отправлении меня к армии и название мира ни разу не упомянули; впрочем, все сии слова, от него лично слышанные, происходят ли они так, как его собствен-

* Воен.-учен. арх. II. 28840.

** «Эта удивительная, эта неслыханная война, должна ли она вечно продолжаться? Император, мой повелитель, имеет искреннее желание положить предел ссоре между двумя великими и благородными народами и закончить ее навсегда».

ные рассуждения, или имеют источник свыше, что я сего разговора ни в котором случае и передать государю своему не желаю, que je serai maudit par la postérité si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accomodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation*; при сем случае подал он мне письмо от императора Наполеона, с коего при сем список прилагается, и просил меня испросить у Вашего Императорского Величества согласия ему, Лористону, прибыть по сему предмету в С.-Петербург и предложил в ожидании сего ответа перемирие, в котором я ему отказал. При сем случае рассчитывал с нетерпением время, когда на сие ответ прийти может. Сие требование его обещал ему исполнить, т. е. донести о желании сем императора Наполеона Вашему Императорскому Величеству.

Князь Михаил Г. Кутузов

Село Тарутино. Сентября 23 дня 1812 г.»

Наполеон передал через Лористона Кутузову следующее письмо**: «Monsieur le prince Koutousow, j'envoie près de vous un de mes aides de-camp généraux, pour vous entretenir de plusieurs objets importants. Je désire que votre Altesse ajoute foi a ce qu'il lui dira, surtout lorsqu'il lui exprimera les sentiments d'estime et de particulière considération que j'ai depuis longtemps pour sa personne. Cette lettre n'étant a autre fin, je prie Dieu qu'il vous ait, Monsieur le prince Koutousow, en Sa sainte et digne garde***.

Napoléon

A Moscou, le 3 Octobre 1812»

Вскоре после этого генерал, барон Корф, встретился на передовых постах с генералом Армандом (Armand)[4], который завел с ним речь.

---

* «Что я буду проклят потомством, если меня будут считать первым виновником какого бы то ни было соглашения с неприятелем, ибо таков теперь дух моего народа».

** «Князь Кутузов! Я посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров по нескольким важным предметам. Я желал бы, чтобы Ваша светлость доверяли ему во всем, что он будет говорить Вам, особенно же когда он будет высказывать Вам чувства совершенного уважения, кои я давно питаю к особе Вашей. Молю Бога, да сохранит он Вашу светлость под своим святым покровом, Наполеон».

*** Воен.-учен. арх. II. 28840.

— Мы, право, очень устали от этой войны,— сказал он,— дайте нам подорожную, и мы уйдем!

— Нет, генерал,— отвечал ему Корф,— вы пожаловали к нам незваные, а потому и уходить вам приходится по французскому обычаю — не откланиваясь!

— Шутки в сторону,— продолжал французский генерал,— не грустно ли, что два народа, уважающие друг друга, ведут такую истребительную войну! Мы просим извинения в том, что были зачинщиками, и охотно соглашаемся помириться на прежних границах.

— Мы верим, что в последнее время вы научились уважать нас,— отвечал барон Корф,— но мы сомневаемся, чтобы и на будущее время вы сохранили это уважение к нам, если мы допустим вас убраться с оружием в руках.

— Parbleu[5], должно быть, нечего нам и говорить с вами о мире: нам не удастся о нем договориться,— заключил разговор французский генерал*.

При всех встречах французы, под тем или иным предлогом, заводили разговоры о мире, например, когда Беннигсен встретился с Мюратом**, последний сейчас же сделал намек о своем желании прекратить войну, заявив, что «климат русский для него вреден». Все эти свидания, очевидно, ввели французов в заблуждение, усыпили их бдительность, и этим, может быть, мы обязаны успеху тарутинского дела. Сведения об этих свиданиях имеются почти во всех записках современников***, и главным образом в дневнике Вильсона****. Этот дневник, хотя и отличается односторонностью и издан только в 1861 г., составляет тем не менее один из самых драгоценных первоисточников истории второй половины войны 1812 г., и предположение, что он написан уже впоследствии, категорически опровергается целым рядом писем самого Вильсона, находящихся в русских архивах. У Дубровина, в его «*Отечественной войне в письмах совре-*

---

* Рус. старина. 1898. Т. XCVI. Ноябрь. С. 414.

** Записки Ермолова. Т. I. С. 219.

*** Crossard. (Mémoires). Т. I. С. 20—25.

**** Wilson. Private diary etc. London, 1861. С. 184, 186, 188, 191, 193, 197, 199.

менников»[*], имеются по этому поводу также ценные сведения (с. 183, 187, 189, 190, 191,193, 200, 201, 203, 204, 215). У Ермолова есть одна небольшая, но весьма едкая заметка о свидании Милорадовича с Мюратом. Вот она:

«Мюрат являлся то одетый по-гишпански, то в вымышленном преглупом наряде, с собольей шапкой, в глазетовых панталонах; Милорадович — на казачьей лошади, с плетью и тремя шалями ярких цветов, несогласующихся между собою, которые, концами обернутые около шеи, развевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях».

Под влиянием ли писем бывшего при главной квартире английского генерала Вильсона или же в силу каких-либо других причин, император Александр I был крайне недоволен всеми этими свиданиями, и результатом его неудовольствия явился следующий высочайший рескрипт Кутузову от 9 октября 1812 г.[**]

«Князь Михайло Илларионович! Из донесения Вашего, с князем Волконским полученного, известился я о бывшем свидании Вашем с французским генерал-адъютантом Лористоном.

При самом отправлении Вашем к вверенным Вам армиям, из личных моих с Вами объяснений, известно Вам было твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем.

Ныне же, после сего происшествия, должен с тою же решимостью повторить Вам: дабы сие принятое мною правило было во всем его пространстве строго и непоколебимо Вами соблюдаемо.

Равным образом с крайним неудовольствием узнал я, что генерал Беннигсен имел свидание с королем Неаполитанским, и еще без всякой к тому побудительной причины.

Поставляя ему на вид сей несовместный поступок, требую от Вас деятельного и строгого надзора, дабы и прочие генералы никогда не имели никаких свиданий, а кольми паче подобных переговоров с неприятелем, стараясь всемерно оных избегать.

---

* Прил. к т. XLIII «Записок» Имп. Акад. наук. № I. СПб., 1882.

** Богданович. Т. II. С. 394.

Все сведения, от меня к Вам доходящие, и все предначертания мои в указах на имя Ваше изъясняемые, и одним словом все, убеждает Вас в твердой моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное Отечество.

Пребываю к Вам всегда благосклонный

Александр»

Как мы уже сказали выше, Милорадович, будучи в 1818 г. в Крыму, в Бахчисарае, в разговоре с Михайловским-Данилевским, упомянув о своих трех свиданиях с Мюратом 3, 4 и 22 сентября, сказал, что все остальное, появившееся в журналах,— ложь. Каким образом попали в историческую литературу подобные вымышленные разговоры во время вымышленных же свиданий, нам думается, знать будет небезынтересно, и мы постараемся ниже выяснить причину появления, даже в самых серьезных исторических трудах, следующего разговора Милорадовича с Мюратом во время свидания, бывшего якобы 24 сентября 1812 г.

(После некоторых обыкновенных приветствий).

Король. Генерал! Известны ли Вам поступки Ваших казаков? Они стреляют по фуражирам, которых я посылаю в разные стороны; даже крестьяне Ваши, вспомоществуемые ими, убивают наших отдельных гусаров.

Милорадович. Я очень рад, что казаки в точности исполняют данные им приказания; также приятно мне слышать из уст Вашего Величества, что крестьяне наши показывают себя достойными имени русских.

Король. Но это противно принятым повсюду обыкновениям, и если это продолжится, то я принужден буду посылать колонны для прикрытия фуражиров.

Милорадович. Тем лучше, Ваше Величество, мои офицеры жалуются, что уже три недели они остаются в бездействии; они горят желанием брать пушки и знамена.

Король. Но к чему стараться раздражать друг против друга два народа, достойные во всех отношениях взаимного уважения?

Милорадович. Я и офицеры мои, мы всегда готовы оказывать Вашему Величеству всевозможные знаки почтения; но фуражиров Ваших всегда будут брать в плен, а посылаемые Вами для прикрытия их колонны всегда будут разбиваемы.

Король *(перерывая с досадою речь)*. Генерал! Неприятелей не бьют словами, взгляните на карту: вы увидите завоеванные нами у вас провинции и то, куда мы зашли.

Милорадович. Карл XII заходил еще дальше: он был в Полтаве.

Король. Французские войска всегда были победоносны.

Милорадович. Но мы сражались только при Бородине.

Король. Через эту победу мы овладели Москвой.

Милорадович. Извините, Ваше Величество, Москва была *оставлена*.

Король. Как бы то ни было, но мы владеем вашею древнею и пространною столицею.

Милорадович. Так, Ваше Величество, и эта мысль мучительна для всякого русского. Это величайшая жертва, принесенная Россиею; но она уже начинает пользоваться выгодами, происходящими от сего пожертвования.

Король. Что Вы хотите сказать?

Милорадович. Мне известно, что Наполеон посылал генерала Лористона к нашему главнокомандующему для переговоров о мире; я знаю, что ваши войска принуждены довольствоваться в течение двух суток и более тем, что едва достаточно для прокормления их в одни сутки...

Король. Известия, Вам доставленные, ложны...

Милорадович *(продолжая)*. Я знаю, что король Неаполитанский приехал к Милорадовичу просить пощады своим фуражирам и завести ряд переговоров, для успокоения своих солдат.

Король *(с досадой)*. Посещение мое совершенно случайное, я хотел только открыть Вам происходящие у Вас злоупотребления. Неустройство — великое несчастье для армии; оно ослабляет, истребляет ее...

Милорадович. Но в таком случае Вашему Величеству надлежало бы оное поощрять. Прекрасное неустройство, которым мы истребляем французских фуражиров.

Король. Вы ошибаетесь насчет нашего положения: Москва всем достаточно снабжена. Мы ожидаем бесчисленных подкреплений, которые к нам уже идут...

Милорадович *(смеясь)*. Неужели Ваше Величество думаете, что мы далее от наших подкреплений, нежели вы от ваших?

К о р о л ь. Я должен еще жаловаться в рассуждении одного весьма важного обстоятельства, генерал: я отдаюсь на ваше правосудие, на вашу справедливость. Вы дважды стреляли по нашим парламентерам.

М и л о р а д о в и ч. Ваше Величество! Мы и слышать о них не хотим. Мы желаем сражаться, а не переговоры вести. Итак, примите ваши меры.

К о р о л ь. Как, поэтому и я здесь не в безопасности?

М и л о р а д о в и ч. Ваше Величество на многое отважитесь, если в другой раз захотите сюда прийти, но сегодня я предоставляю себе честь проводить Вас до Ваших форпостов. Гей! лошади!

К о р о л ь (*пораженный сими словами*). Я никогда не слыхивал о таком образе войны.

М и л о р а д о в и ч. Я думаю, что слыхали.

К о р о л ь. Но где ж?

М и л о р а д о в и ч. В Испании.

Король еще более поражен был сим неожиданным ответом. Он вдруг переменил разговор и спросил с учтивостью:

— Где Вы в первый раз вели войну в звании генерала?

М и л о р а д о в и ч. Конечно, еще памятен во Франции поход Суворова в Италию. Я имел честь много раз командовать авангардом генералиссимуса.

Король и Милорадович удалились, разговаривая о покойном князе Багратионе.

Этот разговор появился впервые в ноябре 1812 г. в № 9 «Сына отечества» (с. 99—103) и отсюда перекочевал во всевозможные издания не только в России, но и за границей. В Англию он был передан тогдашним послом в Петербурге, лордом Каткартом, который официально сообщил его своему правительству, а затем он появился в большинстве лондонских и парижских изданий. Наконец, известный историк Капфиг в т. XI своей «истории»* приводит этот разговор целиком и сопровождает его следующим примечанием:

«Милорадович и Мюрат имели случай видеться всякий день и обмениваться сабельными ударами, ибо оба были храбры. Между ними существовал род перемирия, столь ог-

---

* Capefigue. L'Europe péndant le Consulat et l'Empire de Napoléon. Bruxelles, 1841. T. XVII. Chap. IV. P. 166—169 и там же, изд. 1842. T. XI. P. 102—108.

раниченного, что для нарушения его достаточно было предупреждаться за три часа. И вот Мюрат и Милорадович, отложа, наподобие героев «Илиады», свои щиты и воинскую броню, вступают в беседу, превознося победы своих предков и рассуждая о гостеприимстве, бранях и враждах неприязненных поколений».

Таким образом, разговор этот безусловно превратился бы в исторический факт, если бы вдруг, в 1843 г., в 3-й книжке «Москвитянина» не появилась статья, в которой дотоле скромный автор этого разговора, Александр Яковлевич Булгаков, чиновник особых поручений при Ростопчине, не разоблачил вымысла разговора и не объяснил причины его возникновения. Вот как было все на самом деле.

Москва была занята французами, и граф Ростопчин выехал во Владимир вместе со всей московской администрацией. В числе лиц, близко стоящих к графу Федору Васильевичу, находился молодой человек, откомандированный к нему из Иностранной коллегии, Александр Яковлевич Булгаков*. Это был чрезвычайно образованный и живой человек, свободно владевший пером и чрезвычайно быстро схватывавший и понимавший все, что делалось вокруг него. Ростопчин любил его и был очень доволен, что тот, отвезя свою жену к тетке, княгине Куракиной, вернулся снова во Владимир. Граф был болен и, помимо физической болезни, был глубоко угнетен духом. До последних дней он выпускал самоуверенные патриотические воззвания к жителям Москвы, грозил врагу, ручался, что древняя столица никогда не увидит в стенах своих неприятеля, а теперь, когда бедствие свершилось, он чувствовал себя как бы ответственным и перед Петербургом, и перед народом за позор родины. Известия во Владимир приходили туго, и потому на обязанности Булгакова лежало доставление сведений больному. С этой целью Александр Яковлевич часто ездил верст за тридцать от Владимира, в село Андреевское, где тогда проживал и лечился в своем имении раненный под Бородиным граф Михаил Семено-

* А. Я. Булгаков (1781—1863), впоследствии московский почт-директор, д. т. с., сенатор. Писатель. Выдержки из его записок и интересная переписка его с братом, Конст. Яковлевичем, в течение нескольких лет печатались на страницах «Русского архива» и в журнале «Старина и новизна». *К. В.*

вич Воронцов. Андреевское сделалось сборным пунктом большого числа раненых генералов, штаб- и обер-офицеров и более 300 человек нижних чинов, которые здесь пользовались врачебной помощью по приглашению Воронцова. Все это были герои Бородинского сражения, многие из них тяжелораненые*, некоторые из офицеров оказались даже без прислуги, вследствие чего им в распоряжение были отданы графские люди, которым было приказано иметь особенное попечение за ранеными и больными. Стол был общий для всех, но всякий мог, по желанию своему, обедать с графом или в своей комнате.

Булгаков бывал у Воронцова не только как посланный Ростопчина, но и как старый его знакомый. Наконец, там было приятно проводить время, так как сам хозяин, несмотря на то, что не мог ходить еще без помощи костылей, весь отдался гостеприимству и предоставил дорогим гостям свой роскошный дом, библиотеку, парк и портретную галерею.

До обеда обитатели Андреевского проводили время каждый в своей комнате, а к вечеру занимались все разговорами, чтением, бильярдом и музыкой. Большинство получало письма из армии, от друзей и родных; наконец, Андреевское посещали такие люди, как Барклай и др., и потому усадьба эта являлась как бы постоянным источником свежих известий с театра войны. Граф Воронцов сам с особенным интересом следил за тем, что происходило в Москве, и потому часто посылал или переодетых своих адъютантов, или выбирал проворнейших и смелейших между дворовыми своими людьми и крестьянами, которые проникали в Москву, узнавали там о действиях неприятеля и потом подробно докладывали обо всем графу. Бул-

---

* В числе этих лиц Булгаков называет генералов: графа *Э. де Сен-При*, начальника штаба 2-й армии; Николая Васильевича *Кретова*, шефа Екатеринославского кирасирского полка и командира 1-й бригады 2-й кирасирской дивизии; полковника графа Андрея Ив. *Гудовича*, командира Орденского кирасирского полка; л.-гв. егерского полка полковника *де-ла-Гарди*; командира Нарвского пехотного полка полковника Андрея Вас. *Богдановского*; Новоингерманландского пехотного полка майора б. *Врангеля;* старшего адъютанта сводно-гренадерской дивизии капитана А. И. *Дунаева*; Софийского пехотного полка капитана *Юрьева;* Орденского кирасирского полка поручиков: *Лизагуба* и *Почацкого*; л.-гв. егерского полка поручиков: *Федорова* и *Петина*; Нарвского пехотного полка капитана *Рогана*: поручиков: *Мищенко, Иванова, Змеева, Романова* и др., обагривших своею кровью Бородинское поле.

гаков собирал эти материалы, составлял из них как бы докладные записки и подносил своему начальству, а Ростопчин отправлял их государю. Таким образом, через Андреевское было получено из Владимира первое известие о приготовлениях, которые делали французы для взрыва Кремля, и т. п. В тот вечер, когда приехал в Андреевское Булгаков, в гостиной графа собралось большое общество, и хозяин, греясь около камина, сказал, добродушно посмеиваясь:

«Я получил сейчас известие из армии — кажется, скоро дойдет дело до драки — с обеих сторон делаются приготовления. Говорят, что Мюрат и Милорадович встретились нечаянно, объезжая свои передовые посты. Узнав друг друга, они перекланялись очень учтиво и обменялись несколькими фразами. Я воображаю,— продолжал граф,— как они пускали друг другу пыль в глаза. Мюрат успел на что-то пожаловаться, как пишут мне, а Милорадович отвечал ему: «О, ma foi, vous en verrez bien d'autres, Sire!»*

Все общество начало смеяться, заговорили о Милорадовиче, который за последнее время доставил столько материала для самых забавных анекдотов. Эта встреча Милорадовича с Мюратом, отмеченная Воронцовым, относится, по-видимому, к 3 сентября, когда они впервые встретились при деревне Вязовке, в пяти верстах от Москвы, по Рязанской дороге, и результатом этого свидания было добровольное очищение Милорадовичем деревни, расположенной на аванпостах. Затем, во время Тарутинского сидения, когда наши войска так тесно и постоянно соприкасались с французскими, что произошел целый ряд свиданий наших генералов с неприятельскими, Милорадович мог не раз видеть неаполитанского короля на довольно близком расстоянии. Оба были слишком яркие и характерные фигуры, чтобы не следить друг за другом и взаимно не обращать на себя внимания.

Встреча Мюрата и Милорадовича служила темой для разговоров в Андреевском в течение целого дня. Булгаков, гостивший в это время у Воронцова, наслушался немало остроумных слов и, заинтересованный беседой, засиделся до вечера и уже поздно ночью вернулся во Владимир. Первым движением его было, конечно, доложить обо всем графу; но

* О Ваше Величество, Вы еще не то увидите.

Ростопчин уже спал, и беспокоить его он не решился. Пройдя к себе, Булгаков присел к столу и, по привычке, стал записывать слышанное им в течение дня, чтобы потом более связно и последовательно доложить. Тут у него вдруг, совершенно неожиданно, мелькнула мысль о том, *как должны были разговаривать Мюрат и Милорадович*, если бы их встреча на аванпостах не ограничилась простым обменом поклонами. Булгаков набросал проект такого разговора, затем исправил его, переписал набело и утром, желая позабавить графа Федора Васильевича, явился к нему с этим разговором в руках.

Вот как описывает Булгаков, через много лет, этот забавный момент.

— Ну, что привезли вы нам хорошего? — спросил граф.

— Многое, многое. Михаил Семенович приказал кланяться вашему сиятельству и просил сказать, что на будущей неделе надеется бросить свои костыли и посетить Вас.

— Спасибо за добрую весть. Нет ли чего из армии, из Москвы?

— Михаил Семенович получил свежее письмо из армии, кажется, от графа Остермана. Дело идет к стычке неминуемой. Мюрат, говорят, встретился нечаянно на аванпостах с графом Милорадовичем и имел с ним *довольно продолжительный разговор*...

— Ого! Вот бы послушать! Я воображаю, что они друг другу напевали. Кто кого перещеголял? Да о чем, бишь, речь была?

— О разных предметах. Разговор этот положили в армии на бумагу. Михаил Семенович давал мне его читать, и я списал оный наскоро для Вас...

— Вот спасибо. Давай, давай скорее. *О мой Бог*[*], я умираю от нетерпения...

— Позвольте, я прочту сам, ибо писал очень несвязно, спешил.

— Читай, читай.

Булгаков прочитал весь разговор Ростопчину, который слушал его с величайшим вниманием, и только время от времени по энергичному лицу его скользила улыбка.

---

* Любимая поговорка Милорадовича.

Когда Александр Яковлевич кончил, граф с минуту молчал, затем физиономия его приняла то особенное выражение, которое было хорошо знакомо близким ему людям. Медленно понюхивая табак, он, подняв огромные свои глаза, посмотрел на своего подчиненного и полушутливо, грозя ему пальцем, сказал:

— Покайся!

Намек был настолько ясен, что Булгакову не оставалось ничего иного, как ответить:

— Виноват!

Но Ростопчин остался очень доволен его выдумкой и отправил разговор в Петербург, к А. И. Тургеневу, издававшему в то время «Сын отечества»[6], где он и был напечатан целиком, в ноябрьской книжке 1812 г.

Таким образом, остроумная, мимолетная шутка Булгакова превратилась в исторический факт и была даже введена иностранными учеными в летопись Отечественной войны. Прошло много лет. Однажды, живя в Сокольниках, А. Я. Булгаков совершенно случайно начал читать «историю» Капфига и, найдя у этого историка сочиненный им разговор, вероятно, устыдился. Со времени Отечественной войны прошло более четверти века, да и самому Булгакову стукнуло уже пятьдесят лет. Не откладывая в долгий ящик, Булгаков совершенно откровенно описал все вышесказанное и отвез на Девичье поле, к Михаилу Петровичу Погодину, издававшему тогда журнал «Москвитянин».

Это было в 1843 г. Погодин принял статью Булгакова с благодарностью и немедленно напечатал ее в своем журнале. Но это было, так сказать, публичное покаяние Булгакова, а за 12 лет перед тем, прочитав имевший громадный успех роман Загоскина «Рославлев», относящийся к эпохе Отечественной войны, Булгаков писал своему брату 2 июня 1831 г.:

«Я в двое суток прочел всего Загоскина, то есть «Рославлева». Он поместил тут — вымышленный мною, во время эмиграции нашей из Москвы, в 1812 г., когда я гостил у графа Воронцова, в Андреевском, деревне его,— разговор между Мюратом и Милорадовичем. Граф Ростопчин послал его тогда в Петербург, и пошел этот разговор по всем журналам, даже иностранным. *Смешнее всего то, что Милорадович*

*обедал после, два года спустя, у Ростопчина, который при мне нарочно спросил его: справедлив ли этот разговор? И Милорадович отвечал: a la lettre!**. Я не смел взглянуть на Ростопчина, и он сказал мне после: *et voila comme on écrit l'histoire!*[7] Милорадович на аванпостах просто перекланивался с Мюратом, коему кто-то сказал: *Voilà le Murat Russe*** .[8]

Теперь эпизод этот превратился в анекдот, но анекдот, чрезвычайно характерный для своей эпохи. В нем все живо до сих пор и чрезвычайно ясно звучит та славянская нота насмешливости, которая не покидает нас даже в трудные минуты жизни. Булгаков снял с себя то пятно, которое он, шутя, набросил на летопись Отечественной войны; но тот факт, что Милорадович на обеде у Ростопчина милостиво подтвердил апокрифическое сказание, в присутствии его автора, помимо высокого комизма, дает лишнюю черточку к духовному облику русского героя, в этом и заключается серьезное психологическое значение булгаковской шутки.

---

* Буквально!

** Рус. арх. 1900. VII. 1902.

Наполеон и борисовские евреи в 1812 году

I

(Эпизод из истории Отечественной войны)

В 30-х годах прошлого столетия, на основании высочайшего указа императора Николая I, жителю г. Борисова Минской губернии, еврею *Мордуху Энгельгарду*, повелено «впредь именоваться *Мордухом Энгельсоном*». Потомки этого переименованного еврея и по сей день благоденствуют в Борисове, но, быть может, и сами уже забыли, почему их предок вынужден был жить под новой фамилией и почему дело о каком-то безвестном обывателе восходило до императора Николая I.

Совершенно ничтожный случай этот связан, однако, с личностью огромного исторического масштаба — с именем Наполеона — и притом в один из самых критических моментов его жизненной карьеры — в дни знаменитой переправы Великой армии через Березину, в ноябре 1812 г.

«Роковому человеку», казалось, не было спасения. Три русских армии окружали остатки некогда победоносных легионов и готовились захватить самого императора французов, который в эту минуту находился в жалком положении загнанного гончими матерого волка, еще огрызающегося и способного больно укусить, но уже чувствующего близость конца. Маршалы молча качали головами и втихомолку шептались между собою: «Если и теперь он вывернется, значит ему помогает сам дьявол».

Положение французов действительно было отчаянное. После сражения под Красным борьба в сущности уже была окончена и русские могли торжествовать полную победу. Великая армия почти не существовала, и отступление жалких ее остатков напоминало скорее беспорядочное бегство. Еще один последний удар, одно последнее усилие, и непобедимые легионы растают окончательно, а с ними исчезнет и роковой призрак человека, могущественный образ которого приводил в трепет всю Европу.

С тыла, хотя и медленно, наступал Кутузов; с севера стояла армия Витгенштейна; на другом берегу Березины — Дунайская армия Чичагова. Как известно, наши военачальники впоследствии винили друг друга, объясняя, каждый по-своему, промахи другого: Чичагов жаловался, что Кутузов не посылал ему вовремя сообщений о неприятеле; Кутузов,— что Чичагов, находясь на центральном пункте у Борисова, не сумел наблюдать за переправою и плохо поставил разведочную часть. Фельдмаршал зло иронизировал по поводу адмирала, командующего *на сухом пути*. Сильное обвинение лежит и на Витгенштейне, который оставался почти бездеятельным в решительный момент переправы, руководствуясь не то страхом перед Наполеоном, не то личным честолюбием.

Так или иначе, но Наполеона выпустили и, конечно, помог ему не дьявол. Для нашего рассказа, впрочем, значение имеет лишь деятельность адмирала Чичагова, и поэтому мы остановимся на ней несколько подробнее.

Несомненно, что Чичагов хорошо сознавал лежащую на нем ответственность и ту роль, которую ему, быть может, суждено было играть в пленении «апокалиптического зверя». Еще в Минске, 7 ноября 1812 г., издает он свой исторический, оригинальный по стилю и курьезный по содержанию, приказ по Дунайской армии: «Наполеонова армия в бегстве. Виновник бедствий Европы с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Почему желаю, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. *Для вящей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых*. Я не говорю о награде за сего пленника: известные щедроты монарха за сие ответствуют»*.

Таким образом, все было сделано для уловления Наполеона и даже приняты меры военно-полицейского характера. Отныне гроза нависла над всеми малорослыми, плотными, лицом бледными, а волосом черными.

* Приказ по корпусу графа Ланжерона, данный в Минске 7 ноября 1812 г.

Прямой путь французов лежал на Минск, через Борисов. Березинский мост здесь тщательно охранялся войсками Домбровского и город занят был гарнизоном. Французы понимали огромное стратегическое значение Борисова, в случае отступления. Чичагов, тотчас после занятия Минска, быстро продолжал наступательное движение на Борисов: атаковал мостовое укрепление (tête-de-pont), овладел им после упорного боя, перешел через мост и занял город войсками графа Ламберта. В своем донесении фельдмаршалу адмирал усиленно выдвигает эту свою заслугу. Но затем распоряжения Чичагова теряют свою напряженность и сменяются покоем удовлетворенности от достигнутого успеха. Вся армия остается на правом берегу, а в Борисов перевозится огромный обоз, который всегда следовал в походах за адмиралом, любившим поесть и попить и ни в чем не отказывать себе среди превратностей военной жизни. Поговорку «a la guèrre comme a la guèrre»[1] он мог бы перефразировать: «и на войне, как дома». Эта слабость адмирала была хорошо известна Кутузову, и впоследствии, при первой с ним встрече в Вильно, фельдмаршал ядовито сообщил Чичагову, что его экипажи, сервизы и кухонные принадлежности отбиты обратно у французов и во всякое время могут быть возвращены его высокопревосходительству.

Чичагов расположился в Борисове большим русским барином, послав по большой дороге к Бобру небольшой отряд, под начальством графа Палена, на всякий случай. Адмирал поужинал и, в сознании исполненного долга перед отечеством, опочил спокойно 10 ноября 1812 г.

Совсем другое настроение царило в тот же день в ставке Наполеона. На пути, в нескольких переходах от Борисова, император получил роковое известие, что город занят русскими и что Молдавская армия Чичагова, захватив мостовое укрепление, преграждает путь его расстроенной и голодной армии. Это был страшный удар, настолько поразивший Наполеона, что он не мог удержаться и в негодовании воскликнул: «Итак,— нам суждено делать одни только глупости!» Баловень военного счастья нервничал и готов был растеряться перед угрозой 100-тысячной с лишком армии русских, наступавшей со всех сторон. Нельзя было надеяться на силу, спастись можно было лишь хитростью или при необычайно счастливом стечении обстоятельств.

Приказ по армии Чичагова, от 7 ноября 1812 года

Очень богатые люди, промотав все свое состояние, некоторое время еще роскошествуют за счет былого обаяния золота и пользуются кредитом. Так и баловни счастья, потеряв благоволение капризной фортуны, заставляют богиню обернуться и послать прощальную улыбку.

Повесть великого императора еще не была окончена, его ждали впереди и минутные успехи, и тяжелые неудачи: его ждали роковые «сто дней», Ватерлоо и остров Св. Елены.

Немедленно отдает он приказание маршалу Удино завладеть во что бы то ни стало Борисовскою переправою, а Виктору, прикрывая сбоку движение главной армии, велит следовать затем в ее арьергарде. Между тем 11 ноября рано утром слабый авангард Дунайской армии, под начальством генерала Палена 2-го, двигался по Оршанской дороге и если и ожидал встретить отряд французских войск, то во всяком случае не главную армию Наполеона. И когда впереди показались головные колонны французских войск, отряд Палена принял бой*. Но тут произошло нечто неожиданное. Стремительно, как лавина, мчащаяся с горы, ринулись войска Уди-

* Бой при д. Лошнице, 11 ноября 1812 г.

но на слабый отряд русских. Войска Палена были смяты и разбиты наголову. Маршал Удино форсированным маршем двинулся на Борисов, где еще не остыло чувство победы в главной квартире Чичагова. Внезапное появление французов произвело страшное смятение. Адмирал, поручив генерал-майору князю Щербатову принять на себя остатки нашего авангарда, поспешно переправился через мост к армии, стоявшей на правом берегу реки. Знаменитый обоз адмирала был брошен и попал в руки французов. При переходе через мост войсковые повозки кидали прямо в воду, чтобы они не мешали спешному отступлению войск и орудий. Несмотря на это, ближайшую к правому берегу часть моста удалось разрушить. Но едва ли Удино, со сравнительно небольшими силами, решился бы перейти Березину и атаковать стоящую на противоположном берегу Дунайскую армию. Цель маршала была совсем иная, и он довольствовался «нравственной победой». Действительно, последствия обратного взятия Борисова французами были огромны: Чичагов убедился, что имеет дело с главными силами неприятельской армии, и сделался осторожным и подозрительным. Приходилось угадывать, что хочет предпринять хитрый враг, внезапно показавший острые зубы, когда его считали уже бессильным и затравленным. Приходилось проявить личный почин, а не ожидать инструкций из Петербурга или от светлейшего. Наполеоновское «все средства хороши» столкнулось с русским «Бог нам за простоту пошлет». Имя Наполеона продолжало внушать почти суеверный страх. То, что невозможно для других, казалось возможным для него, и русские армии, приближаясь к истекающему кровью врагу, тревожно ожидали, что он внезапно бросится и в безумии отчаяния совершит чудо.

А тот, кого все еще не переставали бояться, был жалок в своем безвыходном положении, тщетно ломая голову над неразрешимой задачей. К счастью для него, русские командующие не знали печальной истины о французской главной армии.

II

Разведочная часть Дунайской армии, с момента обратного занятия Борисова, была далеко не на высоте поставленной ей задачи, и сведения, получаемые Чичаговым, носили, по-видимому, характер случайный. Этим, вероятно, и объяс-

няется, что он до последней минуты, когда пришло положительное известие о переправе Наполеона через Березину, был твердо убежден, что главная французская армия двинется к югу[2], в то время как она стягивалась на север у деревни Студянки. Маршал Удино всеми средствами старался поддержать это заблуждение адмирала. В деревне Ухолоды французы начали рубку леса, разбирали крестьянские избы по бревнам и производили промеры реки. Мало того, к югу от Борисова стали двигаться многочисленные отряды французов, о чем и доносилось Чичагову. Но это были не стройные колонны солдат, а толпы безоружных, жалких оборванцев, которых, под видом регулярных войск, и гнал Удино к Ухолодам, воспользовавшись для этой цели всего одним батальоном настоящих солдат. Герцог Реджио выказал необыкновенную сметливость и в другом отношении. Заняв Борисов, он начал деятельно расспрашивать жителей относительно глубины реки у места предполагаемой переправы и чрезвычайно удачно использовал борисовских евреев. Он таинственно старался выведать у местных жителей о бродах на реке, о дорогах, ведущих на Игумен, а оттуда к Минску, обещая щедрую награду проводникам. Призвав к себе несколько человек более влиятельных в Борисове евреев, маршал сам подробно расспрашивал их о глубине реки около местечка Ухолоды, дав понять, что переправа должна произойти именно у этого места, но что если кто-нибудь из них проговорится — тому грозит неминуемая смерть.

Затем Удино устроил настоящий маскарад: приглашен был местный раввин, и все евреи, участники совещания, были приведены к присяге и дали торжественную клятву не сообщать доверенной им тайны русским. Часть евреев маршал удержал, в качестве проводников, при своей квартире, остальных отпустил. Хитрый Удино не без основания рассчитал, что известие это скоро распространится в Борисове, населенном почти исключительно евреями, среди которых наверно найдется несколько человек, которые не устоят перед искушением поделиться тайной с Чичаговым, в надежде получить от адмирала хорошую награду.

Так оно и случилось. В ту же ночь французские часовые могли заметить три фигуры, осторожно пробиравшиеся к реке, пугливо озираясь при каждом шорохе, приседая и пря-

чась при каждом подозрительном звуке. То были три борисовских еврея: Мовша Энгельгард, Лейба Бенинсон и третий, не оставивший в летописях своего имени. Прорвавшись, как они думали, не замеченные французами, они, наконец, добрались до лодки и снова остановились, едва переводя дыхание, с ужасом ожидая, что вот-вот раздастся окрик часового. Но часовые как бы лишились зрения, и три еврея благополучно уселись в лодку, быстро отчалили и вскоре очутились на правом берегу реки. Здесь попали они на русский пост, ревниво наблюдавший за всяким движением с неприятельского берега. На вопрос офицера они сообщили свои имена и просили отправить их как можно скорее «к самому старшему генералу», которому они желают сообщить одну очень важную для русских тайну. Офицер велел отвести их под конвоем к адмиралу, который помещался неподалеку, в одном из крайних домов деревни Дымки, лежащей около предмостного укрепления.

Представ перед Чичаговым, все трое, перебивая друг друга, с истеричными всхлипываниями и биениями в грудь, стали объяснять адмиралу «всю настоящую правду» о месте будущей переправы Наполеона, близ Ухолод, и о движении французской армии на Игумен и Минск. Затем Энгельгард, в качестве оратора, отстранив рукою своих двух спутников, произнес в присутствии адмирала целую речь, смысл которой сводился к тому, что борисовские евреи избрали их для совершения подвига, который они исполнили, переправившись с опасностью для жизни через реку, рискуя попасть под французские штыки и пули. Затем они клятвенно подтвердили ему, что сами видели, как французы уже собирают материалы для постройки мостов и свозят их к Ухолодам, где уже собрано много войск, а вскоре туда прибудет и вся армия.

Адмирал чрезвычайно обрадовался сообщенному известию, которое являлось только новым подтверждением всех слухов о движении Наполеона на юг. Чичагов обласкал евреев, благодарил их и, велев выдать щедрую награду, оставил их при своей главной квартире. В скором времени одно за другим стали доходить донесения, по-видимому, подтверждавшие справедливость сообщения евреев. К Ухолодам французы шли шумно, нисколько не скрываясь и, по-видимому,

энергично приступили к постройке мостов: свозили нужный материал и разбирали для этой цели крестьянские избы.

Адмирал перестал сомневаться и обратил все свое внимание на участок реки ниже Борисова. Эта уверенность, что движение неприятеля им понято правильно, привела адмирала к целому ряду распоряжений, которые окончательно очистили путь Наполеону и дали ему возможность осуществить неслыханную в военных летописях переправу у исторической с тех пор деревни Студянки. Дунайская армия двинулась на юг, и даже отряду Чаплица, стоявшему насупротив Студянки, близ деревни Брили, было приказано идти к Борисовскому мостовому укреплению. Для наблюдения берега против Студянки оставлен Чаплицем слабый отряд генерала Корнилова.

III

Стоял холодный ноябрь. В погожие дни солнце еще кое-как пригревало зябких, плохо одетых французов, но по ночам то стояли морозы, то опускались на землю густые туманы, насквозь пронизывавшие людей холодной сыростью. Березина, через которую должна была переправиться Великая армия, еще не была скована зимней одеждой, но по ней уже шли льдины, а топкие, болотистые берега, при поднятии воды, грозили обратиться в целое море. Переправа при этих условиях была крайне затруднительна даже для армии, хорошо организованной, снабженной всем необходимым; теперь же эта задача предстояла для жалких остатков Великой армии, за которой следовала громадная полуголодная толпа безоружных.

На рассвете 14 ноября Наполеон прибыл в Студянку, где собраны были остатки корпусов, в ожидании переправы. Император беседовал с Удино и, наклонившись над картой, имел чрезвычайно озабоченный вид, рассеянно отвечая на вопросы. И действительно, было над чем призадуматься: на противоположном берегу угрожающе горели русские бивачные огни, которые доказывали, что Дунайская армия зорко сторожит переправу и грозит разрушить столь удачно начатое им дело. В это время к Наполеону вошел Мюрат, который, не видя исхода из ужасного положения, предложил императору спастись самому, переправившись через реку при

помощи поляков, которые брались доставить его в Вильно. Наполеон резко отвечал отказом.

— Тогда мы все должны погибнуть,— сказал Мюрат.

— Конечно, о сдаче не может быть и речи,— отвечал император.

Эта беседа внезапно была прервана появлением генерал-адьютанта Наполеона, Раппа, который с волнением произнес:

— Государь, неприятель очистил позицию!

Никто не хотел этому верить, но вошедший в это время маршал Ней подтвердил невероятное известие. Действительно, рассматривая русский берег в подзорную трубу, маршалы заметили, что неприятель поспешно уходит. Его сомкнутые части исчезли, огни потухли, виднелся только хвост колонны, исчезавшей в лесу, и несколько сотен казаков, рассыпанных по равнине.

Император быстро вышел из лачуги и, бросив взгляд на противоположный берег реки, радостно воскликнул: «Я обманул адмирала! Он ищет меня там, где я приказал сделать ложную демонстрацию!» Он сразу воспрянул духом и проявил поразительную энергию. Он возбудил войска и влил в них новую надежду, ибо они еще верили в своего императора, эти несчастные, умиравшие от русского холода солдаты Великой армии!

Восемьсот человек понтонеров вошли в ледяную воду Березины и, стоя по пояс в воде, среди плавающих льдин, вбивали сваи для мостов. Это был почти нечеловеческий труд, это была верная смерть. Почти все понтонеры и саперы эти погибли впоследствии от тифа, и с ними же погиб и самоотверженный начальник инженеров, генерал Эбле, лично руководивший работами при постройке Березинских мостов. Но в эту минуту никто не думал о собственной жизни: на берегу виднелась знакомая низенькая фигура в походном сюртуке и треугольной шляпе. Проявить свою доблесть на глазах императора — вот все, о чем думали теперь солдаты.

Мосты были выстроены, и французы перешли реку. Наполеон переправился с остатками своей армии и избежал расставленной ему русскими западни.

Что же делал в это время Чичагов? 13 ноября, когда французские корпуса уже стягивались к Студянке, он с глав-

ными силами спешно двинулся на юг по направлению к Игумену, дошел до деревни Забашевичи и провел в ней день 14 ноября. Уверенность его не поколебалась даже тогда, когда до него дошло известие о сосредоточении французов у Студянки: он считал все это ложной демонстрацией, и только 15-го утром узнал он роковую весть и убедился, наконец, в своем заблуждении.

С этого момента дело борисовских евреев теряет политическое значение и переходит в бытовую историю, окончившуюся для них весьма печально. Как в наши дни, во время железнодорожных катастроф, остается виновным всегда стрелочник, так Чичагов, отыскивая виновников своей ошибки, обрушился прежде всего на несчастных евреев, сообщивших русскому адмиралу ложную тайну, внушенную им хитрым Удино. Маршал грозил им смертью за измену; но смерть, как оказалось, настигла их совсем с другой стороны. По приказанию Чичагова борисовские жители *Мовша Энгельгард, Лейба Бенинсон* и третий их соучастник были повешены как изменники и предатели. Наполеон, никогда не жалевший человеческих жизней для достижения своих целей, случайно, сам того не ведая, раздавил при своем отступлении трех злополучных евреев, мечтавших, быть может, заработать деньжонки на службе русской армии и прожить еще мафусаиловы годы, торгуя в Борисове во славу их благодетеля — адмирала. Как истые сыны Израиля, казненные оставили многочисленное потомство, и долгое еще время, при разных спорах, их детей укоряли повешенными отцами.

С течением времени дело стало забываться, и потомки трех жертв нашествия французов благополучно проживают до сих пор в г. Борисове. Только фамилия Энгельгарда исчезла из городишка навсегда. Сын казненного Мовши Энгельгарда, Мордух Энгельгард, как мы уже упомянули в начале нашего рассказа, был по высочайшему указу переименован в Энгельсона. Обстоятельства этого дела также не лишены характерной черты того времени*. В 1830 г. в Борисов приехал какой-то генерал Энгельгардт, быть может, сын или родственник генерал-майора Энгельгардта, участника Отечествен-

* Настоящие подробности предоставлены были в наше распоряжение Е. А. Альбовским, в свою очередь слышавшем этот рассказ от борисовского старожила, 80-летнего старца г-на Рашковского. *К. В.*

ной войны, находившегося в отряде графа Ламберта и убитого 9 ноября 1812 г. во главе 7-го егерского полка, при штурме Борисовского мостового укрепления. Возможно, что генерал хотел посетить место смерти своего отца и расспрашивал местных старожилов о подробностях сражения. Между прочим обращался он и к всеведущим евреям. Записав, со слов еврея, все, что его интересовало, генерал Энгальгардт спросил.

— А как твоя фамилия?

— Энгельгард, ваше превосходительство!

Генерал, принявший сначала эти слова за шутку, вскипел гневом и долго не хотел верить в подлинность своего борисовского однофамильца, быть может, готового признать в нем своего родственника. Дальнейшие расспросы вскоре выяснили, что Мордух Энгельгард, невольно возмутивший родовую гордость Энгельгардтов, был сын не менее «исторического» Мовши Энгельгарда — невинной жертвы хитрости Удино. Генерал решил подать прошение на высочайшее имя, умоляя переменить фамилию его борисовского однофамильца, так как ему, генералу Энгельгардту, невозможно именоваться одинаково с изменником отечества. Насколько этот факт верен, судить трудно; несомненно только то, что, в силу указа императора Николая I, борисовскому жителю Мордуху Энгельгарду повелено именоваться впредь Мордухом Энгельсоном.

Переправа французской армии через Березину 14, 15 и 16 ноября 1812 года

(По французским источникам)*

Еще в октябре 1812 г. генерал Ларибуассиер, начальник артиллерии Великой армии, получив от маршала Мортье приказание взорвать Кремль, уничтожил и сжег 30 повозок с понтонами. Октября 7(19) генерал Эбле выступил с понтонерами и остатками повозок, но во время отступления все они были брошены. Однако в Орше найдено еще 60 повозок. Генерал Эбле просил разрешения взять хотя бы 15 из них, но император, желая по возможности уменьшить обоз и прежде всего спасать орудия, приказал уничтожить все понтонные лодки.

Генералу Эбле удалось сохранить лишь 6 ящиков с инструментом, 2 походные кузницы и две подводы с углем. Тот же генерал Эбле в Смоленске озаботился, чтобы каждый понтонер захватил свой инструмент, от 15 до 20 больших гвоздей и несколько топоров.

Этим благоразумным мерам и предусмотрительности генерала Эбле Великая армия обязана своим спасением. Борисовский мост был сожжен, и Березину нельзя было перейти, если бы случайно найденный кавалерией генерала Корбино брод[1] не дал возможности построить мосты на козлах, которые могли быть сооружены только благодаря мерам, принятым генералом Эбле.

Подробности этой достопамятной переправы мы приводим из дневника двух очевидцев и ее участников: артиллерийского полковника *Chapelle* (начальника штаба генерала Эбле) и командира 2-го батальона понтонеров, *Chapuis*.

---

* 1. Giraud de L'Ain. Le général Eblé 1758—1812. Подробности о Березинской переправе из дневника французского полковника Chapelle и майора Chapuis.

25 (13) ноября 1812 г.

В 5 часов утра прибыли в Борисов генералы Эбле и Шаслу. У Эбле 6 рот *понтонеров*, всего около 400 человек, все имеют бодрый вид и вооружены ружьями. У генерала Шаслу несколько рот *саперов* и остатки *Дунайского батальона*. Две роты понтонеров и одна рота саперов оставлены в Борисове для демонстрации переправы. Все остальные понтонеры и саперы, со всем инструментом и походными кузницами, пошли к деревне *Веселово**, где назначена была переправа. Это селение расположено приблизительно в 4 милях к северу от Борисова. Эбле и Шаслу прибыли туда между 4 и 5 часами пополудни; сюда же прибыли Удино и Мюрат.

Первоначально решено построить три моста на козлах, из коих два должны были строить артиллеристы (понтонеры), третий — саперы (инженерные войска).

Второй корпус (Удино) занимал Студянку уже два дня, т. е. с 11 (23) ноября. Близ деревни построили около 20 козел, но из столь плохого дерева, что их нельзя было употребить в дело. Между тем Наполеон, которому это было неизвестно, приказал перебросить один мост к 10 часам вечера, что было совершенно невозможно.

В 5 часов вечера ничего еще не было начато, а времени нельзя было терять. Быстро приступили к работе и работали всю ночь напролет, разбирая избы, пиля бревна, изготовляя на наковальнях гвозди и т. п. За неимением лодок построили три небольших плота, на каждом из которых могло поместиться не более 10 человек.

26 (14) ноября 1812 г.

В 8 часов утра император приказал наводить мосты. Немедленно приступлено к сооружению *двух* мостов, на расстоянии *ста туазов*[2] один от другого. В то же время несколько кавалеристов переправились вплавь на тот берег, посадив с собою по стрелку, и на плотах постепенно переправлено от 300 до 400 пехотинцев.

---

* Авторы дневника всюду упоминают деревню Веселово вместо Студянки, где в действительности произошла переправа. На всех французских и даже русских тогдашних картах не обозначена деревня Студянка, а упоминается ближайшая к ней деревня Веселово.

Русские не оказали никакого серьезного сопротивления и не препятствовали постройке мостов, хотя от 3 до 4 часов продолжалась довольно сильная перестрелка. Появились в довольно значительном количестве казаки, но их удерживал огонь наших стрелков и батареи, стрелявшие с левого берега.

Накануне ночью, когда не было возможности сделать промерку реки, ширину ее в этом месте считали в 40 туазов. На рассвете и в течение работ убедились, что ширина реки здесь более 50 туазов.

Так как число козел оказалось недостаточным, то над изготовлением их работали в течение целого дня 14 ноября. В час пополудни 14-го — *правый мост* был закончен. Он был предназначен *только для пехоты и кавалерии*, ибо настилка его была очень слаба и состояла из тонких досок толщиною от 4 до 5 дюймов.

Первым переправился 2-й корпус маршала Удино. Император, который с утра не покидал берегов Березины, встал у моста и следил за переправой корпуса, все полки которого были в прекрасном виде и полны отваги. С большими предосторожностями удалось перевезти через мост одно 8-дюймовое орудие и мортиру с зарядными ящиками.

Переправившись через реку, Удино тотчас атаковал русский лагерь и отбросил неприятеля, которому в течение следующих двух дней, несмотря на усиленные атаки, не удалось нас оттеснить, и войска наши сохранили таким образом позицию, защищавшую дефилеи мостов*.

Второй (левый) мост, предназначенный *для обоза и артиллерии*, был закончен в 4 часа пополудни. Прежде всего переправилась артиллерия 2-го корпуса, затем гвардейская артиллерия, большой парк артиллерии прочих корпусов и, наконец, обоз.

На этом мосту вместо досок, которых не хватило, были положены простые бревна (кругляки) длиною от 15 до 16 футов при 3—4 дюймах в диаметре. Поэтому повозки тряслись, тем более что возчики, несмотря на запрещение, неслись рысью; при этом козлы, благодаря илистому дну, углублялись неравномерно, вследствие чего происходило сотрясение и крен, и ноги козел расходились. Ввиду всего этого не было

* У м. Зембина.

ни времени, ни возможности делать исправления, и на мостах произошло три провала.

В 8 часов вечера 14 ноября трое козел левого моста провалились. Закончившие работу понтонеры, усталые и измученные, грелись у костров. С трудом удалось генералу Эбле, взывая к чувству патриотизма и долга, собрать половину этих измученных людей, и через три часа мост снова был исправлен и повозки начали переправу в 11 часов вечера.

27 (15) ноября.

В два часа пополудни трое козел того же моста проломились в самом глубоком месте реки. На смену первых понтонеров вызвана вторая половина, которая отдыхала во время работ первой. Постройка новых козел велась под руководством самого генерала Эбле. Во время этих работ на мост прибыл генерал *Лористон* и торопил солдат. После 4-часовой работы починка была окончена и к 6 часам утра сообщение с правым берегом восстановлено.

Переправа через р. Березину

В 4 часа пополудни 27 (15) ноября переправа снова приостановилась на два часа вследствие порчи двух козел. К счастью, это была последняя авария.

На правом мосту, где переправлялась только пехота и кавалерия, поломок никаких не было, но зато постоянно приходилось поправлять настилку, составленную из старых, гнилых досок, служивших крышей крестьянских домов. Для облегчения переправы на мост набросали сена и хворосту, которые часто приходилось менять.

Несмотря на все эти неудачи, войска переправились сравнительно быстро и сохраняли порядок.

До самого вечера 15-го (27-го) особенной давки еще не было, так как *отсталые и безоружные* были еще в небольшом числе. Но в ночь с 27 на 28 ноября они пришли толпами и вели с собой множество повозок и лошадей. Их беспорядочное шествие произвело такую давку, что только с большим трудом и опасностью можно было добраться до мостов. Генерал Эбле и другие начальники тщетно пытались водворить порядок: в течение более месяца утерявшие дисциплину и почти одичавшие люди эти не могли внимать их голосу. Повозки подъезжали к мостам в *30—40 рядов,* и здесь начинались крики, ссоры и беспорядки, совершенно задерживавшие движение по мостам.

28 (16) ноября.

Утром 28-го, во время двойных атак, производившихся русскими на обоих берегах Березины, беспорядок у мостов достиг своего апогея и продолжался в течение всего дня; каждый хотел переправиться первым, никто не уступал друг другу дороги. Люди, лошади и повозки, находившиеся в хвосте колонны, на которую падали снаряды с начала боя, собрались и столпились у мостов, образуя собою компактную массу в 1200—1400 м по фронту и от 300 до 400 м глубиною, так что *все пространство между деревней Студянкой и мостами было сплошь покрыто толпою конных и пеших людей, лошадей, повозок, которые толпились на месте и не могли податься вперед.*

9-й корпус, маршала *Виктора*, который прикрывал отступление с самого утра, с отвагою сражался против превосходного неприятеля. Но так как он не имел большого растя-

нутого фронта, то неприятелю около часу пополудни удалось поставить несколько батарей, обстреливавших мосты.

В эту-то толпу посыпались снаряды и произвели страшное опустошение. Тогда эта масса устремилась к мостам, причем множество офицеров и солдат были раздавлены людьми и лошадьми. Иные бросались в реку вплавь и погибали, другие цеплялись за козлы мостов, множество лошадей были сброшены в воду и погибли в реке.

Около 5 часов пополудни огонь прекратился с обеих сторон с наступлением темноты, но благодаря всем этим препятствиям переправа шла чрезвычайно медленно.

В эти тяжелые минуты генерал Эбле принял энергичные меры, дабы очистить доступ к мостам для войск 9-го корпуса, который должен был отступить ночью.

Среди целой груды человеческих и конских трупов, поломанных повозок, ящиков и т. п.— 150 понтонеров *начали прорубать брешь к мостам.* Очистка эта производилась следующим образом: оставленные без возницы повозки, стоявшие на дороге, отводились понтонерами на мост и сбрасывались в воду; лошадей отпрягали и небольшими партиями пускали вперед. Кроме того, для облегчения движения пеших направо и налево от главной бреши сделаны были еще боковые проходы среди этой стены повозок и трупов, число которых было огромно.

Около 9 часов вечера войска 9-го корпуса покинули позицию, оставив на левом берегу Березины арьергард для наблюдения за неприятелем. Весь 9-й корпус переправился в полном порядке и перевез на ту сторону всю свою артиллерию. В ночь с 28 на 29 ноября переправились вместе с зарядными ящиками две батареи (6 орудий) под начальством полковников *Chorin и Serrurier.*

29 (17) ноября.

В 1-м часу пополуночи весь 9-й корпус (исключая слабый арьергард) перешел на правый берег и по мостам никто уже не переправлялся. Вся гвардейская артиллерия, артиллерия 2-го и 9-го корпусов и большой артиллерийский парк (300 повозок и 40 — 50 орудий) переправились через реку. На левом берегу Березины оставлено не более 3 — 4 орудий.

Между тем на этом берегу оставались еще некоторые раненые и больные офицеры, чиновники, женщины, дети, мар-

китанты и маркитантки с их повозками, а также и некоторые солдаты, хотя и вооруженные, но усталые; наконец, целая толпа потерявших лошадей и запасы. Все они, исключая раненых и тяжелобольных, могли бы переправиться еще ночью; но лишь только прекратился неприятельский огонь, они устроили биваки с самой ужасной беспечностью. Генерал Эбле несколько раз посылал предупреждать их, что мосты будут сожжены, но все они оставались глухи к этим заявлениям и беспечно лежали у костров и в повозках до самого рассвета. Маршал Виктор, всю ночь проведший на биваке у генерала Эбле, также тщетно их уговаривал.

В 5 часов утра 29-го генерал Эбле приказал сжечь несколько повозок, что отчасти подействовало на толпу. В 6 $^1/_2$ утра маршал Виктор перевел свои аванпосты на правый берег. Это движение пробудило беспечных. Увидев теперь, что с переходом последних войск они очутятся во власти неприятеля, все устремились к мостам, с повозками и лошадьми, и произвели последнюю страшную давку.

Генерал Эбле, получивший приказание уничтожить мосты в 7 часов утра, из человеколюбия ждал до последней возможности и только в 8 $^1/_2$ часов, когда уже нельзя было терять ни минуты, велел зажечь мосты.

В этот момент левый берег Березины представлял ужасное зрелище. Мужчины, женщины и дети испускали крики отчаяния; некоторые бросались к мостам, пытаясь перебежать сквозь пламя, другие кидались вплавь, иные бросились на лед, образовавшийся между двумя мостами, но лед был не крепок, проламывался, и они проваливались в воду.

Наконец, около 9 часов утра появились казаки, которые и захватили в плен всю эту толпу.

Окончив разрушение мостов — что длилось около часу — генерал Эбле в 9 $^1/_2$ часов собрал свой отряд и пошел по Зембинской дороге вслед за отступавшей армией. Арьергард армии занял позицию на расстоянии около мили от Березины, чтобы защищать дефиле, длиною в две мили, в местности болотистой, но настолько узкой, что по ней могла идти лишь одна повозка. Это дефиле, фланги которого были почти непроходимы для пехоты и кавалерии, заканчивалось тремя большими деревянными мостами (из елового дерева), построенными один за другим через небольшие речки и боло-

та, слабо замерзшие. Общее протяжение в длину всех трех мостов составляло более 300 туазов. Интервалы между мостами, около 100 туазов каждый, были покрыты фашинником.

Маршал Ней, командовавший арьергардом, именем императора, приказал немедленно сжечь эти три моста за собой, так как разрушение их было чрезвычайно важно. Прибыв к мостам, генерал Эбле приказал сделать необходимые приготовления к их сожжению, каковую работу начал в 10 часов вечера 29 ноября. Несколько казаков показались было у первого моста, но были прогнаны огнем арьергардного батальона.

30 (18) ноября.

В 4 часа утра понтонеры удалились, испортив мосты настолько, чтобы неприятель не мог исправить их.

Ясно, что *если бы русский генерал, занимавший Зембин в течение 3—4 дней, предшествовавших переправе, озаботился бы уничтожением этих мостов, то французская армия очутилась бы в новом затруднении, еще худшем, чем у Студянки.*

Воспоминания польского офицера о кампании 1812 года

(Записки генерала Колачковского[*]*)*

Автор записок, инженер-генерал Клементий-Иосиф-Евгений Колачковский, один из образованнейших офицеров польской армии, происходил из древнего дворянского рода, владевшего поместьями в Познанском воеводстве. Он родился в 1793 г., в родовом имении отца Войново, лежащем в трех милях от Познани. Получив первоначальное образование в доме отца, под руководством французского эмигранта, аббата Tisserand, человека высокообразованного и гуманного, он, вместе с младшим своим братом Адамом, отдан был в 1804 г. в училище в Бреславле, а в 1806 г. переведен в высшую школу Aula Leopoldina, где учился под наблюдением бывшего краковского профессора, иезуита Вызикерского. По желанию отца он стал готовиться к военному званию и в 1809 г. поступил в Варшавскую Аппликационную школу (Szkola Aplikacyjna artyleryi i inzinierȯw) и вскоре выпущен офицером в инженерный корпус. На 18-м году от роду Колачковский, в чине капитана, назначен старшим адъютантом в саперный батальон герцогства Варшавского и в начале 1812 г. ему поручены работы по расширению и укреплению Модлинской крепости.

По вступлении Наполеона в пределы России Колачковский, в числе войск герцогства Варшавского, находился в рядах 5-го корпуса Великой армии, под начальством Понятовского, действия которого в эту кампанию описаны им подробно. С войсками польского корпуса он принимал участие в главнейших сражениях этой достопамятной кампании, сражался под Смоленском, Бородиным, Тарутиным, Вязьмой, при Березинской переправе и пережил все бедствия, постигшие Великую армию. Живой свидетель главнейших эпизодов

---

* С польского.

этой кампании, Колачковский в рядах французской армии вступает в Москву и, в качестве очевидца ее пожара и разорения, посвящает почти целую главу описанию древней русской столицы и ее историческому прошлому. В сентябре 1812 г. Колачковский назначается состоящим при генерале Лефевре-Денуэтте (Lefèbvre-Desnoêttes), а в октябре снова возвращается в штаб Понятовского, с которым и переходит обратно русскую границу.

Генерал Клементий Колачковский

В кампании 1813 г. Колачковский принимает участие в рядах польских войск; в 1814 г. находился в Торне, где заведовал работами по укреплению этой крепости; в 1815 г. вернулся в Варшаву и, после организации новой польской армии цесаревичем Константином Павловичем, зачислен в инженерный корпус. В 1816 г. назначен заведующим демаркационными работами по разграничению Краковской республики, находясь под начальством генерал-лейтенанта д'Овре[1], императорского русского комиссара по определению границ Царства Польского. Вскоре после этого он назначен инспектором Аппликационной школы, состоя одновременно профессором фортификации, топографии и геодезии.

Во время восстания 1830—1831 гг., в чине полковника, он в феврале 1831 г. назначен начальником инженеров польской армии, а вслед затем ему поручено сооружение варшавских укреплений. 11 ноября 1831 г. Колачковский произведен в бригадные генералы и временно исполняет обязанности генерал-квартирмейстера, заменив в этой должности своего старого друга, генерала Прондзинского.

Для русского читателя записки эти представляют особый интерес. Как участник похода 1812 г. и очевидец важнейших событий этой эпохи, генерал Колачковский являет собой редкий пример беспристрастия, оставаясь чуждым всякому

Князь Иосиф Понятовский, командующий 5-м корпусом Великой армии

национальному шовинизму. Поляк и офицер враждебной России армии, он отдает должную дань заслугам и знаниям наших полководцев и ставит Багратиона наряду с Ланном, Неем и Даву. Что касается исключительных качеств русского войска, то Колачковский высказывает следующее мнение: «*Русский солдат, своей выносливостью и умением переносить труды походной жизни, превосходит не только союзные войска Великой армии, но даже самих французов. Он в высокой степени одарен двумя драгоценными качествами, религиозностью и патриотизмом,— двумя стимулами, которыми умело пользуются вожди для возбуждения духа войск и народа. Русский солдат никогда не остается глух к этим двум голосам, и в этом он превосходит все другие народы. Он остается неизменным как в счастье, так и в невзгодах, и его нелегко деморализировать*».

Конец своей жизни Колачковский провел в деревне, занимаясь сельским хозяйством и работая над составлением своих «Записок», в родовом имении Войново, где и скончался в глубокой старости. Аристократ по происхождению, он был в родстве со многими представителями польской знати и, между прочим, приходился двоюродным братом княгине Лович, второй супруги Великого князя Константина Павловича. Генерал Колачковский был кавалером Почетного легиона, польского креста Virtuti Militari[2] и имел русские ордена Владимира 4-й степени и бриллиантовые знаки Св. Анны 2-й степени.

I

1812 год.— Работы по укреплению Модлина.— Близость войны с Россией.— Великая армия.— Численность польских войск 5-го корпуса.— Выступление в поход.— Болезни и убыль в людях.— Правое крыло Великой армии.— Движение на Гродно.— Неудача операций короля Вестфальского.— Багратион и русские генералы 1812 г.— Характеристика русского солдата.— Дела под Миром и Романовым.— Сравнение между польскими войсками и солдатами Даву.— Движение к Могилеву.— Соединение русских армий под Смоленском

12 января 1812 г. я был назначен старшим адъютантом в саперный батальон, а 20 марта того же года переведен капитаном в инженерный корпус. В это время мне шел 18-й год. Работы по укреплению и расширению крепости Модлин шли успешно. Мне достался тот же отдел, что и в прошлом году, и в помощь мне даны саперный поручик Закржевский и кондуктор Герман. Война в начале 1812 г. казалась уже несомненной, почему работы шли с чрезвычайной поспешностью, как только кончились морозы. Две пехотные дивизии были предназначены для этой цели. Первая, состоявшая из 4 полков и находившаяся под начальством генерала Домбровского, расположилась лагерем на правой стороне крепости. Вторая, состоявшая из 3 полков, под начальством генерала Каменецкого, расположилась у местечка Новый Двор. Обе дивизии ежедневно доставляли нам до 6000 человек. Кроме этого числа людей, из окружающих деревень собрано до 1000 деревенских рабочих, которые также стояли лагерем близ леса. Всю эту массу надо было кормить и содержать в хозяйственном и санитарном отношении, что вызвало необходимость в целой администрации. Каждое утро пушечный выстрел извещал о начале работ, а затем также и об окончании их после захода солнца. На мой отдел приходилось 4000 человек, забота о которых лежала на моей ответственности. Впрочем, в лице поручика Закржевского и кондуктора Германа я имел добрых и ревностных помощников.

Между тем признаки войны с Россией делались все более угрожающими. Как с той, так и с другой стороны шли большие приготовления.

Граф Винцентий Красинский

Французские войска Великой армии находились под начальством маршалов: Даву, Нея, Удино, Сен-Сира и других; итальянцы — под начальством вице-короля Евгения Богарне; вспомогательный баварский корпус — под командой генерала Вреде. Вюртембержцы, баденцы, саксонцы и войска герцогства Варшавского начали стягиваться к Висле. Императорская гвардия также выступила из Парижа. Первые войска, которые появились у нас, были вестфальцы, под начальством короля Иеронима, который 2 мая сам появился в Варшаве.

Польские полки наши, находившиеся в Испании, а именно: 4, 7 и 9-й пехотные герцогства Варшавского; 1, 2, 3 и 4-й легионов Вислы и 7-й полк улан,— в начале марта стали переходить Пиренеи.

В это время войска герцогства Варшавского были поставлены на военное положение. Из войск этих был сформирован 5-й корпус Великой армии, состоявший из 3 дивизий пехоты и одной кавалерийской, под общим начальством князя Иосифа Понятовского.

Корпус этот состоял: 1) из 30 батальонов пехоты по 800 человек — всего 24 000 человек; 2) 20 эскадронов по 200 всадников — всего 4000 человек; 3) артиллерии корпусной 54 орудия и 20 орудий полковой — всего 800 человек; 4) двух рот саперов — 300 человек; 5) артиллерийского парка и двух рот военных рабочих — 300 человек. Всего 29 400 человек.

Цифры эти я скорее уменьшил, нежели увеличил, так как в батальонах смело можно было считать по 850 человек. К этой цифре надо прибавить: нестроевых, маркитантов, служителей и т. п.; наконец, военно-санитарную часть, провиантскую и жандармов, которых я не считал, так что в общем польскую армию 5-го корпуса можно считать не менее 32 000 человек.

Полковник Шамбре (Chambray) в своей книге «Histoire de l'expedition de Russie»[3] считает общее число людей 5-го корпуса, которые перешли 24 июня 1812 г. русскую границу, т. е. офицеров и солдат пехоты, пешей артиллерии и инженерных войск — 32 159 человек; кавалерии и конной артиллерии — 4152 человека и 9438 лошадей.

Но, кроме 5-го корпуса Понятовского, Наполеон распределил по разным другим корпусам Великой армии еще 30 польских батальонов пехоты, по 800 человек каждый, всего 24 000; 11 полков кавалерии герцогства Варшавского, т. е. 44 эскадрона (по 250 лошадей), всего 11 000 кавалерии; 2 полка во французской службе — 1500 человек; конную гвардию Красинского — 700 кавалеристов. А всего — 37 200 человек; 2 пешие и 3 конные батареи по 6 орудий, всего 30 орудий.

Сложив все эти цифры, оказывается, что герцогство Варшавское, имевшее 4 000 000 жителей, выступило в войну 1812 г. с 48 000 пехоты, 17 200 человек кавалерии, 104 орудиями и 1500 артиллеристами. В общей сложности оно выставило 66 700 человек, кроме обоза, парков, инженерных войск и нестроевых. Напряжение было столь же сильно, как и впоследствии, в 1831 г., с той только разницей, что в 1812 г. около половины этого войска было на содержании французского правительства.

При этом я не считал еще 13-го пехотного полка, под начальством полковника Жимирского, составлявшего гарнизон крепости Замостье в числе 2400 человек (3 батальона), который с предыдущими войсками дает внушительную цифру 69 000 человек польских войск. Кроме того, я не считал гарнизонов: Модлина, Торна, Сероцка и Варшавы, которые с артиллерией и саперами увеличивали общее число еще на несколько тысяч человек.

В конце мая в Модлин прибыл вице-король Итальянский для осмотра работ и второй пехотной дивизии, расположенной биваком около крепости.

Прекрасная наружность принца Евгения Богарне и воспоминание о военных подвигах, совершенных им в столь молодых годах (битвы при Раабе и Ваграме), очаровали всех нас. Похвалы, которых он не щадил для войск, обещания лучшего будущего и лестные для наших начальников слова

покорили ему все сердца. Командование над инженерными войсками 5-го корпуса король вверил инженер-полковнику Брону, который вскоре был отозван, а на его место был послан, если мне не изменяет память, полковник Филипон. Для дальнейшего производства работ в Модлине должен был остаться полковник Мале (Mallet); он-то и задержал при себе меня и Прондзинского, совершенно против нашего желания. Но это продолжалось недолго. По приказанию князя Понятовского полковник Филипон получил другое назначение. Начальником инженеров 5-го корпуса был назначен полковник Мале, выразивший желание, чтобы ему сопутствовали и мы.

С возможной поспешностью устроил я себе походный «экипаж», состоявший только из пары лошадей для меня и для моего вестового. Не доезжая до Грохова, я прикупил себе у капитана Генерального штаба Голуховского еще третью лошадь под вещи. Но ни лошади, ни прислуга не были хорошо подобраны для предстоящего нам тяжелого похода.

Вскоре двинулись и войска нашего корпуса, следуя на Сероцк, Пултуск и Ломжу, по направлению к Августову. Мне поручено было обозначение мест лагерных стоянок для войск, двигавшихся большими массами, на заранее выбранных позициях. Уже в то время давало себя чувствовать отсутствие распорядительности на маршах: все войска шли по одной дороге непрерывной колонной, которая на походе растягивалась с повозками и парками почти на две мили. Видно было, что и начальники были мало осведомлены о движении походных колонн, а молодые, неопытные войска еще не свыклись с походом. Когда головные части колонны начинали разводить костры, хвост ее тащился по дороге еще часа три, пока подходил к биваку. Уже в самом начале стала замечаться убыль в рядах; когда же мы подходили к Неману, батальоны наши сильно поредели.

В этих дурных распоряжениях обвиняли начальника штаба корпуса, генерала Фишера. Начальники дивизий, в особенности генерал Домбровский, не привыкший к подобной опеке и любивший вести войну самостоятельно, при виде утомленных и плохо продовольствуемых солдат, горько жаловались на такое положение вещей. И в самом деле, почему бы не двигаться по дивизиям, на расстоянии двух часов пути

одна от другой, или же, идя по трем параллельным дорогам, предоставить самую большую для парков, артиллерии и обозов? Еще и до сих пор я не могу объяснить этого опрометчивого, противного всем военным правилам, способа передвижения и нахожу, что в этом в значительной степени виноват князь Понятовский, который беззаботно ехал во главе корпуса, не думая о том, что делается у него в тылу.

В течение всей кампании маршировали следующим образом. Рано утром начиналась побудка, затем, после раздачи хлеба и водки, войска становились в ружье; первая дивизия вытягивалась на дорогу, а за ней следовали и другие. Это длилось по крайней мере часа два. Голова колонны двигалась быстро, остальные эшелоны второпях догоняли. Во время марша делали привал, на котором солдаты бросались к ближайшей воде, как некогда войска Гедеона, чтобы утолить жажду. Потом снова маршировали, вплоть до ночлега, где располагались, как на позиции перед неприятелем, выставляя сторожевые посты, караулы и т. д. После разбивки палаток, разведения костров, посылки за водой, провизией и топливом, даже и в июне, когда день так долог, голодный солдат мог дождаться пищи лишь к 10 часам вечера, а чаще всего, совершенно измученный, бросался на землю и спал до утра, стараясь остатком пищи в котелках подкрепить свои силы для дальнейшего похода.

Результатом этого явились в войсках болезни, отсталые, беглые (мародеры), затем начались притеснения жителей, а в конце концов стал ощущаться значительный недочет в людях. По словам Шамбре, 5-й корпус князя Понятовского насчитывал в день перехода границы 32 159 человек пехоты, 4152 — кавалерии, итого 36 311 человек; коней в кавалерии и обозах 9438. 26 июня главная квартира находилась под Райгородом, и там нам был прочитан приказ Наполеона по войскам, от 22 июня.

Под Августовым на начальника штаба короля Вестфальского, генерала Аликса (Allix), возложено было королем поручение занять с нашим авангардом переправу у Гродно. Под начальством короля Вестфальского находились корпуса: польский (5-й), саксонский (7-й), вестфальский (8-й) и 4-й резервный кавалерийский Латур-Мобура. Все эти четыре корпуса, по свидетельству Шамбре, в общей сложности со-

ставляли армию в 63 047 человек пехоты и около 8000 кавалерии — всего 70 000 с лишним человек. Вся эта масса войск, составлявшая правое крыло Великой армии, должна была воспрепятствовать соединению Багратиона (штаб-квартира которого находилась в Волковыске) с главными силами русских, под начальством Барклая де Толли (стоявшего под Вильно), и, если бы представилась к этому возможность, разбить их.

Августово отстоит от Гродно в 7—8 милях. Дорога проходит через леса, а около Липска болотами. Отряд, получивший вышеуказанную задачу, состоял из 1-го полка пехоты трехбатальонного состава, под командой полковника Малаховского, с двумя полковыми пушками, двух саперных рот со всем необходимым для наводки мостов, 1-го полка конных егерей Пшебендовского и 12-го уланского полка Рыщевского, или 2700 пехоты и 1500 конницы. О неприятеле точных сведений мы не имели, так как берега Немана охранялись им насколько возможно бдительно. Помню только то, что, не зная точно местонахождения штаб-квартиры генерала Багратиона, мы предполагали ее в Белостоке, между тем как она находилась в Волковыске. О казаках Платова знали, что они под Гродно. Наш отряд был, очевидно, слишком слаб, чтобы устроить переправу под Гродно, в присутствии Платова, составлявшего авангард 2-й русской армии.

Мы двинулись из Августова 16 (28) июня и в тот же день остановились на биваке около Липска. 17-го (29-го), часов в 5 вечера, мы увидели берега Немана и колокольни Гродно. 1-й конно-егерский полк шел вдоль берега Немана, 12-й уланский свернул на большую дорогу от Нового Двора, пехота следовала за ними на расстоянии одной мили. Платову представлялся отличный случай совершенно уничтожить нас, тем более что под его командой было около 7000 коней. Но распоряжения его, по-видимому, были другие, так как на самом деле он спрятал под Гродно несколько сот казаков, которые отважно схватились с уланами Рыщевского, а затем, приготовив все для сожжения моста, подожгли его к вечеру, когда начала подтягиваться наша пехота. Сам Платов отступил к своим главным силам 29 июня и в этот день останавливался в Милковщизне, в 41 версте от Гродно. Наша пехота прибыла ночью, саперы исправили мост, и 30-го, рано утром, отряд

наш вступил в Гродно. Тут впервые прогремели нам навстречу пушечные выстрелы с русской стороны. Наши главные силы начали стягиваться под Гродно в тот же день, а именно: кавалерийский корпус Латур-Мобура, к которому в это время подошел 1-й конно-егерский полк Пшебендовского, наш 5-й корпус и 8-й вестфальский. 7-й корпус Ренье шел на Белосток.

В то время, когда правое крыло Великой армии переходило Неман, Наполеон находился уже 28 июня в Вильно. Великая армия начала переправляться через Неман, наведя три моста, в ночь с 23 на 24 июня, под Алексотой и Понемунем, без всякого сопротивления со стороны русских. Тут находились: 1-й корпус Даву, 2-й Удино, 3-й Нея, конница под начальством Мюрата и императорская гвардия — всего 182 850 человек пехоты, 49 227 человек кавалерии и 79 447 лошадей.

Вся эта масса войск, сосредоточенная 24 июня неподалеку от Немана, перешла через мосты под Алексотой. Затем два корпуса, под командой вице-короля Итальянского, числом 65 658 человек пехоты, 4274 кавалерии, 13756 коней, перешли Неман под Пилонами 30 июня. Наконец, маршал Макдональд с корпусом, состоявшим из прусских вспомогательных войск и польской пехотной дивизии, в количестве 30 023 пехоты, 2474 кавалерии и 6285 коней, перешел Неман 24 июня под Тильзитом. На крайнем правом крыле князь Шварценберг, с австрийским вспомогательным корпусом, в количестве 26 830 человек пехоты, 7318 человек кавалерии и 13126 лошадей, перешел границу (реку Буг) 1 июля под Дрогочиным. Сравнительно поздняя переправа правого крыла короля Вестфальского, перешедшего Неман спустя 6 дней после переправы Великой армии под Алексотой, имела целью ввести в заблуждение Багратиона, который стоял со своим корпусом в 40 000 человек южнее, около Волковыска, в 70 верстах от Гродно, в то время как корпус Даву быстрым переходом подвигался к Минску, чтобы отрезать Багратиона от 1-й русской армии Барклая.

Этот маневр, который мог иметь для Багратиона самые роковые последствия, был выполнен королем Вестфальским так неумело, с таким незнанием военного дела, что большая часть дальнейших неудач явилась результатом этой ошибки.

Король Вестфальский, располагая армией в 80 000 человек, не должен был задерживаться в Гродно долее чем на время, необходимое для переправы через Неман, т. е. на один день (30 июня). 1 июля он должен был двинуться вперед, имея перед собой, на расстоянии полуперехода, корпус князя Понятовского и конницу Латур-Мобура (всего 32 159 человек пехоты и 12 146 кавалерии) — в одной колонне, и остановиться в Несвиже 7 июля, пройдя 189 верст, или 27 миль. Между тем, без всякой основательной причины, Латур-Мобур выступил из Гродно на Новогрудок только 4 июля, а Понятовский 5-го. Авангард колонны последнего остановился в Несвиже 13 июня. Таким образом, ему потребовалось восемь дней, чтобы пройти 27 миль.

Эта неслыханная бездарность в выполнении столь важной операции и спасла Багратиона. 28 июня он оставил Волковыск, и, двигаясь на Зельву, 1 июля остановился в Слониме, 2-го в Дворжце, 3-го в Новогрудке, пройдя от Гродно 112 верст, или 16 миль, четырьмя поспешными переходами, 4 июля он собрал весь свой корпус в Николаеве, по ту сторону Немана. Авангард его, под начальством Платова, шел на Милковщизну (29-го), Ищолну (30-го), Лиду (1-го) и прибыл в Ивье 3 июля.

Здесь Платов узнал о движении маршала Даву, передовые части которого стояли 3 июля в Вишневе и куда он прибыл сам, со своим 40-тысячным корпусом, 4 июля. Получив эти известия, Багратион повернул от Николаева на Кареличи и 6 июля занял позицию под Миром. В тот же самый день пехота 5-го корпуса остановилась на бивак под Скиделем в 5 милях от Гродно, на пути в Новогрудок и Мир, т. е. была еще в 18 милях от неприятеля.

Здесь мне припоминаются слова Наполеона — «Война — это расчет часов» (La guerre c’est un calcul d’heures), правило, которое военачальники наши в то время совершенно упустили из виду. Всякий, кто только захотел бы взять в руки карту Литвы и измерить расстояния, мог бы убедиться, что авангард наш мог свободно подойти 5 июля к Миру, находящемуся на расстоянии 23 миль от Гродно, пройдя это расстояние в 7 средних переходов, т. е. во столько дней, сколько прошло от 30 июня до 6 июля. Тогда Багратион уже 6 июля был бы вынужден принять бой, а 7-го дело дошло бы, веро-

ятно, до решительного сражения, в котором с нашей стороны можно было сосредоточить 5-й и 8-й пехотные корпуса и 4-й кавалерийский (48 000 пехоты и 12 000 конницы) против армии Багратиона, все силы которого в то время состояли из 59 700 человек пехоты, и в том числе 11 500 казаков, которые в бою могут быть пригодны только для диверсии, ибо конница эта не приучена сражаться в строю. Артиллерии мы не считаем. Багратион должен был бы или принять бой против 60-тысячной армии, имея в 10 милях на своем правом фланге, в Воложине, маршала Даву с 40 000, или же отступить дальше в глубь страны к Несвижу и Слуцку, продолжая иметь у себя с фланга того же Даву. Но для выполнения столь важной операции Наполеон должен был назначить другого полководца и поручить командование столь значительными силами не бездарному и неосведомленному Иерониму, а маршалу Даву, который под Ауерштадтом дал столько доказательств своей энергии и самостоятельности. Князь Понятовский имел также слишком мало опытности для командования корпусом в несколько десятков тысяч; к тому же войска его состояли по большей части из молодых полков, не привыкших к походам и не бывших еще в огне. Среди командиров кавалерийских полков было много таких, которые сразу получили полки, имея лишь ту заслугу, что сформировали их на свои средства. К этому следует прибавить еще и то, что польские дивизии не были приучены к маневрированию и даже редко собирались для этой цели. Недавно сформированные 7, 11, 15 и 16-й уланские полки дивизии Рожнецкого и 12-й бригады Тышкевича еще ничем не доказали своих боевых качеств; пехотные 14, 15, 16 и 17-й полки также никогда не видели неприятеля.

Вестфальский корпус, хотя и имел, с внешней стороны, блестящий вид, но был проникнут немецким духом, служил неохотно, и на него нельзя было твердо положиться. И действительно, уже в битве под Можайском (Бородиным) он растаял, как весенний снег.

Совершенно иной дух и порядок царили в русском войске. Сам Багратион, родом из Грузии, выдающийся полководец, воспитанный в школе Суворова, в Итальянской кампании стяжал репутацию талантливого и опытного генерала. Он принадлежал к числу знаменитейших военачальников

своего времени и мог быть поставлен наряду с Ланном, Неем и Даву. К тому же он пользовался любовью и уважением своих войск. Эти войска так часто видели лишения, что выносливостью и умением переносить труды походной жизни превосходили не только союзные войска, но и самих французов. Конечно, в отношении умственного развития русский солдат, представляя собой простую исполнительную машину, был весьма мало развит; но зато он обладал двумя качествами — религиозностью и патриотизмом, двумя стимулами, которыми вожди искусно пользовались для возбуждения духа войск и народа. Русский солдат никогда не оставался глух к этим двум голосам, и в этом он превосходил все другие народы. Он остается неизменным, как в счастье, так и в невзгодах, и его нелегко деморализовать.

Возвращаюсь к нашему пребыванию в Гродно. Город этот, живописно расположенный на берегу Немана, принадлежит к второстепенным городам Литвы. Население его, некогда многочисленное, теперь не превышало 7000 душ. В истории Польши Гродно памятно как место кончины Стефана Батория, в 1586 г., и своими сеймами, которые созывались здесь через каждые три года. Август III соорудил здесь здание сейма; Станислав Август, покровительствовавший ремеслам, торговле и промышленности, украсил город многочисленными постройками. Немало обязан город и литовскому подскарбию Тизенгаузу, застроившему каменными домами часть города, известную под именем Городницы, и учредившему шелковые фабрики, развалины которых сохранились и до настоящего времени. В 1793 г. произошел в Гродно второй раздел Польши, а спустя два года здесь же последний король Польский, Станислав Август Понятовский, подписал вместе со своим отречением от престола и прекращение политической жизни своего народа.

В 1812 г. положение вещей совершенно изменилось. Вся Европа, выставив полумиллионную армию, перешла Неман, имея во главе величайшего полководца новых времен. Русские всюду отступали. В Варшаве конфедерационный сейм возвестил миру о восстановлении Польши, бывшие враги которой теперь отстаивали ее права, сражаясь в ее рядах. Все, по-видимому, предвещало нам удачу. Тем не менее более прозорливые люди уже в то время предрекали нашему делу судьбу Карла XII. Они предвидели неудачи, зная положение

нашего края, его особенности, зная климат России и военную мощь нашего противника. Но энтузиазм, охвативший поляков, не имел границ, и нашим девизом сделался клич крестоносцев: «Тако хощет Бог». Могущество России должно было сразу пасть перед нашими победоносными знаменами. Но Провидение решило иначе — и горькую чашу страданий пришлось испить нашему народу.

Первое столкновение под Миром, а затем под Романовым, положило предел нашим восторгам. В Гродно мы оставались до 4 июля, где жители встретили нас как дорогих гостей. Помню, что нас угощали самыми дорогими винами, взятыми из погребов губернатора для нашего главнокомандующего. Там были вина кипрские, греческие и великолепные настойки. Был я также на парадном обеде, где мне пришлось сидеть рядом с сестрой подполковника Суходольского.

5 июля мы выступили из Гродно, 6-го остановились в Скиделе, в пяти милях от Гродно. Расстояние от Гродно до Щучина 56 верст, от Щучина до Новогрудка (на Белицу) 59 верст. В Новогрудок мы пришли 9-го июля. Наш авангард, под начальством генерала Рожнецкого, проведя ночь 8-го на биваке, 9-го встретился под Миром с неприятельским арьергардом, которым командовал Платов. Здесь произошли два боя, описание которых, как лестное для нас, я привожу со слов очевидца.

«Вечером 7 июля кавалерийская дивизия, под начальством дивизионного генерала Рожнецкого, перешла вплавь Неман под Белицей и остановилась 8-го числа под Новогрудком, откуда должна была форсированным маршем пройти в Несвиж. 9 июля эскадрон 3-го уланского полка, встретив под Песочной сильный казачий разъезд, ударил на него и загнал в город Мир. Проскакав в пылу увлечения город, наткнулись на тот же разъезд, уже значительно усилившийся. Командир полка, полковник Радзиминский, тронулся с остальными частями своего полка для усиления 1-го эскадрона. Когда он выходил из предместья, на него надвинулись 5 казачьих полков, число которых все увеличивалось по мере того, как возрастал отпор, который мы им давали; наконец, оттесненный превосходными силами, отряд наш должен был пробиваться на соединение с двумя эскадронами 16-го уланского полка и одним эскадроном 15-го, шедшими ему на подкрепление.

Дрались с ожесточением. Неприятель понес гораздо больше потерь, чем 29-я бригада (3, 15 и 16-й уланские полки), которую он, несмотря на все усилия, не мог привести в расстройство. Вскоре после того 28-я бригада (2, 7 и 11-й уланские полки) прибыла в Ярцы и там соединилась с 29-й, где пробыли мы целую ночь в виду неприятеля и целой тучи казаков. 10 июля вся дивизия тронулась на Мир, где остановилась, и в полдень выступила в дальнейший путь на Несвиж. Авангард встретил неприятеля в Сеникове (на расстоянии одной мили от Мира) и быстро оттеснил его в лес, отделяющий Сениково от Городницы. 7-й уланский полк прошел через лес, остальная часть дивизии осталась по эту сторону леса. Разведка неприятельских сил выяснила, что нельзя отважиться на нападение. Неприятельский отряд состоял из казачьих корпусов Платова и Иловайского, соединенных с дивизиями драгун и гусар. Узнав точно численность нашей дивизии от пленных, взятых накануне, неприятель предполагал совершенно уничтожить ее среди лесов и болот; поэтому начал наступать на нас со всех сторон и осыпать картечью наши ближайшие эскадроны. В одно мгновение вся Сениковская равнина была занята легкой кавалерией. 7-й уланский полк, занимавший противоположный край леса, должен был пробиваться через неприятеля, чтобы соединиться с дивизией, но тут подошли русские гусары и драгуны, и тогда началась кровопролитная свалка. 3-й и 16-й уланские полки не менее 40 раз ходили в атаку на неприятеля и покрыли себя славой. 7-й и 15-й полки стройно вступили в бой; 2-й и 11-й находились на фланге, прикрывая наше левое крыло. Неприятель, уверенный в превосходстве своих сил, не сумел, однако, воспользоваться невыгодным положением нашей позиции. Часов в 9 вечера неприятельский отряд показался на нашем левом фланге и пробился до самого нашего арьергарда; несколько тысяч казаков ворвалось даже в интервалы между 7-м и 11-м полками. Но вся 29-я бригада и 7-й полк 28-й бригады, отбиваясь контратаками, в порядке отступили к Миру. Как раз в это время подошла к Миру 19-я кавалерийская бригада 5-го корпуса, под начальством бригадного генерала Тышкевича, и выслала вперед два эскадрона. Несколько орудийных выстрелов, сделанных батареей, следовавшей за бригадой Тышкевича, сдержали натиск не-

приятеля, который отступил поспешно и был преследуем за лес, находившийся поблизости этого места.

Дивизия оставалась на месте сражения до утра, но неприятель больше нас не тревожил. Шестичасовой кавалерийский бой, упорнейший из когда-либо существовавших, дал неприятелю почувствовать, что он имеет дело с войсками великого Наполеона. Киевские драгуны и ахтырские гусары понесли большие потери. Генерал-лейтенант Пален и полковники Андриянов и Иловайский легли на поле битвы[4], которое все устлано было трупами казаков, калмыков, башкир и татар. Мы же не потеряли ни одного офицера высшего ранга. В результате 3000 человек нашей кавалерии выдержали 6-часовой бой против 8000 казаков, 3000 регулярной кавалерии, двух егерских полков и 30 полевых орудий.

2 (14) июля 1-й конно-егерский полк Пшебендовского преследовал неприятеля, опрокинул казачий разъезд у д. Чарнолубы и в пылу преследования прибыл к Романову, где наткнулся на целый неприятельский лагерь. В мгновение ока Пшебендовский со своим полком был окружен массой русской кавалерии, через которую мужественно пробивался, усеяв поле вражескими трупами. Хотя он сам понес большой урон, но покрыл себя славой. Майор Ментрезор был ранен и попал в плен вместе с несколькими другими офицерами. Все потери полка исчисляются в 240 человек, убитых, раненых, пропавших без вести и взятых в плен».

Этот рассказ очевидца дает наглядное понятие об этих трех боях. В первой стычке самый большой урон понес 3-й уланский полк. Сам полковник Радзиминский был ранен. Полк потерял до 200 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Умудренный этим горьким опытом, Рожнецкий должен был действовать осторожнее, убедившись в силах неприятеля. Но он не только этого не сделал, но даже растянул некоторые свои полки в одну линию, думая этим обмануть неприятеля; на самом же деле этим еще более ослабил себя и был тем легче смят. Впрочем, оправданием ему может отчасти служить то, что у него не было ни артиллерии, ни пехоты. Главнокомандующий, король Иероним, должен был совсем иначе составить свой авангард, а именно так, чтобы всегда иметь на глазах неприятельский арьергард и гнать его с каждой остановки. Ему следовало образовать дивизию из

30 вольтижерских рот 5-го корпуса в составе 4500 человек легкой пехоты, придать к ней полк старой отборной пехоты (2400 человек), роту саперов и три батареи конной артиллерии. Такой отряд, под начальством рассудительного и предприимчивого начальника, а не такого, каким был, к несчастью, генерал Рожнецкий, не понес бы подобных потерь, и Багратиону пришлось бы либо поспешно отступать, либо принять бой. В бою под Миром наши молодые полки выказали мало опытности в маневрировании, а их начальники еще меньше военных знаний. Потери всей дивизии были свыше 500 человек. Бой под Миром еще не научил генерала Латур-Мобура, как следует руководить кавалерией в виду неприятеля. Под Романовым были повторены обе первые ошибки. 1-й конно-егерский полк был выслан вперед на две мили от главных сил на разведки и не имел резервов; будучи внезапно атакован неприятельской кавалерией, он должен был пробиваться через нее и был преследуем полторы мили без передышки. Спасся только тот, у кого был хороший конь. Этот блестящий полк, насчитывавший около 700 лошадей, потерял половину своего состава и не мог уже оправиться в течение всей кампании. Он вновь был сформирован в Смоленске и, во время отступления Великой армии, снова вошел в боевой состав, в числе 500 коней.

Следует, однако, заметить, что под Миром, к чести нашей кавалерии, неприятель значительно превосходил нас численностью. С русской стороны принимали участие в деле 14 казачьих полков Платова (7000 лошадей), 1000 казаков корпуса Багратиона, 3 полка регулярной кавалерии: Ахтырский гусарский (8 эскадронов), драгунские: Киевский и Новороссийский (8 эскадронов), и 2 батальона пехоты. К этому надо прибавить 6 казачьих орудий и 16 орудий конной артиллерии; всего 10 000 кавалерии, 1400 человек пехоты, при 22 орудиях.

Надо удивляться, что наша 4-тысячная кавалерийская дивизия, без артиллерии и пехоты, встретившись с такой массой кавалерии, находясь на расстоянии двух миль от своих главных сил, все время теснимая с флангов, имея трудную переправу через плотину и три моста и вдобавок вынужденная проходить через город Мир, не была совершенно уничтожена. Зато нравственно нашим войскам нанесен был сильный удар.

Ночь с 28 на 29 июня (9 на 10 июля) 5-й корпус провел в Новогрудке. Наши дивизии остановились на биваке перед городом на большой дороге, идущей к Миру, защищенному речкой Радзивилловкой. Дивизия генерала Заиончека правым флангом упиралась в дорогу, ведущую к Миру, и имела перед собой деревню Клебанку. Дивизия Домбровского (17-я) находилась в центре, 18-я на левом фланге.

Противоположный берег Радзивилловки порос лесом, так что фронт позиции был совершенно закрыт. Штаб-квартира находилась в Новогрудке. 4-й конно-егерский полк стоял на левом фланге, остальная кавалерия расположилась по дороге в Мир.

Новогрудок, по свидетельству историка Свенского, главный город воеводства, с замком, который стоял на пригорке по левой стороне большой дороги в Мир; в XIII в. он был сожжен татарами, а в скором времени завоеван Литвой. Здесь, по преданию, короновался литовский князь Миндовг, в 1252 г. Тут же вершился главный суд Великого княжества Литовского. Город украшают здание прежней иезуитской коллегии, кафедральный костел и множество других костелов и церквей. В 1314 г. город был сожжен крестоносцами, а в 1390 г. та же судьба постигла его вторично.

29 июня (10 июля) 5-й корпус, следуя через Мир, прибыл в Кареличи, в 22 верстах от Новогрудка. Здесь ясно были видны следы боя 28 июня (9 июля). Дивизии наши расположились под Миром на трактах, ведущих в Несвиж и Минск. 16-я дивизия стала в одну линию на первом фланге, 17-я и 18-я на левом, по направлению к Минску, имея в тылу замок, а на правом фланге деревню Замир. Кавалерия находилась при 16-й дивизии.

Из моего дневника видно, что корпус расположился под Миром 30 июня (11 июля). Замок, развалины которого еще сохранились, был выстроен князем Николаем Христофором Радзивиллом, по прозвищу Сиротка.

1-го (13-го) мы выступили из Мира и в тот же день, пройдя 28 верст, стали на биваке под Несвижем. Еще 27 июня (8 июля) здесь стоял Багратион со всем своим корпусом; он пробыл в Несвиже три дня и только 29 июня (11 июля) двинулся к Тимковичам. Таким образом, 2-я армия находилась всего в двух днях пути от нас.

Несвиж, с точки зрения стратегической, пункт чрезвычайно важный, так как он лежит на скрещении нескольких дорог. Здесь сходятся тракты из Гродно, Слонима, Пинска, Минска и Слуцка. Город расположен на равнине. Со стороны Слуцка и с севера он подходит к озеру, через которое идут две длинные плотины с мостами: одна в предместье на Слуцком тракте, другая в старую крепость Радзивилла. Со стороны Клецка и Мира город окружен валом и рвом; здесь видны остатки траншей и четырех небольших бастионов. Город достаточно живописен, имеет несколько костелов: бернардинов, бенедиктинов, доминиканцев и бывший иезуитский, выстроенный князем Радзивиллом Сироткой, одновременно с крепостью.

В Несвиже король Вестфальский получил ясные намеки неудовольствия своего царственного брата за плохое командование армией. После резких упреков, которые касались и князя Понятовского, император отнял у него командование и передал его Даву. Оскорбленный таким отношением к своей особе, король Вестфальский 4-го (16-го) оставил внезапно армию и вернулся в свою столицу через Варшаву, сдав командование 5-м и 8-м пехотными корпусами и 4-м кавалерийским князю Понятовскому.

3 (15) июля мы тронулись из Несвижа в Тимковичи и Великовичи (27 верст). Польский корпус на ночь расположился на позициях между лесом и деревней Скеньево. 16-я и 17-я дивизии в первой линии, 18-я — во второй. Перед лагерем, на левом крыле, течет речка Можа. По ту сторону Можи, по дороге к Слуцку, расположено местечко Тимковичи, впереди которого расположился лагерем 4-й конно-егерский полк. Остальная кавалерия стала на Романовском тракте.

Вечером 2-го (14-го) числа произошел бой под Романовым, в котором 1-й конно-егерский полк понес столь тяжелые потери.

4-го (16-го) переход в 17 верст к Романову. Наш корпус расположился на высотах, на тракте от Несвижа в Романов, в том же самом порядке, как и накануне. Перед фронтом позиции лежит речка Мinduced Меречь и городок Романов; 4-й конно-егерский полк стал перед Романовым, на Слуцкой дороге. По дороге от Тимковичей мы встретили много следов поражения

нашей кавалерии. 5-го (17-го) мы пришли в Слуцк и остановились на дневку на весь следующий день.

Город Слуцк принадлежит к числу самых древних в Литве и некогда считался столицей и вотчиной слуцких удельных князей. Он лежит на реке Случь, впадающей в Припять, среди ровной и болотистой местности. Река Случь делит город одним рукавом на две части, а другим огибает большим полукругом предместье со стороны Бобруйска. Город окружен окопами и 13 бастионами. Близ ворот Романовских, Островских, Минских и Бобруйских до сих пор видны следы старинных земляных укреплений. На левом берегу главного рукава Случи, с северной стороны города, находится цитадель с четырехугольными бастионами, с маленьким угловым орудием «единорогом», в настоящее время заброшенным. Город, по большей части деревянный, достаточно живописный; в нем два католических костела, четыре униатских, один лютеранский, один кальвинистский; тут же и протестантская школа. Город известен изделиями, главным образом шелковыми. Здесь некогда выделывались знаменитые у местной шляхты слуцкие пояса.

Армия наша расположилась лагерем в следующем порядке: 16-я и 17-я дивизии на дороге в Романов, опираясь правым флангом на реку Случь, левым на деревню Бродовню, имея перед собой предместье; 18-я дивизия на Бобруйском тракте по ту сторону города, опираясь флангами на два леса и прикрытая с фронта рукавом Случи. Кавалерия выдвинулась на большую дорогу в Глухов, куда подошел также 4-й резервный кавалерийский корпус. Бобруйские леса начинаются от Слуцка. Если бы наше войско углубилось бы в них, то наверно нам не хватило бы съестных припасов.

Судя по направлению движения Багратиона, можно было точно сказать, что он перейдет Березину под Бобруйском; тогда он был бы вне всякой опасности от нападения с нашей стороны. Князь Понятовский решил быстрыми переходами повернуть к Могилеву, чтобы как можно скорее соединиться с Даву, усилить его и дать ему, таким образом, возможность принудить Багратиона принять сражение до перехода через Днепр. Но и это движение, и быстрые переходы через пустынный и дикий край, совершенно изнурившие нашу пехоту, не могли уже исправить допущенной раньше ошибки.

7 (19) июля мы выступили из Слуцка. 5-й корпус оставил большой Слуцкий тракт и повернул на север, в сторону Игумена, лежащего в 105 верстах, или 15 милях, от Слуцка; Латур-Мобур двинулся на Глухов; генерал Шаво* с вестфальским корпусом 4 (16) июля спешно тронулся на Оршу, через Игумен и Минск. На ночь мы остановились в Перевозе, при слиянии Лоши с Винией, где и расположились лагерем в обыкновенном порядке.

7-го (20-го) прибыли в Должимов — деревню среди непрерывных лесов и болот. Здесь стал сказываться недостаток в съестных припасах и фураже. Дороги испортились; мосты требовали частых починок; число мародеров стало увеличиваться, что крайне тяжело отразилось на местном населении, которое встречало нас скорее неприязненным, чем радостным, взглядом, видя разорение своего имущества, в особенности от отсталых. Вообще, мы нашли население Литвы в таком жалком положении и встретили такое нерасположение к нам, что этого не может себе представить тот, кто не проходил этими местами, стоящими вдали от населенных пунктов. Правда, это была самая дикая часть Литвы. Но и в других местностях было не лучше. Некоторые жители сторонились нас и убегали из своих жилищ, а если и принимали нас, то или со страхом, или равнодушно. Зачастую они жалели уделить нам похлебки или борща.

Наша армия медленно двигалась, вытянувшись в узкую колонну, по песчаным дорогам среди лесов и болот, в самую жаркую июльскую пору. Люди падали от жажды и усталости. Ряды начали сильно редеть, а деревни и местечки, оставшиеся за нами, стали наполняться больными и отсталыми. Но что же было делать? Потеряв столько дней в Гродно, Несвиже и Слуцке, мы хотели исправить свою ошибку, и князь Понятовский, измученный упреками императора, вместе со своим начальником штаба Фишером, гнал вперед нашу пехоту, желая возможно скорее достигнуть Днепра.

9-го (21-го) мы остановились в местечке Душице, на реке Щиже и 11-го (23-го) прибыли в Игумен, местечко, лежащее в лесистой местности. 16-я дивизия стала лагерем по левой стороне дороги, ведущей в Могилев; 17-я дивизия расположи-

---

* Такого в списках 8-го корпуса не было: вероятно, следует читать Тарро.

лась в палатках за пехотой Даву, направо от Слуцкой дороги; 18-я — на самой дороге, опираясь правым флангом на деревню Хвойники. Помню, что в Игумене нас приветствовал помещик-литовец, в красном мальтийском мундире, яркий цвет которого удивительно выделялся среди черной еврейской толпы. Этот 15-мильный переход мы сделали за 5 дней.

12 (24) июля, пройдя форсированным маршем 4 мили, мы пришли в Якшицы, при реке Березине, которую нам пришлось впоследствии увидеть вторично при достопамятном отступлении Великой армии. Мы остановились на биваках среди лесов, на правом берегу реки, поставив для охраны моста 15-й и 13-й полки нашей кавалерии. 13 (25) июля, после небольшого перехода, мы остановились у местечка Погоста, на реке Клове, в 6 милях от Игумена.

14 (26) июля армия дошла до Белениц, местечка при реке Друти Могилевской губернии, в 35 верстах от Погоста. Переход этот был особенно труден и окончательно доканал жалкие остатки нашей пехоты. Тут мы соединились с французской кавалерией, с 6-м и 21-м конно-егерскими полками 1-го пехотного корпуса маршала Даву. Из Белениц 15-го (27-го) числа мы тронулись в Княжицы, сделав переход в 33 версты. Наконец, 16-го (28-го) числа, после короткого 15-верстного перехода, наш авангард остановился в Могилеве, придя в такое состояние, которое трудно описать. 16-я и 18-я пехотные дивизии, при 9-батальонном составе, по прибытии в Могилев насчитывали только по 2000 человек. А 17-я насчитывала едва 400 человек в батальоне. Остальная пехота еще тащилась по дорогам; многие, совершенно обессиленные и больные, не могли никак поспеть за колонной; другие, здоровые, но неохотно подчинявшиеся военной дисциплине, пользовались всяким случаем, чтобы уйти из строя, и промышляли себе пищу по сторонам дороги. Это были мародеры или отсталые — язва всех войск, а в особенности французского, которое получало продовольствие реквизиционным способом.

Но эту убыль в рядах следует приписать не столько дикости и злой воле солдат, сколько совершенной неподготовленности унтер-офицерского состава и молодых офицеров, из которых лишь немногие побывали в походах. Большинство наших субалтерн-офицеров шли в поход с мыслью, что их

дело — только драться и водить солдат в бой. Они упускали при этом из виду то, что, вступая в бой, необходимо иметь полный состав в ротах, иметь людей с сытым желудком и исправной амуницией и оружием. Все, что касалось вопроса об обозах, продовольствии, разделении обязанностей и службы в обозе и т. п., их мало интересовало. Каждый усталый думал только о себе, как бы ему отдохнуть, а об остальном не заботился вовсе. В этом главная разница между старым и молодым солдатом.

Насколько порядок в войсках зависит от офицеров, мы могли убедиться на роте капитана 15-го полка, Матвея Рубинского[5] (бывшего впоследствии, в 1831 г., главнокомандующим польскими войсками), которая по выходе из княжества Варшавского не понесла никакого урона в рядах. За эту заботливость о солдате главнокомандующий назначил Рубинского командиром батальона. Мне кажется, что главнокомандующий и его начальник штаба (объяснявшие убыль в рядах упущениями в служебном отношении) были в значительной мере виноваты в этой убыли благодаря неудачному выбору времени для переходов, благодаря беспорядкам во время похода, несоответственным дневкам и т. п.

Зато какая же разница между войсками нашего корпуса и солдатами Даву! Я видел 57, 61, 3, 85 и 108-й полки французской пехоты на другой день после нашего прибытия в Могилев. Они возвращались после сражения 11 (23) июля под Салтановкой, происшедшего в двух милях от Могилева с войсками Багратиона. Их выправка, обмундирование и вооружение были в самом лучшем порядке; они везли с собой провизию на несколько дней, имели двойное количество патронов, обуви и саперные принадлежности. Со всем этим грузом они шли легко и охотно, как бы на парад. В рядах недоставало только убитых и раненых; батальон состоял из 800 человек. Причина заключалась в том, что беспощадный маршал не допускал мародерства и его расправа с ними была очень коротка. Нам стало стыдно, когда мы сравнивали его солдат с нашими. Вот почему я всегда повторял и повторяю, что нам нужна железная рука, чтобы сделать из нас хороших солдат и удержать нас в повиновении.

Понемногу стали подходить отсталые, и наши ряды стали пополняться. В скором времени в батальонах мы насчитыва-

ли уже до 500 человек, а при выходе из Могилева до 600. Для поддержания упавшей дисциплины, для примера, было расстреляно несколько человек, и это привело буянов к порядку. Все-таки на каждый батальон приходилось около 200 человек убыли. Впоследствии из отсталых были сформированы маршевые батальоны. Но все-таки многие совсем не явились, а многие были переловлены поодиночке неприятелем и взяты в плен.

Во время нашего пребывания в Могилеве люди помещались в палатках или по квартирам в окрестных деревнях. Инженерные офицеры заняты были устройством предмостных укреплений и мостов через Днепр. Передовые посты наши стояли на Мстиславской дороге.

После дела под Салтановкой, 11 (23) июля, Багратион, не будучи в состоянии пробиться к 1-й армии через Могилев и Оршу, двинулся к Старому Быхову и, перейдя там Днепр, остановился в Пропойске на Соже, откуда пошел на Чириков. 15-го (27-го) он пошел на Кричев, 16 (28) июля — на Мстиславль, куда и прибыл на другой день.

16 (28) июля 5-й корпус остановился в Могилеве. Если бы Даву имел эти войска под рукой во время битвы под Салтановкой, то он совершенно смял бы Багратиона и прогнал бы его к Рогачеву, откуда соединение с 1-й армией было бы для него невозможно; или же, пользуясь своим центральным положением, Даву мог бы идти прямо на Мстиславль, соединив два корпуса, и там отрезать Багратиону путь на Смоленск.

Роковым образом сказалась и здесь ошибка долгого пребывания в Гродно. По этому поводу князь Понятовский получил много горьких упреков от Даву, и в особенности от Наполеона. «Ваш князь изменник» (Votre prince est un traître),— сказал Наполеон адъютанту Понятовского, князю Кицкому, посланному с докладом с Могилевской дороги.

23 июля (3 августа) Багратион, без всякого с нашей стороны препятствия, остановился под Смоленском, и в этом месте произошло его соединение с 1-й армией.

26 июля (6 августа) 4-й кавалерийский корпус, под начальством Латур-Мобура, усиленный дивизией Домбровского, вышел из Могилева на Рогачев для рекогносцировки Бобруйска и корпуса Эртеля, занимавшего Мозырь.

II

Движение 5-го корпуса на Оршу, Красное и на Смоленск. Встреча с Наполеоном.— Сражение под Красным. Внешний вид Смоленска и его укреплений.— Бой 5 (17) августа под Смоленском.— Потери польского корпуса.— Очищение Смоленска русскими войсками.— Вступление французов в Смоленск 18 августа.— Неосторожное удаление Наполеона от базы.— Положение французской армии и расположение русской.— Ослепление Наполеона и его смелые планы

30 июля (11 августа) 1812 г. 5-й корпус выступил из Могилева на Шклов, 31 июля (12 августа) прибыл в Оршу, а 1-го (13-го) в Романов. Теперь он состоял из двух пехотных дивизий (16-й и 18-й) и одной кавалерийской. Домбровский с 17-й дивизией остался под Рогачевым.

Согласно официальному расписанию, составленному по 23 июля (3 августа), численность 5-го корпуса равнялась 22 738 человек, считая в этой цифре и присоединившихся к нему отсталых. Если принять во внимание, что 12 (24) июня этот корпус имел под ружьем 36 311 человек, то за этот промежуток времени он, почти без выстрела (не считая дела под Романовым, где 1-й конно-егерский полк лишился 300 человек), потерял 13 573 человек, т. е. более $^{1}/_{3}$ своего состава, со времени перехода Немана. После отделения дивизии Домбровского, численностью в 8000 человек, польский корпус, по выходе из Могилева, имел под ружьем всего 14 000 человек, в том числе 11 000 пехоты и 3000 кавалерии.

В Орше я понес чувствительную потерю благодаря неопытности моего вестового. Получив из амбара рожь для моих лошадей, он усердно подсыпал им корм, после чего тотчас напоил их. Одна из лошадей тут же пала, а другой успели пустить кровь, но она так ослабела, что не годилась под верх. В результате я остался с одной здоровой лошадью и одной больной, что, конечно, очень затруднило мою походную жизнь.

Переправившись у Орши через Днепр, 5-й корпус, составлявший правое крыло Великой армии, шел на Романов, по направлению к Красному. 2 (14) августа, между Лядами и Красным, наши войска на короткое время соединились с главной армией, двигавшейся на Смоленск.

Здесь впервые пришлось мне увидеть Наполеона. Он стоял на большой дороге в Красное, обсаженной с обеих сторон двойным рядом высоких берез. Его окружала многочисленная блестящая свита и конвой из полков гвардейской кавалерии. Наполеон сидел на буланой арабской лошади; на нем была маленькая треугольная шляпа и знаменитый, серого цвета, походный сюртук, из-под которого виден был мундир гвардейских конных егерей. Императору французов в это время было 43 года. Он был небольшого роста, плотен, несколько сутуловат; с короткой шеей и большой головой. Широкое, плоское лицо его в профиль казалось прекрасным; нос греческий, цвет лица матовый, волосы короткие, черные, гладко зачесанные. Красивые серые глаза, с густыми, темными бровями, пронизывали собеседника. Выражение лица, с первого взгляда, казалось спокойным, но несколько угрюмым, и выражало исключительно два чувства: гнев и радость. Говорил он мало и отрывистыми фразами.

Таково было первое впечатление, которое произвел на меня Наполеон; в течение этого похода мне не раз приходилось еще его видеть, и первое впечатление осталось неизменным.

Ляды — последний польский город старой Польши (в границах до 1772 г.); жители, по преимуществу евреи, и резко выделяются своими черными костюмами от крестьян, живущих в окрестностях Красного и Смоленска. Последние уже давно забыли о своем первоначальном происхождении.

2 (14) августа произошло под Красным кровопролитное дело между авангардом Великой армии под начальством короля Неаполитанского и русской пехотной дивизией генерала Неверовского*. Плохо предводительствуемая французская кавалерия не могла прорвать этой дивизии, которая, потеряв 1500 человек и 5 орудий, отступила к Смоленску. 4 (16) августа мы окончательно соединились с Великой армией под Смоленском, в который прибыли по Мстиславской дороге.

Смоленск находится в 385 верстах, или 55 милях, от Москвы и в 704 верстах, или 100 милях и 4 верстах, от Петербурга и важен не столько количеством населения, которого в

* Виленский, Симбирский, Одесский и Тарнопольский пехотные полки, 49-й и 50-й егерские, составлявшие в то время 27-ю пехотную дивизию, только что сформированную.

1812 г. насчитывалось только 12 000 душ, сколько тем, что имел впоследствии большое влияние на ход наших операций в смысле военном. Город расположен на склоне горы, вдоль левого берега Днепра. Два глубоких оврага, которые тянутся от Красненского предместья к Мстиславскому и от Рачинского к Никольскому и спускаются к Днепру, чрезвычайно затрудняют подступы с обоих флангов. Сам город окружен высокой стеной от 25 до 30 фут. вышиной и 18 фут. в основании; окружность ее около 3000 сажен. В левом бастионе, со стороны моста, был в стене очень широкий пролом, заделанный бревнами. В город ведут только двое ворот: первые — около которых соединяются дороги из Красного, Мстиславля и Ельни, расположены на средине полуокружности и называются Малаховскими; другие ведут от Днепровского моста с противоположной стороны. 30 башен, различной величины, прилегают к стенам; одни из них квадратные, другие круглые, и поднимаются они наравне со стеной, причем расположены на неравных расстояниях вдоль всей стены. Верхняя часть стены покрыта зубцами, представляющими широкие бойницы для стрельбы пехоты. За стеной находился ров с прикрытым путем и гласисом, но в состоянии, не подготовленном к обороне. Со стороны Днепра ни рва, ни гласиса не было, а только стена, как и в остальной части круга. Для вылазок гарнизона, обороняющего крепость, в стене пробиты в нескольких местах небольшие проходы.

Небольшой демилюн, насыпанный из земли, прикрывал ворота со стороны Красного и мог быть обстрелян со старого бастиона, также насыпанного из земли, на расстоянии близкого пушечного выстрела. Направо, в 400 саженях, находилась цитадель, известная в польских летописях под именем Сигизмундовой башни и прерывающая стену. Она состояла из правильного многоугольника с пятью бастионами, насыпанного из земли. Валы этого укрепления не были снабжены палисадом, так что с этой стороны город не был обеспечен от штурма. Местность, окружающая город, неровная, пересечена оврагами и зарослями и закрыта на расстоянии четверти мили. Пустые башни не были вооружены артиллерией. Сама же крепость имела всего 50 орудий, да и те были без лафетов.

Полевой артиллерией неприятель вооружил демилюн перед Малаховскими воротами, прилегающий бастион и цитадель. На правом берегу Днепра находилось густонаселенное торговое предместье, которое можно назвать нижним городом. Оба берега соединял деревянный мост. Перед ним, не доходя до нижнего города, было предмостное укрепление, в виде кронверка; все постройки в предместьях были деревянные. В самом городе находится несколько красивых церквей, выстроенных в греческом стиле, с 5 куполами, из коих каждый выкрашен светлой краской, чаще всего зеленой, или покрыт позолотою. Кроме церквей, в Смоленске много красивых каменных домов; сады, расположенные между ними, и деревья придавали всему городу живописный вид. Почти все жители оставили свои дома и с духовенством, образами, а главным образом с иконой Смоленской Божией Матери бежали в Вязьму и Москву.

4 (16) августа 1812 г., достигнув возвышенности, господствовавшей над Смоленском, войска нашего корпуса встретили императора, который задержался около нас и пропустил мимо себя. Войска проходили повзводно, с кликами: «Да здравствует император!», и расположились затем на левом фланге, на расстоянии полумили от города. Полки легкой французской кавалерии широким полукругом опоясывали город; две дивизии французских кирасир и карабинеров* вместе с другими полками составляли резерв. С левого крыла доносились одиночные выстрелы французской пехоты, столкнувшейся с передовыми постами неприятельского арьергарда. Было 4 часа пополудни. Но этот день не был назначен для атаки. Наполеон полагал, что Барклай, соединившись с Багратионом, откажется от дальнейшего отступления и попытает счастья под стенами Смоленска. Поэтому он не хотел овладеть городом, желая оставить неприятелю место для того, чтобы последний мог развернуть свои силы перед городом. Но эта надежда не осуществилась. Какой же полководец осмелился бы принять бой с сильнейшим неприятелем, имея в тылу город и реку с одной только переправой!

* Отдельной дивизии карабинеров не было, а была 4-я кирасирская дивизия генерала Дефранса, состоявшая из 1-го и 2-го конно-карабинерных полков (Carabiniers à Cheval), 1-го кирасирского и 4-го французского легкоконного полка (Chevaux-Legers).

5 (17) августа, рано утром, войска 5-го корпуса, отдохнув, стали в ружье, в парадной форме, и до 9 часов утра ожидали приказа. В этот час прибыли адъютанты и сообщили князю Понятовскому приказ императора.

5-й корпус двинулся вперед в сомкнутых колоннах; кавалерия прикрывала это движение на правом крыле и отбросила неприятельские посты, расположенные вдоль Днепра. Мы встретили императора, который бодро приветствовал нас и приказал в своем присутствии произвести перемену фронта таким образом, чтобы правым крылом подойти к Днепру.

Это движение вышло не особенно гладко. Наполеон рассмеялся, видя ошибки, и сказал: «Это молодые войска».

Затем он подозвал князя Понятовского и, указав ему пункт атаки, приказал вытеснить неприятеля из Днепровского предместья и угрожать неприятельским мостам.

Это приказание было исполнено. Генерал Заиончек с пехотными 3, 15 и 16-м полками приблизился на картечный выстрел к правому оврагу и приказал своим стрелкам спуститься вниз. Вскоре начался сильный ружейный огонь.

В то же самое время 18-я дивизия начала, со стороны Днепра, атаку предместья Рачинского. Артиллерия 5-го корпуса, под общим начальством генерала Пелетие, в числе 42 орудий, заняла позицию на возвышенности на правом фланге, чтобы открыть мосты и обстреливать противный берег, на котором, близ маленькой церкви, были расположены русские тяжелые батареи. Между нашими и русскими батареями завязался сильный огонь. Падали люди и лошади, сменялись разбитые лафеты, орудийные передки и зарядные ящики взлетали на воздух. Действительно, эта была прекрасная картина! На левом фланге нашей батареи остановились король Неаполитанский и князь Понятовский, разговаривая между собой самым непринужденным образом, как будто бы их не осыпал град пуль. Этот огонь продолжался два часа, потом стал затихать и с той, и с другой стороны. В это же время шла атака нашей пехоты. Неприятельские стрелки были вытеснены из оврага и из Никольского предместья, а полки 16-й дивизии вытеснили его даже с прикрытого пути. Но на этом должны были остановиться их усилия. В 32-футовых стенах не было бреши, а ружейный огонь не давал к ним доступа. Французская артиллерия старалась про-

бить в них бреши, но все усилия, направленные против стен в 18 футов толщины, были тщетны.

Нужно было вывести из огня 16-ю дивизию, которая несла большой урон, и укрыть в овраге и в горящем предместье Никольском.

В этом деле мы потеряли полковника Закржевского, командира 3-го пехотного полка, и подполковника Подханского. В Главном штабе был ранен дивизионный генерал Заиончек — в ногу ружейной пулей. Здесь мы имели дело с корпусом Дохтурова, а в особенности с *6-м егерским* полком корпуса Раевского.

Другая атака, направленная против предместья Раченки, вначале шла очень успешно. Генерал Грабовский, во главе 18-й дивизии, с тремя пехотными полками, 2, 8 и 12-м, вытеснил неприятельскую пехоту из надднепровской долины и овладел предместьем, но тут к русским подошло подкрепление, состоявшее из гвардейских пеших егерей и одной бригады из дивизии принца Евгения Вюртембергского, и сдержало натиск нашей пехоты. Дело дошло до рукопашного боя в самом предместье, которое все погибло в огне. Потери с обеих сторон были очень велики, но наши потери были больше.

Погиб общий любимец — генерал Михаил Грабовский. Это был офицер, исполненный талантов и мужества. Погиб также и капитан 2-го пехотного полка Гаварт; 2-го пехотного полка полковник Круковецкий был ранен в руку пулей. Пало много офицеров и нижних чинов, но ужаснее всего то, что много раненых сгорело в огне. После обоюдного упорного боя, длившегося несколько часов, не желая подвергать нашу пехоту еще большим потерям, так как она никоим образом не могла бы ни разбить стен пулями, ни овладеть мостом, мы отступили от предместья и укрылись в извилинах оврага.

В этом положении нас застала ночь. Смоленск, зажженный нашими гранатами, был весь объят пламенем. Битва стихла часам к 9 вечера. Французам досталось не меньше, чем нам. Маршалы Даву и Ней штурмовали Красненское и Мстиславское предместья и старались овладеть Малаховскими воротами (средними) и Сигизмундовой башней, но, когда подошел принц Евгений Вюртембергский, они были оттеснены и должны были отказаться от дальнейших штурмов. Артиллерия этих корпусов также тщетно пыталась сделать

брешь в стенах. Сигизмундова башня была, конечно, самым слабым пунктом, против которого следовало сосредоточить огонь всей артиллерии, а затем штурмовать его достаточными силами. Ошибка эта обошлась нам дороже, чем большая битва. Великая армия потеряла в этом бою 12 000 человек, из коих на 5-й корпус пришлось до 1000 человек.

Часть ночи я провел на холме, над главным оврагом, оттуда мне открывалось чудное зрелище горящих куполов и башен, обрисовывавшихся на темном фоне неба. Всю ночь царил полный покой. Наши дозоры доходили до крытой траншеи, но все было спокойно. С первыми проблесками дня отдельные солдаты наши, не видя перед собой неприятельских постов, подвигались постепенно все дальше и дальше, прошли крытую траншею и рвы и дошли до одного из отверстий, пробитых в стене. Город был пуст. Барклай, ночью, в величайшей тишине, в полном порядке, приказал своим войскам выступить и двинулся на Московский тракт, сжегши за собой мосты.

Таким образом, 6-го (18-го) числа мы, без выстрела, вступили в Смоленск. Город еще пылал, и только на другой день пожар совершенно погас. Половина домов и церквей лежала в развалинах. Улицы, переполненные убитыми и ранеными, представляли ужасный вид. Осмотрев город, я вернулся обратно в главную квартиру, чтобы представить рапорт о состоянии города.

5-й корпус отдыхал под Смоленском до 10 (22) августа. 7-го (19-го) началась битва под Валутиной горой между арьергардом Барклая и нашим авангардом. С французской стороны пал храбрый генерал Гюден (Gudin) — дивизионный командир корпуса Даву.

9-го (21-го) числа, около 11 часов утра, император произвел 5-му корпусу смотр и раздал много орденов Почетного легиона, а именно всего 88; между ними два офицерских креста. При этом он не щадил похвал и ласковых слов и разговаривал со многими старшими офицерами.

10 (22) августа мы двинулись в дальнейший поход на Москву. Нашей задачей было прикрывать правое крыло.

Здесь может явиться следующий вопрос: отчего Наполеон не задержался у Смоленска, как ему советовали, и не старался установить новую базу на Днепре и на Двине, откуда

он мог бы идти на Москву весной? 120-мильное уклонение его от своей базы на Висле было вынуждено обстоятельствами войны.

Дело в том, что Наполеон хотел во что бы то ни стало принудить Барклая принять генеральное сражение до соединения его с Багратионом и, желая воспрепятствовать этому соединению, он должен был быстро двигаться вперед, не считаясь ни со своей базой, ни с оставленными в ней запасами, и кормить войска местными продуктами.

Столь быстрый поход, благодаря неосмотрительности короля Вестфальского, не только не принес никакой пользы, но был неразрывно связан с неслыханными до сих пор потерями в людях и лошадях. Достаточно сравнить численность французской армии во время перехода границы и после прибытия ее под Смоленск. Эта численная разница в собранных под Смоленском корпусах выразилась в следующих цифрах: у Немана 12 (24) июня было 283 650 человек, а перед Смоленской битвой 3 (15) августа — 179 770 человек.

Таким образом, с 24 июня по 2 августа Великая армия понесла потерю более чем в 100 000 человек. Эта потеря особенно резко проявилась в кавалерии. Соответственное сравнение численности остальных корпусов представляло не меньшую разницу.

Таким образом гибнут армии, если их не ведут согласно правилам военной науки, добытым опытом! Если бы столь же большие потери император понес в результате удачной попытки отбросить русскую армию с операционной линии, идущей от Москвы, на пагубное для русских направление дороги, ведущей на Петербург, что можно было бы достичь стратегически гениальным походом из Витебска на Смоленск,— то, наверное, вся кампания приняла бы иной оборот. Но, не доведя ничего до конца и имея перед собой на Московской дороге нетронутую русскую армию, ему не мешало бы вдуматься глубже, можно ли, не будучи уверенным в дальнейшем успехе, двигаться еще на 55 миль в сторону от своей базы, не укрепив ее и не собрав раскинутых по всей Литве отсталых и новых подкреплений, формировавшихся по Висле и Неману.

Здесь возникает другой важный вопрос. Наполеон занимал действительно всю Литву в полном смысле слова: от Бу-

га и Немана до Двины и Днепра и от Балтийского моря до болот Припяти, отделяющей Литву от Волыни. Этот край, включая и Жмудь, не составлял лучших частей завоеванной страны. Волынь, Подолия и Украйна, несравненно более богатые хлебом, людьми и лошадьми, оставались нетронутыми и находились во власти русских, которые организовали в них новые подкрепления и угрожали нашей коммуникационной линии. После турецкой войны, счастливо окончившейся для России миром в Бухаресте, корпус Чичагова был свободен для операций в тылу главной французской армии и делал еще менее безопасным для нее движение в глубь неприятельской страны.

Все эти соображения должны были повлиять на решение императора.

Не меньшая опасность угрожала французской операционной линии и на левом фланге. На Двине стоял генерал Витгенштейн с 40-тысячным корпусом, против двух соединенных французских корпусов — 2-го (Удино) и 6-го (Сен-Сира), насчитывавших вместе в начале кампании 62 273 человек, а 2 августа всего 35 000. Правда, в Курляндии стоял Макдональд со своим 30-тысячным корпусом, оперируя против Риги; в случае надобности он мог соединиться со 2-м и 6-м корпусами и действовать совместно против Витгенштейна. Но последний, подкрепленный резервами, прибывавшими из Петербурга, милицией и корпусом Штейнгеля, пришедшим из Финляндии, превосходил силы 2-го и 6-го корпусов и не только прикрывал Петербург, но, подобно Чичагову, угрожал нашей операционной линии.

Таким образом, все было за то, чтобы остаться в окрестностях Смоленска, укрепить этот пункт, превратить во временные крепости Динабург, Витебск и Полоцк и стараться овладеть Ригой и Бобруйском. Под прикрытием этих пунктов Великая армия расположилась бы на зимние квартиры и начала бы новую кампанию с наступлением весны, получив подкрепление свежими войсками.

Организовать Литовскую армию было нетрудно; наконец, посылка сильного корпуса на Мозырь и Киев, без сомнения, вызвала бы восстание в Волыни, Подолии и Украйне. Но Наполеон, ослепленный неслыханным успехом, оставался глух ко всем доводам своих маршалов и надеялся заставить рус-

ских принять генеральное сражение под Москвой, дабы занятием этого города одним ударом закончить войну.

Но надеждам этим не суждено было осуществиться, и Провидение готовило императору судьбу Карла XII.

III

Общее движение Великой армии на Москву.— Принятие князем Кутузовым командования над соединенными русскими армиями.— Приготовление к битве.— Численность Великой армии.— Перемены в личном составе.— Шевардинский бой.— Канун Бородина.— Задача 5-го корпуса

10 (22) августа началось общее движение корпусов Великой армии на Москву. Эта главная армия состояла, как было упомянуто выше, из гвардии, 1, 3, 4, 5 и 8-го пехотных корпусов и 1, 2 и 3-го резервных кавалерийских. Кавалерийский корпус Латур-Мобура шел на Мстиславль и Ельню, оставив под Могилевом дивизию Домбровского. Численность всех этих войск, включая 19 000 человек, составлявших потерю под Смоленском и Валутиным, доходила до 165 000 человек.

5-й корпус, дважды перейдя Днепр, шел на расстоянии 1 $^{1}/_{2}$ мили от Великой армии, двигаясь проселочными дорогами, вправо от Московского тракта. Впереди шла легкая кавалерийская дивизия генерала Каминского. Деревни, через которые мы проходили, не были совершенно оставлены жителями, и хотя казаки и принуждали крестьян покидать свои жилища и поджигать скирды и овины, однако мы находили достаточно корма для людей и лошадей, так как жатва уже была окончена.

12-го (24-го) числа мы узнали от пленных, что главная русская армия намерена дать нам генеральное сражение под Дорогобужем. Потому-то император отозвал туда гвардию от Смоленска. Но генерал Барклай, по совету Багратиона, оставил невыгодную позицию при впадении Ужи в Днепр и в ночь с 11 на 12 (23 на 24) августа отступил дальше к Вязьме, двигаясь тремя колоннами. Левая, за которой мы следовали, состояла из 2-го пехотного корпуса, 1-го кавалерийского и трех казачьих полков и шла на Конюшкино.

13 (25) августа мы остановились на биваке под Волошком, в 20 верстах от Дорогобужа. Дальнейшее движение направлялось на Лужки, Покровское, Стукино и Слободку, которая лежит почти на высоте Царева Займища, перед городом Гжатском. 20 августа (1 сентября) 5-й корпус остановился в Будаеве, получив приказ приготовиться к битве, которую так давно ждали.

Вечером 17 (29) августа князь Кутузов принял в Царевом Займище команду над соединенными русскими армиями и отдал распоряжения для встречи нас под Бородиным, на Можайской дороге.

На позиции под Будаевым 5-й корпус отдыхал 20, 21 и 22 августа (1, 2 и 3 сентября). Все эти дни полковые командиры тщательно осматривали оружие, амуницию и проч., так как все понимали, что приближается, быть может, решительный момент. Численность 5-го корпуса 2 сентября была следующая: пехоты 8430, кавалерии 1638, 36 полевых орудий, 18 полковых и 6 конных; батальоны пехоты насчитывали не более 480 человек, а кавалерийские полки около 400 пик. Следовательно, наша численность уменьшилась почти наполовину.

Численность всей Великой армии 21 августа (2 сентября) составляла 103 076 пехоты и 30 748 кавалерии (считая в том числе 6003 пехоты и 1318 кавалерии, еще не прибывшей, а только ожидаемой в течение пяти дней), итого 133 819 человек и 587 орудий.

Среди начальников наших дивизий произошла перемена. На место раненного под Смоленском генерала Заиончека команду принял начальник 16-й дивизии генерал Исидор Красинский — отважный и сведущий офицер; начальство над кавалерийской дивизией принял французский дивизионный генерал Себастиани, корсиканец, не пользовавшийся симпатией Наполеона, который не мог забыть некоторых его неудач в Испании. Назначение командиром нашей дивизии Себастиани считал за немилость. Но поляков он знал и любил еще со времени войны в Испании и некоторое время имел под своим начальством 4, 7 и 9-й пехотные полки. Поэтому он не высказывал своего мнения и был чрезвычайно внимателен к своей дивизии. Но нас предостерегали, что в деле командования кавалерией он совершенно неопытен.

24 августа (5 сентября) мы двигались по старой Смоленской дороге через Ельню. Шли одной колонной, имея впереди кавалерию. Часа в два офицер, ординарец императора, уведомил князя Понятовского, что неприятельское войско стоит на позиции в нескольких верстах от нас и сегодня же, без сомнения, дело дойдет до боя.

Князь Понятовский сделал соответственные этому известию распоряжения. Наша колонна сошла со старой Смоленской дороги и продвинулась налево, под углом к Великой армии, через небольшую равнину, покрытую кое-где лесками и кустарником.

Навстречу нам попалось несколько неприятельских эскадронов. Встреченные с нашей стороны несколькими пушечными выстрелами, они повернули назад на всем скаку и прошли перед нашим фронтом. Лески и кустарники, разбросанные по позиции, отделяли нас от русского арьергарда и не давали возможности точно определить его расположение. Видны были только два холма; ближайший был занят окопом и вооружен многочисленной артиллерией, а более отдаленный и низкий, отстоявший от первого на расстоянии 500 сажен, опирался на лес и, вероятно, заслонял резервы. Эта позиция была выдвинута на несколько сот сажен перед фронтом главных сил и предназначалась, по-видимому, для того, чтобы служить центром и принять нашу первую атаку. Вскоре из окопов блеснул огонь и град пуль осыпал голову нашей колонны, заставив нас развернуть батальоны.

Князь Понятовский расположил нашу линию, сообразуясь с местностью. Батальоны 16-й дивизии, со стрелками впереди двинулись вперед, а батальоны 18-й, в том же боевом порядке составили правое крыло, начав перестрелку с неприятельскими егерями, которые крепко засели в густых зарослях. Против редута на горке было установлено 24 наших орудия, из них 12 тяжелых, чтобы обстреливать равнину, простиравшуюся перед нами.

Кавалерия охраняла правое крыло и соединяла наше левое с Великой армией.

Самый сильный бой разгорелся на этих противоположных друг другу позициях с *видимым превосходством русской артиллерии*, которая занимала более выгодное место и осыпала наши линии градом начиненных гранат. Через пол-

часа все место расположения нашей батареи было устлано людьми и лошадьми. Бригадный генерал Савинский* потерял правую ногу. Поручики Шайковский и Лобоцкий погибли от гранат. Поручик Хржановский был ранен картечью. Савинский, несмотря на сильную рану, с величайшим спокойствием дал себя перевязать и, лежа на земле около своих орудий, не переставал отдавать приказания канонирам. Кто из нашей армии не помнит достойного удивления поведения этого храброго человека, которому выпало на долю увенчать своей славной смертью под Волей ряд подвигов, начатых под Можайском. В это время густые массы резервной французской кавалерии начали строиться в полковые колонны между нашим левым крылом и дивизией генерала Компана (Compans) — 1-го корпуса. Дивизия Компана бросилась вперед, чтобы взять редут, и около этого места начался рукопашный бой. Редут несколько раз был взят нами и снова отбиваем русскими, но часам к 9 вечера остался, наконец, в руках французов.

Русская конница, состоявшая из кирасир и драгун, произвела ряд самых смелых атак на французскую кавалерию и смяла передние полки. Она налетела даже на роты пехоты, выдвинутые перед нашими колоннами для поддержки стрелков. Последние, свернувшись как бы в клубок, отбросили неприятельскую кавалерию, стреляя залпами. Особенное хладнокровие выказал в это время, во главе своей роты, капитан Ян Скржинецкий, 16-го пехотного полка. Наконец, прибытие короля Неаполитанского, во главе других кавалерийских полков, прекратило атаки русской кавалерии. Проходя вблизи нашей артиллерии, она получила от нас последний привет и удалилась с поля сражения. В этой атаке, которую следует причислить к самым упорным, принимали участие кирасиры: малороссийские, глуховские и, если не ошибаюсь, орденские и драгуны, харьковские и черниговские.

Начальник бригады, граф Артур Потоцкий**, на которого напали кирасиры, получил несколько ран в голову.

---

* Начальник артиллерии 16-й дивизии.

** В списках 5-го корпуса (см.: Fabry. Situation de la Gr. Armée) граф Артур Потоцкий, командир саперного батальона, показан начальником штаба инженеров 5-го корпуса. *К. В.*

После того как русская кавалерия была отброшена, наша пехота ринулась вперед. 14 вольтижерских рот, собранных под командой бригадного командира Мацея Рыбинского, прикрывали это движение. Эта атака, произведенная одновременно с последним натиском на редут дивизии Компана, окончила битву этого дня, длившуюся до позднего вечера, т. е. до 9 часов.

25 августа (6 сентября) весь день прошел в тщательных разведках неприятельской позиции. Император и король Неаполитанский со всем своим штабом прибыли к нашему обозу, расположенному на отнятой накануне позиции, и, пробыв там некоторое время, рассматривали позиции неприятеля. Засевшие в кустарнике, недалеко от нашего обоза, русские егеря очень сокращали наш кругозор. С холма, отнятого накануне вечером, видны были только бесконечные заросли, тянувшиеся вправо от неприятельских позиций. Старая дорога из Смоленска через Ельню в Москву и деревня Утица были видны довольно ясно. Налево русские позиции определялись яснее, так как местность была более открыта, но зато все поле перерезывалось глубокими балками и оврагами.

Линия русских обозов, около которой двигалось множество людей, была видна, как на ладони. Ориентировавшись на этом пункте, император дал инструкции князю Понятовскому, состоявшие в том, чтобы, повернув весь наш корпус под углом назад, на Смоленскую дорогу, выбить с позиции левое крыло неприятеля, расположенное за Утицей на холме (так называемом «Мамелоне»*), и попытаться зайти во фланг неприятелю. Эта задача, очевидно, была нелегка, принимая во внимание наши силы, не превышавшие 10 000 человек под ружьем.

Расположение неприятеля было таково. Корпус Тучкова занимал эту позицию двумя дивизиями пехоты, т. е. 1-й гренадерской, генерала графа Строганова, состоявшей из 12 батальонов, и 3-й пехотной, генерала Коновницына — 11 батальонов пехоты при 24 тяжелых орудиях и 32 легких. 1-я гренадерская дивизия стояла двумя линиями между Утицей и Мамелоном; 3-я, построенная также двумя линиями, поместилась за нею как второй заслон. На левом крыле было

* Утицкий курган.

6 казачьих полков, под начальством генерала Карпова, при одной конной батарее. За Мамелоном, в резерве, находилось Московское ополчение, 7000 человек, под начальством генерала Маркова*.

Перед правым крылом, начиная от Утицы, стояли в кустарниках 20-й и 21-й полки егерей 3-й дивизии и густые ряды стрелков, которые поддерживали связь с дивизиями Воронцова и Неверовского.

Эта сила, если допустить, что батальоны были равны нашим,— доходила до 13 000 человек линейной пехоты, 7000 ополчения, 1800 казаков и 62 орудий. Неприятель вдвойне превышал наши силы. Кроме сказанного, наша задача осложнялась еще следующими препятствиями. Разбив корпус Тучкова, мы попали бы на сильные резервы, готовые оттеснить наше движение в этом направлении. При подобных условиях не только нашим 10 000, но и 30 000 человек нашлось бы довольно дела.

IV

Приказ Наполеона 26 августа (7 сентября) 1812 г.— Битва 7 сентября.— Движение 5-го корпуса.— Занятие кургана под д. Утицей и оставление его.— Атака Понятовского.— Отступление русских.— 27 августа (8 сентября). Посещение поля битвы.— Семеновские флеши.— У батареи Раевского.— Потери с обеих сторон.— Результат сражения.— От Бородина до Москвы.— Действия графа Ростопчина.— В виду Москвы

26 августа (7 сентября), в 6 часов утра, всем войскам, стоявшим под ружьем, был прочитан приказ императора следующего содержания: «Солдаты, близка битва, которой вы так сильно желали! Победа зависит от вас! Она нам необходима; прежде всего она даст нам хорошую зимнюю стоянку, кроме того, даст возможность скорее вернуться на родину. Ведите же себя так, как вы вели себя под Аустерлицем, Фридландом и Витебском. Пусть самые отдаленные потомки вспоминают с похвалой о вашем поведении в этот день; пусть они скажут о вас: «Они были в великой битве под сте-

* Граф Ираклий Иванович Марков.

нами Москвы! Дано в императорской главной квартире, на холмах Бородина, 7 сентября, в 2 часа утра»*.

После прочтения этого приказа 5-й корпус двинулся на предназначенную ему позицию на правом крыле боевой линии и занял старый Смоленский тракт. В 7 часов утра французские батареи, расположенные против Бородина, подали сигнал начала битвы. Тотчас же грохот артиллерийских орудий ответил этому сигналу по всей линии. По мере того, как рассыпанные в кустах неприятельские стрелки стали отступать, наши колонны, со стрелками во главе, двигались вперед и занимали деревню Утицу. Батарея из 12 тяжелых орудий, поставленная под непосредственным наблюдением артиллерийского полковника Гурского, налево от Утицы, на горе, поддерживала огнем это движение. Дивизия легкой кавалерии, под командой генерала Себастиани, прикрывала его с правого крыла, защищая от нападений неприятельской кавалерии.

Подготовленная таким образом атака шла все упорнее. Вскоре по всей нашей линии, между стрелками той и другой стороны, загорелась чрезвычайно жаркая перестрелка; ей вторили тяжелые неприятельские орудия, поставленные на Мамелоне и наши — под Утицей.

16-я дивизия, под начальством генерала Красинского, поддерживая своих стрелков, разбилась на небольшие отряды, и хотя ввела в бой две трети всего своего состава, но все-таки вперед не подвигалась.

Неприятельские стрелки, отойдя к своим колоннам, перестали отступать и даже перешли в наступление. Трудно было стянуть в одно место нашу пехоту, раскинутую по кустам и зарослям, чтобы сформировать из нее колонну для атаки, а тем более на виду у неприятельских егерей и под их огнем. Огонь же все усиливался; на всем протяжении нашей боевой линии поднимались белые клубы дыма французских батарей, ясно обозначая наступление нашего центра. Но все же наши слабые силы не могли достичь чего-либо определенного. 8-й Вестфальский корпус, находившийся на нашем левом крыле, нес большой урон от русской конницы и артиллерии и находился в состоянии, близком к полному уничтожению. Следовательно, ждать помощи от него было нечего.

---

* Автор воспоминаний, очевидно, цитирует этот приказ на память и несколько уклоняется от известного его текста. *К. В.*

В эту важную минуту князь Понятовский, желая со своей стороны принять участие в деле, приказал пехоте атаковать Мамелон, главный опорный пункт неприятельского корпуса генерала Тучкова.

Бригадный командир, Рыбинский, зашел во главе батальона 15-го линейного полка, с правого фланга, и стремительным натиском овладел Мамелоном, прогнав неприятельскую пехоту, а именно павловских гренадер, и, захватив 13 орудий, держался на горе почти четверть часа. Все неприятельские позиции были видны оттуда, как на ладони. Но так как наша вторая линия, под командой генерала Княжевича, не сделала ни одного шага, чтобы поддержать эту атаку, то командир батальона, Рыбинский, не будучи больше в состоянии сдерживать при помощи одного только расстроенного батальона натиск русских резервов, состоявших из гренадерских полков: *Петербургского, Екатеринославского, Аракчеева и лейб-гренадерского*, а также мушкетерских — *Вильманстрандского* и *Белозерского*, которых ввел в бой корпусный командир, генерал Тучков,— сам взял знамя и, выстроив колонну, пробился через неприятельские батальоны, потеряв 300 нижних чинов.

В этом бою был смертельно ранен генерал Тучков 1-й. Само собой разумеется, что движение это, выполненное только одним батальоном, без поддержки резервов, не могло быть удачным. Будь оно выполнено всей 16-й дивизией, при поддержке 18-й, оно имело бы совсем иные последствия.

Сколько раз ни приходилось мне видеть князя Понятовского, он всегда водил батальоны в огонь по одному, причем выделялся своим прекрасным рыцарским видом. Но я не помню, однако, чтобы он брал сразу несколько батальонов из резервов или из второй линии. Этот ошибочный прием, заимствованный им от австрийцев, был гибелен для нашей пехоты.

Неприятель, вытеснив Рыбинского, снова занял Мамелон и, установив на его вершине 6 тяжелых орудий, держался на этой позиции до 3 часов дня. Снова и с той, и с другой стороны начался орудийный и ружейный огонь, как и перед первой атакой, без видимой для нас пользы.

Наконец, около 3 часов дня, князь Понятовский, которого торопил своими приказаниями император, решил возобновить отбитую атаку всеми своими силами. Построив обе ди-

визии в сомкнутые колонны, он лично повел их на Мамелон и, благодаря поддержке кавалерии с фланга, стремительным натиском отобрал его вторично и поставил на гребне свою артиллерию. Генерал *Багговут*, принявший командование после Тучкова, напрасно старался овладеть потерянной позицией. Кроме того, его принуждал к отступлению и начавшийся отход всей главной армии. Совершил он отступление в полном порядке, правда, без особенного натиска со стороны нашей пехоты, и занял новую позицию на расстоянии двух орудийных выстрелов от прежней.

Наши дивизии провели ночь на отнятой позиции, не принимая особенных предосторожностей, предписываемых близостью неприятеля, так как на другой день все ждали возобновления битвы.

Но русская армия пробыла на временной позиции только до вечера, а ночью отступила к самому Можайску.

Наши потери в бою 26 августа (7 сентября) доходили до 2000 человек убитых и раненых. Наша пехота уменьшилась до 6000 человек, бывших в строю. Кавалерия не понесла большого урона. Из старших офицеров потерял ногу полковник Стюарт; начальник артиллерийской бригады, храбрый командир Даре, был ранен гранатой в ногу и окончил свою славную жизнь в Колоцком монастыре, после ампутации этой ноги.

Находясь во время битвы в штабе князя Понятовского, я был неоднократно посылаем с приказаниями к нашей пехоте и на позиционную батарею и равно с другими делил опасности этого памятного дня. Когда огонь, как казалось, стихал, я с карандашом в руках зарисовывал позиции по мере нашего и неприятельского движения.

На другой день, т. е. 27 августа (8 сентября), часов в 10 утра, окончив чертить план сражения, я полюбопытствовал посмотреть поле битвы Великой армии. Проходя от правого крыла к центру, я нашел на месте, занятом 8-м Вестфальским корпусом, следы вчерашних неудач. В кустах валялось множество трупов вестфальцев различных полков. Когда я вступил в ту часть поля, где три земляных шанца обозначали середину русской армии, моим удивленным глазам представилось зрелище, ужас которого превосходил все мои ожидания. На протяжении каких-нибудь 1500 сажен, и вдоль, и поперек, валялись трупы убитых людей и лошадей, разбитые лафеты, пат-

ронные ящики и оружие, и лежали так густо, как мне не приходилось видеть никогда больше, даже в Лейпцигской битве. Здесь смерть буквально косила людей. Французы и русские лежали здесь вперемешку. Свежие раны, главным образом нанесенные гранатами в разные части тела, наводили ужас на каждого живого и еще не огрубевшего от таких картин человека. Вблизи верхних шанцев и большой круглой батареи, налево от Бородина, были также ясно видны следы самой ожесточенной битвы. Все рвы были полны трупами буквально до краев, а подступы ко рвам были усеяны трупами так, что по ним можно было судить о направлении наступления. Вокруг Бородинской батареи, склоны которой были взрыты пулями и гранатами и истоптаны копытами наступавшей кавалерии, лежали кольцом трупы кирасир французских, саксонских и польских, взявших эти шанцы после неслыханной в истории кавалерии атаки. Какое-то чудное выражение гордости и отваги сохранилось на израненных и искалеченных лицах. В этом месте, во главе своих железных дружин, пали генералы Монбрен (Montbrun) и Коленкур (Август).

На месте этого-то побоища и стояли теперь выносливые французские батальоны, покрытые вчерашней пылью, с лицами, почерневшими от пороха, со штыками, скрутившимися от пуль, и с сильно поредевшими рядами. В некоторых ротах я насчитал еще до 200 человек, стоявших у своего знамени с орлом. Но после такой бойни славный орел красиво выделялся на их загорелых лицах, среди общего опустошения.

Между убитыми еще лежало много не перевязанных раненых. Их отыскивали и уносили в тыл батальонов. Точно так же и кавалерия стояла наготове на поле битвы, и эскадроны ее насчитывали всего по несколько десятков людей. Потери, понесенные ею, были еще значительнее, чем потери пехоты. Например, бригада тяжелой кавалерии Тильмана, состоявшая из двух кирасирских саксонских полков и 14-го польского, потеряла в этот день убитыми и ранеными 41 офицера и 500 солдат.

Согласно сведениям, собранным на месте, а не по лживому XVIII бюллетеню, потери французов доходили до 40 000 человек убитыми и ранеными; в числе последних было 30 генералов. Погибли в бою генералы Монбрен (Montbrun), Коленкур, Плозонн (Plauzonne), Гюар (Huart), Компер

(Compère), Марион, Ланабер и граф Лепель. В числе раненых был также и маршал Даву.

Со стороны русских потери (согласно Бутурлину) исчисляются до 50 000 человек. Пали в бою или умерли от ран генералы: Багратион, Тучков 1-й, Кутайсов и Тучков 4-й; кроме них, было ранено еще 9 генералов. Если принять в соображение потери кавалерии, которая не могла легко оправиться, то можно считать, что французские войска понесли больший урон, чем русские.

Самые старые солдаты не помнили такого ужасного побоища, происшедшего в такое непродолжительное время на столь незначительном пространстве. Даже битву под Эйлау никак нельзя сравнить с Можайской[6]. Эта битва едва ли не самая кровопролитная со времени изобретения пороха.

На другой день после боя русская пехота была еще совершенно расстроена. Согласно вполне достоверным данным, все ее батальоны были совершенно разбиты и смешаны. *Если бы не необыкновенная выносливость этого войска и не помощь казаков, все это могло бы иметь для России самые печальные последствия.*

Французское войско не выдержало бы подобного испытания, — примером служит проигранная битва под Ватерлоо. Через несколько дней после битвы русская пехота, не подвергаясь преследованию, пришла в надлежащий порядок и всюду, где сталкивалась с нами, встречала нас с одинаковой стойкостью, как и в первый раз, не оставляя за собой ни больных, ни мародеров.

Французская пехота жаловалась на потери от шрапнели — род разрывных гранат, которые, будучи начинены порохом и разрываясь, разбрасывают свинцовые пули, как картечь. *Этот новый метательный снаряд был заимствован русскими от англичан.*

27 августа (8 сентября), около полудня, наши фуражиры, отыскивая в ближайших деревнях корм для лошадей, подверглись нападению казаков, которые перепугали их и пригнали к обозу. Произошел переполох, раздались крики «К оружию!», которые повторились и на французской линии. Но вскоре мы узнали о причине этой тревоги, и все опять успокоилось. Впечатление, произведенное на солдат Можайской битвой, совсем не было утешительным. *Что мы выиграли*

после таких потерь и в походе, и в битве? Где отобранные знамена, где орудия, где пленные? Таких трофеев армия почти не добыла, кроме нескольких десятков разбитых орудий, брошенных в шанцах. Вот и весь наш выигрыш. *Русское войско не понесло позорного поражения и, не потеряв ни одного полевого орудия, скрылось из наших глаз* под прикрытием легкой кавалерии, оставив Наполеона в полной неизвестности, куда оно пошло — к Калуге или к Москве? Поэтому, вместо радости, наше войско чувствовало недоумение. *С этих пор мы перестали и думать об успехах* и нам начали сниться — будущие труды и прошлые рукоплескания.

Под вечер 27 августа (8 сентября) мы начали потихоньку подвигаться за отступающим неприятелем и вскоре, выйдя из кустарников на открытое поле, увидели, как арьергард его на равнине перед городом Можайском столкнулся с французской кавалерией. С нашей позиции я отлично видел правильно расположенные линии русской кавалерии, закрытые тучей казаков, а в долине за Можайском массы пехоты, быстро уходящие вместе с многочисленной артиллерией и повозками.

На расстоянии полумили от Можайска 5-й корпус зажег костры и расположился на ночь. Нам, по счастливой случайности, досталась жареная баранина, редкое блюдо в то время, когда войска жарили лошадей, убитых в бою.

В следующие дни князь Понятовский, составляя все время правое крыло Великой армии, подвигался к Москве, нигде не встречая никаких больших отрядов, кроме постоянно надоедавших казаков. 28 августа (9 сентября) мы были в Фоминском, где вышли на Калужский тракт, ведущий в Москву через Боровск. Без особенной торопливости подвигаясь по этой дороге, мы удовлетворяли наши потребности на местах гораздо легче, чем раньше.

Из Фоминского мы шли на Бурцево, Шарапово и 1-го (13-го) числа остановились на бивак под Лыковом (Lykow) в 22 верстах от столицы. Великая армия шла, как обыкновенно, одной колонной, по главному Смоленскому тракту. Вице-король Итальянский шел на Рузу и Звенигород.

Всем казалось, что Кутузов не впустит нас в столицу без второй битвы. Как бы нарочно для этого он делал приготовления в обозе, который окапывал крепкими шанцами. Но это

была только хитрая демонстрация, чтобы скрыть более важный план, так как на самом деле он решил оставить столицу, выселив из нее жителей, а со всей своей армией вернуться на Калужский тракт и угрожать оттуда линии сообщения со Смоленском.

Московский генерал-губернатор Ростопчин помог выполнению этого гибельного для нас плана тем, что сжег город. И в самом деле, он не только лишил нас запасов, бывших в этом городе, но, свалив на нас вину за сожжение города, выставил нас в глазах русского народа — варварами, поджигателями, насильниками всех божеских и человеческих прав, и этим возбудил необразованные классы народа к священной войне за Веру и царя.

В ожидании битвы мы получили 2 (14) сентября распоряжение выступить с бивака под Лыковом и идти к столице. Во время этого перехода были приняты все предосторожности, потому что все ожидали битвы в тот же день.

В 10 верстах от города мы наткнулись на лежащее около дороги поле, засаженное превосходной морковью, которая нас сильно подбодрила, так как мы совершенно не предполагали, что через два часа нам будут подносить ананасы и киевское варенье, изъятые из покинутых дворцов московских вельмож.

Вид на столицу еще скрывался от нас за небольшим леском. Когда мы вышли из него на возвышенность, называемую Воробьевы горы, т. е. гора воробьев, глазам нашим внезапно представилась панорама огромного города. Восхищенные этим необыкновенным зрелищем, все мы останавливались и с радостью и восторгом кричали: «Москва! Москва! Вот цель наших усилий!»

Прежде чем приступить к описанию дальнейших событий, нелишним будет посвятить несколько слов самому городу.

V

Описание Москвы.— Князь Визапур.— Пожар Москвы.— Генерал Лефевр-Денуэтт.— Сражение при Красной Пахре.— Преимущества русской позиции.— Движение русской армии к Тарутину

Вид Москвы всякому иностранцу кажется новым и странным. Этот знаменитый город выстроен неправильно и распо-

ложен почти правильным кругом. Он выстроен без всякого плана и порядка на холме, между реками Москвой и Неглинной. Местами видны то огромные здания, занимающие столько же места, как некоторые провинциальные города, то церкви и часовни, выстроенные в древневизантийском стиле, стоящие рядом с дрянными деревянными домами; вокруг них зачастую видны пустыри, заросшие травой и крапивой. Отсюда и пошло выражение князя де Линя (de Ligne) о Москве, что, кажется, точно несколько сот бояр, собравшись с однодворцами, деревнями, селами и их жителями, разом, по данному знаку, осели здесь. Улицы длинны, широки, но извилисты и худо вымощены. В предместьях есть улицы наподобие плотин или мостков, т. е. выложенные досками, прибитыми к продольным бревнам. Почти около каждого дома и дворца, особенно в предместьях, расположены или английские парки, или огороды, которые придают городу скорее вид огромной деревни, чем европейского города. Среди всей этой массы зелени блестят тысячи куполов и золоченых башенок, заканчивающихся наверху небольшими шарами. Окружность Москвы больше окружности всякого иного города, кроме Лондона, и имеет, если ее развернуть, 40 верст, или 6 миль, в длину. Население не соответствует величине пространства. Летом в ней насчитывают до 300 000, а зимой до 400 000 душ. Эта разница происходит потому, что московские бояре живут в городе только зимой и привозят с собой всю свою челядь: к тому же все имеющие дела в Москве съезжаются сюда только с установлением санного пути.

Наверное, нет ни одного города, в котором было бы столько церквей, часовен и монастырей, как в Москве. Сорок сороков, т. е. 40 раз 40, итого 1600,— так определяет само население число московских церквей и часовен. На самом же деле число церквей доходит до 400, монастырей — 21, часовен — 640. Все это построено на один лад. Как часовни, так и церкви имеют по пяти куполов: самый большой расположен в середине четырех других, составляющих квадрат. Купола эти покрыты цинком, медью или жестью и выкрашены в различные цвета. Иногда они вызолочены или осыпаны золочеными звездами, что придает городу оригинальный вид, когда солнце ударяет на них своими лучами.

Город Москва был выстроен по образцу азиатских городов и делится на 4 части.

Первая часть называется Кремль; название это происходит от татарского слова «кремь», или «крим»,что значит крепость. Кремль находится в середине города, в самой возвышенной его части, образуя правильный треугольник, ограниченный, с одной стороны, рекой Москвой, с другой — Неглинной, а с третьей — стеной с круглыми и квадратными башнями по бокам, увенчанными зубцами бойниц. Весь Кремль состоит только из дворцов, палат и церквей; среди них возвышается дворец царя. Это огромное здание, состоящее из десятка отдельных строений, построенных без всякого плана. Его фасад, над которым возвышается несколько небольших золоченых шаров, представляет чудный вид. Во дворец ведет большая каменная лестица, так называемая — Красное крыльцо. Она идет углом и плохо устроена. Здесь некогда совершены были убийства стрельцами Нарышкиных и других московских бояр.

Комнаты дворца невелики, а что касается красоты, то в них нет ничего особенного, кроме залы для аудиенций, в которой некогда принимали послов. В царствование Павла I комнаты дворца были обновлены и приведены в порядок, но только напрасны были старания сделать их годными для жилья императора. Заслуживает внимания только хранилище. Поблизости старого царского дворца находится здание, под названием Грановитая палата, странной, азиатской постройки; оно скорее изумляет, чем прельщает. Грановитая палата принадлежит к числу самых старых памятников этого древнего города, и стены ее помнят еще времена Иоанна Грозного. Кроме этих главнейших зданий, в Кремле находится еще несколько церквей и монастырей, а именно: Вознесенский кафедральный собор, Успенский, Чудов, церковь Михаила Архангела и знаменитая колокольня, называемая Ивановская, которая, как великан, царит над всем Кремлем, и ее блестящий, золоченый, шарообразный купол, с большим блестящим крестом наверху, виден за несколько десятков верст. В этой знаменитой башне хранится колокол, имеющий 40 футов и 9 дюймов в окружности, весом в 3531 пуд, или 142 040 фунтов. В прежнее время был повешен колокол, который весил 12 000 пудов, или 432 900 фунтов, но в

1737 г., во время пожара колокольни, как рассказывают, он оборвался и ушел в землю, откуда его не извлекли еще и до сего времени. Следует упомянуть еще о Спасских воротах, ведущих из Кремля на красивый Красный рынок — Красную площадь; через эти ворота никто, даже сам царь, не проходит с покрытой головой.

Другая часть называется Китай-город или Китайский, и названа так со времени монголов, имевших, как известно, сношения с китайцами. Эта часть города довольмо правильна и выстроена почти вся из камня. Она лежит между реками Москвой и Неглинной и отделяется от Кремля вышеописанной стеной. Входом в нее из Кремля служат Спасские ворота. Эта часть значительно больше первой; в ней находятся книгопечатня, биржа и много магазинов, расположенных под арками нижнего этажа красивого здания, называемого Гостиный Двор. Самым лучшим украшением этой части города служит, конечно, церковь Василия Блаженного, стоящая в нескольких шагах от Спасских ворот, на южной стороне Красной площади. После Кремля больше всего внимания привлекает этот храм, представляющий собой самый главный памятник времен царей Василиев и Иванов. Заслуживает также упоминания бронзовый памятник Минину и Пожарскому[7], — этим двум доблестным гражданам, которые пробудили в народе национальный дух и, во главе своих дружин, вытеснили наших предков и спасли Московское царство.

Третья часть называется Белый город. Это название происходит от старой стены, выстроенной из белого камня и окружавшей некогда эту часть города; остатки ее видны еще и теперь. Белый город ограничен с одной стороны Кремлем, а с другой Китай-городом. Здесь находится университет, а также огромное здание, предназначенное для помещения и воспитания сирот и подростков.

Наконец, четвертая часть, окружающая все остальные — Земляной город, названа так от окопов, обрамляющих ее. Кроме того, есть еще слободы, или предместья, число которых доходит до 30. Если не считать нескольких церквей и дворцов, слободы похожи на деревни, ничем не привлекающие внимания иностранца, кроме, пожалуй, предместья под названием Немецкая слобода, где живут иностранцы-ремесленники.

Через город протекает река Москва, давшая ему свое имя. Она судоходна только весной, когда таяние снегов и дожди прибавляют в ней воды. В остальное время по ней могут плыть только плоты. Река Неглинная и Сура, впадающие в Москву-реку, только небольшие ручьи, совершенно пересыхающие летом. Для облегчения сообщения между различными частями города мы нашли много деревянных и каменных мостов. За стенами и окопами этого знаменитого города есть еще много монастырей и дворцов. Между ними выделяются Петровский дворец, Новодевичий монастырь, именем которого названа и огромная площадь перед ним — Девичье поле, монастыри Донской Божией Матери, Св. Даниила, Св. Симеона, Новоспасский, Покровский, Андроников и другие, почти все окруженные стенами и помнящие битвы с татарами и поляками.

Московские улицы содержатся очень грязно, чему виной недостаток во многих местах мостовых.

Внешность домов лишена всякого вкуса и пестрит разными украшениями: колоннами, фронтонами, навесами, подражаниями греческому стилю. В домах важных бар — величайшая роскошь. Мы находили в них великолепные библиотеки, картинные галереи, собрания дорогого оружия, кабинеты медалей, концертные и театральные залы, оранжереи и парники для выводки ананасов. Конюшни и каретники наполнены были арабскими и английскими лошадьми и экипажами.

Челядь такого дома иногда состоит из нескольких сот душ обоего пола, носящих обыкновенное мужицкое платье и влачащих самую жалкую жизнь, к которой их принуждает рабское состояние, навсегда привязывающее к господской семье, к которой они приписаны.

Хотя Москва и южнее Петербурга на 6 градусов, но морозы здесь бывают такие же лютые, как и там. Случаются зимы, когда термометр Реомюра показывает 30°, 32° ниже нуля. Самые большие жары доходят до 32°. Лето гораздо лучше петербургского, и в течение всего года здесь перепадает гораздо меньше дождя.

Жители Москвы сохранили народный склад и платье. Простой, «черный народ», ничем не отличается от обыкновенного мужика (хлопа) или крестьянина, ни образом жиз-

ни, ни одеждой. Вся его семья живет в грязной, сильно закопченной избе.

Пища их также однообразна. Она состоит из сушеной рыбы, сухих грибов, хлеба, огурцов, капусты, чеснока и только по праздникам — из мяса и пирогов. Кроватей они не знают, спят зимой на печи, а летом на лавках, и все поголовно предаются пьянству. Купцы и мещане (граждане) живут лучше, носят длинное, азиатского покроя, платье, в виде суконного кафтана. Хлопы же ходят зимой в тулупах, а летом в полотняных цветных рубахах, перетянутых поясом. Все носят длинные бороды так же, как и крестьяне. Что же касается стола, то у горожан те же блюда, что и у крестьян. У более богатых можно найти отборные греческие вина, ветчину, отборную рыбу, икру и дорогие чаи. Но все-таки они отдают предпочтение народным блюдам и напиткам.

Жены их ведут самый жалкий образ жизни. Их положение в семье близко к положению женщин на Востоке. Они особенно любят баню, зрелища и роскошные наряды.

В летописях Москва упоминается еще в 1147 г.; много бедствий вынесла она на своем веку. Во время княжения Дмитрия Донского в 1366 г. был мор, который уничтожил большую часть населения. В том же году ужасный пожар превратил в пепел часть Кремля, Загородье и Заречье, сплошь застроенное деревянными домами.

При том же великом князе в 1382 г. татарский хан Тахтамыш взял Москву приступом и отдал на разграбление.

В 1547 г., в царствование Иоанна IV, Москва выгорела почти вся, а в 1602 г., при Борисе Годунове, перенесла ужасный голод, жертвами которого пало 127 000 душ.

Но самое ужасное разорение понесла Москва 29 марта 1611 г. от поляков под начальством Гонсевского, который для собственной обороны от взбунтовавшегося народа поджег город, а сам скрылся в Кремле и Китай-городе. Остальная часть города сгорела в течение трех дней дотла. До 100 000 человек жителей разного звания и возраста нашли смерть под развалинами пожарища.

В царствование Екатерины II в 1771 г. город посетил мор, произведший ужасные опустошения среди населения, так как умерло до 50 000 душ. Но новое, еще большее, бедствие ожидало этот многострадальный город.

2 (14) сентября, около 2 часов пополудни, мы вошли в Москву через Калужское предместье. В авангарде шла кавалерийская дивизия, а за ней двигалась в полном порядке пехота.

Шли не торопясь, со всеми предосторожностями, которых требовало наше положение.

Та часть города, по которой мы проходили, состояла из дрянных деревянных домов. Предместье было несравненно красивее. По обеим сторонам дороги, в прекрасных, живописных садах виднелись пышные дворцы русских бояр.

Но как улицы, так и дома, были почти безлюдны. Изредка встречались полицейские или московские крестьяне с оторопелыми или пьяными лицами, сновавшие по улицам и с любопытством приглядывавшиеся к нашим войскам. Авангард забирал отдельных русских солдат, также раненых, или больных, отставших от своих полков, и отдавал их под караул пехоты.

Не доходя до Белого города, нам попался навстречу высокий русский офицер без эполет и без шпаги, весь в крестах и орденах, ехавший на извозчике. Он сдался нам на милость. Назвался он князем Визапуром, полковником в отставке. Его поведение и странное индийское имя возбудило подозрение. Он был отдан под стражу и поручен инженерному капитану Валентину де Готриву (d'Hautrive), с приказанием строго наблюдать за ним. На другой день мы узнали, что он владеет в Москве прекрасным домом. Он проводил капитана де Готрива и под наблюдением последнего забрал оттуда самые ценные вещи, подарив своему охранителю чудного персидского коня. Он первый объяснил нам причину безлюдья в городе и сообщил о приказе губернатора графа Ростопчина — предать Москву сожжению. В тот же вечер начались пожары в отдаленных от нас частях города. С Воробьевых гор мы видели клубы дыма, подымавшиеся над предместьями. Они исходили от взорванных пороховых погребов и военных лабораторий, зажженных русской артиллерией перед выходом из города. Ночью пожары загорались все чаще и чаще, так что умышленный поджог города был без сомнения. При свете этих огней мы провели ночь в Рязанском предместье, не раздеваясь и соблюдая полную осторожность.

Наши солдаты, нашедшие в барских домах всевозможные припасы, варили пищу и подкреплялись всю ночь. Некоторые варили крепкий чай и сдабривали его салом, другие, более практичные, думая о будущем, заглядывали в магазины, в надежде поживиться сложенными там товарами. Утром я пошел в Китай-город, где увидал солдат французской гвардии, разбивавших бочки с вином, пивших его тут же и уже порядочно охмелевших. Около 9 часов утра я прошел через Спасские ворота в Кремль и здесь, встретив русского купца, велел ему проводить меня по зданиям царского дворца. В 10 часов утра 3 сентября вступил в Кремль император в сопровождении старой гвардии. Вид этого прекрасного войска привел моего проводника в раздумье. Ориентировавшись в этой части города, я пошел в Гостиный Двор, или на базар, где находились склады, брошенные русскими купцами. Отдельные пожары становились все более грозными, и район их все увеличивался. Огонь, подкладываемый полицией и преступниками, выпущенными для этой цели из тюрем, уже приближался к базару. Пользуясь временем, пока еще доступ был возможен, я вошел в лавки, взял себе первую попавшуюся лучшую шубу на волчьем меху и немного съестных припасов, в виде чая, сахара, кофе, крупы и риса, затем около полудня вернулся к нашей стоянке в Рязанском предместье. Там я застал наши войска под ружьем, готовыми к дальнейшему походу. Даже генералы нашей артиллерии Пелетие (Pelletier) и офицеры-французы: Мале, Бонтан (Bontemps) и другие оказались сильно захмелевшими и играли в бульот (bulliote). Я узнал, что они все угощались пуншем из арака и ананасов. Пелетие все время кричал «пить» и не выпускал из рук стакана. Наш вчерашний проводник, князь Визапур, разделял эту забаву, но был крепче других и внимательно прислушивался к каждому слову. «Когда же я увижу этого великого человека»,— повторял он каждую минуту и просил провести его в главную квартиру, чтобы он мог насладиться лицезрением Наполеона. Это странное желание тотчас же возбудило сильное подозрение. Однако его желание было исполнено, и его тотчас же отправили в главную квартиру императора. Мы не сомневались, что он был шпионом, оставленным русскими для наблюдения за нашим движением. Но потом оказалось, что мы в нем ошиблись, т. к.

по выходе французов из Москвы и по возвращении к своим он был арестован, предан суду и поплатился за свое неосторожное поведение с нами ссылкой в Сибирь*.

3 (15) сентября, в 3 часа пополудни, мы двинулись в поход за отступавшей перед нами русской армией. Король Неаполитанский принял команду над французским авангардом, к которому присоединили и нас.

После смерти генерала Монбрена (Montbrun) команду над его корпусом принял генерал Себастиани, а вместо него командование над нашей кавалерийской дивизией (состоявшей из 4-го и 5-го полков конных егерей, 13-го гусарского и 12-го уланского, а также из 6 орудий конной артиллерии) получил Лефевр (Lefevre-Desnoettes), полковник гвардейских конных егерей. Мы шли Рязанским трактом на Панки и Бронницы. Наше движение освещалось заревом пожара Москвы. Мне пришлось увидеть только начало этого ужасного пожара, поэтому я не мог бы, как очевидец, описать событие, которое имело такое громадное влияние на судьбу этой войны. Сегюр, Шамбре (Chambray) и Бутурлин в своих описаниях исчерпали все подробности этих событий. Поэтому отсылаю читателя к произведениям этих авторов. В их описаниях нет ничего преувеличенного.

Пожар свирепствовал 4, 5 и 6 (16, 17 и 18) сентября с ужасной силой, несмотря на все меры, предпринятые французами к его прекращению. Уже одно то обстоятельство, что Ростопчин увез все пожарные трубы, отнимало всякую возможность спасти город. 7-го (19-го) числа пожары начали уменьшаться, а 8-го (20-го) прекратились совершенно. Кремль уцелел, но $^{9}/_{10}$ всего города и половина церквей сгорели.

8-го (20-го) числа император, принужденный пожаром оставить Кремль и укрыться в Петровском дворце, в предместье, мог вернуться в Кремль, где была главная квартира.

Между тем Кутузов своими передвижениями на Рязанском тракте совершенно сбил с толку короля Неаполитанского. А именно: 4-го (16-го) он прошел Москву-реку под Мячковым и под защитой реки Пахры вернулся обходным

---

* Сведения об этом любопытном человеке имеются в «Воспоминаниях Домерга» (Ист. вестн. 1881. Авг.); в «Записках Жихарева» и в сочинении Долгорукого «Капище моего сердца». *К. В.*

движением к Подольску. Отсюда 7-го (19-го) числа он перешел под Красную Пахру, на старом Калужском тракте, и окопался на позиции, оставив против Мюрата корпус, составленный из кавалерии и казаков, для наблюдения за движениями неаполитанского короля.

Король Неаполитанский, не зная об этом важном движении, подошел к Бронницам и там расположил свою штаб-квартиру.

Наш 5-й корпус нашел все мосты под Панками сломанными и, починив их, стал двигаться дальше, к Москве-реке, заслоняя правое крыло короля Неаполитанского.

Перед нами были только казачьи отряды, которые, как оказалось, были предназначены к тому, чтобы указывать нам фальшивое направление неприятельского войска. Дойдя до Москвы-реки, король убедился в своей ошибке и повернул к Подольску.

Не доходя до Панков, я получил приказ исполнять обязанности штаб-офицера при дивизионном командире генерале Лефевре-Денуэтте. Помнится, эта перемена в моей службе произошла 4 (16) сентября.

Генерал Лефевр-Денуэтт был молодой человек, лет 35, известный в армии своей замечательной отвагой, но он не считался офицером осведомленным и расторопным. Поводом к такому мнению о нем послужило то, что в 1809 г. он с несколькими эскадронами своего конно-егерского гвардейского полка переплыл в Испании, под Бенавенте, реку Цеу, в присутствии 4000 английской конницы и, окруженный ею, попал в плен, потеряв часть своего полка. Он недавно вернулся из английского плена, и это было его первое командование после описанного случая. В его штабе я встретил французского капитана Дотана, исполняющего обязанности адъютанта, капитана польского штаба Лентовского, поручика-адъютанта Альберта Гржимайло и саперного поручика Гинга. Начальником штаба дивизии был полковник Стрижевский, заслуженный офицер, участник кампании 1809 г. Бригадами командовали: князь Сулковский и граф Тадеуш Тышкевич. Полками: 4-м конно-егерским — полковник Дульфус (Dulfuss), 5-м конно-егерским — Курнатовский, 10-м гусарским — Толинский (Tolinski), 12-м уланским — Рыщевский, конной артиллерией — капитан Романский. Во всей этой ди-

визии насчитывалось не более 1600 коней, и то сильно ослабевших.

12 (24) сентября 5-й корпус занял город Подольск; на другой день к нам присоединился король Неаполитанский, вместе с Вислинским легионом.

16 (28) сентября мы расположились на бивак около деревни Немчино, в нескольких верстах от большой дороги из Подольска в Чириково. Наш авангард, состоявший из кавалерии, продвинулся к Красной Пахре, где за несколько дней перед этим расположилась на биваке, укрепленном окопами, армия Кутузова. Генерал Васильчиков, укрывшись за леском, в стороне от Красной Пахры, с гвардейскими гусарами и казаками, неожиданно ударил на два эскадрона 5-го конно-егерского полка, которые подошли к биваку, и принудил их повернуть назад. Наша кавалерия села на коней и отразила эту атаку. Наши форпосты снова заняли деревню Красную. Кавалерийская дивизия и штаб остановились в деревне Кузеньево. Дивизии 16-я и 17-я расположились биваками вправо от деревни Немчино. Главный тракт от Москвы в Калугу проходит через Красную Пахру. Здесь оборонительную позицию представляла река Пахра. Это место, удобное для обороны уже по своей природе, было, кроме того, укреплено большим редутом[8], расположенным на холме, и двумя небольшими батареями, насыпанными вправо от редута. Два леска на правом крыле и глубокий овраг, расположенный перед редутом, прикрывали фронт и правое крыло. Болотистый луг, находившийся влево от редута, затруднял доступ к нему с этой стороны.

На этой позиции Кутузов не только мог дать чувствительный отпор главным силам французской армии, но, встретясь на этом месте с королем Неаполитанским, имевшим при себе только три дивизии польской пехоты, около 9000 человек и 10 000 — 11 000 кавалерии, мог разбить его наголову. Но осторожный вождь не хотел выводить Наполеона из заблуждения, которое было так выгодно для русских; он предпочел поставить Наполеона в безвыходное положение и ожидать, пока морозы не заставят его подумать о возвращении.

Поэтому Кутузов оставил означенную отличную позицию и отступил по Калужскому тракту до новой позиции, еще более выгодной в стратегическом отношении, так как, прикры-

вая Калугу, он грозил коммуникационным линиям французской армии. Эта позиция была за рекой Пахрой, около деревни Тарутино. Собрав там все свои силы, он, 2 октября, расположился в укрепленном лагере, прославленном в военных летописях. Здесь он нанес первый удар непобедимому до сего времени полководцу.

VI

Дело при Чирикове.— Вороново.— Письмо графа Ростопчина.— Промах Себастиани.— Битва при Чернишне.— Состояние французской армии.— Временное перемирие.— Перемены в организации дивизий 5-го корпуса.— Накануне Тарутинского сражения.— 6 (18) октября.— Нападение казаков.— Заслуги князя Сулковского и Блюмера.— Отступление к Спас-Купле.— Потери.— Дуэль с Дотаном.— Переход на Калужскую дорогу.— Около Вереи и Егорьевска.— Стычка под Медынью

17 (29) сентября 5-й корпус тронулся с бивака под Немчином и подвинулся вперед на 7 верст к деревне Чириково, лежащей невдалеке от главного Калужского тракта. Там мы застали русский арьергард, стоящий на позиции, под командой генералов Милорадовича и Остермана. Король Неаполитанский, шедший прямо на Вороново, встретился с Остерманом. 5-й корпус столкнулся с Милорадовичем.

Дорога из Немчина в Чириково ведет через лес. Выйдя из него на окруженную лесами равнину, на которой лежит деревня Чириково, мы увидели неприятельскую кавалерию, значительно превышающую нас численностью; она стояла наготове за деревней и левым крылом своим уходила за тракт, ведущий из Москвы в Калугу.

Деревню Чириково и лес с левой стороны занимали русские егеря. Многочисленная артиллерия стояла в середине на склоне горы. Генерал Лефевр-Денуэтт построил свою дивизию в две линии и приказал конной артиллерии сняться с передков. Едва только артиллерия выполнила этот приказ, неприятель со всех сторон ударил на нашу кавалерию, но получил сильный отпор от наших орудий, от 12-го уланского полка и 5-го конно-егерского полка. Атака была повторена несколько раз, но всякий раз успешно отбиваема нами. Когда подошла наша пехота, неприятель отступил на свою позицию за деревней, которая была важна для него, так как за-

щищала проселочную дорогу, ведущую в Калугу, где находилась вся русская армия. Князь Понятовский, разузнав положение неприятеля, сейчас же послал два батальона для занятия деревни и леса, в центре же своей позиции он приказал поставить несколько орудий, расположив пехоту сзади, в большом лесу, и на обоих флангах. Кавалерийская бригада Тышкевича с конной артиллерией стала на правом крыле у главной Калужской дороги; бригада князя Сулковского осталась в резерве, ближе к центру. Деревня Чириково и маленький лесок были заняты нами, и неприятель, в составе трех кавалерийских полков, повел атаку на нашу артиллерию, поставленную в центре. Но князь Сулковский, во главе трех эскадронов, так счастливо и удачно напал на неприятельскую кавалерию, что не только отразил ее, но и привел в сильное расстройство, причем в особенности пострадал русский уланский полк. Только тогда неприятель развернул все свои силы, чтобы выбить нас с позиции. Деревня была атакована несколько раз, и на этот раз уже свежими войсками. Но все атаки были нами отражены.

Мало-помалу нашу позицию в лесу стали обходить многочисленные неприятельские колонны, в превосходных силах. Тогда князь Понятовский приказал нашей пехоте ударить в штыки, а трем эскадронам князя Сулковского напасть на неприятеля с фланга. Здесь, на небольшой равнине, произошла горячая схватка с неприятелем, понесшим в это время значительный урон и вынужденным отступить обратно к лесу. Гром орудий и треск ружей продолжался до 8 часов вечера. Наша пехота удержала за собой часть леса.

В то время, когда это происходило в центре и на левом фланге, неприятель, в количестве 3000 всадников при 10 орудиях, упорно силился смять правый фланг нашего корпуса, но благодаря мужеству бригады Тышкевича (состоявшей из 4-го и 12-го полков и 2 эскадронов 13-го полка) все атаки были отражены. Под вечер, когда уже начало смеркаться, неприятельская кавалерия в больших массах обрушилась на центр и на правое крыло бригады Тышкевича, но наша кавалерия, сохраняя свой неразрывный строй и производя небольшие атаки, не заезжая далеко, при помощи конной артиллерии могла удержаться на своей позиции. Стычки и атаки с обеих сторон длились до 8 часов вечера.

Наконец, ночь и ливень прервали эту битву, длившуюся шесть часов подряд. Мы потеряли 30 офицеров, и между ними капитана артиллерии Оскерко, 160 нижних чинов убитыми и 300 ранеными. Неприятель оставил в наших руках до 500 раненых, из числа которых многие умерли в ту же ночь.

Всю ночь стояли мы под ружьем, измученные, голодные, без огней, вследствие близости неприятеля. 30 сентября под утро неприятель исчез из наших глаз, оставив перед нами казачьи отряды. Только тогда начали мы разводить костры и устанавливать котлы. Немного обсушившись, я предался на несколько часов хорошему отдыху. На другой день, 21 сентября (1 октября), мы тронулись по Калужскому тракту, к Воронову. Его владелец, граф Ростопчин, лично приказал сжечь это чудное имение. Мы нашли только развалины и следующее письмо, прибитое на столбе.

«Французы! 8 лет украшал я это имение, в котором счастливо жил в лоне моей семьи. Жители этого селения, числом 1730 человек, оставили его при вашем приближении, а я зажигаю мой дом, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! Я оставил для вас два дома в Москве и движимого имущества на полмиллиона рублей. Здесь вы найдете только пепел». Подписано: Федор, граф Ростопчин.

Главные силы русской армии, стоявшие до 18 (30) сентября на позиции под Бабенковым, только в 5 верстах от поля битвы под Чириковым, отступили 19 сентября (1 октября) на 16 верст дальше, к Спас-Купле и там стали на бивак.

В тот же день, прикрывая отступление, Милорадович отошел к Бабенкову.

21 сентября (3 октября) генерал Себастиани, шедший во главе авангарда 2-го кавалерийского корпуса, по боковым дорогам от Воронова до Спас-Купли, не разузнав как следует дороги, подвергся нападению неприятельской кавалерии. Легкие полки авангарда были опрокинуты, и казаки гнали их несколько верст, отняв у них несколько сот коней и людей.

10-й полк польских гусар, под командой полковника Уминского, и другие полки, принадлежавшие той же бригаде, расстроенные еще в предыдущих битвах, понесли здесь сильный урон. Эта ошибка, допущенная генералом Себастиани, не научила его большей осторожности.

4 (16) октября неаполитанский король нагнал готовый к бою русский арьергард у реки Чернишни, в пяти верстах от Спас-Купли. Произошла горячая стычка. Наша кавалерия, выстроенная в две линии, с конной артиллерией перед фронтом, дралась с величайшим хладнокровием, сдерживая атаки многочисленной русской кавалерии не столько собственными атаками, сколько огнем орудий и карабинов.

Для усиления нашей кавалерии было выдвинуто несколько батальонов пехоты; построившись в каре, они вышли вперед и залпами поротно отразили все атаки неприятельской кавалерии. Это была красивая картина. С одной стороны тучи русской кавалерии разного рода, как лавина, бросающиеся на наши ряды, а с другой — полное спокойствие в наших шеренгах, прерываемое только огнем кавалерии и пехоты. Только таким образом и была сохранена наша кавалерия, измученная и обессиленная долгим походом и особенно Можайской битвой. Остатки 5-го корпуса, находившиеся на левом крыле французской армии и стоявшие в сомкнутых колоннах, ожидали удобного случая, чтобы ударить на неприятеля. Но только конной артиллерии и удалось несколько раз открыть огонь. Эта битва, в которой главное участие принимала неприятельская кавалерия, в количестве 5000— 6000, длилась до поздней ночи. Когда неприятель отступил, трубы французской кавалерии прозвучали по всей нашей линии, трубя победу. Около 9 часов вечера все стихло, и мы, раскинув палатки, стали разводить костры.

На другой день, утром 24 сентября (5 октября), я рассмотрел нашу позицию вблизи. Река Чернишня, протекавшая по глубокому оврагу до Нары, от впадения в последнюю до деревни Ильино, закрывала фронт почти на протяжении одной мили. Правое крыло опиралось на Нару. По обоим берегам Чернишни лежали деревеньки: Белово, Паласки, Кашея, Петрово и Ильино. Со стороны Ильина остальную часть нашей позиции прикрывал ручей Десна, бежавший в глубоком овраге от деревень Тетеринки и Дмитровки до Чернишни. Левое крыло, состоявшее из двух кавалерийских корпусов, под командой генерала Себастиани, доходило до Тетеринки и было расположено около этой деревни. Артиллерия этого корпуса была расположена на холме, за деревней, без всякого пехотного прикрытия, что доказывало неосмотри-

тельность генерала Себастиани. Все левое крыло, как говорится, «висело в воздухе», т. е. не имело никакой верной опоры и было вполне предоставлено предприимчивости смелого неприятеля.

Перед фронтом нашей позиции, между деревнями Тетеринкой и Петрово, на левом берегу Чернишни, есть на пригорке березовая роща, длиной в 1200, а шириной в 600 шагов. На опушке ее расположилась наша пехота, артиллерия заняла выдававшийся вперед угол рощи, а кавалерия обе ее стороны. Таким образом, 5-й корпус находился перед главной позицией и отделялся от нее глубоким оврагом. Справа был другой овраг, идущий от Чернишни; он заслонял нас с этой стороны. Против левого крыла французов и нашего фронта тянулся большой лес, простиравшийся от деревни Дмитровки до позиций русского авангарда. Этот лес находился в 2000 шагах от нас, и мы его не позаботились занять пехотой. Линия наших сторожевых постов была сильно выдвинута вперед. В некоторых местах они отстояли от нас даже на 2000 сажен, а иногда и на расстоянии полумили.

Для поддержки передовой линии были посланы два батальона 3-го пехотного полка, при двух 3-фунтовых пушках, под командой храброго полковника Блюмера; они заняли отдельные перелески, раскинутые в той стороне.

С этой выдвинутой далеко вперед позиции можно было различить, как на ладони, бивак русского авангарда. За деревней Тарутино от него отделялся бивак главных русских сил, расположенный за Нарой. Артиллерийский парк и повозки 5-го корпуса стояли около деревни Рогово, закрытые двумя оврагами, а спереди рогатками. Для охраны к ним был придан батальон пехоты. Весь фронт наш был растянут от Тетеринки до впадения Чернишни в Нару, что составляло 1 $^{1}/_{2}$ мили. Очевидно, такой фронт был слишком длинен для наших слабых сил, и положение наше на этой позиции было небезопасно.

Все наши силы состояли из 1, 2, 3 и 4-го корпусов французской кавалерии, сведенных до 8000 коней; надвислинского легиона — 3000 человек и дивизии 1-го корпуса Дюфура — 2500 человек и 5-го корпуса, состоявшего из 5000 человек пехоты и 1500 конницы. Всего 20 500 человек.—

187 орудий, приданных к такому небольшому отряду, более отягощали нас на походе, чем помогали нам.

Этот незначительный отряд, правда, состоявший из отборного войска, был выдвинут на 70 верст от Москвы, т. е. на три перехода. Всего в нескольких верстах перед нами были главные силы русской армии, насчитывавшей до 70 000 человек, которые увеличивались с каждым днем многочисленными рекрутами, ополчением и донскими казаками, 23 старых полка которых прибыли к русской армии под начальством атамана Платова.

Для русского главнокомандующего не было ничего легче, как разбить наголову наш небольшой отряд. Но это не входило в план старого опытного вождя. Он решил дать своему войску отдых, а нас сделать более беспечными и продлить возможно дольше наше пребывание под Москвой, а именно до наступления первых морозов.

От разведчиков и перебежчиков из иностранцев он хорошо был осведомлен о нашем критическом положении, знал о недостатке провианта и фуража.

Принимая же в соображение слабость атаки нашей кавалерии, которая могла действовать не иначе, как при сильной поддержке артиллерии и каре пехоты, он мог судить, насколько были ослаблены наши лошади.

Это не была кавалерия времен Сигизмунда, которая, находясь под начальством Жолкевского, в количестве 7000 коней, разбила 40-тысячное войско на Клушинских полях[9], причем русские были усилены шотландскими, французскими и шведскими войсками. В настоящее же время французская кавалерия, и в особенности кирасиры и карабинеры, представляли жалкое зрелище. Их огромные кони облезли, похудели и ослабели и едва могли возить своих всадников с их тяжелым снаряжением, двигаясь только мелкой рысцой.

В окрестностях нашей позиции неприятель забрал все припасы и фураж. На правом крыле река Нара заставляла производить фуражировки перед фронтом неприятельского бивака. Поэтому приходилось искать провиант в нескольких милях в тылу нашей армии и перед левым ее крылом. Но многочисленные отряды казаков, расположенные в этой стороне, укрываясь в засадах, постоянно нападали на наших фу-

ражиров и ежедневно урывали у нас десятки неосторожных людей.

При таких условиях служба штабных офицеров сделалась чрезвычайно тяжелой. Наши лошади не имели отдыха. Проведя целый день на рекогносцировке или в походе, мы не имели ничего, чем могли бы подкрепить силы бедных животных. Сплошь и рядом приходилось кормить их листьями деревьев, под которыми мы ночевали. Двух лошадей, приведенных мной из Варшавы, я, в конце концов, должен был бросить еще под Москвой. В покинутом имении одного русского барина я взял из конюшни невыезженную трехлетнюю кобылу, которая только и оставалась у меня. Для вестового я должен был прикупить небольшого выносливого подъездка, а затем выторговал у адъютанта генерала Лефевра-Денуэтта, за несколько луидоров, довольно крепкого серого коня. На этих-то лошадях я и выполнял мою трудную службу. Что же касается пищи, то в ней еще не чувствовалось недостатка. Генерал Лефевр радушно принимал всех нас, а его заботливый повар имел во вьюках и фургонах генерала большие запасы провизии и вина на несколько недель.

На этой памятной для меня позиции, на реке Чернишне, мы пробыли от 24 сентября (5 октября) до 6 (18) октября. Жили мы в бараках, опущенных фута на два в землю. Крыша из хвороста и драни обеспечивала нас от дождя. Такой барак был довольно теплым; мы раскладывали в нем огонь, причем дым выходил через отверстие. Около 30 сентября дали себя почувствовать первые сильные заморозки. Шуба, которую я взял с собой из Москвы, сослужила мне большую службу. Ей-то я потом и был обязан защитой от более сильных морозов, во время достопамятного отступления.

На сторожевой линии было все спокойно, и неприятель не предпринимал против нас ничего. Словно по тайному обоюдному уговору, ни один выстрел не раздавался на линии. Король Неаполитанский, в зеленой шелковой, польского покроя чамарке и в четырехугольной шапке на голове, разъезжал по линии форпостов, причем казаки кланялись ему, снимали шапки и кричали «Король! король!» На сторожевой линии произошла даже встреча короля Мюрата с русским генералом Беннигсеном, во время которой у них произошел разговор и была взаимно выражена надежда на скорое окон-

чание военных действий. Нам было известно, что из императорской свиты был послан к Кутузову полковник Бертеми, с просьбой о разрешении свободного проезда в Петербург для генерала Лористона (Loriston). Все еще больше начали верить в перемирие и даже в заключение мира, который должен был положить конец нашим мучениям. Но эта надежда, поданная нам русскими офицерами, была не что иное, как новый силок, расставленный Кутузовым, чтобы погубить нас.

Пока его армия пользовалась полным довольством и все усиливалась, так что, наконец, в ней можно было насчитать под ружьем до 100 000 человек, мы постоянно теряли от недостатка припасов и людей, и лошадей, и наши силы таяли у нас на глазах. Перемирие, которое обоюдно поддерживалось на передовых позициях, не имело никакого значения на флангах. Там постоянно захватывали наших фуражиров, и в таком количестве, что не было возможности посылать их далее как на милю от бивака, без прикрытия сильных отрядов. До сих пор наша пехота считала по 3 батальона в полку, но батальоны насчитывали теперь лишь по 300 человек и не представляли более боевой силы. Князь Понятовский нашел необходимым сократить число батальонов до двух, вместо трех, в каждом полку. Таким образом, каждая дивизия состояла из шести батальонов по 450 человек. В это время прибыл к нам и генерал Заиончек, оправившийся от раны, полученной им под Смоленском, и принял командование над 16-й дивизией. Генерал Княжевич принял команду над 18-й дивизией. 28 сентября (9 октября) я получил из Главного штаба приказание изучить позицию и составить подробный план ее для неаполитанского короля. 28 и 29 сентября (9 и 10 октября) я занимался этой работой вместе с капитаном Валентином де Готривом и инженерным кондуктором Росманом и представил соответствующий план. У меня до сих пор сохранилась копия на масляной бумаге этой работы.

5-го (17-го) числа прибыл к нам на бивак обоз с провиантом и водкой, присланный нам из Москвы. И то, и другое было роздано войску в тот же день. Во французском лагере изголодавшиеся солдаты набросились на припасы и пьянствовали целую ночь напролет. Даже многие офицеры, забыв о службе, провели всю ночь в попойке и утром были почти совершенно неспособны к исполнению своих обязанностей.

Особенно во 2-м корпусе Себастиани, где забыли о всякой осторожности и не выслали даже, как обыкновенно, утренних разъездов.

У нас же совершенно наоборот. Уже с 3 часов утра вся кавалерия стояла с взнузданными лошадьми, ожидая возвращения разъездов; пехота под ружьем, артиллеристы у орудий. Разъезды вернулись, не встретив неприятеля, но, однако, леса, лежавшего в 2000 м от нас, не осмотрели как следует.

Часов в 6 утра все было тихо. Наша кавалерия начала разнуздывать коней, пехота поставила ружья в козлы и собиралась готовить утренний завтрак, когда внезапно из лежавшего против нас леса прозвучало несколько пушечных выстрелов. День еще чуть брезжил. При этих выстрелах все войско бросилось к оружию.

Казаки, со своим обычным криком: «Коли! Коли! Ура!» ворвались в пехотный лагерь и начали опрокидывать ружейные козлы, когда их подстерегли вольтижеры.

В мгновение ока войско приготовилось к бою. Конница выдвинулась вперед, и наша артиллерия стала отвечать неприятельской. На левом крыле тучи русской кавалерии напали на 2-й корпус Себастиани и при первом же натиске отняли 38 орудий, стоявших без всякой защиты за деревней Теринкой, и привели в полное расстройство весь корпус. Многие офицеры и солдаты, погруженные в сон после ночной попойки, не успели добежать до лошадей. Кое-как удалось собрать остальных и выстроить за деревней. Князь Понятовский приказал повернуть несколько орудий в сторону холмов под деревней Тетеринкой и стрелять гранатами по массе русской кавалерии. Выстрелы были удачны и сдержали ее натиск. Началось настоящее сражение.

Колонны 2-го и 3-го русских корпусов, под начальством генерала Багговута, начали выступать из лежавшего перед нами леса, под прикрытием значительной артиллерии, и быстрым шагом наступали на наши позиции. Князь Понятовский, чтобы выиграть время, пока пехота успеет перейти из березовой рощи за оврагом на правый берег речки Чернишни, так как это движение было последним для полного соединения наших сил и обеспечением, чтобы неприятель не окружил нас совершенно,— приказав князю Сулковскому, во

главе его бригады, состоявшей из 5-го конно-егерского и 13-го гусарского полков, напасть на приближавшиеся неприятельские колонны. Последние, выдвинув своих стрелков, успели сформировать каре. Наша кавалерия немедленно атаковала их на рысях и разбила два каре. *Следовало удивляться упорству, с которым дралась молодая русская пехота*. Я видел лежавших на земле раненых стрелков, которые поднимались, когда мы проходили мимо, и стреляли в нас. Приходилось добивать их, чтобы они не могли принести нам еще больше вреда. Наша пехота, прикрывшись стрелками, засевшими в березовой роще, перешла овраг без потерь. Князь Сулковский, ведя в атаку конницу, был ранен пулей в ногу. Один из моих хороших знакомых, Эдуард Повторовский, подпоручик 5-го конно-егерского полка, также получил пулю в ногу. Когда мы переходили через овраг, пуля попала в грудь генералу Лефевру-Денуэтту, но отскочила от пряжки перевязи лядунки. Он вскрикнул «Je suis mort»[10] и упал навзничь. Я обнял его рукой и, разорвав мундир, увидел, что это была только контузия. «Ce n'est rien, général!»[11],— сказал я ему и, освежив немного водкой из моей фляги, проводил несколько сот шагов. Неприятельские егери между тем наступали очень быстро. Вынув саблю, я почувствовал, что ружейная пуля ударила в ножны моей сабли. За несколько минут перед этим адъютант генерала Лефевра, по фамилии Дотан (Doutan), потерял коня, убитого осколком гранаты. Все офицеры штаба получили сильные контузии или легкие раны. Под генералом Лефевром-Денуэттом был, немного спустя, убит гранатой конь. Что касается меня, то сюртук мой был пробит пулями в нескольких местах и в ножнах сабли я нашел расплющенную карабинную пулю. Между тем колонны русской пехоты, бывшие под командой генерала Раевского, под прикрытием многочисленной артиллерии, подступали к нашему фронту. В это время все вспомнили, что 3-й пехотный полк, подполковника Блюмера, был оставлен для наблюдений на дальнем краю леса. Все считали его погибшим. Между тем Блюмер, заметив движение неприятеля, собрал свои два батальона и в сомкнутых колоннах, держась края леса, подходил к нам. Сначала русские приняли его за своего, но потом, заметив свою ошибку, начали сильно теснить его пехотой и артиллерией. Блюмер не потерял присутствия

духа; как только ему удалось выйти на чистое поле, он построил каре, оборонявшие друг друга огнем и, выдержав несколько атак, дошел, наконец, до Чернишни. Здесь он перешел глубокий овраг, по которому протекает эта речка, и был принят нами с неописанной радостью. Он сохранил даже свои орудия.

Самые критические для нас, и особенно для 5-го корпуса, минуты этого дня миновали. Наши силы собирались со всех сторон на Вороновском тракте. Атаки русской кавалерии левого крыла, доходившие даже до наших парков под Спас-Куплей, были отбиты 2-м кавалерийским корпусом, который, в конце концов, совершенно сформировался и несколько раз сильно атаковал русских.

Однако долго оставаться на позиции под Чернишней было нельзя. Было очевидно, что мы имели перед собой всю русскую армию. Поэтому, построив пехоту в каре, мы начали потихоньку отступать к Спас-Купле под прикрытием артиллерии и кавалерии. Точно так же и надвислинский легион отступал в полном порядке, построившись в каре. Наконец, около 1 часа дня, мы, будучи все соединены, и в самом строгом боевом порядке, остановились на позиции под Спас-Куплей, просто на дороге, ведущей из Воронова, имея лес за собой на расстоянии полумили. На этой позиции еще оживленно шел орудийный огонь с обеих сторон. Наши каре еще несколько раз должны были отражать атаки неприятельской кавалерии. Наконец, и это прекратилось, и неприятель отказался от дальнейших атак.

Около 3 часов пополудни огонь совершенно стих и наш корпус начал отступать через лес, отделявший нас от Воронова. В этом деле мы потеряли почти 1000 человек убитыми, между которыми были генералы Лери (Lery)[12] и Фишер, начальник нашего штаба, убитый пулею в лоб. Кроме того, мы потеряли 1000 человек пленными, 38 орудий и весь обоз 2-го корпуса и короля Неаполитанского.

Потери 5-го корпуса, принимая во внимание и смерть генерала Фишера, были очень тяжелы: они доходили до 500 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Дивизионный генерал Фишер принадлежал к числу тех офицеров, о которых обыкновенно говорят, что над их счастьем лежит заклятье. Взятый в плен русскими под Мацие-

вицами, вместе со своим вождем Костюшко, он был отправлен в С.-Петербург и пробыл там несколько месяцев в крепости. Затем его сослали в изгнание, в самые далекие губернии государства. По смерти императрицы Екатерины, Павел I, сын ее, отпустил его на свободу, и Фишер нашел возможность добраться до польских легионов, бывших в то время в Италии. Назначенный для обороны Мантуи, вместе с частью легиона Домбровского, он, после капитуляции этой крепости, попал в плен к австрийцам. Затем, после обмена пленными, он вернулся и поступил в польский Дунайский легион, под начальство Княжевича, с которым и сделал кампанию 1800 г. В это время он был ранен, и после окончания войны, по Люневильскому трактату, вернулся в родную семью в Южной Пруссии, в нынешнее княжество Познанское, где вскоре вступил в брак с девицей Квилецкой. Прожив несколько лет в деревне, он, при появлении в 1806 г. французской Великой армии, поспешил предложить свои услуги Наполеону. В 1809 г. Фишер состоял начальником штаба князя Понятовского и в одном деле был тяжело ранен. Как начальник дивизии, Фишер считался способным и одним из лучших организаторов нашей армии. Он был суровым блюстителем военной дисциплины и своей энергией на службе исправлял то, что зачастую портила мягкость характера князя Понятовского. Он был очень спокоен и храбр в бою, но благодаря своей вспыльчивости многих оскорблял, и вообще не был любим младшими офицерами. Роста он был небольшого, с худым, всегда небритым лицом, на котором выдавался слишком большой нос. Глаза у него были светлые; одна лопатка была выше другой. Он погиб от ружейной пули, попавшей ему в голову, на 45-м году жизни.

7 (19) октября, рано утром, мы остановились на позиции под Вороновым. Неприятель нас не преследовал, думая, что мы опираемся на Великую армию, а генерального сражения он хотел избегнуть. Наша пехота остановилась за деревней Вороново, кавалерия Лефевра-Денуэтта перед Вороновым. Мы с его штабом заняли один из уцелевших от пожара домов, на Калужской дороге.

7 (19) октября, в 2 часа пополудни, император Наполеон был занят смотром одного из своих корпусов, как вдруг адъютант, посланный утром королем Неаполитанским, доложил

ему об общем движении русской армии. Наполеон тотчас же прервал смотр и отдал соответствующие приказы. В тот же самый вечер вся Великая армия выступила из Москвы и остановилась на биваке на Калужском тракте. Утром 20-го французы быстро двигались по тому же тракту и форсированным маршем прибыли в Вороново, чтобы помочь королю Неаполитанскому.

В это время у меня вышло, по делам службы, очень неприятное столкновение с адъютантом генерала Лефевра-Денуэтта, капитаном Дотаном. От вежливых упреков дело дошло до резкостей. Наконец, когда он все более стал горячиться, я выхватил саблю и хотел ударить его. Остальные штабные офицеры развели нас. Вследствие этой ссоры я вызвал его на дуэль, пригласив секундантом инженерного капитана Валентина де Готрива, и в тот же день утром дрался с ним на саблях, нанеся ему легкую рану в руку. Этим все дело и кончилось. После дуэли я просил моего начальника, полковника Мале, дать мне другое назначение и возвратился в Главный штаб князя Понятовского, простившись с генералом Денуетом, который отдавал мне полную справедливость за то, что в битве 6 (18) октября я все время находился при нем и оставался буквально один в самые опасные минуты.

Несколько дней спустя капитан Дотан, разнося приказы своего генерала во время стычки под Медынью, был заколот казаками в нескольких десятках шагов от нашей кавалерии.

8 (20) октября 5-й корпус оставил свою полицию под Вороновым и повернул боковыми дорогами на Рыково, на тракт, ведущий из Москвы в Боровск. На этом пути мы встретили Великую армию, которая шла по тому же самому направлению на Боровск и на Малоярославец. Вид пехоты был очень хорош, в особенности у императорской гвардии. Гвардейская кавалерия, отдохнув в Москве, имела еще грозную внешность. Но вид нескольких тысяч спешенной кавалерии, бесчисленных вераниц артиллерии, двигавшихся с трудом, а в особенности множество повозок и телег, ехавших по дороге в несколько рядов и занимавших всю ширину ее, под эскортом отдельных солдат, оторванных от своих рядов, давал пищу многим опасениям и предсказывал печальный конец всему делу.

Дойдя до села Фоминского, в 25 верстах от Боровска, мы пересекли главный Калужский тракт и повернули на Верею. Там мы пробыли все 10 (22) октября. Князь Понятовский, согласно полученным инструкциям, послал из Вереи в Медынь генерала Лефевра-Денуэтта вместе с дивизией последнего, придав ему 15-й пехотный полк.

13 (25) октября генерал Лефевр встретил *под Медынью* несколько казачьих полков, которые завлекли, благодаря неосторожности Лефевра, нашу кавалерию на плотину и нанесли ей сильный урон. В этом несчастном деле мы потеряли лучшую часть дивизии, 5 пушек конной артиллерии и *генерала Тышкевича*, который попал в плен. Все бывшие в этом деле офицеры соглашались с тем, что они никогда не видели так слепо и отважно нападавших казаков, и если бы не два батальона 15-го пехотного полка, приданного к отряду, никто из нашей кавалерии не ушел бы живым из этой стычки. Таким-то образом дурное распоряжение начальника может сделать бесплодной храбрость самых лучших солдат. Но в защиту нашей кавалерии следует добавить еще и то, что наши лошади не были уже способны к быстрому движению. Здесь в первый раз нам не повезло, но еще досаднее была потеря 5 орудий.

Вечером того же дня известие об этом несчастье дошло до нашего лагеря и наполнило всех грустью. Наша пехота насчитывала уже только 4000 человек, способных к бою. В кавалерии было едва 600 лошадей. Кроме 5 орудий, отобранных у нас под Медынью, все остальные мы взяли с собой. Наша артиллерия, будучи под начальством опытных офицеров, сама заботилась о своем фураже и о соответствующей ковке своих лошадей. После короткого пребывания под Вереей и Егорьевском 16 (28) октября 5-й корпус начал отступление от последнего пункта, по направлению к Гжатску. Этот день был пасмурный, и густая мгла покрывала поля. Московская зима приближалась с каждым днем, готовя нам гибель.

16 (28) октября было для меня поистине фатальным днем. Мой вестовой, посланный за фуражом, имея в поводу двух лошадей, больше не вернулся. Вероятно, он был схвачен казаками, которые постоянно следовали за нами, и я больше никогда не слыхал о нем. Итак, я остался при одном подъездке, и с этих пор должен был сам и кормить, и ухаживать за ним. Перекидные вьюки вместе со всеми вещами так-

же исчезли. У меня остался только большой вьюк, бывший в фургоне штаба инженеров. В нем еще был кое-какой провиант, запасенный в Москве.

VII

Опять Бородино.— Сражение под Вязьмою.— Отступление Великой армии на Красный, Ляды и Оршу.— Трагическое положение Колачковского под Оршей.— Бедствия французской армии.— Поражение Домбровского у Борисова.— Наведение мостов у Студянки.— Переправа Удино.— Нападение Чичагова.— Сражение 16 (28) ноября на берегах Березины.— Взятие в плен дивизии генерала Партуно.— Потери французов

С этих пор наше отступление приняло тот характер, который в таких ярких красках описали Шамбре и Бутурлин, особенно первый.

18 (30) октября нашим глазам представилось поле Можайской битвы. Там были видны следы гигантской битвы 26 августа (7 сентября); непогребенные трупы, остовы лошадей, обломки лафетов и патронных ящиков покрывали место побоища. Этот печальный вид как бы предзнаменовал собой те бедствия и поражения, которые нам суждено было испытать.

Войска польского корпуса, хотя и слабые численностью, шли еще в порядке. Кавалерия уменьшалась с каждым днем. Только артиллерия, которую ее предусмотрительные начальники распорядились подковать острыми шипами, сравнительно легко переносила все трудности пути и невзгоды. Она везла с собой значительные запасы овса, железа и угля.

Между тем французская артиллерия теряла лошадей и орудия.

При каждой переправе нам приходилось видеть необычайные усилия французских артиллеристов, направленные для спасения орудий, но плоско подкованные огромные их кони делали напрасные усилия, чтобы втащить в гору орудия и повозки. После нечеловеческих трудов как офицеров, так и солдат, тяжести приходилось бросать; поэтому пушки закапывали, зарядные ящики взрывали, а лошадей бросали. Все это задерживало поход и движение идущих позади и делало еще более затруднительными все переправы.

Таким образом, дорога от Можайска до Смоленска, по которой мы двигались, была устлана трупами лошадей и обломками орудий, ящиков, и все это делалось добычей следовавших за нами по пятам казаков.

Недостаток съестных припасов и фуража на Смоленской дороге заставлял нас искать их по обеим сторонам пути, на расстоянии от одной до двух миль. Вначале это происходило в порядке и стройно, но вскоре неурядица и отсутствие дисциплины дали себя чувствовать, и каждый, без всякого приказания, начал собственноручно добывать себе фураж и припасы. Ежеминутно были видны одиночные солдаты, глухие к приказаниям офицеров, отрывавшиеся от своих батальонов или оставшиеся на пути, вследствие упадка сил. И те, и другие попадались в руки казакам, следившим за этой добычей. Вскоре число солдат, охранявших знамена, видимо уменьшилось, особенно в корпусе вице-короля, состоявшем из итальянцев, и в корпусах Даву и Нея. Вскоре и офицеры последовали примеру солдат и стали думать только о себе. В конце концов генералы остались без бригад, маршалы без корпусов.

Так, например, когда мы подходили к Вязьме, число солдат, годных к бою, было следующее: 1-й корпус Даву — 13 000 человек*, 3-й корпус Нея — 6000, 4-й итальянский — 12 000, 5-й Понятовского — 3500, 1-й и 3-й кавалерийские и легкая кавалерия — 3000. Всего 37 500 человек.

В этом числе кавалерию едва ли можно было считать: лошади ее слишком ослабели. Артиллерия была еще достаточно многочисленна, но по этой-то причине она и двигалась с трудом и давала пользоваться собой только на позициях. Кроме того, я не считал гвардию и 8-й вестфальский корпус (1200 человек), так как они шли впереди нас Дорогобужским трактом.

22 октября (3 ноября), рано утром, 5-й польский корпус, находившийся под начальством дивизионного генерала Заиончека, заменившего князя Понятовского (который, вывихнув ногу, не мог сесть на лошадь и должен был ехать за нами в коляске), подошел к Вязьме.

---

* Корпус Даву в начале кампании насчитывал 60 000, выходя из Москвы — 27 000, под Вязьмой — 13 000, а под Березиной — 1200 человек.

Здесь 4 соединенных корпуса, в вышеуказанном числе, имели сражение с корпусом генерала Милорадовича, командовавшего авангардом Кутузова.

Это столкновение, по причине усталости солдат, недостатка припасов и беспорядков в корпусе Даву, сложилось для нас, сверх ожиданий, плохо.

5-й корпус, поставленный под жестокий огонь русской артиллерии и подвергаясь частым атакам русской кавалерии, потерял в этот день несколько сот человек и одно испорченное орудие. Начальник артиллерии, генерал Пелетие, слишком близко подъехав к русским колоннам, вместе со своим адъютантом Жуаном, был захвачен в плен. Кажется, он был в нетрезвом состоянии.

Но потери этого дня были еще не так велики в сравнении с последствиями дезорганизации, все увеличивавшейся в наших рядах.

Во время пути от Вязьмы до Смоленска морозы все усиливались, а недостаток провианта и фуража делался все более и более заметным. Переправа через реку Вопь стоила вице-королю всей артиллерии и всего обоза 4-го корпуса. Бригада из дивизии Бараге д'Иллье была взята в плен. Вскоре пришло известие, что Витебск, находившийся у нас в тылу, занят неприятелем. Все эти катастрофы и потери, которые Великая армия несла от все усиливающихся морозов, могли сломить ее дух и приготовить к окончательному падению.

29 октября (10 ноября), в 12-градусный мороз, мы остановились под Смоленском. В следующие дни, т. е. 30, 31 октября и 1 ноября (11, 12 и 13 ноября) было 17°. Мы расположились в предместье, в правой части города, т. е. в той самой, на которую были направлены наши атаки. Что касается меня и нескольких моих товарищей, то мы заняли теплую избу и там отдыхали в течение дня от понесенных трудов. Пользуясь близостью города, я позаботился запастись коекакой провизией.

31 октября (12 ноября) 5-й корпус, стоявший на Мстиславльском шоссе, в двух милях от Смоленска, повернул на Красное за Волковым.

Отдохнув в течение дня и двух ночей, 31 октября (12 ноября), в полдень, я покинул Смоленск и отправился в Красное, где был вечером 1-го (13-го) и уже застал некоторых на-

ших офицеров и полковника Мале, разместившихся в хорошем деревянном доме, на улице около Смоленской дороги. В городе находился батальон императорской гвардии. Офицер — начальник его — занял солдатами кладбищенскую церковь, середину рынка и несколько каменных домов на том же рынке. Эта осторожность и спасла нас от погибели. Проспав ночь с 1 (13) на 2 (14) ноября, часа в 4 утра мы начали приготовлять наш утренний завтрак, как вдруг ружейные и пушечные выстрелы, раздавшиеся в левой стороне города, прервали наше приятное занятие. Мы схватились за оружие и поспешили на рынок, на соединение с батальоном императорской гвардии, который огнем, направленным со стороны кладбища, отражал неприятельских стрелков.

Это был партизанский отряд под начальством генерала графа Ожаровского.

После нескольких орудийных выстрелов и оживленного ружейного огня неприятельский отряд, удивленный таким неожиданным отпором, отступил с улиц и занял позицию под Контковом. Под вечер пришел 5-й корпус, состоявший едва из 1500 человек, под ружьем, и остановился под Красным. Генерал Заиончек и его штаб заняли деревянный дом, на рынке, около Смоленского съезда. Полки же прошли город и остановились биваком по ту сторону Оршанского тракта. Ночь была необычайно морозная. В первой попавшейся избе набралось до 50 пехотных и штабных офицеров, и, лежа друг на друге, мы провели всю ночь в ужасной жаре и духоте. Утром мы нашли под нашими окнами несколько замерзших солдат.

3-го (15-го) подошли первые колонны гвардии, и мы тронулись на Ляды. Русская батарея, установленная на левой стороне от дороги, приветствовала наше движение гранатами. Но мы перешли в ту сторону города, которая была обращена по направлению к Лядам, и спокойно, без потерь, шли большой дорогой, направляясь к Лядам, между двумя рядами высоких берез. Температура в этот день стала несколько более сносной и для нас, поляков, не была даже неприятной.

В Лядах нас приветствовали первые польские евреи; вид их длинного черного платья, меховых шапок и пейсов несколько развеселил нас.

4 (16) ноября мы остановились в Дубровне, составляя авангард Великой армии. На следующий день, 5-го (17-го),

Наполеон, с жалкими остатками своих войск, едва насчитывавших 20 000 человек, способных носить оружие, отважился схватиться с 80-тысячной армией Кутузова. Мы не принимали участия в этой бессмысленной битве, т. к. в этот день уже подходили к Орше. Наполеон же, счастливо выбравшись из-под Красного, прибыл в Ляды в ночь на 5-е (17-е).

Корпус Нея, прикрывавший отступление на главной Смоленской дороге, был отрезан от нас генералом Милорадовичем, и все думали, что он для нас окончательно потерян. Но благодаря мужеству и опытности этого вождя он соединился с нами через несколько дней под Оршей, потеряв лошадей, пушки, обоз и несколько тысяч человек. Отступление Нея и его переправа через Днепр, без сомнения, принадлежали к самым крупным эпизодам этой кампании.

Пробыв в Орше один день, 6 (18) ноября, мы двинулись 7-го (19-го) на Минский тракт, находившийся в двух милях пути.

В Орше было оставлено несколько офицеров, которым было поручено собирать отдельных отсталых и препровождать их в главную квартиру. Таким образом, число людей в наших рядах увеличилось на несколько сот человек. Но такое принуждение и вместе с тем желание сохранить добычу и провиант, которые многие везли из Москвы, не дали возможности привлечь их опять в ряды войска. Отделившиеся предпочитали не брать провианта из казенных магазинов в Орше, лишь бы иметь возможность спасти забранный ими в Москве провиант. А так как они не побросали оружия, то и могли легко отражать нападения отдельных казаков. Все они жили в довольстве, тогда как солдаты, охранявшие знамена, не имели другой пищи, кроме мяса лошадей, брошенных на дороге. Этим-то и можно объяснить, почему наши ряды редели с каждым днем настолько, что под Оршей 5-й корпус насчитывал только 1200 человек.

Что касается меня, то после потери двух лошадей и багажа я весь поход сделал на подъездке, о фураже для которого должен был лично заботиться при каждой ночевке. Сам я питался как мог до самого Смоленска, то приготовляя себе вместе с товарищами пищу из провизии, которую мы везли за собой на тележке еще из Москвы, то пользуясь добротой командира артиллерийского полка Бонтана (Bontemps), посто-

янно имевшего в своих повозках полный запас всего и часто приглашавшего меня к себе. От холода меня защищала теплая волчья шуба. Только благодаря ей я и уцелел. О ногах я менее заботился; голова же была покрыта соответственной шляпой.

Подходя к Красному, моя лошадь так переутомилась, что я с трудом мог вести ее дальше. За Лядами мне пришлось бросить ее и пешком добираться до Орши, а оттуда до Березины. Этот последний переход дал себя почувствовать особенно тяжело. 7 (19) ноября температура поднялась, внезапная оттепель превратила дорогу в болото, которое к тому же совершенно разъездили возы и артиллерия. Мне в легкой обуви пришлось идти по этому болотистому морю, и подчас я так уставал, что начал приходить в отчаяние.

В одну из таких минут, когда я, совершенно обессиленный, присел около дороги, чтобы отдохнуть, я увидел полковника Мале, сидевшего в хорошей бричке, запряженной тройкой сильных коней. Я зову его, рассказываю о моем состоянии и прошу сжалиться надо мной и взять к себе в бричку. Но это был человек без сердца. Забыв о прежних обстоятельствах, он наотрез отказал мне в помощи и, холодно поглядев на меня, велел ехать дальше.

Через несколько времени подошел польский обоз с артиллерией. Артиллерийский полковник Валевский, видя мое положение, сжалился надо мной и разрешил сесть на лафет. Таким образом я проехал самую трудную часть пути от Толочина до Бобра. Здесь мы узнали, что Борисов занят корпусом Чичагова, а также о поражении дивизии Домбровского, при обороне моста через Березину, и в конце концов о приближении от Бобруйска корпуса Витгенштейна.

Поэтому положение остатков Великой армии сделалось настолько критическим, что только неслыханным ошибкам русских военачальников можно было приписать нашу счастливую переправу через Березину под Студянкой. 8 (20) ноября генерал Домбровский, после несчастной стычки под Кайдановым, где он потерял целиком значительный отряд генерала Косецкого, окопался на ночь под Борисовом, имея три батальона пехоты, несколько эскадронов кавалерии и двадцать пушек. Неосведомленный, как следует, относитель-

но местности, он ожидал утра, чтобы установить свой отряд на позиции.

Но 9-го (21-го), часов в 6 утра, он был неожиданно атакован корпусом графа Ламберта, которого поддерживал Ланжерон,— авангард адмирала Чичагова. Началось горячее дело.

Генерал Домбровский, ясно понимая, что от удержания моста зависит спасение всей Великой армии, укрепил позицию возможно сильнее. Уже во время боя он получил подкрепление, в виде двух батальонов, бывших под командой генерала Пакоша и возвращавшихся из-под Бобруйска. Он заслонил ими свой тыл и переправу по Березинскому мосту. Бой длился весь день; наконец, Ланжерон, получив в подкрепление свежие батальоны, повел общую атаку на ослабленную долгой битвой линию польских войск, сломил ее и отбросил за Березину, причем мы потеряли 2000 человек, знамя и 3 орудия. В этой битве генерал Домбровский сделал все, чего можно было ожидать от такого опытного и отважного вождя, но он должен был уступить превосходным силам и сам перешел Березину одним из последних.

Когда Борисов был занят неприятелем, императору пришлось искать другой пункт для переправы. Для этой цели была выбрана деревня Студянка, двумя милями выше Борисова. После целого ряда ложных демонстраций, произведенных выше и ниже Борисова, с целью отвлечь внимание Чичагова, 14 (26) ноября, в 6 часов утра, французы начали наводку мостов, заслонившись артиллерией 2-го корпуса и гвардией, расставленной на холмах, господствовавших над Березиной, в присутствии неприятельского отряда генерала Чаплица, стоявшего на высотах у деревни Брили. В этот день вся Великая армия, вместе с гвардией, корпусами Удино и Виктора насчитывала под ружьем всего 29 700 человек. В числе их было около 6000 поляков, а именно 5-й корпус, под начальством генералов Заиончека и Княжевича, дивизия Домбровского, кавалерия этой же дивизии, дивизия Жирара, состоявшая из 4, 7 и 9-го пехотных полков, и Вислинский легион.

Мосты были выстроены на козлах из легкого материала, добытого от домов деревни Студянки. Левый предназначался для обозов и кавалерии, правый для пехоты. Постройкой за-

ведовали генералы Эбле, артиллерийский, и Шаслу — инженерный. Французские понтонеры и рота польских саперов, дивизии Домбровского, всецело посвятили себя этой работе, требовавшей погружения по пояс в воду реки, по которой плыли льдины. Большая часть этих людей пали жертвой своего долга. Наполеон уже с 7 часов утра стоял у мостов и ободрял всех. Правый мост был готов около часу пополудни, и через него тотчас переправился 2-й корпус Удино, состоявший из 5600 человек пехоты и 1400 кавалерии вместе с дивизией Домбровского и атаковал отряд Чаплица. После короткой стычки Чаплиц отступил к Борисову*. Таким образом, дорога в Вильно через Зембин и Плещеницы была для нас открыта.

Второй мост был готов тремя часами позднее. Во время постройки мостов Чичагов, отвлеченный демонстрациями Наполеона, обратил все свое внимание на местность ниже Березины и ожидал переправы в окрестностях местечка Березино, а потому вместе с большей частью своих сил тронулся как раз в противоположную сторону — к Шебашевичам.

Только получив донесение от генерала Чаплица об истинном положении дел, он поспешно двинулся от Борисова и 16-го (28-го), рано утром, остановился на тракте, идущем от Борисова к Зембину, против корпуса Удино, находясь во главе всей своей армии, насчитывавшей 17 000 пехоты и 9000 кавалерии.

Под вечер 16-го (26-го) я пришел пешком в Студянку, будучи очень измучен. Там я встретил друга и товарища Прондзинского. Каково было его удивление и грусть при виде остатков нашего корпуса и Великой армии! Какая разница с тем, что было 4 месяца тому назад! Некогда прекрасные, могучие войска предстали теперь его взору в состоянии, достойном слез. Среди беспорядочной и безоружной массы маршировали отдельные взводы, охранявшие свои знамена, и это называлось 1, 3, 4 и 5-м корпусами Великой армии. Кавалерии больше не было. Отдельные частицы ее, похожие на

---

* Самого Чаплица с его отрядом уже не было: вызванный Чичаговым, он 13 ноября выступил из Брилей и направился к Борисовскому тет-де-пону, оставив слабый отряд под начальством генерала Корнилова, состоявший из 28-го и 32-го егерских, Павлоградского гусарского, двух казачьих полков, 200 волынских улан и роты конной артиллерии. *К. В.*

тени, виднелись еще кое-где среди остального беспорядочного сброда. Только 5-й корпус сохранил большую часть своей артиллерии; часть ее он должен был уступить 4-му итальянскому корпусу, который и оставил ее на дороге между Смоленском и Оршей. Только императорская гвардия была еще похожа на войско.

Вся эта толпа солдат, конных, пеших и сидевших на возах, беглых, мародеров и повозок двигалась молча. На бледных, исхудалых лицах, закопченных дымом костров, обросших бородой, было написано или безразличие, или отчаяние.

Все усилия вернуть в строй оторванных от полков людей, но еще сильных и способных носить оружие, были напрасны. Средств к этому не было. Узы дисциплины были совершенно порваны. Офицер, генерал и солдат делили одну участь; разницы между ними больше не было*. Страшный погром, недостаток во всем сравняли всех. Несмотря на это, что касалось лично меня, то я не падал духом, как другие, и с величайшим покоем устраивался, как мог. Но, однако, разница в моей внешности тронула чуткое сердце Прондзинского. Глядя на меня, он разрыдался, снабдил меня провизией и уступил хорошую лошадь, так как у него было их несколько, добытых в стычках под Бобруйском. Итак, 15-го (27-го) числа я, верхом, хотя и с большим трудом, переехал через левый мост, следуя за артиллерией 5-го корпуса, и счастливо достиг противоположного берега. Болото, простиравшееся от мостов до холма, который господствовал над переправой, замерзло. За два дня до этого, во время оттепели, перейти через него не было возможности.

В тот вечер мы соединились с дивизией Домбровского и ночь провели вместе с Прондзинским, покрывшись моей шубой, в сосновом лесу, вправо от дороги, ведущей к Борисову. 16 (28) ноября в 7-м часу утра неприятель атаковал нас всеми силами. Маршал Ней, сменивший Удино, 14-го (26-го) принял над нами начальство.

---

* Один из участников кампании 1812 г. рассказывает в своих воспоминаниях, что на окрик одного генерала, хотевшего остановить варварскую расправу солдата с его товарищем, из-за куска конины, солдат отвечал: «Il n'ya plus de généraux ici — il n'ya gue des malheureux» (здесь нет более генералов, есть только одни несчастные).

Дизизия Домбровского перешла левую сторону дороги и, рассыпавшись в стрелки, без всякой поддержки, весь день дралась с целой массой неприятельских стрелков. Генерал Заиончек с остатками 5-го корпуса, насчитывавшего едва 1200 человек, сражался на правой стороне; на помощь ему пришел легион Вислы. Наша артиллерия расположилась на дороге; кавалерия в той местности, где редкий лес давал ей возможность развернуться, произвела несколько атак, смяла русскую пехоту и взяла около 2000 человек в плен, большинство раненых. Сначала русские, оттесненные нашей пехотой и кавалерией, отступили к своим резервам, а затем наши, уступив численности врага, сначала отступили, а затем собрались в отдельные группы и с новой силой двинулись на врага.

Пока это происходило на правом берегу Березины, маршал Виктор, с польской дивизией Жирара, а затем подкрепленный дивизией Дендельса и несколькими сотнями кавалеристов под начальством генерала Фурнье, отражал с большим мужеством, на левом берегу Березины, атаки корпуса Витгенштейна. 3-я дивизия корпуса под начальством генерала Партуно, в ночь с 15 (27) на 16 (28) ноября, будучи отрезана между Студянкой и Борисовом, принуждена была сдаться войскам Витгенштейна. Это несчастное событие сильно затруднило оборону мостов с левого берега. Наполеон, с 6400 человек старой и молодой нетронутой гвардии, стоял под Борисовом, готовый подать помощь, где окажется необходимость.

Около 11 часов утра генерал Домбровский был ранен в руку, в которой держал саблю Собеского, и принужден был покинуть поле сражения. Вслед затем генерал Княжевич был контужен в ногу, а генералу Заиончеку пушечное ядро оторвало ногу. Его отвезли на бивак императора, где он был осмотрен *доктором Ларре*, в присутствии Наполеона. Около 1 часа дня подо мной пала лошадь, раненная ружейной пулей в челюсть; я отправил ее в тыл и отдал слуге Прондзинского, который, имея еще нескольких запасных лошадей, дал мне другую. Около 4 часов пополудни огонь начал стихать по всей линии. Русские, не будучи в состоянии сломить нас, стали собирать стрелков и начали расставлять свои биваки на боевой линии.

Во время сражения значительная часть обозов, парков и одиночных и мародеров перешла мосты, которые, будучи по-

строены из слабого материала, нередко подламывались под тяжестью бегущих и требовали быстрой починки; поэтому движение безоружной толпы задерживалось несколько раз и теснота все увеличивалась. Когда ядра Витгенштейна стали разрываться в толпе, все кинулись к мостам. Произошла невообразимая давка: когда арьергард занял мосты, уже не было возможности спасти всю эту массу отставших. Когда передовые части русских отрядов стали подходить, началась всеобщая паника. До 20 000 людей и значительный обоз при этом попали в руки неприятеля*.

Ночь с 16 (28) на 17 (29) ноября после сражения пришлось мне провести среди замерзших болот речки Гайны, на стогах сена. Найдя немного крупы в мешке, на лошади Прондзинского, я подкрепил свои силы. На другой день, 17 (29) ноября, я тронулся в дальнейший путь. Дорога проходила через ряд мостов, длиной в 300 сажен, к местечку Зембину. Неприятельские отряды, весьма многочисленные в этих местах, не дали себе труда уничтожить эти мосты, которые составляли единственную переправу для отсталых. Благодаря этому мы и спаслись. По дороге встретили мы императора с королем Неаполитанским, медленно ехавших в крытой карете и окруженных пешей гвардией. Даву и Бертье сидели назади в костюмах, далеко не подходивших к их величию. Даву, потерявший весь свой корпус, имел крайне унылый вид: лицо его носило следы перенесенных испытаний. Несмотря на то, что я шел не быстро, я перегнал эти колонны и дошел до Зембина.

18 (30) ноября я добрался до Плещениц, где застал раненого генерала Домбровского, расположившегося в деревянном домике, в котором накануне маршал Удино (также раненый, 15 (27) ноября) с другими ранеными офицерами и, между прочим, с итальянским генералом Пино, забаррикадировавшись, выдержали нападение русского генерала Ланского, во главе отряда легкой кавалерии с двумя орудиями, причем отбили эту атаку. Дом этот носил еще следы битвы, и несколько ядер прострелили его насквозь.

Император Наполеон прибыл в Молодечно и здесь решил оставить армию и ехать в Париж.

---

* Ужасные сцены при мостах подробно описаны в сочинениях Шамбре и Бутурлина. Не будучи их очевидцем, считаю необходимым указать на этих авторов.

Пристегнув к своей лошади лошадь офицера Урмовского и достав легкие сани, я при лютом морозе тронулся к Вильно через Молодечно, Сморгонь, Ошмяны, Рыконты и 25 ноября (7 декабря) прибыл в столицу Литвы.

Подробности о наших бедствиях еще не дошли до Вильно. Никто не ожидал такого погрома. Найдя обывательскую квартиру, я через день отдохнул и даже выкупался, несмотря на мороз в 25°.

Здесь я застал генералов: Понятовского, Раутенштрауха, Домбровского и других высших офицеров, которые опередили нас. Подкрепившись и достав немного белья и денег у адъютанта генерала Домбровского, Владислава Хлаповского, я 27 ноября (9 декабря), рано утром, вместе с подполковником Урмовским, выехал через Понары в Ковно. Наша артиллерия и все отдельные отряды пошли по направлению к Олите. Эту же дорогу избрал и князь Понятовский со своим штабом. 29 ноября (11 декабря) прибыл я в Ковно и, не останавливаясь в городе, переправился через замерзший Неман, проведя ночь в Алексоте, вместе с генералом Домбровским, в доме Годлевского, принявшего нас со старым польским гостеприимством. Отсюда через леса, окружающие южную часть Августовского воеводства, мы тронулись далее и для сокращения пути прошли через Восточную Пруссию у Иоганнисбурга, через Пултуск и Сероцк, и 8-го (20-го) прибыли в Варшаву. 28 ноября (10 декабря) здесь был император, вместе с Коленкуром и Вонсовичем и, после краткой беседы с высшими властями и архиепископом Прадтом, тронулся в Дрезден. Через 3 дня, т. е. 1 (13) декабря, сюда прибыл князь Понятовский. В Варшаву стали стягиваться все отдельные польские отряды, кавалерия, артиллерия и отсталые, спасшиеся от морозов и казаков. Из войск 5-го корпуса, насчитывавшего при переправе через Неман, в июне 1812 г., 32 000 солдат, не считая кавалерийских частей, распределенных по корпусам Великой армии, теперь вернулось не более 6000, и то в большинстве безоружных.

Легион Вислы, конная гвардия Красинского, польская дивизия корпуса Виктора, гренадерская дивизия корпуса Макдональда,— шли другими дорогами. Литовские пехотные полки, вновь сформированные генералом Гедройцем, полковником Чапским, Гелгудом и др., вернулись в Модлин.

Прибалтийский край в Отечественную войну

I

Прошлое Курляндии.— Орденские времена.— Подчинение Польше.— Династия Кеттлеров.— Герцог Яков и золотой период курляндской истории.— Двукратное посещение Петром I Курляндии.— Договор о марьяже.— Эрнст Иоганн Бирон.— Междуцарствие.— Герцог Карл Саксонский.— Петр Бирон.— Раздел Польши и присоединение Курляндии к России.— 1812-й год.— Оккупация Курляндской губернии.— Французское гражданское управление.— Областное правление герцогства Курляндского.— Наполеоновские интенданты.— Наложение контрибуции.— Французские указы и распоряжения.— Восстановление русского управления.— Лифляндия в 1812 году.— Ополчение и Лифляндский казачий полк.— Расформирование Лифляндского ополчения. Маркиз Паулуччи и дерптские студенты

Взаимные отношения между Курляндией и Россией исторически сложились совершенно иначе, чем на русско-польской окраине. Основание герцогства Курляндского относится ко второй половине XVI в. До этого исторического момента существование маленького государства не было закреплено никакими актами и договорами. Прибалтийский край, как и Литва, стал ареной просветительной деятельности католических миссионеров, которых впоследствии, при сопротивлении язычников, поддерживали основанные, с благословления папы, рыцарские ордена: Тевтонский и Ливонский.

Рыцари строили укрепленные замки и земли вокруг них считали своей собственностью. Литва сумела сохранить свою самостоятельность и продолжительной, тяжкой борьбой с крестоносцами остановила их движение на восток. Напротив, Прибалтийский край и особенно область, составившая впоследствии герцогство Курляндское, подпали под владычество Ливонского ордена, и пришельцы германской крови стали господами туземных племен.

Замечательно, что и Литва, и Курляндия обратились к помощи Польши, но договоры с нею носят совершенно раз-

личный характер. Литва объединилась с Польшей в одно государство, оберегая себя от иноземного завоевания и подверглась лишь позднее ополячению. Напротив, Курляндия вошла в договор с Варшавой не от лица местного населения, а от имени тех же рыцарей-завоевателей.

В 1561 г. последний магистр Ливонского ордена, Готгард Кеттлер, резиденция которого находилась в укрепленном Митавском замке, будучи не в силах продолжать самостоятельную борьбу с многочисленными врагами, обратился за поддержкой к польскому королю, Сигизмунду Августу. В Вильно, 26 ноября 1561 г., был подписан договор, в силу которого орден был упразднен, а Готгард Кеттлер возведен в наследственные герцоги Курляндии и Семигалии (Curlandiae et Semigalliae Dux). Само герцогство обращено в полусамостоятельное государство, в вассальной зависимости от Польши. Договор этот, известный под именем Pacta Subjectionis, т. е. «условия подчинения»*, устанавливал отношения герцога к его сюзерену, королю Польскому, с чисто политической стороны, что в общем не мешало самобытному развитию Курляндии, культурному и экономическому.

Судьбы Польского королевства, таким образом, не могли существенно влиять на внутреннюю жизнь герцогства, и лишь с последним разделом Польши, в 1795 г., Курляндия, оставшись без верховного покровительства, естественно обратилась к могущественной соседней державе России, к которой и была присоединена уже в качестве Курляндской губернии.

И действительно, в течение 250 лет своего существования Курляндское герцогство занято исключительно внутренними усовершенствованиями, развитием гражданского строя и обогащением страны. Ареной военных действий между Россией, Швецией и Польшей и борьбы политических партий оно является лишь против своей воли, благодаря преимущественно своему географическому положению, но старается держаться в стороне от общей европейской политики, сознавая свою слабость и заботясь лишь о сохранении своей культурной независимости.

---

* Pacta subjectionis, inter Divum olim Regem, Sigismundum Augustum, et Gotthardum Kettlerum, Magistrum Teutonici Ordinis in Livonia.

Впрочем, в истории Курляндии можно отметить момент, когда герцогство приобретает почти самостоятельное политическое значение и стремится стать европейской державой. Эта золотая эра относится к правлению четвертого герцога из рода Кеттлеров — Якова (1642—1682), имя которого, несомненно, числилось бы в ряду великих монархов, если бы он управлял государством более обширным.

В правление герцога Якова в Курляндии процветали торговля и промышленность. С Англией, Францией, Испанией и Голландией были заключены торговые договоры, а при версальском дворе имелись дипломатические курляндские представители*. В морских портах Либавы и Виндавы строились корабли, и Курляндия в эту эпоху обладала настолько значительным торговым флотом, что отправляла экспедиции в далекие страны и основывала колонии. Так, в Африке она владела колонией при устье реки Гамбии, а в Америке островом Табаго (в малой Антильской группе), который впоследствии был захвачен Голландией, а в настоящее время принадлежит Англии. На острове Табаго был основан город, названный в честь курляндского герцога — Якобштадтом.

Оставаясь нейтральной, Курляндия являлась средоточием дипломатических переговоров между Швецией, Польшей, Москвой, Данией и Англией, и герцог Яков являлся неоднократно посредником между враждующими сторонами. Именно эта роль была причиной большого несчастья, обрушившегося на голову герцога. Король шведский, Карл X, заподозрил его в двойной игре и в пристрастной защите польских интересов. Отсюда возникло решение захватить Курляндию в свою власть, а герцога Якова с семьей держать в плену. С этой целью было дано тайное приказание шведскому генералу Дугласу, находившемуся в Литве. План этот удалось осуществить при помощи военной хитрости. Дуглас подошел к Митаве с 3-тысячным отрядом и вступил с герцогом в переговоры относительно проведения войск через город. Во время этих переговоров, ночью 30 сентября 1658 г., шведы, пользуясь беспечностью часовых, ворвались в замок, разгра-

---

* Донесения курляндских представителей при версальском дворе, баронов *Фиркса* и *Фелькерзама*, представляют ценный исторический материал. Людовик XIV был с герцогом Яковом в самых дружественных отношениях, титулуя его в письмах «mon frère».

били его, а герцога и его семейство захватили в плен, после чего их отправили в Ивангород, и освобождены они были только в 1660 г., при заключении мира в Оливе.

При сыне герцога Якова, Фридрихе Казимире, Митаву весной 1697 г. впервые посетил Петр, под скромным именем Петра Михайлова, состоящего при посольстве, во главе которого находились адмирал Лефорт, боярин Головин и канцлер Возницын.

Посольство было встречено в Митаве с необычайной пышностью, хотя Петр продолжал сохранять свое инкогнито. Он имел, однако, тайные совещания с герцогом и, очевидно, именно в это время были заложены основы дружественных отношений между Курляндией и Россией.

Следующее посещение Петром Митавы произошло при совершенно другой обстановке. Это было в 1705 г., в разгар Северной войны, когда Курляндия сделалась ареной столкновения русских со шведами. Герцог Фридрих Казимир к тому времени уже покоился в склепе Митавского замка, а над малолетним Фридрихом Вильгельмом, волею польского короля Августа II и вопреки желанию курляндского дворянства, был поставлен регентом дядя герцога, Фердинанд*, которому был присвоен титул «Dux tutor et administrator»[1].

При нашествии шведов администратор Фердинанд бежал из Курляндии и поселился в Данциге, номинально продолжая управлять страною.

Митава была занята шведским гарнизоном под начальством полковника Кнорринга, когда к городу подступили русские войска во главе с самим Петром.

14 августа 1705 г. русские приступили к осаде города, продолжавшейся до 4 сентября, когда в ответ на ультиматум, поставленный Петром, Кнорринг решился сдаться.

Характерной чертой в этом эпизоде Северной войны является отношение Петра к жителям Митавы, выгодно отличавшееся от грабежей и насилий, чинимых шведами. Войскам был дан приказ отнюдь не обижать курляндцев и охранять замок как имущество герцога. Здесь царем руководили, очевидно, кроме желания показать в выгодном свете дисцип-

* *Младший сын герцога Якова.*

лину русских войск и гуманность их начальников, еще и более глубокие политические соображения.

Петр, ясно сознавая значение для России Прибалтийского края и утвердившись на берегах древнего Варяжского моря, имел полную возможность захватить силой и Курляндское герцогство, но в этом вопросе сказались его государственный ум и тонкая прозорливость. Дружбой с Курляндским герцогством и сохранением этого ничтожного в политическом отношении государства он избежал конфликтов с Польшей и германским миром. Притом же в Прибалтийском крае Петр столкнулся с форпостами европейской цивилизации и старался доказать Западу, что он опирается в своих завоеваниях на историческое право и не держится политики захватов.

Берега Невы видели русских не впервые, и имена Колывани и Юрьева не исчезли из памяти народной. Но Курляндия de facto всегда была полусамостоятельным государством, несмотря на свои малые размеры, и московский царь бережно отнесся к ее неприкосновенности, действуя в интересах России исключительно дипломатическим путем, и даже связал русский царствующий дом с правящей Курляндской династией. Пока герцогством номинально управлял регент Фердинанд, из Данцига, малолетний Фридрих Вильгельм жил с матерью в Германии, где воспитывался при бейрейтском дворе, до 18-летнего возраста.

В 1710 г. он вернулся на родину в качестве герцога Курляндского и, по желанию Петра, вступил в брак с его племянницей, царевной Анной Иоанновной.

Договор о «марьяже», заключенный 10 июня 1710 г. между курляндскими уполномоченными Ренне и Лау и русскими — Меншиковым и Шафировым*, чрезвычайно характерен для самого Петра, указывая на его умение пользоваться обстоятельствами и создавать прочную, долголетнюю связь, основанную на материальной зависимости. Скупой в расходовании денег, он дает за Анной Иоанновной весьма большую по тому времени сумму в 200 000 р. (ст. 2) с разрешением употребить приданое на выкуп герцогских имений (ст. 3), но и с обязательством, в случае смерти герцога, вы-

* Полн. собр. законов. 1830. Т. IV. № 2272.

давать вдове его пенсию в размере 40 000 р. в год (ст. 7, § 3).

Этим договором обеспечивалось на долгое время вмешательство России в дела Курляндии, и с тех пор она уже не выходит из сферы русского влияния.

Фридрих Вильгельм умер в 1711 г., возвращаясь в Митаву из Петербурга после свадьбы*, и с его смертью пресеклась старшая линия династии Кеттлеров. Последним представителем этого рода, и притом бездетным, оставался бывший регент Фердинанд. Он был ревностным сторонником Польши, которая и утвердила его в правах герцога (1711—1737). Но правление его оставалось по-прежнему номинальным: он так и не выехал из Данцига, а Курляндией фактически управляли обер-раты, государственные советники. Теперь в Курляндии главным вопросом явилось удовлетворение претензий вдовствующей герцогини, согласно принятому на себя обязательству, что при скудости финансов оказалось весьма нелегкой задачей.

Обер-раты нашли выход, предложив Анне Иоанновне управлять самой герцогскими имениями. По совету Петра предложение это было принято. Вдовствующая герцогиня отправилась в Митаву, и ко двору ее, в качестве гофмейстера и резидента, был командирован Бестужев-Рюмин (отец известного канцлера).

Польша опиралась на исторические права и старинные трактаты, но Петр утвердил свое влияние в Курляндии на более реальных основаниях. Каждый раз, когда курляндское дворянство действовало несогласно с видами Петра, Бестужев возбуждал вопрос об уплате пенсии с угрозой поставить экзекуцию из русских войск.

Между тем, ввиду бездетности Фердинанда, возник вопрос о дальнейшей судьбе Курляндии. Польские юристы толковали договор 1561 г. в том смысле, что за пресечением рода Кеттлеров герцогство обращается в выморочное имущество, которое должно быть присоединено к Польскому королевству. Напротив, курляндское дворянство оспаривало та-

* В сел. Kioppenhof (ныне почтовая станция Кипень), как говорят, от оспы, свирепствовавшей в то время в окрестностях Нарвы и Петербурга См.: Cruse Curland unter den Herzögen. Mitau, 1833. II.

кое толкование, доказывая, что ему принадлежит право выбора новой герцогской династии.

Во время этого спора умер Петр Великий и делами России заправлял Меншиков. Достигнув вершины власти, он стал гнаться за титулами и повел в Курляндии целую интригу в пользу избрания его герцогом. Дело пошло довольно успешно, когда на сцену вступил новый претендент — Мориц Саксонский, побочный сын Августа III.

Молодой, пылкий, увенчанный военной славой, он был избран курляндским ландтагом, вопреки желанию русского двора, в виды которого не входило усиление саксонской партии. Петербург не соглашался и на предложенный Морицом брак с Анной Иоанновной, хотя сама вдовствующая герцогиня, по-видимому, охотно шла на эту политическую комбинацию, подчиняясь голосу сердца. Петербург предложил своего претендента, в лице принца Гольштинского, но кандидатура эта успеха не имела.

Мориц, однако, недолго продержался в Курляндии. Несмотря на влиятельность саксонской партии при польском дворе, одержала верх партия, стоявшая за присоединение герцогства к Польше, и для осуществления этого плана в Митаву была отправлена польская комиссия с отрядом войск из 5000 человек. В Петербурге приготовились к этому шагу и приняли своевременно меры. Русские войска, под начальством генерала Ласси, выступили из Риги и предупредили поляков, осадив Морица, укрепившегося на озере Усмайтенском, в Западной Курляндии. Мориц бежал, а прибывшая польская комиссия, желая избегнуть столкновений с русскими, утвердила лишь права герцога Фердинанда, оставив все по-прежнему.

Вдовствующая герцогиня Анна Иоанновна не принимала близкого участия в этой борьбе партий, продолжая жить в Митаве, в которой провела 15 лет, вплоть до избрания ее на всероссийский престол. За это время близким к ней человеком становится некто Бюрен, сын мелкопоместного дворянина-землевладельца, находившегося на польской службе. Эрнст-Иоганн Бюрен вошел в доверие к вдовствующей герцогине в 1720-х годах и занял место ее секретаря и камер-юнкера. Этому назначению способствовал русский резидент

Бестужев, не ожидавший, конечно, что искательный камер-юнкер обратится со временем в угрозу России.

В 1727 г., по отзыву Бестужева, Бюрен управлял уже всеми делами в Митаве.

Со вступлением Анны Иоанновны на русский престол он получил звание камергера, а император Карл VI жалует его в графы Римской империи. В это время он изменил свою фамилию Бюрен на Бирон, намекая на свое якобы происхождение от знаменитого французского рода de Gonteau-Byron[2].

Когда в 1737 г. умер герцог Фердинанд, последний из рода Кеттлеров, Анна Иоанновна употребила все свое влияние на то, чтобы курляндский ландтаг избрал наследственным герцогом Бирона. Всесильный временщик, чувствуя, быть может, что роль его в России скоро окончится, потратил огромные средства на возведение для себя дворца в Митаве, и поныне представляющего замечательное по красоте и роскоши сооружение.

Со смертью императрицы звезда Бирона быстро закатилась, и в 1749 г. он познает всю превратность судьбы. Партия Миниха и Остермана арестует его и ссылает в Пелым. Елизавета Петровна отнеслась к бывшему временщику снисходительно и перевела его в Ярославль, где он и пробыл вплоть до 1762 г., когда был возвращен из ссылки, вместе с Минихом и Лестоком, именным повелением Петра III, который принял его отменно ласково, но предложил уступить свои права на Курляндию герцогу Гольштинскому, за что ему обещано возвращение всех его имений.

Екатерина II едва ли относилась сочувственно к Бирону, но она умела ставить государственные интересы выше личных чувств и нашла выгодной комбинацией восстановление его в правах герцога Курляндского.

За время 20-летней с лишком ссылки Бирона (1740—1762) Курляндия находилась в крайне двусмысленном положении. Правитель ее проживал в Ярославле в качестве государственного преступника, и возникал, естественно, вопрос о том, продолжает ли он носить герцогское звание. Этим положением воспользовался польский король Август III и предложил кандидатуру сына своего Карла. Императрица Елизавета Петровна выразила свое согласие, и в 1758 г. принц Карл был избран частью курляндского дворянства, хотя ли-

товский канцлер отказался утвердить избрание печатью, без чего герцогский диплом не имел законной силы.

Екатерина II хотела окончательно уничтожить польское влияние в Курляндии, и для этой цели проще всего было восстановить Бирона, недавно возвращенного из ссылки и, без сомнения, отныне покорного ее воле. Целым рядом рескриптов на имя рижского генерал-губернатора Броуна и русского резидента в Митаве, Симолина, императрица предписывает им подготовить в Курляндии умы в смысле необходимости восстановления Бирона и незаконности избрания принца Карла и, в случае необходимости, поддержать наши требования военной силой.

В рескрипте от 3 августа 1762 г. императрица дает следующую инструкцию Броуну: «Как Мы намерены герцога Курляндского Эрнста Иоганна в имеющихся его на сие герцогство претензиях не токмо подкреплять, но и способствовать в восстановлении его в сии княжества, почему могут происходить иногда в Курляндии некоторые непорядки, то для предупреждения оных, всемилостивейше повелеваем вам, из находящихся в команде вашей гарнизонных полков, нарядить немедленно целый баталион, при исправном штаб-офицере и велеть оному идти вскоре в Митаву и, явясь находящемуся тамо Нашему министру, ст. советнику Симолину, расположиться по квартирам и поступать во всем по наставлениям оного министра Нашего, Симолина, который снабжен от Нас потребною о том инструкциею»*.

В силу этого указа, тотчас же отправлен в Митаву батальон с двумя орудиями, а вскоре затем, в конце декабря 1762 г., Бирон, находившийся уже в Риге, торжественно вступил в Митаву, где его встретило местное дворянство, а русский батальон приветствовал музыкою и пальбою.

Находившийся тут же в Митаве принц Карл пробовал было упорствовать и не хотел покидать дворца, заявляя, что без приказания короля Польского он своего места уступить не может; но, получив, через рижского генерал-губернатора, категорический совет императрицы: «уступив, по благоразумию, времени и обстоятельствам, выехать из Митавы с бла-

---

* Сборник материалов для истории Прибалтийского края. Рига, 1882. Т. IV. С. 290.

гопристойностью»,— он 17 апреля 1763 г. вернулся в Варшаву.

В 1769 г. Эрнст Иоганн Бирон, по старости и болезни, оставил дела управления и торжественно отрекся от власти в пользу старшего сына своего — Петра.

Теперь Курляндия, в сущности, уже составляла как бы часть Российской империи и de facto утратила всякую самостоятельность, юридически оставаясь, по договору 1561 г., вассальным владением Польского королевства. Третий раздел Польши, прекративший ее политическое существование, уничтожил и этот признак зависимости, и Курляндия предпочла обратиться добровольно в русскую губернию путем отречения последнего герцога, Петра Бирона, в 1795 г.

В этом беглом историческом обзоре мы имели в виду не только последовательное изложение фактов курляндской истории, сколько подтверждение нашего взгляда на издавна сложившееся отношение курляндцев к иноземному влиянию. Будучи слабым государством, Курляндия никогда не имела серьезного исторического значения и не сделалась сильной торговой державой наподобие Голландии, хотя имела к тому все данные в XVII в. Постоянные нашествия иноземцев, хотя и не расположенных враждебно к Курляндскому герцогству, но делавших его ареной борьбы с другим государством, тоже не враждебным Курляндии, исторически выработали в ней политический индифферентизм и наряду с ним высокий местный патриотизм, направленный к сохранению своей самобытной, курляндской культуры. Этот патриотизм неизменно проходит красной нитью через всю историю Курляндии. Добрые граждане своей маленькой страны, любящие свой уклад жизни, жаждущие мира и покоя для успешного культурного процветания, курляндцы остаются такими же и под владычеством герцогов, и в эпохи нашествий неприятеля, и приняв, наконец, добровольно русское подданство, обратившее громкий титул герцогства в скромное административное название губернии. Самое горячее стремление курляндцев заключалось в том, чтобы создать такое политическое положение, которое обеспечивало бы им внутренний покой, мирное процветание городского и сельского хозяйства, торговли, ремесел, промыслов и национально-культурную независимость.

Такой исторически выработавшийся взгляд сказался и в 1812 г., когда Курляндия, несомненно, тяготела к России, которая обеспечивала ей спокойное существование под своим могущественным покровительством. Но это тяготение, конечно, не значило еще, что Курляндия, всего 16 лет тому назад вошедшая в состав Российской империи, всецело прониклась национально-русскими интересами и была способна выказать в 1812 г. тот высокий патриотизм, который в эту годину бедствий проявила коренная Россия. Что касается высшего сословия, дворян-землевладельцев, то значительная часть их служила уже в рядах русской армии. В общем курляндские дворяне, как и вообще дворянство прибалтийское, были своеобразными патриотами по формуле: Kaisertreu, но не Reichstreu[3] — другими словами, исповедовали феодальную верность своему новому монарху-сюзерену императору всероссийскому, оставаясь в то же время совершенно чуждыми национальным, культурным и экономическим стремлениям и интересам русского народа.

При вступлении Наполеона в пределы России левый фланг Великой армии составлял 10-й корпус Макдональда, в состав которого входили: 7-я дивизия барона Гранжана (поляки, баварцы, вестфальцы) и прусский вспомогательный корпус, под начальством генерала Граверта, а впоследствии Иорка. Перейдя 12 (24) июня Неман, у Тильзита, прусские войска, оставив небольшой гарнизон в Мемеле, тремя колоннами вступили в Курляндию.

Защита Митавы была возложена на генерал-лейтенанта Левиза, присланного сюда Эссеном из Риги, с отрядом, состоящим из 7 батальонов, 4 эскадронов, 2 казачьих полков и 8 орудий, всего численностью около 6000 человек. Когда утром 6 (18) июля в Митаве получено было известие, что прусские отряды появились в Бауске, Левиз вышел из города, оставил в нем два батальона Муромского и Черниговского пехотных полков и занял позицию при местечке Экау, в 25 верстах от Митавы. Здесь 7 (19) июля 1812 г. произошло первое жаркое дело с пруссаками, под начальством Иорка и Клейста, после которого Левиз, теснимый превосходными силами, должен был отступить к Риге, через Даленкирхен. В тот же день он предписал курляндскому гражданскому гу-

бернатору, Сиверсу, оставить Митаву и выступить с находившимися в городе войсками в Ригу.

Утром 8 (20) июля 1812 г. Сиверс, с гарнизоном* и гражданскими чиновниками, вышел из Митавы, приказав напечатать два воззвания, которые были расклеены на улицах. В первом, обращенном к жителям, он писал: *«Доброму городу Митаве и стране объявляю мою глубокую благодарность за проявленную верность своему Великому Монарху и Повелителю»*. Второе было обращено к вступавшему неприятелю и гласило: *«Уступить превосходным силам повелевает разум, щадить город и страну — человеколюбие. Последнее ожидаю от цивилизованного врага»*.

Воззванiе Курляндскаго губернатора, Ѳ. Ѳ. Сиверса, къ жителямъ Митавы и обращенiе къ наступающему непрiятелю, 8/20 Iюля 1812 года.

Der guten Stadt Mitau und dem Lande meinen innigsten Dank für ihre bewiesene Treue und Anhänglichkeit gegen ihren großen Souverain und Beherrscher.

Friedrich Sivers,
Gouverneur.

Der Uebermacht zu weichen, gebietet die Vernunft; Stadt und Land zu schonen, die Menschlichkeit. Letzteres erwartet von einem civilisirten Feinde

Friedrich Sivers,
Gouverneur.

Mitau, den 8ten July 1812.

Воззвание курляндского губернатора Ф. Ф. Сиверса к жителям Митавы и обращение к наступающему неприятелю, 8 (20) июля 1812 года

Митава, таким образом, осталась без властей и военной силы. Этим обстоятельством, по-видимому, воспользовались соседние крестьяне-латыши и двинулись в город, где овладели провиантскими магазинами и начали грабить жителей. Нижний слой городского населения примкнул к грабителям, и жители едва ли справились бы с возраставшими каждый час беспорядками. Но в это время передовой отряд прусских войск, под начальством полковника Раумера, вступил в Митаву и обратил оружие против грабителей, которые и были вскоре рассеяны. Таким образом, первое появление неприятеля явилось для мирных жителей покинутого города залогом успокоения и восстановления законности и порядка. Обстоятельство это, несомненно, повлияло на настроение умов граждан и помещичьего элемента, не без основания видевше-

---

* Два батальона Муромского и Черниговского пехотных полков, Митавский полубатальон внутренней стражи (ныне 180-й пехотный Виндавский полк), сотня казаков, 20 драгун и 30 гусар.

Объявленiе командующаго прусскимъ вспомогат. корпусомъ, генерала фонъ-Граверта, отъ 13/25 іюля 1812 г., о повиновенiи крестьянъ помѣщикамъ.

Publikandum.

Es scheint sich unter den Arbeitspflichtigen Landbewohnern der hiesigen Provinz die irrige Meinung verbreiten zu wollen, als entbinde der eingetretene Kriegszustand und die Gegenwart der Preussischen Truppen sie von ihren Pflichten gegen ihre Gutsherrschaften. Um diesen irrigen Wahn zu berichtigen, erkläre ich hiermit, daß in der Verfassung der Provinz und in den Verhältnissen zwischen Herrn und Unterthanen bis auf höhern Befehl durchaus nichts geändert werden soll, und, daß das Preussische Korps, anstatt diese Verhältnisse zu stören, vielmehr bereit ist, solche, so wie die Ordnung, kraftvoll aufrecht zu erhalten, und jeden, der sich Eingriffe dagegen erlaubt, ernstlich zu strafen.

Hauptquartier Peterhoff, den 13/25 July 1812.

von Grawert,

Königlich Preussischer General der Infanterie und kommandirender General des Preussischen Hülfskorps.

Объявление командующего прусским вспомогательным корпусом, генерала фон Граверта, от 13 (25) июля 1812 г., о повиновении крестьян помещикам

го в начавшемся народном движении признаки Жакерии, угрожавшей господствующему классу. Представители местного дворянства и городские власти обратились за содействием к прусским властям и 13 (25) июля 1812 г. на стенах города Митавы появилась прокламация, за подписью командующего прусским корпусом, генерала Граверта, содержание которой красноречивее всяких доводов подтверждает высказанное нами предположение. Вот подлинный текст этого характерного объявления: *«Здесь ходят слухи, что среди сельских жителей здешней провинции стало распространяться ложное мнение, будто бы наступившее военное положение и присутствие прусских войск должно избавить поселян от обязанностей по отношению к их помещикам. Чтобы опровергнуть это ложное мнение, я сим объявляю, что впредь до высшего приказания, не предполагается никакой перемены как в устройстве означенной провинции, так и в отношениях между господами и подданными, и что прусский корпус не только не нарушит таковые, но, напротив, будет энергично поддерживать эти отношения, а равно и порядок, и строго наказывать всякого, позволяющего себе их нарушение».*

В городе тотчас учреждено прусское комендантское управление, от имени которого издан ряд распоряжений полицейского и военно-административного характера: опубликованы правила о квартирной повинности, о военной реквизиции, о продовольствии войск, о курсе прусской монеты в Курляндии, об обязанностях местной полиции и т. п. Во избежание пререканий, могущих возникнуть между жителями

и воинскими чинами, расквартированными в домах обывателей, в Митаве учрежден особый «Гражданский комитет», составленный из представителей местных сословий. Судебные и административные учреждения, хотя и не были официально упразднены, но фактически прекратили свою деятельность, за выездом губернатора и главных представителей губернской власти.

Указъ Наполеона I изъ Областного Правленія герцогства Курляндскаго, отъ 1 августа 1812 г. за № 1, о введеніи французскаго управленія въ Курляндіи.

Auf Befehl
Seiner Majestät Napoleons,
des Kaisers der Franzosen, Königs von Italien, Beschützers des Rheinbundes und Vermittlers des Schweitzerbündnisses
x. x. x.,
aus
der Landesregierung des Herzogthums Kurland und Semgallen und des Piltenschen Districts,
zu Jedermanns Wissenschaft.

Mitau, den 1sten August 1812.

(L. S.)

Karl Graf v. Medem,
Präsident.

Ernst Schöppingk,
Regierungsrath.

Wilhelm Rüdiger,
Regierungsrath.

Wilhelm von Holtey,
Regierungsassessor.

Secretaire C. L. Schulz.

Указ Наполеона I из Областного правления герцогства Курляндского, от 1 августа 1812 г. за № 1, о введении французского управления в Курляндии

Высшая военная власть была сосредоточена в лице генерала Граверта, командовавшего прусскими вспомогательными войсками, входившими в состав 10-го корпуса Великой армии, под общим начальством маршала Макдональда, герцога Тарентского. Комендантом Митавы был назначен прусский майор фон Бот, от имени которого издавалась значительная часть распоряжений.

Таково было положение дел в Митаве, когда 1 августа 1812 г. (по новому стилю) был обнародован первый указ нового правительства, вышедший под громким титулом «Его Величества Наполеона I, Императора Французов, Короля Италии, Протектора Рейнского Союза, Медиатора Швейцарских союзных Кантонов и проч. и проч. и проч.». Указ был напечатан на французском, немецком и латышском языках и прочтен в церквах и местных приходах пасторами, для всеобщего сведения.

Новое правительство оповещало жителей, что, ввиду занятия страны войсками императора Наполеона, существовавшее до сих пор *«Российское Губернское Правление упраздняется»* и вместо него учреждается *«Областное Правление Герцогства Курляндского и Семигальского и*

Пильтенского Округа (Landesregierung des Hezrogthums Kurland und Semgallen und des Piltenschen Districts)». Затем объявлялось, что «Интендантами Курляндии назначены Аудиторы Государственного Совета Его Величества Наполеона г.г. де-Шамбодуэн и де Монтиньи (jules de Chambaudoin et Charles de Montigny)», поставленные во главе гражданского управления страною. К указу приложено и первое постановление интендантов (arrêteè), коим, «по приказанию генерал-интенданта Великой армии, графа Матье Дюма, и в силу распоряжения маршала герцога Терентского», назначены члены нового Областного правления, а именно: председателем (Président de la Régence) назначен граф Карл Медем*; советниками — бывший советник Курляндской Казенной палаты, Эрнст Шёппинг, и бывший судебный советник фон Рюдигер; асессором — фон Гольтей и секретарем — Шульц. Бывший обер-гауптман, Георг фон Энгельгардт, назначен прокурором Областного правления, а бывший фискал Конради — сохранен в прежней должности.

Другим указом, от того же числа, объявлено и особое «Органическое положение» для Курляндии (Arrête organique des pays formant la Province de Courlande et Sémigalle), которая, в административном отношении, разделялась на две части: 1) Верхнюю Курляндию (Courlande Supérieure), образованную из округов Митавы и Зельбурга и 2) Нижнюю Курляндию (Courlande Inférieure) — из округов Гольдингена, Туккума и Пильтена. Во главе каждой части стоял один из названных интендантов, в руках которых, таким образом, была сосредоточена фактическая власть и которые, *именем императора французов, издавали указы и распоряжения через Областное правление*.

Введение нового гражданского управления и, в частности, преобразование Губернского правления в областное, не внесло существенных перемен в гражданскую часть и судебные учреждения, так как, за исключением двух интендантов и прусских военных властей, все должности по администрации поручены были местным чиновникам. При этом, как мы увидим из некоторых сохранившихся в подлиннике документов, французские власти, в лице г-д интендантов, не особен-

* Брат последней герцогини Курляндской, 3-й супруги Петра Бирона.

но стеснялись при наборе штата нового гражданского управления, прибегая к строгим мерам и угрожая, в случае отказа, насилием. Так, когда советник Казенной палаты, фон Шёппинг, на предложение занять должность советника во вновь учрежденном Областном правлении, медлил ответом, интендант Верхней Курляндии, де Шамбодуэн, в письме от 17 (29) июля 1812 г., требовал, в форме ультиматума, немедленного вступления его в отправление новых обязанностей, угрожая, в случае дальнейшего отказа, «воспользоваться властью и строго наказать его ослушание».

Для французов было важно, собственно, одно: как можно скорее установить порядок в занятой местности, пользуясь для этой цели местными, опытными людьми, и организовать учреждение, через которое можно было бы проводить в жизнь распоряжения французских властей. Менее всего хотели они что-либо изменять в общественной жизни и даже избегали существенной ломки, опасаясь недовольства господствующего сословия, остзейцев. Главной целью французов, как и в Польше, и в Литве, было обеспечение продовольствия оккупационных корпусов и военная контрибуция. Но для поляков все это маскировалось громкими фразами о восстановлении прежнего королевства и ни к чему не обязывающими обещаниями. В Курляндии, напротив, имелось в виду доказать немцам, что французское владычество сохранит в неприкосновенности все, чем пользовались они и под русской властью. И вот, как опытные организаторы, французы быстро пустили в ход административную машину. В течение 5-месячной оккупации Курляндии Областное правление издало около 50 «указов» и распоряжений, вся суть которых сводится здесь, как и в Литве, к словам, сказанным маршалом Даву представителям местной администрации в Минске: «Господа, император Наполеон требует от вас трех вещей: денег, денег и денег!»...

Через три дня после введения нового управления, постановлением интендантов, от 4 августа, издается ряд распоряжений, в которых Казенной палате предписывается «принять немедленно меры» к восстановлению всех дел и документов, выясняющих положение каждого плательщика, для «*обеспечения поступления в казну Его Величества Наполеона всех недоимок, какого бы рода они ни были*». 11 августа —

новый указ той же Палате об уплате казенными имениями арендных денег; указом 2 сентября от Палаты требуются списки недоимочных ведомостей; 4 сентября 1812 г. Областное правление объявляет всем гауптманским судам, что в силу «Указа Его Величества Императора и Короля», на провинцию Курляндию наложена *военная контрибуция* в 2 000 00 р., четвертая часть которой должна быть «неминуемо (unausbleiblich) внесена к 15 сентября сего года». Так как к указанному сроку эта часть контрибуции не поступила и наполовину, то уже 18 сентября, указом Областного правления, объявлено новое распоряжение, в силу которого обергауптманским судам предписывалось выбрать в уездах по десять самых богатых жителей и объявить им, что они являются ответственными за неуплаченные по уезду суммы и, в случае неуплаты этой недоимки,— будут отправлены в крепость Вейксельмюнде, в качестве заложников. Постановлением (arrêté) маршала Макдональда, 27 сентября 1812 г., издано новое распоряжение о привлечении к уплате военной контрибуции государственных крестьян, которые, ввиду «ошибочного толкования» одной из статей указа, были изъяты от этой повинности. Характерно, что в числе мотивов этого распоряжения Макдональд указывает на заявления представителей дворянства и членов Областного правления.

В защиту государственных крестьян выступил, однако, прокурор Областного правления, Георг фон Энгельгардт, благородный образ которого ярко выступает в эту тяжелую эпоху, среди всеобщей картины растерянности и малодушия. Стоя на строго юридической почве, в своей записке, представленной Областному правлению, он, не стесняясь, критикует действия французских властей и указывает на нарушения законов, ими допущенные. Горячо встает он на защиту государственных крестьян, как арендаторов казенных имений, и, ссылаясь на арендные контракты, утвержденные русским правительством, отмечает справедливое отношение последнего. Цитируя статью местных узаконений, он указывает, что «владелец имения должен вознаградить арендатора за все убытки, понесенные им в силу причин, от него не зависевших, как, например: наводнение или нашествие неприятеля (omnem vim, cui resisti non polest, dominum colono

praestare debere, ut puta fluminum aut si incursus hostium fiat).

Соображения Энгельгардта, конечно, не убедили интендантов, и контрибуция была собрана, но лишь в размере 1 200 000 р.; остальные же 800 000 р. так и остались в недоимке, хотя и вызвали ряд строжайших распоряжений интендантов.

Экономическое положение страны, за время пятимесячной оккупации, пришло в полный упадок. Кроме контрибуций и реквизиций, неприятель, для возведения укреплений, а главное для подвоза жизненных припасов, постоянно занимал массу рабочих рук и лошадей. Поля оставались необработанными, правильный ход сельского хозяйства был повсюду нарушен, экономический ущерб землевладельцев и крестьян был громадный.

8 декабря 1812 г. закончилась, наконец, эта во всех отношениях тягостная и разорительная для Курляндии оккупация и край вздохнул свободнее. Началось отступление корпуса Макдональда, а на смену французам и пруссакам явились русские войска, и тотчас же восстановлено прежнее управление.

Пребывание неприятеля в Курляндии не оставило, в сущности, других следов, кроме экономического ущерба. Строй жизни, отношение владельческого класса к крестьянам остались в полной неприкосновенности. Здесь, как и в Литве, французы не являлись защитниками крестьян, сохраняя существующий уклад жизни и поддерживая, наоборот, помещиков. А в то же самое время в губерниях коренной России наполеоновские эмиссары тщетно старались возбудить народное движение против дворян, восстановляя крестьян против помещиков, распуская слухи об отмене крепостного права, призывая население сбросить помещичье иго и верить в Наполеона как в своего освободителя.

Император французов оставался верен себе и всегда действовал сообразно с данным политическим моментом, стараясь использовать окраины как мятежный очаг против русского правительства.

Маркиз Паулуччи, заняв Митаву, после отступления пруссаков, имел в виду начать расследование о лицах, занимавших должности в Областном правлении герцогства Кур-

ляндского, и придать их суду по обвинению в государственной измене; но высочайший указ, от 31 декабря 1812 г., прекратил следствие по этому делу. Оставшимся верными долгу присяги было объявлено высочайшее благоволение, а тем, кто поневоле, подчиняясь силе, вступили на службу неприятелю, даровано — всемилостивейшее прощение.

В истории 5-месячной оккупации Курляндии мы не касались одного события, правда, случайного и не повлиявшего серьезно на течение дел, но ясно показывающего, что при большей энергии русские могли бы своевременно оттеснить неприятеля, а быть может, и заставить его совсем очистить Курлядию.

При появлении неприятельских войск в пределах Лифляндии естественно было предположить, что ближайшей их целью будет осада и взятие Риги. Предприятие это могло бы увенчаться успехом ввиду слабости рижских укреплений и недостаточности гарнизона. Сам Эссен настолько этого опасался, что при первой тревоге приказал сжечь форштадты. В Петербурге на его излишнюю поспешность посмотрели косо, и он стремился исправить свою ошибку. К этому представился случай в сентябре 1812 г. Для подкрепления гарнизона Риги был послан корпус генерала Штейнгеля, пришедший из Финляндии. Были приняты и меры к защите крепости с моря. Перед Рижской гаванью плавала эскадра канонерских лодок, а из Свеаборга пришел гребной флот под начальством контр-адмирала Моллера.

План Эссена заключался в том, чтобы захватить осадный артиллерийский парк, стоявший на левом берегу реки Аа, перед замком Руэнталь, и почти незащищенный прикрытием. Чтобы обмануть Иорка, Эссен велел войскам выступить в трех различных направлениях. Но прусский генерал разгадал план и стянул войска для защиты артиллерийского парка. Генералы Левиз и Штейнгель тем временем заняли Митаву, Шлок и Олай. Эссен тотчас же упразднил 17 (29) сентября) Областное правление и восстановил губернское. В Митаве все сразу переменилось: на короткое время французское владычество исчезло, и снова стали издаваться указы от имени русского правительства. Но этим успех и ограничился. Русские войска двинулись к Руэнталю против Иорка, к которому подоспели подкрепления. Прусский генерал сам

первый перешел в наступление, и русские отступили. Митава и все занятые места снова перешли в руки неприятеля.

Этот эпизод, который мы привели в объяснение перерыва в указах Наполеона, не имел никаких серьезных последствий для Курляндии. Не послужил он и для восстановления военной репутации генерала Эссена, который вскоре затем был уволен от должности рижского военного губернатора.

В заключение мы должны повторить то, с чего начали эту главу. Курляндия находилась в 1812 г. в совершенно другом положении, чем Польша и Литва, решительно ничего не ждала от Наполеона, естественно тяготела к России, в подданстве у которой сохранила все свои привилегии и самобытную культуру, а при нашествии французов подчинялась силе и терпеливо ждала исхода великой борьбы, на которую сама не могла иметь никакого влияния.

Манифест 6 июля о созыве народного ополчения не имел в виду Прибалтийского края, но само остзейское дворянство поспешило выказать свои чувства преданности, и в Лифляндии был сформирован *корпус конной милиции из латышей*, получивший не совсем свойственное ему название *Лифляндского казачьего полка*.

Курляндский гражданский губернатор, Ф. Ф. Сиверс, оставшийся без должности после занятия Митавы и известный государю как человек преданный и энергичный, высочайшим рескриптом был назначен начальником Лифляндского ополчения.

Его воззвание к лифляндскому дворянству полно юношеского огня, удивительного для 65-летнего старика, и веры в то, что остзейцы, потомки рыцарского ордена, помнят славное прошлое своих предков.

Энтузиазм, которым проникнуто воззвание, мало, однако, соответствовал действительному настроению лифляндского дворянства. Уже 12 октября ландратская коллегия жалуется, что поставленные люди и лошади, по принятии их бароном Икскулем, находились без надлежащего надзора и ухода, вследствие чего многие из них заболели и оказались непригодными к службе, в чем сдатчики совершенно неповинны, так как они исполнили свои обязанности исправно и получили в приеме квитанции.

Жалоба коллегии, направленная, кстати сказать, не к начальнику ополчения, а к рижскому военному губернатору, вызвана была требованием дополнительного отпуска провианта и замены негодных к службе людей и лошадей — здоровыми.

Выборное дворянское учреждение, основываясь на словах, будто бы сказанных Сиверсом на ландтаге, напоминает, что оно обязано скомплектовать ополчение, а затем оно поступит на иждивение «Высокой Короны». Вывод же тот, чтобы дворянство было освобождено от дополнительного отпуска провианта, фуража и платья, а люди и лошади не были обмениваемы.

Если мы относительно Курляндии, находившейся всего 17 лет в русском подданстве, можем считаться с тем, что к ее населению нельзя предъявлять особых требований в смысле проявления высокого патриотизма ради интересов нового отечества, то эти соображения нисколько неприложимы к Лифляндии, давно уже вошедшей в состав Российской империи и составлявшей ее неотъемлемую часть. Никакого подъема патриотизма в этой области мы не видим, а дальнейшая история Лифляндского ополчения только подтверждает это мнение, свидетельствуя в то же время о крайней снисходительности Александра к местному дворянству, многие просьбы которого о сложении уплаты за оружие и амуницию были удовлетворены.

Жалобу ландратской коллегии рижский военный губернатор препроводил Сиверсу. Последний дал отзыв, который является замечательным историческим документом. *Сиверс утверждает, что в представлении коллегии нет ни одного слова правды.* Неспособность к службе поставленных людей и лошадей зависит вовсе не от четырехнедельного пребывания их на чистом воздухе, без должного призрения, а от того, что первые находятся в возрасте 50—60 лет, малы ростом (не более двух аршин) и страдают хроническими болезнями — килой, струпьями, старческой слабостью и т. д., вторые же, т. е. лошади, будучи в возрасте 15—20 и даже более лет, по росту не годятся даже для драгунской службы, тем менее для легкой кавалерийской.

Ложно также и уверение коллегии, что людям своевременно была доставлена одежда и амуниция. «Большое число

отданных людей не имеют ни рубах, ни подштанников, ни шапок, ни чулок, ни сапог, ни постелей».

Сиверс находит совершенно невозможным не только двинуть ополчение против неприятеля, но даже, ввиду сожаления «достойного его положения»,— представить его на смотр генералу Эссену.

Лифляндское дворянство поняло патриотическую задачу по-своему: в ополчение сдавали стариков, неизлечимо больных и калек, не снабдив их притом теплой одеждой и обувью, а лошадей — кляч. Все это должна была принять на свое иждивение «Высокая Корона». При таком состоянии ополчения оно едва-едва могло бы служить в пехоте или исполнять при армии некоторые работы, а ведь затевалась ни больше ни меньше как конница, казачий Лифляндский полк, который должен был стать грозой для неприятеля.

Вполне естественно, что несчастные «казаки-латыши», голодные и холодные, больные и старые, массами бежали и скрывались в лесах, а некоторые открыто дезертировали, переходя к неприятелю. Неудивительно, конечно, что под Фридрихштадтом был взят в плен целый эскадрон таких «лифляндских казаков».

Документы того времени раскрывают целую картину плачевного положения Лифляндского ополчения и резко подчеркивают равнодушие местного дворянства, беспрерывно ходатайствовавшего об освобождении от материальной поддержки этого ополчения, выставленного, однако, как патриотическая жертва царю и отечеству.

В январе 1813 г., когда русские войска уже готовились к заграничному походу, и за ними последовали русские ополченцы, рижский комендант, генерал-лейтенант Эмме, рапортовал маркизу Паулуччи о плачевном состоянии Лифляндского ополчения. По его мнению, «все издержанные в пять месяцев на образование всего ополчения значительные суммы истощены с напрасным иждивением, без малейшей пользы к службе. *Из 180* человек, долженствующих состоять по списку, в наличности имеется 188, прочие же все в разных госпиталях*».

* Так в источнике. *Примеч. изд-ва.*

Маркиз Паулуччи представил всеподданнейший рапорт о расформировании Лифляндского казачьего полка, удостоверяя, что он не принес ни малейшей пользы во время военных действий и что ни нижние чины, ни офицеры не оказались пригодными к службе.

По высочайшему повелению, в марте 1813 г., Лифляндский казачий полк был расформирован, а годные нижние чины обращены в рекрутов регулярной армии[4].

Относя многое к явному нежеланию лифляндского дворянства выйти из пределов простого отбывания повинности и выказать искреннее самопожертвование, мы не должны упускать из виду и другой стороны вопроса, крайне важной при суждении о Лифляндском ополчении.

Комплектовалось оно из латышей, находившихся в крепостной зависимости от помещиков-немцев, потомков завоевателей края. В России крепостное право, несмотря на все его темные стороны, не создало такой розни между господином и крестьянином, как в Прибалтийском крае. Латыши и при ином положении едва ли могли бы дать годный материал для боевой силы. Достаточно вспомнить историю завоевания края Ливонским орденом, не встретившим, подобно Тевтонскому в Литве, организованного и сознательного национального сопротивления. Крепостная зависимость лишь развила в латышах привычки рабства, отсутствие сознания долга и чести и полное равнодушие к судьбам отечества. Требовать от латышей патриотизма в 1812 г. не имеется ни малейшего основания. А если принять во внимание, что дворянство сдало стариков и больных, то судьбы Лифляндского ополчения не требуют особых пояснений.

Инцидент, послуживший предметом расследования властей и вызвавший всеподданнейший доклад министра народного просвещения, разыгрался на почве нанесенных студентами и офицерами Александровского казачьего барона Боде полка* взаимных обид на балу, в Дерптском общественном собрании (Муссе), 10 ноября 1812 г. Приглашенные на бал офицеры сочли себя оскорбленными тем, что во время полонеза студент Киниц и канцелярист Тахель, «видя офицеров,

---

* Один из кавалерийских полков С.-Петербургского ополчения, сформированный отставным полковником, бароном Клементием Карловичем Боде[5].

вступивших с дамами также в круг сего танца, вышли из оного, каковому примеру последовали и прочие из студентов». Последние, в свою очередь, заявили, что когда начат был польский, офицеры, «не уважая общих правил, вытесняли из рядов оного по порядку стоящих», вследствие чего названные Киниц и Тахель принесли жалобу старшине Кизерицкому, который дал офицерам «наставление в учрежденных правилах».

В какой форме дано было это «наставление», из дела не видно, но в результате офицеры «вдруг удалились из зала в верхние комнаты Муссы», где два ополченских офицера, поручики Шван и фон Фитингоф, встретились с Киницем и Тахелем. Объяснение, по-видимому, было жаркое, ибо поручик Шван и студент Киниц «при встрече на лестнице дали друг другу пощечины, отчего произошла драка». К Швану присоединился поручик Фитингоф, а к Киницу студент Раупах, и, по показанию музыкантов, один из офицеров бил Киница нагайкою, а другой дал ему пощечину.

По докладе министра народного просвещения о «Дерптском происшествии» графу Разумовскому повелено было снестись с рижским военным губернатором, маркизом Паулуччи, «дабы, по окончании следствия, с виновными поступлено было на основании законов, без послабления».

Полевой аудиториат, на основании статьи 154 Воинского Артикула, приговорил поручиков Швана и Фитингофа, канцеляриста Тахеля и студентов Киница и Раупаха к трехмесячному аресту, причем первых трех «с лишением жалования». Маркиз Паулуччи утвердил этот приговор относительно двух офицеров и канцеляриста, что же касается двух студентов, то, «уважая предоставленные университетам преимущества и еще более, что оные находятся под начальством Министерства просвещения»,— предоставил графу Разумовскому «поступить с виновными по усмотрению».

Последний, в письме на имя попечителя Дерптского учебного округа от 11 июля 1813 г., писал генералу Клингеру: «Вследствие чего предпишите, ваше превосходительство, студентов Киница и Раупаха заключить под стражу на 4 недели и в первые три дня не давать им ничего, кроме хлеба и воды. Киниц должен бы еще строже наказан быть, но на сей раз заменяется ему оное претерпенными им побоями».

В деле этом особенно характерным является представление Совета Дерптского университета (подписанное временным ректором, известным Парротом) на имя попечителя округа, в котором Совет, еще до выяснения всего дела в суде, просит довести его объяснение «к сведению Его Сиятельства г-на министра просвещения и особливо к сведению Его Императорского Величества, уповая по справедливости, что, если бы, за опозданным сим решением и нынешним отсутствием виновных офицеров, невозможно было доставить столь жестоко обиженным студентам формальное удовлетворение, Его Императорское Величество да соизволит изъявить обучающимся здесь юношам высочайшее свое благоволение за благочиние, при сем случае ими соблюденное».

Высказав в своей резолюции, в качестве высшей инстанции, несомненное беспристрастие, маркиз Паулуччи, в своем представлении министру народного просвещения, тем не менее излагает свой взгляд на университет и существующие в нем порядки.

«Я страшусь,— пишет он,— не без причины, что в сем училище гнездится дух безверия, непокорства и разврата».

Особенное внимание обращает Паулуччи на то, что дерптские студенты совершенно не знают русского языка. «Получив предписание о высылке в армию 20 молодых людей, знающих русский и немецкий языки, я думал найти их в числе воспитывавшихся в Дерпте, но, к крайнему удивлению и огорчению, увидел, что ни один из них не знает по-русски и что, хотя положено быть в университете профессору русского языка, но оного существование сумели сделать совершенно бесполезным. *Сие пренебрежение к русскому языку не доказывает ли желание воспитывающих сделать учеников своих совершенно чуждыми России?*»

Все это своеобразное дело является яркой характеристикой как настроения общества на этой окраине, так и личности маркиза Паулуччи, иностранца по происхождению, но служившего России, по силе своего разумения, искренно и честно.

В истории заключения Таурагенской конвенции эти качества Паулуччи выступают еще с большей силой.

II

Политическое положение России в исходе 1812 г.— Взгляд Кутузова, как выразителя русского общественного мнения, на конец войны.— Пруссия и Парижский трактат 12 февраля 1812 г.— Прусские войска в составе 10-го корпуса Великой армии.— Граверт.— Иорк.— Рига в 1812 г.— Эссен и сожжение рижских форштадтов.— Маркиз Ф. О. Паулуччи и его план воздействия на пруссаков.— Меркель. Переписка Паулуччи с Иорком.— Рескрипт маркизу Паулуччи 6 декабря 1812 г.— Заключение Таурагенской конвенции.— Ее значение

Заключительным актом Отечественной войны, строго говоря, была Березина, где Наполеон приложил все силы своего гения, чтобы избежать позора плена. На сей раз великим полководцем игра была проиграна безнадежно, и даже если бы наши войска остановились, неприятель все равно очистил бы занятые им местности. Дальнейшие военные действия, вплоть до начала заграничной войны 1813 г., были актом справедливого возмездия за нашествие, но на положение дел они не могли иметь серьезного влияния. Это была уже не война, а истребление отступавших.

Кутузов, являвшийся выразителем общественного мнения коренной России, справедливо считал кампанию оконченной. Русские победили ценой огромных жертв и неслыханной самоотверженности. Страна требовала отдыха, чтобы оправиться после погрома. Неприятель получил безмерно жестокий урок и, конечно, не рискнет на новое вторжение.

Идея реванша — на занятие Москвы ответить занятием Парижа — была соблазнительна, но едва ли одно удовлетворение самолюбия стоило стольких жертв и усилий. Во всяком случае, ни восстановление Бурбонов, ни усиление британской мощи, ни тем более «освобождение Германии», отнюдь, не входило в интересы Русского государства. Мы, разумеется, не можем в настоящее время предвидеть тех последствий, которые явились бы результатом прекращения русскими военных действий в начале 1813 г., но с уверенностью можно сказать, что равновесие в Европе восстановилось бы и без нашего вмешательства во внутренние дела чуждых государств и народов, и нет основания думать, что создавшееся там положение чем-либо угрожало бы России.

Наполеон был бы всецело отвлечен борьбой с Англией и с народами Европы, поднявшими головы после разрушения легенды о его непобедимости. России оставалось лишь спокойно наблюдать и набираться новых сил, преимущественно путем реформ внутренней жизни.

Таковы были соображения, которые от лица так называемой «русской военной партии» в Вильно, в декабре 1812 г., представлял государю победитель Наполеона, маститый фельдмаршал, князь Кутузов-Смоленский.

Но решение Александра было бесповоротно. Выслушав Кутузова, он его обнял и, таким образом, ласкою царских уст своих закрыл уста фельдмаршала.

Возможно ли допустить, чтобы такой тонкий, проницательный политик, каким был Александр I, не сознавал глубокой правды доводов Кутузова? Если же, тем не менее, совету его он не последовал, то несомненно, что для этого у него были основания, в которые посвящать фельдмаршала он не считал возможным.

Дело в том, что в политике принимаемые решения не всегда совпадают с отвлеченной логикой. В 1812 г., идя на Россию, Наполеон прекрасно сознавал, что совершает рискованный шаг. Сознание это, однако, не помешало ему приступить к выполнению замысла и не предохранило его от катастрофы. Совершенно подобным же образом император Александр не мог остановиться на полпути и дело освобождения Европы должен был довести до конца. Мир между Россией и Францией, при условиях тогдашней обстановки, был бы только временным. Наполеон никогда бы не согласился на то, чтобы, оставаясь нейтральной, Россия удержала за собой свободу действия. Подмываемый движением против него народов и внутренним брожением, истощенный продолжительными войнами, он снова пошел бы ва-банк. Так или иначе Ватерлоо было неизбежно.

В политике, говорил «железный канцлер», сев в известный поезд, нельзя возвратиться с любой станции. Опасаясь и решительной борьбы с Наполеоном и стараясь, где бы то ни было, заручиться содействием, Александр вступил в различные обязательства и щедро давал обещания. На первом плане были отношения с Англией, которая, стремясь покончить с Наполеоном во что бы то ни стало, вела с ним отчаянную

борьбу на суше и на море, а Россию обнадежила обильными субсидиями; затем завязалась дружба со Швецией, которою правил бывший маршал Наполеона, теперь его враг — наследный принц Бернадот. Наконец, Александр окружил себя германскими патриотами и, через голову немецких государей, принял на себя роль как бы вождя германского национального движения. Круто изменить курс политики и ко всем этим, им самим в значительной степени созданным, интересам стать спиной — такую задачу легче было поставить, нежели привести в исполнение.

Не касаясь Англии и Швеции, в настоящем очерке мы поднимем только часть завесы, и тут остановимся на любопытном, весьма малоизвестном, эпизоде заключения так называемой *Таурагенской военной конвенции*. Несмотря на кажущуюся свою незначительность, эта конвенция послужила поворотным пунктом русской политики и предрешила дальнейший ход событий русской, а с нею вместе и европейской истории.

Ополчившись на Россию, Наполеон собрал огромную армию, заставив все государства европейского континента принять участие в походе. Державной воле владыки Европы должна была, по капризу судьбы, подчиниться и разгромленная при Иене Пруссия. Войскам ее пришлось способствовать славе и победе своего врага и воевать с Александром, который у гроба Фридриха Великого поклялся в верности и дружбе королевской чете и который был единственной надеждой на восстановление в будущем Пруссии. Но противиться было невозможно: Наполеон умел наказывать врагов и ослушников, и не одному немецкому патриоту пришлось бежать от его преследований в Англию и Россию.

12 (24) февраля 1812 г., в Париже, между французским министром иностранных дел, герцогом Бассано, и прусским генералом фон Круземарком, заключен тайный договор, в силу которого Пруссия, в случае войны Франции с Россией, должна была выставить вспомогательный корпус из 20 000 человек. Согласно 3-й статье этого договора прусские войска, «по возможности входят в состав одного и того же корпуса и предназначаются, преимущественно, для защиты прусских провинций. Этим, однако, Его Величество король Прусский отнюдь не будет стеснять в чем-либо военной дис-

позиции той армии, к которой принадлежат названные войска»*.

Таким образом, означенной оговоркой Наполеону предоставлялось право употребить вспомогательный корпус не только в пределах Прусского королевства, но где бы он ни находил это нужным, по военным обстоятельствам.

Любопытно здесь то, что помянутая 3-я статья договора стала известна Иорку *лишь в декабре 1812 г.*

Прусский вспомогательный корпус не принял участия в победоносном движении Великой армии в глубь России, а потому избежал и позора беспорядочного отступления. Во главе прусского контингента вначале находился генерал Граверт, человек пожилой и болезненный, принадлежавший к партии сторонников французского влияния. Когда зашел вопрос о назначении командующего прусским корпусом, Шарнгорст, хотя и отставленный от власти, указал королю, что Граверт проявил слишком большую уступчивость французам, и посоветовал дать ему в помощники человека твердой воли, каковым, по его мнению, являлся генерал Иорк, выказавший действительно в 1812 г. недюжинный талант в качестве полководца и дипломата.

Прусские вспомогательные войска, при объявлении войны с Россией, были включены в состав 10-го корпуса Макдональда. Корпус этот состоял из 7-й французской дивизии Гранжана (3 польских, 1 баварского и 1 вестфальского пехотных, 1 прусского гусарского (№ 1) и 2 польских конных батарей) и так называемой 27-й дивизии, в которую входили все прусские войска (6 пехотных полков, 2 драгунских, 3 гусарских, 1 уланский и 60 орудий, всего 21 000 штыков и сабель).

В течение шести недель своего командования Граверт постоянно хворал, и в августе 1812 г. начальство над прусскими войсками, входившими в состав корпуса Макдональда, перешло к Иорку.

Пруссаки заняли Курляндию, оставаясь, таким образом, вне главного театра военных действий, и защищали левый фланг французской армии, угрожая Петербургу. Последнее, впрочем, едва ли входило в планы Наполеона, так как в те-

* Droysen. Graf Iork. I. 207; Шлоссер. История XVIII и XIX ст. Т. VIII. 117—118.

чение всего 1812 г. мы не видим с его стороны сколько-нибудь серьезной попытки похода на Северную столицу. Вопрос о том, случайно или намеренно прусскому отряду была поручена оккупация Курляндии, представляет несомненный интерес для характеристики образа действий и намерений Наполеона. Самым простым объяснением является, конечно, близость Пруссии к русской Прибалтийской окраине, но император французов никогда не стеснялся перебрасывать отряды войск за сотни и тысячи верст, выполняя свой план наступления. Более вероятным остается предположение, что Наполеон предпочел держать пруссаков в резерве, не доверяя вполне их преданности и считая поэтому неудобным пускать их в открытый бой против русских. Кроме того, было выгодно не раздражать национального чувства курляндцев, и оккупация страны родственными немецкими войсками лучшим образом выполняла эту задачу.

Строгий и исполнительный Иорк ничем, однако, не дал повода подозревать пруссаков в недостатке преданности и, независимо от своих чувств к России и врагам своей родины — французам, выполнил порученное ему вполне добросовестно и не уклонялся от боя с русскими. Незначительность военных действий, выпавших на его долю, вытекала исключительно из положения дел на Балтийской окраине, где русские войска заняли позицию лишь оборонительную и не имели в виду прямого наступления.

Тем не менее в течение лета и осени 1812 г. прусскому корпусу пришлось иметь ряд дел с русскими войсками. Первое столкновение произошло 7 (19) июля при м. Экау (близ Митавы), где прусский авангард, под начальством Клейста и Иорка, сражался с войсками генерала Левиза. Последний, уступив превосходным силам неприятеля, отступил через Даленкирхен к Риге. 8 (20) июля 1812 г. Митава была занята пруссаками, главная деятельность которых затем сосредоточилась на поддержании в Курляндии нового управления, введенного французами.

Макдональд был не прочь занять Ригу, понимая стратегическое значение этой крепости, но не решился двинуть для осады значительные силы. Дело ограничилось отправлением 16 июля генералом Гравертом к генералу Эссену (военному губернатору Риги) письма с предложением сдаться, на что

последний ответил довольно характерным письмом. «Если бы я мог думать,— писал Эссен,— что прусский генерал, по собственному побуждению, мог написать письмо, подобное полученному мною вчерашнего числа от Вашего Превосходительства, то я счел бы ниже своего достоинства отвечать Вам; но французский слог так ясно в нем виден, что только в уверенности, что Ваше Превосходительство являетесь лишь орудием деспотической власти, которой вы считаете себя обязанным повиноваться,— я отвечаю Вам настоящими строками, прося принять уверение в высоком моем уважении. Императорско-Российский генерал-лейтенант, Рижский военный губернатор, Эссен 1-й».

Со своей стороны русские лихорадочно готовились к предстоящей осаде, так как были уверены, что она последует в самом непродолжительном времени. Ожидание наступления неприятеля привело к весьма прискорбному событию. При первом появлении неприятельских войск близ Риги Эссен решил сжечь форштадты, а население перевести в крепость. Неверный слух о появлении неприятельского отряда был сочтен достаточным поводом, чтобы подать условленный сигнал, и в ночь с 11 на 12 июля 1812 г. предместья Риги запылали. В результате — беднейшая часть населения осталась без крова и потеряла все свое имущество. По сведениям, собранным комиссией для вспоможения погоревшим, число жертв этой напрасной тревоги доходило до 4000 человек, а убытки исчислены свыше 16 $^{1}/_{2}$ млн р., причем сгорело: 4 церкви, 25 казенных и городских строений и около 850 домов, магазинов и лавок.

Факт этот, в военном отношении сам по себе незначительный, имел, однако, весьма серьезные последствия: генерал Эссен вскоре был сменен, и военным губернатором Риги, на его место, был назначен генерал-адъютант маркиз Паулуччи, сыгравший столь крупную роль в дальнейших событиях.

Маркиз Филипп Осипович Паулуччи был убежденным врагом Наполеона. Еще юношей он стал во главе патриотического движения против французов, занявших его родной город Модену. Покинув родину, он поступил на австрийскую службу и в 1805 г., в чине майора, находился в Далматской крепости Катарро, которая, согласно условиям Пресбургского мира, должна была перейти в руки французов. Благодаря

влиянию Паулуччи комендант передал крепость русским. Затем он перешел в русскую службу, где на него было вскоре обращено внимание. В 1807 г. он удачно выполнил дипломатическое поручение — склонить Сербию к признанию над собой русского протектората. Паулуччи удалось стать лично известным императору Александру, который в 1810 г. назначил его генерал-квартирмейстером Кавказской армии, а затем с отозванием генерала Тормасова в Россию — главнокомандующим войсками в Грузии. Предстоящая борьба с Наполеоном побудила императора Александра отозвать Паулуччи с Кавказа. Награжденный званием генерал-адъютанта, он вызван был в действующую армию, сначала в качестве начальника штаба 3-й обсервационной армии Тормасова, а вскоре затем на ту же должность при 1-й Западной армии. Но здесь, в центре интриг и всевозможных влияний, прямой и резкий характер маркиза, жестоко критиковавшего порядки, царившие в главной квартире, и особенно резко порицавшего пресловутый план Пфуля, был причиной его удаления из армии. В начале июня он сдал свою должность Ермолову и находился не у дел, когда неожиданно, 12 октября 1812 г., был назначен лифляндским и курляндским генерал-губернатором и командующим корпусом в Риге, на место генерала Эссена.

Из прошлого Паулуччи видно, что он заявил себя искусным дипломатом, и надо думать, что, отправляясь в Лифляндию, он получил некоторые общие инструкции, хотя первые переговоры с Иорком начаты им совершенно самостоятельно и без всяких полномочий. Человек обширного ума и образования, Паулуччи не мог не обратить внимания на особенное положение, в котором находится корпус Макдональда, и в частности прусский отряд, занимавший Курляндию. Корпус этот стоял одиноко, без прямой и постоянной связи с главной армией, откуда лишь изредка приходили известия и распоряжения.

Приняв во внимание все эти обстоятельства, Паулуччи решил воздействовать на патриотизм пруссаков, вовлеченных в войну против своего желания. Для подготовки настроения прусского отряда и его начальника им был употреблен остроумный и верный способ: Паулуччи обратился сначала к посредству печати и привлек для этой цели человека, оказавшего ему в этом деле громадную услугу. То был известный

Гарлиб-Гельвиг Меркель — родом лифляндец, талантливый публицист, имя которого пользовалось широкой известностью в Германии, как врага Наполеона*.

В 1804 г. Меркель издавал в Берлине журнал: «Ernst und Scherz oder der «Freimüthige» («Серьезность и шутка, или Откровенный»), который скоро обратился в политический орган, защищавший самостоятельность германских государств и проповедавший непримиримую борьбу с Наполеоном. Несмотря на то, что Южная и Западная Германия были уже в руках французов и германская печать не решалась открыто выступать против Наполеона, Меркель, может быть, единственный не испугался и не опустил боевого знамени. Он поместил в «Откровенном» ряд резких, полных едкого сарказма, памфлетов, в которых не щадил оскорбительных названий для Наполеона. Он называл его, между прочим, «Какодемоном»,— чудовищем, вышедшим из жерла революции, и убеждал германские государства, что только сближение с Россией может спасти их самостоятельность, что только одна Россия способна вступить в борьбу с императором французов.

Литературная деятельность Меркеля обратила на него внимание королевы Луизы, которая называла его «последним голосом Германии». Понятно, что французы ненавидели смелого обличителя и готовы были с ним жестоко расправиться. В октябре 1806 г. прусский министр, фон Шуленбург, советовал Меркелю немедленно удалиться, и он уехал из Берлина, сначала в Штеттин, потом в Кенигсберг и, наконец, в Ригу, где он, с сентября 1807 г., и начал издавать «Дополнительные листки к Откровенному». Этот журнал, проникнутый все той же ненавистью к Наполеону, получил широкое распространение не только в Прибалтийском крае, но и в Германии. Когда после Тильзита и Эрфурта издание «Дополнительных листков», ввиду их резкой антинаполеоновской тенденции, сделалось слишком неудобным, он в конце 1808 г. стал издавать сначала еженедельный, а потом ежедневный орган под названием «Зритель» (Der Zuschauer), посвященный почти исключительно вопросам эстетики и лите-

* Меркель — автор известной книги, напечатанной в 1796 г. в Лейпциге, под названием: *«Латыши в Лифляндии в конце философского века»*, в которой он является пламенным защитником лифляндских крестьян.

ратуры. Тем не менее имя Меркеля было настолько ненавистно Наполеону, что в 1812 г. прусский советник Беккер должен был в Магдебурге защищать себя перед французским военным судом за то только, что у него нашли старое письмо за подписью Меркеля. Но и самому Меркелю стала грозить серьезная опасность. Макдональду, при вступлении в Балтийский край, было приказано арестовать Меркеля, и в его имение последовательно являлись прусский и баварский отряды; но, вовремя предупрежденный, он своевременно удалился в Дерпт. Здесь неожиданно, в конце октября 1812 г., он был вызван в Ригу вновь назначенным генерал-губернатором маркизом Паулуччи.

Для Паулуччи талантливый писатель, с острым пером и ядом ненависти к французам, был настоящей находкой, и он широко использовал его для своих целей. Сам Меркель так рассказывает о своем первом свидании с генерал-губернатором.

«Я желал бы,— сказал маркиз,— чтобы вы писали не только то, что может ободрять здешних жителей, но и то, что извне будет действовать на пруссаков и сделает их нашими друзьями».

Меркель указал на цензурные стеснения, но Паулуччи предоставил ему полную свободу.

— Это все глупости,— сказал маркиз,— пишите, что хотите и как хотите.

— Но пруссакам не придется читать того, что я напишу,— возразил Меркель.

— Об этом я уже позаботился,— отвечал Паулуччи.

«После краткого размышления,— пишет Меркель,— я догадался, что у него на уме, и с самым ревностным усердием взялся за дело»*.

После этой беседы «Зритель» снова становится политическим органом, и его содержание изменилось. Журнал состоял исключительно из бюллетеней о русских победах и был переполнен рядом сарказмов против Наполеона и французов, характерными анекдотами о их надменности и беззакониях, учиненных ими в Германии и особенно в Пруссии; статьями об унизительной роли, которую храбрые немцы, особенно

* Eckard. Iork ünd Paulucci. Leipzig, 1865. 39.

прусские войска, столь глубоко оскорбленные, играли в качестве соратников Наполеона, воспоминаниями о королеве Луизе, умершей от скорби, и т. п.

Тем временем Паулуччи, начавший уже переговоры с Иорком, принял меры к распространению «Зрителя» среди войск прусского корпуса, и каждый выходивший в свет номер газеты ночью передавался на прусские аванпосты, а Иорк отсылал их в Берлин.

Таким образом, о разгроме Великой армии своевременно узнавали как офицеры, так и нижние чины прусского корпуса, чем постепенно крепло благоприятное к России отношение и пробуждался в пруссаках дух патриотизма и желание отомстить развенчанному врагу.

Впечатление, произведенное газетой на прусские войска, было настолько велико, что, по словам самого Паулуччи, Меркель оказал ему услугу бо́льшую, чем корпус в 20 000 человек.

Подготовив таким образом почву, Паулуччи начинает непосредственные переговоры с Иорком и в целом ряде писем постепенно убеждает прусского главнокомандующего в необходимости порвать с французами. Маркизу предстояла нелегкая задача убедить стойкого Иорка, что, нарушив долг и дисциплину по отношению к Макдональду и перейдя на сторону России, он не только не совершит измены, но, наоборот, исполнит величайший патриотический подвиг. В знаменательном первом письме своем, от 2 ноября 1812 г., Паулуччи сравнивает Иорка с испанским патриотом, генералом Ла-Романа, и в заключение предлагаег ему соединить свои войска с прусскими для совместных военных действий и «освобождения прусского короля». Делая столь смелое предложение Иорку, на которое, до получения рескрипта государя от 6 декабря, он не имел никаких полномочий, ловкий дипломат ясно понимал, что это только пробный шар, пущенный на всякий случай, чтобы зондировать почву, а потому он предлагает тут же другой способ, более соответствующий обстоятельствам и не требующий столь рискованных, решительных действий. Генерал Иорк может остаться вполне лояльным и не нарушать долга по отношению к французскому маршалу, отступить в Пруссию «для охранения ее границ», отказавшись от всякого движения, и занять нейтральную по-

зицию, что, как известно, и было осуществлено в Таурагенской конвенции.

Личность Иорка рисуется нам, по отзывам многих современников, как человека, стоящего вне партий. Единственная политика, которую он признавал,— это безусловная преданность королю. Только явная выгода для Пруссии, усиленные уговоры и критическое положение отряда, которым он командовал, заставили его, после долгих колебаний, нарушить воинский долг по отношению к Макдональду и подписать Таурагенскую конвенцию. Быть может, Иорк и действовал бы решительнее, если бы получил более определенные полномочия от короля; но в Берлине все еще не могли забыть, что за Йеною последовал Тильзит. Довериться России казалось опасным, изменить Наполеону — гибельным. Вдохновительница национальной политики, королева Луиза, умерла. Штейн и другие патриоты вынуждены были бежать из отечества. Французская партия получила силу, действуя на слабого и безвольного Фридриха Вильгельма. Оппортунизм и приспособление к обстоятельствам характеризовали тогдашнюю политику Пруссии. Боялись гнева императора французов, боялись и ближайшего его пособника, Фридриха Августа Саксонского, записавшегося окончательно в штат царедворцев Бонапарта. Поэтому Иорк так и не дождался решительного слова из Берлина и вынужден был действовать совершенно самостоятельно. Обстоятельство это крайне важно для объяснения той душевной борьбы, которую переживал строго лояльный Иорк во время переговоров с Паулуччи. Первое ответное письмо Иорка ясно показывает, что он вполне оценивает предложение русских и, по существу, считает его приемлемым, но тут же делает весьма прозрачный намек, говоря, что Ла-Романа, примеру которого советовал ему следовать Паулуччи, положительно знал, на что именно его отечество могло рассчитывать от союзника.

Таким образом, Паулуччи был поставлен в крайне затруднительное положение. Обещать что-либо без подтверждений из Петербурга он не мог, а другая сторона ставила сразу вопрос ребром и требовала не фраз, а положительных условий взаимовыгодного договора.

Более того, 10 ноября 1812 г. к Паулуччи явился князь Репнин с письмом от Витгенштейна, извещающего, что, со-

гласно воле государя, подателю письма доверяется вести переговоры с Иорком. Несмотря на все убеждения маркиза Паулуччи, князь Репнин послал начальнику прусского отряда письмо, которое, конечно, могло только повредить всему предприятию, встревожив осторожного Иорка, требовавшего сохранения строгой тайны. В письме от 14 ноября 1812 г. маркиз обращает внимание императора Александра на это обстоятельство, в весьма категорическом тоне, сквозь который слышится затаенное чувство обиды. Он просит окончательно остановиться на выборе лица для переговоров с Иорком и, если дело будет поручено графу Витгенштейну, то он, Паулуччи, отказывается от всякого в нем участия.

В этом же письме от 14 (26) ноября Паулуччи считает необходимым иметь полномочия, которые и предлагает выслать ему. Не дожидаясь, однако, ответа из Петербурга, он пишет графу Витгенштейну, указывая на неудобство вмешательства в переговоры князя Репнина, и следом отправляет новое письмо к Иорку.

По-видимому, никакой более помехи в переговорах Паулуччи не встречал и продолжал деятельную переписку с прусским генералом. До начала декабря все эти сношения носят характер простого обмена мыслями, причем Паулуччи всячески настаивает на скорейшем решении, а Иорк медлит и колеблется в ожидании ответа от короля и отрицает необходимость спешности действий.

Быть может, медлительность Иорка, проявившаяся и впоследствии, вплоть до Таурагенской конвенции, имеют и другую, тайную причину: сосредоточивая все внимание русских на своем отряде, он давал возможность Макдональду беспрепятственно двигаться вперед, и ему действительно удалось достигнуть Тильзита и Кенигсберга. Нарушая воинский долг по отношению к французскому маршалу, во имя блага родины, благородный Иорк был, однако, далек от мысли сделаться предателем своего начальника и способствовать его гибели.

Паулуччи подробно доносит императору Александру о своей переписке с Иорком, причем в рапортах от 20, 25 и 30 ноября настойчиво указывает на необходимость получения полномочий для дальнейшего ведения этих переговоров. Наконец, после продолжительных ожиданий и треволнений,

Паулуччи получает знаменательный *рескрипт 6 декабря*, в котором император Александр дает ему уже определенные полномочия.

Вот этот знаменательный документ:

«Я прочел, генерал, с интересом донесение Ваше от 30 ноября и могу только одобрить замечания, сделанные Вами генералу Иорку, а равно и действия Ваши в этом важном деле.

Может случиться, что этот генерал, по возвращении его курьера из Берлина, выскажет Вам желание узнать более точно мой образ мыслей относительно выгод, которые получит прусский король, если он решится пойти заодно со мною. В этом случае вы ответите ему, *что я готов заключить с этим государем договор, в котором будет поставлено и в силу коего я приму, по отношению к нему, обязательство не положить оружия до тех пор, пока я не получу возможности выговорить для Пруссии такое увеличение ее территории, благодаря которому она снова займет среди европейских держав место, принадлежавшее ей до войны 1806 года.*

Я уполномачиваю Вас сделать это сообщение генералу Иорку устно или даже письменно, сообразно с тем, как Вы найдете это нужным, строго держась, однако, пределов сказанного».

В сущности этот документ не только мог удовлетворить пруссаков, но и превосходил все их надежды на помощь России. Переговоры касались ранее лишь дальнейшего образа действия прусского отряда, и Паулуччи обещал от себя помощь, в виде соединения с войсками, находящимися под его командою, для совместного действия и для освобождения Пруссии. Высочайший рескрипт идет гораздо дальше: предлагается договор России с Пруссией, в котором Александр берет на себя обязательство «не положить оружия», пока Пруссия «не займет среди европейских держав место, принадлежавшее ей до войны 1806 года». Таким образом, мысль о заграничной войне созрела окончательно в Петербурге еще в начале декабря. Обозначилась вполне и главная цель ее: восстановление Пруссии силою русского оружия. Можно, конечно, думать, что такая огромная жертва не являлась только актом политического платонизма, но была вызвана

убеждением, что освобожденная Германия представит для России надежный оплот против Наполеона; но подобная политика совершенно не оправдывалась положением дел и, напротив, лишала Россию возможности установить на западе наиболее выгодную границу по реке Неман с присоединением портового города Мемель, о чем мечтал Паулуччи.

Гораздо более оснований предположить, что в 1812 г. у нас была могущественная политическая партия, преследовавшая свои определенные цели, не имевшие ничего общего с русскими интересами.

Итак, вопрос о заграничной войне был решен бесповоротно, и Паулуччи, получив рескрипт, конечно, понял это и мог бы приступить к последнему натиску, добившись нравственной капитуляции неподатливого Иорка; но в это время сам он сделался жертвой интриги, на которую горько жалуется Александру в письме от 7 декабря. Внезапно он был лишен командования отдельным отрядом, а генерал Левиз, находившийся под его начальством, получает самостоятельно предписание из Главного штаба, и маркизу оставляется лишь незначительное число солдат. Интрига, по-видимому, была ведена в том смысле, что Паулуччи бездействует и не пользуется моментом для очищения Курляндии от неприятеля. Между тем кажущаяся медлительность Паулуччи вызывалась справедливым убеждением, что никакие военные действия с его стороны не могут сравниться с успешным окончанием переговоров с Иорком, которого он настойчиво торопил. Наконец, если бы Паулуччи перешел в открытое наступление, то, не достигнув серьезных результатов, мог бы возбудить враждебные чувства в пруссаках к русским, так как с Макдональдом находился также прусский отряд под командой генерала Массенбаха, примкнувший к Иорку уже после подписания Таурагенской конвенции. В медлительности можно скорее упрекнуть самого Витгенштейна, упустившего удобный момент занять Тильзит и отрезать Макдональду путь к отступлению. На это, по-видимому, и рассчитывал Паулуччи. В письме к Александру от 7 декабря он пишет: «Действия Макдональда непонятны, ибо он неминуемо должен быть отрезан вследствие движений, предпринятых графом Витгенштейном». На деле, однако, оказалось, что непонятными были именно движения самого командующего Северной армией.

8 декабря Иорк известил письмом Паулуччи, что он оставляет Митаву и двинется по направлению к Пруссии. Больных он поручает великодушию рижского военного губернатора, заверяя, что и русские пленные и раненые встретят со стороны правительства и населения Пруссии самое лучшее отношение.

В это время Иорк еще ничего не знал о рескрипте Александра, копия которого ему была послана Паулуччи только 10 декабря, при письме; причем маркиз вновь с особой горячностью рекомендует Иорку согласиться на предлагаемые условия, измененные, согласно положительному обещанию русского императора, а именно: прусский корпус должен расположиться на кантонир-квартирах между Либавой, Газенпотом и Гольденгеном и выжидать в течение 2 месяцев результатов переговоров между петербургским и берлинским дворами.

Вместе с тем Паулуччи уже не ограничивается указанием выгод договора для пруссаков, но указывает на необходимость действовать решительно, так как иначе прусскому отряду грозит участь, общая с корпусом Макдональда, и сам Паулуччи вынужден будет обстоятельствами начать военные действия.

Действительно, с момента отступления неприятеля Паулуччи предпринимает со своим небольшим отрядом форсированный поход на Мемель, который и занимает без боя. Между тем посланный к прусскому королю адъютант Иорка, майор Зейдлиц, вернулся с ответом; но, прибыв в Мемель 14 декабря, уже натолкнулся на русские войска. Паулуччи немедленно дал ему пропуск через русскую армию и отправил с ним к Иорку письмо от 16 декабря, в котором предупреждает, что осталось всего несколько часов до заключения договора.

Того же 16 декабря маркиз Паулуччи получил донесение графа Дона, посланного им с предшествовавшим письмом. Граф Дона был один из прусских патриотов, эмигрировавших в Россию, скрываясь от преследования агентов Наполеона. Деятельный член Тугендбунда, на русскую службу он поступил под именем Норденбурга и был командирован к Паулуччи как человек достойный доверия и притом известный своим патриотизмом.

Положение корпуса Макдональда в этот момент было следующее. Дивизия Гранжана и войска Массенбаха достигли Тильзита и, таким образом, избегли опасности быть отрезанными. Витгенштейн, несомненно, сделал попытку преградить им дорогу. Но Макдональд предусмотрел ожидавшую его опасность и выслал вперед отряд под начальством генерала Башелю, который имел с русскими жаркое дело при Пиклупёнене, где стоял генерал Властов с авангардом генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова.

В этом пункте Макдональд ожидал только прибытия войск Иорка, чтобы двинуться дальше, и, сознавая опасность от каждого дня промедления, торопил его депешами. Но Иорк не спешил и шел к Тильзиту малыми маршами. Как видно из донесения графа Дона, Дибич из Колтынян и генерал Левиз из Тельш не предпринимали против прусского отряда решительных мер и, по-видимому, двигались вместе с ним параллельно. Делалось это под тем предлогом, чтобы не раздражать пруссаков, которые не нынче-завтра из врагов обратятся в друзей и союзников. Из того же донесения графа Дона явствует, что Иорк готов был уступить и войти в окончательные переговоры, но желал, чтобы они носили характер вынужденности. Таким образом, медленность движения прусского отряда была своего рода игрой с русскими, и *ничего так не желал Иорк, как быть отрезанным*. Это развязывало бы ему руки относительно Макдональда и давало возможность обьяснить свой поступок королю как акт, вынужденный необходимостью и желанием сохранить отряд от полного истребления. С другой стороны, для русских отрезать Иорка от Макдональда было тоже весьма выгодно. Затянув на некоторое время переговоры и окружив прусский отряд, вызвав Паулуччи, который находился в Мемеле и поспешил бы на зов,— Дибич мог бы диктовать пруссакам свои условия и войти с ними в соглашение гораздо более выгодное, чем заключенная им Таурагенская конвенция.

Но Дибич не отличался решительностью, а главной целью его было использовать предварительные переговоры Паулуччи, оставив за собой всю славу конвенции и сделав, таким образом, крупный шаг по пути к дальнейшей карьере. Между тем Иорк, отвечая на письмо Паулуччи от 16 декабря, пишет ему из Таураге (17 декабря): «Медленность дейст-

вий русских корпусов делает мое положение чрезвычайно тягостным. Я должен был принять добровольное решение, сделать шаг, к которому я бы предпочел быть вынужденным». Медлительность Дибича и непонимание им выгод данного момента поставили Иорка действительно в крайне двусмысленное положение. Он должен был, имея полную возможность соединиться с Макдональдом, медлить, возбуждая подозрение, и решиться на измену, которую маршал называет единственной в военной истории. Понятны поэтому колебания Иорка до последней минуты.

Граф Дона передает подробности этих двух роковых дней, 17 и 18 декабря 1812 г., следующим образом:

«17 (29) декабря, в первом часу пополудни, возвращаясь от генерала Левиза из местечка Ворни, я прибыл в Таураге, где застал Иорка, еще вчера бодрого и веселого, в чрезвычайно подавленном настроении. Едва я вошел в комнату, как Иорк сказал мне, что все переговоры должны быть прерваны, мотивируя это решение полученным от Макдональда распоряжением. Он больше не примет парламентеров и завтра начнет военные действия против русских и просит передать это Дибичу».

После обеда, часа в три, Иорк велел позвать своего начальника штаба, полковника фон Редера, которому повторил все это в присутствии графа Дона, и велел собраться всему корпусу с обозом. Полковник Редер указал генералу на затруднения, которые встретятся при исполнении этого приказания, ввиду расположения войск и обозов и неудовлетворительности состояния дорог, и вскоре вышел из комнаты. Иорк, по-видимому, опять стал колебаться, а Дона продолжал его уговаривать, надеясь, что вскоре придут известия от Дибича. И действительно, около 4 или 5 часов пополудни сообщили о приезде в лагерь Клаузевица, который прибыл от имени Дибича. Иорк сначала рассердился и сделал строгое замечание офицеру, прибывшему с аванпостов, за неисполнение его приказания о недопущении парламентеров. Но в это время в комнату вошли Клаузевиц и майор русской службы, фон Ренне. Иорк велел позвать своего начальника штаба, и таким образом в комнате оказалось пять человек: Иорк, Редер, Клаузевиц, Ренне и граф Дона.

Сначала Иорк и слышать не хотел о переговорах с русскими, но когда Клаузевиц настоял на прочтении привезенных им от Дибича писем (одно из которых от начальника штаба Витгенштейна, генерала д'Овре, заключало в себе упреки Дибичу за «неокончание до сих пор дела с Иорком») — то Иорк обратился к своему начальнику штаба с вопросом: «Ну, Редер, что вы об этом думаете?» — Редер отвечал: «Я не могу в этом случае дать вашему превосходительству прямого ответа, но несомненно, что для короля, для государства и для армии предлагаемые условия будут чрезвычайно выгодны. Но для вас лично такой шаг очень опасен». Тогда Иорк, прерывая его, сказал: «Причем тут моя личность! Для моего короля я пойду на плаху!» — Затем, обращаясь к Клаузевицу, Иорк сказал: «Я ваш человек! Скажите генералу Дибичу, что завтра я буду на русских аванпостах. Пусть он назначит место и время»*.

Вслед за этим было доложено о прибытии поручика Вернсдорфа. присланного Массенбахом. На вопрос Иорка, каково настроение умов в отряде Массенбаха, Вернсдорф отвечал, что все, до последнего солдата, с восторгом встретят мысль об отложении от французов. «Да,— сказал Иорк,— вам, молодым, легко рассуждать, а у меня, старика, голова шатается на плечах». Затем он отправил Массенбаху письмо через Вернсдорфа, а граф Дона с Клаузевицем и Ренне вернулись к Дибичу, который, узнав о согласии Иорка, бросился Клаузевицу на шею, «проливая слезы радости»**.

Он немедленно же отправил Клаузевица в Таураге, чтобы сообщить Иорку, что завтра, в 8 часов утра, он, Дибич, будет находиться на прусских аванпостах и ждать его в Пошеруненской мельнице. Клаузевиц прибыл в Таураге между 12 и 1 часом ночи; Дибич на другое утро отправился в местечко Вилькишки и, ровно в 8 часов, прибыл к назначенному месту. Его сопровождал Дона. Через час приехал Иорк.

Из вышесказанного видно, что Иорк, который, по-видимому, был доволен переговорами еще 28 декабря утром,— утром 29 декабря (после разговора с майором Зейдлицем, вернувшимся из своей поездки к королю в Берлин, где он, по-

* Droyzen I. 206 — 302.

** Ibid.

видимому, не получил никакой определенной инструкции),— уже не соглашался на заключение конвенции.

«В этом настроении,— пишет граф Дона,— застал я его в первом часу пополудни 29 декабря, и так как до самого моего отъезда в Вилькишки я не покидал его ни на одну минуту, то я уверен, что он за это время не говорил с Зейдлицем. Поэтому последний был, вероятно, сильно удивлен, когда вечером, после нашего отъезда, он узнал о новом решении генерала. Надо думать, что в это время Иорк собрал совет, где вместе с Зейдлицем обсуждался вопрос о впечатлении, которое произведет в Берлине известие о заключении конвенции, и что это вызвало новые колебания Иорка, которые были уничтожены только в следующую ночь, по приезде Клаузевица, которому, вместе с майором Ренне, едва удалось уговорить Иорка выехать к назначенному месту свидания».

Король прусский остался по-прежнему колеблющимся и отказался взять на себя ответственность за переговоры и соглашение с русскими. Поэтому слова Иорка об эшафоте не являются в устах его громкой фразой, но ясно рисуют ту душевную драму, которую он пережил в борьбе с самим собой, поставленный между трех огней: патриотизмом, верностью королю без рассуждения и верностью воинскому долгу по отношению к Макдональду. И надо отдать справедливость этому недюжинному человеку, что он вышел из этой трудной борьбы с честью и выше всего поставил благо родины.

Кроме Паулуччи, начавшего переговоры, русские со своей стороны сделали все, чтобы отклонить Иорка от окончательного решения, и он руководствовался лишь голосом собственной совести. Никакой заслуги Дибича поэтому усмотреть мы не можем, и честь, выпавшую на его долю закрепить своею подписью Таурагенскую конвенцию, следует признать совершенно случайной и ничем незаслуженной. Напротив, он дал возможность Иорку поставить свои условия, отличающиеся от тех, которые были договорены предварительно с Паулуччи.

Дибич не известил о подписании конвенции маркиза Паулуччи,— что счел своим долгом сделать высоко корректный Иорк. Более того, Дибич не пригласил на совещание и генерала Левиза, находившегося всего в нескольких верстах и имевшего подробные инструкции от Паулуччи.

Личность Паулуччи рисуется нам, за все время переговоров, в самом выгодном свете. Иностранец, глубоко ненавидевший врага своей родины, Наполеона, и мечтавший о том, чтобы сломить его власть, он, поступив на русскую службу, сумел проникнуться интересами России более многих русских. Задней мысли у Паулуччи не было. Он прямо и откровенно пишет Александру о необходимости по крайней мере удержать за собою навсегда г. Мемель, как бы провидя, что чересчур извилистая граница наша с Пруссией, вклинивание взаимно с обеих сторон, будут грозить России в будущем.

Но возвратимся к событиям. Узнав о согласии Иорка, Дибич немедленно отправил Клаузевица в Таураге предупредить прусского генерала о том, что на следующий день, 18 (30) декабря, он, Дибич, будет находиться на прусских аванпостах и ждать его на Пошеруненской мельнице, близ Таураге.

В час ночи Клаузевиц передал Иорку это поручение, причем ему снова пришлось бороться с одолевавшими Иорка мучительными сомнениями. Лишь поздно ночью вернулся Клаузевиц к Дибичу, который рано утром, взяв его с собой, а также и графа Дона,— прибыл к условленному времени на Пошеруненскую мельницу.

Иорка там еще не было, и прошло более часу в томительном ожидании. Наконец, Иорк прибыл в сопровождении своего начальника штаба фон Редера и адъютанта Зейдлица.

Первоначальное свидание с Дибичем носило очень сдержанный и холодный характер. Обсуждение условий конвенции заняло несколько часов и, по словам историка Дройзена, редакция отдельных статей конвенции вызывала не раз горячие споры, грозившие полным разрывом. Наконец, конвенция была редактирована Зейдлицом, прочитана вслух и подписана Дибичем и Иорком, и тогда только Иорк дал волю обуревавшим его чувствам, горячо обняв Дибича.

Содержание Таурагенской конвенции, ставшее известным маркизу Паулуччи лишь благодаря любезности Иорка (Дибич не счел даже нужным уведомить его об этом), не только не было одобрено маркизом, но вызвало с его стороны жестокую критику, вылившуюся в письме к императору Александру, от 27 декабря.

Оставляя в стороне вопрос личного самолюбия Паулуччи, совершенно незаслуженно оскорбленного Дибичем, похитившим у него славу заключения конвенции,— нельзя не согласиться со справедливостью высказанных маркизом соображений о невыгодности этой конвенции для нас, русских, в той редакции, как она была подписана Дибичем.

Подписав конвенцию, мы лишились возможности установить на западе наиболее выгодную границу по р. Неману с присоединением г. Мемеля, представлявшего собой, как правильно заметил Паулуччи, чрезвычайно для нас важный пункт.

Таурагенская конвенция явилась первым вступительным актом к заграничной войне 1813 г., в которой Россия сыграла лишь роль благодетельницы германских народов, не только в смысле освобождения от французов, но и в отношении переворота внутренней жизни, который привел впоследствии к объединению Германии в могущественную империю, диктующую свою волю в международной политике.

Русский флот в 1812 году

Политика Александра I по отношению к Англии.— Действия русского флота до Тильзита.— Эскадра Сенявина в 1805 — 1808 гг.— Лиссабонский договор.— Причина опалы Сенявина.— Англофильский характер русского флота в конце XVIII и начале XIX в.— Масонство во флоте.— 1812 год и союз с Англией.— Действия русского флота на Балтийском театре войны в 1812 г.— Дела при Шлоке и Митаве.— Участие английских канонерских лодок на Балтийском театре войны

Вступив на престол, император Александр поспешил прекратить войну с Англией, затеянную Павлом I по желанию Наполеона, а отчасти, в порыве гнева, за Мальту.

Англо-русский союз казался безусловно выгодным для России, которая, вернувшись к политике Екатерины II, имела перед собой две существенно важные задачи: ослабление Турции или даже полное завоевание Ближнего Востока и присоединение Финляндии. Как в том, так и в другом случае необходимо было считаться с могущественным английским флотом, который мог оказать серьезное препятствие действиям наших моряков. Трудно, однако, сказать, насколько этот союз был действительно полезен для интересов Русского государства, но он в значительной мере способствовал Англии в ее борьбе с Наполеоном.

Национальная политика требовала, быть может, напротив, выполнения плана императора Павла, т. е. союза с Наполеоном и совместной с ним борьбы против Англии. Франция, после Абу-Кира, обладала еще довольно значительным флотом, и если бы к французско-испанской эскадре присоединилась и русская, под начальством такого адмирала, как Сенявин,— исход Трафальгарского сражения мог быть совсем иной. Препятствием к осуществлению этого политического плана явился, однако, целый ряд причин: 1) большое количество военных судов, которыми обладала Англия, что позволяло ей действовать одновременно в разных морях; 2) довольно неудовлетворительное русское судостроение;

3) стремление поддержать германские интересы против Наполеона, резкие и наступательные приемы которого оскорбляли чувства русского императора, как покушения выскочки на священные права старых монархий, и, наконец, 4) необходимость считаться с установившимися у нас взглядами на Наполеона как на исчадие революции.

Под влиянием всех этих причин Александр не только вступил в мирный договор с Англией, но принял участие и в коалиции европейских держав против Франции.

Благодаря этому вмешательству в дела Европы Россия, с одной стороны, не в достаточной мере напрягала свои силы для окончательной ликвидации Восточного вопроса, а с другой — столкновение с Наполеоном привело к Тильзитскому свиданию, столь чреватому последствиями для России.

Сообразно с этой политической комбинацией действовал и наш флот.

В 1805 г., при объявлении войны с Францией, Балтийская эскадра, под начальством адмирала Тета, занималась перевозкой русского десанта в Померанию и доставкой провианта нашему отряду, под начальством графа П. А. Толстого.

В то же время в Средиземном море эскадра контр-адмирала Сорокина действовала, совместно с англичанами, против французов на архипелаге и у берегов Италии. Главной задачей союзного флота было помешать французам утвердиться на берегах Адриатического моря и во владениях Турции, где французский уполномоченный, Себастиани, всеми средствами подстрекал Порту против России.

В августе 1805 г. из Кронштадта была отправлена эскадра, под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина, который назначался главнокомандующим всеми русскими силами в Средиземном море. Эскадра прибыла на Корфу 18 января 1806 г., причем Сенявину были подчинены эскадры Грейга и Сорокина.

Облеченный властью и над сухопутными русскими силами (ему подчинен был корпус Ласси, занимавший Неаполь до заключения Пресбургского мира), Сенявин проявил здесь крайне энергичную деятельность. Пользуясь сочувствием славянского населения Далмации и Черногории, он склонил его соединиться с нами, и славянские племена выставили 12 000 добровольцев.

Австрийцы, по Пресбургскому миру, должны были передать крепости Катарро и Кастельнуово французам, но вместо того передали их русским, подчиняясь желанию местных жителей. Несмотря на требования французов, Сенявин не только не отдал крепостей, но даже очистил некоторые части Рагузской республики от французских войск.

Строго говоря, в эпоху войн 1805—1807 гг. русское оружие нигде не имело такого успеха, как именно в Средиземном море, и дальнейшая борьба в этом смысле могла создать для Наполеона и его планов борьбы с Англией серьезную угрозу. После Аустерлица, до войны 1807 г., когда Россия выступила на помощь Пруссии, в течение целого года, все серьезные военные действия сосредоточились именно в Средиземном море, и имя адмирала Сенявина гремело со славою в этих водах.

8 июля 1806 г. русский уполномоченный, П. Я. Убри, заключил мирную конвенцию с Наполеоном, и Сенявин получил распоряжение очистить Далмацию и Корфу и передать их австрийцам. Но Сенявин, под риском огромной ответственности, не выполнил распоряжения и не очистил занятых местностей.

Смелый и решительный патриотизм его нашел, в данном случае, поддержку. Александр отказался от ратификации договора Убри, «как не совместного с достоинством России». Война продолжалась, и Сенявин, узнав о разрыве России с Турцией, поспешил двинуть эскадру к самому Константинополю.

Англичане, со своей стороны, послали туда же эскадру под начальством адмирала Дукворта, который, однако, плохо согласовал свои действия с действиями русских и, не дождавшись прихода Сенявина, один прошел в Дарданеллы и к тому же промедлил в переговорах с турками, которые, по совету наполеоновского агента Себастиани и при содействии французских офицеров, укрепили береговые батареи. Англичанам пришлось отступить под огнем и потерпеть большие потери.

Сенявин не решился после этого прорваться в Дарданеллы, ввиду отказа Дукворта ему помочь несколькими судами, и признал благоприятный момент упущенным. Несомненно, что Сенявин, достигнув Константинополя, не тратил бы времени на переговоры, до которых был небольшой охотник. Ранее, на-

пример, узнав, что австрийцы захватили 20 купеческих русских судов, он явился под Триестом, втянул два корабля в самую гавань и объявил, что через час начнет бомбардировку города. Он, конечно, поступил бы так же и со столицей Турции, и кто знает, какие последствия имела бы его экспедиция для дальнейших отношений между Россией и Портой.

Все остальные действия Сенявина против турок были удачны, но Тильзитский мир поставил его в крайне опасное положение. Грозил разрыв с Англией. Средиземное море кишело ее судами. Сенявин, с эскадрою из 13 судов, направился к Гибралтару. Благополучно миновав его, он встретился в океане с жестокими бурями и, чтобы дать отдых измученной команде, 28 октября 1807 г. вошел в Лиссабонскую гавань. Через два дня столицу Португалии заняли французские войска и почти в то же время явились туда и английские суда в большом количестве, заняли устье Таго и объявили блокаду Лиссабона.

Сенявину было приказано состоять в полном распоряжении Наполеона*, но на требование генерала Жюно, занявшего Лиссабон, высадить на помощь французам русский десант он отвечал отказом. Равным образом не согласился он атаковать англичан, как предлагали французы.

В августе 1808 г. англичане, высадив войска, прогнали Жюно из Лиссабона и тогда положение эскадры Сенявина сделалось критическим. Однако английский адмирал Коттон предложил почетные условия сдачи**. Русские суда придут в Портсмут и спустят флаг лишь после того, как их покинет команда. Адмирал, капитаны и весь экипаж возвращаются в Рос-

---

* Веселаго. Т. II. С. 337.

** Статьи договора, заключенного между вице-адмиралом Сенявиным, Св. Александра Невского и др. российских орденов кавалером, и адмиралом баронетом Карлом Коттоном.

Ст. первая. Военные корабли российского императора, стоящие ныне в Таго и означенные поименно в приложенной при сем табели, имеют быть отданы адмиралу сиру Карлу Коттону непосредственно, со всеми их принадлежностями, как ныне состоят, для отправления в Англию и содержания оных там, под сохранением Его Британского Величества, кои имеют быть возвращены чрез шесть месяцев по заключении мира между Его Британским Величеством и Императором Всероссийским.

Ст. вторая. Вице-адмирал Сенявин, с офицерами, матросами и морскими солдатами, находящимися под его начальством, возвратиться имеют

сию, а суда сохраняются до возобновления мира с Англией. В Портсмуте суда пробыли до 1813 г., и из них* вернулось в Рос-

---

в Россию, без всякого условия или постановления о будущей их службе, и будут туда отправлены на военных кораблях или на других приличных судах, на иждивении Его Британского Величества.

Заключено и подписано на корабле «Твердом», в Таго, и на корабле «Гибернии», при устье Таго.

23 августа (3 сентября) 1808 г.

Подписано: *Сенявин*
Коттон

Статьи дололнительные.

Ст. третья. Флаги Его Императорского Величества на вице-адмиральском корабле и на других кораблях не спускать, покуда не оставит первого адмирал и других — капитаны, с должными или следуемыми им почестями.

Ст. четвертая. По заключении мира корабли и фрегат будут возвращены Его Величеству императору всероссийскому, в том же точно состоянии, в каком они ныне сданы. Из числа десяти кораблей «Ярослав» и «Рафаил» останутся здесь на реке Таго, а экипажи их разместятся на корабли, следующие в Англию.

Сии две статьи будут почитаться яко составляющими часть соглашения, заключенного и подписанного 23 августа (3 сентября). В удостоверение чего мы подписываем две совершенно сходные копии. Заключено и подписано на корабле «Твердом» в Таго, и на корабле «Гибернии», при устье сей реки, 24 августа (4 сентября) 1808 года.

[1] Список кораблей эскадры Сенявина, переданных английскому правительству в силу Лиссабонского договора 23 августа (3 сентября) 1808 года.

Имена кораблей	Имена капитанов	Число пушек	Число экипажа
1. «Твердый»	Кап. 1-го р. Малеев	84	736
2. «Скорый»	Кап. 1-го р. Шелтинг	64	524
3. «Св. Елена»	Кап. 1-го р. Быченский (Ив.)	74	598
4. «Селафаил»	Кап. 2-го р. Рожнов	74	610
5. «Ярослав»	Кап. 2-го р. Митьков	74	567
6. «Ретвизан»	Кап. 2-го р. Ртищев	66	549
7. «Сильный»	Кап.-лейт. Мальгин	74	604
8. «Мощный»	Кап.-лейт. Развозов	75	629
9. «Рафаил»	Кап.-лейт. Быченский	84	646
10. Фрег. «Кильдюйн»	Кап.-лейт. Дурнов	32	222
Итого		700	5685

сию лишь два, за остальные же, пришедшие в ветхость, Англия заплатила России по тогдашней стоимости. Другие части эскадры Сенявина, отряд Салтанова и Баратынского зашли в австрийские порты и были сданы французам, а экипаж вернулся в Россию.

Адмирал Сенявин, по возвращении своем в Россию, получил назначение на береговой пост главного командира Ревельского порта, а в 1813 г. он совсем покинул службу.

Мнения о Сенявине, как современников, так и позднейших историков, сводятся к тому, что флот потерял в нем одного из даровитейших командиров-флотоводцев, глубоко преданных интересам отечества.

Такой взгляд справедлив настолько, поскольку дело касается личной храбрости, энергии и распорядительности Сенявина как боевого адмирала. В этом отношении он выше всяких похвал. Но беспристрастная оценка его деятельности, после Тильзита, в водах Средиземного моря и в Лиссабонском порту, приводит нас к заключению, что Сенявин руководился исключительно личными политическими воззрениями, идущими вразрез с прямым и ясным повелением верховной власти: «состоять в распоряжении императора Наполеона». Таким образом, и отказ в помощи Жюно, и Лиссабонский договор являются несомненным нарушением воинского долга, предписывающего беспрекословное подчинение высшим распоряжениям и невмешательство в политику. Император русский вступил в союз оборонительный и наступательный с императором французов. В числе пунктов Тильзитского договора главное место занимает совместное действие против Англии, которая, таким образом, является врагом России[1].

Дальше этого всякие рассуждения и политические соображения, хотя бы и продиктованные своеобразным пониманием интересов родины, должны быть признаны нарушением самых основ воинской дисциплины, что вызывает предание суду, которому, в сущности, и подлежал Сенявин. Следовательно, если Александр, в память прежних заслуг, избавил от суда заслуженного адмирала, то это само по себе является уже актом особой милости.

Горячий защитник Сенявина Броневский* нисколько не скрывает, что адмирал, получив повеления Наполеона, «ста-

* Автор «Записок морского офицера». СПб., 1819. 4 т.

рался под разными благовидными предлогами уклоняться от исполнения таких повелений». Правда, автор записок о действиях русской эскадры в 1807 — 1808 гг. находит Сенявину и благовидное оправдание, говоря, что, «все повеления, полученные от него (Наполеона), заключали в себе хитрые намерения, устремленные к погублению Российского флота». Другими словами, Сенявин, отданный в распоряжение французского императора, считал его повеления для себя не обязательными, вредными для русского флота и прикрывал свое явное неповиновение «хитрыми намерениями» Наполеона. При этом он доносил, что суда требуют починки, и чинился без конца, оставаясь совершенно безучастным к происходившим событиям войны Франции с Англией.

Но в полной мере обнаружил Сенявин свое политическое credo, войдя со своей эскадрой в Лиссабонский порт. На требование французов высадить десант он сослался на недостаток людей и на незнание ими местного языка. От каких-либо наступательных действий против англичан Сенявин также «хитро уклонился». Разумеется, и здесь его образ действия может быть объяснен неблагоприятствующими обстоятельствами, но важнее их является едва скрываемое нежелание действовать против англичан. Такой опытный и смелый адмирал, как Сенявин, не боявшийся самых решительных действий, сторонник натиска, не считаясь с силами неприятеля, мог бы, конечно, причинить англичанам весьма существенный вред и отвлечь их от высадки и сухопутных действий против французской армии. Напротив, оставаясь бездеятельным, он поставил эскадру в отчаянное положение; не только вход в гавань был блокирован англичанами, но в их руках находились и береговые батареи, находившиеся от судов всего на расстоянии картечного выстрела.

Оставалось лишь два выхода: «согласить с неприятелем договор, который был бы сопряжен с честью и пользою Государя Императора, отечества и личности нашей», или броситься в атаку и умереть славной смертью, причинив собственною гибелью наибольший вред неприятелю. Судя по характеру Сенявина, ему был более свойственен последний способ, но, очевидно, в применении к иному неприятелю, а не к англичанам. Обращает на себя внимание и Лиссабонский договор, единственный в истории морских войн. Эскадре, сдавшейся на капитуляцию, предоставлены были такие

преимущества, что в Англии общественное мнение возмущалось против слабости и потворства адмирала Коттона.

Вся история столкновения русских с англичанами носит, таким образом, характер не войны, а взаимных уступок и одолжений, совершенно несвойственных ни крутому образу действий Сенявина, ни заносчивому и безжалостному отношению англичан к побежденным. Объяснением этих, на первый взгляд странных, фактов служит, конечно, то, что английский флот издавна находился с русским в дружеских и союзных связях, и внезапный поворот русской политики после тильзитского свидания не мог вчерашних друзей обратить во врагов. Кроме того, и Сенявин, и подчиненные ему офицеры, видимо, совершенно не сочувствовали союзу с Наполеоном и почти не скрывали свою враждебность к французам. Допустимо, однако, что причины тайных симпатий между русскими и англичанами, доходившими до того, что одна сторона не повинуется воле своего монарха, а другая вызывает неудовольствие неслыханными уступками врагу в целой нации — лежат гораздо глубже. Для освещения этого вопроса мы считаем нелишним вкратце указать на влияние англичан при развитии русского флота со времен Екатерины II. В царствование этой государыни, шедшей по стопам Петра I, было обращено особое внимание на упадок русского флота и на необходимость его восстановления. Для этой цели одним из инструкторов был приглашен, с согласия английского короля, офицер британского флота, капитан 1-го ранга, Самуил Грейг.

К задаче своей он отнесся в высшей степени серьезно и, несомненно, принес русскому флоту огромную пользу, но вместе с тем подчинил его всецело английскому влиянию. Не зная русского языка, чуждый жизни русского общества, не имея возможности объясняться с русскими моряками, Грейг решил привлечь наших флотских офицеров, бывавших в Англии, и связать их масонской ложей, которая и была основана в Кронштадте под названием ложи Нептуна. В первом составе ложи из числа 53 членов — 47 были моряки*, так что «флотский» характер ложи Нептуна не подлежит сомнению. Великим мастером ложи был Алексей Спиридов, ка-

---

* Соколовская Т. Масонство в прежнем русском флоте. С. 6—7.

питан 1-го ранга, а сам Грейг занял более скромную степень первого надзирателя. В число членов были привлечены и преподаватели морского корпуса*, чтобы обеспечить влияние на учащуюся молодежь, которая тайно и воспитывалась в духе масонства.

Таким образом, ядро обновленного флота при Екатерине II состояло из масонов, руководимых тайной верховной властью этого до сих пор еще не вполне разгаданного общества.

В 1780 г. ложа Нептуна вошла в связь с русской национальной ложей и, таким образом, стала «дочерью общей матери». Здесь уместно сказать несколько слов об организации масонских лож в России. Устав их шведский. Три низшие степени, называвшиеся иоанновскими или ученическими, руководились своим катехизисом, в котором цель масонства ограничивается благотворительностью в самом широком понимании этого слова, самосовершенствованием и просвещением. Здесь масонство является космополитическим, отрицающим всякие национальные перегородки. Иоанновские степени по шведскому уставу должны были повиноваться беспрекословно и не рассуждая приказаниям, исходящим от лож высших масонских степеней. Что касается последних, то, несомненно, часть их членов увлекалась мистикой, оккультизмом, магией (розенкрейцерство), другая же составляла тайную политическую организацию, цели которой были далеко не космополитическими, а имели в виду политическое главенство в мире и владычество над другими народами Англии, откуда и ведет свое происхождение старое масонство**.

Отсюда следовало ожидать, что русский флот будет более или менее служить целям английской политики, что в значительной степени и оправдалось на деле, хотя бы по отношению к Турции, на которую русские нападали победоносно до тех пор, пока она не подпала под влияние Англии и не стала пользоваться ее защитой.

---

* Основателями его считаются Бэкон и Элия Ашмол, обратившие в начале XVII в. профессиональный союз каменщиков в тайное, мистико-политическое общество. Н. Б. Значение франкмасонства для флота//Море. 1907. № 11 и 12.

** Ibid. С. 6.

При Павле I ложа Нептуна была закрыта, несмотря на то, что вначале император благоволил к масонам.

Морское масонство получило свой полный расцвет в царствование Александра I. Только к концу своего правления Александр стал смотреть все подозрительнее на масонов, и в 1822 г. последовало полное запрещение масонских лож в России, действующее и до наших дней.

Даже из этого краткого очерка можно видеть, что через посредство масонской ложи наши моряки находились под сильным влиянием англичан, чему способствовало и то, что на русской службе во флоте было много английских офицеров. Естественно, что русские моряки отнюдь не могли сочувствовать союзу с Наполеоном, врагом Англии, и если не оказывали явного неповиновения, то, подобно Сенявину, «хитро уклонялись» от исполнения повелений Наполеона, якобы «устремленных к погублению Российского флота».

Остается решить вопрос, принадлежал ли сам адмирал Сенявин к масонам? Впоследствии он усиленно отрицал свое личное участие в масонстве. Несомненно, однако, что по поступкам своим он вполне подходил к идеалу масона, который, оставаясь верным слугою своего отечества, действует сообразно исповедуемой политической программе, которая оказывалась могущественнее и авторитетнее воли русского монарха. Во всяком случае в Сенявине явно проявился дух, царивший в начале XIX в. в русском флоте, дух, на который Наполеон указывал Александру, как на «дурной»*.

Таким образом, соединившись с Наполеоном для совместной борьбы с Англией, Александр встретил противодействия своим политическим планам и во флоте, который уклонялся от сражения с англичанами.

В общем, в 1812 г. Россия была лишена весьма серьезной морской силы, каковой была Средиземная эскадра, и располагала лишь слабыми силами Балтийской и Архангельской. По возобновлении союза с Англией из Кронштадта было отправлено 15 судов под начальством адмирала Тета для совместного действия с англичанами. Из Архангельска отправился в длинный и тяжелый путь вице-адмирал Кроун с 6 судами и, перенеся бурю, присоединился к Тету в Готенбурге.

---

* Н. Б. Значение масонства для флота. С. 5. См. также: Веселаго. Краткий очерк русской морской истории.

Берега Балтийского моря едва ли могли подвергнуться нападению французов, почти не имевших флота, и потому для охранения и защиты Риги считался вполне достаточным гребной флот, под начальством контр-адмирала Л. В. Моллера.

Действия Рижской флотилии ограничивались в сущности лишь крейсированием по реке Аа. Канонерские лодки беспокоили неприятеля, несли разведочную службу и содействовали переправе русских войск.

Из более крупных дел Балтийского флота можно указать на два: совместное действие русских и английских канонерских лодок под *Шлоком* и преследование неприятеля по реке Аа, окончившееся в сентябре 1812 г. временным занятием Митавы.

Занятие Курляндии корпусом Макдональда заставляло предполагать, что неприятель двинется и дальше в Лифляндию и осадит Ригу. Такой план, по-видимому, и существовал у французов. В Митаве были заготовлены военные припасы и амуниция специально для отряда, который предполагалось послать под стены Рижской крепости. Для той же цели в Руэнтале был сосредоточен осадный артиллерийский парк.

Вполне естественно поэтому, что рижский военный губернатор, Эссен, распорядился, чтобы канонерские лодки заняли позиции по рекам Двине и Аа, для наблюдения за действиями неприятеля и для помощи нашим войскам, в случае их наступления. Эти наблюдательные посты были заняты еще в 20-х числах июля 1812 г. и, несомненно, в военном отношении сыграли значительную роль, не столько непосредственным вредом, причиненным неприятелю, сколько, так сказать, психологическим воздействием. Мы уже говорили, что и Макдональд, и Иорк имели преувеличенное понятие о силах русских. Канонерские лодки, крейсирующие по рекам, беспокоящие неприятеля и несущие разведочную службу, немало способствовали нерешительности французов в деле дальнейшего их наступления.

27 июля флоту пришлось столкнуться с неприятелем под Шлоком.

В этом успешном деле, содействуя переправе отряда генерала Левиза, канонерские лодки нанесли существенный вред французам и сбили береговые батареи.

Более значительное дело гребного флота относится к кампании против неприятеля, предпринятой генералом Эссеном в сентябре 1812 г., после того как известие о наступлении французов оказалось ложным, хотя и повлекло за собой прискорбное последствие: сожжение форштадтов Риги в ночь с 11 на 12 июля, обошедшееся столь дорого рижским обывателям.

Целью экспедиции был намечен Руэнтальский осадный артиллерийский парк и туда двинуты войска, разделенные на три отряда. Иорк поспешил на выручку Руэнталя, и Митава осталась почти беззащитной. В это время гарнизон Риги был подкреплен корпусом генерала Штейнгеля, пришедшим из Финляндии.

Гребной флот оказал для этой экспедиции большие услуги по перевозке войск, несмотря на бури и непогоды.

17 сентября флотилия контр-адмирала фон Моллера вступила в Митаву, погрузила на суда военные припасы, заготовленные для осады Риги, и благополучно доставила их в Ригу. В этом деле особенно отличился капитан 1-го ранга Развозов.

В общем ходе войны 1812 г. прибалтийский театр военных действий сыграл невидную, но весьма значительную роль. Помимо прямой защиты дороги на Петербург русскими достигнут здесь весьма крупный успех в дипломатическом отношении: заключением Таурагенской конвенции, превратившей вчерашних врагов в друзей. Вот почему действия нашего гребного флота, способствовавшего удержанию неприятеля в пределах Курляндии, как бы они ни были незначительны сами по себе, заслуживают полного внимания историка.

В заключение несколько слов по вопросу *об участии* англичан, или вернее *английских канонерских лодок*, на прибалтийском театре войны в 1812 г. Вопрос этот, считавшийся одно время спорным в военно-морской литературе, из приводимых ниже документов, по-видимому, может быть решен в утвердительном смысле. В целом ряде рапортов вице-адмирала Шешукова, на имя морского министра, маркиза Траверсе, категорически указывается на присутствие этих лодок в Риге, на их участие в бою 20 июля 1812 г., на левом берегу Двины, на их совместное действие в отряде капитана

1-го ранга Развозова, в сражении при Шлоке 26 июля 1812 г. и упоминается даже имя английского капитана Стуарта, отличившегося в этом деле и награжденного орденом Св. Владимира 4-й степени. Одним из доводов невозможности присутствия английских канонерских лодок на Балтийском нашем побережье приводится мнение, что суда этого типа могли быть доставлены в Россию лишь в разобранном виде, на больших судах, о чем, однако, не имеется никаких сведений, и что если английские офицеры и находились на наших лодках, то участвовали в делах не под своим национальным флагом и т. д.

Из приводимого ниже всеподданнейшего рапорта рижского военного губернатора, генерал-лейтенанта Эссена*, явствует, что лодки эти строились под наблюдением английского адмирала Мертенса, в Рижском порту, еще в июне 1812 г., из *русских материалов* и, по всей вероятности, участвовали в делах под английским флагом.

Из этого краткого очерка действий русского флота в эпоху Наполеоновских войн можно заключить, что он находился в полной зависимости от англичан и был ими направляем сообразно интересам этой морской державы, властно распоряжавшейся явно и тайно судьбами Европы.

---

* Приводим подлинный текст донесения Эссена, на имя императора Александра, из Риги, от 30 июня 1812 г. «Sire! J'ai l'honneur de prèsenter á V. M. I. les gazettes anglaises. L'amiral Maertens qui me les a données continue a procurer tout le zèle possible pour le service de V. M. I.— L'ennemi jusqu' á présent reste tranquil dans la Samogytie et attend probablement l'issue des événements qui devront avoir lieu a l'armée. En attendant je gagne le temps, ce qui me convient beaucoup, puisque ce n'est du'á présent que je puis dire a V. M. I. que les ouvrages sont á l'abri d'un coup de main et je ne crains pius le siège pourvu que les chaloupes cannonières arrivassent, dont j'ai oui dire qu'elles sont a Swéaborg, L'amiral Maertens remedie á cette grande besogne par son zèle et son activité. Il apprête icides bombardes et des chaloupes Cannonières pour bien recevoir l'ennemi commun»[2] (Материалы Воен.-учен. арх. Генерального штаба. Отеч. война 1812 г. Т. XIII. СПб., 1910. С. 370).

Царскосельский лицей в 1812 году

Наши военные неудачи в первую половину Отечественной войны вызвали в Петербурге тревожные опасения за судьбу Северной столицы. Тактика французского императора была полна неожиданностей, и невозможно было точно предвидеть, какой путь он изберет. Северная армия Витгенштейна, охранявшая дорогу к Петербургу, была слишком малочисленна, чтобы остановить врага в случае движения больших неприятельских сил к столице. Даже и после занятия Москвы дальнейшие намерения Наполеона оставались неясными, и твердое решение Александра не вступать ни в какие переговоры могло естественно вызвать неприятеля к дальнейшему наступлению. Только после Тарутина повернуло к нам военное счастье, и в Петербурге тревога постепенно улеглась.

Император Александр знал хорошо, как относился Наполеон к завоеванной стране. Итальянский поход, когда французами были ограблены художественные сокровища и драгоценности Италии, был у всех на памяти, и опасение, что и Петербург может постигнуть судьба Рима, Милана и Венеции, было вполне понятно. Корсиканский хищник, конечно, не остановился бы перед грабежом русского национального имущества в Петербурге, подобно тому, как вывезена была им из Берлина триумфальная колесница с Бранденбургских ворот. Вот почему еще в июле 1812 г. император Александр был озабочен увозом из Петербурга всего ценного из художественных предметов и, находясь в армии, писал престарелому фельдмаршалу Салтыкову* письмо, в котором, выражая опасение по поводу возможности занятия неприятелем Петербурга, указывал на необходимость вывоза на этот случай из столицы: архивов, картин Эрмитажа, дворцовых драгоценностей, военных трофеев, двух статуй Петра Великого и статуи Суворова.

* Рескрипт от 4 июля 1812 г. из Бельковщины.

Бранденбургские ворота в Берлине в начале XIX ст.

Все это были, конечно, одни проекты, которые, к счастью, не пришлось приводить в исполнение. Впрочем, обширные приготовления осуществились лишь в вывозе части книг и рукописей Императорской Публичной библиотеки, которые уложены были в ящики и отправлены водою на север. Вскоре, однако, все вывезенное было возвращено обратно, причем некоторые книги и рукописи во время зимовки брига с ящиками библиотеки на реке Свири сильно подмокли*.

Наряду с этими проектами разрабатывались и другие: о вывозе из Петербурга, на случай занятия столицы неприятелем, полного состава воспитанников учебных заведений военного и гражданского ведомства. Извлеченное из архива Министерства народного просвещения краткое «*Дело о перемещении лицея на время в другую губернию на случай нашествия французов*»** относится к первому году жизни Царскосельского лицея, который в это время находился в ведомстве Министерства просвещения.

---

* По этому поводу в архиве имеется особое дело, также не лишенное бытового интереса.

** Дело № 70. 1812 г. «По предписанию г. министра о перемещении лицея в другую губернию по случаю нашествия французов. Началось 14 сентября, кончилось 7 октября 1812 г. На 14 листах».

Тогдашний министр, граф Л. К. Разумовский, высказал редкую заботливость об учащейся молодежи: что-то отечески-трогательное чувствуется за сухим канцелярским слогом его распоряжений и предписаний на имя тогдашнего директора лицея, Малиновского.

Министр горячо интересуется всякими мелочами, предвидит все нужды молодых людей, во время длинного пути по некультурной стране, куда, быть может, будут заброшены из «чертогов Царских» питомцы лицея. Внимательно обсуждает министр вопрос об одежде, обуви лицеистов, о покупке им дорожной посуды, о медицинском персонале и т. п. и вместе с тем не забывает и о духовных нуждах воспитанников; он проверяет списки учебного персонала и указывает директору на необходимость отправления с лицеем одного из профессоров, оставленного по предположению Совета в Царском Селе — словом, министр полон самой сердечной заботливости о судьбе юных лицеистов в той отдаленной глуши, куда, быть может, забросит их буря военной непогоды.

Печатаемые ниже документы рисуют нам целую картину быта того лицея, среди питомцев которого находились в то время Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, князь Горчаков и целая плеяда людей пушкинской эпохи. Воскресают в памяти и

Здание Царскосельского лицея в начале XIX ст.

первые профессора, преподаватели и воспитатели Пушкинского лицея — ряд имен, оставивших след в истории, как, например, Куницын, воспетый поэтом в его «Воспоминаниях в Царском Селе», Кайданов, Карцов и др.,— От списка «служителей» лицея веет старинным укладом крепостного права, когда выражение «человек вольный» являлось особым *званием* лица. Среди служебного персонала бросается в глаза имя девицы Софии Скалон, «майорской дочери», вероятно, обедневшей дворянки, нашедшей приют в лицейских стенах в скромной роли «смотрительницы над кухней и съестными припасами», с жалованьем в 25 р.

Чрезвычайно интересно (как по форме, так и по содержанию) приложенное к этому делу письмо протоиерея А. А. Самборского к графу Разумовскому от 15 сентября 1812 г., в котором маститый пастырь предлагает министру сопровождать лицеистов (в случае выезда их из Царского Села) вместе с «походным храмом» и «продолжать наставление в Божием Законе», если юноши лицея «удалены будут в чуждые краи», где не существует церкви грекороссийского исповедания. Тут же и ответ на это письмо графа Разумовского.

Это тот самый протоиерей Самборский, который был духовным наставником Великих князей Александра и Константина Павловичей, а впоследствии состоял священником и духовником при Великой княгине Александре Павловне, вышедшей замуж за эрц-герцога Иосифа, палатина Венгерского, и скончавшейся вдали от родины во цвете лет. Великая княгиня была несчастлива в браке и в качестве православной принцессы много терпела от своей свекрови, супруги Франца II, жестокой и мстительной женщины и ярой католички. Говорят, что, опасаясь за свою жизнь, она не доверяла окружающим ее настолько, что духовный отец ее Самборский сам приносил ей съестные припасы с рынка, которые потом готовила ей дочь его. Эта дочь впоследствии вышла замуж за первого директора Царскосельского лицея — Малиновского. В исходе XVIII в. в конце Дворцовой набережной, близ нынешнего Литейного моста, стоял дом Самборского с прекрасным садом. Вероятно, в честь его назван был находящийся в этой местности (между Шпалерной и Французской наб.) до настоящего времени Самбурский переулок (вероятно, Самборский).

Секретно

Господину Директору Императорского Царскосельского Лицея.

Как в настоящих обстоятельствах легко случиться может, что назначено будет отправить воспитанников Лицея на время в другую губернию, то необходимо принять заблаговременно нужные для сего меры; посему предписываю вам заняться: 1-ое снабжением воспитанников теплою дорожною одеждою; 2-ое росписанием чиновников и служителей, кои необходимо должны следовать за воспитанниками и тех, кои могут остаться здесь или в Царском Селе; 3-е заготовлением потребного числа ящиков и пр. для укладки посуды, нужнейших книг, постелей, белья и других вещей воспитанникам принадлежащих, кои признается необходимым увезти. Обо всем, что вы найдете нужным по сему предмету предпринять, я буду ожидать предварительно ваших представлений; равным образом имеете представить мне на утверждение вещи, какие за нужное признаете купить.

Министр Нар. Просвещения
гр. Алексей Разумовский.

Сентября 14 дня 1812 г.
№ 3218.

Господину Министру Народного Просвещения
От Директора Императ. Царскосельского Лицея.

На предписание Вашего Сиятельства от 14 сего сентября № 3218 честь имею донести, что Правление по журналу № 40-й статье 2-ой покупку нужной для воспитанников в дорогу теплой одежды и других необходимых при том вещей поручило уже Помощнику Надзирателя по хозяйственной части Г-ну Золотареву, который по лавкам в С.-Петербурге их сторговал; но в Лицей до разрешения Вашего Сиятельства оные потребности еще не взяты. Сим вещам представляю при сем, на благоусмотрение и утверждение, Реестр.

Для составления Росписания Чиновников и служителей Лицея, необходимо долженствующих следовать за воспитанниками и могущих остаться делается соображение, и в след за сим список о них будет Вашему Сиятельству представлен.

Ящики для укладки посуды и прочего сделать уже приказано. Хотя же сие предписание В. С. от 14-го числа получено

19-го пополудни, но Правление приложит все меры, дабы успеть окончанием начатых распоряжений к отьезду, как можно благовременнее.

Директор: *Малиновский.*
Секретарь: *Люценко.*

Сентября 19 дня 1812 г.
№ 312.

Реестр о необходимо нужных для воспитанников вещах, из коих некоторые уже сторгованы

	Кол-во вещей	Примерная цена	
		руб.	коп.
Тулупов, покрытых полукитайкою	30	600	—
Рейтузов суконных или шаровар (взято сукна)	—	405	—
Сапогов просторных	пар 30	300	—
Теплых кенег	пар 30	60	—
Чулков шерстяных	пар 30	67	50
Руковичек с варишками	пар 30	54	—
Ременных поясов с пряжками (готовых не имеется)	30	30	—
Больших чемоданов для платья (не заказаны по дороговизне)	6	150	—
Жестяной дорожной посуды с чашками и тарелками на 36 персон. (не заказано по дороговизне) (270)	—	—	—
Ножей дорожных складных	3	7	50
Колпаков бумажных	30	52	50
Цыновок хороших	30	30	—
Парусины толстой	25	37	50
Мешков из толстого холста	20	20	—
Сукна, из коего шиты фуражки для пришивки ушек	—	18	—
Итого		1832 р.	— к.

Секретарь *Люценко.*

Господину Директору Императорского
Царскосельского Лицея.

По рапорту Вашему № 312, находя действительно нужными, в случае отправления воспитанников Лицея, вещи, означенные в реестре, при рапорте приложенном, предписываю сделать распоряжение о немедленной покупке готовых вещей и изготовлении тех, которые еще заказать должно. Дорожную посуду я почитаю необходимою, посему не оставьте купить оную, на место же чемоданов для платья можно заказать хорошие ящики, которые обойдутся дешевле и в коих платье столь же удобно положить можно, как и в чемоданах.

Впрочем, как все вещи сии заготовляются только на случай отправления воспитанников, то должно купить и заказать оные не иначе, как с условием, что если они употреблены не будут, то возьмутся продавцами обратно за цену, которую при покупке наперед назначить можно. Разумеется, что из сего исключаются ящики и вещи, не могущие служить к другому употреблению.

Министр Народного Просвещения
гр. А. Разумовский.

№ 3280.
С.-Петербург, сентября 22 дня 1812 года.

Господину Министру Просвещения.

Вследствие предписания Вашего Сиятельства от 14 сентября № 3218-й, честь имею донести, что в случае перемещения Лицея, книги, по малому количеству оных и по необходимости, все могут быть взяты. Касательно чиновников честь имею представить список оных с показанием жалованья и моими замечаниями на благоусмотрение Вашего Сиятельства, осмеливаясь при том ходатайствовать об обеспечении чиновников, имеющих остаться.

Директор: *Малиновский.*
Секретарь Конференции:
Николай Кошанский.

Сентября 23 дня 1812 г.

Список чиновников по учебной части при Императорском Лицее

	Жалованье	Замечания
Наставник Закона Божия, Священник *Музовский*	800	остается по обязанности другой службы
Профессор Российской и Латинской Словесности *Кошанский**	2000	
Проф. Французской Словесности *де Будри***	2000	остаться
Проф. Немецкой Словесности *Гауентильд*	2000	
Адъюнкт-Профессор Нравственных Наук *Куницын*	1200	
Адъюнкт-Проф. Физико-Математич. Наук *Карцов*	1200	
Адъюнкт-Проф. Исторических Наук *Кайданов*	1200	
Адъюнкт Словесных Наук: барон *Ренненкампф*	800	
Учитель Чистописания *Калинич*	—	остаться. Может заниматься и письмоводством
Учитель рисования *Чириков*	—	гувернер
Учитель Фехтования *Вальвиль*	800	остаться
При конференции: Секретарь конференции: Профессор *Кошанский*	500	
Письмоводитель: *Венигель*	—	остается

Директор *Малиновский*
Секретарь Конференции: *Николай Кошанский*

Господину Министру Народного Просвещения.

От Директора Императорского Царскосельского Лицея.

Во исполнение предписания Вашего Сиятельства, от 14 сего сентября № 3218-й, прилагая при сем два росписания о чиновниках, служителях и Инвалидах Лицея с моими отметками

---

* Ник. Фед. Кошанский. Литератор и переводчик. В Лицее был с 1811 г. по 1824 г.

** Давид Иванович де Будри. Родом швейцарец. Прибыл в Россию в 1784 г., причем настоящая его фамилия Марат по Высочайшему повелению изменена на де Будри. Был в Лицее с 1811 г. по 1821 г. *К. В.*

о тех, кои необходимо долженствуют следовать за воспитанниками, в случае отправления их в другую губернию и кои могут остаться в С.-Петербурге, или здесь, предаю таковое распоряжение мое на благоусмотрение Вашего Сиятельства.

Что ж касается до чиновников и служителей, могущих оставаться, то участь их представляю великодушному попечению Вашего Сиятельства, поелику они, будучи без всякого состояния и способов к содержанию себя и семейств своих, не имеют другого прибежища надежде своей, кроме известного Вашего человеколюбия.

Директор Малиновский.

Сентября 23 дня 1812 года.
№ 314.

Росписание чиновникам, к хозяйственному Правлению Лицея принадлежащим

	Сколько получает жалованья	Отметки
1. Член Правления. Надзиратель по учебной части, 8 класса, Мартын *Пилевский-Урбанович*	1500	Может и обучать воспитанников
2. Секретарь Колл. Асс. Ефим *Люценко*	1500	Женат и имеет детей
3. Бухгалтер, Губ. Секр. Фома *Мудревич*	500	Женат и имеет детей
4. Губ. Секретарь Яков *Масалевский*	500	Остаться
5. Губ. Секретарь Илья *Григорьев*	500	
6. Сенатский Регистратор Михайло *Терентьев*	500	
7. Коллежский регистратор Яков *Венигель* (в отпуску)	500	Остается, ибо его и нет здесь, иначе бы полезен был
8. Пом. Надзирателя по хоз. части 12-го класса Матвей *Золотарев*	500	
Гувернеры:		
9. Тит. Сов. Алексей *Иконников*	600	Может в случае нужды обучать воспитанников

10. Секретарь старших Сергей *Чириков*	1500	
11. Отставной Аудитор Илья *Пилецкий-Урбанович*	600	
12. Пом. Гувернера Губ. Секр. Александр *Зернов*	300	Остается при доме для присмотра
13. Доктор Титул. Советник Франц *Пешель*	1000	Обязан другой службою и потому остается
14. Коммиссионер, Городовой Секретарь Антон *Селецкий-Дзюрдзь*	не получает	Остается

Директор *Малиновский*

Росписание служителям и Инвалидам, в ведомстве Лицея состоящим

	Отметки	Месячное жалованье
1. Людвиг *Кемерский* (вольный человек)		20
2. Карл *Бергман* (тоже)		15
3. Иван *Петров* (крепостной)		20
4. Матвей *Матюсон* (бобыльский сын)		20
5. Гаврила *Логинов* (крепостной)		15
6. Степан *Крыжановский* (вольный)		20
7. Андрей *Сазонов* (вольный)	Остаться	15
8. Фома *Лысаковский* (вольный)	Остаться	10
9. Повар Иван *Веригин* (мещан.)		25
10. *Молостов* (отстав. солдат)		20
11. Кучер Агафон *Ефимов* (отстав. солдат)	Остаться	12
Смотрительница над кухнею и съестными припасами:		
12. София *Скалон* (Майорская дочь)	Остаться	25
Кастелянша:		
13. Надежда *Матвеева*, жена оставного Придворного Скорохода	Остаться	16
Инвалиды:		
Унтер-офицер *Васильев*		5

Швейцар *Киселев*		6 р. 25 к.
Кобелев (остаться для присм. за домом)		5
Перевышин		5
Скубилин		5
Савелов		5
Ефимов		5
Кирилов		5
Бобов		5
Сорокин		5
Цирюльники, служащие и при Царскосельском Правлении:		
1. *Летягин*	Остаются по обязанности своей здесь	
2. *Мишуров*		

Директор *Малиновский*

Господину Директору Императорского
Царскосельского Лицея.

По представлениям Вашим от 23 числа сего месяца я согласен на приведение, в случае надобности, в действо предположений ваших касательно отправления с воспитанниками Лицея некоторых чиновников и служителей и оставления других здесь, исключая то, что Адъюнкта барона Ренненкампфа нахожу я нужным отправить, тем паче, что назначен вами к оставлению здесь профессор Французской Словесности Будри, коего уроки кроме Ренненкампфа никто занять не может. Впрочем, разумеется, что все приготовления к отправлению Лицея должны быть токмо предварительные и впредь до предписания не надлежит предпринять в сем отношении ничего решительного.

Министр Народного Просвещения
гр. А. Разумовский.

№ 3299.
С.-Петербург, сентября
26 дня, 1812 года.

Сиятельнейший Граф Алексей Кириллович!

Милостивый Государь и благодетель!

Имею счастие поздравить Ваше Графское Сиятельство с Торжеством Коронования всероссийского Божия Помазанни-

ка! В Придворной Церкве, с благочестивыми юношами, благоучрежденного вами и спасительного для Отечества Лицея, приносил я горячайшие ко Всевышнему Царю Царей, устроящему вся Царства земная по неисповедимому нам земнородным Своему небесному уставу, молитвы: да нашего Благочестивого и Прекроткого Царя сохранится корона непоколебима и да Царство Его после настоящих жестоких испытаний низпосланных свыше грехов ради наших, вскоре избавится от нашествия звероподобных иноплеменников; да паки возвратится померкшая Российская Слава и да истинные сыны Церкви и Отечества возрадуются о избавлении своем; и да поживут до скончания Мира тихое и безмолвное житие. О всем сем мы молились в Царскосельской Придворной Церкве потому, что по известным Вашему Сиятельству обстояниям, мой величественный Храм, устроенный из Царских Одежд, уже положен в небольшой сундук! Который Храм купно и я готов следовать за вашим Благочестивым Лицеем, на собственном моем иждивении, не требуя ни малейшего пособия от Лицейской Казны. Кроме истинного моего побуждения ко Благу Общему и в особенности к Благоугодным вашей Особы намерениям и пользы Императорского Лицея, я имею естественную непреложную обязанность следовать за Лицеем, поелику иначе Директор, мой зять, совершенно жертвуя собою великодушному своему патриотическому служению, принужден вручить своих пятерых сирот, моему, паче же моей добродетельной дщери, родственному попечению. Есть ли бы случилось и то, что юноши Лицея будут удалены в чуждые краи или в другое какое место, то мой Храм может быть уготован для молитвословия в продолжении трех часов. Кроме сего я могу продолжать и наставление в Божьем Законе. Смею удостоверить вас, яко Попечителя Народного Просвещения, что я сам моим искреннейшим пожертвованием могу принесть вашему Лицею существительную (sic) пользу. О чем я по долгу моему сообщил моему духовному Начальнику: Его Сиятельству Князю Александру Николаевичу Голицыну и Преосвященнейшему Митрополиту Амвросию. Обе сии Особы весьма одобрили сие мое добровольное, Богоугодное и безкорыстное пожертвование. Удостоверен я, что и Ваше Сиятельство, по своему благонамеренному характеру, примите оное в таком же виде. Заклю-

чая сие преискреннее мое начертание приношением Благословенного Хлеба, который есть свидетельстом моего жертвоприношения о дрожайшем Вашем здравии и препоручив себя Вашему, благоволению, с истинным к вашей Особе почтением и всесовершенною преданностью пребуду, пока жить буду,

Вашего графского Сиятельства,

всенижайший слуга и всеусерднейший Богомолец,

Андрей Самборский.

1812 г. Сентября 15.
Александрово.

Милостивый Государь мой Андрей Афанасьевич!

Не могу не принять с особенною признательностью предположения Вашего Высокопреподобия в пользу воспитанников Царскосельского Лицея. Если несчастные обстоятельства потребуют перемещения сего заведения в другую губернию, а может быть и в такой край, где не существуют церкви Православного Грекороссийского Исповедания, то без сомнения важнейшее попечение Начальника должно бы состоять в доставлении воспитанникам способа к исполнению предписанных Законом священных обрядов, в чем благотворительное намерение ваше совершенно меня обезпечивает. Примите за сие и за добрые ваши желания чувстительную благодарность мою и уверения в истинном почтении, с коим пребываю и проч.

(подп.) гр. Алексей Разумовский.

№ 3346.
Октября 4-го 1812 г.
Его Высокопреподобию
А. А. Самборскому.

Костромское ополчение в 1812—1815 годах

6 июля 1812 г. знаменательное число в истории Отечественной войны. В июне еще существовала слабая надежда на мирный исход переговоров с Наполеоном. Император французов, перейдя Неман, без объявления войны, сделал дерзкий вызов, но Александр I еще медлил поднять перчатку. Министр полиции Балашов ездил в главную квартиру Наполеона с письмом от государя. Личная беседа Балашова с Наполеоном и ответ, им привезенный, ясно показали, что прекращение военных действий невозможно, а подавляющая численность вражеских войск и огромные военные приготовления убеждали в том, что неприятель твердо решился внести меч и огонь в самую глубь России. Польские и литовские окраины предались врагу, обольщенные мечтой о политической самостоятельности. Наполеон ловко сыграл на национальных чувствах поляков, ничего им в сущности не обещая, и, по всей вероятности, если бы начались ожидаемые им мирные переговоры в Москве, с такою же легкостью отказался бы от своих полуобещаний в угоду Александру I. Но в то время мятежная Литва ликовала и радостно примкнула к Варшавской конфедерации. Нам думается, что поведение поляков повлияло на Александра I, который был, как известно, готов дать присоединенной окраине широкие права самоуправления. В том, что поляки предались врагу России, заключалась та обида, та недоверчивость, к которым была так чувствительна восприимчивая душа государя. И потому, помимо иных, чисто военных соображений, Манифест 6 июля явился как бы нравственною необходимостью найти душевное успокоение в патриотизме коренной Руси.

Выступив из Дриссы к Полоцку, т. е. начав кампанию отступления, Александр I окончательно порвал все с Наполеоном и подписал воззвание к Москве и манифест о вооружении всего государства. Обращаясь к первопрестольной столице, государь говорил: «Неприятель вошел с великими

силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужеством ополченное российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие, однако же, по отеческому сердоболию и попечению Нашему о всех верных Наших подданных, не можем Мы оставить без предварения их о сей угрожающей им опасности. Да не возникнет из неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имея в намерении, для надежнейшей обороны, собрать новые внутренние силы, наипервее обращаемся Мы к древней столице предков Наших, Москве. Она всегда была главою прочих городов российских, она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее, из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны отечества, для защиты оного. Никогда не настояло в том вящшей надобности, как ныне. Спасение веры, престола, царства того требуют. Итак, да распространится в сердцах знаменитого дворянства Нашего, и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша Церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России! Мы не умедлим сами стать посреди народа своего в сей столице и в других государства нашего местах, для совещания и руководствования всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражание оного везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России».

Манифест 6 июля 1812 г., изданный в лагере близ Полоцка, гласит:

«Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его и то, что останется неистреб-

ленного, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе Наше воинство, полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкреплении первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве, а ныне взываем к всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим возстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на Главу России; Народ русский! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют».

Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

Когда манифест прибыл в Петербург, первым отозвался на него Святейший Синод и тотчас же постановил прийти со своей стороны на помощь народу, призванному царем к вооружению и защите отечества.

13 июля 1812 г. Святейший Синод вошел со следующим всеподданнейшим докладом:

«Правительствующий Сенат сообщил Святейшему Синоду Высочайший Вашего Императорского Величества Манифест, состоявшийся сего месяца в 6-й день, коим призываются все сословия и состояния к единодушному и общему содействованию противу всех замыслов и покушений врага. Синод первым долгом своим поставил, пролив Господу Богу теплые свои молитвы, сделать в то же самое время распоряжение о повсеместном в России молебствии, что уже и исполнено.— Но дабы сверх того содействовать в общем деле всеми теми способами, которые Синод мог найти в своем ведомстве, представляет всеподданнейше следующее:

1-е. Из прибыльной суммы, получаемой от свечной в церквах продажи и поступившей в С.-Петербургской и Московской Опекунские Советы, для обращения из процентов, отдать в пособие к составлению новых сил *полтора миллиона рублей*.

2-е. Пригласить епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию, или лично от себя, или от Архиерейских домов и монастырей деньгами, серебреными и золотыми вещами, без всякого употребления лежащими.

3-е. Объявить причетникам, детям священно и церковнослужителей при отцах находящимся и семинаристам не выше риторического класса, что ежели кто из них пожелает, защищая отечество идти в новое ополчение, на которое призываются все состояния, таковых увольнять безпрепятственно и для одежды их и на продовольствие позволить церквам сделать пособие из кошельковой суммы остающейся за содержанием церквей, как видно по делам Синода в знатном количестве, а для того склонять прихожан на оное пожертвование.

Когда таковые предположения угодны будут Вашему Императорскому Величеству, Синод не оставит сделать к исполнению оных зависящие от него распоряжения.

Доклад подписали: Амвросий Митрополит Новгородской, Мефодий Архиеп. Тверской, Феофилакт Архиеп. Рязанской, Протопресвитер Криниций, Обер-Священник Державин и Обер-Секретарь Журихин*.

---

* ВУА. II. 1835. П. VII.

Сверх того установлено ежедневное молебствие по всем церквам о победе «на супостаты» и издано от Синода следующее воззвание, которое читалось тотчас после манифеста:

«По благодати, дару и власти, данным нам от Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Его великим и сильным Именем, взываем ко всем благоверным чадам российской церкви.

С того времени, как ослепленный мечтою вольности народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом, чрез него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали. За ужасами безначалия следовали ужасы угнетения. Одна брань рожала другую, и самый мир не приносил покоя. Богом спасаемая церковь и держава Российская доселе была по большей части сострадающею зрительницею чуждых бедствий, как бы для того, чтобы тем более утвердилась во уповании на промысл и тем с большим благодушием приготовилась сретить годину искушения.

Ныне эта година искушения касается нас, Россияне! Властолюбивый, ненасытный, не хранящий клятв, не уважающий алтарей враг, дыша столь же ядовитою лестию, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих еще издалеча простирает хищную руку.

Сего ради взываем к вам, чада Церкви и Отечества! приимите оружие и щит, да сохраните верность и охраните веру отцов наших. Приносите с благодарением отечеству те блага, которыми отечеству обязаны. Не щадите временного живота вашего для покоя Церкви, пекущейся о вашем вечном животе и покое. Помяните дни древнего Израиля и лета предков наших, которые о имени Божиим с дерзновением повергались в опасности и выходили из них со славою.

Взываем к вам, мужи именитые, стяжавшие власть или право на особенное внимание своих соотечественников: предшествуйте примером вашего мужества и благородной ревности тех, которых очи обращены на вас. Да воздвигнет из вас Господь новых Навинов, одолевающих наглость Амалика, новых Судей, спасающих Израиля, новых Маккавеев,

огорчающих цари многи и возвеселяющих Иакова в делах своих.

Наипаче же взываем к вам, пастыри и служители алтаря! Яко же Моисей во весь день брани с Амаликом не восхотел спустить рук, воздеянных к Богу, утвердите и вы руки ваши к молитве дотоле, доколе не оскудеют мышцы борющихся с нами. Внушайте сынам силы упование на Господа сил. Вооружите словом истины простые души, открытые нападением коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностию, кроме веры и отечества. И если кто из сынов Левитских, еще не определившихся к служению, возревнует ревностию брани, благословляется на сей подвиг от самыя Церкви.

Всем же и каждому, по имени Господа нашего, заповедуем и всех умоляем блюстися всякого неблагочестия, своеволия и буих шатаний пред очами нашими, привлекших гнев Божий на языки; пребывать в послушании законной, от Бога поставленной, власти; соблюдать безкорыстие, братолюбие, единодушие и тем оправдать желания и чаяния взывающего к нам, верноподданым самим, Богом Помазанного Монарха Александра.

Церковь, уверенная в неправедных и не христолюбивых намерениях врага, не престанет от всея кротости своея, вопиять ко Господу о венцах победных для доблестных подвижников и о благах нетленных для тех, которые душу свою положат за братию свою. Да будет, как было всегда, и утверждением, и воинственным знамением Россиян сие пророческое слово: “о Бозе спасение и слава”».

Сенат спешно разослал манифест с курьерами, которые помчались во все концы России, и повсюду началась лихорадочная работа по сложному делу сбора пожертвований и набора ополчения. Тяжелое чувство, вынесенное государем из Вильно, должно было успокоиться перед громадным подъемом патриотического духа, охватившего русское общество и русский народ.

Местное дворянство выказало чрезвычайное воодушевление, другие сословия не отставали от него. Местами на улицах народ кричал: «Ведите нас всех». Исчислить точно пожертвований деньгами, вещами и оружием, от 17 губерний,

вошедших в три округа ополчения, не представляется возможным. По приблизительной же оценке каждая губерния пожертвовала в среднем от 4 до 6 млн р., а общее количество ополченцев исчисляется свыше 200 000 человек.

Костромская губерния, наряду с Казанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Вятской, вошла в состав третьего округа ополчения, находившегося под начальством графа П. А. Толстого*.

Согласно общему распоряжению, ополчение третьего округа должно было сформироваться лишь к 1 сентябрю, т. е. по окончании летних полевых работ; тем не менее костромское дворянство спешно собралось тотчас по получении манифеста и уже 29 июля внесло свое постановление: определить в ополчение с дворянских имений 11 000 человек, что составляло приблизительно по 4 человека со ста душ, так как в то время в Костромской губернии помещичьих крестьян насчитывалось 291 357 душ. Такого же порядка набора держались и остальные губернии третьего округа.

Впоследствии государь, усмотрев, что в других округах ставили до 10 человек со ста душ и даже больше, сделал распоряжение о уравнении и третьего округа до этой цифры, хотя впоследствии распоряжение это было отменено и ограничилось дополнительным набором со ста душ**. Костромской губернии этот добавочный набор дал 5 500 человек, а всего с прежними 16 500 ратников.

Собранные дополнительно ополченцы вошли в резерв первого ополчения под начальством генерал-майора *Булыгина* и в походе не были.

Кроме воинов, Костромская губерния сделала обильные пожертвования деньгами и натурою. По сведениям, доставленным на этот счет Костромским дворянским депутатским собранием, выясняется следующее:

«Пожертвования частными лицами в Костромской губернии, учиненные на вспомоществование ополчения, простира-

---

* Граф П. А. Толстой, род. 1769 † 1844. Бывший посол наш при Наполеоне в 1807—1808 гг.

** Высоч. рескрипт 21 октября 1812 г. на имя ген.-лейт. гр. П. А. Толстого.

лись деньгами до 102 872 р. 86 к.— золотом и серебром, в слитках и вещах, по промене на монетном дворе на звонкую монету, и потом на ассигнации, 10 215 р. Но костромским дворянством, по общему оного постановлению, на устройство ополчения, кроме следующих на провиант и в жалование на воинов 13 р. на каждого, определительно предназначено собрать, с каждой ревизской души, за владельцами состоящей в губернии, по 10 к. и, сверх того, со всех тех помещиков, у коих за назначением и поставкою воинов оставаться будут свободные души, и с тех мелкопоместных, которым с состоящих за ними душ не доведется по раскладке ставить оные, собрать деньгами же, полагая от 1 до 6 душ по 5 р. за каждую, а с 6 и более по 7 р. 50 к. Почему взнос по сим положениям дворянства суммы простирался до 250 000 р.

Кроме содержания ополчения, от Костромской губернии собранного, провиантом и фуражом, на счет костромского дворянства, на иждивении сего ж сословия: а) сформирован и всеми аммуничными вещами снабжен один регулярный пехотный полк, для чего общим постановлением дворянства, 1812 года мая 27-го учиненным, пожертвовано по 1 р. с души, что составляет по числу владельческих имений в губернии до 3 000 000 р.

б) Устроен подвижный для армии магазин из 400 действующих и 8 запасных двухконных повозок, который иждивением же костромского дворянства, по назначению главнокомандующего армиями князя Кутузова-Смоленского, отправлен к армии. Для учреждения означенного магазина, кроме лошадей с упряжью и погонщиками и повозок с принадлежностями, заготовлено провианта, хлеба в сухарях 600 четвертей, круп 51 четверть, овса 600 четвериков ценою на 12 000 р.

На препровождение же означенного магазейна к армии выдано из дворянской суммы 41 000 р.

Сверх вышепоказанной поставки в натуре вещей, к обмундированию пехотного полка подлежащих, и для подвижного магазейна, провианта и фуража, еще пожертвовано от разных лиц, сукна серого 1002 аршина, холста 402 $^{1}/_{2}$ аршина, полотен фламского и ревентуха 1225 кусков или 61 250 аршин.

Сверх сего костромское дворянство, движимое чувством сострадания к жителям Смоленской губернии, потерпевшим разорение от нашествия неприятеля, в пользу оных в 1812 г. пожертвовало из наличного в сельских своих запасных магазейнах хлеба 50 000 четвертей, по продаже коих вырученные деньги до 500 000 р. препровождены в учрежденное в С.-Петербурге сословие призрения разоренным от неприятеля, из числа сей суммы 50 000 р. согласно желанию дворянства переданы в ведение Святейшего Синода, на возобновление разоренных церквей».

Первое ополчение в числе 11 000 человек было сформировано в 4 пеших полка и один конный. Вначале предполагалось, что ополчению придется участвовать в делах против французов, но за это время обстоятельства сильно изменились. После торжественного вступления Наполеона в покинутую жителями Москву он скоро убедился, что занятие древней столицы не подвинуло его ни на шаг к окончанию войны, которого он уже начал искренно желать. Александр I отказался вступить в какие-либо переговоры с неприятелем и запретил военачальникам всякие сношения с французами, письменные или устные; Москва оказалась ловушкой, в которую неосторожно попался хитрый матерый зверь. Началось отступление Великой армии, эта скорбная страница в истории Наполеоновских войн, пред которой бледнеют и неудачи его в Испании, и гибель войска в Египте. *Кутузов* следовал по пятам французов, с севера надвигался *Витгенштейн,* защищая в то же время дорогу в Петербург. Наперерез двигалась Дунайская армия. План Наполеона зимовки в хлебородной Малороссии не удался: пришлось возвращаться по разоренной Смоленской дороге.

Перемена военного счастья ясно чувствуется в следующем высочайшем рескрипте, данном от 8 ноября 1812 г., на имя командующего 3-м округом внутреннего ополчения, графа *П. А. Толстого.*

«Повелениями моими от 8-го, 27 сентября и 8-го октября предуведомлены вы, что вверенное вам ополчение должно быть в готовности к выступлению в поход; на каковой случай назначены требуемые вами 10 000 рублей, предоставлено собственно вам учреждение нужной для ополчения артиллерии и, наконец, прикомандированы по оному все иррегуляр-

ные конные полки, идущие из Оренбурга от генерала князя *Волконского*; следовательно, ополчение вам вверенное уже есть в полном смысле корпус, составленный из разного свойства войск, нужных для сего предмета.

Известное мне усердие ваше к службе отечественной уверяет меня, что ополчение сие устройством и необходимым обучением уже приведено, сколь можно, в надлежащее состояние, кроме тех людей, которые по последнему моему указу, от 21-го октября, вновь набираются и которые должны составлять резерв вашего ополчения.

При неблагоприятных обстоятельствах предлагалось ополчению, вам вверенному, действовать на левый фланг неприятельский; но ныне, когда благословением Всевышнего армия фельдмаршала, князя *Кутузова*, преследует ретирующегося неприятеля и 2-го числа ноября находилась уже в Смоленской губернии, в городе Красном, почитаю я нужным ополчению вашему следовать из Нижнего Новгорода на Муром, Рязань, Орел и Глухов и расположиться в Малороссийских губерниях.

Сверх сего предписываю вам принять под свое начальство ополчения: Рязанское и Тульское, которые должны следовать с вами по тому же направлению, о чем повеления к ним вместе с сим посылаются.

Сим распоряжением прикроются изобильные наши провинции, на случай какого-либо неприятельского со стороны сей покушения, в то время, когда регулярные наши армии займутся дальнейшим преследованием неприятеля, а внутренние губернии, ныне ополчением занимаемые, облегчатся в продовольствии столь знатного количества людей, ибо, сверх вверенного вам ополчения, обязаны они же содержать и формируемые вновь пехотные баталионы, кавалерийские и артиллерийские резервы. Что принадлежит до последне назначенных к сбору двух человек со ста, по ополчению вам вверенному, то их препоручить особому начальнику по собственному Нашему избранию, который бы, оставаясь на месте, занимался устройством сих людей. В виде особого ополчения, оно будет составлять наш резерв, о коем вами упомянуто.

Сегодня выступление наше с ополчением в поход, продовольствие оного жалованьем и провиантом зависеть уже бу-

дет от Военного министерства, которому и предписано сделать зависящее по сношению с вами распоряжение.

Я желаю получить от вас, чрез вручителя своего, донесения о времени выступления в поход, о разделении и числе войск вам вверенных, а равным образом и впред о движении вашем доносите мне и главнокомандующему армиями, фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову. Александр».*

Согласно рескрипту, выступление в поход костромских ополченцев последовало в половине декабря 1812 г., под начальством генерал-лейтенанта *Бардакова*, избранного дворянством Костромской губ. Многие офицеры были также из местных дворян. Все полки ополчения 3-го округа должны были собраться в городе Глухове Черниговской губернии, впредь до дальнейшего распоряжения.

Путь предстоял немалый и по зимнему времени нелегкий: от Костромы до Чернигова 348 верст. Ополченцы, конечно, не могли сразу превратиться в настоящих солдат и не отличались их закаленностью и выносливостью, в трудном походе многие болели и умирали без медицинской помощи.

Придя в Глухов, ополчение пробыло в нем до осени, лишь 18 сентября 1813 г. прибыло к месту своего назначения — к крепости Глогау, около которой и было расставлено по селениям. Главная же квартира находилась в г. Фрауштате.

Для блокироваиия крепости по сю сторону Одера были назначены ополчения: Костромское**, Рязанское*** и Симбирское; сверх того, пять полков мещеряков и башкир и одна артиллерийская рота, что в общем числе составляло около 15 000. По другую сторону Одера блокаду держали пруссаки, в почти равном количестве с русскими.

Общее начальствование над русским корпусом было поручено, по распоряжению главнокомандующего польскою армиею, графа *Беннигсена*, генерал-лейтенанту барону Розену****. Пруссаками командовал полковник *Блюменштейн*.

---

* ВУА. СПб., 1835. П. VII.

** Четыре пеших полка, конный был направлен под Дрезден.

*** Рязанское ополчение простояло под Глогау весьма недолго и вскоре получило другое назначение.

**** Барон Григорий Владимирович Розен. Род. 1781 † 1841 г. Герой Бородина, Красного, Лейпцига, Дрездена и Кульмы. Умер в Москве сенатором.

Крепость Глогау имела довольно сильный гарнизон, доходивший до 10 000 человек, но носивший характер сборный. Не менее половины его состояло из немцев, кроатов и других народностей, объединившихся по приказу Наполеона против России, а затем обязанных вести и оборонительную войну, когда счастье уже окончательно склонилось на сторону русского оружия. Конечно, при таких условиях положение французского коменданта Глогау, генерала *Лаглана*[1], было чрезвычайно затруднительным, и на большую часть своего гарнизона он не мог положиться.

Русские и пруссаки обложили Глогау тесным кольцом. Первая бригада Костромского ополчения, под начальством действительного камергера *С. П. Татищева*, ночью перешла разлившийся от дождей Малый Одер и заняла важную позицию — селение Пфердгиммель. Солдаты переходили вброд по пояс. Утром французы с удивлением и страхом увидели, что над их головами, на высоте Пфердгиммеля расположилась русская батарея.

Несмотря на искусное укрепление Глогау и на природные заграждения (Большой и Малый Одеры и три чрезвычайно глубоких рва), батарея наша могла бы легко бомбардировать крепость в значительной безопасности от неприятельских выстрелов и в короткое время разгромить все французские укрепления. Но крепость была немецкая, и пруссаки берегли ее как свою собственность, предпочитая сдачу после продолжительной осады разрушительному и рискованному штурму. Долговременное сопротивление раздражило, наконец, и терпеливых пруссаков, и они стали готовиться к приступу. Но французы, услыхав об этом намерении через лазутчиков, взорвали часть укреплений, сожгли мост через Малый Одер и срубили лед на реке, опасаясь, что русские перейдут по льду.

Любопытно, что уже после сдачи Глогау французы сознавались в ложном своем суждении относительно состава осаждающих войск: им казалось, что это не ополчение, состоящее из мужиков, а переодетые солдаты регулярной армии. Предполагалась военная хитрость с целью выманить гарнизон. Очевидно, французы не могли себе представить, чтобы не обученные военному искусству русские крестьяне

действовали так стройно, подчиняясь приказам своих начальников.

В начале блокады французы часто делали вылазки, особенно против пруссаков, и имели с ними жаркие схватки, но затем действия эти совершенно прекратились, и нередко, в течение нескольких дней, ни осаждаемые, ни осаждающие не обменивались ни одним выстрелом. Главной причиной бездействия французов являлось заметное и все увеличивающееся уменьшение крепостного гарнизона. Потери людьми были незначительны, но гарнизон таял постепенно от дезертирства кроатов, на которых сильно подействовало известие о том, что военное счастье изменило Наполеону и почти вся Европа ополчилась против него. Заговорила, быть может, и славянская кровь, что тем более вероятно, так как кроаты перебегали преимущественно в русский лагерь. Количество перебежчиков достигало в иной день до 30—50 человек.

Генерал Лаглан принимал всевозможные меры против дезертирства, не останавливаясь даже перед жестокими мерами. Пойманных или уличенных в попытке к бегству кроатов расстреливали на глазах русских. Ничто, однако, не помогало. Стремление к бегству у кроатов было столь велико, что когда еще Одер не замерзал, они бросались в него, в виду французов, и переплывали под градом пуль. В конце концов Лаглан принял решительную меру: собрав всех кроатов, он уплатил им жалованье, снабдил аттестатами о честной службе и выпустил из крепости.

Каким же образом осажденные, совершенно отрезанные от сношений с внешним миром, могли узнавать о ходе войны Европы с Наполеоном? Этими сведениями снабжали их сами русские, которые изобрели весьма остроумный способ для передачи гарнизону иностранных газет. Французы не держали по ночам караулов по сю сторону Одера, так как они сильно страдали от набегов мещеряков и башкир под покровом темноты; но на рассвете посты занимались французскими пикетами. Пользуясь этим, русские по ночам оставляли на постах газеты, которые и попадали таким образом в руки солдат осажденной крепости. Комендант Глогау был бессилен бороться со все возрастающим волнением гарнизона вследствие неблагоприятных известий из французской ар-

мии. Победа русских под Лейпцигом дала повод к торжественному празднованию, происходившему 16 октября.

Накануне французы были извещены особенным способом. Все войска были выстроены в виду неприятеля, было дано несколько холостых залпов из ружей и пушек, и после троекратного «ура» солдаты разошлись по квартирам.

Французы решили не оставаться в долгу и, получив известие об отступлении нашем от Дрездена, также открыли усиленную пальбу из пушек, однако, жалея, очевидно, запасы пороха, стреляли по русским и пруссакам ядрами, не причинив им, впрочем, вреда. Осаждающие приняли это за подготовку к вылазке и только на следующий день перебежчики сообщили об истинном значении этой усиленной пальбы.

Единственным крупным делом за время осады Глогау были вылазки французов 28 и 29 октября. Накануне, 27 октября, прусский генерал *Блюменштейн* послал коменданту Лаглану парламентера с предложением сдачи крепости, под угрозой штурма; но, терпя скуку от бездействия неприятеля, просит прислать ему для развлечения несколько колод карт. Блюменштейн послал почтовую карту Сибири, намекая этим на грозящую французам участь.

На рассвете 28 октября французы выступили из крепости и напали на пруссаков. Против русских была произведена лишь диверсия с целью удержать их от участия в сражении. Несмотря на храброе сопротивление, французы одержали верх и уничтожили целую роту прусских егерей. 29 октября, в 2 часа дня, французы открыли сильную канонаду по пруссакам и по русским и предприняли двухстороннюю вылазку. Это был день, когда *Костромское ополчение получило боевое крещение*. Против русских действовали две колонны, по 200 человек каждая. Одна стремилась овладеть шанцами в углу аллей, другая пыталась сбить передовые пикеты башкирцев и занять шанцы со стороны Одера. Оба русских фланга, Пфердгиммель и Лихтенберг, встретили неприятеля ружейным огнем, а 400 казаков произвели ложную атаку. Сражение началось почти одновременно во всех пунктах, и крепость Глогау скрылась в клубах порохового дыма.

Русские стойко отразили неприятеля и, перейдя в наступление, сбили два французских пикета и овладели шанца-

ми. Потери наши были ничтожны: 6 человек убитыми и ранеными.

Пруссаки одержали также победу над неприятелем, и притом гораздо более значительную. Два раза ходили они в штыки, отняли 2 пушки и взяли в плен до 200 человек.

Потери пруссаков за все время осады простирались до 3000 человек. После этой попытки, стоившей французам до 700 человек, они уже не возобновляли вылазок, и потянулись скучные, томительные дни бездействия с обеих сторон.

Так продолжалось до начала марта 1814 г., когда Лаглан вступил в переговоры о сдаче крепости. В Глогау были большие хлебные запасы, но в мясе и соли ощущалась крайняя нужда. Французы резали лошадей и даже употребляли в пищу кошек.

Сверх того, события на театре военных действий делали совершенно бесполезным для французов дальнейшее удержание крепости. Главное разногласие между договаривающимися сторонами заключалось в том, что Лаглан хотел сдаться русским и выступить с гарнизоном в нашу сторону. Барон *Розен* категорически заявил, что французы должны сдаться пруссакам, что было, конечно, справедливо, так как они преимущественно принимали участие в военных действиях и понесли большие потери. Наконец, 30 марта 1814 г. договорные статьи были подписаны. Главные пункты были следующие: 1) гарнизон обезоруженный, числом до 3000, отпустить во Францию; 2) офицеры и солдаты дают слово не воевать ни против русских, ни против пруссаков год и один день; 3) крепость сдать 5 апреля с прусской стороны пруссакам, с русской — русским: 4) предместья крепости и передовые укрепления сдать накануне.

4 апреля 1814 г., в 3 часа дня, русские войска вступили в предместье Глогау-Домм.

Навстречу выехал Лаглан, и бывший при нем чиновник вручил ключи коллежскому асессору *Назарову*, назначенному комендантом предместья.

Пруссаки заняли предместья со своей стороны.

5 апреля, в 6 часов утра, войска выстроились для торжественной сдачи. Впереди стояли мещеряки, башкиры, затем прусская артиллерия и конница, далее русская пехота и, на-

конец, прусская. Таким образом, французский гарнизон должен был проходить сначала перед пруссаками.

Лаглан, во главе своего отряда, поравнявшись с прусским начальником пехоты, отсалютовал ему шпагой и, после кратких переговоров, получил разрешение не участвовать в параде и быстро поскакал вперед.

Замечательно, что французы во время сдачи явно хотели показать, что сдаются не пруссакам, а русским. Первый французский батальон хотел сложить оружие перед прусской пехотой, но батальонный командир закричал: «Вперед!» и только, поравнявшись с русскими, скомандовал: «Pardon!»

Солдаты ставили ружья в козлы, снимали ранцы и тесаки и вешали их на ружья. Многие при этом плакали. Когда кончился парад и обезоруженный французский гарнизон, опустив головы, стал удаляться от крепости, началось вступление союзных войск.

Во главе их ехал генерал *Таубе*, рядом с ним начальник Симбирского ополчения, действительный статский советник *Тенишев*, за ними начальник 1-й бригады Костромского ополчения, действительный камергер С. П. Татищев, а следом ехали их адъютанты.

Жители Глогау приготовили торжественную встречу. При въезде в крепость была устроена арка, на которой с одной стороны было написано по-немецки: «Идите, идите, избавители!», а с другой — «Да здравствуют Александр I, император Всероссийский, и Фридрих IV[2], король Прусский!»

Войска были встречены у ворот духовенством и почетными гражданами. 24 молодые девицы, одетые в белые платья, усыпали дорогу цветами. Генерал-губернатору Таубе было вручено городское знамя. Одна из девиц, осенив им и Блюменштейна, подала ему лавровый венок, но Таубе передал его Тенишеву, очевидно, желая, чтобы в чествовании победителей участвовали и русские военачальники. Кроме того, от почетных граждан в честь прусских генералов были прочитаны похвальные стихи, и некоторые произнесли приветственные речи. После того войска, построившись, прокричали троекратно «ура», а чиновники отправились в кирку для благодарственного молебна. Во время пения «Тебе Бога хвалим» и возглашения многолетия русскому императору и прусскому королю производилась пушечная пальба.

После молебна войска прошли вновь по крепости и, наконец, были распущены по квартирам. Генерал-губернатор *Таубе* дал обед всем офицерам, а солдат угощали жители, разнося по улицам вино.

После взятия Глогау из 4 полков Костромского ополчения сформировано было два, под начальством полковника князя Вяземского (1-й полк) и полковника Черевина (2-й полк).

Сверхкомплектные офицеры были отпущены домой.

Русские простояли в Глогау до конца 1814 г.

10 октября 1814 г. барон Розен отдал следующий приказ:

«Окончив порядок следования командуемого мною корпуса, обращаюсь к вам, почтенное дворянство и воины! Вы, ополчившись по воззванию государя императора на защиту Отечества, на временное служение оному, не токмо оправдали надежду, полагаемую на вас и исполнили ожидание августейшего монарха, но даже споспешествовали великой и благодетельной его цели. Горя усердием и ревностью, с неутомимым терпением преодолели вы все трудности и, составляя здесь корпус, блокировавший крепость Глогау, во время суровой зимы на биваках, особенным мужеством и деятельностью отражали покушения неприятеля, сбили его передовые посты, овладели ретраншементами и другими наружными укреплениями, наконец, принудили к сдаче знаменитую крепость, чем снискали всеобщую похвалу и достойное уважение. Скромным и благонравным поведением своим в земле иностранной заслужили вы от жителей любовь и благодарность. Удалясь поступков, нарушающих воинский порядок, с благородным соревнованием занимались вы отправлением службы и усовершенствованием в военном ремесле, чтоб соделаться способными к достижению общей цели; словом вы заплатили дань, которою обязаны были Престолу и Отечеству, вы заплатили все своими трудами на поприще военной славы и чести.— Как имевшему честь командовать столь почтенным корпусом, честь, которая будет для меня незабвенна, мне приятно повторить, особливо при настоящем случае, чувства моей совершенной признательности, отдавая всем справедливую похвалу за примерное исправление своих должностей. Награды, по засвидетельствованию моему, получили те из вас, которые имели случай обратить на

себя особенное внимание (я старался по возможности моей доставить оные соразмерно заслугам каждого); впрочем, все вы найдете достойное воздаяние за труды свои. Великодушный монарх наш ценит оные, признательное Отечество вас ожидает. Теперь следуйте в ваши пределы с теми благородными чувствованиями и правилами, которые вас доселе отличали. Между тем должный порядок и дисциплина да соблюдется по самое то время, как каждый воин вступит в свое семейство. Со стороны же губернских полковых и частных начальников да сохранится особенная заботливость в сбережении в пути людей и призрении больных.

10-го октября 1814 года. Г. Фрауштат».

Но только в начале 1815 г. ополченцы вернулись, наконец, домой. 1 февраля в Кострому прибыл первый полк. На реке Костроме, при огромном стечении народа, он был встречен губернским начальником ополчения и гражданским губернатором[3], а на главной площади духовенством с иконами и хоругвями, с епископом Сергием во главе. В Успенском соборе было отслужено благодарственное молебствие и преосвященный Сергий говорил проповедь. Затем, проходя по рядам войск, он окропил их святою водою. Далее начался ряд чествований чиновников ополчения городским головой, губернатором и дворянством. Солдат угощали обедом в Гостином дворе, а публика присутствовала при этом на особо устроенных местах, в галереях.

Дворянство выдало в награду ополченцам по рублю на человека.

20 февраля вернулся 2-й полк ополчения, а 22 апреля последний — конный.

Из 10 000 выступивших в половине декабря 1812 г. вернулось в 1815 г.: 1712 (первый полк), 1569 (второй полк) и 341 (конный полк, под начальством штабс-капитана *Перфильева*), а всего 3622*.

Нам думается, однако, что такая крупная цифра потери в людях (около 6500) едва ли допустима, так как собственно военные потери были ничтожны, отнесение же остальной суммы за счет смерти от болезни в походе маловероятно.

* Данные об осаде крепости Глогау извлечены нами из журнала Н. Ф. Чагина, начальника 2-го батальона 3-го пехотного полка Костромского ополчения.

Правильнее предположить, что в сборном пункте, в Глухове Черниговской губернии, произошел отбор ополченцев, более пригодных для военной службы, остальные же были отпущены домой. Такое предлоложение подтверждается и тем, что под Глогау русских было всего 15 000, хотя в это число вошло Костромское, Рязанское, Симбирское ополчения, два инородческих полка и артиллерийская рота.

О жизни костромских ополченцев под Глогау, тянувшейся с 16 октября 1813 г. до начала 1815 г., не имеется почти сведений. Только один случай резко выделяется из общего фона, по всей вероятности, благодаря томительному переживанию долговременной осады. После дела 29 октября в главную квартиру польской армии, к графу *Беннигсену*, было отправлено представление барона *Розена* офицеров к наградам. Молодой подпоручик Д*** (имя его неизвестно), *14 лет*, бывший в должности адъютанта при дежурном генерале NN (?), отправил пакет и, не найдя своего имени в числе награжденных, написал подложное представление о себе, подделал весьма искусно подпись барона Розена. Беннигсен наградил Д***, согласно представлению, орденом Св. Владимира 4-й степени и прибавил от себя бант, в знак отличия за военные заслуги.

Дело, конечно, вскоре объяснилось, и Д***, которому грозил арест и суд, бежал. В течение 9 дней скрывался он в окрестностях Фрауштата и 13 мая 1814 г., в 11 часов вечера, застрелился около одного пруда, где неподалеку жила его возлюбленная (Фрицка, как он называет ее в своем предсмертном дневнике). Этот весьма любопытный документ, напечатанный с некоторыми сокращениями в «Вестнике Европы» 1815 г., изумляет смесью ребяческих мыслей и чувств с философскими рассуждениями, свидетельствующими о весьма глубокой начитанности молодого офицера.

Д*** похоронен на общем кладбище г. Фрауштата и, согласно своему завещанию, под развесистым деревом, «дабы лучи солнца не жгли чувствительности человека, пришедшего из сожаления поплакать об ужасном конце несчастного».

Люди, специально интересующиеся костромской стариной, могли бы и сейчас восстановить точнее имя этого самоубийцы и сам факт.

В нашем распоряжении имеется еще один документ*, который затрагивает более близко бытовую жизнь костромского общества того времени. Это *слово*, сказанное *протоиереем Арсеньевым*, по случаю избавления Москвы от неприятеля. Сама по себе эта проповедь, не отличаясь от других в смысле красноречия и силы, содержит интересное отступление — выпад против тогдашнего образованного общества за его рабское поклонение и подражание всему французскому. В лице протоиерея Арсеньева мы видим русского человека, глубоко огорченного утратой религиозных, нравственных и национальных чувств в высшем классе, и само нашествие французов он готов объяснить как Божие попущение, как грозный урок за отступления от основ русской народной жизни.

Слово на случай извещения о освобождении Москвы от врагов и о одержанных над ними победах

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Десница Господня сотвори силу, Десница Господня вознесе мя».— Псалма 117-го, стих 16.

Сей пророческий глас, глас радости и спасения раздается ныне во всех пределах любезного Отечества нашего, и когда же приличнее вознести оный, как не при сем торжестве настоящем, когда изливаем благодарные сердца пред Господем, спасающим и избавляющим нас от руки вражия? Враг мира и тишины, упоив меч кровию иноплеменных народов, внес оный внутрь любезного Отечества нашего, пронзил оным самое его сердце. Дымящиеся грады, а паче почтенная древностью, блиставшая красотою и великолепием Москва, оскверненные храмы, раскопанные алтари, и опустошенные нивы, обезчадствованные матери, жены, лишенные мужей, дети своих отцов,— вот плоды злодейства врагов наших! Взирая на сие ужасное позорище, трепетали кости наши, смущалося сердце наше. *Но наказую, наказа нас Господь, смерти же не предаде нас*. Россия может в радости духа воскликнуть сию пророческую песнь: *не умру, но жив буду, и повем дела*

---

* ВУА. II. 1835. VII.

Господня и должна исповедаться пред Господем тако: *Десница Господня сотвори силу, Десница Господня вознесе мя.* Ибо враг наш помощью сильного во бранех Господа видит, наконец, лук свой сокрушенным, оружие сломленным, а щиты огнем пожженные. Он, как жадный тигр, лишенный добычи, бежит погоняем, и поражаем и, вращая сюду и сюду очи свои, смотрит на исторгнутые из челюстей его корысти. *О Господи, спаси же, о Господи, поспеши же.* Поспеши, да он посрамится, вконец истребится и исчезнет.

Между тем, как ненавидящие нас поражаются, как воины наши, одушевленные благоволением монарха, под неусыпным руководством состаревшегося в бранех князя Михаила поставляют свои трофеи; и мы тишиною наслаждающиеся, не должны пребывать в бездействии, но сколь возможно споспешествовать к устроению общего блага.

Какая же потребна жертва в сие еще бедственное время, покажу о сем в настоящем слове.

Вси языцы, вещал пророк, *вси языцы обыдоша мя, обыдоша мя яко пчелы сот, и разгорешася, яко огнь в тернии.* Сии слова показывают, что Давид от множества врагов был в крайней тесноте и скорби; чем же он избавился? *Именем Господним противляхся им, говорил он, от скорби призвах Господа, и услыша мя в пространство.*

Видим отсюда, что един Бог прибежище и сила в скорбех, обретших ны зело; едино призывание имени Святого сильно против всех вражьих нападений. *И кто же верова Господу и постыдеся?* Кто, призывая имя Его с верою и упованием, не был услышан? Сила молитвы ветры и море укращала; сила ее львов в агнцев претворяла; сила ее огонь в росу прелагала: при содействии ее *не убоимся и мы от тем людей, окрест нападающих на нас — Господь помощник нам, и мы воззрим на враги наша.* Если когда, то в сие бедственное время, когда враг не спит, еще когда бранные тучи носятся над главами нашими, вера наше да блещет чистее злата, упование да не оскудевает, молитва из уст, а паче из сердца денно и нощно да изливается! Одни из древних говорили: «от согласия малые вещи возрастают, а от несогласия и великие разрушаются». Другие: «город крепче миром, нежели стенами». Подлинно любовь и единодушие такие оплоты общества, которые никакая сила расторгнуть не

может. Здесь у многих едина воля, едино желание, единые мысли и сердца и все к единой цели стремятся. Следовательно, чего не могут произвести в действо? Собою доказали сие славные республики Спарта и Афины.

Стократ блаженно то общество, где царствует и единодушие, там нет корыстолюбия, поядающего труды чуждые, там нет злобы, мстящей за незлонамеренные оскорбления; нет зависти, печальным оком взирающей на расцветающее другого счастие; нет гордости, все презирающей; нет, наконец, коварства и клеветы, достоинства достойных помрачающих. Нет и не смеют в сем небесном селении скрываться прочие враждебные страсти. Ибо там Бог обитает.— Изженем из среды себя дух вражды и несогласия.— Да будет мир во градех и селах, мир во храмех и святилищах правосудия, мир между начальниками и подчиненными, между друзьями и сродниками, мир между женою и мужем, мир между детьми и родителями! Сей мир приблизит нас к Богу, разрушит все коварства и сети вражья и живущим нам на земли доставит нам небесное блаженство.

Предлагая вам о мире и любви, неизлишним поставляю сказать о милосердии, яко о плоде любви, о милосердии, которое явить во всем блеске в сие горестное время долженствует. Видите вы опустошенные грады, предстоят очам вашим разоренные семейства, вдовы и сироты, покрова не имущие, богатые обнищавшие; не скрыто от вас и то, что град и мраз всюду за ними сопутствуют,— сии-то со всеми нуждами в жизни борющиеся братия ваши, христиане, однородные, простирают руки свои, требуют помощи, умоляют о человеколюбии. А закон, вера и природа возбуждают обратить внимание на сих страдальцев. Не мимо идем сих, яко же левит и священник прошли некогда, но яко же самарянин, дадим сребренники, упокоим в гостинице, прилежим им и послужим! Нам оставлены сии нищие, мы сирым сим будем помощники.

Но почто я возбуждаю всех к делам милосердия? Благородное здешнее дворянство, руководствуемое благоразумным начальством, воздвигнуть вознамерилося безсмертный памятник добродетели человеколюбия.— Оно от благих своих приносит знатнейшее приношение в жертву разоренной святыни и страждущего человечества.— О благородные души! если жертва сия приносится от чистой любви к Богу и

ближнему, а не от самолюбия и суетной славы, сие услышано будет от конец до конец вселенныя: *други человечества, благодетели,* сии имена начертаются во всех сердцах одолженных. Бог любящих благолепие дому Его вознаградит, монарх воззрит благоутробным оком, а совесть излиет небесное утешение. Да будем и мы, все прочие сословия, участниками приношения, чтобы могли чувствовать такое утешение!

В заключение всего, уклоняясь несколько от цели моего предложения, изобразить за нужное почитаю свойства врагов наших, давших нам глубокие раны. Не скажу я того, что Париж был источником, откуда разливались гибельные для сердца и ума учения, где подчиненность всякая была разрушаема, где супружество союза священного не имели, где любовь детская к родителям погашаема, умолчу о том, что власть, от Бога поставленная, совсем отвержена, попрана и предана одному зверству,— скажу только, что необузданность жителей Франции до того простиралась, что они, отринув служение Богу, *воздвигли кумиры вольности,* и сие видно из того, какой храм они не осквернили, какой святыне не поругалися внутри нашего Отечества? Сии безверы, сии изверги природы, признаться к стыду нашему, были наши образцы и примеры, были те, которым мы низко раболепствовали и допускали над собою владычествовать; их нравы, обычаи, моды были собственными нашими,— *что всего бедственнее, дети наши, драгоценные залоги Отечества, напоевалися их гибельним воспитанием и учением, сии змеи, согреваемые чрез многое время в недре нашем, за любовь на нашу и, приверженность чем воздали?* Уязвили сердца наши — и коль болезненно!

О россияне! бывшие всегда в нравах постоянные, в любви к Отечеству неизменные! если не можете отвлечь от тесного общения сердец ваших с ними, по крайней мере исторгните из рук детей ваших от их учения, от их образования. Мудрость их довольно уже показала плоды. Пусть дети ваши не будут говорить красным языком, но зато не льстивым и не ядовитым, пусть они в телодвижениях и оборотах удивления не заслужат, но зато постоянны будут в вере, тверды в любви к Богу, Отечеству и государю. Сии добродетели поставят их превыше всех красивых умов, которыми изобилует Франция... но довольно о сем.

Россияне! если хощем воскресить златые времена в любезном Отечестве нашем, воскресим веру нашу и упование на Бога, соединим сердца наши единодушием и любовию, будем милосерды, яко же Отец небесный милосерд есть,— Бог поборет по нас,— князь Михаил, украшенный титулом светлости, светлейшими озарит знамениями побед.— Господи! исполни во благих желания наши. Аминь».

Для человека, близко знакомого с бытом дворянства в начале XIX в., действительно кажется труднообъяснимым тот наплыв религиозных и национальных чувств, который так ярко проявился в 1812 г. Уже не первое поколение дворянства воспитывалось в России иностранцами в духе не вольномыслия, как думает *о. Арсеньев*, потому что воспитателями большинство явились преимущественно французские эмигранты, сторонники старого режима, а в духе презрения ко всему русскому, особенно к простому, подневольному народу: гувернеры и гувернантки из отребьев французского общества, выброшенные волной революции, действительно отравляли умы и сердца русского юношества, разрушая в нем чистое патриархальное мировоззрение, а взамен давая обрывки знаний, а больше внушая дух всеосмеивания и презрения к окружающей «варварской жизни». Современники свидетельствуют в один голос и об упадке нравственности в дворянской среде и обьясняют это прискорбное явление так же, как и о. Арсеньев, влиянием французов-воспитателей. С этой точки зрения патриотическое «слово» имеет большое значение и указывает, что духовенство того времени понимало опасность, грозившую обществу от воспитания детей иноземцами-гувернерами того времени. 1812 год был кровавой купелью очищения русского патриотизма, но не спас общества от воспитания в духе презрения ко всему русскому, и плоды этого сказались позднее во многих критических моментах общественной и государственной жизни.

Вильно в 1812 году

Из воспоминаний генерал-адъютанта Наполеона I, графа Гогендорпа, военного генерал-губернатора Великого княжества Литовского, в 1812 году

Hogendorp était une de ces ruines graves et solennelles devant lesquelles on ne s'arrète que le front décou vert*.

Jacques Arago

Предисловие

Такими словами знаменитый французский путешественник Жак Араго** характеризует личность автора настоящих воспоминаний, бывшего литовского генерал-губернатора в 1812 г. и доблестного защитника Данцига, графа Гогендорпа, которого он встретил в Бразилии одиноким изгнанником, почти в нищете, незадолго до его смерти, удрученного нуждою и нравственными страданиями, сведшими его в могилу.

Генерал Дирк Ван-Гогендорп, воспитанник Берлинского кадетского корпуса и Кенигсбергской военной академии в эпоху Фридриха Великого, офицер прусских войск и Голландской Ост-Индской компании, впоследствии дипломат и военный министр Голландского королевства, генерал-адъютант Наполеона I и граф империи — родился в Голландии, в г. Хеенвлит, в 1761 г. Отец его, Христиан Ван-Гогендорп, потомок древнего дворянского рода, поселившегося в Нидерландах, был членом Роттердамского правления и депутатом от этой провинции в штатах. Будучи назначен голландским

* «Гогендорп напоминал собою одну из тех строгих, величавых развалин, перед которыми нельзя остановиться, не обнажив почтительно чела».

** Jacques Arago. Souvenirs d'un aveugle. Voyage autour du monde en 1817—1820. Paris, 1843. Жак Араго, брат знаменитого ученого, астронома Франсуа Араго, род. 1790 † 1855. *К. В.*

Виленский дворец в 1812 г.

резидентом на о-в Ява, он отдал своего сына в Берлинский кадетский корпус, по окончании которого молодой Гогендорп был определен самим *Фридрихом Великим* офицером в прусский полк генерала *Штейнвера*, квартировавший в Бартенштейне, близ Кенигсберга, где начал военную службу под руководством графа *Хенкеля фон Доннерсмарка*, героя Семилетней войны. В 1778 г., когда началась война с Австрией, полк Штейнвера отправлен был в Торн, Франкфурт-на-Одере и Дрезден, где прусские войска, под начальством принца Генриха, соединились с саксонцами. Кратковременная кампания эта, прошедшая почти исключительно в маршах и контрмаршах, закончилась Тешенским миром и хотя и не удовлетворила молодого Гогендорпа, мечтавшего о военной славе, но все же со своим полком ему пришлось получить боевое крещение в нескольких арьергардных делах. Вернувшись к месту своей стоянки, он вскоре попал в число офицеров, избранных к поступлению в Кенигсбергскую военную академию, где одновременно посещал университет и слушал лекции знаменитого *Канта* и экономиста *Крауса*. В 1782 г., вследствие юношеской дуэли, покинул службу и вернулся на родину в Голландию.

В это время Франция, союзница Голландии, находилась в войне с Англией и голландская эскадра, под начальством командира *Ван-Браама*, присоединилась к французской эскадре, которой командовал знаменитый Бальи де Сюффрен. Гогендорп вскоре получил назначение на должность помощ-

ника командира морской пехоты соединенных эскадр, отправившихся в Индию. По дороге в Индию, на мысе Доброй Надежды, Гогендорп встретился с бывшим своим сослуживцем по прусской армии, капитаном *Иорком*, служившим в швейцарском пехотном полку. Это был тот самый Иорк, который впоследствии, в 1812 г., командовал прусским вспомогательным корпусом в России, а затем прославился в войне 1813 г. и получил титул графа фон Вартенбурга.

Гогендорп пробыл 16 лет на востоке, на службе Голландской Ост-Индийской компании, и в 1799 г. вернулся на родину в самый разгар революционных войн, постепенно изменивших политическую карту Европы и превративших Голландию в Батавскую республику. Англо-русская экспедиция в Голландию потерпела поражение, но Англия захватила весь голландский флот, что было главною ее целью. С победами французов партия старого режима утеряла свое влияние, и многие голландские офицеры, в числе их и младший брат Гогендорпа, перешли на службу Англии. Сам же Гогендорп примкнул к национальной партии. В 1802 г. директория Батавской республики назначила его посланником в Петербург. В апреле 1802 г. Гогендорп отправился в Россию, получив от правительства поручение заручиться согласием императора Александра в пользу нейтралитета Батавской республики. По дороге он посетил герцога Мекленбург-Шверинского, где в замке Людвигслуст представлен супруге наследного принца Мекленбургского, Великой княгине Елене Павловне, сестре императора Александра. Последняя снабдила его письмами к императрице Марии Федоровне и великим княжнам, что в значительной степени способствовало милостивому приему, оказанному ему в Петербурге. Во время своего двухлетнего пребывания при русском дворе Гогендорп приобрел всеобщее уважение и сблизился со многими русскими государственными деятелями этой эпохи: графом П. К. Сухтеленом, графом Головкиным, Поццо-ди-Борго, графом Воронцовым, графом П. В. Толстым, камергером Н. П. Резановым*, о которых постоянно упоминает в своих

* Первым русским посланником, отправленным в Японию в 1803 г. на корабле «Надежда», под командою И. Ф. Крузенштерна, знаменитого впоследствии адмирала, совершившего в это время первое кругосветное плавание на русских военных судах. *К. В.*

записках. Император Александр настолько благоволил к Гогендорпу, что, когда в сентябре 1803 г. у него родился сын, государь пожелал быть его восприемником и лично присутствовал при крещении.

В 1805 г. Гогендорп отозван был в Голландию, которая в следующем году возведена была Наполеоном в королевство, причем королем сделан брат Наполеона, Людовик Бонапарт. Новый король, прибывший в Голландию в июне 1806 г., вызвал Гогендорпа, находившегося временно не у дел, и назначил его членом нового Государственного совета, а вскоре затем поручил ему портфель военного министра, который он сохранил до 1808 г., когда был произведен в генерал-лейтенанты и назначен посланником в Вену, а в следующем году членом Государственного совета, с званием министра.

Между тем политические обстоятельства быстро шли своим чередом. Ввиду обострившихся отношений между Наполеоном и его братом, королем Голландии, последний был вынужден подписать отречение, и, декретом императора французов, Голландия была присоединена к империи. В 1811 г. генерал Гогендорп, произведший на Наполеона прекрасное впечатление, был сделан генерал-адъютантом императора, который стал давать ему целый ряд поручений военного характера, причем он выполнял их с постоянным успехом.

Последняя его командировка была в Голландию, где он должен был представить отчет об обороне берегов и о состоянии фортификационных работ в Гельдере, после чего он был назначен в Кенигсберг на пост военного губернатора Восточной Пруссии, а вскоре после этого с открытием русской кампании — генерал-губернатором образованного Наполеоном Великого княжества Литовского.

Предлагаемые ниже главы его «Воспоминаний» относятся к 1812 г., к периоду 6-месячного его пребывания в Вильно, и впервые появляются в русском переводе. Устройство «временного литовского правительства», организация литовской армии, характеристика главнейших деятелей местной администрации, состояние Вильно в эпоху французского владычества, наконец, картины спешного выезда из города властей и отступления остатков Великой армии — таково содержание

этих «воспоминаний», приобретающих особенную ценность в глазах историка ввиду официального положения их автора.

В заключение несколько слов о дальнейшей судьбе Гогендорпа, трагически закончившего свое блестящее жизненное поприще и умершего изгнанником на чужбине. Получив, после отъезда Наполеона из армии, разрешение неаполитанского короля покинуть главную квартиру, Гогендорп отправился в Берлин, где имел несчастье потерять жену, скончавшуюся от скарлатины на третий день после его приезда. Удрученный горем, он поспешил выехать из этого города, связанного для него с тяжкими воспоминаниями, и прибыл в Париж, где был принят Наполеоном. Император предложил ему отдохнуть в ожидании новых поручений и крайне сердечно отнесся к постигшей его потере. Здесь он вскоре заболел и не мог сопутствовать императору в новой кампании и только после Люценского сражения тронулся в путь и настиг Наполеона в Дрездене, 19 мая 1813 г. Больной, с припадками подагры, он все время не сходил с коня и участвовал в Бауценском сражении. Вскоре после этого Гогендорп был назначен военным губернатором Бреславля и, наконец, на тот же пост в Гамбург, где и оставался до окончательной капитуляции этого города, после отречения Наполеона, и где ему пришлось служить под начальством сурового и невоздержанного маршала Даву, о котором он отзывается с нескрываемою горечью и с которым, до последнего времени, имел целый ряд столкновений.

В 1814 г. Гогендорп вернулся в Голландию и здесь вскоре напечатал опровержение против клеветнических нападок и статей, появившихся во французских и других газетах*, касающихся его деятельности во время осады Гамбурга. После Ста дней и Ватерлоо он пробыл еще некоторое время в Париже** и затем удалился в Бразилию, занимаясь сельскими работами, и скончался в бедности 29 октября 1822 г. Здесь увидел его Жак Араго и описал свой разговор с изгнанником

---

* Mémoire du général comte de Hogendorp, pour servir de réfutation aux calomnies répandues contre lui dans des Gazettes, des journaux et des Pamphlets pendant qu'il était Gouverneur de Hambourg lors du dernier blocus de cette place. Amsterdam, Paris, Hambourg. Bruxelles, 1814, in 8.

** Тут он издал брошюру под заглавием: Du systéme colonial de la France sous le rapport de la politique et du commarce. Paris, 1817.

в своем «Путешествии вокруг света», изданном в 1842 г. Умирая на о-ве Святой Елены, другой великий изгнанник вспомнил о нем в своем завещании, составленном 24 апреля 1821 г., в котором читаем: «Au général Hogendorp, Hollandais, mon aide de camp, réfugié au Brèsil,— cent mille francs»*.

Записки его и оправдательные документы изданы в Гааге под следующим заглавием: *Mémoires du général Dirk van Hogendorp, comte de l'Empire ect. Publies son petit-fils, le comte D. C. A. Van Hogendorp.* La Haye, 1887 (Martinus Nijhoff).

К. В.

I

Мое назначение генерал-губернатором Восточной Пруссии.— Приезд в Кенигсберг.— Иорк и Бюлов.— Маршал Даву.— Его характеристика.— Приезд Наполеона.— Миссия графа Нарбонна.— Неожиданное назначение генерал-губернатором Великого княжества Литовского.— Приезд в Вильно.— Генерал Жомини.— Его выходки.— Он отозван в главную квартиру

По окончании моей командировки в Голландию я прибыл в Париж в самый день отъезда императора в Дрезден. Зная, что Наполеон пробудет некоторое время в этом городе, я решил остаться на несколько дней в Париже, где в то время находилась моя жена. Затем я выехал прямо в Познань, куда прибыл за три дня до приезда главной квартиры. В Познани я представился императору и доложил ему рапорт о результатах моей командировки, который удостоился полного его одобрения. После этого я, в качестве генерал-адъютанта императора, начал службу при главной квартире.

Между тем, спустя несколько дней, князь Невшательский (Бертье) объявил мне, что император только что подписал приказ о моем назначении на должность генерал-губернатора Восточной Пруссии. Признаюсь, что известие это не особенно меня обрадовало, и я не без некоторого неудовольствия высказал это Бертье, прибавив, что я надеялся принять участие в предстоящей кампании, дабы заслужить хотя теперь, на поле сражения, крест Почетного легиона.

* «Генералу Гогендорпу, голландцу, моему генерал-адъютанту, эмигрировавшему в Бразилию,— сто тысяч франков» (Завещание Наполеона, § 6).

— Как? — спросил с удивлением Бертье,— да разве у вас еще нет этого креста? Почему же вы не просили императора?

— Потому что не в моих правилах,— отвечал я,— просить о награде, когда я только исполнял свой долг.

Бертье передал этот разговор Наполеону, который очень смеялся, узнав, что его генерал-адъютант не имеет ордена Почетного легиона.

В Торне император пригласил меня в свой кабинет и дал мне инструкции и личные указания относительно управления Восточной Пруссией. Он поручил мне наблюдать за движением войск через Пруссию и велел с особенной строгостью преследовать грабежи и насилия.

— Я сделал вас своим генерал-адъютантом,— сказал император,— чтобы придать большее значение и больший авторитет вашей должности. Я вам вполне доверяю. Вы хорошо знаете эту страну и пользуетесь в ней уважением. Ее надо щадить, ибо она много пострадала во время последней войны. Примите все меры, чтобы избежать дурного обращения с жителями и не допускать злоупотреблений.

Император тут же пожаловал мне орден Почетного легиона, разрешив надеть его немедленно, не дожидаясь грамоты и официального уведомления великого канцлера.

Из Торна я отправился сначала в Эльбинг, к князю *Экмюльскому* (Даву), который должен был назначить дивизию из своего корпуса для моего вступления в Кенигсберг*. В Кенигсберге нашел я двух старых своих знакомых: министра *Ауэрсвальда*, управлявшего гражданской частью, и военного губернатора, генерала *Иорка*, с которым я не видался с 1784 г., т. е. со времени моего отъезда с мыса Доброй Надежды**. Ауэрсвальд был моим товарищем по оружию и другом, когда я еще служил в прусской армии, в полку Штейнвера; с ним мы принимали участие в кампаниях 1778—1779 гг. и затем продолжали наше военное образование в Кенигсберге до 1782 г.

---

* Дивизия эта впоследствии вошла в состав 10-го корпуса Макдональда, действовавшего в Прибалтийском крае. *К. В.*

** Иорк, будучи молодым офицером, служил в войсках Голландской Ост-Индийской компании.

Генерал Иорк в это время сдал командование генералу *Бюлову*, а сам был назначен помощником генерала *Граверта,* командующего прусским вспомогательным корпусом, входившим в состав 10-го корпуса Великой армии, под начальством маршала Макдональда. За болезнью престарелого Граверта, Иорк вскоре был назначен на его место. Это был заклятый враг французов, и ненависть эту он впоследствии выказал своим образом действий в конце кампании 1812 г.*

Сделав мне визит, генерал Бюлов, в качестве военного губернатора Кенигсберга, только что назначенного королем, высказал мне удивление, что ему ничего неизвестно о моем назначении. Я отвечал ему, что нахожу вполне естественным желание императора Наполеона, находящегося во главе полумиллионной армии (в состав которой входят и прусские войска) — иметь свое военное управление в занятых им местностях; что со своей стороны я не думаю вовсе вмешиваться в гражданское управление страной и что в отношении военной дисциплины в прусских войсках, он, Бюлов, вправе делать все, что ему угодно. В заключение я просил его только не делать никаких передвижений войск, не уведомив меня об этом предварительно. На этом мы пришли к соглашению, и за все время моего пребывания к Кенигсберге наши добрые отношения ни разу не были нарушены.

Вскоре после меня в Кенигсберг прибыл маршал Даву, который, по своему обыкновению, стал вмешиваться во все, желал все знать и всем распоряжаться, причем благодаря своей резкости и невоздержанности восстановил против себя и прусские власти, и самих французов.

Однажды, в моем присутствии, он в таком неприличном тоне стал говорить с контр-адмиралом Бастом (Baste), употребляя при этом такие непристойные выражения, что я решительно не мог понять, как смел он говорить подобным образом с французским генералом и как последний допустил подобный тон. Будь я в его положении, я, не задумываясь, поставил бы его на место, что я и высказал тут же маршалу. Последний сурово посмотрел на меня... но не сказал ни сло-

---

* Автор, очевидно, намекает на заключении Иорком Таурагенской конвенции, подписанной им и Дибичем 18 (30) декабря 1812 г., в силу которой прусские войска отделились от корпуса Макдональда. *К. В.*

ва, вероятно, потому, что по своей должности я не был подчинен ему.

Вскоре Даву уехал, чтобы нагнать свой корпус, который был уже на марше.

Император прибыл в Кенигсберг из Данцига, где делал смотр войскам. В Кенигсберге Наполеон преимущественно занимался вопросом о продовольствии войск и предписал целый ряд мер по обеспечению движения транспортов, приходивших из Данцига. Все припасы, которые Пруссия доставляла для Великой армии, приходили через Прегель и канал Фридриха в Неман и подымались до Ковно, где император предполагал устроить главное продовольственное депо для всей армии. Из Ковно запасы могли быть доставляемы, хотя и с некоторым трудом, на плоскодонных судах, по небольшой реке Вилии, до Вильно. В Кенигсберге устроены были хлебопекарни для снабжения армии хлебом, а также учреждены военные госпитали, которые, согласно заключенной конвенции, были снабжены всем необходимым за счет прусского правительства. Распоряжения по всем этим мероприятиям возложены были на меня императором, который вскоре последовал за армией, делая по дороге смотры различным корпусам Великой армии.

Наполеон между тем отправил с письмом к русскому императору своего генерал-адъютанта, графа Нарбонна, который пробыл несколько дней в Вильно, главной квартире императора Александра. Он должен был сделать ряд предложений и представить род ультиматума, но совещание не привело к желаемым результатам, и предложения его были отклонены, так как война, по-видимому, уже была решена. Этот Нарбонн был военным министром при Людовике XVI, в начале революции. Старинный друг г-жи Сталь, он слыл за одного из самых умных людей во Франции и обладал особенным талантом в качестве остроумного и увлекательного собеседника. Нарбонн был десятью годами старше меня и вскоре после меня был назначен генерал-адъютантом императора.

Вскоре мы узнали, что Наполеон, со всей Великой армией, переправился через Неман близ Ковно и, не встретив сопротивления со стороны неприятеля, вступил в Вильно, где тотчас занялся организацией *Великого княжества Литовского*[1]. В то же время я получил совершенно неожидан-

ное для меня уведомление, что император назначил меня генерал-губернатором Литвы с приказанием немедленно отправиться к месту нового моего назначения, осмотрев, однако, предварительно все работы по укреплению г. *Тильзита* и *Мемеля*. Генерал граф *Луазон* сменил меня в *Кенигсберге*. Я отправился сначала в Тильзит, где заведовал работами полковник *Понтон* (Ponthon), а затем в Мемель, где работы производил инженер генерал *Кампредон*. Здесь я встретил генерала Иорка с частью прусского корпуса и продолжал мой путь к Вильно, проехав вдоль Немана до Ковно. В Ковно губернатором был генерал *Тарейр* (Tarayre), недавно вернувшийся на французскую службу. Я переночевал в его доме. Почтовые лошади были очень редки: вся дорога до Ковно сильно пострадала от движения громадной массы войск. Вся последующая дорога была покрыта отрядами, поспевавшими за своими корпусами. Я все время сильно торопился, но на последней станции, не доезжая Вильно, мне не удалось достать лошадей. Тогда я послал ординарца к бригадному генералу *Жомини*, занимавшему в это время должность губернатора Вильно и Виленской губернии. Между тем, благодаря счастливой случайности, удалось мне раздобыть лошадей, и когда я подъезжал к воротам Вильно, я встретил своего ординарца, который вел для меня артиллерийских лошадей. Он заявил, что, прибыв поздно ночью в Вильно, не мог добиться для меня лошадей, так как не решались разбудить генерала Жомини, который уже спал. Только утром дали ему лошадей и письмо ко мне от генерала. Это письмо или, вернее, наскоро нацарапанная скверным почерком записка, неприличная для подчиненного, писавшего к своему начальнику, содержала в себе неуместные извинения. Жомини писал, что не мог прислать мне своих собственных лошадей, так как *обещал их одной прелестной даме*. Между тем ожидал я при въезде в город получить какие-либо сведения об отведенном для меня помещении, но никто не появлялся. Тогда я велел везти себя к губернатору, которого нашел небрежно развалившимся на софе, в элегантно убранной комнате. Когда я довольно сухо спросил его, сделал ли он распоряжение об отводе мне помещения, он ответил, *что еще не подумал об этом,* затем призвал офицера, с которым стал советоваться, спрашивая его, где бы возможно найти мне квартиру. Тот назвал гости-

Генерал Жомини

ницу, и когда я прибыл туда, то был очень удивлен, найдя довольно скверный постоялый двор, принадлежавший каким-то немцам, братьям *Мюллер*, которые в свою очередь были, по-видимому, неприятно поражены этим постоем.

Я упоминаю об этих малоинтересных подробностях, чтобы дать понятие о пустоте и самоуверенности пресловутого генерала *Жомини*, который был о себе чрезвычайно высокого мнения благодаря написанной им книге по тактике, *тогда как на самом деле он не обладал необходимыми военными познаниями даже для командования батальоном*. За всю мою жизнь мне не пришлось видеть человека более самодовольного, самоуверенного, более ослепленного в своем честолюбии и в довершение всего еще запятнавшего свое имя самой гнусной и подлой изменой, когда-либо имевшей место в военных летописях*.

Когда на другой день ни губернатор, ни офицеры гарнизона не явились ко мне для представления, как того требовала моя должность генерал-губернатора и звание генерал-адъютанта императора, я вызвал к себе *Жомини*, поставил ему на вид неприличие его поведения и приказал ему явиться ко мне официально в течение дня. Он, по-видимому, смутился, пробормотал какие-то извинения и уверил меня, что исполнит в точности мое приказание.

Затем я отправился к герцогу *Бассано***, находившемуся в Вильно в качестве высшего административного лица, которому подчинена была учрежденная императором комиссия временного правительства Великого княжества Литовского. Герцог принял меня чрезвычайно любезно, но когда я сообщил ему о бестактном поведении Жомини, он видимо старался извинить его.

---

* Вероятно, намек на переход генерала в русскую службу в 1813 г.
** Маре, герцог Бассано, министр иностранных дел Наполеона.

Мне казалось, что намерение императора заключалось в том, чтобы министр стоял во главе гражданского управления Литвы, моя же роль должна была ограничиться военной частью, особенно по наблюдению за многочисленными корпусами, следовавшими с Великой армией; тем более что Наполеон учредил при комиссии временного литовского правительства еще и должность *императорского комиссара*, каковую поручил г-ну *Биньону**, тому самому, которого аббат *де Прадт* назвал «маленьким господином» (un petit monsieur) в своем эксцентрическом памфлете под заглавием «История посольства в Великом герцогстве Варшавском в 1812 г.».**

Вскоре я заметил, что приезд мой в Вильно, в качестве генерал-губернатора, многим пришелся не по вкусу, особенно генералу Жомини, который, будучи столь высокого мнения о своих достоинствах, не мог равнодушно допустить, чтобы такой обыкновенный человек, как я, мог быть его начальником. Тем не менее после того, как я поставил его на свое место и заставил признать мою власть, я полагал возможным смягчить свою первоначальную суровость и установить между нами отношения, приличествующие нашему взаимному служебному положению, особенно в отношениях внеслужебных. К сожалению, это не был человек, способный оценить выказанную по отношению к нему корректность, и своим последующим поведением он снова вынудил меня прибегнуть к строгости.

Находившийся в это время в Вильно инженерный генерал *Шамберлак* (Chamberlhac), по приказанию императора, занят был устройством *укрепленного лагеря*, в северной части города, по ту сторону реки Вилии. Не знаю, почему генерал *Жомини* вздумал написать ему письмо, переполненное самонадеянной болтовни, в котором он сообщал ему, что по зрелом размышлении, он, Жомини, решил укрепить город Вильно, на каковой предмет и поручает ему произвести соответствующие фортификационные работы.

---

* Биньон (baron Edouard Bignon), бывший представитель Наполеона в Варшаве.

** Аббат де Прадт. Histoire de l'Ambassade dans le Grand Duché de Varsovie en 1812. Par. Mr. de Pradt. Archevêque de Malines, alors Ambassadeur á Varsovie. Paris, 1815. In 8.

Возмущенный такой наглостью, генерал Шамберлак явился ко мне, чтобы сообщить об этом, как высшему в крае военному начальнику. Предложение Жомини было верхом бессмыслицы и прямо нелепо. Известно, что город Вильно расположен на южной стороне реки Вилии и со всех сторон окружен командующими над городом высотами, доходящими почти до стен города. В центре города имеется небольшой холм, значительно ниже окружающих высот, на вершине которого сохранились развалины старой постройки, носящей название *Ягеллоновой башни**. Эту-то башню Жомини и хотел укрепить, поставив на нее орудия. Вся остальная часть проекта была в том же роде. Я, конечно, вызвал Жомини и, коснувшись с некоторой иронией его плана укрепления Вильно, заметил ему, что он не имел никакого права отдавать такого рода приказания помимо меня, генерал-губернатора Литвы. И такой-то человек считал себя военным гением и, главное, сумел уверить в этом и других.

Как-то раз один из польских офицеров, человек буйного нрава и невоздержанный, позволил себе произвести буйство в городской ратуше, в помещении муниципальной комиссии, за то, что последняя отказала ему в отводе квартиры. На жалобу, заявленную мэром города и членами муниципалитета, генерал Жомини не обратил внимания и отказался взыскать с виновного. Депутация обратилась ко мне и заявила, что офицер не имел никакого права на квартиру и что во всяком случае он должен понести кару за то, что обнажил оружие, в присутственном месте, против местных правительственных лиц, при исполнении ими служебных обязанностей.

Удостоверившись в справедливости их жалобы, я послал к генералу Жомини письменное предложение немедленно арестовать этого офицера. Жомини позволил себе ответить мне, что он не изменит своего первоначального распоряжения и офицера не арестует. Возмущенный подобной наглостью, я тотчас же отправил к нему, через своего начальника штаба, приказание быть самому под домашним арестом. Затем я назначил временного губернатора для исполнения его должности, офицера же велел подвергнуть строгому аресту.

* Так называемая ныне «Замковая гора».

В тот же вечер был бал у одного из членов временного правительства, графа Тизенгаузена. Каково же было мое изумление, когда первое лицо, которое я встретил на балу, был *Жомини, спокойно беседовавший с герцогом Бассано*. Исполненный негодованием, я прямо подошел к генералу и спросил его, получен ли им приказ о домашнем его аресте? Он стал отделываться общими фразами и сказал, что явился сюда, чтобы дать мне личные объяснения по этому делу. Тогда я возвысил голос и категорически заявил ему, что если он немедленно не отправится под арест, то я велю вывести его под конвоем гренадер. Он тотчас ушел и на другой день написал письмо, полное самых унизительных извинений и умолял меня не доносить об этом императору, как я обещал ему это сделать. Я отвечал ему, что поступок его является слишком резким нарушением дисциплины, который я не вправе скрыть от императора, и что я уже отправил ему свой рапорт.

Жомини беспрекословно просидел под домашним арестом до тех пор, пока не прибыл ответ от начальника Главного штаба Великой армии. Ответ этот привез распоряжение Наполеона об отрешении Жомини от должности виленского губернатора, с назначением его состоять при Главном штабе армии.

II

Положение дел в Вильно.— Гогендорп назначен председателем комиссии временного правительства.— Герцог Бассано.— Князь Сапега.— Организация литовской армии.— Взятие Смоленска.— Маршал Виктор.— Дезертирство в баварском корпусе.— Генерал Вреде.— Пожар Москвы и отступление Великой армии.— Березинская переправа.— Положение дел в Вильно.— Гогендорп едет встречать императора.— Проход через Вильно остатков Великой армии.— Паника в городе.— Отъезд Мюрата и приказание очистить Вильно.— Приготовление к эвакуации.— Отступление.— Казаки.— Гогендорп едет в Кенигсберг

Члены временного литовского правительства отнеслись ко мне чрезвычайно холодно и, вероятно, были восстановлены против меня. Они не сделали мне визита, утверждая, что я должен был посетить их первый. Со своей стороны я со-

всем не вмешивался в дела их внутреннего управления, но считал необходимым обратить все свое внимание на военную часть, особенно на продовольствие и комплектование прибывавших и проходивших французских войск. Я считал это важнейшей своей обязанностью, зная, что император придает этому особенное значение. В этом поддержали меня и генералы *Рапп* и *Лористон*, проезжавшие через Вильно. Оба они были также генерал-адъютантами императора и старше меня. Они уверили меня, что в намерения императора, при назначении меня генерал-губернатором Литвы, вовсе не входило, чтобы я был подчинен кому бы то ни было в крае, и обещали о всех моих сомнениях переговорить с ним лично.

Между тем я действительно находился в крайне двусмысленном положении. Члены комиссии временного правительства Великого княжества Литовского, состоявшей из графа *Прозора*, графа *Яна Потоцкого*, князя *Сапеги* (камергера Наполеона), графа *Сераковского*, графа *Иельского* и какого-то профессора Виленского университета*, имени которого я не припомню, разделили между собой все управление Литвою, образовав отдельные *комитеты*, в которых они председательствовали, изображая из себя как бы министров.

Князь *Сапега*, который в молодости был военным, сделался военным министром и главнокомандующим литовской армией, долженствовавшей быть организованной согласно намерениям императора.

Действительно, было решено организовать армию в Великом княжестве Литовском, но, прибыв туда, я заметил, что мы взялись за дело не совсем так, как было нужно. Князь Сапега, как все бесхарактерные люди, окружил себя еще более слабыми сотрудниками. Комитет с самого начала допустил две ошибки, вполне достаточные, чтобы погубить все дело. Для того, чтобы найти людей, необходимых для полков, он устроил рекрутский набор согласно русскому закону, который состоит в том, что крупные землевладельцы поставляют известное количество людей, или, вернее, крепо-

---

* Это был профессор и ректор Виленского университета, известный астроном Ян Снядецкий. В качестве члена комиссии временного правительства он был назначен председателем комитета просвещения и духовных дел. (См.: Акты и документы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. I. С. 137//Сборник Имп. Рус. ист. о-ва. Т. CXXVIII). *К. В.*

стных, которых они выбирают из крестьян по своему собственному усмотрению. Эти меры только раздражали народ, не достигали желанного результата, так как помещики, естественно, сдавали худших из своих крепостных людей. Трудность разместить эти отбросы по полкам, которые старались передать их друг другу, создавали тысячи проволочек.

Вторая ошибка заключалась в том, что командирам полков была поручена административная и хозяйственная часть полка. Всего было 5 полков пехоты и 4 кавалерии. Командование над ними было поручено императором молодым польским магнатам, довольно богатым, уже служившим; им было предоставлено одевать солдат на собственный счет.

Обширность их имений могла бы дать им возможность справиться с этой задачей, но они, не получая возможности реализовать свои доходы, не имели ни денег, ни кредита. Кроме того, они ничего не понимали в военной администрации, так что было большой ошибкой поручить ее им. В стране же не было ни сукна, ни фабрик, и все нужно было выписывать из-за границы; евреи же, которые следовали за армией, чтобы получить подряды, и которые могли доставить польским магнатам все необходимое, отказывали им в какомлибо кредите. Что касается назначения офицеров на штабные должности, то князь *Сапега* посылал представление о них герцогу *Бассано*, чтобы последний представил их на одобрение императора. Я лично, считая этого министра уполномоченным Наполеоном для общего надзора за правительством, а *Биньона* по делам администрации, указал им, что императору желательно было бы поскорее видеть литовскую армию организованной и готовой к его услугам и что он наверное будет обманут в своих ожиданиях. Но оба они своими ответами дали понять мне, что это дело меня не касается и что своими замечаниями я до некоторой степени выражаю недоверие польским дворянам, вошедшим в состав комиссии, а также по адресу командиров полков.

В это время генералы *Рапп* и *Лористон* прибыли в армию и уведомили императора обо всем происходившем здесь. Я еще больше убедился в этом, получив от императора два письма из Смоленска, от 24 августа. В одном из них он извещал меня о моем назначении председателем комиссии временного литовского правительства и о возложении на

меня обязанности по организации литовской армии; в другом письме он жаловался на некоторые разговоры, которые, как ему писали, я вел, и на некоторые намерения, будто бы проявленные мною. На это я ответил, что я твердо уверен, как это было и в действительности, что, если бы он поверил ложным наговорам на меня, он не назначил бы меня в тот же день председателем комиссии, ввиду этого я не счел нужным оправдываться и делаю это только в силу обстоятельств, благодаря коим я достиг нового назначения и постараюсь быть достойным его доверия.

Герцогу *Бассано* было поручено ввести меня в должность председателя, и члены комиссии, столь же недовольные, как и удивленные, явились ко мне засвидетельствовать свое почтение в полном составе. Я был далек от мысли воспользоваться моим триумфом: более скромный, чем когда-либо, я старался никого не оскорбить.

Я сделал все, чтобы сохранить добрые отношения с герцогом *Бассано*, и достиг этого: никогда у нас не было никаких столкновений; мои отношения с членами комиссии и с г-ном *Биньоном* были таковы же. Я считал, что это — лучший способ служить императору; но князь *Сапега* был так недоволен тем, что я оказался старше его, что, под предлогом болезни, подал в отставку и был замещен в своей должности члена комиссии графом *Тизенгаузеном*, молодым местным помещиком.

На получаемое мною жалованье я не мог существовать в должности генерал-губернатора, не рискуя разориться. Император в этом отношении не дал ничего определенного. Я говорил по этому поводу с герцогом *Бассано* и высказался о необходимости получения добавочного содержания, если только император не пожелает, чтобы расходы по этому возмещались великим княжеством и городом Вильно; это-то обстоятельство и дало повод обвинить меня, хотя и несправедливо, в том, будто бы мною руководила корысть. Вскоре после этого император назначил мне определенное содержание, в размере 5000 франков в месяц. Пользуясь этим случаем, он установил, чтобы и на будущее время генерал-губернаторы получали определенное содержание, в размере 5000 франков, а губернаторы — в размере 2000 франков в

месяц; эти суммы предназначались на содержание стола и на различные расходы по представительству.

Между тем я, сколь возможно, деятельно занимался организацией нового войска. В начале сентября еще ничего не было готово: ни платья, ни вершка сукна в магазинах. Согласно моим представлениям, император прислал мне 500 000 франков, которые я тотчас же передал поставщикам-евреям, имевшим свои склады в Кенигсберге, Данциге и других городах, и они обязались поставить мне все необходимое в самый короткий срок.

В конце концов все пошло настолько быстро, что я решился доложить императору, что 1 января 1813 г. корпус литовской армии будет организован, обмундирован и готов нести службу, как только позволит время года[2]. Один молодой поляк, уже служивший раньше на военной службе, предложил мне набрать и снарядить на свой счет полк легкой кавалерии, если я пожелаю назначить его командиром. У него были наличные деньги для приведения в исполнение его предложения, которое я принял без колебаний. Ко мне являлось много татар, прося принять их на службу, под единственным условием образовать из них отдельный отряд. Они уже сражались в русской и прусской армиях, но там их смешивали с другими национальностями, чего они не желали. Многие из них, поселившись в Польше и Литве, пользовались большими привилегиями, причем все относились к ним как к дворянам. Ими часто пользовались для перевозки денег и ценных вещей (банковые операции еще малоизвестны в этой стране), и меня уверяли, что не было случая, чтобы татарин злоупотребил доверием, оказанным ему. Из них я организовал один эскадрон, обещая развить его в полк, если число их увеличится[3]. Император одобрил все эти намерения, сделавшиеся впоследствии, в силу печального хода событий, бесполезными. Для того, чтобы подобрать себе для будущих полков хороший состав офицеров, я прикомандировал к себе польского бригадного генерала, графа *Грабовского*. Начальником инженеров литовской армии я назначил старого князя *Гедройца*, а инспекторами — бригадных генералов *Вавржецкого* и *Немоевского*; первого инспектором кавалерии, а второго пехоты. Я взял себе еще в помощники польского капитана *Киркора*, очень смышленного офицера,

который оказал мне впоследствии много услуг. Князь *Гедройц* был истый военный, большой патриот, весьма преданный Франции; оба других генерала обладали всеми необходимыми для них сведениями. Словом, я мог бы похвалиться тем, что будущая литовская армия составит один из лучших корпусов Великой армии. Я все-таки думаю, что Наполеон сделал бы лучше, если бы, по прибытии своем в Вильно, уступил желаниям поляков и созвал всеобщее ополчение, которое представляет иррегулярную кавалерию, почти во всем похожую на казаков. Эта милиция, организованная в короткое время, могла бы сопровождать армию при ее движении в глубь России, и по крайней мере во время отступления была бы весьма полезна, действуя против казаков[4]. Говорят, что некоторые французские генералы отговаривали от этого плана императора, который, кстати сказать, благодаря своей привычке всюду стремиться к методическому порядку предпочитал организованное войско иррегулярным массам. В конце концов все-таки заметили ошибку и решили, хотя уже слишком поздно, созвать всеобщее ополчение.

Будучи еще в Кенигсберге, когда я получил приказ отправиться в Вильно, я решил, что путешествие моей жены, которая хотела ехать вслед за мною, будет затруднительным и неудобным, тем более что Наполеон не любил, и вполне справедливо, чтобы жены навещали своих мужей на войне. Я ей написал, чтобы она не выезжала, если она еще в Париже; но, к сожалению, мое письмо пришло в тот момент, когда она садилась в карету; ее страстное желание увидеться со мной взяло верх над теми соображениями, которые я ей приводил, чтобы она отказалась от путешествия. Она приехала в Вильно в августе месяце; наша взаимная радость была чрезвычайна. Виленские дамы оказали ей лестный и радушный прием; герцог *Бассано* с особенной любезностью поздравил меня с приездом жены, и я надеялся, что если война продолжится и император проведет зиму в Смоленске или даже в Вильно, как тогда предполагали, то жена моя могла бы также остаться эту зиму со мной.

Прежде чем оставить Париж, моя жена откланялась императрице Марии Луизе, которая ее очень любила и сказала ей, что завидует ее счастью повидать своего мужа. По-видимому, она упомянула об этом в одном из своих писем к им-

ператору, так как последний написал герцогу *Бассано*, что он с неудовольствием узнал о том, что жена моя последовала за мной и что ему желательно было бы, чтобы она вернулась во Францию; что он вообще не любит, чтобы жены приезжали в армию, в особенности жены лиц его свиты, ибо это могло бы послужить дурным примером для других. Моя жена вернулась в Кенигсберг, где ее задержало нездоровье. Замечательно, что император, хотя и писал за это время мне немало писем, поручил герцогу Бассано намекнуть мне об этом, и я пришел к убеждению, что это сам герцог известил императора о приезде моей жены.

После взятия Смоленска император решил продолжать кампанию и идти дальше на Москву. Легко осуждать «post factum» событие, которое, в случае удачи, превозносили бы до небес. Большинство историков говорят теперь, что они предвидели и даже предсказывали катастрофу. По крайней мере, насколько помню, я не слышал, чтобы кто-нибудь в это время выражал опасение по этому поводу. Я же признаюсь, хотя и беспокоился, предвидя опасность такого рискованного предприятия, но все-таки верил в гений Наполеона, в его обширные знания военного дела, в его опыт и счастье. Спустя некоторое время мы узнали о победе при Можайске и о вступлении французов в Москву.

Имея задачею направлять в Великую армию войска и ускорять движение отрядов, проходящих через Вильно (что мне особенно подтвердил император письмом от 9 сентября из Можайска), я старался исполнить его желания возможно скорее и энергичнее, и, конечно, он не имел оснований быть недовольным мной. Маршал герцог *Беллюнский* (Виктор) прибыл в сентябре с 9-м корпусом, численностью почти в 26 000 человек. Я предполагал, что он должен был отправиться в Полоцк, где находился маршал *Гувион Сен-Сир*, который во всех своих письмах усиленно просил меня о подкреплении, будучи тесним генералом графом *Витгенштейном*, армия которого увеличивалась с каждым днем. Но маршал *Виктор* продолжал настаивать на движении к Минску, чтобы соединиться с Великой армией, предполагая, что эта дорога короче, лучше и удобнее для продовольствия войск.

В то время как Великая армия двигалась к Витебску и Смоленску, маршал *Удино* со своим корпусом и корпусом *Сен-Сира*, состоявшим преимущественно из *баварских* полков, направился к Полоцку, взял этот город и водворился в нем.

Когда стоявший против него *Витгенштейн* почувствовал себя достаточно сильным, он напал на него и в середине августа одержал победу, причем в этом сражении маршал *Удино* был тяжело ранен. Вынужденный вернуться в Вильно для лечения, он передал командование генералу *Сен-Сиру*. Последний, благодаря удачному маневру, притворившись, что желает покинуть Полоцк, разбил в свою очередь генерала *Витгенштейна,* за каковую победу и получил маршальский жезл.

Между тем ввиду того, что его войско уменьшалось, а силы неприятеля все увеличивались в таком же размере, он не переставал писать мне, прося о подкреплении, и просил о помощи, что я бы и сделал, если бы не прибыл маршал *Виктор*, который по своему чину был старше и которому я не мог отсоветовать идти на Минск. Последствия были печальны. Маршал *Сен-Сир*, снова потерпевший поражение, принужден был уступить превосходным силам, отказаться от Полоцка и оставить, в свою очередь, командование, будучи также ранен.

Маршал Удино, хотя и не вполне еще выздоровел, поспешил занять его место; храбрый, как всегда, он вскоре опять был ранен, и тяжелее, чем в первый раз. С трудом он добрался до Вильно, так как близ одной деревни* был атакован казаками, из рук которых вряд ли бы вырвался, если бы не храбрость и ловкость его адъютантов. В г. Вильно он застал свою жену, которая приехала ухаживать за ним, узнав о его первой ране, и осталась там до отступления. Я старался оказать ей всякое содействие, дабы дать ей возможность уехать заблаговременно.

Я упоминал о дезертирстве баварцев: дело в том, что храбрый генерал *де Руа*[5], который командовал этим отрядом, под начальством маршала Сен-Сира, умер от ран, полученных в первом сражении под Полоцком**, и был заменен гене-

* При местечке Плещеницы. *К. В.*

** Баварские генералы Вреде[6] и Зибейн были похоронены рядом на Иезуитском кладбище, близ Полоцка. *К. В.*

ралом *Вреде*, который командовал кавалерией. С этого времени и началось дезертирство. Баварские солдаты, бросая свои знамена, сотнями приходили в Вильно, под предлогом болезни, и старались попасть в госпиталь. Я их допрашивал и приказал собрать на военном плацу, чтобы лично их осмотреть. Их было более тысячи человек, а согласно официальным рапортам французских военных врачей, не было и 100 человек действительно больных.

Возмущенный этим обманом, я сейчас же приказал им покинуть город и вернуться в свои части к Полоцку, в сопровождении одного офицера, тоже баварца, который был с ними; но вместо того, чтобы вернуться к своим знаменам, они рассеялись по деревням, грабя, разоряя и сжигая деревни. Почти все баварские солдаты дезертировали; таким образом, остались только одни офицеры, которые, в конце концов, и сами разошлись. Многие из них отправились в Вильно, чтобы там поселиться, но я запретил им вход в город, не признавая офицерских кадров без войск. Многие из дезертиров были захвачены грабящими деревни, которые они сами поджигали, и я их отправил в военный совет, осудивши некоторых из них на смерть. Наконец, генерал *Вреде* написал мне, чтобы потребовать их назад, думая, что он один имеет право на расправу с войсками своей нации. Я ответил ему просто, что не признаю другого авторитета в своих владениях, кроме своего. Он в свою очередь жаловался на то, что я не хотел принять баварских офицеров, и ответил мне в таком же духе, как и я ему.

Я упоминаю обо всех этих обстоятельствах, так как для меня уж в то время было ясно, что подобное дезертирство не могло быть без поблажки начальника или, пожалуй, даже подстрекательства. Генерал *Вреде* обязан был своим скорым повышением и своим счастьем покровительству императора, который даже даровал ему значительные поместья близ Зальцбурга. Несмотря на все это, он больше всех был способен предать императора и был впоследствии одним из его врагов; и я думаю, что уже с этого времени он начал свое дело измены и всеми возможными средствами старался ослабить французскую армию.

Представители держав, больше всего заинтересованных в исходе этой войны, генерал *Тресков*, представитель Авст-

рии, прусский посланник генерал *Круземарк* и некоторые другие приехали и с нетерпением ждали возможности представиться императору. Но герцог *Бассано* имел приказание задержать их в Вильно, где они и остались.

Сюда же прибыл и представитель Соединенных Штатов г-н Барло (Barlow) для заключения торгового договора. Это путешествие было для него роковым: он вскоре умер на обратном пути*.

Между тем холода стали усиливаться. Император все еще находился в Москве, где русские, в качестве ловких дипломатов, отвлекали его внимание, усыпляя обманчивыми надеждами на мирные переговоры.

Пожар Москвы, несмотря на все то, что о нем говорили, не был преднамеренным делом ни русских, ни французов, но явился следствием внезапного и совершенного ухода жителей из города, и не был бы таким пагубным и грандиозным, если бы не исключительное устройство города, наполовину азиатского и наполовину европейского. В то же время армия не могла зимовать в городе, да и запасы все истощились. Надо было решиться на отступление. Дорога в Вильно была уже занята казаками, или, вернее, вооруженными крестьянами на лошадях, которых называли казаками. Половина курьеров и путешественников, ехавших без конвоя, не возвращалась, и эстафеты постоянно перехватывались, что давало русским большие преимущества в расчете при движении отрядов.

Русский генерал *Винценгероде* был взят в плен, в Москве, и послан в Вильно под конвоем нескольких жандармов, и я получил приказ от князя Невшательского охранять его с большой осторожностью; но русские были так хорошо осведомлены обо всем, что казачий отряд его на дороге отбил**.

Наше положение в Вильно между тем становилось все более и более критическим. У нас были магазины, снабженные провизией, и обширные склады с амуницией — единственные запасы для Великой армии на случай ее отступления. Все это могло заставить неприятеля стараться захватить

---

* Он скончался и похоронен в Келецкой губернии, где до сих пор сохранился памятник на его могиле (Варшавский С. М.// Воен. журн. 1900. № 4. С. 381). *К. В.*

** Его освободил полковник Чернышев.

этот город, который не мог быть укреплен, как я говорил раньше, благодаря своему местоположению. Тем не менее я приказал баррикадировать места, где не было стен, а также концы улиц, чтобы помешать казакам проникнуть в город ночью.

Подкрепления для армии подходили все время: за 9-м корпусом, прибывшим в сентябре, пришли еще полубригады и батальоны, сформированные из солдат, вышедших из госпиталей или взятые из попутных гарнизонов. Согласно приказанию императора, все эти войска я направлял в армию до тех пор, пока не прекратилось сообщение и когда уж стало небезопасно отправлять небольшие отряды. Таким образом, я задержал дивизию генерала *Луазона*, которая прибыла в последние дни ноября, полк польских уланов и два неаполитанских конных полка, состоявших из волонтеров, прекрасно обмундированных; первый под командой герцога де ла Рокка Романа, обер-шталмейстера короля, а второй под командой другого неаполитанского князя, имени которого не помню. Всем этим полкам я произвел смотр, когда уже лежал снег.

Первые известия из армии мы получили благодаря одному молодому польскому дворянину, который вызвался доставить императору наши депеши. Он отправился в путь переодетый крестьянином, в дороге несколько раз встречал казаков, но не был узнан и благополучно избежал плена. Императора он встретил уже во время переправы через Березину и привез мне и герцогу Бассано ответы на наши донесения, сообщив подробности геройской переправы французских войск и славных боев с русскими, пытавшимися преградить путь нашей армии[7].

Я немедленно сделал необходимые распоряжения для принятия Великой армии или, вернее, ее остатков. Еще с первых дней по приезде моем в Вильно я велел расположить с северной стороны, по ту сторону р. Вилии, небольшой отряд в 3000 человек для защиты города, на случай нападения неприятеля, поручив этот отряд генералу барону *Кутару*. Эти аванпосты простирались до Двины, и если бы русские показались с этой стороны, я был бы предупрежден вовремя. Временное командование дивизией генерала *Луазона*, который еще не прибыл к своей части, я поручил дивизионному генералу *Гратьену* (Gratien)[8]; последний был ранен в армии

и находился на излечении в Вильно, теперь же уже выздоровел. Я приказал ему отправиться по Минской дороге в Ошмяны и расположиться там в ожидании Великой армии для прикрытия ее отступления. С юга город должен был защищать небольшой отряд, составленный из маршевых батальонов, под начальством генерала *Дальбиака* (d'Albiac), главным образом от нападений казаков, которые уже стали показываться в окрестностях в значительном числе. Полк польских улан и два полка неаполитанской кавалерии были поставлены в интервалах, где были еще не сожженные деревни, в виде аванпостов, для прикрытия отступления корпусов *Виктора* и *Удино*. Другой небольшой отряд из маршевых батальонов, под начальством бригадного генерала *Франчески* (Franceschi) я расположил влево от Минской дороги. Таким образом, все эти отряды образовали к северу, к западу и к югу от Вильно нечто вроде полукруга, в центре которого армия или, вернее, беглецы были защищены от нападений казаков и могли получить провиант и всякого рода припасы, которые я велел отправить им навстречу.

Польский генерал барон *Конопка* получил поручение сформировать в Варшаве уланский полк*, который состоял из молодых волонтеров, почти исключительно литовских и польских дворян. Полк этот был превосходно обмундирован и имел очень хороших лошадей. Генерал Конопка прибыл со своим полком к Слониму, к югу от Вильно, где находились его родные. Пробыв здесь несколько дней он, несмотря на предупреждение, подвергся внезапному нападению русских и едва имел время вскочить на лошадь, чтобы собрать своих людей. Он был взят в плен с большей частью своего полка, а жена его, молодая прекрасная итальянка, с большим трудом спаслась с сотнею улан, с которыми и прибыла в Вильно, ища убежища**.

Князь Шварценберг, командовавший австрийским вспомогательным корпусом, долженствовавшим действовать совместно с нами, вступил на Волынь, где вел довольно мирную войну с русскими. Когда последние заключили мир с Турцией и генерал Тормасов, освободившийся с этой сторо-

---

* Это был т. н. 3-й гвардейский (литовский) уланский полк.

** Подробности о пленении генерала Конопки сообщены в напечатанных выше «Записках И. К. Арнольди».

ны, обратился на австрийцев, корпус Шварценберга отступил в Польшу, перейдя Буг. Обстоятельство это сильно встревожило жителей Варшавы и нашего посланника, де Прадта, а также отразилось и в Вильно. Русский корпус, под начальством Чичагова, шел на Минск, чтобы отразить отступление Великой армии и преградить ей путь к Березине, мост через которую был сожжен у Борисова. Вследствие этого император должен был подняться вверх по реке и перебросить через нее два моста на лодках*. Впрочем, все эти подробности хорошо известны, так же, как и сражения, происходившие на обоих берегах Березины, после которых Наполеон продолжал свой путь на Вильно.

2 декабря 1812 г., в годовщину коронования императора и Аустерлицкой битвы, герцог Бассано дал еще большой обед, а я большой бал, на которых присутствовали иностранные представители и вся польская знать обоего пола и на которых царило самое непринужденное веселье. О настоящем положении вещей знали только герцог и я. Мы, конечно, не подавали никому вида о том, что нам известно.

На другой день (3 декабря) я получил приказ императора выехать ему навстречу. Я выехал немедленно, держа путь через Ошмяны на Сморгонь, при морозе в 27° по Фаренгейту. По дороге экипаж мой свалился в яму, а конвой из конных егерей, меня сопровождавших, сильно пострадал от мороза: половина людей осталось в пути, а лошади, плохо подкованные на гладких подковах, то и дело скользили и падали по замерзшему скользкому пути.

По мере приближения к Сморгони мне стали попадаться вереницы людей, шедших в Вильно. Это была беспорядочная смесь всех родов оружия, всех чинов, шедших без всякого строя, толпа людей мрачных, молчаливых, изредка вздыхавших, наталкивавшихся друг на друга. Многие из них внезапно падали навзничь, некоторые с трудом подымались на ноги, но большая часть оставалась лежать и умирала в конвульсивных движениях. Почти все побросали свое оружие и были в самых разнообразных костюмах: женских кофтах, шубах, пелеринах, большинство в рваных лохмотьях, не исключая и офицеров, и даже генералов, которые были не луч-

* Это неверно: оба моста через Березину, у Студянки, были построены на козлах, так как все понтонные лодки были еще в Орше.

ше одеты, чем простые солдаты. Субординация и дисциплина совершенно исчезли, и все сгорали лишь одним желанием — поскорее добраться до Вильно, к которому они стремились как к обетованной земле и где мечтали найти пищу, тепло и покой.

Чем ближе подъезжали мы к главной квартире, тем труднее было нам двигаться с моей каретой, среди толпы живых и множества умирающих и мертвых, лежавших на дороге. Наконец, к вечеру я прибыл к замку Bienieczka (?), миновал две сожженных деревни, которые еще дымились и в которых тщетно старались укрыться от холода полузамерзшие толпы беглецов.

Я был немедленно введен к императору, которого я застал сидевшим у хорошего камина, с двумя огарками на столе, в его обычном костюме. Он спросил меня о положении дел в Вильно и забросал тысячами вопросов, на которые я, как всегда, отвечал по совести, ничего не скрывая от него. Я доложил ему, что в Вильно было припасов на три месяца на сто тысяч человек, и в магазинах огромное количество предметов обмундирования, предназначенных для разных корпусов, преимущественно же для 1-го корпуса маршала Даву.

Император выслушал все эти подробности с большим вниманием, после чего я доложил ему о принятых мною военных мерах для прикрытия отступления главной армии. Он все это одобрил и особенно похвалил меня за то, чго я велел двинуть дивизию Луазона к Ошмянам. Выслушав весь мой доклад с большим вниманием и спокойствием, он также спокойно сказал: «*таким образом, все потеряно и придется теперь думать о других мероприятиях. Пойдите обедать к Дюроку; я сообщу вам после о моих намерениях*».

Стол Дюрока был весьма приличен благодаря полякам, доставлявшим, вследствие моих распоряжений, данных местным властям и помещикам, провиант на пути следования Великой армии. Вскоре император вызвал меня через герцога Виченцского (*Коленкура*), который вошел вместе со мной и оставался все время. Наполеон сообщил мне, что он решил покинуть армию и отправиться в Париж, причем спросил, могу ли я заготовить лошадей и конвой, которые ему необходимы до Ковно? Я просил императора дать мне несколько минут времени и посмотреть на карту, лежавшую на его столе.

Затем я справился о количестве лошадей, нужных ему, сделал подсчет и сообщил, что я доставлю конвой и лошадей для экипажей, но что для этого мне необходимо ехать немедленно обратно, дабы приготовить все по дороге. Откланявшись, я зашел по дороге к князю Невшательскому (Бертье) и сообщил ему о сделанных мною распоряжениях в Вильно, о размещении и продовольствии войск. Бертье все одобрил, хотя видимо был не в духе, усталый и больной.

Переговорив еще с герцогом Виченцским, я уже собирался уехать, когда ко мне подошел польский генерал *Сокольницкий*, состоявший в то время при императорской главной квартире и на обязанности которого лежала секретная переписка, шпионы и переводчики. Он спросил меня, куда я еду.

— В Вильно,— отвечал я.

— В таком случае вы попадете в плен, так как казаки войдут завтра в Ошмяны.

— Я это знаю,— возразил я,— но их встретят там пушечными и ружейными выстрелами.

Тем не менее я все-таки опасался, ибо казаки действительно всюду умеют проникнуть.

Прежде всего я направился к селениям, в которых были расположены польские уланы и два полка неаполитанской кавалерии, чтобы обеспечить конвой для императора. От Сморгони я поехал большой дорогой, чтобы заказать на всех почтовых станциях лошадей для императора, причем, для верности, оставил пикеты на каждой станции, поручив им наблюдать, чтобы лошадей никому не давали. По прибытии в Ошмяны я не застал еще дивизии Луазона, которая должна была уже здесь находиться, и остался, ожидая ее с с большим нетерпением, так как хотел дать лично генералу Гратьену несколько указаний по поводу путешествия императора. Наконец, в четвертом часу пополудни дивизия прибыла, и, переговорив с генералом Гратьеном, я тронулся в путь. Не успел я отъехать $^1/_2$ мили, как услышал сзади пушечные и ружейные выстрелы: то были казаки, напавшие на Ошмяны. Впрочем, они, вероятно, были сильно удивлены, встретив там серьезное сопротивление, так как вскоре должны были отступить с большими потерями.

В Вильно я прежде всего старался приготовить все к проезду императора до Ковно и для принятия жалких остатков

Великой армии. На улицах я велел наклеить на стенах объявление большими буквами, в котором указано было название монастыря для солдат каждого корпуса; они должны были направиться в соответствующий монастырь, где им будут заготовлены: суп, мясо, хлеб и помещение. В Вильно много больших монастырей, принадлежащих разным монашеским орденам. Я убедил монахов собраться в один монастырь, во избежание опасности, которая могла угрожать при проходе через город армии, и, таким образом, получил в распоряжение несколько обширных зданий, в которых держал наготове всевозможные запасы.

Вскоре прибыл император. Это было, если не ошибаюсь, 5 декабря. Герцог Виченцский посетил меня, чтоб переговорить о почтовых лошадях, так как император не вступил в город, а расположился в одном из предместий по Ковенскому тракту. Приготовив конвой и лошадей, я хотел явиться к Наполеону, но оказалось, что он уже уехал.

Во всех европейских и особенно английских газетах появились известия, будто Наполеон тайно покинул армию, переодетый, и для более поспешного бегства воспользовался санями. Это неверно. Он оставил армию лишь после того, как передал командование королю Неаполитанскому, которому оставил соответствующие инструкции.

Он ехал в карете, вместе с герцогом Виченцским; в другой карете находились Дюрок и граф Лобау*, с которыми следовали слуги.

Проезд императора вскоре сделался известным в Вильно и подал повод ко всеобщему бегству. Герцог *Бассано*, со своей концелярий, иностранные представители при Наполеоне, все члены временного литовского правительства, все местные власти, мэр города, большинство членов Виленского муниципалитета — все это исчезло в мгновение ока, как бы по волшебству, и с такой быстротой, что надо было удивляться, как им удалось достать достаточное количество лошадей, необходимых для дороги. Паника была всеобщая.

Король *Неаполитанский*, оставшийся во главе армии, тронулся с корпусами к Вильно. Старая гвардия, под начальством маршала *Лефевра*, герцога *Данцигского*, и часть мо-

* Генерал Мутон.

лодой гвардии, под командой герцога Тревизского (Мортье), были под знаменами и сохранили еще кое-какой порядок и дисциплину, пока находились в присутствии императора, импонировавшего своей личностью; но после отъезда Наполеона беспорядки начались и в этом корпусе, который вступил в Вильно еще в стройных колоннах.

Подойдя к Ошмянам, Мюрат велел дивизии Луазона очистить город, чтобы дать место главной квартире и гвардии; войска же этой дивизии должны были разместиться по ближайшим селениям, которые существовали только на картах, так как большинство было разграблено и сожжено; это распоряжение положило начало расстройству этой несчастной дивизии, состоявшей в значительной части из итальянцев и немцев. Вынужденные бродить по снегу, для отыскания себе крова, злополучные солдаты этой дивизии погибали в огромном количестве, причем половина людей погибла от голода, холода и лишений: из 10 000 человек этой дивизии не осталось в живых и 2000!

Между тем головы и части колонн Великой армии, т. е. те из несчастных, которые имели еще достаточно сил, чтобы опередить своих товарищей,— стали входить в Вильно. Тщетно старались обратить их внимание на вывешенные по улицам объявления, в которых указывались монастыри, предназначенные для соответствующих корпусов. Генералы, офицеры и солдаты силой врывались в первые попавшиеся дома, отыскивали наиболее теплые комнаты, в которых ложились, и требовали пищу. Более сильные вытесняли слабых; генералы и офицеры, сохранившие еще кое-какой авторитет над солдатами, при помощи последних доставали себе лучшие места. Если бы не каменные дома, город, несомненно, был бы сожжен, благодаря царившему беспорядку, и был бы окончательно разграблен, если бы у людей этих было более сил; но все они совершенно ослабли от усталости и лишений. А между тем жизненные припасы были в большом изобилии и раздавались без всяких затруднений, по первому требованию.

Я поехал навстречу неаполитанскому королю и князю Невшательскому, которые приближались к городу. Оба шли пешком ввиду сильного холода. Мюрат был в великолепной, богатой шубе, на голове у него была высокая меховая шапка,

которая еще более увеличивала его рост и высокую фигуру, рядом с которой маленький Бертье, закутанный в широкий плащ, представлял разительный контраст.

Неаполитанский король сказал, что во избежание давки в Вильно он приказал спешенной кавалерии направиться на Меречь и Олиту, где учреждено было кавалерийское депо ремонтных лошадей, заготовка которых была поручена генералу *Бурсье*. Но спешенные кавалеристы смешались с другими войсками и в общей толпе, при невероятной давке, вошли уже в город. Беспорядок и давка у городских ворот достигли таких размеров, что пришлось снарядить целый батальон с ружьями для поддержания порядка.

Войдя, наконец, в город, Мюрат и Бертье обратились ко мне за советом, какие необходимо было бы принять меры к водворению порядка. После обсуждения этого вопроса решено было созвать у начальника штаба всех находившихся в городе маршалов и генералов на совет, дабы совместно обсудить положение вещей. Но каким образом найти этих генералов, разместившихся в городе, в случайно занятых ими квартирах? Тем не менее я велел расклеить по улицам печатное объявление, в силу которого все находившиеся в городе маршалы и генералы приглашались на другой день, на совещание, к начальнику штаба Великой армии.

В Вильно в это время находились более 100 генералов и, несмотря на это, на заседание явилось не более десяти человек: такова была всеобщая деморализация умов в это плачевное время. Многие из генералов наотрез отказались исполнить приказание начальника штаба, несмотря на то, что приказания были им сообщены лично, через адъютантов князя Невшательского.

Многие знакомые мне генералы и офицеры, не нашедшие себе квартир, явились ко мне, и я разместил их в занимаемом мною обширном генерал-губернаторском доме. Генерал граф *Дюронель* (Durosnel), которого я давно знал и глубоко уважал, был доставлен в мой дом в тяжелом, почти бессознательном состоянии. Гвардейские жандармы, которыми он командовал, спасли его от смерти и везли все время в санях. Я отдал ему мою спальню, и он вскоре стал поправляться; во время эвакуации Вильно те же его жандармы снова спасли его и вывезли из города.

Все комнаты занимаемого мною дома были хорошо натоплены; я велел для бедных постелить солому, за недостатком кроватей, и выдавать им легкую пищу, давать вино — словом, весь мой дом обратился в военный лазарет, и я могу сказать по совести, что сделал все от меня зависящее для облегчения участи бедных и раненых офицеров французской армии, в числе которых было несколько моих соотечественников.

Неаполитанский король все время говорил о необходимости собрать войска, сорганизовать их и подготовить на случай нападения неприятеля, но, признаюсь, он мало сделал для приведения этого плана в исполнение. Видя его постоянные колебания и будучи уверен, что он, в конце концов, всетаки эвакуирует город, я просил его только уведомить меня своевременно на случай, если он примет какое-нибудь решение, дабы иметь время спасти казначейство, оставшуюся артиллерию и уничтожить все, что нельзя будет взять с собой, а также сжечь арсенал и магазины. Он обещал мне это еще 9 декабря, в 4 часа пополудни, когда я был у него. Затем он сказал: «Я и не думаю даже эвакуировать город и буду драться в случае нападения, ибо у нас еще много людей» и т. п.

Выходя из русского генерал-губернаторского дома, где он помещался, я встретил баварского генерала *Вреде*, который казался очень расстроенным.— «Все погибло! — громко говорил он,— надо спасаться: русские подходят к городу, и я уже дрался с ними!» — Я сказал ему, что такая тревога ни к чему не приведет; что если и появились казаки, то регулярные их войска еще не могут быть близко. Тем не менее он ничего не хотел слушать и уверял, что сам видел русских драгун и пехоту. Он прибыл из Вилейки с остатками баварского корпуса, сведенного к нескольким сотням кавалеристов*. Сюда же прибыл и герцог *Беллюнский* (Виктор) с остатками 9-го корпуса и 2-го корпуса герцога *Реджио* (Удино), в которых насчитывалось всего несколько сот человек.

Тревога, поднятая генералом *Вреде*, быстро распространилась по городу. Я встретил на улице маршала *Лефевра*, который спросил меня, что я думаю предпринять. Я ответил, что я не могу здесь распоряжаться и что за указаниями сле-

---

* То же самое говорит о генерале Вреде и Хлаповский в своих воспоминаниях (см. с. 89).

дует обратиться к королю Неаполитанскому и князю Невшательскому. Вскоре один из моих адъютантов сообщил мне, что после краткой беседы с генералом Вреде Мюрат сел на лошадь и, в сопровождении князя Невшательского, выехал из города, через малые ворота, неподалеку от Ковенских ворот.

Тогда исчезли все мои сомнения, и я приготовил все, чтобы эвакуировать город на другой день, с возможным спокойствием и порядком. Была уже ночь, и все мои заботы направлены были к спасению казны, весьма значительной. Около полуночи получил я письмо от князя Невшательского, который уведомлял меня об отьезде неаполитанского короля с Главным штабом, и дал мне формальное предписание эвакуировать город. Я сначала отправился к маршалу Нею, командовавшему арьергардом и которому поручено было прикрывать отступление Великой армии. Переговорив с ним, узнал я, что маршал Удино и генерал граф Фриан также выехали. Храбрый польский генерал Заиончек, потерявший недавно ногу, писал мне ночью, прося меня, на случай заключения капитуляции, включить в нее и его. У меня не было ни случая, ни возможности заключить капитуляцию, но *генерал не мог найти лучшей охраны, чем человеколюбие императора Александра, благородное великодушие которого распространилось на всех поляков, не исключая и тех, которые сражались против него с особенным усердием. Сам генерал Заиончек являл собой самый наглядный тому пример.*

В течение всей ночи, которую я провел в приготовлениях к эвакуации, казаки постоянно появлялись вокруг города. Они даже вторглись в предместья и напали на военный госпиталь, который разграбили беспощадно. Около 8 часов утра, когда едва еще рассветало, мне сообщили, что казаки уже проникли в город и что с минуты на минуту надо ожидать их нападения. Их гиканье уже слышно было на большой городской площади. Надо было торопиться. Я сел на лошадь и отправился к арсеналу (который я приказал взорвать генералу Эбле), чтобы убедиться, исполнено ли мое приказание. Прибыв к арсеналу, я нашел только отряд артиллерии под начальством офицера, который сообщил мне, что просидел всю ночь в ожидании генерала Эбле, но что до сих пор его нет.

Между тем надо было покидать город. Все направились к Ковенским воротам, которые все более и более загромождались и проезд через них сделался почти невозможным. Тогда я направился со своими адъютантами к воротам, расположенным близ реки, сделав значительный объезд по улицам, мне хорошо известным.

Выехав на Ковенскую дорогу, я хотел дождаться маршала Нея с его арьергардом, чтобы совершить путь вместе. Но польский капитан *Киркор*, находившийся при мне, обратил мое внимание на отряд казаков, шедший по направлению к нам. Вдали между тем уже слышны были ружейные выстрелы арьергарда, завязавшего дело с казаками и старавшегося защитить всех, кто только мог покинуть город. Беглецы настигали нас беспорядочными толпами. Тогда я принял быстрое решение. Остановив бежавшую толпу, я старался объяснить им, что отступление разбросанными кучками, в их положении, крайне опасно и что благоразумие повелевает нам соединиться в одну общую колонну, могущую противостоять неприятелю. Заметив тут же батальонного командира императорской гвардии, знакомого мне голландца, по фамилии *Дюринг*, я предложил ему собрать офицеров и солдат всех наций и составить из них батальон для отражения казаков. Таким образом, нам удалось собрать отдельных беглецов, составить из них отряды, во главе которых стали офицеры, и менее чем в $^1/_2$ часа у нас образовался небольшой батальон от 400 до 500 человек, с которым мы и тронулись на неприятеля. Казаки отступили, рассеявшись, по их обычаю, в разные стороны, ограничившись несколькими ружейными залпами и двумя выстрелами из небольшой пушки, которую везли на санях.

Вскоре к нам присоединился и маршал *Ней* с арьергардом, состоявшим из остатков дивизии *Луазона*, вернувшейся недавно в Вильно, и нескольких маршевых батальонов и одиночных солдат. Генерал *Вреде* следовал со своим штабом и остатками баварской кавалерии. Это и был «арьергард Великой армии», слабый численностью, но под начальством такого человека, как Ней, все еще страшный врагам.

Так как лежащая перед нами дорога была еще свободна от неприятеля, я поспешно тронулся в путь, дабы скорее догнать короля Неаполитанского и главную квартиру армии. Но в 3—4 милях от Вильно нас ожидала новая опасность. По

дороге из Ковно в Вильно есть дефиле, идущее через высокую, довольно отвесную гору, по левой стороне реки Вилии, протекающей у подошвы горы*.

Накануне вечером, выехав из Вильно, я взял свою карету и двое саней с лошадьми, данными мне одним польским полковником. В санях находился весь мой багаж под охраной нескольких доверенных слуг. Подъехав к горе, я увидел, что сани мои исчезли, но карета была здесь. Несмотря на все усилия, лошади не могли подняться в гору, скользили и падали по замерзшей дороге. Снег и лед сделали дорогу до того скользкой, что артиллерия, повозки и весь обоз столпились у этого места и загородили проезд. В это время ко мне подошел капитан *Киркор* и указал на небольшую окольную тропинку, по которой можно было спуститься к реке, переехать через замерзшую уже Вилию, и таким образом, обогнув неприступную гору, выехать снова на большую дорогу. Шесть дюжих лошадей, впряженных в карету, переехали через реку и благополучно вывезли нас на дорогу.

Поздно вечером прибыли мы, наконец, в *Евье*, в главную квартиру, где я застал неаполитанского короля и князя Невшательского, сидящих в полуразрушенной избе на стоге сена. Почти все дома местечка были сожжены. Король и Бертье казались очень удивленными, увидев меня, так как думали, что я уже взят в плен. Они боялись даже за судьбу маршала Нея, основываясь на преувеличенных опасениях, высказанных накануне в Вильно генералом Вреде; благодаря ему и состоялся столь быстрый отъезд Мюрата и главной квартиры, отъезд, похожий скорее на поспешное бегство.

В соседней избе находился штаб Мюрата, и тут я встретил и Государственного секретаря, графа *Дарю*, генерал-интенданта Великой армии. Он потерял свою карету у Понар и добрался сюда пешком. Я предложил ему место в моей карете, и на рассвете мы выехали в дальнейший путь, желая опередить беспорядочную толпу, следовавшую за главной квартирой. Тем не менее мы скоро настигли новую колонну беглецов и волей-неволей должны были ехать шагом. К вечеру мы прибыли в Румшишки, небольшое местечко, также разоренное и почти дотла выжженное, как и другие. Мы не зна-

* Это так называемые Понары, или Понарские высоты, близ Вильно. *К. В.*

ли, где остановиться для отдыха, когда увидели довольно большой дом, окна которого были освещены. Оказалось, что здесь был штаб генерала Себастиани, которому каким-то чудом удалось сохранить весь свой обоз и экипажи. Здесь мы получили добрый ужин, на который совсем не рассчитывали, и провели ночь на сухой соломе. На другой день, около полудня, достигли мы Ковно, где польский подпрефект сохранил для меня свой дом, в котором я и остановился. Здесь пришлось починить карету, причем перед самым домом подпрефекта украли одну из моих упряжных лошадей, потеря которой в нашем положении была очень тяжела.

Так как мое Литовское генерал-губернаторство уже находилось во власти русских, то я считал теперь возможным отправиться в Кенигсберг, где находилась моя жена, о чем и просил разрешения неаполитанского короля, по его прибытии в Ковно.

К удивлению моему, Мюрат сказал мне, что он думает удержаться в Ковно, где имеется несколько укреплений; он хочет принять здесь бой, для защиты переправы через Неман, и я ему буду нужен. Город Ковно был достаточно хорошо снабжен продовольствием, и в нем было немало провиантских магазинов, которые еще не были разграблены.

Отступление Великой армии через Вильно, в декабре 1812 г.
(С акварели Дамеля, находящейся в музее Любомирских, во Львове)

Итак, я уже решил остаться, в ожидании дальнейших событий, когда вечером мне сообщили, что неаполитанский король готовится к отъезду; в то же время я узнал, что в городе начался пожар, неподалеку от дома, в котором я стоял. Я велел оседлать лошадь и поехал через мост, по которому уже двигалась густая толпа, направлявшаяся на противоположную сторону реки. Тщетно искал я глазами свою карету, которую послал вперед, по направлению к Кенигсбергу. Туда вели две дороги: одна шла направо к Тильзиту, другая влево, на которой находилось еще дефиле. Я избрал последнюю и с большим трудом проехал через дефиле, загроможденное пушками, повозками и людьми. Я ехал теперь один, ибо спутник мой, граф Дарю, нашел в Ковно крытые сани, в которых продолжал свой путь с главной квартирой.

На следующий день я прибыл в Вилкавишкис, где командовал генерал *Ведель*, оказавший мне гостеприимство, и где я, впервые после Вильно, мог отдохнуть как следует. Здесь дождался я неаполитанского короля, который снова хотел удержать меня, но я упросил его отпустить меня в Кенигсберг, откуда хотел поскорее отправить жену, опасаясь, чтобы ее не застигли остатки Великой армии, отступавшие в полном беспорядке. В Кенигсберг я прибыл на санях, вместе с генералом Веделем, и застал жену в болезненном состоянии после неудачных родов. Тем не менее я уговорил ее отправиться в Данциг, откуда благодаря заботливости генерала Раппа, с которым я был в самых дружеских отношениях, она без особых хлопот выехала в Берлин. Я же сам остался в Кенигсберге в ожидании приезда неаполитанского короля.

Из воспоминаний генерала Годара, бывшего французского военного губернатора в Вильно в 1812 году*

В полдень 18 сентября 1812 г. я прибыл в Вильно.

Здесь получил я известие, что я должен ехать дальше и нагнать главную армию, которая в это время должна была вступить в Москву. Но усталость после продолжительного пути и опухоль на ноге принудили меня слечь; в то же время просил я маршала *Бертье*, как начальника Главного штаба армии, оставить меня на службе в одной из провинций, занятых Великой армией. Просьбу мою поддержал литовский генерал-губернатор граф *Гогендорп* (comte Dirk van Hogendorp), прошение было послано в Москву, и через две недели состоялось мое назначение.

Я получил приказ начальника Главного штаба вступить в управление городом Вильно и Виленской провинцией, в качестве губернатора.

В первых числах октября я вступил в исполнение своих обязанностей**.

Французское управление в Вильно состояло из следующих лиц и учреждений:

1. *Маре*, герцог *Бассано* — французский императорский министр иностранных дел, исполнявший обязанности вице-короля Литовских провинций, в качестве высшего административного лица.

2. *Временное правительство Великого княжества Литовского* (Commission provisoire du Gouvernement du Grand Duché de Lithuanie).

3. *Председатель комиссии временного правительства* Великого княжества Литовского, генерал-губернатор Литвы, генерал граф Гогендорп.

---

* Записки генерала Годара, как ближайшего помощника генерала Гогендорпа в управлении Вильно в 1812 г., служат как бы дополнением к воспоминаниям Гогендорпа и дают также немало интересных сведений, характерных для бытовой истории Вильно в эпоху занятия ее неприятелем. (Mémoires du général baron Roch-Godart (1792—1815). Publiés par J. B. Antoine. Paris. (E. Flammarion).

** Из послужного списка генерала Годара видно, что он назначен на эту должность, приказом от 4 октября (н. ст.) 1812 г., на место бригадного генерала, барона Жомини.

4. *Помощник председателя,* императорский прокурор, барон Биньон (Procureur Impérial ou Commissaire du Gouvernement).

5. *Губернатор города и провинции Вильно*, генерал барон Рох-Годар.

Великое княжество Литовское подразделялось на четыре провинции (или департамента): *Виленскую, Белостокскую, Гродненскую и Минскую.*

Для восстановления порядка и устройства полиции в таком значительном центре, как Вильно, пришлось много поработать. Здесь было 16 госпиталей, 4 главных депо (Dépôts généraux) для большинства полков армии; малые депо для 40 разных полков всех родов оружия. Кроме того, через Вильно постоянно проходили войска и учреждались запасные магазины и склады для армии. Под моим начальством состояло 11 плац-комендантов (Commandants de place), с которыми велась обширная переписка и которым надо было давать указания и инструкции. Мне приходилось также постоянно сноситься с местными гражданскими властями и всеми французскими административными учреждениями. Генерал-губернатору я ежедневно посылал рапорты, а также доносил и герцогу Бассано. Кроме того, каждые две недели я отправлял рапорт начальнику штаба Великой армии.

Для выполнения всех этих обязанностей надо было учредить соответствующие канцелярии, что вызывало естественно усиленную деятельность. Зато через две недели постепенно водворился порядок, полиция была правильно организована и продовольствие для войск обеспечено.

Несмотря на все мои требования, в большинстве госпиталей все же не было почти вовсе перевязочных средств и чувствовался большой недостаток в медикаментах.

Почти ежедневно в Вильно раздавалось до 30 000 рационов хлеба, мяса и напитков.

В начале ноября городу стал угрожать корпус русской Дунайской армии, возвращавшейся из Молдавии и Валахии, в числе 55 000 человек, под начальством адмирала Чичагова.

Войска эти овладели уже Слонимом, уничтожили и рассеяли один из лучших легко-конных полков, составленных из молодых литовских дворян. Полк этот, атакованный 3 ноября 1812 г., близ Слонима, двумя полками русской легкой ка-

валерии*, в час времени был почти совершенно уничтожен. Из всего полка спаслось около 120 человек**. Этот полк был организован генералом Конопкой в Варшаве***.

Около этого времени 2-й корпус (Удино) понес сильные потери под Полоцком и после 4-дневного боя должен был покинуть этот город и отступить. Таким образом, Вильно был открыт неприятелю с правого и левого фланга. Чтобы защитить город, я предложил генерал-губернатору укрепить все предместья и улицы, на что он изъявил согласие. В несколько дней работа была закончена, и на главных дорогах, по которым мог появиться неприятель, были расставлены патрули и кавалерийские разъезды.

В Вильно в это время находилось всего 4 польских пехотных полка, состоявшие из необмундированных и невооруженных рекрутов. Пришлось забрать все, что было возможно, в госпиталях и магазинах, и в течение 24 часов все были более или менее одеты и вооружены. В это время прибыли в Вильно из Пруссии несколько временных полков (régiments provisoires) и два полка неаполитанской кавалерии: 1) королевской гвардии (Garde Royale) и 2) почетной гвардии (Garde d'honneur) числом в 1200 всадников. Все эти войска стали на биваках за городом.

О печальном отступлении Великой армии из Москвы мы уже догадывались, так как все дороги были захвачены неприятелем и мороз, в середине ноября, доходил до 20—25°.

С одной стороны русский корпус, шедший из Турции, успел, несмотря на армию Шварценберга, захватить важную позицию между Смоленском и Вильно — г. Минск и преградить таким образом отступление нашей армии по большой дороге; с другой — 2-й корпус Удино, отступивший из Полоцка, бросился к Березине, куда в беспорядке стали прибы-

---

* То был отряд генерала Чаплица, состоявший из Павлоградского гусарского и двух казачьих полков (Дячкина и Поздеева). Сам Конопка взят в плен. *К. В.*

** Сведения эти совершенно сходятся с показаниями русского участника и очевидца истребления полка Конопки, И. К. Арнольди. *К. В.*

*** Полк Конопки сформирован в Вильно, в Варшаву же отправлен был для завершения своего обмундирования. Он состоял почти исключительно из уроженцев Литвы — молодых дворян и студентов Виленского университета.

вать остатки корпусов Великой армии, шедшей из Москвы, и где их окружил неприятель.

За несколько дней до этого нам удалось собрать в Вильно до 12 000 пехоты и 2000 кавалерии. Разделив их на две бригады, одну из них мы отправили к Сморгони (по большой дороге из Вильно в Минск), а другую к Долгинову, чтобы поддержать 2-й корпус и облегчить ему переправу через Березину.

В конце ноября в город прибыла 34-я дивизия*, состоявшая из 12 батальонов пехоты. В ней было от 10 000 до 12 000 человек немцев и итальянцев и один эскадрон Вюрцбургского легко-конного полка. Это подкрепление, вместе с имевшимися у нас войсками, сделало этот пункт более надежным и дало мне возможность использовать 4 польских полка, распределив их следующим образом:

Один полк в Лиде для поддержания связи с генералом Ренье, который соединился со Шварценбергом.

Другой в Воронове**, третий в *Рудзишках* для сообщений с Гродно и четвертый в *Свенцянах* для коммуникации с Динабургом, где стояла французская дивизия.

В *Мерече* было учреждено большое депо легкой кавалерии для излечения больных и раненых лошадей. В *Троках* были сосредоточены остатки 3-го гвардейского легко-конного полка Конопки. В *Самогитии* находились вновь сформированные 7 кавалерийских полков. Внутреннюю службу в Вильно несли около 1500 кирасир и спешенных конно-карабинеров.

Распределение всех этих войск подняло несколько дух и настроение общества, сильно потрясенного известиями о неудачах, постигших армию, после отступления из Москвы. Главные представители знатнейших литовских родов были на стороне французов и исполняли различные должности в учрежденном Наполеоном литовском управлении.

Почти все они являлись ко мне за советами и указаниями и намекали на бедствия, которые вскоре должны были обрушиться на страну. Я утешал и успокаивал их насколько мог и, конечно, не мог предвидеть, что через 10 дней фран-

---

* Дивизия Луазона, 9-го корпуса Ожеро, состоявшая из 10, 11, 12 и 13-го временных полков.

** В тексте стоит: à Voronov — по-видимому, ошибочно.

цузской армии уже не будет существовать на их территории.

Был конец ноября. Виленское управление становилось тяжелой обузой. В госпиталях недоставало необходимых предметов; люди умирали в огромном количестве в госпиталях и эвакуционных пунктах, без всякой медицинской помощи. Во всех отраслях администрации злоупотребления достигли ужасающих размеров, и город постепенно наполнялся беглецами, стекавшимися в Вильно с разных сторон. Город сделался настоящим лабиринтом. Тем не менее я не терял мужества, и хотя я сам заболел в начале декабря, но заставил себя сесть на лошадь и старался по возможности быть всюду лично. Дела было столько, что канцелярия моя работала беспрерывно.

Между тем в съестных припасах и провианте стал ощущаться сильный недостаток. Мне удалось, однако, ускорить поступление зерна в магазины и устроить склады для продовольствия 12 000 человек в течение 36 дней, разослав польские отряды по всей Виленской провинции. Это временное продовольствие имело бы важное значение, если бы отступление Великой армии могло закончиться в Вильно. К сожалению, случилось иначе.

С 4 и 5 декабря положение наше становилось все более и более критическим: всюду распространилось уныние, а затем и паника при известии об отступлении Великой армии и переживаемых войсками бедствиях. Все уже предвидели ясно ужасные последствия этого отступления, надежда на успех окончательно была потеряна, и все иллюзии сразу исчезли.

5 декабря герцог *Бассано* уведомил меня, что к Вильно приближается толпа в 20 000 беглецов: отсталых, голодных и замерзших, которые собираются, по слухам, разграбить город и хлебные магазины. Начиная от Смоленска, всюду, где они проходили, города и селения были разграблены и сожжены, и теперь они угрожали тем же и Вильно. Ввиду этих обстоятельств необходимо было принять самые быстрые и решительные меры, не только к предупреждению грабежа, но и, по мере возможности, избегнуть беспорядков. Я указал мэру города и полицейскому комиссару на опасность, которая угрожает Вильно, если жители не будут готовы принести некоторые жертвы. Мы согласились на том, что все горожане изготовят хлебы и предоставят их нуждающимся солдатам; затем неко-

торые горожане отправятся вместе с несколькими офицерами на Минскую дорогу навстречу беглецам и уговорят их спокойно вступить в город, где они найдут провиант и одежду.

Между тем волнение и беспорядок в городе все увеличивались: отдельные представители власти требовали почтовых лошадей, желая удалиться из города. Начиная с 6 декабря каждый стал думать только о себе. В этот же день, в 7 часов утра, сюда прибыл император, под именем своего великого конюшего Коленкура. У меня немедленно потребовали 27 почтовых лошадей, которых мне, к счастью, удалось найти. С большим трудом, среди множества кавалеристов, наполнявших город, составил я конвой из 60 всадников для императорских карет и повозок. В тот же день выехали из Вильно и посланники иностранных держав*. Почтовых лошадей уже не хватило, так как большинство из них были больны или изнурены.

Начиная с 7 декабря мороз достиг до 27—30° Реомюра. 8 декабря в город начали входить военные отряды; все они шли беспорядочными партиями, безоружные, в лохмотьях и самых причудливых головных уборах, стараясь лишь защитить себя от мороза. Офицеры всех рангов, генералы шли пешком, закутанные в шубы и полузамерзшие. Все были голодны и прежде всего устремлялись в первые попавшиеся дома, чтобы обогреться от стужи и подкрепить упавшие силы пищей и сном. Я был счастлив, что имел возможность приютить в своем помещении значительное число этих несчастных и разделить с ними все, что имел, в течение трех последних дней нашего пребывания в Вильно. Комнаты мои были полны народом, и дом мой имел вид настоящих казарм.

Тщетно *вывешены были на улицах объявления*, напечатанные крупными буквами, с указанием, что для солдат каждого корпуса отведен особый монастырь, где они могут получить горячий суп, хлеб, мясо и теплое помещение. Чиновники администрации тщетно требовали квитанций за выданный провиант и одежду: под натиском беспорядочной толпы провиант был разграблен первыми попавшимися.

Многие из них продолжали свой путь по Ковенской дороге, остановившись здесь лишь для краткого отдыха. Все

---

* Представитель Австрии — генерал *Трешко* (v. Treschkow); Пруссии — генерал *фон Круземарк* и Америки — г-н *Барло*.

польские семьи покинули город и отправились в Варшаву или Кенигсберг. Таким же образом оставили Вильно и должностные лица: мэр, полицейский комиссар и главнейшие лица гражданской администрации. Состояние моего здоровья настолько ухудшилось, что в ночь с 8 на 9 декабря я едва не умер, но благодаря своевременно принятым медикаментам я кое-как удержался на ногах.

Около 10 часов утра, 9 декабря, и в течение всего дня, прибыли все остатки Великой армии. Весь город оказался переполненным людьми, лошадьми и повозками; все дома были переполнены; множество из этих несчастных, имевших силы дотащиться до города, умирали от усталости и лишений и замерзали на улицах и площадях. Все городские ворота были до того запружены толпою, что не было возможности пройти, и так как некоторые предместья уже были заняты казаками, то картина всеобщего смятения еще увеличилась, когда последние почти перемешались с толпой наших солдат.

34-я пехотная дивизия, о которой я упомянул выше, к счастью, была еще в порядке. Образованы были небольшие отряды — патрули, для несения полицейской службы и главное, чтобы воспрепятствовать беспорядочному выходу из города вооруженных людей и солдат всех родов оружия. К сожалению, мера эта не имела успеха: стечение народа при выходе из *Ковенских* (или французских) *ворот* было столь же велико, как и у *Минских* (или Ошмянских) ворот, и решительно не было возможности удержать отсталых, выходивших из города*. Эта была настоящая процессия на Ковенской дороге, начавшаяся с 7 декабря.

Утром 9-го прибыли в Вильно неаполитанский король**, вице-король Евгений, Бертье, маршалы и др. К вечеру окончились мои обязанности. Генерал-губернатор, к которому я отправил адъютанта за приказаниями, объявил, что, по распоряжению неаполитанского короля, армия эвакуирует го-

* 2400 человек из депо уходят; спешенная кавалерия, которая должна была идти на Меречь и Олиту, возвращается в город. Они увеличивают всеобщее смятение, в то время как Ней с 34-й дивизией, баварцами и старой гвардией удерживает наступающего неприятеля.

** Он вступил в город с неаполитанской гвардией, остатками старой гвардии, вместе с Бертье, пешком, в 8 часов вечера.

род завтра, 10-го, в 3 часа утра*, и ввиду этого мне предоставляется выехать, когда я пожелаю.

10 декабря, в 1-м часу утра, я выехал из Вильно со своим штабом. Мороз был так силен, что невозможно было держаться в седле, не закутавшись и не завернув хорошенько ног. На расстоянии двух часов ходьбы от Вильно, по большой дороге, находилась гора**, доступ к которой лошадям и даже людям был тем более труден, что она вся обледенела и лошади никак не могли найти точки опоры и везти повозки. Прибыв сюда в 3-м часу утра, я нашел здесь все повозки, которые остановились, и увидел разведенные костры. В числе повозок *находились здесь и экипажи императора, неаполитанского короля и маршалов*. Предполагая, что тут простая остановка для отдыха людей и лошадей, я оставил мои сани с вещами, географическими картами, бумагами и т. п. на попечении возницы и одного из моих племянников, дабы они тронулись в путь, как только к тому предоставится возможность. Но я больше их не увидел. Через несколько времени я узнал, что *весь обоз, не исключая даже экипажей императора, были частью сожжены, частью разграблены нашими солдатами*. Несколько фургонов, в которых везли казначейство, потерпели ту же участь. В этот же злополучный день я потерял и двух моих верховых лошадей.

В 5-м часу вечера мы достигли Евья, полуразрушенной и покинутой жителями деревни. После продолжительных поисков мы, наконец, нашли сарай, в котором переночевали, причем пришлось отвоевывать себе место у солдат. К сожалению, сильный мороз не давал нам уснуть, и в полночь мы покинули это убежище, стремясь достигнуть как можно скорее *Ковно*. Глубокий снег, покрывший всю местность, был причиной, что мы отбились от большой дороги, но в скором времени, благодаря бивачным огням, мы снова вышли на нее

---

* Мюрат и Бертье, после совещания с Вреде, перенесли главную квартиру в Ковенское предместье, куда прибыли вечером 9 декабря. В полночь Бертье уведомил генерала Гогендорпа, что Мюрат покинул город с 1-м, 4-м корпусами и гвардией. В это время казаки уже заняли предместья и военный госпиталь.

** Гогендорп говорит, что это было на расстоянии от 3 до 4 миль, Бертье — 1 $^1/_2$ мили, что вернее; другие говорят, что в одной миле. Странно, что Гогендорп, как генерал-губернатор Литвы, пробывший здесь более 4 месяцев, был так плохо осведомлен.

по свежим человеческим следам. Рано утром, в 5-м часу, нам удалось отдохнуть немного в покинутом доме, где мы развели огонь. Один из офицеров моего штаба, привязавший свою лошадь, чтобы погреться у огня, вернувшись, уже не нашел ее. Ее украли и увели. Особенно сожалел он о двух бутылках рома, пропавших вместе с лошадью. Приходилось быть очень осторожными, ибо, при малейшей оплошности, лошадей и багаж крали немилосердно.

В 8 часов утра мы прибыли в *Жижморы*, в 5 часах от Евье. Здесь мы нашли немного теплого хлеба и водки и, отдохнув, тронулись бодро в путь, дабы к вечеру попасть в Ковно, находившийся в 7 милях.

Усталость и сильный мороз заставили нас страдать, но мы ободряли себя надеждой дойти раньше других до Ковно и найти себе приют и пищу. В 7 часов мы вошли в Ковно, который был почти лишен жителей, так как значительная часть граждан покинула город; но зато французы его переполняли*. К счастью, нам удалось найти себе пристанище в доме коменданта, моего бывшего подчиненного, устроившего нам ночлег и угостившего превосходным, по тому времени, ужином.

Здесь снова произошел со мной случай, характерный в эту эпоху. Я расположился в комнате самого коменданта, куда являлось множество офицеров с требованиями квартир. Я вышел на несколько минут во двор, оставив на столе коменданта мои золотые часы с репетицией. Когда через несколько минут я вернулся — часы исчезли в присутствии многих офицеров. Кого подозревать? Что сказать? Конечно, часы пропали безвозвратно. Вообще кражи были в большой моде и никого не удивляли. В 8 часов утра 12 декабря мы тронулись в путь, перешли мост через Неман, протекающий под стенами Ковно, и ночевали в Мариамполе.

13-го мы ночевали в Вилкавишкисе. В этот день Мюрат выступил из Ковно в 5 часов утра, с гвардией, Неем, дивизией Жирара и собрал еще около 500 человек. Декабря 14-го провели мы ночь в м. Сталупенен, 15-го — в Гумбинене Восточной Пруссии. Затем через Фридланд, Эльбинг и Мариенбург направились к Данцигу, куда и прибыли 24 декабря 1812 г.

---

* Это были остатки 3-го корпуса, в числе которых находился Фезанзак во главе своего полка, состоявшего теперь из 40 человек.

Послесловие

Имя Константина Адамовича Военского (1860—1928) сегодня хорошо известно только специалистам-историкам. Но это был один из лучших дореволюционных исследователей и истинных знатоков эпохи 1812 г. Многие его труды и сегодня не утратили актуальности, другие составляют историографическую ценность. Его по праву можно отнести к плеяде блестящих сподвижников, бескорыстно занимавшихся изучением событий Наполеоновских войн.

Выходец из бедной дворянской семьи, еще в юности молодой Константин Военский, получая образование в 1878—1881 гг. в стенах Императорского Александровского лицея в Санкт-Петербурге, увлекся изучением истории. После окончания этого учебного заведения с 1882 до 1890 гг. он находился на дипломатической службе, работал в российских посольствах в Японии, Италии, а затем перешел на службу в Министерство внутренних дел, занимал различные посты в Курляндии и Саратовской губернии. Одновременно в этот период он начал печатать свои труды по истории России, а жгучий интерес к событиям 1812 г. появился у него в Саратове после личных встреч и бесед с проживавшим в России последним ветераном Великой армии Ж. Савеном. Затем молодого чиновника пригласили работать в качестве редактора в «Вестник иностранной литературы», где появились его переводы иностранных писателей, одновременно он вступил в члены Общества ревнителей военных знаний и в этом качестве продолжал публиковать свои статьи по истории 1812 г. В 1907 г. он был назначен начальником архива Министерства народного просвещения, а с 1915 г. являлся членом Совета Главного управления по делам печати. Вершиной его бю-

рократической карьеры стал 1912 г., совпавший со столетним юбилеем «священной памяти двенадцатого года», когда он получил чин действительного статского советника и был пожалован в камергеры императорского двора. Но помимо чиновных будней, дававших ему способ зарабатывать на безбедную жизнь, у него всегда существовало увлечение историей, которому он уделял значительную часть своего свободного времени.

Научная деятельность и публикации К. А. Военского обратили на него в свое время внимание Великого князя Михаила Александровича. Его прикомандировали к царскому родственнику для подготовки к печати архивных документов по истории Отечественной войны 1812 г. И в 1909—1912 гг. им были опубликованы три внушительных тома «Актов, документов и материалов для политической и бытовой истории 1812 года», а в 1911 г. «Отечественная война в записках современников: материалы Военно-ученого архива». Он сразу получил известность как публикатор забытых документов и мемуаров. Знакомство и работа с архивными источниками только способствовали и стимулировали его неугасимый интерес к событиям наполеоновской эпохи. Из-под его пера вышло большое количество отдельных статей, публикаций и книг по истории 1812 г., пик его издательской деятельности пришелся на столетний юбилей знаменательного события. Стоит назвать только его крупные работы, появившиеся тогда в печати: «Отечественная война в русской журналистике: библиографический сборник статей к 1812 году» (Т. I—II. СПб., 1906—1911), «Причины войны 1812 года» (СПб., 1911 — совместно с Ю. С. Карцовым), «Наполеон и его маршалы» (М., 1912), «Русское духовенство в 1812 году» (М., 1912), «Год славы народной» (М., 1912), «Священной памяти 12-й год» (М., 1912), «Година бед — година славы» (М., 1912), «Император Александр I, князь Меттерних и Священный союз» (СПб., 1914). Он также был приглашен к участию и написал несколько статей в ставшее в историографии классикой семитомное издание «Отечественная война и русское общество», увидевшее свет в 1912 г. Этот труд явился для него актом признания его заслуг средой профессиональных историков, поскольку в написании статей принимали участие лучшие специалисты того времени по наполеоновской проблематике.

Причем, учитывая тогдашнее состояние профессиональной историографии, зачастую носившей печать официозной идеологической заданности и повторяемости, Военский всегда стремился внести что-то новое в уже неоднократно описанные события, его внимание было сосредоточено на малоизвестных, но крайне интересных моментах военной и политической истории, добавляющих и раскрывающих очень важные штрихи к наполеоновской эпохе, неизвестные ранее или вовсе «засекреченные» обстоятельства. Собственно этим стремлением к исторически достоверному познанию эпохи очень выгодно и отличается ныне вновь публикуемая его книга «Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году». Она была собрана как сборник его публикаций к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 г. В эту монографическую работу вошли самые разнообразные и ранее написанные им статьи и материалы. В книге, изданной впервые в 1912 г., нашли отражение его статьи, относящиеся к предыстории 1812 г.: «Бонапарт и русские пленные» (период завязывания отношений Франции с Россией во время императора Павла I в 1800 г.); «Актриса Жорж в России» (русско-французские культурные связи в начале XIX столетия); «Приезд генерал-адъютанта Наполеона I, графа Нарбонна, в Вильно, в мае 1812 года» (попытка французов прощупать русскую позицию накануне войны 1812 г.). Самый большой цикл статей был посвящен непосредственно военным событиям 1812 г. и освещал различные малоизвестные сюжеты, до этого не разработанные историками: «Русский памфлет на Наполеона» (идеологическая борьба в 1812 г.); «Свидание французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года» (попытка контактов командования сторон во время боевых действий); «Наполеон и борисовские евреи в 1812 году» (о проведении блестящей операции французской разведки под занавес кампании); «Переправа французской армии через Березину 14, 15 и 16 ноября 1812 года» (взгляд на события через призму французских источников). Также о событиях 1812 г. оказалась собрана подборка тематических очерков, где автором была предпринята попытка всесторонне осветить ранее не разработанные в историографии проблемы: «Прибалтийский край в Отечественную войну»; «Русский флот в 1812 году»; «Царскосельский лицей в 1812 году»; «Костромское ополчение в 1812—1815 годах».

Заслуживали внимания и авторские статьи, относящиеся к послевоенной истории. Именно К. А. Военский в конце XIX столетия открыл и сделал известным в России и во Франции имя последнего ветерана Великой армии Ж. Савена («Последний из ветеранов Великой армии»), его перу принадлежит и наиболее полное описание знаменитой коллекции, самой большой в мире по числу раритетов по истории наполеоновской эпохи («Библиотека и собрание И. Х. Колодеева по 1812 году, в Новоборисове Минской губернии»).

Безусловно, в книге, кроме статей, огромный интерес представляет комплекс публикуемых им как русских, так и иностранных мемуаров непосредственных участников военных действий 1812 г. «Великие воспоминания 1812 года» (так называл мемуары своих современников поэт и партизан Денис Давыдов) русских авторов были сгруппированы К. А. Военским в первую очередь вокруг переправы Великой армии через Березину, т. е. на отрезке слишком жгучих событий, которые долгое время вынужденно замалчивались отечественными историками, как, впрочем, и некоторые другие — сдача Москвы, сожжение Рижских предместий, поведение М. И. Кутузова в кампанию 1812 г. Предоставление слова живым свидетелям 1812 г. давало возможность читателю понять реальную действительность прошлого и сформировать собственное впечатление о динамике произошедших событий, уяснить их причинно-следственную связь, а не основываться только на сглаженной официальной версии. Вполне ощутимую важность имели и французские мемуары очевидцев, генералов Д. Гогендорпа и Р. Годара, занимавших в 1812 г. тыловые должности в Вильно и описавших бедственное состояние Великой армии перед уходом ее из России через западные границы. Но еще большую значимость имели крайне интересные публикации воспоминаний двух польских офицеров, Д. Хлаповского и К. Колачковского, замечательных по своим историческим и литературным достоинствам и по праву считавшихся польской мемуарной классикой. Помимо большой информативности и описания насыщенных событий, они передавали глубину настроений, впечатления и атмосферу 1812 г. в польских частях Великой армии. Это иной, отличный от русского или французского, взгляд на кампанию 1812 г., раскрывающий менталитет

польских дворян-офицеров, воевавших в составе Великой армии, эмоционально и живо переживавших свое поражение.

Можно также сказать несколько слов о структуре сборника 1912 г. Тематические новаторские статьи перемежаются с публикуемыми воспоминаниями очевидцев, а такое чередование материалов дает возможность читателю легко воспринимать тексты. Вообще, поражаешься авторской эрудиции. Не будучи профессиональным историком, К. А. Военский свободно ориентировался и затрагивал целые пласты отечественной истории, оперировал большим количеством фактов, добавлял массу исторических подробностей и в статьях вскользь упоминал великое количество имен исторических личностей. Впечатляет один только перечень фамилий именного указателя, помещенный в конце книги. Он был составлен по просьбе издательства, чтобы не отягощать текст дополнительными пояснениями и лишним количеством примечаний с биографическими данными.

В заключение хотелось бы обратить внимание читателей на последние годы жизни К. А. Военского. После октябрьского переворота, весной 1919 г., он был вынужден эмигрировать из России. Жил на острове Мальта, где заведовал архивом Мальтийского ордена, являлся членом ряда архивных комиссий. Безусловно, нахождение вдали от Родины не способствовало тому, чтобы историки-марксисты с теплотой вспоминали и пропагандировали работы исследователя-эмигранта, умершего за границей в 1928 г. Его имя было несправедливо и надолго забыто советской исторической наукой. Но в России остались изданные на русском языке его труды, а в Санкт-Петербурге в отделе рукописей Российской национальной библиотеки продолжает храниться его личный фонд (фонд 152), свидетельствующий о его огромном трудолюбии и беззаветной преданности российской истории. Рукописное собрание написанных и найденных К. А. Военским материалов по-прежнему ждет своего историографа. Да и издание данной книги предпринято с целью вернуть из забвения имя талантливого исследователя, библиографа и публикатора, познакомив современного читателя с его творчеством.

В. М. Безотосный

Примечания

Последний из ветеранов Великой армии

[1] Статья была написана К. А. Военским, некоторое время служившим в г. Саратове, на основе личных рассказов Жан Батиста Николя Савена. До него на эту тему писали многие саратовские краеведы (см.: Хованский Н. Ф. О прошлом города Саратова. Саратов, 1891; Устимович П. А. Современник Французской революции 1789 г. жил в Саратове. M-r Savin (1764—1789—1889) a Saratofw//Братская помощь: журн. благотворительности. 1889. №№ 24, 25; Духовников Ф. В. Немцы, иностранцы и пришлые люди в Саратове//Саратовский край: ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893). Правда, некоторые факты, рассказанные Н. Савеном, не находят подтверждения в официальной документации, но более столетия до последнего времени они пересказывались в разных статьях и книгах. Лишь недавно саратовский историк В. П. Тотфалушин опроверг многие (год рождения, наличие офицерского чина и др.) из имевших хождение вымыслов его «канонической» биографии (см.: Тотфалушин В. П. Новое о легендарном Савене//Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. III. М., 2004. С. 233—236).

[2] В 1893 г. К. А. Военский был назначен помощником саратовского губернского тюремного инспектора и одновременно цензором местных газет.

[3] В русских источниках он значился как «унтер-офицер 24-го егерского полка» (см.: Тотфалушин В. П. Новое о легендарном Савене//Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. III. С. 234).

[4] Данные о его рождении в 1768 г. не находят подтверждения в российских документах. На их основе В. П. Тотфалушин установил дату его рождения — 1787 г. (см.: Тотфалушин В. П. Новое о легендарном Савене//Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. III. С. 236).

[5] Перевод с фр.: «Маленький капрал».

[6] В событиях при переправе наполеоновских войск через р. Березину генерал М. И. Платов участия не принимал, поскольку находился в это время в г. Борисове.

[7] Перевод с фр.: «Наполеон I своим соратникам по славе. Его последнее пожелание. Святая Елена, 5 мая 1821 г.».

[8] После смерти Савена К. А. Военский опубликовал некрологи и воспоминания о нем: Военский К. А. Некролог. [Н. А. Савен]//Саратов. листок. 1894. 2 дек.; Хроника//Там же. 3 дек.; Похороны французского ветерана//Там же; К похоронам Н. А. Савена//Там же. 4 дек.; Военский К. А. Похороны французского ветерана. Н. А. Савен//Новое время. 1894. 14 (26) дек.; Nicolas Savin, dernier veteran de la Grande Armee. Sa vie. Sa mort. 1786—1894. SPb., 1895; Военский К. А. Из воспоминаний о последнем офицере армии Наполеона I//Рус. старина. 1896. № 4; Им также была опубликована статья о Савене на французском языке в журнале: Revue des etudes napoleoniennes. 1914. Vol. 5.

Приезд генерал-адъютанта Наполеона I, графа Нарбонна, в Вильно, в мае 1812 года

[1] Эта статья с подборкой документов была впервые опубликована К. А. Военским в журнале «Русская старина». 1907. № 8.

[2] Намек на разведывательную деятельность полковника А. И. Чернышева в Париже в 1810—1812 гг.

[3] Неслучайно, что Л. Нарбонна не сочли даже нужным информировать о переговорах с Россией за последние годы (Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Рус. арх. 1892. № 3. С. 351). Перед отъездом ему была вручена инструкция, в которой прямо говорилось: «Цель вашей военной миссии — сбор разведывательных данных» (Полный текст инструкции см.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. С. 374).

[4] Здесь и далее речь идет об «игре», затеянной русской контрразведкой по дезинформации будущего противника. Русский двойной агент Д. Саван, играя роль разведчика, потерявшего связь с центром (граница была перекрыта), должен был передать Л. Нарбонну сведения, специально подготовленные в русском штабе (о роли Д. Савана см.: Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 58—59, 100—101).

[5] Перевод с фр.: «Вы француз, месье?»

Бонапарт и русские пленные (Эпизод из истории франко-русских отношений в конце XVIII и начале XIX века)

[1] Русско-французские отношения в 1800—1801 гг. прошли несколько периодов. Сближение позиций сторон началось в 1800 г. И в этом процессе Наполеон, надо сказать, очень быстро достиг определенных успехов, играя, в первую очередь, на оскорбленных чувствах русского монарха, резко изменившего свое прежнее отношение к своим недавним союзникам — Великобритании и Австрии. Решающую роль в тот момент, без всякого сомнения, сыграл личностный фактор. (Подр. о политических аспектах франко-русского сближения в тот период см.: Вербицкий Ш. Д. Русско-французские отношения в 1800—1803 гг.: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Херсон, 1950; Виноградов В. Н. «Восточный роман» генерала Бонапарта и балканские грезы императора Павла//Александр I, Наполеон и Балканы. Балканские исследования. Вып.18. М., 1997. С. 53—64.)

[2] В своих мемуарах И. Э. Эренстрем дал следующее объяснение выбора и назначения на этот пост бывшего шведского подданного генерала Г. М. Спренгпортена. На удивление вице-канцлера графа Н. П. Панина этим назначением Павел I отвечал следующим образом: «Вы находите выбор мой странным, но я поступаю именно так, как следует, когда посылаю изменника к узурпатору» (Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема//Рус. старина. 1893. №8. С. 264).

[3] В Париж Г. М. Спренгпортен был отправлен как «лицо, наделенное полномочиями», но официально — для приема и возвращения на родину русских пленных. Он несколько раз встречался с Бонапартом, и через него было передано предложение Павла I о согласии вступить в переговоры о мире с французской стороной.

[4] Перевод с фр.: «посол России».

[5] В его свите, судя по ведомости на расходы, кстати не маленькие, состояли: инженер-генерал-майор Сулимов, полковник П. Долгорукий, майоры М. Ф. Ставицкий и С. Х. Ставраков, капитаны Тизенгаузен и А. И. Нейдгард, лейтенант флота Метакса (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 111. Л. 73—80.)

[6] Перевод с фр.: «в начертании дано Его Величеству свидетельство почтения и уважения со стороны Первого консула».

[7] Это был первый этап, нормализация отношений и контакты между дипломатами начались лишь со второй половины 1800 г. (в сентябре). Первое письмо первый консул Павлу I написал 9 (21) декабря 1800 г., а российский император Наполеону лишь 18 (30) декабря того же года.

Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 года

[1] Польский орден «Виртути милитари».

[2] Перевод с фр.: «этот маленький поляк, который всюду проходит».

[3] В оригинале было ошибочное написание фамилии доктора Ивана (Jwan).

[4] Перевод с фр.: «польские шеволежеры Старой гвардии». Шеволежеры, т. е. легкая кавалерия. На вооружении у шеволежеров находились карабины, пистолеты и сабли. В данном случае речь идет о 1-м (польском) полке шеволежеров — пикинерах, так как помимо обычного вооружения шеволежеров личный состав полка имел и пики.

[5] Мемуарист несколько исказил фамилию русского дипломата П. С. Бутягина.

[6] Речь идет о так называемом «деле Мишеля». Подробнее о сведениях, полученных русской разведкой из Военного министерства Франции, и составе группы Мишеля см.: Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 25, 53—54, 220, 227, 257.

[7] Театр «Водевиль».

[8] Факт захвата под Москвой министра финансов Д. А. Гурьева не находит подтверждения в русских источниках и литературе. Вероятно, это неправильный перевод с оригинала, где говорилось только о секретаре министра. В данном случае точно известно, что речь идет лишь о чиновнике Министерства финансов Федоре Ивановиче Корбелецком, действительно захваченном в конце августа 1812 г. и затем доставленном в Москву к Наполеону в Главную квартиру. О его пребывании в плену см.: Краткое повествование о вторжении французов в Москву и пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования. СПб., 1813.

[9] Казачьим отрядом под Городней командовал генерал-майор А. В. Иловайский.

[10] Перевод с фр.: «Поляки, посмотрите».

Библиотека и собрание И. Х. Колодеева по 1812 году, в Новоборисове Минской губернии.

[1] Перевод с фр.: «Официальные известия из армии»

[2] Перевод с фр.: «Бесстрастный консерватор». Редактор этой газеты Г. Ф. Фабер был назначен в 1813 г., до этого занимал должность в статистическом отделении Министерства полиции.

[3] Перевод с пол.: «Минская временная газета».

[4] Перевод с фр.: «Кавалерия Наполеона».

[5] Перевод с фр.: «Жозефина императрица и королева»; «Мария Луиза»; Боршо. «Французская роскошь»; «Империя»; Пейр. «Наполеон и его время».

[6] Перевод с фр.: Поль Лакруа. «Директория, Консульство и Империя»; Дайо. «Наполеон в изображениях».

[7] Перевод с фр.: Жиль Ришар «Французская армия».

[8] Перевод с фр.: «Жизнь Ришара Нервиля».

[9] Перевод с фр.: «Корреспонденция Наполеона, публикуемая по распоряжению императора Наполеона III». Париж, 1868: «Комментарии Наполеона I».

[10] Перевод с фр.: Барон Бертезен. «Военные воспоминания времен республики и империи, публикуемые его сыном и посвященные Е[го] В[еличеству] Наполеону III». Париж, 1855

[11] Перевод с фр.: Бургонь. Воспоминания о русской кампании в 1812 году. Валенсия, 1826.

[12] Перевод с фр.: Журнал французского офицера капитана Франсуа с 1782 по 1815 гг. Нант, 1823—1824.

[13] Перевод с фр.: Кроссар. Военно-исторические воспоминания о истории войны с 1792 по 1815 год включительно. Париж, 1829.

[14] Перевод с фр.: Соваж. Русская кампания. Динан, 1828.

[15] Перевод с фр.: Кампания в России: выдержка из неизданных мемуаров генерала барона ван Еерена/с предисл. Фред. Массона. Ил. Мориса Оранжа.

[16] Перевод с фр.: Проспер Мериме. «Взятие редута». Композиция Мориса Оранжа, гравированная в цвете Десиси в 4 томах. Париж. Книжный магазин на ул. А. Ронкетт, Проезд Шуазель. 1902. Тираж 125 экз., нумерованных и подписанных издателем. Текст №98, гравирован А. Лекиером.

[17] Перевод с фр.: Бретон. Процесс уголовного суда г. Парижа против Мишеля Мишеля, Луи Саже, Луи Франсуа-Александра Сальмона, служащих в Бюро передвижений, и Жана Николя-Мари Мозеса, прозванным Мирабо, гарсона Бюро, обвиняемых в криминальных сношениях с агентами иностранной державы. Материалы собраны стенографистом М. Бретоном. Париж, Ф. Дидо-старший, 1812.

[18] Перевод с фр.: «в 1842 г. по материалам этого процесса вышла драма «Шалость», первоначально названная «Толстушка с Гренеля»; Я усматриваю сегодня 15 сентября 1842 г., что цензура запретила акт обвинения и прения с рассказом о способе, которым полиция открыла переписку с Мишелем под полом в квартире, занимаемой месье Чернышевым в отеле Феллусон».

[19] Перевод с фр.: «мальчишка Бюро Мозес, прозванный Мирабо, был осужден по приговору суда присяжных, но оправдан Судебной палатой».

[20] Перевод с фр.: «Предательство в 1812 году».

[21] Перевод с нем.: «История королевско-баварского 5-го пехотного полка под командованием Гернета и Кеслинга. Берлин, 1893».

[22] Перевод с нем.: «Отступление французов».

[23] Перевод с нем.: «Германия в глубоком унижении».

[24] Перевод с пол.: Генерал Дезидерий Хлаповский. Воспоминания. Наполеоновские войны. 1806—1813. Познань, 1899.

[25] Перевод с пол.: Воспоминания генерала Клеменса Колачковского с 1793 по 1813 годы. Краков, 1896.

[26] Перевод с пол.: Генерал Дзевановский с начала кампании 1812 года.

[27] Перевод с пол.: Военный дневник деятельности генерала Домбровского: со времени отделения от корпуса Латур-Мобура до соединения и действий Великой армии на р. Березине, от 24 августа до 26 ноября 1812 г. Дрезден, 1871.

[28] Перевод с пол.: Дневник кампании 1812 г. генерала Брониковского.

[29] Перевод с пол.: Воспоминания наполеоновского ветерана Винцентия Плачковского. Варшава, 1899.

[30] Перевод с фр.: Документальные материалы по истории польского полка шеволежеров-лансьеров гвардии Наполеона I. Варшава, 1899.

[31] Перевод с англ.: «Триумф Европы в кампаниях 1812, 1813 и 1814 годов».

[32] Перевод с англ.: Слоон.

[33] Перевод с англ.: «Антибританский Монитор и антикорсиканская хроника».

[34] Перевод с англ.: Короткие заметки о характерных особенностях и составе русской армии и набросок о Польских кампаниях 1806 и 1807 гг. С 7 цветными детальными картами и одной большой цветной картой театра военных действий между Неманом и Вислой. Лондон, 1810.

[35] Перевод с англ.: Беглый очерк о военной и политической мощи России в 1807 г. Лондон, 1817.

[36] Перевод с англ.: Повествование о событиях, произошедших в период вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и отступлении французской армии в 1812 году. Лондон.

[37] Перевод с англ.: Жизнь генерала сэра Роберта Вильсона по автобиографическим воспоминаниям. Лондон, 1862.

[38] Перевод с гол.: История 125-го полка линейной пехоты императора Наполеона I, составленная А. Ш. А. Саброном, майором Генерального штаба. Бреда, 1898.

[39] Перевод с гол.: 126-й голландский пехотный полк в России в 1812 году, сост. К. Д. Ш. Шнейдером, генерал-лейтенантом. Амстердам, 1898.

[40] Перевод с фр.: Карта европейской части России и соседних государств, составленная по приказу герцога Фельтрского, военного министра, Генеральным военным депо по настоящим картам депо карт Его Императорского Величества в С.-Петербурге.

[41] Перевод с нем.: Фабер дю Фор. Листы из моего портфеля в течение похода 1812 г., зарисованные с мест. Штутгарт.

[42] Перевод с фр.: Альберт Адам. Живописная военная картина путешествия из Вюртемберга в Пруссию, а затем до Москвы, сделанная на местах в 1812 г. Мюнхен, 1828.

[43] Перевод с фр.: «Суваров» (т. е.— Суворов).

[44] Перевод с фр.: так называемых.

[45] Атаман действительно любил носить белый галстук, а в одном из анекдотов про него ему приписывают фразу: «Вспотеешь, так можно вымыть» (см. подр.: Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999. С. 131).

[46] Перевод с нем.: Дневник русской кампании 1812 года, числившегося в списках графа Зайболтсдорфа, майора королевско-баварского 1-го полка линейной пехоты.

[47] Перевод с нем.: Воспоминания о войне 1812 года барона фон Видемана, капитана королевско-баварской артиллерии.

[48] Перевод с нем.: Баварская дивизия шеволежеров генерала графа Прейзинга перед войной в России в 1812 г.

[49] Перевод с нем.: Дневник Фридриха фон Фуртенбаха, капитана королевско-баварской службы 5-го полка линейной пехоты. Недавно был опубликован, см.: Фуртенбах Ф. фон. Война против России и русский плен: заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812—1813 годов. Пенза, 2008.

[50] Перевод с нем.: Рассказ оберштаб-медика доктора Кехлера, генерального инспектора лазаретов в Мюнхене. 27 апреля —1 сентября 1812 г.

[51] Перевод с нем.: Дневник Фридриха Винтера, обер-лейтенанта, адъютанта королевско-баварского 1-го полка линейной пехоты.

Русский памфлет на Наполеона

[1] Распространенная версия, особенно у противников Наполеона, что он был сыном губернатора о. Корсика генерала Л. Ш. Р. Марбефа.

[2] Имеется в виду Люсьен Бонапарт.

[3] По другой версии ее звали Александрина Блешан.

[4] Искаженное именование Жозефины.

[5] Являлся двоюродным братом Лютиции, следовательно, двоюродным дядей Наполеона.

[6] Генерал Ж. Сарразен в 1811 г опубликовал в Лондоне книгу, затем вышедшую в России (см.: Исповедь Наполеона Бонапарте//Сын отечества. 1812—1813. Ч. 1—3).

[7] Правильное написание фамилии Перриго.

[8] Имеется в виду генерал П. О. Юлен, в 1804 г. он являлся председателем военного суда над герцогом Энгиенским, а в 1807—1814 г. занимал пост коменданта Парижа.

Записки современников, участников Отечественной войны

[1] 3-я Западная армия была образована в сентябре месяце после соединения войск Дунайской армии с 3-й Обсервационной армией под командованием адмирала П. В. Чичагова.

[2] Он чаще фигурировал под фамилией Черторижский.

[3] Французский эмигрант Дебарбиш Адам Иванович.

[4] Ошибка К. А. Военского. Речь идет о пленении частей 12-й пехотной дивизии генерала Л. Партуно под Борисовым.

[5] Ошибка К. А. Военского. Речь идет о действиях 34-й пехотной дивизии генерала Л. А. Луазона.

[6] Поскольку протокола заседания военного совета в Филях не велось, точный состав его участников и сейчас трудно определить, до сих пор это предмет дискуссий среди историков.

[7] Перевод с фр.: «Краткое изложение содержания Военного совета, имевшего место 1 сентября 1812 г.»

[8] Перевод с фр.: «Генерал, мы не так храбры, как французская армия».— «Зато я имею храбрость, а вы умрете». М. А. Милорадович был известен современникам как человек, плохо знающий французский язык, но любивший на нем изъясняться.

Актриса Жорж в России

[1] Перевод с фр.: Лизье.

[2] Перевод с фр.: «Мое имя Элиасен» — «Меня зовут Николя Броншу».

[3] Перевод с фр.: «Отель де Перу».

[4] Об отношениях Наполеона с Жорж см.: Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 110—112.

[5] Перевод с фр.: «Дама с камелиями».

Две беседы полковника Мишо с императором Александром в 1812 году

[1] А. Ф. Мишо был сыном архитектора и получил первоначальное военное и инженерное образование в Турине.

[2] Не только А. Ф. Мишо, но и большинство представителей свиты Александра I, а также генералитета и штаба 1-й Западной армии, высказывались против Дрисского лагеря, вообще критиковали элементы плана, предложенного генералом К. Фулем.

[3] Александр I еще до начала военных действий неоднократно заявлял, в том числе в официальных документах, что Россия не будет вступать в переговоры и не заключит мира, пока хоть один наполеоновский солдат будет находиться на русской территории.

Свидания французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года

[1] В других источниках — штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Акинфеев.

[2] Перевод с фр.: «Кто здесь командует?» — «Генерал Себастиани».

[3] Перевод с фр.: «Господа, составьте свиту королю Неаполитанскому».

[4] Фамилия Армана (Арманда) в генеральских списках на период империи Наполеона не значится (см.: Шиканов В. Н. Генералы Наполеона: биогр. слов. М., 2004). На самом деле это был дивизионный генерал Лебрен де Лауссе, имевший имя Арман.

[5] Перевод с фр.: Ей-богу.

[6] Журнал «Сын отечества» издавал Н. И. Греч, а не А. И. Тургенев, ошибка автора.

[7] Перевод с фр.: и вот как пишется история.

[8] Перевод с фр.: Вот русский Мюрат.

Наполеон и борисовские евреи в 1812 году

[1] Перевод с фр.: «на войне, как на войне».

[2] Уверенность в том, что армия Наполеона попытается двинуться в южном направлении, неоднократно высказывали в переписке с П. В. Чичаговым как М. И. Кутузов, так и другие генералы.

Переправа французской армии через Березину 14, 15 и 16 ноября 1812 года

[1] Кавалерийская бригада генерала Ж. Б. Ж. Корбино прибыла на соединение с Великой армии с другой стороны р. Березина и перешла реку у д. Студянка до 14 (26) ноября. Именно здесь наполеоновские войска совершили переправу, уже используя разведанный брод.

[2] Туаз — старинная французская мера длины, равная 1м 949 мм.

Воспоминания польского офицера о кампании 1812 года (Записки генерала Колачковского)

[1] Русское написание фамилии — Довре.

[2] За военное достоинство.

[3] Перевод с фр.: «История похода в Россию».

[4] В данном случае автор мемуаров допускает путаницу. В российской армии на тот момент не имелось генерал-лейтенанта Палена. Два брата, генерал-майоры Петр и Павел Петровичи Палены, в сражении под Миром не могли участвовать, поскольку один находился в 1-й Западной армии, а другой в 3-й Обсервационной армии. Из трех донских офицеров Андриановых вблизи под Миром находился лишь подполковник И. И. Андрианов, сведений даже о его ранении в формулярном списке не имеется, и он благополучно дожил до 1842 г. На тот момент из семи донских генералов и полковников Иловайских также никто не был ранен. Добавим, что в российской историографии сражение под Миром считается примером очень удачных действий казачьей конницы против польской кавалерии.

[5] По-видимому, так назван Мацей Рыбинский.

[6] Так называли многие поляки Бородинскую битву.

[7] Памятник Минину и Пожарскому был поставлен в Москве в 1818 г., поэтому его не могло быть в 1812 г. По-видимому, мемуарист побывал в Москве еще раз после 1818 г.

[8] Остатки редута сохранились до наших дней. Ни в каких других воспоминаниях современников (даже русских) он не был так детально описан, как К. Колачковским.

[9] Сражение при Клушине, где русские войска потерпели поражение от поляков, произошло 24 июня 1610 г.

[10] Перевод с фр.: «Я мертв».

[11] Перевод с фр.: «Это ничего, генерал».

[12] Ошибка мемуариста — генерал П. С. Дери.

Прибалтийский край в Отечественную войну

[1] Перевод с латыни: «Покровитель и наместник».

[2] Перевод с фр.: Гонто-Бирон.

[3] Демонстрировали патриотизм имперский, но не немецкий.

[4] О формировании и действиях Лифляндского ополчения (в том числе Лифляндского казачьего полка) подробнее см.: Таннберг Т. Лифляндское ополчение в 1812 г.//Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VI. М., 2007. С. 155—185.

[5] К. К. Боде в 1813 г. имел чин подполковника.

Русский флот в 1812 году

[1] Подр. о действиях адмирала Д. Н. Сенявина см.: Нечаев С. Ю. Почему вице-адмирал Сенявин отказался помогать генералу Жюно и чем это для него кончилось//Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. М., 2003. С. 7—41; Орлов А. А. Пребывание эскадры Д. Н. Сенявина в Англии в 1808—1809 гг.// Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. III. С. 7—26.

[2] Перевод с фр.: «Государь! Имею честь представить Вашему Императорскому Величеству английские газеты. Адмирал Мартин, который их мне передал, продолжает делать все возможное на пользу службы Вашего Императорского Величества. Противник до настоящего времени остается спокойным в Самогитии и, возможно, ожидает дальнейшего исхода событий. Тем самым я выигрываю время, что очень соответствует ситуации, поскольку сегодня я не могу сказать Вашему Императорскому Величеству, что укрепления в состоянии защитить от удара и я не опасаюсь осады, хотя канонерские лодки прибыли, о чем я говорил, когда они были в Свеаборге. Адмирал Мартин помогает и делает свое дело со всем усердием и активностью. Он подготовил здесь пушки и канонерские лодки, чтобы хорошо встретить общего врага».

Царскосельский лицей в 1812 году

[1] По приказу главнокомандующего в Петербурге от 23 августа 1812 г. начали вывозиться архивы и ценные материалы, в том числе Монетного двора, на речных судах в Петрозаводск, Повенец и Вытегру. Эвакуированное имущество и архивы были возвращены в Петербург к маю 1813 г.

Костромское ополчение в 1812—1815 годах

[1] Ошибка автора. В списках французской армии того времени такого генерала (Лаглана) не значилось, а комендантом Глогау был дивизионный генерал Ж. Г. Б. Р. Лаплан.

[2] Явная описка — должно быть Фридриха III.

[3] Костромским губернатором тогда был Николай Федорович Пасынков.

Вильно в 1812 году

[1] Под Литовским княжеством тогда понимали гораздо большую территорию, чем сейчас, включая Минскую и Гродненскую губернии (помимо Виленской). Его население насчитывало 2—3 млн человек.

[2] По замыслу Наполеона вооруженные силы Литвы должны были состоять из пяти пехотных и четырех уланских полков, организованных и обмундированных по польским образцам. Также было решено сформировать шесть егерских батальонов из лесничих. Всего, вместе с жандармерией и национальной гвардией, около 17—20 тыс. человек.

[3] Из литовских татар был сформирован эскадрон под командованием подполковника Мустафы Мурзы-Ахматовича.

[4] Для противодействия казачьей коннице Наполеон только в конце кампании 1812 г. приказал создать корпус кракусов (легкой польской кавалерии), набранный из литовских крестьян. Было создано три полка, затем в 1814 г. остатки кракусов свели в один полк.

[5] В российской литературе его, как правило, именуют баварским генералом Деруа.

[6] Явная ошибка публикатора, с Зибейном похоронен не генерал Вреде (он как раз принял командование над всеми баварцами), а генерал Деруа.

[7] Этим человеком был один из богатейших литовских помещиков граф Николай Абрамович. Он, переодетым в крестьянскую одежду, отправился в ноябре 1812 г. из Вильно в район Березины, доставил донесения Наполеону, а затем отправился в Вильно с приказами французского командования.

[8] Правильнее — генерал П. Г. Грасьен.

Аннотированный указатель имен

СОДЕРЖАНИЕ

Подписано в печать 00.00.2011.
Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 33,8. Тираж 500 экз.
Заказ № . Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная историческая
библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1